W 520/86

Брикнер.
1788-1790

A 13 / 50
20289
W 520/86

ВОЙНА

РОССІИ СЪ ШВЕЦІЕЙ

въ 1788—1790 годахъ.

Сочиненіе

А. Брикнера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

Ж 520/86 С1

ВОЙНА

РОССІИ СЪ ШВЕЦІЕЙ

ВЪ 1788—1790 ГОДАХЪ.

Сочиненіе

А. Брикнера.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

Извлечено изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія».

2007042073

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
квартн. № 3.

ВОЙНА РОССІИ СЪ ШВЕЦІЕЙ ВЪ 1788 — 90 ГОДАХЪ.

Введеніе. Объ источникахъ . . . . . Стр. 1

I.

Причины войны между Швеціей и Россіей.

Отношенія Густава III къ Франціи, Англіи, Пруссіи, Турціи, Даніи и Россіи.—Побудительныя причины къ войнѣ для Густава.—Россія желаетъ мира.—Приготовленія къ походу въ Швеціи.—Мѣры, принятыя въ Россіи при слухахъ о вооруженіи Швеціи 9

II.

Дипломатическій разрывъ между Россіей и Швеціей.

Переписка гр. Разумовскаго съ шведскимъ правительствомъ.—Русскій манифестъ.—Ультиматумъ Густава.—Шведская декларація 21-го іюля 1788 г. — Возраженіе Екатерины II на декларацію.—Настроеніе умовъ въ Швеціи. 39

III.

Открытіе военныхъ дѣйствій.

Встрѣча шведскаго флота съ эскадрою Фонъ-Дезина.—Таинственное событіе при Пумала 73

IV.

Походъ 1788 года.

Открытіе военныхъ дѣйствій.—Дѣйствія Шведовъ близъ Нишлота.—Переписка Стединка съ королемъ.—Стычка при Кернакоски.—Вліяніе конфедераціи на событія близъ Нишлота.—Отступленіе Гастфера.—Битва при Гогландѣ.—Шведскій флотъ блокированъ въ Свеаборгѣ русскимъ.—Кончина Грейга.—Шведы подъ Фридрихсгамомъ.—Приближеніе и высадка ихъ.—Неудачи ихъ.—Неудовольствіе въ войскѣ.—Отступленіе Шведовъ къ Гегфорсу 83

V.

Положеніе Россіи во время похода 1788 года.

Опасное положеніе прибалтійскаго края.—Административныя мѣры. 124

VI.

Война Даніи съ Швеціей.

Приготовленіе Даніи къ войнѣ.—Дипломатическія дѣйствія Пруссіи

и Англіи. — Мѣры, принятыя Густавомъ для обороны. Походъ въ юго-западную Швецію.—Эллiотъ и Густавъ въ Готенбургѣ 135

VII.

Положеніе дѣлъ зимою 1788—89 года.

Неудовольствіе С.-Петербургскаго кабинета, особенно на Пруссію.—Отношенія къ Англіи.—Опасенія на счетъ войны съ Пруссіей.—Опасенія западныхъ державъ по случаю взятія Очакова. — Мысль о походѣ въ Финляндію зимой. — Переворотъ въ Швеціи въ пользу Густава.—Приготовленія къ продолженію войны. —Попытка сжечь русскую эскадру въ Копенгагенѣ.—Нейтралитетъ Даніи 148

VIII.

Походъ 1789 года.

Дѣйствія сухопутныхъ войскъ; столкновеніе Русскихъ и Шведовъ въ юговосточной части Финляндіи.—Событія на берегахъ р. Кюмени.—Отступленіе генерала Каульбарца.—Событія на морѣ.—Битва при Эландѣ.—Шведы въ Карлскронѣ. — Битва при Свенскзундѣ.— Брошюра принца Нассау.—Высадка Русскихъ.—Отступленіе Шведовъ 177

XI.

Положеніе Швеціи и Россіи и дѣятельность дипломаціи зимою 1789—90 годъ.

Неудовольствіе Швеціи.—Слухи о мирѣ.—Россія и Пруссія.—Переговоры. — Швеція и Пруссія.—Швеція и Польша. —Вооруженія Швеціи.—Финансы Россіи —Проэкты военныхъ дѣйствій. 211

X.

Шведы въ Балтійскомъ портѣ.—Столкновенія въ Финляндіи.—Битва при Ревелѣ. —Битвы при Кронштатѣ.—Сраженія близъ Выборгской бухты.—Бѣгство шведскаго Флота.—Битва при Свенскзундѣ.—Разсказъ Казалеса.—Принцъ Нассау.—Письмо къ королю.—Судьба конфедератовъ 228

XI.

Верельскій миръ.

Открытіе переговоровъ.—Содержаніе трактата.—Вопросъ о конституціи 1772 года, о Турціи и о деньгахъ. — Неудовольствіе Пруссіи и Англіи.—Празднества въ Швеціи и Россіи.—Возраженіе князя Щербатова на рѣчь оберъ-прокурора Неклюдова.—Стединкъ въ Петербургѣ.—Заключеніе. 273

ВОЙНА РОССІИ СЪ ШВЕЦІЕЙ ВЪ 1788—1790 ГОДАХЪ.

Исторія участія Россіи въ рѣшеніи восточнаго вопроса или въ раздѣлахъ Польши гораздо болѣе разработана и извѣстна, чѣмъ исторія отношеній Россіи къ Швеціи. Борьба этихъ двухъ державъ за Финляндію началась давно; она имѣла особенное значеніе со временъ Петра Великаго и кончилась присоединеніемъ къ Россіи Финляндіи до рѣки Торнео въ началѣ XIX вѣка. Борьба за Финляндію составляетъ собою весьма важную долю въ исторіи балтійскаго вопроса. Послѣ борьбы Ганзейскаго союза со Скандинавскими государствами за гегемонію на Балтійскомъ морѣ, послѣ борьбы Швеціи съ Польшей въ началѣ XVII вѣка, Швеція въ продолженіе цѣлаго столѣтія была преобладающимъ государствомъ на Балтикѣ. Въ эпоху Карла XII и Петра Великаго все измѣнилось въ пользу Россіи. Уже со временъ царя Алексѣя Михайловича можно было ожидать постепенно развивающагося перевѣса Россіи: уже Ордынъ-Нащокинъ считалъ пріобрѣтеніе Балтійскаго края самою важною задачею внѣшней политики Россіи; уже патріархъ Никонъ считалъ возможнымъ наступательное движеніе Россіи даже противъ самой столицы Швеціи. Ихъ замыслы осуществились при Петрѣ I. Вмѣстѣ съ двумя прибалтійскими провинціями была присоединена и юго-восточная часть Финляндіи. Городъ Выборгъ, выдерживавшій въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ напоръ со стороны Россіи, былъ наконецъ занятъ Русскими. То было начало присоединенія Финляндіи къ Россіи. Затѣмъ, въ теченіе ста лѣтъ, послѣдовавшихъ за Ништадтскимъ миромъ, Россія нѣсколько разъ возобновляла попытку распространить свое господство до рѣки Торнео. Война при императрицѣ Елисаветѣ началась съ того, что Швеція потребовала возвращенія занятыхъ Россіей вслѣдствіе Сѣверной войны частей Финляндіи; кончилась она присоединеніемъ Финляндіи до рѣки Кюмени къ Россіи. Миръ, заключенный въ 1743 году, былъ какъ бы только перемиріемъ; при Густавѣ III Швеція вновь надѣялась возвратить

уступленныя части Финляндіи, однако война 1788—1790 годовъ не измѣнила границы между Россіей и Швеціей на р. Кюмени. Довольно естественно было стремленіе со стороны обоихъ государствъ соединить вновь объ эти части Финляндіи въ одно цѣлое. Наконецъ, при императорѣ Александрѣ I Россія успѣла рѣшить эту задачу въ свою пользу.

Въ продолженіе всего этого вѣка Россія часто дѣйствовала наступательно. Въ 1788 году она оборонялась. Императрица Екатерина, занятая войной съ Турціею, не желала войны со Швеціей. Мало того, нападеніе Густава III на предѣлы русской Финляндіи, — наступательное движеніе, угрожавшее Фридрихсгаму и Выборгу, Нейшлоту и Вильманстранду, Ревелю, Кронштадту и даже самому Петербургу, — могло сдѣлать сядля Россіи крайне опаснымъ въ то время, когда на сѣверѣ почти не было войска, когда тамъ не доставало военныхъ снарядовъ, когда почти всѣ силы и средства находились въ распоряженіи князя Потемкина для борьбы съ Оттоманскою Портою.

Вниманіе Европы во время самой войны и вниманіе историковъ въ позднѣйшее время было направлено гораздо болѣе на турецкія дѣла, чѣмъ на событія шведско-русской войны. Военные успѣхи Потемкина и Суворова казались гораздо болѣе достойными вниманія, чѣмъ оборона Россіи противъ Густава III. Восточный вопросъ имѣлъ гораздо болѣе общеевропейскаго значенія. Для его рѣшенія употреблялись тогда громадныя средства со стороны Россіи, Австріи и Турціи, между тѣмъ какъ на сѣверѣ Густавъ III и Екатерина II располагали сравнительно весьма скромными средствами. Европейскіе кабинеты гораздо болѣе опасались значительныхъ успѣховъ русскаго оружія на югѣ, чѣмъ важныхъ событій на сѣверѣ; тѣмъ не менѣе шведско-русская война 1788—1790 годовъ, не имѣвшая никакихъ результатовъ въ отношеніи къ границамъ между Швеціей и Россіей, не представляющая собою столь крупныхъ событій, какъ взятіе Очакова на югѣ или раздѣлы Польши на западѣ, достойна особеннаго вниманія. Крайняя опасность, угрожавшая тогда столицѣ, необыкновенное напряженіе силъ, какое потребовалось со стороны Россіи для обороны отъ нападенія Густава, сношенія русскаго кабинета съ аристократическою партіей въ Финляндіи и весьма важные подвиги русскаго флота въ упорной борьбѣ на морѣ, все это увеличиваетъ интересъ событій этой войны, пока недостаточно разработанныхъ въ нашей отечественной исторіографіи.

Еще одно обстоятельство въ особенности послужило поводомъ къ

составленію предлагаемаго описанія шведско-русской войны 1788—1790 годовъ, а именно то, что понынѣ историки, занимавшіеся этимъ предметомъ, какъ Русскіе, такъ и Шведы, никогда не имѣли возможности пользоваться одновременно и русскими, и шведскими историческими матеріалами, между тѣмъ какъ именно разработка совершенно различныхъ, иногда даже противорѣчащихъ другъ другу матеріаловъ, должна была считаться важнѣйшимъ условіемъ для безпристрастія и полноты такого разказа. При составленіи предлагаемаго труда было обращено вниманіе на тѣ и другіе.

Главные матеріалы, послужившіе намъ для составленія исторіи войны 1788—1790 годовъ, были слѣдующіе:

Уже въ продолженіе самой войны были обнародованы многіе документы, въ особенности дипломатическія корреспонденціи, не только въ газетахъ, но и въ политическихъ брошюрахъ. Между прочимъ въ запискахъ о походѣ на Швецію въ 1788 году, изданныхъ принцемъ Карломъ Гессенскимъ, напечатано множество документовъ, относящихся къ исторіи войны между Даніей и Швеціей, осенью 1788 года. Данія, на основаніи договоровъ, должна была выставить противъ Швеціи вспомогательное войско, что впрочемъ тогда въ теоріи международнаго права еще не считалось войной между Даніей и Швеціей; Пруссія и въ особенности Англія положили конецъ такому участію Даніи въ борьбѣ Россіи со Швеціей. Дѣйствія англійскаго дипломата Элліота по этому дѣлу, въ ущербъ интересамъ Россіи, описаны во всѣхъ подробностяхъ въ сочиненіи принца Гессенскаго. Мы пользовались нѣмецкимъ изданіемъ его „Denkwürdigkeiten des Feldzugs gegen Schweden im Jahre 1788 von dem Prinzen Carl von Hessen; Flensburg, Schleswig und Leipzig; 1789. Въ запискахъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ, графа Сегюра (Mémoires ou souvenirs et anecdotes; 3 vol., Paris, 1826), съ большимъ вниманіемъ слѣдившаго за событіями этой войны, помѣщены нѣкоторыя письма короля Густава и другихъ современниковъ, участвовавшихъ въ этой войнѣ.

Авторъ Исторіи русскаго государства (Geschichte des russischen Staats. 6 B-de, Gotha, 1860), профессоръ Германнъ, въ Марбургѣ, при составленіи разказа объ этой войнѣ въ шестомъ томѣ своего сочиненія пользовался множествомъ писемъ различныхъ дипломатовъ, находившихся въ то время въ Стокгольмѣ и въ С.-Петербургѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ уже до изданія шестаго тома были напечатаны

цѣликомъ Германномъ въ его статьяхъ: „Gustaf III und die politischen Parteien Schwedens im achtzehnten Jahrhundert. Erste Abtheilung: Schweden in der sogenannten Freiheitszeit. Zweite Abtheilung: Die politischen Katastrophen unter Gustaf III“, въ историческомъ ежегодникѣ Фридриха Раумера *(Historisches Taschenbuch)* за 1856 и 1857 годы. Наконецъ, еще недавно въ дополнительномъ томѣ къ Исторіи русскаго государства (Ergänzungsband, Gotha, 1866) Германнъ издалъ нѣкоторыя письма англійскихъ и саксонскихъ дипломатомъ, наблюдавшихъ въ С.-Петербургѣ со вниманіемъ за ходомъ дѣлъ между Швеціей и Россіей.

Статьи французскаго ученаго Жефруа въ *Revue des deux mondes* 1865 года, подъ заглавіемъ: Gustave III et la cour de France, составлены большею частью при помощи дипломатическихъ корреспонденцій французскихъ посланниковъ въ Стокгольмѣ, сначала маркиза де-Понса, а затѣмъ кавалера де-Госсека.

Нѣсколько весьма интересныхъ писемъ извѣстнаго государственнаго человѣка Іоганна-Якова Сиверса къ Екатеринѣ II, къ своему брату и къ своему зятю, генералу Гюнцелю, по поводу событій войны между Швеціей и Россіей, напечатаны въ сочиненіи бывшаго профессора Дерптскаго университета, Блюма: Ein russischer Staatsmann; Leipzig und Heidelberg, 1857.

Въ продолженіе всей войны въ юго-восточной части Финляндіи занималъ высокую должность графъ Стединкъ, прежде того участвовавшій въ войнѣ за освобожденіе Америки, находившійся долгое время во французской военной службѣ и игравшій довольно важную роль при дворѣ Людовика XVI. Онъ былъ близкимъ другомъ Густава III, и поэтому его переписка съ королемъ Шведскимъ не только весьма богата многими подробностями о походахъ 1788—1790 годовъ, но заключаетъ въ себѣ также богатый матеріалъ для опредѣленія личныхъ убѣжденій Густава и самого автора, настроенія ихъ ума въ продолженіе всего этого времени и многихъ подробностей современнаго политическаго быта. Находясь въ продолженіе войны близъ русскихъ границъ, Стединкъ узналъ многое о положеніи дѣлъ въ русскомъ лагерѣ, о средствахъ, которыми располагали Русскіе въ Нейшлотской крѣпости, и о настроеніи умовъ въ С.-Петербургѣ. По окончаніи войны Стединкъ сдѣлался посланникомъ при русскомъ дворѣ и пользовался особеннымъ уваженіемъ императрицы Екатерины. Онъ же подписалъ договоръ въ Фридрихсгамѣ въ 1809 году, участвовалъ въ войнахъ противъ Наполеона и еще находился въ Россіи при импера-

торѣ Николаѣ. Его переписка съ Густавомъ издана его зятемъ, графомъ Бьёрнштерна, подъ заглавіемъ: Mémoires posthumes du feldmaréchal comte de Stedingk, rédigés sur des lettres, dépeches et autres pièces authentiques, laissées à sa famille, par le général comte de Björnstjerna; Paris, 1844, въ трехъ томахъ (для нашей цѣли особенно важенъ первый томъ).

Многіе документы по исторіи короля Густава III до войны 1788 года изданы шведскимъ историкомъ Гейеромъ въ 1849 году подъ заглавіемъ: Konung Gustaf III, s efterlemnade och femtio år efter hans död öppnade papper. Въ этомъ изданіи находится богатый матеріалъ для исторіи отношеній короля къ государственнымъ чинамъ въ Швеціи, финансовыхъ дѣлъ и вопросовъ внѣшней политики.

Въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ значительное число писемъ императрицы Екатерины, относящихся ко времени шведской войны. Кромѣ нѣкоторыхъ писемъ къ принцу Нассау-Зигену, Циммерману и др., напечатанныхъ уже въ изданіи сочиненій императрицы Екатерины II (изд. Смирдина. Спб. 1850, т. III), г. Соловьевъ въ своемъ сочиненіи: „Исторія паденія Польши“ помѣстилъ нѣсколько весьма любопытныхъ писемъ Екатерины къ Потемкину. Далѣе въ журналѣ *Русскій Архивъ* 1864 г. изданы бумаги генералъ-губернатора Новгородскаго и Тверскаго Николая Петровича Архарова, къ которому императрица во время войны часто обращалась съ записками и порученіями всякаго рода. Наконецъ, въ I-мъ томѣ *Сборника Русскаго Историческаго Общества* (1867) издано нѣсколько писемъ императрицы къ принцу Нассау-Зигену.

Въ XXII-мъ и XXIII-мъ томахъ Полнаго Собранія Законовъ помѣщены многіе документы о мѣрахъ, принятыхъ въ началѣ войны, для обороны противъ Швеціи, о разныхъ административныхъ распоряженіяхъ и проч.

Многія дипломатическія грамоты напечатаны въ сочиненіяхъ Колотова (С.-Петербургъ, 1811, томы III и IV) и Лефорта (Москва, 1838) о царствованіи Екатерины. Въ особенности любопытенъ перепечатанный Колотовымъ слово въ слово отвѣтъ императрицы на шведскую декларацію, надѣлавшій въ свое время не мало шума въ политическомъ мірѣ. Къ документамъ такого же рода можно отнести брошюру адмирала принца Нассау-Зигена, изданную въ 1789 году по поводу побѣды, одержанной имъ надъ Шведами при Свенскзундѣ. Это письмо къ королю Густаву можетъ считаться одинаково и памфлетомъ, и дипломатическимъ документомъ.

Множество самыхъ важныхъ данныхъ о войнѣ находится въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* того времени; здѣсь, кромѣ офиціальныхъ донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ русскаго войска и русскаго флота, которыми, при составленіи своихъ сочиненій, пользовались уже Колотовъ и Лефортъ, особенно достойны вниманія корреспонденціи изъ Стокгольма, Копенгагена и проч. Замѣтки, сообщаемыя изъ Швеціи, весьма полно и ярко рисуютъ положеніе тамошнихъ дѣлъ; авторъ этихъ замѣтокъ принадлежалъ къ оппозиціи противъ короля и поэтому подвергаетъ строгой критикѣ всѣ дѣйствія его въ походахъ и всѣ мѣры, принятыя имъ противъ дворянства и возставшихъ противъ него финляндскихъ офицеровъ. Ему извѣстны многія подробности преній на сеймѣ, событій въ провинціяхъ Швеціи, настроенія умовъ въ столицѣ и проч.

Изъ военныхъ источниковъ, которыми мы пользовались, особенно замѣчательны слѣдующіе:

1) Журналъ адмирала Грейга о дѣйствіяхъ русскаго флота лѣтомъ 1788 года, о битвѣ при Гогландѣ, и проч.; онъ изданъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* Ѳ. Булгарина (т. VIII, Спб., 1823). 2) Донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ на сушѣ въ 1789 году, сообщенныя графомъ П. П. Сухтеленомъ и изданныя въ этомъ же томѣ *Сѣвернаго Архива*. 3) Дѣйствія россійскаго корабельнаго флота; изъ записокъ адмирала Чичагова, участвовавшаго въ морскихъ кампаніяхъ 1789 и 1790 годовъ, сражавшагося со Шведами при Готландѣ и бывшаго при важномъ дѣлѣ у Выборгскаго залива; изданы въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1825 и 1826 года. 4) Статьи А. П. Соколова о дѣйствіяхъ русскаго флота противъ Шведовъ, составленныя по бумагамъ графа Мусина-Пушкина, генералъ-поручика Тучкова, графа Чернышева и др. и помѣщенныя въ разныхъ томахъ *Морскаго Сборника*.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ находится рукопись подъ заглавіемъ: Mémoires d'un officier suédois sur les campagnes de 1788, 1789 et 1790 en Finlande. Авторъ этихъ записокъ былъ сначала адъютантомъ генерала Каульбарца, а затѣмъ, по удаленіи сего послѣдняго отъ службы въ 1789 году, находился нѣкоторое время при самомъ королѣ. Зимой онъ обыкновенно находился въ Стокгольмѣ, былъ лично знакомъ со многими изъ важнѣйшихъ лицъ того времени, между прочимъ съ другомъ короля, графомъ Г. М. Армфельтомъ. Какъ искренній приверженецъ королевской партіи, онъ находился иногда въ Финляндіи въ весьма затруднительномъ положеніи. Онъ зналъ многія подробности оппозиціонныхъ дѣйствій офице-

ровъ, ихъ переписку съ Спренгпортеномъ, Гюпцелемъ и другими, съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за военными дѣйствіями, узналъ множество замѣчаній и изреченій самого короля и проч.

Самый богатый матеріалъ для исторіи шведской войны представляютъ записки А. В. Храповицкаго, изданныя въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* въ 1862 году. Онѣ обнимаютъ періодъ отъ 1782 до 1793 года; значительнѣйшая же часть ихъ относится къ 1788—1790 годамъ, и въ этомъ періодѣ въ этихъ запискахъ преимущественно говорится о событіяхъ шведской войны. Изъ записокъ Храповицкаго видно, что тогда при дворѣ императрицы шведскія дѣла считались гораздо болѣе важными, чѣмъ война турецкая или отношенія Россіи къ прочимъ европейскимъ державамъ. Александръ Васильевичъ Храповицкій именно въ то время пользовался особеннымъ довѣріемъ императрицы, былъ ежедневно, иногда по нѣсколько разъ въ день, во дворцѣ и постоянно бесѣдовалъ съ государыней о всевозможныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и о шведской войнѣ. Онъ сочинялъ стихи для оперъ Екатерины, въ томъ числѣ для оперы «Горе-Богатырь, въ которой былъ осмѣянъ Густавъ III; иногда даже по ночамъ онъ занимался перепиской литературныхъ произведеній императрицы, бывалъ часто по утрамъ у нея „при волосочесаніи“, получалъ щедрые подарки и зналъ иногда о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ подробнѣе, чѣмъ знали о нихъ Безбородко и Остерманъ, у которыхъ онъ часто бывалъ съ порученіями отъ императрицы. Человѣкъ умный, честный и безусловно преданный Екатеринѣ, онъ былъ типъ царедворца тогдашнихъ временъ. О содержаніи своихъ бесѣдъ съ Екатериной, о разныхъ случаяхъ, сплетняхъ, разговорахъ, газетныхъ замѣткахъ, о литературныхъ извѣстіяхъ, о современныхъ заграничныхъ новостяхъ въ области политики, о состояніи здоровья Екатерины и о своемъ, обо всѣхъ придворныхъ мелочахъ и дрязгахъ, равно какъ и о самыхъ важныхъ событіяхъ Храповицкій сообщаетъ въ своемъ дневникѣ самыя любопытныя подробности. Такой источникъ имѣетъ для исторіографіи большее значеніе, чѣмъ дѣловыя бумаги или какія-либо литературныя произведенія. Послѣднія сообщаютъ намъ лишь о томъ, что происходитъ на самой исторической сценѣ, тогда какъ матеріалъ, въ родѣ записокъ Храповицкаго, дастъ намъ возможность всматриваться и въ то, что происходитъ за кулисами.

Въ началѣ войны было строго запрещено „на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженіяхъ

военныхъ и умножать неосновательные и неприличные толки, подъ штрафомъ, за преступленіе сего установленнымъ“ [1]). Немудрено поэтому, что мы весьма мало знаемъ о настроеніи умовъ въ Россіи относительно войны. Русская публика не заявляла тогда о своемъ взглядѣ на политическія событія. Однако по крайней мѣрѣ одно свидѣтельство о томъ, какъ нѣкоторые разсуждали о войнѣ, сохранилось въ бумагахъ извѣстнаго историка князя Щербатова, слѣдившаго за современными событіями въ области политики и составившаго о нихъ свое мнѣніе. Его статья: „Отвѣтъ на вопросъ, что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію швецкія войны и прочемъ тому подобномъ“—писана въ іюлѣ 1788 года и напечатана въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1860 г., кн. I. Его же: „Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную Ея Императорскому Величеству Оберъ-Прокуроромъ Сената Неклюдовымъ по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 года 5-го сентября“, изданъ тамъ же (въ III кн. *Чтеній*, 1860 года).

Въ статьяхъ о князѣ Потемкинѣ, помѣщенныхъ въ нѣмецкомъ журналѣ *Minerva* (въ 1798 и 1799 годахъ) встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя данныя о шведской войнѣ. Авторомъ этихъ статей считается секретарь саксонскаго посольства въ С.-Петербургѣ, Гельбигъ.

Изъ другихъ сочиненій, касающихся нашего предмета, замѣчательны слѣдующія: 1) *Horft*, Geschichte des letzteren schwedisch-russischen Krieges; Frkf. a. M., 1792; и 2) *Posselt*, Geschichte Gustafs III; Karlsruhe, 1792. Оба эти сочиненія, изданныя еще при жизни Густава, составлены на основаніи офиціальныхъ шведскихъ данныхъ и исполнены похвалъ Густаву и его брату Карлу. Въ нихъ преобладаетъ риторика и краснорѣчіе. Они могутъ намъ замѣнить недоступные для насъ шведскіе бюллетени о военныхъ дѣйствіяхъ и заключаютъ въ себѣ множество подробностей о войнѣ, не встрѣчаемыхъ въ другихъ сочиненіяхъ. Писанныя современниками, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этихъ событій, эти сочиненія имѣютъ значеніе скорѣе какъ мемуары, чѣмъ какъ законченные исторические труды.

Какъ въ этихъ двухъ сочиненіяхъ, такъ и въ сочиненіи д'Аквилы (d'Aquila): Histoire des évènements mémorables du règne de Gustave III; Paris, 1807 (въ 2 томахъ), почти вовсе нѣтъ ссылокъ, между тѣмъ какъ изъ послѣдней книги видно, что авторъ, бывавшій въ Швеціи,

[1]) Полное Собр. Зак., XXII, № 16663: Именный указъ, данный С.-Петербургскому губернатору 27-го мая 1788 года.

имѣлъ подъ рукой множество самыхъ любопытныхъ источниковъ. Отличительною чертой этого сочиненія можно назвать ненависть автора къ политикѣ Россіи, дѣйствія которой онъ старается выставить въ самомъ мрачномъ видѣ; въ то же время онъ, подобно Горфту и Поссельту, безпредѣльно восхваляетъ Шведскаго короля.

Сочиненіе Шанца (Schantz): Historia öfver kriget emellan Sverige och Ryssland åren 1788, 1789 och 1790; Stockholm, 1819 (2 тома), заключаетъ въ себѣ подробный, но чрезвычайно сухой разказъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Политическіе вопросы разработаны въ этомъ сочиненіи гораздо менѣе, чѣмъ вопросы чисто военные. Преимущественно имъ, но также и другими матеріалами пользовался Гилленгранатъ при составленіи своего сочиненія: Исторія морскихъ войнъ Швеціи (отрывокъ изъ этого сочиненія помѣщенъ въ *Морскомъ Сборникѣ* 1863 года, №№ 5 и 7).

Наконецъ, еще должно упомянуть о сочиненіяхъ: Манну Мальманена (Mannu Malmanen): Anjala-förbundet; Stockholm, 1848; и Рейна (Rein): Kriget i Finland åren 1788, 1789 och 1790; Helsingfors, 1860 (въ изданіи Финляндскаго Ученаго Общества: *Bidrag till kannedäm af Finlands Natur och Folk*), которыя, впрочемъ, не столько заключаютъ въ себѣ обзоръ исторіи войны вообще, сколько могутъ считаться монографіями о конфедераціи въ Аньялѣ, бывшей важнымъ эпизодомъ въ этой войнѣ и въ особенности имѣвшей прямое вліяніе на событія похода 1788 года. Объ этомъ событіи я имѣлъ случай говорить въ особой статьѣ, помѣщенной въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* за мартъ 1868 года.

I.

Причины войны между Швеціей и Россіей и приготовленія Швеціи.

Отношенія Густава III къ Франціи, Англіи, Пруссіи, Турціи, Даніи и Россіи. — Побудительныя причины къ войнѣ для Густава. — Россія желаетъ мира. — Приготовленія къ походу въ Швеціи. — Мѣры, принятыя въ Россіи при слухахъ о вооруженіяхъ Швеціи.

Густавъ III, какъ извѣстно, тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ старался принять мѣры для улучшенія политическаго быта Швеціи. Тутъ-то и оказалась самая тѣсная связь между вопросами внѣшней и внутренней политики. Густавъ сначала надѣялся освободиться отъ преобладающаго значенія дворянства; затѣмъ онъ долженъ былъ подумать объ оборонѣ противъ наступательнаго движенія Россіи; наконецъ уже при немъ является планъ, осуществившійся нѣ-

сколько позже, — присоединить Норвегію къ Швеціи. Таковы были главныя черты политической программы молодаго короля, приготовившагося къ своей карьерѣ частью во время своей поѣздки по Европѣ, въ особенности же во время своего пребыванія во Франціи.

Между тѣмъ какъ Данія, Пруссія и Россія желали сохраненія прежней формы правленія въ Швеціи, дѣлавшей роль шведскихъ королей весьма ничтожною, Франція поддерживала королевскую партію въ Стокгольмѣ, доставляя ей значительныя суммы денегъ и содѣйствуя такимъ образомъ вооруженію Швеціи противъ Россіи. Такъ было и въ 1741 году. Еще въ 1747 и 1751 годахъ Швеція получала субсидіи отъ Франціи, въ особенности для расходовъ по содержанію укрѣпленій въ Финляндіи. Громадныя суммы были истрачены Франціей по случаю сейма въ Стокгольмѣ въ 1765 году. Французское правительство желало пріобрѣсти сильнаго союзника на сѣверѣ и для этой цѣли не щадило ни денегъ, ни труда. Однако послѣ 1765 года, до вступленія на престолъ Густава III, французская партія въ Стокгольмѣ не имѣла особеннаго значенія. Партія „шапокъ“ была преобладающею. За то государственный переворотъ 1772 года могъ считаться торжествомъ политики Франціи надъ политикой Россіи. Во Франціи навѣрное ожидали этого событія, которое и могло совершиться лишь при помощи французскихъ субсидій. Другъ Густава III, графъ Стединкъ, находился во время катастрофы шведскаго дворянства, въ августѣ 1772 года, въ Страсбургѣ, гдѣ еще до этого событія распространился слухъ о торжествѣ короля надъ феодальною партіей. Въ газетахъ явились замѣтки о происшествіяхъ въ шведской столицѣ, какъ о фактѣ, уже совершившемся, между тѣмъ какъ они послѣдовали лишь нѣсколькими днями позже. Въ Страсбургѣ Стединкъ и его товарищи составили по этому случаю поздравительный адресъ королю Густаву, который былъ доставленъ въ Стокгольмъ не позже какъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ совершившагося государственнаго переворота [1]).

Англія и Франція, недовольныя раздѣломъ Польши, опасались подобныхъ событій и въ отношеніи къ Швеціи. По настоятельному требованію Франціи, англійскій кабинетъ обратился къ дворамъ Петербургскому, Вѣнскому и Берлинскому съ заявленіемъ насчетъ обезпеченія участи Швеціи. Французскій кабинетъ объявилъ, что въ случаѣ нападенія на Швецію со стороны Даніи, Франція намѣрена всею силой

[1]) *Geffroy,* Gustave III et la cour de France, въ *Revue des deux mondes* 1865, LIX, стр. 352.

помогать Швеціи. Англія и Франція условились между собою въ томъ, чтобы въ случаѣ наступательнаго движенія Швеціи противъ Россіи первая не могла разчитывать на полученіе субсидій отъ Франціи, но чтобы въ случаѣ нападенія Россіи на Швецію, Англія никакимъ образомъ не помогала Россіи, а Франція непременно всевозможными средствами поддерживала бы Швецію. Франція обѣщала предоставить Швеціи въ такомъ случаѣ отъ 10.000 до 12.000 человѣкъ войска. Далѣе Франція обязалась уплатить Швеціи въ продолженіе 1772 и 1773 годовъ 800.000 ливровъ, назначенныхъ для приведенія въ надлежащее состояніе шведскаго войска и флота [1]). И въ переговорахъ съ Австріей Франція старалась тогда дѣйствовать въ пользу Швеціи. Французскій кабинетъ, узнавъ, что Фридрихъ II имѣлъ въ виду отнять у Швеціи ея владѣнія въ Помераніи, тотчасъ же снесся съ австрійскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, графомъ Мерси, для принятія мѣръ противъ предположеній Прусскаго короля [2]).

При французскомъ дворѣ Шведы пользовались особеннымъ уваженіемъ. Графъ Стединкъ былъ до того популяренъ во французской столицѣ, что тамъ въ театрѣ давали пьесу, въ которой восхвалялись его подвиги въ войнѣ за освобожденіе Америки [3]). 6-го октября 1778 года онъ писалъ королю Густаву, что французскій дворъ обращается съ нимъ и его товарищами гораздо почетнѣе, чѣмъ съ княземъ Долгорукимъ и другими русскими офицерами [4]). Въ 1784 году Густавъ находился въ Парижѣ. Тогда носились слухи, что Россія и Данія предполагаютъ сдѣлать нападеніе на Швецію. Поэтому Густавъ въ личныхъ совѣщаніяхъ съ королемъ Людовикомъ XVI и его министрами, Верженномъ и Бретёлемъ, требовалъ вооруженнаго вмѣшательства Франціи, годичныхъ субсидій и кромѣ того немедленной уплаты значительной суммы денегъ. Въ письмѣ къ королю Людовику XVI Густавъ указывалъ на прежніе союзы между Франціей и Швеціей: Густава Вазы съ Францискомъ I и Густава Адольфа съ Людовикомъ XIII. Онъ старался убѣдить короля Людовика XVI въ томъ, что интересъ и слава Франціи равнымъ образомъ должны заставить ее искать себѣ союзника на сѣверѣ съ тою цѣлью, чтобы противодѣйствовать чрез-

---

[1]) Gustaf III: s efterlemnade Pappers, I, 237.

[2]) Такъ писалъ шведскій посланникъ, графъ Крейцъ, изъ Парижа въ октябрѣ 1772 года; см. *Histor. Zeitschr.*, herausg. v. *H. v. Sybel*, sechster Jahrgang, 1864, 3 Heft, ss. 237 и 238.

[3]) *Geffroy*, l. c., 354.

[4]) *Stedingk*, Mémoires, I, 17.

мѣрному усиленію Россіи [1]). Густавъ писалъ это въ то время, когда Россія не имѣла никакихъ намѣреній дѣйствовать противъ Швеціи наступательно, немного позже свиданія съ Екатериной въ Фридрихсгамѣ. Французскій кабинетъ считалъ опасность, угрожавшую Швеціи, менѣе страшною и поэтому обѣщалъ Швеціи 12.000 человѣкъ войска, 12 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ лишь въ случаѣ дѣйствительнаго на нее нападенія. Людовикъ XVI, въ отвѣтѣ на письмо Густава, уклонялся отъ слишкомъ значительныхъ жертвъ въ пользу Швеціи, причемъ указывалъ на неудовлетворительное финансовое положеніе Франціи вслѣдствіе участія этой державы въ войнѣ за освобожденіе англо-американскихъ колоній [2]). Впрочемъ 12-го іюля Густавъ III имѣлъ совѣщаніе съ французскимъ министромъ Калонномъ и при этомъ случаѣ достигъ своей цѣли. Людовикъ XVI не ограничился обѣщаніемъ посредничества въ пользу Швеціи въ случаѣ нападенія на эту державу, но обязался также и въ мирное время, для приведенія Швеціи въ достаточное оборонительное состояніе, уплатить кромѣ годичныхъ субсидій еще 6 милліоновъ ливровъ, по 100.000 ливровъ ежемѣсячно [3]). Въ слѣдующемъ году, возвратясь въ Швецію, Густавъ III, съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ Французскому королю, что Швеція теперь въ состояніи выступить въ походъ съ 22 линейными кораблями и 15 фрегатами, что артиллерія приведена въ удовлетворительное состояніе, и что пріобрѣтено достаточное количество ружей и

[1]) «J'ai cru qu'il était de la gloire de la France et de son interêt d'avoir un allié dans le Nord qui pût contrebalancer le colosse énorme qui s'y augmente tous les jours et qu'il nous était à tous les deux nécessaire de nous unir avant que le tourbillon des grands évènements, qui se préparent, eût tout emporté... C'est par une fermeté inébranlable, qu'on impose aux ambitieux, ce n'est pas par des ménagements et des égards qu'on les retient».

[2]) «Votre Majesté sait que le premier devoir des rois est de soulager les peuples, qui leur sont confiés, surtout au sortir d'une guerre, dont les charges ont été fort pesantes, et que les circonstances alors ne permettent pas de faire tout ce qu'on voudrait pour ses alliés».

[3]) Людовикъ XVI писалъ къ Густаву 14 іюля: «En cas que V. M. viendrait d'être attaquée, j'emploierai d'abord mes bons offices pour détourner, s'il est possible, l'aggression... et pour aider dès à présent V. M. dans les réparations, dont elle s'occupe pour donner plus de consistance aux forces de son état; je m'engage, indépendemment du subside annuel convenu entre nous, lui donner un secours extraordinaire de 6 millions de livres, qui seront payés à raison de 100.000 fr. par chaque mois jusqu'à l'éxstinction entière de la susdite somme»... Впрочемъ Людовикъ XVI выражалъ надежду: «que V. M. n'entrera dans aucun traité défensif avec la Russie, quelquees nominations qu'on puisse lui donner».

военныхъ снарядовъ [1]). Итакъ, можно было полагать, что Густавъ уже не столько думалъ объ оборонѣ, сколько о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Такъ смотрѣли въ С.-Петербургѣ на образъ дѣйствій Шведскаго короля; таковы же были и опасенія Англіи и Франціи. Людовикъ XVI, желая сдерживать по возможности предпріимчиваго Густава, выразилъ ему свое удовольствіе, что военныя силы Швеціи развиваются, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ замѣчаніе, что, какъ должно надѣяться, эти военныя силы Швеціи будутъ залогомъ сохраненія мира, и что Густавъ, довольствуясь обезпеченіемъ границъ своего государства, не дастъ повода къ нарушенію мира [2]). Близкая къ революціи Франція не могла желать какого-либо участія въ войнѣ между Швеціей и Россіей. Однако французскія деньги играли весьма важную роль при вооруженіи Швеціи, и потому Россія должна была считать Францію чуть-ли не враждебною себѣ державой. Изъ записокъ французскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ, графа Сегюра, видно, что его положеніе во время начала войны, при всемъ личномъ къ нему уваженіи Екатерины, было весьма затруднительно. Чѣмъ ближе къ войнѣ, тѣмъ менѣе, впрочемъ, союзъ Швеціи съ Франціей обѣщалъ выгодъ Густаву. Франція скорѣе казалась даже готовою сблизиться съ Россіей [3]). Вскорѣ по открытіи военныхъ дѣйствій Россія надѣялась на содѣйствіе Франціи къ возстановленію мира [4]). Однако Франція, находившаяся уже тогда на краю бездны, мало значила въ во-

---

[1]) La Suède peut sortir ce printemps avec une flotte de vingt-deux vaisseaux de ligne presque tous neufs et quinze frégates, et cela dans l'espace de six semaines. L'artillerie n'a pas été négligée, et V. M. sait déjà par l'inquiétude, que cela a donné à mes voisins, qu'elle a été distribuée dans tous les endroits où elle doit être tant pour la défense que pour le prompt transport en cas de nécessité. Nous avons aussi une garniture nouvelle de fusils et d'armes pour l'infanterie et la cavalerie»....

[2]) Connaissant la prudence et la sagesse de V. M., je suis bien assuré, que, content de pourvoir à la sureté de ses états, elle évitera toute démonstration, qui pourrait être un sujet ou même un prétexte d'inquiétude pour qui que ce soit» *(Geffroy, Revue des deux mondes*, 1865, LIX, 385). Эти доселѣ совершенно неизвѣстные документы, довольно краснорѣчиво рисующіе отношенія между Швеціей и Франціей, въ особенности касательно вопроса о русской политикѣ, заимствованы г. Жеффруа изъ французскаго архива иностранныхъ дѣлъ.

[3]) *Зап. Храповицкаго:* (22-го октября 1787 года) «Читана съ удовольствіемъ парижская депеша, изъ коей познается сближеніе двора французскаго съ нашимъ».

[4]) Тамъ же, 27-го іюля 1788 года: «Графу Сегюру поручено, обще съ французскимъ министромъ въ Стокгольмѣ, стараться о примиреніи насъ со Шведами».

просахъ общеевропейской политики. Въ какихъ же отношеніяхъ къ Швеціи были прочія державы?

Важнѣе всего для Россіи были отношенія къ Густаву III Англіи и Пруссіи. Онъ приходился племянникомъ Фридриху Великому. Шведскій король могъ видѣть въ прусскомъ образецъ государственнаго человѣка, монарха, успѣвшаго поднять свое небольшое государство на высокую степень могущества и славы. Густавъ стремился къ подобной же цѣли и считалъ возможнымъ возвращеніе для Швеціи славнаго періода Густава-Адольфа, когда его отечество могло считаться первоклассною державой. Однако такіе планы сталкивались съ интересами Пруссіи. Еще при Фридрихѣ-Вильгельмѣ, Великомъ курфирстѣ, Швеція и Бранденбургія боролись за первенство на сѣверо-востокѣ Европы, и уже тогда Пруссія оказалась сильнѣе Швеціи и представляла болѣе выгодныя условія для дальнѣйшаго развитія. Теперь же, когда у Фридриха II, укрѣпившаго значеніе Пруссіи Семилѣтнею войной, вновь явилась мысль объ отторженіи Помераніи отъ Швеціи, Пруссія могла дѣйствовать гораздо болѣе значительными силами и притомъ за одно съ Россіей. Какъ ни часто расходились интересы Пруссіи и Россіи въ восточномъ вопросѣ, относительно Польши и Швеціи Берлинскій и Петербургскій кабинеты нерѣдко могли дѣйствовать вмѣстѣ. Въ договорѣ, заключенномъ между ними 2-го октября 1769 года въ Петербургѣ, въ тайномъ параграфѣ было сказано:

„Уже въ союзномъ договорѣ 1764 года обѣ договаривающіяся державы согласились въ томъ, что сохраненіе настоящей формы правленія въ Швеціи должно считать необходимостью. Симъ утверждаются торжественно и формально обязательства обѣихъ державъ въ этомъ отношеніи. Если соединенная и согласная дѣятельность посланниковъ Пруссіи и Россіи въ Стокгольмѣ не будетъ имѣть желанныхъ результатовъ, и если, не смотря на всѣ усилія обѣихъ державъ, Швеція сдѣлаетъ нападеніе на Россію, или если въ Швеціи удалось бы господствующей партіи ниспровергнуть форму правленія, установленную въ 1720 году, и предоставить королю неограниченную власть давать законы, объявлять войну, собирать налоги, созывать сеймъ и раздавать должности безъ согласія на то сената,—то въ каждомъ изъ этихъ случаевъ с. в. король Прусскій обязуется по желанію с. в. императрицы сдѣлать диверсію въ Шведской Помераніи, отправивъ въ это герцогство надлежащее количество войска".

Однако нарушеніе шведской конституціи Густавомъ III въ 1772 году и совершенный имъ удачный государственный переворотъ не имѣли слѣдствіемъ такого серіознаго столкновенія съ Пруссіей, хотя Фридрихъ II и не былъ доволенъ событіями, совершившимися въ Швеціи, и писалъ тогда своему племяннику:

„Изъ письма вашего величества, отъ 21-го августа, я узналъ о счастливо совершенномъ измѣненіи формы правленія въ Швеціи. Однако неужели вы думаете, что это событіе ограничится удачей внутренней революціи въ вашемъ государствѣ? Развѣ вы забыли, что Россія, Данія и я самъ были порукой сохраненія уничтоженной теперь формы правленія? Я желаю, ваше величество, чтобы вы помнили сказанное вамъ мною еще въ Берлинѣ! Я опасаюсь, что слѣдствія этого событія поставятъ ваше величество въ положеніе хуже прежняго, и что оно будетъ эпохой самыхъ большихъ несчастій, которыя могутъ приключиться въ отношеніи къ Швеціи. Я уже съ давнихъ поръ взялъ на себя обязательства предъ Россіею; честь и честность равнымъ образомъ не позволяютъ мнѣ отказаться отъ ихъ исполненія. Увѣряю васъ, что я нахожусь въ отчаянномъ положеніи, потому что я принужденъ дѣйствовать какъ непріятель вашего величества. Вы какъ бы кинжаломъ прикоснулись къ моему сердцу, поставивъ меня въ такое страшное положеніе. Я не вижу исхода этому дѣлу. То же самое я написалъ и ея величеству, вашей матери, выставляя на видъ настоящее положеніе дѣла. Однако событіе теперь уже совершилось; затрудненіе заключается лишь въ отысканіи средства, какъ бы помочь этому злу. Я долженъ считать тотъ день счастливѣйшимъ въ моей жизни, когда мнѣ удастся поправить случившееся".

Такъ писалъ Фридрихъ королю Шведскому, а въ письмѣ къ матери его употребилъ еще сильнѣйшія выраженія. Густавъ въ отвѣтѣ своемъ указывалъ на опасность, угрожавшую Швеціи со стороны Россіи, и представилъ королю планъ обороны Финляндіи, на что Фридрихъ, какъ бы шутя, опять писалъ къ Густаву:

„Подарите мнѣ Померанію, драгоцѣннѣйшій перлъ въ вашей коронѣ, чрезъ которую вы находитесь въ сношеніи съ Европой, и безъ которой въ Европѣ и не знали бы вовсе о существованіи Швеціи, и я сдѣлаю все, чтобы буря, готовая подняться противъ вашего величества, утихла".

Густавъ III хорошо понималъ, что Пруссія дѣйствительно могла сдѣлаться опасною для Швеціи. Послѣ перваго свиданія съ Екатериной въ 1777 году онъ въ письмѣ къ ней жаловался на Фридриха, увѣряя при этомъ, что Швеція думаетъ лишь о мирѣ:

„Къ сожалѣнію, сказано въ этомъ письмѣ, одинъ государь своими непрерывными проектами обращаетъ на себя вниманіе Европы и нарушаетъ ея спокойствіе. Его предпріятія уже привели въ удивленіе весь міръ: однако онъ постоянно составляетъ предположенія о расширеніи предѣловъ своего государства; онъ содержитъ въ мирное время войско болѣе многочисленное, чѣмъ то, которое содержалъ Людовикъ XIV во время войны: онъ обратилъ свои взоры на Мекленбургъ, Шведскую Померанію, Данцигъ, можетъ-быть, и на Курляндію" [1]).

Такимъ образомъ Шведскій король старался по крайней мѣрѣ содѣйствовать къ разстройству союза между Пруссіей и Россіей. Съ

[1]) Gustaf's Rappers, I, 225 — 227; II, 109.

своей стороны Фридрихъ II желалъ, чтобы средства, которыми располагалъ Густавъ, оставались ничтожными. Онъ не хотѣлъ, чтобы Шведскій король думалъ о какихъ-либо смѣлыхъ предпріятіяхъ:

„Пользуйтесь вашимъ успѣхомъ, писалъ онъ ему послѣ государственнаго переворота 1772 года, заботьтесь о возстановленіи мира и порядка въ вашемъ отечествѣ. Но не забудьте, что теперь существуютъ три или четыре большія державы, которыя могутъ выставить по триста или четыреста тысячъ человѣкъ войска, и что при такихъ обстоятельствахъ король Шведскій уже не можетъ имѣть притязанія на славу побѣдъ и завоеваній“ [1]).

Такимъ образомъ Фридрихъ одновременно казался доброжелательнымъ и враждебнымъ Густаву. Фридриху было выгодно противодѣйствіе шведской аристократіи власти короля, а между тѣмъ въ письмѣ къ Густаву онъ порицалъ шведскихъ дворянъ за недостатокъ въ нихъ патріотизма, за ихъ продажность, легкомысліе и непостоянство. Сначала казалось, что Фридрихъ воспользуется революціею 1772 года, чтобы вмѣстѣ съ Россіею приступить къ раздѣлу Швеціи [2]); затѣмъ однако Пруссія является чуть-ли не на сторонѣ Швеціи противъ Россіи.

Успѣхи Россіи и Австріи въ войнѣ съ Турціей возбуждали сильныя опасенія и въ англійскомъ, и въ прусскомъ кабинетѣ. Для того, чтобъ остановить торжество императорскихъ дворовъ надъ Оттоманскою Портой, должно было подумать о диверсіи на сѣверѣ. Тутъ совершенно совпадали интересы Густава III и Фридриха-Вильгельма II. И Англія, и Пруссія были крайне довольны, когда вдругъ въ 1788 году въ лицѣ Густава явился защитникъ султана. Теперь обѣимъ этимъ державамъ казалось выгоднымъ образовать коалицію изъ Швеціи, Польши и Турціи противъ Россіи. Еще въ 1739 году между Швеціей и Турціей былъ заключенъ оборонительный союзъ. Когда началась вторая война Екатерины съ Турціей, Густавъ III, на основаніи этого договора, счелъ себя обязаннымъ сдѣлать нападеніе на Россію. То обстоятельство, что во время первой турецкой войны (1768—1774 годовъ) Швеція и не думала защищать Турцію, ясно доказывало, что тогда договоръ 1739 года въ самой Швеціи считался уже недѣйствительнымъ. Но Густавъ, желая начать войну съ Россіей, воспользовался старымъ договоромъ, указывалъ на него, какъ на поводъ къ войнѣ, и въ продолженіе всего этого времени искалъ дружбы султана. Шведскій посланникъ въ Константинополѣ уже съ 1787 года пользовался

[1]) Сегюръ, 309.

[2]) «Le roi de Prusse avait voulu préparer à la Suède le même sort qu'à la Pologne». *Geffroy*, l. c., 656.

тамъ особеннымъ уваженіемъ [1]). Густавъ самъ утверждалъ, что онъ съ самаго начала войны получалъ субсидіи, которыя впрочемъ, по другимъ извѣстіямъ, стали уплачиваться не ранѣе какъ съ 1789 года [2]). Во всякомъ случаѣ Густавъ съ самаго начала войны состоялъ въ связи съ Турціей, и именно это обстоятельство придавало его предпріятію противъ Россіи особенное значеніе въ глазахъ Лондонскаго и Берлинскаго кабинетовъ. Они были готовы поддерживать непріятелей Россіи и войсками, и флотомъ, и деньгами. Положеніе Франціи при этомъ случаѣ было довольно затруднительно. Англія хотѣла отомстить Франціи за помощь, оказанную послѣднею англійскимъ колоніямъ въ Америкѣ. Франція хотѣла воспрепятствовать войнѣ на сѣверѣ, потому что при внутреннемъ своемъ разстройствѣ не желала ни съ кѣмъ разрыва. Когда французскій посланникъ, маркизъ де-Понсъ, возвращался послѣ отпуска въ Стокгольмъ, то въ инструкціи, данной ему 22-го іюня 1788 года въ Парижѣ, было сказано, что если Шведскій король будетъ дѣйствовать противъ Россіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ Англіи и Пруссіи, то онъ, король, тѣмъ самымъ лишается права считаться долѣе другомъ Франціи, и что французскій дворъ крайне сожалѣлъ бы о таковомъ заблужденіи [3]).

Въ Петербургѣ знали о нерасположеніи Англіи и Пруссіи. Русскій посланникъ въ Лондонѣ писалъ оттуда, что Англія возбуждаетъ Шведскаго короля къ войнѣ съ Россіей [4]). Англійскій посланникъ при

---

[1]) 4-го іюля 1788 года изъ Стокгольма пишутъ, что «Порта уже съ годъ по нѣкоторымъ особливымъ обстоятельствамъ оказываетъ ко двору нашему великое дружество». *С. П. В.* 1788 года, стр. 893. Тамъ-же, 25-го іюля о торжественной аудіенціи шведскаго посланника у великаго визиря. Осенью 1788 года шведскій посланникъ получилъ въ подарокъ отъ султана драгоцѣнную табакерку, осыпанную драгоцѣнными камнями; см. *С. П. В.*, 1788 г.

[2]) Булгаковъ сообщилъ Потемкину о субсидіяхъ, обѣщанныхъ Портою Швеціи; объ этомъ въ Mém. d'un off. suédois. И въ Петербургѣ полагали, что Густавъ «вышелъ въ море помощію турецкихъ денегъ»; см. *Храпов.*, 2-го іюля. Геррманъ же утверждаетъ, что договоръ о субсидіяхъ состоялся лишь въ 1789 г.

[3]) Si tout ce que le roi de Suède tente et projette est le résultat d'un concert formé avec l'Angleterre et la Prusse pour faire le plus grand mal possible aux Russes — le roi ne pourra plus regarder le roi de Suède que comme un ancien ami, qui lui a manqué, dont Sa Majesté déplorera l'égarement et à la ruine duquel elle ne pourra plus être à portée de mettre obstacle que par les motifs généraux qui lui imposent de prévenir les grandes révolutions en Europe». *Geffroy*, l. c., 667.

[4]) För England var det hufvudsakligt att vara förvissadt om tillgång till Östersjön och de derifrån kommande producter. Rysslands politik var ledd af så

датскомъ дворѣ Эллiотъ заявилъ проектъ о необходимости заключить тѣсный союзъ между Англiей, Данiей и Швецiей. По мнѣнiю Эллiота, вооруженный нейтралитетъ, виновницей котораго была Екатерина, содѣйствовалъ успѣхамъ англiйскихъ колонiй въ Америкѣ; русскiй кабинетъ дѣйствуетъ скрытно, и Англiя въ коммерческихъ сношенiяхъ съ Россiею часто должна бороться съ разными затрудненiями, между тѣмъ какъ интересъ Англiи требуетъ главнымъ образомъ, чтобы Балтiйское море для нея всегда было доступнымъ [1]). Союзъ съ Данiей и Швецiей считался Лондонскимъ кабинетомъ за лучшее средство для обузданiя самовольства Россiи, а Швецiя въ этомъ союзѣ должна была играть, по мнѣнiю Эллiота, тѣмъ бо́льшую роль, что эта держава, граничащая съ Россiей, болѣе другихъ подвержена опасностямъ со стороны послѣдней. Въ случаѣ же нападенiя на Швецiю, союзъ Францiи — такъ утверждалъ англiйскiй дипломатъ — никогда не могъ бы имѣть такого значенiя для Швецiи, какъ союзъ Англiи, которая всегда была бы въ состоянiи своимъ флотомъ помогать Швецiи и Данiи. При всемъ томъ Эллiотъ увѣрялъ, что Англiя не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣренiй противъ Россiи, но что необходимо думать о томъ, какъ бы остановить страсть этой державы къ расширенiю своихъ предѣловъ. Поэтому онъ желалъ, чтобы союзники гарантировали другъ другу свои владѣнiя во всѣхъ частяхъ свѣта, и чтобъ они препятствовали всякаго рода измѣненiю территорiй въ Европѣ. Эллiотъ разчитывалъ на присоединенiе къ этому союзу и Голландiи, а также и Пруссiи. Такой союзъ былъ бы, какъ надѣялся англiйскiй дипломатъ, сильнѣе всѣхъ союзовъ, когда-либо существовавшихъ въ мiрѣ; въ немъ онъ видѣлъ единственное средство для освобожденiя Турцiи отъ перевѣса обоихъ императорскихъ кабинетовъ [2]). Такiя предположенiя были довольно согласны съ тѣмъ

mycken caprice, att ingen räkning derpa kunde göras, utan ett land på denna makten». Мнѣнiе Эллiота найдено Гейеромъ въ Упсальской библiотекѣ и имъ же обнародовано.

[1]) *Сборн.* 294. Зап. *Храповицкаго*, 22-го октября 1787 года: «Примѣтно недоброжелательство къ намъ Англiи». 16-го декабря: «Англiйское министерство, по слуху о приступленiи Францiи къ нашему союзу съ императоромъ, приказало формально о томъ объясниться, представя худое состоянiе Францiи и извѣстное по опытамъ къ намъ недоброжелательство; но какъ чрезъ то Францiя можетъ усилиться, то Англiя не приметъ поступка сего равнодушно».

[2]) På detta sätt skulle denna Liga blifva den starkaste, som hankända nagonsin existerat, och det enda medlet att frälsa Turkarna emot Kejserliga hofvens förenade styrka». Pappers, III, 204—206.

образомъ мыслей, на которомъ основывался договоръ, заключенный между Англіей, Пруссіей и Голландіей въ Лоо. Густавъ могъ, начиная войну, надѣяться на союзниковъ. Хотя и главный союзникъ Швеціи, Франція, не рѣшался помогать Густаву въ наступательной войнѣ, но послѣдній тѣмъ болѣе могъ разчитывать на одобреніе Пруссіи и Англіи. Сегюръ пишетъ объ этомъ: „Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Полькенъ, *оставался въ дружбѣ со мною, но былъ откровенъ только съ Англичанами и Пруссаками*“ [1]).

На Данію однако Густавъ *не могъ надѣяться. Датское правительство объявило Шведскому королю, что Данія останется* нейтральною только въ томъ случаѣ, если Русскіе нападутъ на Шведовъ [2]). Если же Густавъ нападетъ на Россію, Данія подастъ помощь послѣдней. Отъ образа дѣйствій Даніи, дѣйствительно, многое зависѣло. Вражда между Скандинавскими государствами продолжалась уже нѣсколько вѣковъ. Со временъ Кальмарской уніи эта ненависть весьма часто выражалась въ кровопролитныхъ войнахъ. Для Швеціи особенно опасенъ былъ союзъ Даніи съ Россіей, вызвавшій уже въ началѣ Сѣверной войны необыкновенныя усилія со стороны Карла XII. Теперь, во второй половинѣ XVIII вѣка, отношенія этихъ трехъ державъ между собою были такія же. Данія желала участвовать въ раздѣлѣ Швеціи, Швеція надѣялась въ будущемъ на присоединеніе къ своимъ предѣламъ Норвегіи, а Россія и при наступательныхъ, и при оборонительныхъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи должна была считать Данію самымъ важнымъ союзникомъ. Швеція, находившаяся одновременно въ опасности и со стороны Россіи, и со стороны Даніи, едвали могла разчитывать на успѣхъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ обѣихъ державъ. И та, и другая располагали флотомъ; Датчане могли вторгнуться въ предѣлы Шведской монархіи со стороны Норвегіи, Русскіе со стороны Финляндіи. Между тѣмъ договоры, направленные противъ Швеціи, неоднократно заключались между Россіей и Даніей, въ продолженіе всего XVIII вѣка. Такъ, напримѣръ, въ 1766 году былъ заключенъ между обоими государствами договоръ, въ тайномъ параграфѣ котораго обѣ державы условились содѣйствовать сохраненію формы правленія, существовавшей тогда въ Швеціи. Извѣстный датскій министръ Струэнзе не хотѣлъ поддерживать русскую политику; но послѣ его паденія договоръ между Даніей и Россіей былъ

[1]) *Сегюръ*, 291.
[2]) Тамъ же.

возобновленъ въ 1774 году. Уже 26-го ноября 1772 года шведскій посланникъ въ Копенгагенѣ писалъ къ Густаву: „Здѣшній дворъ и министерство безусловно преданы Россіи; между тѣмъ какъ низшіе классы здѣсь исполнены уваженія къ вашему величеству, здѣшніе вельможи въ отчаяніи по поводу нашей революціи“ [1]). Въ Швеціи постоянно считали возможнымъ вмѣшательство Даніи въ шведскія дѣла вооруженною рукой. Еще до революціи 1772 года, Густавъ III, бывшій еще наслѣднымъ принцемъ, узналъ, что Данія и Россія, въ случаѣ измѣненія шведской конституціи, готовы сдѣлать нападеніе на Швецію. Въ 1769 году французскій посланникъ въ Копенгагенѣ узналъ изъ разговоровъ съ графомъ Бернсторфомъ, что вооруженіе датскаго флота было направлено противъ Швеціи, и что открытіе или неоткрытіе военныхъ дѣйствій должно было зависѣть отъ того, кого выберутъ въ Стокгольмѣ въ члены тайнаго комитета. Выборъ членовъ партіи „шапокъ“ имѣлъ бы слѣдствіемъ войну. „Данія“, писалъ французскій посланникъ, „считаетъ обезпеченнымъ свое существованіе лишь чрезъ сохраненіе настоящаго государственнаго строя въ Швеціи. Къ тому же она всѣми мѣрами старается угодить Россіи“ [2]).

Положеніе Даніи было дѣйствительно опасно: Густавъ серіозно думалъ о завладѣніи Норвегіей. Государственный переворотъ 1772 года могъ считаться первымъ шагомъ къ достиженію этой цѣли. Еще до этого событія Густавъ думалъ, о томъ, чтобы въ одно и то же время сдѣлаться „освободителемъ“ и Швеціи, и Норвегіи. Въ запискѣ, составленной имъ тогда подъ заглавіемъ: Réflexions sur la Suède et la Norvège au mois d'août 1772, сказано между прочимъ:

„Всматриваясь въ настоящее положеніе трехъ Скандинавскихъ государствъ, нельзя не найдти, что они всѣ страдаютъ отъ однихъ и тѣхъ же бѣдствій. Въ Швеціи ограниченіе монархической власти повело къ такому печальному положенію, въ какомъ находится Польша. Въ Даніи деспотическая власть находилась въ рукахъ ребенка и потому перешла также въ руки вельможъ, а въ послѣдствіи болѣзненное состояніе короля было причиной, что власть оставалась въ рукахъ фаворитовъ. Отъ всего этого еще болѣе страдаютъ Норвежцы, питающіе ненависть къ Даніи и презирающіе своего государя. Поэтому стоитъ только явиться смѣлому человѣку, который посредствомъ революціи прогналъ бы Датчанъ и возстановилъ бы прежнюю свободу Норвегіи. Естественно, что взоры Норвежцевъ при этомъ случаѣ устремлены на Швецію. Не смотря на то, что въ самой Швеціи государство находится въ крайней опасности, и что король ея едва-едва можетъ считаться царствующимъ, въ настоящую минуту можно думать объ этомъ предпріятіи. Принцу Оранскому,

[1]) Gustaf's Pappers, I, 234.

[2]) Тамъ же, I, 92.

простому дворянину, удалось освободить Нидерланды изъ рукъ Филиппа II мужествомъ и любовью къ свободѣ; такимъ же образомъ и король Шведскій могъ бы вырвать Норвегію изъ рукъ слабаго государя, не имѣющаго союзниковъ, между тѣмъ какъ онъ долженъ опасаться Англіи и не имѣетъ основанія надѣяться на Россію, занятую своими собственными дѣлами. Франція, монархъ которой соединенъ со Шведскимъ королемъ тѣсною дружбой, съ удовольствіемъ будетъ смотрѣть на увеличеніе власти сего послѣдняго. Данія еще только надѣется на внутренній раздоръ въ Швеціи; но мужество Шведскаго короля въ союзѣ съ интересами народа, было бы порукой успѣха“ и т. д. [1]).

Въ сентябрѣ 1772 года распространился слухъ о томъ, что Датчане вооружаются въ Норвегіи. Густавъ уже сталъ принимать мѣры для рѣшительныхъ дѣйствій и отправилъ графа Толля къ норвежской границѣ, чтобы разузнать о положеніи этого края. Оказалось, что прежніе слухи о неудовольствіи въ Норвегіи были преувеличены [2]). Данія не начала войны, и Швеція пока оставила свои замыслы въ отношеніи къ Норвегіи. Но уже вскорѣ послѣ этихъ событій опять можно было ожидать столкновенія. Предполагая сдѣлать нападеніе на Россію, король писалъ въ 1775 году: „Я нуждаюсь въ трехъ арміяхъ: одна будетъ воевать съ Россіей, другая, обсерваціонная, должна находиться въ Шонін, третья на границѣ Норвегіи“ [3]). Въ 1780 году возобновились слухи о предположеніи Густава относительно Норвегіи [4]). Екатерина писала объ этомъ Густаву, находившемуся въ Италіи. Густавъ около этого времени искалъ дружбы Россіи, а шведскій посланникъ въ Копенгагенѣ, графъ Крейцъ, въ 1784 году совѣтовалъ Густаву, посѣтившему въ предыдущемъ году императрицу, скорѣе думать о заключеніи тѣснаго союза съ Даніею, чѣмъ о пріобрѣтеніи дружбы Россіи. Этимъ способомъ, какъ полагалъ графъ Крейцъ, можно было бы измѣнить политическую систему на сѣверѣ Европы въ самой ея сущности. Густавъ предполагалъ проѣхать изъ Италіи въ Копенгагенъ, но въ отвѣтѣ къ графу Крейцу утверждалъ, что при личной ненависти къ Даніи онъ не считаетъ возможнымъ заключеніе союза съ этою державой:

„Великій канцлеръ (Аксель Оксеншерна современникъ Густава Адольфа), прибавилъ Густавъ, зналъ хорошо, что Данія всегда готова измѣнить Швеціи; она съ того времени не измѣнила своего образа мыслей и поэтому по-

---

[1]) Pappers, I, 230—233.

[2]) Pappers, I, 203.

[3]) Pappers, II, 108.

[4]) См. проектъ Густава въ Pappers, III, 18 и слѣд.

теряла Шонію. Однимъ словомъ, я въ этомъ отношеніи думаю такъ, какъ думалъ Ганнибалъ въ отношеніи къ Римлянамъ“ [1]).

Около того же времени король Шведскій отправилъ барона Функа въ Норвегію, чтобы разузнать о тамошнемъ настроеніи умовъ касательно вопроса объ отложеніи ея отъ Даніи. Итакъ, въ случаѣ войны Швеціи съ Россіей нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Данія будетъ союзникомъ Екатерины. По этому вопросу даже существовали особыя постановленія въ договорахъ между Даніей и Россіей. На основаніи трактата 1773 года Данія, въ случаѣ нападенія Швеціи на Россію, была обязана поставить извѣстное число кораблей и извѣстное количество войска, чтобы сдѣлать диверсію на границѣ между Швеціей и Норвегіей. Густавъ зналъ объ этомъ, и рѣшившись на войну съ Россіей, въ началѣ 1788 года сдѣлалъ попытку освободиться отъ опасности, угрожавшей ему со стороны Даніи.

Густавъ самъ отправился въ Копенгагенъ, чтобы подѣйствовать на датское правительство. Не смотря на помощь, оказанную ему при этомъ случаѣ посланниками англійскимъ и прусскимъ, эта цѣль не была достигнута. До послѣдней минуты скрывалъ свое намѣреніе начать войну съ Россіей, Густавъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пригласилъ датскаго наслѣднаго принца присутствовать на чрезвычайныхъ маневрахъ шведскаго войска въ Шоніи [2]). Принцъ, считая Густава расположеннымъ къ войнѣ, обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ ему не нарушать мира. Также и принцъ Карлъ Гессенскій, датскій фельдмаршалъ, писалъ королю и говорилъ, что Густавъ въ войнѣ съ Россіей, даже и при удачныхъ для Швеціи военныхъ дѣйствіяхъ, не будетъ въ состояніи удержать за собою результаты успѣха, если Россія вдругъ заключитъ миръ съ Оттоманскою Портой. Густавъ въ отвѣтѣ къ принцу Карлу умолялъ его содѣйствовать, чтобы датское правительство воспользовалось удобною минутой для заключенія тѣснаго союза съ Швеціею. Онъ грозилъ, въ случаѣ отказа, нападеніемъ на Данію:

„Вооруженія Швеціи таковы, сказано въ его письмѣ, что по истеченіи лишь одного мѣсяца шведское правительство можетъ замѣнить всѣ войска, отправленныя въ Финляндію, свѣжими, и тогда шведское войско будетъ сильнѣе того, которое Данія можетъ выставить противъ Швеціи“ [3]).

Хотя послѣ этого Данія только довольно поздно рѣшилась открыть военныя дѣйствія противъ Швеціи и исполнить такимъ образомъ обя-

[1]) Pappers, III, 17, 18.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1788, стр. 634: Изъ Копенгагена, 29-го апр.

[3]) Mémoires d'un officier suédois, рук. въ Имп. библ. въ С.-Петерб.

зательство договора 1773 года съ Россіей, хотя даже и Россія осенью 1788 года не особенно поддерживала военныя дѣйствія Даніи въ юго-западной части Швеціи, однако еще весной 1788 года Екатерина получила изъ Копенгагена основательнѣйшія свѣдѣнія о приготовленіяхъ Швеціи къ походу; уже этимъ Данія оказывала русскому правительству тѣмъ болѣе важную услугу, что въ Петербургѣ никакъ не ожидали войны съ Швеціей.

Густавъ, дѣйствительно, могъ считать отношенія Россіи къ Швеціи крайне опасными. При сильномъ вліяніи русскихъ и прочихъ дипломатовъ въ Стокгольмѣ на значительную партію въ дворянствѣ и при важныхъ привилегіяхъ, которыми пользовалось шведское дворянство, можно было считать верховную власть Шведскаго короля чуть-ли не мнимою. Россія мѣшала политическимъ реформамъ; у русскаго посланника дворяне собрались въ ту ночь, когда въ 1768 году королевская партія имѣла въ виду совершить переворотъ въ пользу неограниченной монархіи; въ слѣдующемъ году носились слухи, что Россія, для предупрежденія дальнѣйшихъ подобныхъ попытокъ, собираетъ войско и готовится къ походу [1]). Пока Россія еще не начала войны; однако переворотъ 1772 года могъ уже считаться явнымъ нарушеніемъ Ништадтскаго мира. Поэтому тогда уже можно было ожидать рѣшительныхъ мѣръ со стороны Екатерины. Русское правительство, дѣйствительно, усилило гарнизоны въ крѣпостяхъ русской Финляндіи [2]). Густавъ съ своей стороны распорядился объ усиленіи укрѣпленій въ Свеаборгѣ. Но Англія явилась посредницей между Швеціей и ея сосѣдями, и такимъ образомъ на этотъ разъ дѣло обошлось безъ войны. Неудовольствіе Екатерины однако выразилось, между прочимъ, въ отказѣ Густаву со стороны Петербургскаго двора, когда Шведскій король изъявилъ готовность отправить къ императрицѣ посланника. По временамъ вновь носились слухи о вооруженіяхъ Россіи; говорили, что Россія, послѣ нарушенія со стороны Швеціи Ништадтскаго мира введеніемъ новаго государственнаго устройства, можетъ также считать этотъ договоръ недѣйствительнымъ и занять всѣ тѣ части Финляндіи, которыя до этого мира были заняты русскими войсками; разказывали, что Екатерина уже имѣла на готовѣ войско въ 10.000 человѣкъ и галерный флотъ, состоявшій изъ 73 судовъ, чтобы сдѣлать нападеніе на Шве-

[1]) Наслѣдный принцъ писалъ къ графу Шеффру 1 го мая 1769 года: «Vi erhâlla i detta ögonblick underrättelse att Kejsarinnan samlat Krigsfolk i Petersburg och rustar i Cronstadt». Gustaf's Pappers, I, 92.

[2]) Pappers, I, 234.

цію. Въ концѣ 1772 года Густавъ, въ письмѣ къ графу Шеффереу, выразилъ опасеніе, что хотя и на этотъ разъ буря затихла, но въ слѣдующемъ году можно ожидать ея возобновленія. Около этого же времени Екатерина писала къ Вольтеру по поводу событій въ Стокгольмѣ (6/17 октября):

„Кстати, что вы скажете о революціи въ Швеціи? Въ четверть часа или еще менѣе народъ лишился тамъ своей конституціи и своей свободы. Въ продолженіе двадцати минутъ представители сословій, окруженные войсками, обсудили 57 пунктовъ, изъявили свое согласіе и подписали ихъ. Я не знаю, можно ли назвать это кроткою властью, но ручаюсь, что Швеція лишена своей свободы, и что король въ этомъ государствѣ имѣетъ такую же деспотическую власть, какую имѣетъ король Французскій. И это могло совершиться не болѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ того, что король и народъ дали клятву соблюдать взаимныя права!“.

Въ другомъ письмѣ отъ 11/22 октября Екатерина писала Вольтеру о намѣреніи Густава завладѣть Норвегіей и прибавила, что вслѣдствіе этого можно ожидать общей войны [1]). Однако войны все еще не было. Отношенія между Густавомъ и Екатериной сдѣлались даже чуть-ли не дружественными. Еще до государственнаго переворота Фридрихъ II совѣтовалъ своему племяннику посѣтить императрицу и воспользоваться ея совѣтами. Свиданіе это состоялось немного позже революціи съ тою цѣлью (какъ писалъ Густавъ въ своемъ дневникѣ), „чтобъ изгладить слѣды неудовольствія императрицы, произведеннаго достопамятнымъ 19-мъ августа 1772 года“ [2]); но какъ непрочна была эта дружба, видно изъ одного мнѣнія короля (prememoria), писаннаго въ октябрѣ 1775 года, въ которомъ сказано между прочимъ:

„Слѣдя за вооруженіями Россіи, я не могу не видѣть въ нихъ намѣренія вторгнуться въ предѣлы моего государства и исполнить предположенія, существующія уже со времени революціи, но устраненныя на время польскими дѣлами и Турецкою войной. Все клонится къ войнѣ въ настоящемъ или въ будущемъ году; должно, не теряя ни одной минуты, готовиться къ оборонѣ. Чтобъ окончить по возможности скорѣе такую войну, я намѣренъ всею силой напасть на Петербургъ и принудить такимъ образомъ императрицу къ заключенію мира“.

Но вскорѣ послѣ этого состоялось свиданіе между Екатериной и Густавомъ, и слухи о предстоящей войнѣ умолкли, по крайней мѣрѣ на время. Екатерина обласкала своего родственника, подарила ему значительную сумму денегъ и начала съ нимъ переписку. Густавъ

---

[1]) Pappers, I, 228, 229.

[2]) «För att söka utplåna den bitterhet som den merkvärdiga dagen, d. 19 Aug. 1772, lemnat i hennes sinne».

проповѣдывалъ тогда миръ и въ письмѣ къ Екатеринѣ напомнилъ ей ея собственное изреченіе:

„Я люблю миръ и не начну войны; но въ случаѣ нападенія на меня, буду защищаться.... Швеція, замѣтилъ король далѣе, подобно выздоравливающему больному нуждается въ спокойствіи. Король этого государства считаетъ своею честью сохранить миръ. Онъ не можетъ начать войны безъ согласія на это чиновъ, и то обстоятельство, что онъ самъ въ этомъ отношеніи связалъ руки себѣ и своимъ наслѣдникамъ, должно считаться ручательствомъ основательности этого убѣжденія съ его стороны".

Указывая за-тѣмъ на опасность, угрожавшую равновѣсію Европы со стороны Пруссіи, и желая разорвать союзъ между Фридрихомъ и Екатериной, король прибавляетъ:

„Умиротворить Европу было бы достойно вашего величества; я былъ бы счастливъ, какъ вашъ почитатель, другъ и родственникъ, если бы могъ содѣйствовать вамъ къ достиженію такой высокой и благотворной для человѣчества цѣли".

Однако краснорѣчіе въ перепискѣ между императрицей и Густавомъ не совсѣмъ согласовалось съ ихъ образомъ мыслей; шведскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Крейцъ, писалъ 5-го сентября 1777 года:

„Верженнъ сказалъ мнѣ, что императрица послѣ вашего отъѣзда употребила выраженія, изъ которыхъ видно, что ея дружба не искренна; она между прочимъ замѣтила, что не вѣритъ въ истину дружбы вашего величества" [1]).

Между тѣмъ казалось, что король былъ весьма доволенъ успѣхомъ своей поѣздки въ Петербургъ. 5-го августа 1777 года онъ написалъ къ графу Крейцу:

„Мое путешествіе удалось сверхъ ожиданія, и я уже пожинаю плоды его. Прежняя партія *шапокъ* уничтожена, и интриги дворянъ прекратились послѣ того, какъ рушились ихъ надежды безпокоить мое царствованіе возбужденіемъ ненависти ко мнѣ со стороны императрицы. Предразсудки замѣнены дружбой, и русскому посланнику поручили уже совершенно измѣнить свой образъ дѣйствій".

Казалось въ самомъ дѣлѣ, что императрица желала дружбы съ Густавомъ. У послѣдняго родился сынъ, и послѣ этого Екатерина въ письмѣ къ королю подробно разсказала о воспитаніи великаго князя Александра Павловича, о томъ, какъ она сама заботилась о его пищѣ, купаньѣ въ холодной водѣ, о вентиляціи въ его комнатѣ и о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ сю для того, чтобы ребенокъ никоимъ образомъ не изнѣжился, о его прогулкахъ въ свѣжую погоду и т. п. [2]).

---

[1]) Att han ej brodde på varaktigheten af den (vänskap, den) E. M. betygat för henne).

[2]) См. весьма любопытную и подробную статью въ изданіи Гейера, Gustaf's Pappers, II, 111 — 113.

Густавъ же, при своихъ стараніяхъ ввести при своемъ дворѣ національное платье, указывалъ на примѣръ Екатерины, достойный подражанія. Онъ же осенью 1777 года отправилъ своего шталмейстера Мунка въ Петербургъ къ Екатеринѣ и великому князю Павлу Петровичу съ подарками, состоявшими въ экипажахъ и лошадяхъ [1]). Въ 1782 году у Густава родился второй сынъ, и при этомъ случаѣ онъ просилъ императрицу быть воспріемницей новорожденнаго, при чемъ напоминалъ о слышанной имъ отъ нея поговоркѣ, что только два сына — сынъ. Екатерина отвѣчала: „Нѣтъ, одинъ сынъ не сынъ, два сына — полсына, три сына — сынъ“ [2]).

Въ 1783 году состоялось второе свиданіе между Екатериной и Густавомъ въ Фридрихсгамѣ, не смотря на то, что Густавъ незадолго до этого упалъ съ лошади и сломалъ себѣ руку [3]). Екатерина занималась изученіемъ исторіи, получала отъ Густава книги по исторіи Швеціи, хвалила его ученость, когда онъ для нея составлялъ обзоръ содержанія отправленныхъ къ ней книгъ, и увѣряла его, что она смотритъ на него, какъ на самаго достойнаго члена академіи наукъ [4]). Но при всемъ томъ ни Густавъ, ни Екатерина не забывали политическихъ вопросовъ и мечтали первый о Норвегіи, вторая — о Финляндіи.

„Говорятъ“, писала Екатерина Густаву въ Венецію осенью 1783 года, „что вы намѣрены напасть на Финляндію и идти прямо къ Петербургу, но всей вѣроятности, чтобы здѣсь поужинать. Я, впрочемъ, не обращаю вниманія на такую болтовню, въ которой выражается лишь игра фантазіи“ [5]).

Екатерина не могла не узнать о договорѣ, заключенномъ между Швеціей и Франціей; она слѣдила за вооруженіями Швеціи. Весной 1784 года Густавъ былъ въ Финляндіи, обозрѣвалъ здѣсь войска и укрѣпленія.

Но и со стороны Россіи продолжались дѣйствія, внушавшія опасенія Густаву. Въ 1786 году одинъ русскій генералъ подъ предлогомъ обыкновеннаго путешествія объѣхалъ всю Финляндію, осмот-

---

[1]) Pappers, II, 110, замѣчаніе.

[2]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 184.

[3]) Г. Соловьевъ несправедливо замѣчаетъ, что свиданіе это не состоялось. Къ Потемкину Екатерина писала о впечатлѣніи, произведенномъ Густавомъ на нее: «J'ai seulement trouvé qu'il était excessivement occupé de sa parure, se tenant fort volontiers devant le miroir et ne permettant à aucun officier de se présenter autrement à la cour qu'en habit noir et ponceau et point en uniforme». См. соч. *Лебедева*, Графы Панины, 306.

[4]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 184.

[5]) *Herrmann* въ Раумеровомъ *Taschenbuch*, 1857, стр. 386.

рѣлъ крѣпости и дефилеи, обращалъ вниманіе на мѣста, удобныя для военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, и старался разузнать о настроеніи умовъ въ населеніи Финляндіи [1]). По случаю сейма въ Стокгольмѣ въ этомъ же году, русскій дипломатъ въ Швеціи умѣлъ воспользоваться раздоромъ между королемъ и дворянствомъ: въ домѣ русскаго посланника происходили сходки оппозиціонныхъ депутатовъ сейма; одинаково дѣйствовали въ этомъ отношеніи Остерманъ, Морковъ, а послѣ того какъ Густавъ требовалъ удаленія послѣдняго, и Разумовскій [2]). Поддерживаемые Морковымъ, графъ Аксель Ферзенъ и семейство Браге на сеймѣ 1786 года находились во главѣ партіи враждебной королю; ни одно болѣе или менѣе важное предложеніе короля не было принято; говорили, что русскій посланникъ тогда уже чрезъ барона Спренгтпортена, вступившаго въ послѣдствіи въ русскую службу, узналъ о подробностяхъ событій на сеймѣ, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, могли считаться настоящею причиной войны 1788 года [3]). О Спренгтпортенѣ разказывали далѣе, что онъ сообщилъ князю Потемкину самые тайные проекты обороны Швеціи и Финляндіи, которые были имъ самимъ составлены и одобрены королемъ [4]). Вступленіе Спренгтпортена въ русскую службу, впрочемъ съ согласія короля Густава, было чувствительною потерей для Швеціи и значительною выгодой для Россіи по вопросу о пріобрѣтеніи Финляндіи.

Спренгтпортенъ въ борьбѣ между Густавомъ и Екатериной игралъ ту роль, которую при Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ игралъ Паткуль. И тотъ, и другой были представителями аристократической оппозиціи въ борьбѣ съ королевскимъ авторитетомъ; и тотъ, и другой мечтали о несбыточной политической самостоятельности провинцій, бывшихъ яблокомъ раздора между Россіей и Швеціей; и тотъ, и другой от-

---

[1]) *Posselt*, 339.

[2]) См. статью о Потемкинѣ въ журналѣ *Minerva* 1798, IV, 465 и слѣд.

[3]) *Arndt*, Schwedische Geschichten, 106.

[4]) Письмо изъ Петербурга, отъ 9-го февраля 1787 года: «Das Publikum bleibt bei der Meinung, der Baron von Sprengtporten habe noch früher, als er die königlich schwedischen Kriegsdienste verlassen, besonders aber bei dem letzten Reichstage in Stockholm dem hiesigen Hofe wichtige Dienste geleistet, welche der Herr von Morkow, als damaliger russischer Gesandter, vortrefflich zu benutzen gewusst habe. Gewisse Personen behaupten sogar, dass er die geheimsten Defensionsplane von Schweden und Finnland, die er vor etlichen Jahren selbst entworfen, und welche vom Könige von Schweden sehr approbirt worden, dem Fürsten Potemkin communicirt haben soll». См. статью Германна въ *Taschenb.* Раумера, 1857, стр. 399.

личались способностями для военной и дипломатической карьеры; разчитывал на соперничество между двумя большими государствами, оба они надѣялись достигнуть большихъ выгодъ для своей родины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; но эти слишкомъ узкія понятія о мѣстномъ патріотизмѣ, которыя у нихъ часто совпадали съ понятіями о феодальныхъ правахъ и объ аристократической республикѣ, довели ихъ до того, что они совсѣмъ лишились отечества. Въ Швеціи ихъ обоихъ считали измѣнниками и политическими преступниками, въ Россіи на нихъ смотрѣли съ подозрѣніемъ, хотя награждали ихъ и пользовались ихъ услугами для цѣлей русской политики.

Баронъ Спренгтпортенъ находился во главѣ сепаратистской партіи въ Финляндіи; онъ тамъ былъ организаторомъ тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью политическую агитацію. Его сношенія съ русскимъ посланникомъ Морковымъ въ Стокгольмѣ, его совѣщанія съ представителемъ Россіи въ Голландіи, его бесѣды съ императрицей Екатериною, все это не могло оставаться тайной для Густава. Король узналъ даже подробности дѣйствій этого даровитаго человѣка, способнаго къ политической интригѣ. Чѣмъ болѣе Спренгтпортенъ зналъ Финляндію, чѣмъ лучше онъ, въ случаѣ войны, находясь на сторонѣ Россіи, могъ воспользоваться своимъ подробнымъ знакомствомъ съ мѣстностью для стратегическихъ цѣлей и знакомыми ему лицами для распространенія своихъ идей объ отторженіи Финляндіи отъ Швеціи, тѣмъ опаснѣе могло казаться его вступленіе въ русскую службу. Объѣзжая Финляндію, разузнавая настроеніе умовъ тамошняго населенія, дѣйствуя всѣми мѣрами на дворянство и готовя рѣшительный разрывъ съ Швеціей, онъ скрытно дѣйствовалъ въ Финляндіи въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ Морковъ и Разумовскій довольно открыто дѣйствовали въ Стокгольмѣ.

Густавъ долженъ былъ думать о средствахъ остановить это движеніе. Съ одной стороны, ему были связаны руки постановленіемъ конституціи, которое запрещало ему начинать войну безъ согласія представителей дворянства; съ другой, именно война, успѣшная война съ Россіей, торжество надъ этимъ сильнымъ союзникомъ оппозиціоннаго дворянства могли спасти его. Нельзя было надѣяться, что дворянство охотно согласится на разрывъ съ Россіей, но нельзя было и опасаться, чтобы послѣ удачнаго похода, послѣ геройскихъ подвиговъ въ такой войнѣ, шведскій народъ могъ оказаться взыскательнымъ за нарушеніе конституціи объявленіемъ войны безъ согласія сейма. Въ такомъ случаѣ король могъ смѣло разчитывать на сочув-

ствіе низшаго и средняго классовъ. Возбужденіе патріотизма въ послѣднихъ значило почти то же самое, что возбужденіе ненависти противъ сословныхъ интересовъ высшихъ слоевъ шведскаго общества, чуждыхъ общенаціональнымъ интересамъ. Въ отчаянномъ положеніи, въ которомъ находились Швеція и Густавъ, единственнымъ средствомъ казалась военная диктатура. Густавъ-диктаторъ могъ думать одновременно о побѣдахъ надъ русскими войсками и о дальнѣйшихъ государственныхъ переворотахъ. Поэтому-то и можно назвать войну 1788 года какъ бы продолженіемъ революціи 1772 года. Шестнадцать лѣтъ прошло со времени этой революціи, и Россія въ продолженіе этого періода не объявляла войны Швеціи за такое нарушеніе Ништадтскаго мира. Послѣдніе годы Густавъ употребилъ, большею частью съ помощью французскихъ денегъ, для вооруженія Швеціи, для постройки крѣпостей, для снаряженія флота, для умноженія и обученія войска. Наконецъ, въ то время, когда Россія была занята Турецкою войной, когда значительнѣйшая часть русскихъ войскъ находилась на югѣ, когда Россія никакъ не ожидала нападенія со стороны Швеціи, Густавъ рѣшился открыть военныя дѣйствія.

Въ надеждѣ на покровительство Англіи и Пруссіи начиная борьбу съ Россіей, одновременно открывая съ русскимъ посланникомъ и съ русскимъ кабинетомъ дипломатическую переписку, долженствовавшую скоро окончиться передачей ультиматума, и отправляя уже войско и флотъ въ Финляндію, Густавъ, подобно азартному игроку, бросился въ отчаянное предпріятіе, которое легко могло повести къ самымъ страшнымъ катастрофамъ для Швеціи, и особенно для самого короля. При этомъ случаѣ нетрудно было Густаву найдти поводъ къ войнѣ, потому что Россія, хотя и не желала ея, не переставала дѣйствовать въ прежнемъ направленіи своей политики по шведскимъ дѣламъ. За то Густаву въ такихъ обстоятельствахъ было почти невозможно дать войнѣ, начатой имъ, характеръ оборонительный. Никакія интриги не могли спасти короля отъ упрека, что на немъ лежала отвѣтственность за открытіе военныхъ дѣйствій. Онъ могъ утверждать, что политика Россіи и оппозиція внутри Швеціи заставляли его принять рѣшительныя мѣры, и что, начиная войну для защиты независимости Швеціи и поддержанія королевской власти, онъ лишь оборонялся; но формальная, юридическая сторона этого вопроса была ясна: не Россія начала войну въ 1788 году, а Швеція. Россія начала только дипломатическую переписку, поводомъ къ которой послужили приготовленія въ войнѣ со стороны Швеціи весной этого года.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ Густавъ заботился о приведеніи въ надлежащее состояніе войска и флота. Флотъ въ особенности находился въ лучшемъ состояніи, чѣмъ когда-либо [1]). Вообще, тогда считали Швецію весьма сильною и хорошо приготовленною къ войнѣ. Англійскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Чарльсъ Кинъ (Charles Keene), писалъ въ Англію, что предположенную Густавомъ войну можно считать весьма опаснымъ предпріятіемъ, но что, по всей вѣроятности, можно ожидать успѣха для Швеціи на морѣ, потому что шведскій флотъ, безъ сомнѣнія, превосходитъ русскій и по свойству кораблей, и по способностямъ экипажей [2]). Напротивъ того вооруженіе Россіи считалось въ западной Европѣ недостаточнымъ. Сегюръ пишетъ объ этомъ:

„Ложные слухи и дурные совѣты подстрекнули Густава къ смѣлому нападенію. Говорили, что русскій флотъ плохо вооруженъ, что матросы все новобранцы. Густавъ тѣмъ легче вѣрилъ этимъ слухамъ, что имъ вѣрили вездѣ, даже у насъ (во Франціи). Нашъ дворъ, не смотря на мои донесенія, полагалъ, что русская армія сильна болѣе по виѣшности, нежели на самомъ дѣлѣ. Правда, что на сѣверѣ русскія силы были незначительны, но онѣ были размѣщены по проходамъ, удобнымъ для вторженія, и потому останавливали Шведовъ“ [3]).

Изъ переписки Густава со шведскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, барономъ Нолькеномъ, видно также, что король надѣялся застать Россію не приготовленною къ войнѣ. Нолькенъ самыми мрачными красками изображалъ положеніе Россіи, говорилъ о дороговизнѣ и неурожаѣ, о часто повторяющихся рекрутскихъ наборахъ, о тяжести налоговъ и повинностей, о разныхъ недостаткахъ въ администраціи и замѣчалъ, что все это лишало Россію возможности оборониться надлежащимъ образомъ въ случаѣ войны [4]). И другіе дипло-

[1]) Шанцъ говоритъ, что все было устроено самымъ удовлетворительнымъ образомъ; издатель же записокъ графа Стединка, генералъ Бьернштерна, замѣчаетъ (I, 76): «L'armée était mal exercée et mal disciplinée; la faute en était en grande partie au roi même, qui regardait exercice et discipline comme pédanterie et caporalisme.... le matériel de l armee etait délabré; il fallait s'emparer de plusieurs forteresses, et l'on n'avait ni canons de calibre, ni munition de guerre de ce genre. On manquait également de fusils de réserve, de personnes entendant le service des vivres et fourrages, de chirurgiens et de l'attirail nécessaire pour former des hôpitaux» и проч. Относительно флота Бьернштерна замѣчаетъ впрочемъ, что хотя число шведскихъ кораблей и не превосходило числа русскихъ судовъ, но матросы шведскіе считались лучше русскихъ.

[2]) *Herrman* у Раумера, l. c., 1857, стр. 411.

[3]) Mémoires.

[4]) «La disette presque générale, les recrues fortes, se succédantes plus rapide-

маты сообщали подобныя извѣстія о финансовыхъ затрудненіяхъ, съ которыми боролась тогда Россія, и о недостаткахъ бюрократическаго управленія [1]). Въ началѣ 1788 года Полькенъ писалъ королю, что всѣ войска, которыми располагать русское правительство могло, отправлены въ турецкій походъ, и что только весьма немного солдатъ оставлено въ Петербургѣ и его окрестностяхъ для защиты столицы въ случаѣ опасности со стороны Швеціи. При этомъ шведскій посланникъ увѣрялъ Густава, что Россія могла бы думать лишь объ оборонѣ и должна желать мира съ сосѣдями, пока не кончится Турецкая война [2]). Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года Полькенъ повторялъ то же самое, что Россія не думаетъ начинать войны съ Швеціей, и что при разстройствѣ финансовъ и незначительныхъ гарнизонахъ даже въ пограничныхъ крѣпостяхъ Финляндіи, при плохомъ состояніи, въ которомъ находились эти крѣпости, при томъ обстоятельствѣ, что даже изъ самой Финляндіи были отправлены войска въ Турцію, никакъ нельзя предполагать, чтобы Россія думала о войнѣ [3]).

ment que jamais, les impôts et les corvées, mais surtout la manière barbare et interessée, avec laquelle se font toutes ses opérations et la tyrannie d'une partie de ceux qui en sont chargés et dont l'impudence à voler la couronne et à écorcher les particuliers surpasse tout ce qu'on voit ailleurs; tout cela rend la Russie dans le moment présent infiniment malheureuse et absolument épuisée». Изъ государств. архива въ Швеціи; см. *Malmanen*, Anjala-förbundet, стр. 12.

[1]) См. письмо Фицъ-Герберта къ маркизу Кармартену 24-го августа 1786 г. о высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и о недобросовѣстности поставщиковъ для войска. Письмо Сакена $^{12}/_{23}$ февраля 1786 года: «Niemals ist das Finanzministerium unordentlicher dirigirt worden als jetzt» и т. д.; см. *Herrmann*, Ergänzungsband Gotha, 1860 г. стр. 632, 647.

[2]) «On a employé toutes les troupes, dont on a pu disposer pour être en force contre les Turcs, et celles, qui sont restées ici ou à portée de la capitale, auraient sans doute été du nombre des premières, si la défiance qu'on a eu de l'intention de Votre Majesté n'eut inspiré la précaution de les fixer ici. Mais elles ne sont certainement destinées qu'à la défense, et il est évident, que Sa Majesté l'Impératrice de Russie ne peut désirer que la tranquillité avec ses voisins autant que durera sa grande querelle». $\frac{\text{28-го января}}{\text{8-го февраля}}$, тамъ же, у Мальманена 14.

[3]) «La situation de l'empire est dans le moment présent des plus critiques et des plus tristes. La misère règne d'un bout à l'autre. Les espèces en argent et en cuivre sont presque entièrement disparues et la cherté passe toutes les bornes. Un abattement dans tous les esprits, un mécontement profond et général en sont les fruits; et les personnes sensées de la nation s'étonnent que l'époque si malheureuse n'ait point fait éclore quelque révolte au sein de l'Empire».... 7-го марта: «Peut être jamais la cour de Pétersbourg a moins nourri de projets hostiles contre la

Густавъ старался распространить слухъ, что Россія вооружалась противъ Швеціи, что на границахъ уже были открыты военныя дѣйствія Русскими, между тѣмъ какъ самъ главнокомандующій шведскими войсками въ Финляндіи, графъ Поссе, былъ убѣжденъ въ миролюбіи Екатерины, и шведскія войска, прибывшія въ Финляндію, скоро убѣдились въ томъ же. Это обстоятельство могло служить важнѣйшимъ побужденіемъ къ войнѣ для Густава. Онъ чувствовалъ себя сильнѣе Россіи. Узнавъ, что Полькенъ можетъ ручаться головой за сохраненіе мира со стороны Россіи [1]), онъ тѣмъ охотнѣе готовился напасть въ расплохъ на русскую Финляндію. Наконецъ, онъ надѣялся видѣть результаты многолѣтнихъ приготовленій къ войнѣ. Въ 1782 г. былъ учрежденъ въ Стокгольмѣ гидрографическій департаментъ, въ которомъ съ тѣхъ поръ составлялись спеціальныя карты и Финскаго залива. Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ участіе Швеціи въ вооруженномъ нейтралитетѣ, подававшее поводъ къ отправленію морскихъ экспедицій, было хорошею школой для шведскаго флота. Новыя изобрѣтенія въ области кораблестроенія были въ Швеціи примѣнены на практикѣ трудами одного изъ замѣчательнѣйшихъ спеціалистовъ по этой части, Фридриха-Гейприха Чапмана. По соображеніямъ этого

Suède que dans le moment présent, où toutes les forces s'absorbent par la guerre, et que ce n'est peut-être par conséquent qu'une précaution raisonnable, qui ait dicté les mesures prises dans les contrées limitrophes aux états de Votre Majesté». $^{3}/_{14}$ марта: «Je ne puis qu'assurer Votre Majesté et avec la plus parfaite connaissance de cause, que l'Impératrice ne couve aucun plan hostile contre la Suède, et qu'il serait même impossible qu'Elle en conçut dans le moment présent où Elle ne languit qu'après la fin d'une guerre, à laquelle Elle ne s'attendait pas. Ne pouvant pas encore empêcher les prétendus bruits, formés en Finlande et exagérés peut-être par les nouvelles ou rapports à ce sujet, je suis très persuadé, comme j'ai eu l'honneur de le marquer en dernier lieu, que tous ces mouvements ne sont faits que pour prendre les précautions, qu'on aura crû à sa place; considération, qui a fait retenir ici la plus grande partie des troupes de la division de Pétersbourg.» «Kejsarinnan är tvifvelsutan uppfylld med så fullkomligt, som obilligt agg emot E. K. Majestät, men tiden att låta det utbrista tyckes ej vara kommen och synes åtminstone förutsätta fredens återställande med Porten». Det går ett rykte att mellan Neva och Cronstadt försvarsanstalter göras... Garnisonerne uti Wiborg och Frederikshamn äro mycket förminskade... Under vägen har Major Morian mätt 860 jägare, som marcherat till Petersburg, hvilka äro destinerade till stora lägret eller Turkiet». Въ маѣ Полькенъ пишетъ, что «les forteresses en Finlande et en Livonie sont en très mauvais état». *Malmanen*, l. c., 13, 15.

[1]) *Rein*, l. c., 52.

послѣдняго и Эренсверда былъ выстроенъ галерный флотъ, столь важный въ особенности при защищеніи береговъ [1]). Кромѣ того Эренсвердъ привелъ въ надлежащее состояніе укрѣпленія въ Свеаборгѣ [2]); значительное число рабочихъ трудились въ Карлскронѣ день и ночь, чтобы приготовить флотъ къ отплытію.

Въ началѣ мая король писалъ къ графу Поссе въ Финляндію, чтобы все было готово къ походу, чтобы вездѣ находились надлежащіе запасы, и чтобы крѣпости Свартгольмъ и Свеаборгъ были въ исправномъ состояніи [3]). Главныя распоряженія касались флота. Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Густавъ приказалъ, чтобы флотъ былъ готовъ къ отплытію изъ Карлскроны къ концу мая, чтобъ его снабдили съѣстными припасами на три года, и чтобы сухопутныя войска готовились къ переправѣ въ Финляндію. $^{17}/_{28}$ мая братъ Густава, герцогъ Сюдерманландскій Карлъ, начальникъ флота, прибылъ въ Карлскрону; на другой день пріѣхалъ и самъ король. $^{29\text{-го мая}}_{9\text{-го іюня}}$ корабельный флотъ выступилъ въ море. Но о предстоящей войнѣ съ Россіей еще не объявлялось. Даже экипажи на флотѣ не знали о цѣли предпріятія. Командиры отдѣльныхъ кораблей получили запечатанныя бумаги, въ которыхъ была обозначена цѣль экспедиціи, но распечатаніе этихъ пакетовъ было дозволено лишь въ случаѣ отдѣленія одного корабля отъ прочаго флота.

Только нѣсколько дней послѣ отплытія флота началась дипломатическая переписка, которая должна была повести къ разрыву.

Хотя въ Швеціи приготовленія къ войнѣ происходили по возможности тайно, но въ публикѣ здѣсь и тамъ начали говорить объ этихъ признакахъ нарушенія мира. Изъ Стокгольма писали въ Петербургъ, 25-го апрѣля, о вооруженіи королевской эскадры и о томъ, что она готовится къ отплытію въ концѣ мая; немного позже здѣсь получено извѣстіе, что баронъ Врангель будетъ командовать флотомъ, что Густавъ для осмотра флота готовится къ отъѣзду въ Карлскрону, а 25-го мая въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, было тоже сказано:

„Войска готовятся для выступленія въ учебные лагери. Все сіе подаетъ поводъ какъ здѣсь, такъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ къ такимъ догад-

---

[1]) *Mellin*, Schwed. Geschichte, 332.

[2]) *Schantz*, Historia öfver Riget åren 1788 11.

[3]) См. письмо короля у *Рейна*, 56 — 58, изъ сенатскаго архива въ Гельсингфорсѣ. И тутъ говорится о необходимости принятія этихъ мѣръ вслѣдствіе слуховъ о вооруженіи Россіи, «till följd af de säkra underrattelser, som ifran Ryssland inlupit, rörande de krigsrustningar der förhavas».

камъ, которыя наиболѣе праздными политиками кофейныхъ домовъ подтверждаются. Они вооружаютъ уже въ мысляхъ своихъ и всѣ наши галеры".

27-го мая въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* сообщается извѣстіе, изъ Стокгольма, что Густавъ и Карлъ уѣхали въ Карлскрону, и что „всѣмъ находящимся въ отпуску оберъ- и унтеръ-офицерамъ нашего флота приказано явиться немедленно въ должность". Затѣмъ говорится объ особенной коммиссіи, учрежденной для снабженія войскъ съѣстными припасами. Но цѣль этихъ мѣръ еще не объясняется, и только въ началѣ іюня находимъ въ газетахъ замѣтку, что и войско, и флотъ, и самъ король отправляются въ Финляндію [1]).

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ Екатерина узнала о приготовленіяхъ къ войнѣ въ Швеціи, но не придавала этимъ слухамъ особеннаго значенія. 22-го марта Храповицкій долженъ былъ переписывать

„записку въ Совѣтъ по слухамъ шведскаго вооруженія, что императрица Анна Іоанновна въ подобномъ случаѣ велѣла сказать, что въ *самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставить*". „Сія твердость", прибавляетъ Храповицкій „тогда подѣйствовала, а теперь Россія вдвое сильнѣе".

Послѣ этого однако прошло нѣсколько недѣль, и Храповицкій ничего не отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ о вооруженіяхъ Швеціи, между тѣмъ какъ въ это время онъ много говоритъ о внѣшнихъ дѣлахъ, о депешахъ изъ Англіи, Франціи и пр. Въ концѣ апрѣля императрица спокойно переѣхала въ Царское село. Наконецъ 4-го мая Храповицкій пишетъ:

„По прочимъ министерскимъ бумагамъ открывается, что Шведы, по наущенію Пруссіи, а можетъ-быть, и Англіи, получа вспоможеніе деньгами, намѣреваются сдѣлать диверсію. Король хотѣлъ объявить въ сенатѣ, что, не вѣря отправленію нашему въ Средиземное море, опасается, чтобы мы не напали на Карлскрону, и для того старается сдѣлать морское вооруженіе, нашему подобное".

11-го мая: „Въ почтѣ подтверждается вооруженіе Шведовъ". 19-го мая: „Въ почтѣ изъ Стокгольма подтверждается королевское вооруженіе и подозрѣваютъ, что онъ получилъ субсиды". Въ этотъ же день Екатерина съ досадою замѣтила: „Англія вездѣ намъ мѣшаетъ" [2]). И изъ Копенгагена сообщались извѣстія о продолжавшихся въ Швеціи приготовленіяхъ къ войнѣ [3]) и объ образованіи тамъ обсерваціонной эскадры [4]). 26-го мая Храповицкій пишетъ:

---

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1788 г., стр. 534, 619, 669, 685, 701, 719.

[2]) Записки Храповицкаго.

[3]) См. *С.-Петерб. Вѣд.*, 566.

[4]) Тамъ же, стр. 685.

„Читана перелюстрація датскаго въ Стокгольмѣ министра; она согласна съ донесеніемъ нашего графа Разумовскаго. Король Шведскій сильно вооружается и имѣетъ пособіе деньгами, но, не смѣя начать, ожидаетъ отъ насъ нападенія для собственныхъ своихъ выгодъ".

На другой день графъ Безбородко поручилъ Храповицкому написать и поднести императрицѣ указъ Грейгу, чтобы

„по доходящимъ извѣстіямъ о шведскомъ вооруженіи, отрядить скорѣе три легкія судна для нужнаго примѣчанія тамошнихъ приготовленій, назначивъ одному изъ нихъ идти противъ Свеаборга, другому противъ Карлскроны, а третьему крейсировать въ Ботническомъ заливѣ, съ тѣмъ, чтобы скорѣйшее и достовѣрное могли привезти свѣдѣніе" [1]).

Въ тотъ самый день Екатерина писала къ Потемкину:

„Великій князь сбирается къ вамъ въ армію, на что я согласилась, и думаетъ отселѣ выѣхать 20-го іюня, буде шведскія дѣла его не задержатъ; буде же полуумный король шведскій начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь" [2]).

Однако тогда Екатерина еще надѣялась на сохраненіе мира. 28-го мая она замѣтила: „Я Шведа не атакую, онъ же выйдетъ смѣшенъ". А Спренгтпортенъ насмѣшливо сказалъ о Густавѣ: „Je crois qu'il veut se défaire de la Finlande" [3]). Безпокойство императрицы продолжалось. 31-го мая Храповицкій замѣчаетъ о ней: „Не весела", и прибавляетъ:

„Я писалъ секретный указъ Ревельскому губернатору Врангелю, чтобъ навѣдывался отъ корабельщиковъ купеческихъ судовъ, въ Ревель приходящихъ, о движеніяхъ шведскаго флота, въ море вышедшаго, и чтобы, не предполагая никакого тутъ опасенія, принять пристойныя мѣры къ отвращенію народнаго страха, буде бы по симъ обстоятельствамъ оказались люди боязливые" [4]).

Императрица не желала, чтобы публика преждевременно узнала о предстоящей опасности. 27-го мая данъ указъ С.-Петербургскому губернатору, въ которомъ подтверждались прежніе указы, въ силу которыхъ было запрещено публично говорить о политическихъ дѣлахъ. Затѣмъ уже были приняты мѣры для обороны. Побѣдитель Пугачева, Мишельсонъ, былъ отряженъ для командованія войсками въ Финляндіи [5]). Получено было извѣстіе, впрочемъ ложное, будто бы шведскій флотъ показался уже близъ Ревеля. Въ послѣдствіи оказа-

---

[1]) Храповицкій: «Указъ мною поднесенъ и подписанъ».

[2]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, стр. 186.

[3]) «Я думаю, что онъ хочетъ отдѣлаться отъ Финляндіи».

[4]) Записки Храповицкаго.

[5]) Записки Храповицкаго, 2-го іюня.

лось, что суда купеческія были приняты за военныя [1]). Императрица сильно безпокоилась и велѣла приказать Чичагову, чтобъ онъ спѣшилъ выйдти въ море съ флотомъ. „Примѣтно неспокойство, или больше, досада", замѣчаетъ при этомъ случаѣ Храповицкій. Екатерина заботилась о пріискапіи разныхъ картъ, чтобъ осмотрѣть положеніе пограничныхъ мѣстъ въ Финляндіи. 4-го іюня императрица въ тревогѣ разказала Храповицкому, что къ барону Полькену пріѣзжалъ курьеръ отъ короля, и что шведскій дипломатъ „сидѣлъ три часа запершись и обратно курьера отправилъ" [2]). Въ разговорѣ съ Храповицкимъ Екатерина спросила его: „Croyez-vous que ce fou m'attaquera?" На что Храповицкій отвѣтилъ, указывая на выгодный для Россіи параграфъ шведской конституціи, въ силу котораго король не имѣлъ права начать отъ себя наступательную войну: „qu'il ne faut pas être l'agresseur pour n'être pas abandonné de ses alliés" [3]). „Мы, конечно, не начнемъ", сказала Екатерина [4]). Въ тотъ самый день она писала къ Потемкину:

„Мнѣ кажется, они не задерутъ, а останутся при демонстраціи. Осталось рѣшить лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстрацію? Если бы ты былъ здѣсь, я бы рѣшилась въ пять минутъ что дѣлать, переговоря съ тобою. Если бы слѣдовать своей склонности, я бы флоту Грейгову да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію: въ сорокъ лѣтъ Шведы паки не построили бы кораблей; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. Начать намъ и потому никакъ не должно, что если онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть по ихъ конституціи никакой помоги, а буде мы задеремъ, то они дать должны; такъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣбъ съѣсть" [4]).

7-го іюня узнавъ, что не военный шведскій флотъ, а купеческія суда показались около Ревеля, Екатерина замѣтила: „Почти выходитъ, что опасаться нечего; мы Шведа не задеремъ, а буде онъ начнетъ, то можно его проучить. Хорошо о сихъ обстоятельствахъ изъясняется графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ: онъ снялъ пограничные караулы, но заградилъ всѣ мѣста, къ проходу нужныя". На другой день Храповицкій также имѣлъ разговоръ съ Екатериной о Шведахъ и снова приводитъ ея слова о Густавѣ: „Онъ не велѣлъ начинать

---

[1]) Тамъ же, 2-го и 7-го іюня.

[2]) Изъ замѣчанія Храповицкаго: «Сіе было послѣ донесенія Рылѣева, которому велѣно примѣчать за Шведами», видно, какъ заботливо тогда начали слѣдить за признаками предстоящаго нарушенія мира.

[3]) Храповицкій называетъ союзниками Россіи шведскихъ дворянъ.

[4]) Храп., 4-го іюня.

[5]) *Соловьевъ*, l. c., 186 и 187.

своимъ стрѣльбу, слѣдовательно, и мы не начнемъ". Итакъ, Екатерина, съ одной стороны, все еще надѣялась на миръ въ тѣ дни, когда графъ Разумовскій (7/18 іюня) началъ въ Стокгольмѣ дипломатическую переписку, поведшую къ окончательному разрыву, и когда одновременно съ этимъ (11/22 іюня) на морѣ послѣдовала встрѣча русской эскадры съ шведскою, вслѣдствіе чего герцогъ Карлъ казался готовымъ открыть военныя дѣйствія. Между тѣмъ слухи о предстоящей войнѣ подтверждались отовсюду, и бесѣды съ Храповицкимъ о Швеціи продолжались. Екатерина начала вѣрить въ возможность войны съ Густавомъ.

Уже въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца отъ русскаго посланника въ Парижѣ, Симолина, было получено увѣдомленіе, что шведскій дворъ „сдѣлалъ нотификацію французскому двору о приготовленіяхъ своихъ единственно въ защищеніе". Поэтому Екатерина, 12-го іюня, утромъ, за кофейнымъ столомъ указывала на то обстоятельство, что король Шведскій всѣмъ сообщилъ о своемъ вооруженіи, кромѣ Россіи, между тѣмъ какъ въ другое время „когда и въ лагерь выходилъ, то присылалъ сказывать". Положеніе Россіи было таково, что уже каждый день можно было ожидать формальнаго объявленія войны. „Пришлетъ ли при входѣ въ Финляндію съ войсками?" спросила Екатерина Храповицкаго и велѣла „сказать о семъ графу Безбородко, и чтобъ поговорить съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ о прибавкѣ войскъ для обезпеченія границъ Выборгской губерніи". 14-го іюня Храповицкій пишетъ: „Въ Польшѣ думаютъ, что Шведскій король самъ войну намъ объявитъ", а 15-го іюня:

„По депешамъ изъ Парижа и изъ Стокгольма открываются виды короля Шведскаго, чтобъ имѣть съ нами войну. Примѣтна досада. Приказано подать вѣдомость о числѣ войскъ, внутри имперіи находящихся".

16-го іюня въ разговорѣ о Швеціи Екатерина сказала: „Буде дѣло пойдетъ на негоціацію, то можетъ-быть, Шведскій король захочетъ, чтобъ я признала его самодержавнымъ". При большихъ разстояніяхъ, медленномъ сообщеніи и въ особенности при осторожномъ образѣ дѣйствій Густава, не желавшаго окончательнаго разрыва, прежде чѣмъ онъ окончитъ всѣ приготовленія къ отъѣзду въ Финляндію, Екатерина еще нѣсколько дней оставалась въ недоумѣніи, въ одно и то же время и опасаясь войны, и надѣясь на сохраненіе мира.

Въ Финляндіи были уже приняты мѣры для защищенія главныхъ пограничныхъ дефилей; адмиралъ Грейгъ былъ уже отправленъ съ флотомъ къ Ревелю „для примѣчанія движеній шведскаго флота

и чтобъ его побить, буде начнетъ сражаться"; Храповицкій по поводу замѣчанія Спренгтпортена, что Густавъ можетъ вздумать атаковать Кронштадтъ, не спалъ уже всю ночь, думая постоянно о такой опасности,—а рѣшительныхъ извѣстій все еще не было. Екатерина велѣла привести Кронштадтскую крѣпость въ оборонительное состояніе (при этомъ случаѣ употреблялись французскіе офицеры и инженеры), хотя и ей казалось крайне невѣроятнымъ, чтобы замыслы Густава могли доходить до такихъ предѣловъ; но она не хотѣла пренебрегать никакими мѣрами предосторожности, высказывая впрочемъ какъ бы свое убѣжденіе, что нападеніе на Кронштадтъ чуть-ли не невозможно. „Пришло обдумывать и дурачества, дабы на всякомъ пунктѣ разбилъ себѣ лобъ". Наконецъ, 21-го іюня получено извѣстіе о дипломатическомъ разрывѣ, послѣдовавшемъ въ Стокгольмѣ между графомъ Разумовскимъ и Шведскимъ королемъ; но и тогда еще Екатерина сказала: „Мы hostilité не начнемъ". Горячность впрочемъ начинала уже брать верхъ у Екатерины; смѣлость Густава оскорбляла ее: „Примѣтна досада", замѣчаетъ Храповицкій, сообщая изреченіе императрицы: „Надобно быть Фабіемъ, а руки чешутся, чтобы побить Шведа".

Русское правительство надѣялось на внутренній раздоръ въ Швеціи; оно считало возможнымъ парализировать предпріимчивость Шведскаго короля постановленіями шведской конституціи и оппозиціей шведскаго дворянства; императрица съ удовольствіемъ слушала разказы барона Спренгтпортена о недостаточныхъ средствахъ, которыми располагалъ король, о финансовыхъ затрудненіяхъ, съ которыми постоянно боролось шведское правительство, и о революціонномъ настроеніи умовъ въ Швеціи и особенно въ Финляндіи [1]). Въ глазахъ русскаго кабинета все это могло быть препятствіемъ къ войнѣ; король напротивъ того долженъ былъ видѣть въ войнѣ лучшее и рѣшительнѣйшее средство для улучшенія своего положенія. Его популярность въ Швеціи обусловливалась успѣхомъ во внѣшней политикѣ; послѣ удачныхъ военныхъ дѣйствій онъ даже могъ надѣяться на увеличеніе своихъ финансовыхъ средствъ чрезъ согласіе сейма на увеличеніе налоговъ. Въ самой Швеціи думали, что король желаетъ собрать значительное войско лишь съ тою цѣлью, чтобы, созвавъ сеймъ въ Або, объявить себя самодержавнымъ [2]). Прибавимъ къ этому, что, по разказу Сегюра,

[1]) См. журналъ *Minerva*, 1798, IV, 472.

[2]) «D'autres disaient que le roi faisait assembler l'armée en Finlande pour faire tenir une diète à Abo», etc. Mémoires d'un officier, рукопись въ Имп. Публ. Библ. въ С.-Петербургѣ.

Густавъ кромѣ того надѣялся возбудить движеніе въ свою пользу и въ Лифляндіи. Дипломатическая же переписка, начатая графомъ Разумовскимъ уже послѣ того, какъ все было готово къ выступленію Шведовъ въ походъ, могла считаться въ глазахъ Густава чуть-ли не простою формальностью; но въ то же время именно эти документы, сдѣлавшіеся извѣстными всей Европѣ, могли служить, по его мнѣнію, какъ бы оправданіемъ его образа дѣйствій. Дипломатическій разрывъ между обѣими державами чуть-ли не достойнѣе вниманія, чѣмъ военныя дѣйствія, начавшіяся еще до совершеннаго прекращенія дипломатическихъ сношеній. Борьба на бумагѣ заключаетъ въ себѣ событія, можетъ-быть, болѣе крупныя, чѣмъ факты самаго похода 1788 года, который, за исключеніемъ битвы при Гогландѣ, не представляетъ никакихъ особенно важныхъ стратегическихъ моментовъ.

Поэтому мы сначала обратимъ вниманіе на дипломатическую переписку между Россіей и Швеціей, тѣмъ болѣе любопытную, что литературный талантъ Екатерины и Густава играетъ довольно важную роль въ составленіи документовъ, которые были не только дипломатическими грамотами, но и политическими памфлетами, и выражали не только политическое столкновеніе между двумя государствами, но и личную антипатію между императрицей и королемъ.

II.

Дипломатическій разрывъ между Россіей и Швеціей.

Переписка гр. Разумовскаго со шведскимъ правительствомъ. — Русскій манифестъ. — Ультиматумъ Густава III. — Шведская декларація 21-го іюля. — Возраженіе Екатерины II на декларацію. — Настроеніе умовъ въ Швеціи.

Въ іюнѣ 1788 года графъ Разумовскій, слѣдя за дѣйствіями короля, далъ знать въ Петербургъ, что Густавъ вооружаетъ галерный флотъ, что въ Финляндіи собирается войско въ 30.000 человѣкъ, и что Густавъ самъ намѣренъ командовать этимъ войскомъ, между тѣмъ какъ герцогъ Сюдерманландскій долженъ взять на себя начальство надъ флотомъ. Разумовскій писалъ:

„Король Шведскій объявилъ въ засѣданіи сената, что вооруженіе и образъ дѣйствій Россіи заставляютъ его готовиться къ войнѣ для предупрежденія ударовъ, которые императрица желаетъ нанести Швеціи. Король поэтому прибавилъ, что онъ послалъ курьера къ барону Полькену, которому велѣно требовать отъ русскаго правительства объясненія, но что Полькенъ получилъ на это лишь высокомѣрный, сопровождаемый угрозами отвѣтъ и чуть-ли

не повелѣніе сложить оружіе. При такихъ обстоятельствахъ честь народа и его безопасность требуютъ, чтобы Швеція употребила всѣ средства для того, чтобы выйдти изъ такого опаснаго положенія“ [1]).

Послѣ этого можно было ожидать рѣшительныхъ дѣйствій и со стороны Россіи [2]). Императрица писала тогда:

„Императрица Анна Іоанновна, имѣя въ 1738 или 1739 году пребываніе свое лѣтнее въ Петергофѣ, получила извѣстіе, что Шведы намѣреваются сдѣлать высадку войскъ на здѣшнемъ берегу, приказала сдѣлать Шведамъ объявленіе въ такой силѣ, что буде осмѣлятся учинить подобное чего, то чтобы за вѣрное полагали, что она въ самомъ Стокгольмѣ камень на камнѣ не оставитъ. По твердости сего объявленія или по инымъ причинамъ остановилась тогда назойливость шведская. Но то несомнимо, что доходы имперіи и ея силы морскія и сухопутныя, коммерція и многолюдство были противъ теперешняго едва-ли не въ половинѣ, и считалось нѣсколько губерній менѣе теперешняго, чего сообщить графу Разумовскому, дабы онъ легкомыслію, вѣтренности, назойливости и лживоразсѣяннымъ слухамъ зналъ чѣмъ преграду учинить“ [3]).

И въ самомъ дѣлѣ графъ Разумовскій дѣйствовалъ согласно съ этими соображеніями. $^{7}/_{18}$ іюня онъ передалъ шведскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Оксеншернѣ, записку, совершенно сходную съ желаніемъ императрицы. Содержаніе этой записки было слѣдующее:

„Слѣдя за вооруженіемъ Швеціи и не видя никакой къ тому побудительной причины, русское правительство пока молчало; теперь же императрица узнала чрезъ датское правительство, вслѣдствіе тѣсной дружбы между Россіей и Даніей, что приготовленія къ войнѣ въ Швеціи направлены противъ Россіи на томъ основаніи, что Швеціи угрожаетъ нападеніе. Между тѣмъ въ продолженіе 26-лѣтняго царствованія Екатерина не переставала изъявлять ко-

---

[1]) Разумовскій прибавилъ къ этому, что король старается увѣрить всѣхъ, что онъ дѣйствуетъ сообразно видамъ Франціи. Сегюръ замѣчаетъ, что полученіе этого извѣстія распространило большую тревогу во дворцѣ императрицы и въ городѣ. Онъ не говоритъ о днѣ пріѣзда курьера, но изъ записокъ Храповицкаго можно бы заключить, что это было $^{15}/_{26}$ іюня. Судя по замѣчанію d'Aquila, II, 80, сцена въ сенатѣ происходила $^{13}/_{24}$ мая.

[2]) d'Aquila, II, 86: «Le comte Razoumowsky, alors ministre plénipotentiaire de Russie en Suède, avait de l'adresse et assez de pénétration; il avait même quelques amis à Stockholm. Dans cette circonstance cependant il ne sut point découvrir le but de tous les préparatifs, qui se faisaient. Les sénateurs étaient des hommes intègres à l'abri de toute séduction; ainsi ce ministre ne put rien savoir de certain». Дѣйствительно, то обстоятельство, что Екатерина такъ долго надѣялась на сохраненіе мира, подтверждаетъ это показаніе. Однако можно полагать, что Разумовскій подъ конецъ уже довольно подробно зналъ о положеніи дѣлъ, что̀ видно и изъ его вышеприведеннаго донесенія.

[3]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 185 и 186.

ролю и шведской націи желаніе сохранить миръ между Швеціей и Россіей на основаніи Абовскаго договора, и потому предположеніе Шведскаго правительства о томъ, что Россія теперь, въ то самое время, когда она занята войною съ сильнымъ непріятелемъ, предполагаетъ воевать и съ Швеціей, лишено всякаго основанія и принуждаетъ императрицу объявить чрезъ своего посланника *министерству его величества короля Шведскаго, а также и всѣмъ тѣмъ, кои въ сей націи нѣкоторое участіе въ правленіи имѣютъ*, что ея императорское величество можетъ только повторить имъ увѣреніе своего миролюбія и *участія, пріемлемаго ею въ сохраненіи ихъ спокойствія* [1]), но что если такое увѣреніе не окажется достаточнымъ къ возстановленію тишины и спокойствія, императрица готова ожидать всего, что случится, надѣясь на силу и средства своего государства и на свою непорочность и невинность“ [2]).

Изъ этой записки ясно видно, до какой степени расходились интересы Густава и Екатерины. Разумовскій говорилъ о святости Абовскаго мира, между тѣмъ какъ Шведскій король надѣялся завладѣть вновь всею Финляндіей [3]); императрица желала сохраненія *спокойствія* въ Швеціи, то-есть, ненарушенія постановленій государственнаго права, связывавшихъ королю руки, между тѣмъ какъ онъ имѣлъ въ виду дальнѣйшіе перевороты для расширенія своей власти. Густавъ желалъ сдѣлаться самодержавнымъ, а представитель Россіи въ оффиціальной запискѣ по вопросу о мирѣ и войнѣ обращался не только къ королю, но и „*ко всѣмъ, кои участіе въ правленіи имѣютъ*“, то-есть, къ дворянству, котораго интересы *относительно сохраненія спокойствія* сходились съ интересами русскаго кабинета, — къ тѣмъ авторитетамъ, отъ которыхъ зависѣло, согласно съ правилами конституціи, рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ, — къ тому сословію, которое желало возстановленія государственнаго устройства, существовавшаго до 1772 года. Король принялъ вышеозначенное выраженіе графа Разумовскаго за оскорбленіе. Съ давнихъ поръ уже Густавъ видѣлъ въ русскомъ посланникѣ сильнѣйшее препятствіе къ достиженію своихъ цѣлей. Еще задолго до того въ одной запискѣ, подъ заглавіемъ: „Объ опасности политическаго равновѣсія въ Европѣ со временъ вступленія на престолъ Екатерины II“, авторомъ которой считался Густавъ, говорится о графѣ Разумовскомъ слѣдующее:

---

[1]) «Dass sie für die Erhaltung der Ruhe in Schweden sich äusserst interessire». *Posselt*, 345.

[2]) См. весь документъ въ русскомъ переводѣ у *Колотова*, III, 264 — 269; на нѣмецкомъ языкѣ у *Горфита*, 39 - 42; въ извлеченіи у *Поссельта, Сегюра*, и др.

[3]) «Bannir la Russie de la Baltique», какъ сказано въ рукописи: Mémoires d'un officier suédois.

„Онъ былъ неумѣренъ и въ рѣчахъ, и въ дѣйствіяхъ, открыто распространялъ неудовольствіе и въ самой столицѣ, на глазахъ двора старался запятнать короля въ мнѣніи народа; никогда никакой дипломатъ не нарушалъ столь явно своихъ обязанностей относительно уваженія къ коронованнымъ лицамъ, къ правиламъ гостепріимства и къ постановленіямъ международнаго права, какъ онъ“ [1]).

Теперь же Густавъ замѣтилъ въ одномъ письмѣ изъ замка Гага: „Съ тѣхъ поръ какъ дѣло дошло до настоящаго положенія, отъ меня уже нельзя ожидать особенныхъ любезностей“ [2]). Нельзя отрицать, что графъ Разумовскій не могъ не заявить формально и положительно о миролюбивыхъ видахъ Россіи, что и было одобрено тогда, между прочимъ, графомъ Сегюромъ, но съ другой стороны, нельзя удивляться и тому, что Густавъ въ такомъ обращеніи къ самымъ опаснымъ своимъ врагамъ внутри Швеціи видѣлъ оскорбленіе. И въ самой Россіи въ послѣдствіи считали образъ дѣйствій русскаго посланника неосторожнымъ и слишкомъ сильно вызывающимъ короля на рѣшительныя мѣры [3]). Въ особенности, — какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ, — Потемкинъ, находившійся въ Турецкомъ походѣ, узнавъ о дипломатическомъ разрывѣ съ Швеціей, былъ крайне недоволенъ мѣрами русскаго кабинета, вызвавшими, по его мнѣнію, диверсію Швеціи въ пользу Оттоманской Порты [4]). Какъ бы то ни было, Густавъ, послѣ такой демонстраціи со стороны русскаго посланника, считалъ себя въ правѣ довести дѣло до совершеннаго дипломатическаго разрыва. Со-

---

[1]) Herrmann, VI, 185.

[2]) «Au point, où les circonstances en sont, on ne devait pas s'attendre à des complaisances de ma part». Mém. d'un off.

[3]) «J'appris cependant que les ministres de cette princesse reprochaient au comte de Razoumowsky de s'être trop pressé dans cette circonstance, puisqu'il n'était autorisé à présenter sa note que dans le cas où le ministère suédois lui demanderait quelques explications. Il pouvait avoir trop écouté son zèle, mais au fond le reproche était injuste; car, témoin de tous les faux bruits semés pour inquiéter la Suède, il devait croire nécessaire de déclarer hautement non seulement au roi, mais encore à la nation et même à l'Europe, les intentions pacifiques de sa souveraine». *Ségur*, III, 367.

[4]) «Katharina verlangte, dass Potemkin ihr einige Regimenter seiner Armee zum schwedischen Kriege überlassen sollte; statt zu gehorchen, antwortete er: die russischen Gesandten in Stockholm und das petersburger Ministerium hätten nicht überlegt, wie weit sie in der Aufreizung gegen den König von Schweden gehen könnten ohne ihn bis zu einer Kriegserklärung zu treiben. Er schloss mit der barschen Erklärung, er werde keine Truppen schicken, weil er sie nothwendiger brauche: der schwedische Krieg sei ein Alte-Weiberkrieg, zu dem man nur wenige Leute brauche». См. журналъ *Minerva*, 1798, IV, 479.

держаніе записки графа Разумовскаго тѣмъ болѣе должно было вызвать его неудовольствіе, что онъ желалъ выставить Россію наступающею, а Швецію обороняющеюся. Графъ Разумовскій желалъ подѣйствовать на общее мнѣніе и позаботился объ обнародованіи своей записки. Поэтому его дальнѣйшее пребываніе въ Швеціи должно было казаться Густаву опаснымъ; вслѣдствіе того чрезъ нѣсколько дней послѣдовалъ отвѣтъ Шведскаго короля, прочитанный графу Разумовскому королевскимъ церемоніймейстеромъ Бедоаромъ, $^{12}/_{23}$ іюня, слѣдующаго содержанія:

„Король изъ записки русскаго посланника усмотрѣлъ, что онъ, увѣряя о миролюбивыхъ расположеніяхъ императрицы и о пріемлемомъ ею въ спокойствіи Швеціи участіи, старается отдѣлить короля отъ народа, что впрочемъ довольно согласно съ правилами, русскимъ дворомъ часто оказанными. Король однако не можетъ думать, чтобы такое объявленіе было предписано графу Разумовскому русскимъ дворомъ, и поэтому, будучи удивленъ и оскорбленъ непристойнымъ и противнымъ спокойствію государства изъявленіемъ, король не можетъ отнынѣ признавать графа Разумовскаго долѣе посланникомъ Россіи, предоставляя себѣ по прибытіи въ Финляндію отвѣчать императрицѣ чрезъ шведскаго посланника, находящагося въ Петербургѣ. Теперь же король требуетъ, чтобы графъ Разумовскій, не имѣя болѣе никакихъ сношеній съ шведскими министрами, выѣхалъ изъ Швеціи не позже, чѣмъ чрезъ недѣлю — въ разсужденіи того, что въ представленіи его нарушены начальныя основанія правленія и должное уваженіе къ королевской особѣ“ [1]).

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ графа Разумовскаго въ Стокгольмѣ намъ почти ничего неизвѣстно. Его обвиняли въ томъ, что онъ старался образовать тамъ партію въ пользу Россіи; Густавъ въ особенности былъ недоволенъ тѣмъ, что записка графа Разумовскаго, конечно, по распоряженію послѣдняго, явилась въ печати, и что такимъ образомъ русскій посланникъ какъ бы ссылался на общее мнѣніе,

[1]) См. у *Колотова*, III, 269—271, который при этомъ замѣчаетъ: «Впрочемъ ни одинъ государь не поставилъ бы себѣ въ оскорбленіе, если его подданныхъ разумѣютъ равно съ нимъ благомыслящими». Отвѣтъ Разумовскому не напечатанъ ни у Поссельта, гдѣ говорится только о запискѣ дипломатамъ прочихъ державъ, ни у Горфта, ни у Даквилы, который отзывается о дѣйствіяхъ Разумовскаго такъ: «Ce ministre crût pouvoir tenir à Stockholm la même conduite que le comte Stackelberg tenait à Varsovie. Gustave sut bientôt le remettre à sa place. Les préparatifs augmentant et s'avancant vers leur complément, le comte Razoumowsky fit de nouvelles tentatives pour faire expliquer le roi: elles furent infructueuses. Alors il chercha par la voie de la corruption a animer la faction russe, enfin ce ministre violant le droit des gens rendait publique une note officielle, ou mémoire, qui détermina Gustave à ordonner qu'il eut à quitter la Suède dans huit jours». II, 87.

выставляя на видъ образъ мыслей русскаго кабинета, не подававшаго никакого повода къ опасеніямъ, вопреки заявленію короля. Въ отвѣтъ на записку, прочитанную королевскимъ церемоніймейстеромъ, графъ Разумовскій довольно сухо отвѣчалъ, что онъ не можетъ, согласно желанію короля, выѣхать изъ Стокгольма, пока не получитъ на то особаго разрѣшенія со стороны императрицы [1]).

21-го іюня / 2-го іюля извѣстіе объ этой перепискѣ пришло въ С.-Петербургъ. Въ этотъ самый день графъ Сегюръ былъ въ Эрмитажѣ. Императрица съ горячностью говорила о выходкѣ Густава и спросила французскаго посланника, какъ онъ думаетъ объ этомъ дѣлѣ. „Въ этомъ событіи", сказалъ онъ, „самое замѣчательное то, что посолъ самодержавной государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи, и что король этой самостоятельной націи этимъ оскорбляется" [2]). Екатерина велѣла объявить барону Полькену, что поступокъ его короля окончилъ его миссію въ Петербургѣ и его пребываніе въ этомъ городѣ; шведскому посланнику былъ назначенъ такой же срокъ къ выѣзду, какой былъ объявленъ графу Разумовскому. И дѣйствительно, Полькенъ скоро послѣ этого выѣхалъ изъ С.-Петербурга, между тѣмъ какъ Разумовскій, не смотря на строгое повелѣніе короля, оставался въ Стокгольмѣ до конца іюля мѣсяца. Самъ же Густавъ, вечеромъ того же дня, когда читалась записка Разумовскому, уѣхалъ въ Финляндію. Одновременно съ этимъ была сообщена иностраннымъ министрамъ, находившимся въ Стокгольмѣ записка графа Оксеншерна; въ ней было сказано:

„Король видитъ въ образѣ дѣйствій русскаго посланника ту самую систему раздора, которую всегда старались распространять и предшественники графа Разумовскаго. Сначала король еще не вѣрилъ, что русскій посланникъ старается привести шведскую націю въ заблужденіе, обольстивъ ее во время безначалія и распространяя въ государствѣ прежній духъ несогласія; но графъ Разумовскій своею запискою отъ 18-го іюня прекратилъ всѣ сомнѣнія, обращаясь не только къ королю, но и ко всѣмъ, въ правленіи участвующимъ, и даже къ самому народу, для увѣренія ихъ о расположеніяхъ императрицы и о пріемлемомъ ею въ спокойствіи ихъ участіи. Король видитъ тутъ политику предшественниковъ графа Разумовскаго, поселявшихъ несогласіе между подданными короля, желавшихъ противопоставить другую власть законному начальству и ниспровергнуть коренные государственные законы. Тщетно ста-

[1]) Ségur, III, 365. Одинъ изъ современниковъ, въ своемъ разказѣ объ этихъ событіяхъ, изъявляетъ удивленіе, что Густавъ рѣшился послать графу Разумовскому записку такого содержанія, не сообщивъ объ этомъ сенату. Mémoires d'un officier suédois.

[2]) Ségur, III, 366.

рался бы король согласовать дружескія ея императорскаго величества увѣренія съ вызовами ея къ шведскимъ подданнымъ. Всякій посланникъ не долженъ и не можетъ изъявлять расположенія своего государя кому-либо другому, кромѣ государя, при которомъ онъ уполномоченъ. Всякая иная власть для него чужда; всякій иной свидѣтель для него излишенъ. Таковъ есть законъ, таковъ есть непремѣнный всѣхъ европейскихъ кабинетовъ обычай, и это право непрестанно было наблюдаемо, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда и прежде затѣвали въ Швеціи коварными внушеніями привести дѣла въ замѣшательство, все запутать и вновь воздвигнуть преграду, раздѣлявшую нѣкогда націю и государя. Король поэтому оскорбленъ нечувствительнѣйшимъ образомъ и не считаетъ болѣе графа Разумовскаго посланникомъ императрицы, которая не могла же предписать выраженія, столь противныя кореннымъ шведскимъ законамъ и отдѣляющія короля отъ государства“ [1]).

Въ Петербургѣ между тѣмъ также, кромѣ записки для прочтенія барону Нолькену, была составлена еще другая записка для сообщенія иностраннымъ дипломатамъ, находившимся въ столицѣ [2]). Екатерина узнала съ удовольствіемъ, что Данія оставалась вѣрною союзу съ Россіей; говорили также о томъ, что король Прусскій обѣщалъ въ случаѣ разрыва между Россіей и Швеціей, вмѣстѣ съ Даніей „войдти въ медіацію“ [3]). Отъ русскаго посланника въ Варшавѣ, графа Штакельберга, пріѣхалъ курьеръ съ довольно важными извѣстіями. Графъ Штакельбергъ имѣлъ возможность, по сдѣланному изъ Петербурга предписанію, распечатывать шведскія и прусскія письма и такимъ образомъ могъ доставить копію съ письма короля Шведскаго, въ которомъ Густавъ, открывая свои намѣренія воевать съ Россіей, старался представить, что Россія подала поводъ къ войнѣ, и что онъ долженъ защищать свое государство и славу націи, „думая съ храбростью, союзниками и хорошимъ количествомъ денегъ многое исполнить“ [4]). Далѣе изъ этой копіи письма было видно, что король

---

[1]) *Колотовъ*, III, 271—274 — «Le roi n'y reconnait que trop la politique et les discours des prédécesseurs de ce ministre, qui peu content de semer la division parmi les sujets de Sa Majesté suédoise, auraient encore voulu opposer d'autres autorités au pouvoir légitime et saper les lois fondamentales de l'État»; см. d'Aquila, II, 89—81. У Горфта, Поссельта и Сегюра эта записка смѣшивается съ отвѣтомъ графу Разумовскому, читаннымъ ему церемоніймейстеромъ короля. Сегюръ, замѣчая, что графъ Разумовскій съ трудомъ могъ достать копію декларація, вѣроятно, имѣетъ въ виду послѣднюю циркулярную ноту.

[2]) Храповицкій, $\frac{22\text{-го іюня}}{5\text{-го іюля}}$.

[3]) Зап. Храп., тамъ же.

[4]) Екатерина замѣтила при этомъ: «Можно биться объ закладъ, что онъ ничего того не имѣетъ».

„намѣревался взять Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію [1]), идучи прямо на Петербургъ, но ежели не удастся, то намѣренъ былъ сложить корону, и принявъ католическую вѣру, поселиться въ уединеніи въ Италіи“ [2]). За день до полученія этихъ извѣстій Екатерина писала Циммерману о побѣдѣ, одержанной надъ Турками въ Очаковскомъ лиманѣ, и притомъ прибавила:

„Сообщивъ вамъ пріятныя новости, я намѣрена сообщить вамъ и другія, совсѣмъ противнаго свойства. Король Шведскій, узнавъ, что я вооружаю нѣкоторую часть моего Кронштадтскаго флота для отправленія въ Средиземное море, вздумалъ противиться, что будто сіе ему подозрительно. Онъ началъ вооружаться сухимъ путемъ и водой, увѣряя своихъ подданныхъ и разглашая повсюду, что это дѣлается для обороны, потому что я на него напасть намѣрена, хотя, по чести, никогда мнѣ не приходило на умъ завидовать голымъ его каменьямъ. Замѣтьте, что по силѣ главныхъ законовъ Швеціи, его величество не долженъ ни на кого нападать безъ позволенія чиновъ государственныхъ. Но его величество не раздумчивъ; вооружившись на сушѣ и на морѣ для своей обороны, уже и сдѣлалъ на меня нападеніе въ мирное время и безъ всякаго объявленія войны. Министръ мой, избравъ въ Стокгольмѣ случай, объявилъ министру короля Шведскаго, что я не имѣю отнюдь непріязненныхъ намѣреній ни противъ его, ни противъ его народа; тутъ его величеству разсудилось оскорбиться, для чего имя народа было поставлено послѣ его имени, и онъ приказалъ моему министру выѣхать въ восемь дней изъ Стокгольма. Узнавъ это, я выслала его министра и за четыре дня предъ симъ слышу, что онъ уже сдѣлалъ нападеніе на Пашлотскую крѣпость въ Россійской Финляндіи. Ласкаюсь, что не смотря на... [3]), Европа отдастъ мнѣ справедливость. Никогда еще не бывало дѣло справедливѣе моего; правосудіе, разсудокъ и истина съ моей стороны; впрочемъ, какъ угодно будетъ Провидѣнію рѣшить оное. Вѣроломство со стороны непріятельской никогда еще не сказывалось сильнѣе, какъ нынѣ со стороны короля Шведскаго противъ меня. Смѣло отдамъ мое дѣло на рѣшеніе всѣмъ университетамъ въ свѣтѣ“ [4]).

Императрица, какъ извѣстно, писала иногда къ Циммерману съ цѣлью вліять чрезъ него на общественное мнѣніе въ западной Европѣ. Бывали случаи, что письма къ Циммерману и другимъ были отправляемы нарочно по обыкновенной почтѣ, въ надеждѣ, что на дорогѣ ихъ распечатаютъ и прочтутъ. Такія письма можно назвать какъ бы передовыми статьями о важныхъ политическихъ вопросахъ. И въ настоящемъ случаѣ Екатерина желала склонить по возможности общее мнѣніе на свою сторону. Пользуясь своею правотой съ формальной

---

[1]) Храп. 25-го іюня: «Герцогъ Курляндскій опасается шведскаго вооруженія по слухамъ, изъ Либавы къ нему дошедшимъ».

[2]) Храповицкій, 28-го іюня 1788 года.

[3]) Такъ въ изд. соч. Екат. Смирд., III, 460.

[4]) Соч. Екат., III, 459 — 460.

стороны, она старалась выставить Густава революціонеромъ, нарушающимъ и положительное государственное, и международное право, и общія начала гуманности и цивилизаціи. Такимъ онъ выставленъ и въ манифестѣ 30-го іюня, обнародованномъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и читанномъ въ Казанскомъ соборѣ [1]). Въ этомъ манифестѣ было сказано, что Россія свято соблюдала постановленія Ништадтскаго и Абовскаго договоровъ, и что Густавъ обязанъ своею короной Россіи, потому что отецъ его, Адольфъ Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, воцарился по желанію Россіи, — „слѣдственно, и его сынъ, а нашъ братъ двоюродный, нынѣ владѣющій Густавъ третій, воспріялъ свое достоинство отъ того же подвига усердствовавшей ихъ дому Россіи". Затѣмъ сказано:

„Союзъ крови и признаніе къ содѣянному укрѣпляли тѣмъ вящше узелъ дружбы и согласнаго сосѣдства отъ короны шведской къ нашей имперіи. Средп сихъ обязательствъ естественныхъ и народныхъ, кого не удивятъ коварство, насиліе и вѣроломство, сопровождающія злыя предпріятія противъ Россіи короля шведскаго? Скажемъ притомъ въ доводъ миролюбивыхъ нашихъ склонностей: когда онъ въ Швеціи насильственнымъ образомъ непровергнулъ постановленія, сохранявшія власть сената и вольность народную, достигая тѣмъ самодержавія, мы по сію пору не употребили права воспротивиться тому, яко явному нарушенію обѣтовъ гласныхъ въ трактатѣ Нейшлотскомъ, подтвержденномъ въ его пространствѣ и послѣднимъ Абовскимъ, въ чаяніи, что сіе происшествіе не поколеблетъ блага Швеціи и не подѣйствуетъ на обезпокоеніе сосѣдей. Вскорѣ потомъ познали мы склонность необычную сего короля возмутить тишину въ сѣверѣ, ибо онъ прибѣгалъ то къ намъ, то ко двору датскому, каждому предлагая въ тайнѣ свой союзъ, въ умышленіи преторгнуть тѣмъ между нашею и сею державою существующій. Отвергли мы такову попытку, отвѣчая краткимъ словомъ, что на всякій союзъ поступить готовы, который не имѣлъ бы въ виду мутить покой въ сѣверѣ. Неудача сія не остановила однакожь покушеній государя, жаждущаго брани".

Послѣ этого въ манифестѣ говорится о томъ, какъ Густавъ старался распускать ложные слухи о вооруженіи Россіи; потомъ упомянуто о благодѣяніи, оказанномъ Россіей Швеціи дозволеніемъ безпош-

[1]) Однако еще до этого, какъ кажется, со стороны Россіи была сдѣлана попытка къ сохраненію мира. Въ запискахъ Храповицкаго 29 го іюня сказано: «Михельсонъ прислалъ копію съ королевскаго къ нему письма, гдѣ изъясняется, что не можетъ принять его по обстоятельствамъ, между *двухъ Имперій* происшедшимъ». При этомъ Екатерина, считавшая смѣшнымъ, что Густавъ и Швецію называетъ имперіей, замѣтила: «Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней». Изъ этой замѣтки у Храповицкаго едва-ли не должно заключить, что Михельсону было велѣно просить у Густава аудіенціи для переговоровъ. Къ сожалѣнію объ этомъ обстоятельствѣ мы ничего болѣе не знаемъ.

линной торговли хлѣбомъ, и наконецъ сообщается о повелѣніи Разумовскому удалиться изъ Швеціи и объ открытіи военныхъ дѣйствій насиліемъ, грабежемъ и осадой Нейшлота, безъ всякой причины, „образомъ, сроднымъ только хищнымъ варварамъ, а не просвѣщеннымъ европейскимъ державамъ, которыя не подъемлютъ оружія, не предваривъ о причинахъ, къ тому убѣждающихъ.... Объявляемъ прискорбнымъ духомъ такое наглое вѣроломство“ и пр. [1]).

Густавъ, какъ мы видѣли, далъ знать графу Разумовскому, что онъ уже изъ Финляндіи отвѣтитъ императрицѣ на записку, переданную русскимъ посланникомъ. Отвѣтъ этотъ заключаетъ въ себѣ тотъ знаменитый ультиматумъ, о неприличіи котораго графъ Сегюръ замѣтилъ, что даже султанъ не посмѣлъ бы обратиться къ слабому господарю Молдавскому въ такомъ тонѣ, въ какомъ Густавъ говорилъ теперь съ императрицей. Объ образѣ мыслей Густава, на все готоваго, можно лучше всего судить по содержанію письма его къ барону Нолькену, отъ $\frac{25\text{-го іюня}}{6\text{-го іюля}}$, при которомъ былъ посланъ ультимагумъ. Густавъ писалъ:

„При семъ прилагается записка, которую прошу васъ подписать и вручить въ опредѣленное вами время вице-канцлеру графу Остерману или министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ ней я изложилъ мой образъ дѣйствій въ продолженіе семнадцатилѣтняго моего царствованія (règne) и шестнадцатилѣтняго моего правленія (administration). Во все это время я самъ сообщалъ всѣ подробности сношеній съ Россіей. Поэтому вы знаете, что въ прилагаемой запискѣ нѣтъ ни одного слова, невполнѣ согласнаго съ истиной, и что я даже умолчалъ въ ней о многихъ событіяхъ и поступкахъ императрицы, въ которыхъ можно бы упрекнуть ее [2]), напримѣръ, о ея хвастовствѣ [3]) по случаю дѣла съ графомъ Шуваловымъ, о нескромности [4]), обнаруженной ею въ отношеніи къ вооруженному нейтралитету, изобрѣтателемъ котораго былъ я, между тѣмъ какъ она напрасно славится имъ, и о многихъ еще другихъ маловажныхъ предметахъ, на которые я не обращалъ вниманія. Я умолчалъ о многомъ, потому что не хотѣлъ еще болѣе оскорбить императрицу, уже до-

---

[1]) См. Полн. Собр. Зак., XXII, № 16679. Напрасно *Шлоссеръ*, Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts, V, 166, говоритъ объ этомъ манифестѣ: «Die Antwort der Kaiserin ist ganz matt». Баронъ Нолькенъ тогда еще находился въ Петербургѣ. Только 4-го іюля былъ ему прочтена статскимъ совѣтникомъ Кохомъ записка, въ которой говорится о «странномъ» поступкѣ короля Шведскаго, приказавшаго выѣхать графу Разумовскому, почему и императрица, не признавая долѣе барона Нолькена шведскимъ посланникомъ, требуетъ, чтобъ онъ выѣхалъ не позже, какъ черезъ недѣлю; см. *Колотова*, III, 275—276.

[2]) «Die ich ihr hätte aufmutzen können».

[3]) Bravaden.

[4]) Mangel an Delicatesse.

статочно раздраженную событіями вообще, а въ особенности предложеніями, мною ей сдѣланными. Но изъ этихъ предложеній я не могу уступить ни единаго слова. Мое желаніе, мое безусловное повелѣніе заключается въ слѣдующемъ: вы должны объявить, что отвѣтъ, требуемый вами, долженъ быть простое *да* или *нѣтъ*, что это мое послѣднее слово, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта я буду считать его объявленіемъ войны, тѣмъ болѣе, что открытіе военныхъ дѣйствій русскими войсками въ Саволаксѣ близъ Нейшлота [1]) даетъ мнѣ право на подобныя же мѣры [2]). Затѣмъ вы потребуете для вашего курьера паспорта и прилете мнѣ отвѣтъ по возможности скорѣе. Еще до вашей бесѣды съ графомъ Остерманомъ имѣйте наготовѣ курьера и отправьте его тотчасъ же по окончаніи конференціи съ извѣстіемъ о ея исходѣ; втораго курьера вы можете отправить послѣ съ отвѣтомъ императрицы. Графъ Оксеншерна сообщилъ уже вамъ о моихъ распоряженіяхъ относительно васъ самихъ. Я желаю, чтобы вы, въ случаѣ рѣшительнаго разрыва, пріѣхали сюда и сообщили мнѣ подробнѣе о положеніи дѣлъ. Касательно посольскаго архива вы вмѣстѣ съ г. Шлафомъ примете надлежащія мѣры. Вы не найдете мои требованія слишкомъ значительными; не забудьте, что это тѣ же самыя провинціи, которыя Петръ I возвратилъ бы Швеціи, если бы не умеръ Карлъ XII, и что въ 1741 году самъ отецъ графа Остермана предлагалъ уступить Швеціи Кекгольмъ для избѣжанія войны; что Выборгъ въ Нишгадтскомъ договорѣ былъ бы возвращенъ Швеціи, если бы шведскіе коммиссары—и да будетъ это сказано къ вѣчному ихъ позору—не были подкуплены, и что наконецъ при настоящемъ положеніи дѣлъ Россія, ради сохраненія мира, должна принести нѣкоторыя жертвы. Однимъ словомъ, вы должны объявить, что ни вы, ни я въ отношеніи къ этимъ пунктамъ не въ состояніи принять инаго отвѣта, кромѣ *да* или *нѣтъ*. Что касается до третьяго пункта, то я позволяю вамъ обѣщать словесно, что я сдѣлаю все возможное, чтобъ убѣдить Оттоманскую Порту къ принятію напумѣреннѣйшихъ условій, но что уступка Крыма должна считаться необходимою. Въ отношеніи къ сложенію оружія я долженъ требовать разоруженія флота, назначеннаго къ войнѣ съ Турціей. Вы должны поэтому заявить, что такъ какъ я состою въ переговорахъ съ такою чрезвычайно сильною державой, то я лишь на такомъ условіи могу считать себя обезпеченнымъ, и что я чрезъ возвращеніе мнѣ требуемыхъ мною земель буду считать себя совершенно удовлетвореннымъ, такъ что даже и изъ честолюбія не рѣшился бы требовать болѣе. Мое единственное желаніе заключается въ опредѣленіи удобныхъ границъ. Позволяя вамъ объясняться въ этомъ духѣ и смыслѣ, я однако запрещаю вамъ подавать поводъ къ мнѣнію, что я готовъ согласиться на какое-либо смягченіе или измѣненіе моихъ требованій. Я опасаюсь, что Россія желаетъ лишь выиграть время, но я рѣшился не терпѣть этого".

Затѣмъ Густавъ совѣтуетъ барону Нолькену объявить посланникамъ другихъ дворовъ, что Шведскій король требуетъ лишь возста-

---

[1]) Объ этомъ событіи см. ниже. Не Русскіе, а Шведы первые открыли военныя дѣйствія.

[2]) Repressalien.

новленія тѣхъ границъ, которыя существовали между Россіей и Швеціей въ XII столѣтіи, и прибавляетъ:

„Еще я вмѣняю вамъ въ обязанность, не терпѣть, чтобы графъ Сегюръ какимъ-либо образомъ вмѣшивался въ эти дѣла. Въ такомъ случаѣ скажите ему, что вамъ велѣно ожидать отвѣта отъ министра императрицы безъ посредничества третьяго лица. Да благословитъ Богъ мое предпріятіе“ [1]).

Записка, которую баронъ Нолькенъ долженъ былъ передать графу Остерману [2]), весьма подробно излагаетъ все положеніе дѣлъ между Швеціей и Россіей. Послѣ многихъ упрековъ императрицѣ, послѣ критическаго разбора образа дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Швеціи, въ концѣ записки слѣдуетъ настоящій ультиматумъ, заключающійся въ различныхъ требованіяхъ, исполненіе которыхъ король ставилъ условіемъ мира. Содержаніе этой записки такъ краснорѣчиво изображаетъ волненіе Густава и озлобленіе его противъ Россіи, что мы считаемъ не лишнимъ сообщить ее въ извлеченіи; часть ея совершенно сходна съ декларацією 21-го іюля, обнародованною Густавомъ въ августѣ мѣсяцѣ и вызвавшею весьма обстоятельный отвѣтъ со стороны императрицы, отвѣтъ, не имѣвшій даже формы дипломатическаго документа, но явившійся въ печати въ видѣ политической брошюры. Записка Густава также гораздо болѣе похожа на памфлетъ, чѣмъ на дипломатическую ноту. Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе этой записки:

„Въ теченіе семнадцатилѣтняго своего царствованія король старался сохранять миръ съ Россіей, которая въ свою очередь, съ самаго восшествія короля на престолъ, подавала много поводовъ къ неудовольствію, продолжая противъ короля тѣ самые происки, какіе она уже употребляла противъ прежняго государя въ послѣдніе годы его жизни. Король надѣялся, что императрица перестанетъ возбуждать раздоръ и замѣшательство въ шведскомъ народѣ, и не рѣшался на разрывъ даже и въ ту пору, когда Россія страдала отъ кровопролитной войны, отъ голода, язвы и возмущенія Пугачева, когда приближеніе мятежника заставило трепещущую Москву просить о скорой помощи, для чего императрица была принуждена оставить свои границы обнаженными и безъ защиты. Эта эпоха послѣдовала вскорѣ за тою, когда императрица, казалось, была занята потрясеніемъ шведскаго престола, и если бы король слѣдовалъ тѣмъ правиламъ, по которымъ дѣйствовалъ С.-Петербургскій кабинетъ, то могъ бы, конечно, нанести Русскому государству гибельные удары, которые коснулись бы самой особы императрицы. Но король оставался въ совершенномъ покоѣ и надѣялся убѣдить императрицу въ своемъ особенномъ расположеніи, желая искоренить вражду

---

[1]) *Herrmann* въ *Taschenbuch* Раумера 1857 года, стр. 407 — 410.

[2]) У *d'Aquila* ошибочно сказано, что эта записка «fut remise par le baron de Nolcken au chancelier de l'Empire». II, 105.

и погасить всю народную ненависть. Личнымъ знакомствомъ онъ старался убѣдить императрицу въ своей дружбѣ и думалъ тогда, что можетъ почитать императрицу личнымъ своимъ другомъ; но съ той поры обстоятельства измѣнились и не позволяютъ ему вспоминать то счастливое время его царствованія. Король ссылается на самую императрицу, упустилъ ли онъ что-либо для изъявленія ей дружбы и Россіи довѣренности и миролюбія; но въ то же время министръ императрицы старался возбудить духъ раздора и безначалія, счастливо погашенный королемъ въ самомъ началѣ его царствованія, а императрица не переставала поджигать оный, не щадя и издержекъ. Графъ Разумовскій старался произвести замѣшательства въ Швеціи, и превращая священное званіе министра мира въ званіе возмутителя общенародной тишины, отважился въ своихъ донесеніяхъ приписывать королю самые враждебные умыслы противъ Россіи“ [1]).

Послѣ такихъ упрековъ Густавъ предъявилъ въ этой запискѣ условія, на которыхъ онъ желалъ возстановленія мира:

„1) Чтобы графъ Разумовскій былъ наказанъ примѣрнымъ образомъ за его происки въ Швеціи къ возмущенію дружбы, довѣренности и добраго согласія между двумя имперіями, дабы подобные ему отвращены были навсегда отъ желанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла независимой имперіи; 2) чтобы въ возмѣщеніе убытковъ, королемъ понесенныхъ на его вооруженіе, ея императорское величество уступила ему на вѣчное время всю часть Финляндіи и Кареліи съ губерніей и городомъ Кексгольмомъ, такъ какъ все оное уступлено Россіи мирными договорами Ништадтскимъ и Абовскимъ, установляя границу по Систербекъ; 3) чтобъ ея императорское величество приняла посредничество короля шведскаго къ доставленію ей мира съ Портой Оттоманскою и уполномочила короля Шведскаго предложить Портѣ полную уступку Крыма и возстановленіе границъ по договору 1774 года; но ежели король Шведскій не могъ бы склонить Порту къ миру на сихъ условіяхъ, то чтобъ императрица позволила королю Шведскому предоставить Портѣ обозначеніе границъ, какъ онѣ были до войны 1768 года; чтобы для обезпеченія въ сихъ жертвахъ ея императорское величество предварительно обезоружила свой флотъ, возвратила корабли, въ Балтійское море вышедшіе, вывела войска свои изъ новыхъ границъ и согласилась, чтобы Шведскій король остался вооруженнымъ до заключенія мира между Россіей и Портой“.

Въ заключеніе сказано, что король Шведскій ожидаетъ въ отвѣтъ *да* или *нѣтъ* и не можетъ согласиться ни на малѣйшее облегченіе [2]). Такъ

---

[1]) *Колотовъ*, III, 274, несправедливо замѣчаетъ, что записка эта, переданная секретаремъ посольства Шлафомъ, «отъ слова до слова согласна съ изданнымъ въ Гельсингфорсѣ 21-го іюля манифестомъ». Въ послѣднемъ говорится уже о событіяхъ, случившихся въ іюлѣ мѣсяцѣ, между тѣмъ какъ Шлафъ передалъ записку 1-го іюля. Изъ замѣчаній Густава въ письмѣ къ Нолькену, изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ въ дневникѣ Храповицкаго, уже въ первыхъ числахъ іюля, и изъ извлеченія записки въ сочиненіяхъ Сегюра и Горѣта видно, что часть декларацiи была содержаніемъ записки, переданной Шлафомъ.

[2]) Изъ сравненія перевода текста послѣдней части этого ультиматума, напе-

говорилъ Густавъ съ императрицей, такъ онъ обсуждалъ и осуждалъ образъ дѣйствій Россіи. Читая эти выходки, мы не знаемъ, чему болѣе удивляться: смѣлости ли короля, нападавшаго на Россію и на Екатерину, или же тому, что онъ двумя годами позже рѣшился къ этой же Екатеринѣ, обвиненной имъ такимъ безпощаднымъ образомъ, обратиться въ письмѣ съ просьбой возвратить ему прежнюю дружбу [1]). Изъ этого ультиматума видно, что не Швеція, шведское государство, шведская нація, начинала войну, а одинъ король, рѣшившійся кончить начатое имъ въ 1772 году или, по крайней мѣрѣ, обезпечить результаты государственнаго переворота 1772 года. Король, видя опасность лишиться монархическаго авторитета, сдѣлаться жалкою жертвой феодальныхъ учрежденій, похожихъ на польскую конституцію, былъ готовъ броситься въ отчаянную борьбу, отъ исхода которой онъ ожидалъ не только спасенія, но и безсмертной для себя славы. Король-памфлетистъ не могъ желать мира; уже до записки, поданной графомъ Разумовскимъ, онъ не имѣлъ въ виду ничего другаго, кромѣ войны; теперь же, когда были уже открыты военныя дѣйствія, какъ мы увидимъ, самими Шведами, когда, какъ надѣялся Густавъ, долженъ былъ начаться цѣлый рядъ побѣдъ его надъ Россіей, когда онъ приглашалъ дамъ Стокгольмскаго двора на балъ въ Петергофѣ и на молебенъ въ Петербургскомъ соборѣ, когда онъ считалъ легко возможнымъ опрокинуть статую Петра Великаго на Исакіевской площади, когда ему представлялось, что его имя разнесется по Азіи и Африкѣ, какъ мстителя за Оттоманскую имперію, — такой ультиматумъ могъ быть лишь простою формальностью [2]).

„Даже самъ Фридрихъ Великій“, — замѣчаетъ, по поводу этой записки, одинъ изъ современниковъ, Датчанинъ, — „даже этотъ знаменитый полководецъ, во главѣ побѣдоноснаго войска и имѣя полную казну, не осмѣлился бы сдѣлать такихъ мирныхъ предложеній, которыя скорѣе можно было счесть за объявленіе войны“ [3]).

Можно вообразить себѣ, каково было впечатлѣніе, произведенное

чатанной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, 7-го іюля 1788 года, стр. 789, съ французскимъ текстомъ у Сегюра видно, что оба источника слово въ слово держались самаго содержанія этой записки.

[1]) См. Записки Храповицкаго, 6-го августа 1790 года.

[2]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 187: «Густавъ отправилъ къ русскому вицеканцлеру, графу Остерману, подъ видомъ условій мира, насмѣшливый вызовъ къ войнѣ».

[3]) *Posselt*, 361: «Von nun an wollte Gustaf nur in Petersburg, Katharina nur in Stockholm vom Frieden handeln».

на императрицу этою запиской. Въ газетной статьѣ, напечатанной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* по этому случаю, говорится о „непристойныхъ и ни мало не сходныхъ съ истиною изъясненіяхъ короля“, и къ сообщенію условій прибавлено: „Свѣту безпристрастному и благоразумному оставляется опредѣлить цѣну подобнымъ предложеніямъ. А между тѣмъ объявлено секретарю посольства Шлафу, чтобъ онъ со всѣмъ посольствомъ наискорѣе выѣхалъ изъ столицы и за предѣлы Всероссійской имперіи“. Съ Храповицкимъ императрица говорила о „нелѣпости“ шведской записки, о которой графъ Безбородко думалъ, что ее писалъ самъ король [1]). Храповицкій переписывалъ эту „сумасшедшую ноту“; еще три недѣли послѣ этого, при чтеніи Московскихъ газетъ, въ которыхъ была напечатана нота, Екатерина замѣтила о Шлафѣ: „Хорошъ получилъ отвѣтъ: выгнанъ вонъ“ [2]). Съ графомъ Сегюромъ она насмѣшливо говорила объ этой запискѣ, спрашивая его, какъ онъ находитъ ея редакцію. „Мнѣ кажется“, отвѣчалъ французскій дипломатъ, „что Шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три значительныя побѣды“. „Еслибъ онъ и одержалъ три значительныя побѣды, графъ“, сказала Екатерина съ жаромъ, „и даже, еслибъ онъ и завладѣлъ Петербургомъ и Москвою, я бы ему показала, что̀ можетъ сдѣлать въ главѣ храбраго и покорнаго народа женщина съ сильнымъ характеромъ, стоя на развалинахъ великаго государства“ [3]). Императрицу въ особенности оскорбляло хвастовство Густава, что онъ во время Пугачевщины могъ бы, пользуясь опаснымъ положеніемъ Россіи, нанести рѣшительный ударъ императрицѣ. Отдавая записку Храповицкому, Екатерина съ горячностью сказала: „Il cite son confrère Pugatchow“ [4]). Къ Потемкину Екатерина писала въ это время (3-го іюля):

„Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе; съ симъ курьеромъ получишь манифестъ мой объявленія войны; оскорбленія наши многочисленны; мы отъ роду не слыхали жалобъ отъ него, а теперь невѣдомо за что̀ разозлился. Теперь Богъ будетъ между нами судьею“ [5]).

---

[1]) Зап. Храп. 2-го іюля.

[2]) Зап. Храп. 23-го іюля.

[3]) *Ségur*, III, 371, 372.

[4]) Несправедливо говоритъ *Германнъ*, Geschichte d. russ. Staats, VI, 189: «Als Antwort auf diese beleidigenden Zumuthungen erliess Katharina am $\frac{11 \text{ juli}}{30 \text{ juni}}$ ein Manifest». Послѣдній былъ обнародованъ за день до передачи записки съ ультиматумомъ.

[5]) См. *Лебедева*, Графы Никита и Петръ Панины, стр. 307.

Нѣсколькими недѣлями позже, уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій, была обнародована такъ-называемая шведская декларація, подписанная королемъ въ Гельсингфорсѣ 21-го іюля [1]). Введеніе къ этой декларации, какъ уже сказано, совершенно согласно съ запиской, переданною Шлафомъ; затѣмъ однако слѣдуетъ еще цѣлый рядъ упрековъ и обвиненій. Тамъ сказано между прочимъ слѣдующее:

„Король не хочетъ здѣсь предъ лицомъ всей Европы открывать тѣ проступки, въ кои заведена часть его подданныхъ стараніями Россіи. Онъ чувствуетъ, какъ тягостно отцу открывать постороннему погрѣшности своихъ чадъ; но какъ ничто не можетъ лучше обнаружить поведеніе его сильнаго сосѣда и показать справедливость жалобъ королевскихъ, и какъ самая польза всѣхъ Шведовъ требуетъ, чтобъ Европѣ было извѣстно, какое несчастіе угрожало Швеціи, какіе заговоры подъ сѣнію мира были составлены даже противъ самой особы королевской, и каково было поведеніе Россіи, король принужденъ открыть истину. Европа узнаетъ, какова у Россіи страсть къ расширенію предѣловъ, и каковы были интриги, которыя повели къ раздѣлу Польши, къ покоренію Крыма, и чрезъ которыя Курляндія почти сдѣлалась завпсимою отъ Россіи... Съ давнихъ поръ извѣстно, что Россія вскорѣ послѣ Абовскаго мира приняла намѣреніе отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и подъ особеннымъ предлогомъ ея независимости въ самомъ дѣлѣ превратить ее въ русское помѣстье, какова нынѣ дѣйствительно Курляндія. Прискорбно и помыслить, что священныя слова „свобода и независимость“, подобно имени Бога милосердія и мира, почти всегда бываютъ знакомъ къ несогласію и бѣдствію. Хотя и эти умыслы Россіи были тогда въ самомъ началѣ подавлены болѣе по привязанности Финновъ къ Швеціи и оставшимся въ свѣжей памяти у жителей Финляндіи опустошеніями, причиненными Русскими во время войнъ Карла XII и 1741 года, нежели умѣреннымъ поведеніемъ Россіи; но предположенія и начертанія хранились въ С.-Петербургскомъ кабинетѣ, старавшемся осуществить оные при первомъ удобномъ случаѣ.

„Знатный офицеръ, удостоенный особеннаго довѣрія короля, перешелъ въ русскую службу, и съ того времени возродились честолюбивые виды Россіи. Съ того времени старалась она непрестанно посѣвать и взращать плевелы и духъ возмущенія въ Финляндіи. Въ концѣ 1786 года русскій генералъ подъ предлогомъ путешествія объѣхалъ Финляндію, осмотрѣлъ всѣ мѣста, освѣдомился обо всемъ у жителей, выводилъ мысли, и своимъ любопытствомъ и своею ревностью явно открылъ тайныя намѣренія своего двора.

„Хотя путешествіемъ императрицы въ Херсонъ Петербургскій кабинетъ и былъ нѣкоторое время удержанъ въ своемъ стремленіи отторгнуть Финляндію отъ Швеціи, но по ея возвращеніи возобновились старанія нарушить покой въ Финляндіи, и обнаружились намѣренія противъ королевской особы и внутренняго спокойствія Швеціи.

„Война съ Турціей подала новый поводъ къ посѣянію несогласія въ Швеціи, состоявшей въ союзѣ съ Оттоманскою Портой. Король, не забывая, впро-

[1]) Несправедливо говоритъ *d'Aquila*, II, 129, о 24-мъ августа; у *Колотова*, 21-го іюля, у *Горфта* также; см. у послѣдняго, 72 — 79.

чемъ, союза съ Турціей, всевозможнымъ способомъ старался удостовѣрить Россію въ своихъ мирныхъ расположеніяхъ, предлагая троекратно свое посредничество для прекращенія войны между Россіей и Турціей; въ это же время графъ Разумовскій, какъ бы для увѣнчанія всѣхъ своихъ оскорбительныхъ поступковъ, дерзнулъ въ министеріальной запискѣ, составленной подъ видомъ дружбы въ самыхъ коварныхъ выраженіяхъ, отдѣлять короля отъ націи, и прибѣгнувъ къ ней, старался, подъ предлогомъ дружбы императрицы къ націи, расторгнуть священный союзъ, связывающій короля съ его подданными. Ничто не можетъ лучше обнаружить еще сокровенныхъ расположеній и видовъ Россіи, какъ сей поступокъ и самыя въ этой запискѣ заключенныя выраженія. Король исполнилъ свой долгъ, удаливъ человѣка, употребившаго во зло народное право.

„При такихъ обстоятельствахъ король отправился въ Финляндію предводителемъ своей арміи для объясненія съ императрицей и для обезпеченія спокойствія въ столь важной провинціи, надѣясь ласковыми словами одержать должное ему удовлетвореніе надъ министромъ, употребившимъ во зло свое священное званіе, и побудить Россію къ принятію посредничества Швеціи, надѣясь далѣе, что императрица по правосудію своему возвратитъ ему издержки, употребленныя на вооруженіе, къ которому обстоятельства его принудили. Сцѣпленіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ вскорѣ произвело разрывъ мира; легкія русскія войска напали на шведскіе форпосты въ Саволаксѣ; бригадиръ Гастферъ, считавъ войну начатою, окружилъ замокъ Нейшлотъ и занялъ важнѣйшіе посты для прикрытія отдаленныхъ провинцій отъ опустошенія состоящихъ въ русской службѣ варварскихъ ордъ, и вскорѣ затѣмъ одержанная герцогомъ Сюдерманландскимъ побѣда надъ русскимъ флотомъ была рѣшительнымъ началомъ войны. Король готовъ, не смотря на это, принять всякія мирныя условія, только бы онъ былъ обнадеженъ и возмогъ доставить Оттоманской Портѣ прочный и постоянный миръ“ [1]).

Эта записка сдѣлалась извѣстною всей Европѣ. Можно представить себѣ, что такіе упреки, сдѣланные Россіи Густавомъ, произвели много шума. Съ удовольствіемъ сообщила Екатерина Храповицкому, что князь Кауницъ, министръ Іосифа II, „не можетъ надивиться нелѣпости ноты шведской“. Храповицкій узналъ, что „подобно сему отзывается французскій въ Вѣнѣ министръ къ графу Сегюру“ [2]).

И Густавъ, и Екатерина, взывали къ суду Европы, стараясь представить свои мысли и дѣйствія въ наиболѣе выгодномъ видѣ. Для этой цѣли, и съ той, и съ другой стороны, являлись статьи въ различныхъ нѣмецкихъ и прочихъ газетахъ; для этой цѣли къ Гримму и Циммерману были отправлены переводы русскаго манифеста о войнѣ; для этой цѣли Екатерина слѣдила за журналистикой, и замѣчая иногда невыгодное для Россіи настроеніе, старалась противодѣйствовать ему.

[1]) См. *Колотова*, III, 278 — 336.

[2]) Зап. Храп., 13-го августа 1788 года.

Такъ, напримѣръ, 27-го іюля императрица велѣла сдѣлать возраженіе на Гамбургскія газеты, въ которыхъ было помѣщено, будто мы начали военныя дѣйствія противъ Швеціи [1]). Такъ, Екатерина велѣла вицеканцлеру замѣтить датскому посланнику, „que la gazette d'Altona est la plus impertinente, и чтобъ унять того газетчика". Такъ, императрица сама отвѣчала на шведскую декларацію и позаботилась объ изданіи этого отвѣта. Теперь настало время, когда литературный талантъ Екатерины нашелъ себѣ новую пищу въ борьбѣ съ Густавомъ. Екатерна сочиняла французскіе стихи на Густава и занялась сочиненіемъ оперы Горе-Богатырь; она и въ 1789 году участвовала, какъ мы увидимъ, въ составленіи брошюры принца Нассау-Зигена по случаю битвы при Свенскзундѣ.

Въ августѣ 1788 года, въ нѣмецкихъ газетахъ былъ напечатанъ шведскій манифестъ о войнѣ, обнародованный 8-го августа сенатомъ [2]). Европа все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ вниманіемъ слѣдила за дѣйствіями Швеціи и Россіи. Данія рѣшилась наконецъ въ августѣ открыть военныя дѣйствія, сдѣлавъ диверсію въ пользу Россіи; шведскій посланникъ въ Константинополѣ пользовался тамъ особеннымъ уваженіемъ; Англія и Пруссія все болѣе и болѣе явно поддерживали Густава; даже Испанія дипломатическимъ путемъ начала принимать участіе въ этой борьбѣ. Поэтому кромѣ борьбы на морѣ и въ Финляндіи, Екатерина должна была бороться съ Густавомъ и путемъ печати. Отвѣтомъ Екатерины на декларацію Густава довершился дипломатическій разрывъ между двумя государствами и двумя коронованными лицами. Густавъ не щадилъ императрицы; она показала, что можетъ отвѣчать въ такомъ же тонѣ. Множество аргументовъ въ пользу Россіи посыпались на выходки Шведскаго короля. Эти „observations et éclaircissements", изданные Екатериной въ отвѣтъ на декларацію Густава, могутъ считаться замѣчательнымъ памятникомъ дарованій Екатерины въ области политической литературы.

14-го сентября Храповицкій пишетъ: „Въ Берлинскихъ газетахъ нашли (императрица) изъясненіе Шведскаго короля изъ Гельсингфорса отъ $^{10}/_{21}$ іюля, относительно войны съ нимъ, гдѣ, по обычаю своему, старается вину взворотить на насъ. Газету сію, Шлафову ноту и нашъ манифестъ приказали положить на столъ, видно для того, чтобы составить возраженіе". Уже на другой день сказано у Храповицкаго:

[1]) Зап. Хран., 27-го іюля 1788 года.

[2]) «Онъ коротокъ», сказала Екатерина Храповицкому, который отвѣчалъ: «Ce n'est qu'un avertissement». Зап. Хран.

„Пишутъ возраженіе противъ артикула вчерашнихъ газетъ на нѣмецкомъ языкѣ“. Екатерина пригласила статскаго совѣтника Коха, состоявшаго при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, къ участію въ составленіи отвѣта. Она велѣла подать ей записки Густава, отвѣтъ графу Разумовскому и циркулярную записку иностраннымъ министрамъ въ Стокгольмѣ отъ 23-го іюля и сдѣлать конiи съ этихъ записокъ. Занимаясь составленіемъ отвѣта, императрица часто бесѣдовала объ этомъ предметѣ съ Храповицкимъ, который въ своемъ дневникѣ сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, съ какою усидчивостью трудилась Екатерина при этомъ случаѣ, и каковы были отзывы объ этомъ литературномъ произведеніи уже во время его составленія [1]).

[1]) См. Зап. Храп., сентября 14-го, 15-го, 20-го. Затѣмъ 24-го сентября: «Сія піеса не въ газетахъ, а особо напечатается». 27-го сентября: «Продолжали писать извѣстное возраженіе». 1-го окт.: «Оканчиваютъ возраженіе противъ шведской декларацiи и завтра отдадутъ Коху, за коимъ велѣно послать». 2-го окт.: «Кохъ былъ болье часа; ему отданы не всѣ еще бумаги, и мнѣ сказано, что послѣ обѣда пошлютъ конецъ. Кохъ вице-канцлеру хвалилъ піесу. Въ вечеру присланъ ко мнѣ конецъ піесы, составляющей возраженіе на шведскую декларацію, въ газетахъ напечатанную; я послалъ ее къ Коху съ повелѣніемъ сыскать переводчика на французскій языкъ». 3-го окт.: «Спрашивали объ отсылкѣ бумагъ къ Коху, сказывая, что въ концѣ піесы выведены всѣ коварства короля Шведскаго непосредственными слѣдствіями, въ семи пунктахъ заключающимися». 9-го окт.: «Кохъ поднесъ извѣстную піесу, читалъ всю при мнѣ, и я отослалъ вице-канцлеру на разсмотрѣніе съ тѣмъ, что дозволено ему дѣлать и поправки. Я сказалъ слова Коха, что тутъ слогъ необыкновенный, et on saura que ce n'est pas la plume d'un particulier; принято сіе съ удовольствіемъ. При волосочесаніи продолжая разговоръ о той же піесѣ, спрашивали кому перевести ее по русски, и я рекомендовалъ Вейдемеера, Шлафову ноту переводившаго, котораго переводъ былъ похваленъ». 11-го окт.: «Послали къ Коху переписку графа Остермана съ графомъ Паниным по шведскимъ дѣламъ при революціи, въ 1772 году бывшей, и ихъ тогдашнимъ еще военнымъ приготовленіямъ, дабы согласно тому переправить извѣстное возраженіе et dire la pure vérité». 31-го окт.: «Сакену (вѣроятно барону Остенъ-Сакену, тогдашнему саксонскому посланнику въ Петербургѣ) давали читать возраженіе на декларацію Шведскаго короля». 1-го ноября: «Хорошо идетъ поправка французскаго перевода съ извѣстнаго возраженія». 4-го ноября: «Сами снова переводятъ возраженіе на французскій языкъ, изъ чего одинъ листъ отослалъ и къ Коху и взялъ у него шведскую декларацію на французскомъ языкѣ, для лучшей удобности въ поправкѣ возраженія». 5-го ноября: «Говорили, что много еще осталось работы по возраженію, на французскій языкъ переводимому, однако дѣло идетъ съ успѣхомъ». 8-го ноября: «Перевода на французскій языкъ мало уже осталось». 12-го ноября: «Конченъ французскій языкъ извѣстнаго возраженія и отосланъ къ Коху». 14-го ноября: «Послѣ обѣда прислана переправленная французская піеса противъ декларацiи шведской, чтобы для напечатанія отдать Коху». 15-го ноября: «Спрошенъ въ

По окончаніи возраженія императрица сама заботилась о тщательномъ переводѣ его на языки французскій и русскій, о напечатаніи брошюры и о разсылкѣ ея знакомымъ лицамъ, дипломатамъ и въ значительномъ числѣ экземпляровъ за границу. Дипломатамъ тѣхъ державъ, которыя находились въ лучшихъ отношеніяхъ съ Россіей, Храповицкій какъ бы отъ себя вручилъ по экземпляру; что же касалось англійскаго посланника, то было устроено такъ, что экземпляръ этой „піесы“ какъ бы случайно попался ему въ руки. Итакъ, Екатерина желала наибольшаго распространенія ея брошюры, очень естественно, потому что въ ней представлялось опроверженіе упрековъ, сдѣланныхъ ей Густавомъ. Предъ всею Европой Шведскій король обвинилъ императрицу въ интригахъ, нарушеніи международнаго права, произвольномъ и насильственномъ уничтоженіи договоровъ; предъ всею Европой Екатерина хотѣла и защищаться. Можно представить себѣ, какъ она была довольна лестнымъ отзывомъ французскаго посланника, который, прочитавъ брошюру, сказалъ: „La note signée Schlaf et la déclaration suédoise sont écrites avec une plume de corbeau bien

---

5-мъ часу послѣ обѣда и принялъ русское возраженіе на шведскую декларацію, съ тѣмъ, чтобы Вейдемееръ переправилъ противъ прибавленія въ нѣмецкомъ оригиналѣ, и дабы русское прочесть въ совѣтѣ; не нашедъ Вейдемеера, отдалъ я вице-канцлеру». 18-го ноября: «Положилъ на столъ переписанную піесу, послѣ отнесъ на низъ вмѣстѣ съ оригиналомъ». 24-го ноября: «Принесенное Кохомъ нѣмецкое возраженіе отдалъ по приказанію, будто отъ себя, графу Ангальту». 25-го ноября:« Запечатавъ, послать изволили возраженіе по экземпляру къ Циммерману, Броуну, Врангелю, Польману и Гинцелю». 2-го декабря: «Кохъ поднесъ французскій переводъ извѣстной піесы; ему я отослалъ перстень. Сей піесы по 100 экземпляровъ приказано, послать въ Парижъ, Лондонъ и Голландію, а здѣсь непримѣтнымъ образомъ сдѣлать, чтобы попалась въ руки Витворту и Фразеру; писалъ я о семъ вице-канцлеру». 3-го декабря: «Французскую піесу отослалъ къ графу Кобенцлю и къ графу Сегюру отъ себя». 4-го декабря: «По утру представилъ Вейдемеера съ напечатаннымъ на россійскомъ языкѣ переводомъ возраженія на шведскую декларацію. Былъ вопросъ: «Нѣтъ ли ошибокъ?» 11-го декабря: «Былъ разговоръ объ мнѣніи Сегюра на французское возраженіе противъ шведской декларацій... При волосочесаніи позванъ въ будуаръ. Приказано повторить рѣчи графа Сегюра о извѣстномъ возраженіи, и я сказалъ, что сколько разумѣетъ онъ по нѣмецки, то «la pièce originale est énergique et sublime», но во французскомъ примѣтна нѣмецкая конструкція, и сверхъ того есть ошибки грамматическія и типографическія, которыя онъ замѣтилъ для меня». «Это и надобно», сказала Екатерина, «чтобы видѣнъ былъ переводъ съ нѣмецкаго, и для того нарочно на нѣмецкомъ языкѣ писано». 13-го декабря: «Поднесъ экземпляръ французскаго возраженія съ поправками графа Сегюра. Поправки просмотрѣны и приказано съ наблюденіемъ сдѣлать вторую эдицію» и т. д.

commune et bien noire; la réfutation, que je viens de lire, me paraît écrite par une plume d'aigle" [1]). Не всѣ современники впрочемъ такъ выгодно отзывались объ этой брошюрѣ. Авторъ біографіи Потемкина, секретарь саксонскаго посольства Гельбигъ, замѣчаетъ: „Только высокое званіе писательницы могло предохранить эту брошюру отъ публичной критики" [2]).

Брошюра Екатерины напечатана такъ, что страницы раздѣлены на двѣ части. На лѣвой половинѣ помѣщена шведская декларація, на правой напечатаны „Историческія изъясненія" императрицы; комментарій впрочемъ занимаетъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ самый текстъ [3]).

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе возраженія Екатерины:

„Объявленіе короля согласно съ запискою, врученною г. Шлафомъ графу Остерману, во многихъ газетахъ напечатанною. Итакъ, уже во второй разъ всему свѣту представляется это объявленіе, которое при романическомъ слогѣ и надменномъ краснорѣчіи содержитъ по большей части одни неправды, клеветы и оскорбленія. Первое изданіе должно было споспѣшествовать къ возстановленію нарушеннаго Шведами мира, между тѣмъ какъ оно не было составлено въ миролюбивомъ намѣреніи; теперь то же самое сочиненіе служитъ къ объявленію войны, къ чему оно и съ самаго начала было предопредѣлено. Такое двойное назначеніе должно казаться страннымъ.

„Король говоритъ, что Россія распространяла неудовольствіе въ Швеціи. Нѣтъ ничего ложнѣе этого обвиненія. Пусть король представитъ хотя малѣйшее доказательство. Ежели въ Швеціи были люди, недовольные измѣненіемъ образа правленія, то это нельзя приписать происканъ Россіи, которая удерживалась при этой перемѣнѣ отъ всякаго дѣйствія, сохраняя самое умѣренное поведеніе. Напротивъ даже Россія по случаю мятежа Далекарлійцевъ при прежнемъ королѣ поспѣшила на помощь своему сосѣду для возстановленія порядка. Съ 1772 года извѣстія, получаемыя въ Россіи изъ Швеціи, были ничтожны. Они относились къ финансовому управленію, но еще болѣе къ операмъ, комедіямъ, рыцарскимъ играмъ, смограмъ, придворнымъ обрядамъ и прочимъ мелочамъ, которыя только наводятъ скуку, а важности для государства никакой не составляютъ.

---

[1]) Зап. Храп. 3-го дек. Переводъ: «Нота, подписанная Шлафомъ, и шведская декларація писаны очень обыкновеннымъ вороньимъ перомъ, а опроверженіе, которое я прочелъ, перомъ орлинымъ».

[2]) *Minerva*, 1798, IV, 485.

[3]) См. *Колотова*, III, 278—339. Любопытна замѣтка въ сочиненіи Лефорта, что онъ не можетъ помѣстить возраженіе Екатерины «какъ по его обширности, такъ и *по другимъ причинамъ*»; см. примѣчаніе 69, въ IV томѣ. Лефортъ говоритъ, что возраженіе и декларація были напечатаны въ нѣсколькихъ №№ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Въ экземплярѣ этой газеты, которымъ я пользовался, изъ библіотеки Императорской Академіи Наукъ, я не нашелъ этого сочиненія.

„Легко написать, но трудно доказать, что *Россія только занята потрясеніемъ шведскаго престола*. Это должно признавать сущею клеветой и неправдой. Россія не только не старалась о поколебаніи шведскаго престола, но даже заботилась тщательно о сохраненіи древней конституціи.... Въ объявленіи сказано, что конституція, введенная въ 1720 году, была причиной безначалія, между тѣмъ какъ Швеція введеніемъ ея успокоилась отъ лютыхъ браней; за то каждый Шведъ можетъ разсудить, прибыло ли отъ введеннаго насильственно шаткаго образа правленія 1772 года согласія, порядка и пользы.

„Напрасно король говоритъ объ эпохѣ, когда *Россія была обременена войной и терзаема всею ужасностью глада и язвы и внутренно снѣдаема возмущеніемъ*. Во время Турецкой войны Россія платила податей 800.000 руб. болѣе чѣмъ въ мирное время, съ 500 душъ давала по одному рекруту и сверхъ того два раза со ста душъ по одному. Голода не было, а развѣ на разстояніи 16.000 верстъ по мѣстамъ въ нѣкоторыхъ округахъ государства неурожай, но конечно не голодъ, потому что каждый уѣздъ изъ смежнаго съ нимъ могъ получать удобно и безпошлинно ему потребное. Съ голоду, сколько извѣстно, никто никогда еще не умиралъ въ Россіи.

„Чума дѣйствительно свирѣпствовала въ 1771—1772 годахъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ русскихъ областяхъ; однако, по переписи, сдѣланной послѣ чумы, оказалось, что число людей противъ прежнихъ годовъ прибыло.

„Сочинитель шведскаго объявленія самымъ непріязненнымъ и ядовитымъ образомъ разсказываетъ повѣсть случившагося въ 1773 году оренбургскаго бунта. Королю нравится этотъ бунтъ, и имя разбойническаго атамана ему кажется столь пріятнымъ, что онъ два раза его повторяетъ и притомъ тайныя свои мысли открываетъ свѣту. Онъ хочетъ, чтобъ ему было вмѣнено въ особенную добродѣтель, что онъ не вступилъ въ союзъ съ тѣмъ разбойническимъ атаманомъ и не возсталъ противъ государыни императрицы, государственныхъ законовъ и правосудія вмѣстѣ съ симъ злодѣемъ и съ шайкой воровъ, которые всѣхъ дворянъ и знатныхъ гражданъ вѣшали, храмы Божіи грабили, города выжигали, села опустошали, крестьянъ и рабочихъ людей съ собою уводили, спрашивая ихъ: хочешь ли грабить, хочешь ли разбойничать? Напыщенъ сею мыслію, „могъ онъ конечно“, сказано въ объявленіи, „нанести Россійской Имперіи гибельные удары“. Мерзость сего предпріятія не могла бы, можетъ-быть, никому болѣе вреда причинить, какъ самому королю, даже и у позднихъ потомковъ; не предавшись же сему искушенію на зло, воздержался онъ отъ такого побужденія, которое, если правду сказать, сдѣлало бы мало чести его сердцу, расположеніямъ и достоинству.

„Впрочемъ трепетали ли въ Москвѣ какія старушки отъ возмущенія оренбургской черни, сіе оставляется не разслѣдованнымъ. Эта сволочь болѣе страшилась Москвы, чѣмъ Москва ихъ. Да не было у нихъ никогда и на умѣ подходить къ сей столицѣ, о которой они сами говорили, что сей городъ ихъ однимъ шапками замечетъ.

„*Если бы*, сказано въ объявленіи, *король слѣдовалъ тѣмъ правиламъ, по которымъ С.-Петербургскій кабинетъ дѣйствовалъ, то король, конечно, могъ бы нанести Россіи гибельные удары, которые бы коснулись самой особы императрицы.*

„С.-Петербургскій кабинетъ, съ самыхъ первыхъ дней двадцати-семилѣтняго царствованія императрицы, держался правила жить въ покоѣ со всѣми сосѣдями; императрицѣ никогда и на мысль не приходило воевать иначе, какъ для обороны государства. Если бы король держался такого же правила, война, конечно, бы не возгорѣлась. Россія не наносила, да и не хотѣла нанести Швеціи въ мирное время гибельныхъ ударовъ; а поэтому таковые злые умыслы и намѣренія остаются всѣ только на сторонѣ королевской. Король, получившій престолъ шведскій стараніемъ и по предложенію Россіи, въ этомъ мѣстѣ объявленія касается до особы ея императорскаго величества весьма непристойно, огорчительно и съ нѣкоторыми незначущими угрозами, которыя королю и его достоинству мало чести приносятъ.

„Король говоритъ, что онъ, *не предаваясь таковымъ расположеніямъ, которыя по всему предшествовавшему были бы извинительны, оставался въ совершенномъ покоѣ.* Тутъ открывается закоснѣлая злоба королевская, и можно спросить: какіе случаи могли произвесть такую злобу? Когда король нагло опрокинулъ въ 1772 году образъ правленія, посредствомъ котораго домъ его воцарился, императрицѣ были извѣстны королевскія распоряженія и все его поведеніе такъ, какъ ему самому. Императрица не имѣла злобы на короля. Опытъ доказалъ, какъ нужно было подкрѣплять прежній образъ правленія, который безпокойному государю связывалъ руки, чтобъ онъ не нарушалъ спокойствія своихъ сосѣдей и не подвергалъ легкомысленно и неправедно своихъ подданныхъ разоренію и всякому бѣдствію войны.

„Король хотѣлъ вскорѣ послѣ государственнаго переворота напасть на Норвегію, и только вслѣдствіе объявленія русскаго двора, что непріятельскія дѣйствія противъ Даніи будутъ считаться съ здѣшней стороны какъ бы нападеніемъ на Россію, исчезъ военный пылъ короля Шведскаго. Онъ объявилъ торжественно, что никогда не имѣлъ непріязненнаго умысла противъ Даніи.

„Король въ декларации говоритъ о своемъ путешествіи въ С.-Петербургъ въ 1777 году и о свиданіи съ императрицей въ Фридрихсгамѣ. Путешествія эти имѣли ту же цѣль, какъ посѣщеніе королемъ датскаго двора, а именно: привести въ подозрѣніе союзниковъ, и если возможно, разрушить союзъ между Даніей и Россіей. Когда императрица желала въ предложенный королемъ союзъ включить и Данію, у короля прошла вся охота далѣе о семъ трактовать, и съ тѣхъ поръ онъ у всѣхъ иностранныхъ дворовъ и при всякомъ случаѣ разсѣвалъ клеветы противъ Россіи, прилагая всевозможное стараніе лишить ее дружбы датскаго двора. О перемѣнахъ въ отношеніяхъ къ Россіи король выражается темно и неопредѣленно: онъ искалъ предлога къ войнѣ и не находилъ; между тѣмъ съ 1772 года ничего важнаго между Россіей и Швеціей, ничего, что могло нарушить спокойствіе между этими державами, не случилось. Видно только, что королевская злоба не новая, и что она при наружной и притворной дружбѣ, непрестанно тлѣя, теперь возгорѣлась. Онъ уже давно старался приготовить все къ походу 1788 года, и поэтому въ притворно дружескихъ поступкахъ короля усматривается одно только глубокое коварство, которое онъ же вмѣняетъ себѣ въ нѣкоторую честь, описывая самъ сіе коварное поведеніе съ лицемѣрною смѣлостію. Если король имѣлъ основательныя причины жаловаться на поведеніе министра ея императорскаго величества при дворѣ его, то для чего онъ не сообщилъ оныхъ въ

С.-Петербургъ? Но онъ отнюдь не имѣлъ никакихъ, и до самаго дня наглаго его нашествія не случилось между Россіей и Швеціей никакого происшествія или дѣла, что̀ могло бы ему подать къ этому справедливый поводъ.

„Король говоритъ о поджиганіи Россіей мятежа въ Швеціи. Немного труда однако будетъ стоить разогнать самымъ простымъ разказомъ всѣ игры словъ, какъ легкій туманъ. Король наговорилъ сенату, народу и войску, что Россія хочетъ напасть на него; было разглашено, что императрица сама писала къ королю гордымъ и непристойнымъ слогомъ; между тѣмъ какъ императрица съ 1785 года не писала къ королю ни одной строки собственною рукой. Король постоянно говоритъ о необходимости обороны. Однако при осадѣ Фридрихсгама сами генералы, офицеры и воины смѣло въ глаза сказали королю, что эта наступательная война несправедлива и несогласна съ шведскими государственными законами и даже несогласна съ образомъ правленія, предписаннымъ самимъ королемъ въ 1772 году. Это было ему весьма досадно, и чтобы привести своихъ подданныхъ на другія мысли, онъ теперь слагаетъ слѣдствія собственнаго своего безразсуднаго предпріятія на русское министерство и на мнимое его властолюбіе. Если бы король остался въ тишинѣ и покоѣ, то онъ, Швеція и Европа увидѣли бы, что не было никому причины страшиться русскаго властолюбія.

„Въ объявленіи сказано, что *и противъ самой особы королевской подъ сѣнію мира составляемы были заговоры.* Что̀ бы значили эти гнусные поклепы, неизвѣстно; всѣ такія неосновательныя порицанія сами собою уничтожаются. Со стороны Россіи никогда ничего подобнаго не было заводимо. Нужно признаться, хотя это и неучтиво, что король Шведскій въ своемъ поведеніи и въ самыхъ своихъ сочиненіяхъ ни мало не щадилъ неправдъ, клеветы, оскорбленія и непристойностей. Можетъ-быть, это покажется весьма противузвучнымъ обыкновенному льстивому гласу придворныхъ людей и ихъ изнѣженному слуху, но всякое опроверженіе непріятно тому, кто самую истину воздвигъ на себя.

„Король говоритъ, *что принужденъ открыть истину, и что Европа узнаетъ, какими интригами раздѣлена Польша, покоренъ Крымъ, и сдѣлалась почти зависимою отъ Россіи Курляндія.* Всѣ эти нареканія проистекаютъ отъ злобы и зависти. Кто бы не подумалъ, что Россія хотѣла поглотить Швецію? Всѣмъ однако же извѣстно, что Россія и не думала о Швеціи. Столько же нелѣпо винить Россію и въ раздѣлѣ Польши. Кому не извѣстно, что безпокойныя головы въ Польшѣ не давали покоя сосѣдямъ, что онѣ уже не внимали ни словамъ, ни увѣщаніямъ, пока наконецъ сосѣди были принуждены приступить къ раздѣлу. Обстоятельства къ Крыму были почти такія же. Россія въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій претерпѣвала отъ Татаръ разоренія. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира она должна была укрощать и подавлять, Богъ вѣдаетъ, сколько возмущеній и раздоровъ безпрестанно вновь отъ Порты заводимыхъ, по причинѣ независимости татарскаго хана, пока наконецъ императрица, для обезпеченія тишины своей имперіи и по собственному желанію и прошенію крымскихъ племенъ, была принуждена превратить это гнѣздо разбойниковъ въ область ея имперіи и тѣмъ вдругъ положить конецъ всѣмъ безпокойствамъ.

„Что же касается до обвиненія въ зависимости герцогства Курляндскаго отъ Россіи, то едва не происходитъ ли оно отъ негодованія короля на не

удачу его умысловъ на это герцогство. Дѣло въ томъ, что когда флотъ шведскій отправился изъ Карлскроны въ Гельсингфорсъ и почти поровнялся съ Курляндіей, въ этомъ герцогствѣ были получены изъ Швеціи письма съ предложеніемъ выбрать старшаго брата короля въ герцоги. Этотъ умыселъ короля на Курляндію былъ поддерживаемъ предположеннымъ имъ возмущеніемъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Нѣкоторымъ курляндскимъ дворянамъ были обѣщаны чины шведскихъ государственныхъ сенаторовъ, другимъ ордена и т. д. На шведскомъ флотѣ ежедневно ожидали съ великою нетерпѣливостью депутатовъ отъ сихъ провинцій, но какъ ни одни, ни другіе не являлись, да и никакой охоты къ тому не казали, напротивъ того Лифляндцы и Эстляндцы приняли тотчасъ дѣйствительнѣйшія мѣры въ доказательство своего усердія и вѣрности къ Россійской имперіи и особенно къ государынѣ императрицѣ,—то эти мечты короля Шведскаго и его брата въ самомъ началѣ исчезли, что̀ имъ обоимъ причинило не мало досады.

„Что касается до обвиненія Россіи въ видахъ на Финляндію, то должно принять въ соображеніе слѣдующее:

„Россія въ нынѣшнемъ столѣтіи два раза покорила всю Финляндію. Вслѣдствіе прелиминарныхъ статей Абовскаго мирнаго договора нынѣшній королевскій домъ получилъ шведскую корону, за что̀ Швеція возвращена Финляндія до рѣки Кюмени. Слѣдовательно, тогда кончились всѣ замыслы о независимости Финляндіи. Но могла ли Россія подумать о возобновленіи такихъ замысловъ посреди мира? Могла ли она такъ явно нарушать торжественныя обязательства трактатовъ? О томъ не находится ни малѣйшихъ слѣдовъ, хотя это предъявленіе, можетъ-быть, послужило къ гоненію частныхъ людей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи. Обвиненіе, что Россія подъ предлогомъ независимости Финляндіи хотѣла превратить ее въ русское помѣстье, каковое теперь Курляндія, не имѣетъ основанія, потому что, вопервыхъ, Шведская Финляндія могла бы быть совершенно независимою отъ Швеціи и Россіи, не составляя *помѣстье* одного или другаго своихъ сосѣдей. Конечно, было бы неудивительно, если бы при настоящихъ обстоятельствахъ Финны желали независимости. Король это понимаетъ и старается упредить такое событіе. Вовторыхъ, полезнѣе ли для Шведской Финляндіи, чтобъ она не зависѣла отъ обоихъ сосѣдей или лучше ли, чтобъ она была утѣсняема, изнуряема и высосана однимъ сосѣдомъ, или завоевана другимъ, это предоставляется на благоразсужденіе самихъ Финновъ. Они должны знать, что̀ имъ выгоднѣе. Извѣстно однако, сколько Швеція имѣетъ ежегодно прибыли отъ Финляндіи, и сколько Финляндія претерпѣла за Швецію. Можно поэтому легко опредѣлить, которая изъ обѣихъ въ долгу у другой остается. Россіи нечего требовать отъ шведской Финляндіи, нечего желать отъ Финновъ, кромѣ спокойствія и безопаснаго сосѣдства, хотя бы они были шведскіе подданные или независимые люди. Если же этотъ народъ, нуждающійся постоянно въ произведеніяхъ Россіи, требовалъ бы единодушно русской защиты, то нечего бы тому дивиться, потому что онъ такимъ образомъ отдѣлилъ бы отъ своей земли Швецію и Россію, которымъ Финляндія всегда была мѣстомъ боя.

„Называть *Курляндію русскимъ помѣстьемъ* есть сущая ложь, выдуманная и написанная отъ огорченія и досады.

„Объявленіемъ стараются сбить съ пути Финновъ, обращаясь къ нимъ съ

нѣжными восклицаніями въ то самое время, когда шведскія и финляндскія войска соединились противъ наступательной войны съ Россіей. Это опасное волненіе [1]) произошло, какъ всѣмъ извѣстно, само собою и единственно отъ собственнаго королевскаго поведенія, безъ содѣйствія Россіи. Такъ какъ въ Швеціи и Финляндіи государственная конституція, законы и трактаты неоспоримо потрясены и ниспровержены, какъ неправеднымъ королевскимъ объявленіемъ войны, такъ и разными другими хитростями, то каждый Шведъ и Финнъ можетъ теперь спросить по справедливости: кому онъ обязанъ послушаніемъ, въ комъ теперь существуетъ законная власть, кто долженъ положить предѣлы настоящему неудобству? Поэтому обѣ націи требуютъ созванія сейма. Онѣ знаютъ, что король нарушилъ миръ съ Россіей безъ причины, что эта держава и союзная съ нею Данія не могутъ вести переговоровъ о мирѣ безъ вольнаго сейма; ибо съ кѣмъ имъ вступать въ переговоры о мирѣ, когда законы и договоры такъ вѣроломно нарушены?

„Привязанность Финновъ къ Швеціи была велика; неоднократно они жертвовали для Швеціи самихъ себя, свое отечество и имѣніе. Но такова ли была признательность и попеченіе Швеціи о Финляндіи? Извѣстно, что во время неурожая, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ, Финны претерпѣли бы великій голодъ, если бы Россія не открыла имъ своихъ житницъ, а при умноженіи недостатка и императорскихъ запасныхъ магазиновъ. Объ этомъ, конечно, въ объявленіи ничего не говорится.

„Баронъ Спренгтпортенъ, объ *отпаденіи* котораго говорится въ объявленіи, можетъ предъявить неоспоримое свидѣтельство, что онъ ничего не сдѣлалъ безъ королевскаго вѣдома и дозволенія. Въ день вступленія его въ службу Россіи министръ короля, долженствовавшій знать мнѣніе своего государя, самъ его съ тѣмъ поздравлялъ и изъявлялъ ему и другимъ особливое свое объ этомъ удовольствіе, да и всегда имѣлъ съ нимъ весьма дружеское обхожденіе. Когда же король непріятельски напалъ на Россію, то Спренгтпортенъ отправился изъ столицы и жилъ въ отдаленіи отъ финскихъ границъ. Предъ начатіемъ же войны особенныя обстоятельства принудили его ѣхать на границу для полученія нужныхъ свѣдѣній о конфискованныхъ его деревняхъ въ Финляндіи.

„Король говоритъ о путешествіи одного русскаго генерала по Финляндіи въ 1786 году. Если бы путешествія на границы и любопытство генераловъ могли служить причиной войны противъ какого-либо государства, то Россія могла бы за такое въ объявленіи упомянутое одно путешествіе заплатить въ десятеро и болѣе таковою же монетой; ибо при начатіи войны, въ Петербургѣ и Кронштадтѣ было множество шведскихъ офицеровъ всякаго состоянія, съ разными замыслами и затѣями, пріѣзжавшихъ иногда курьерами; не упоминая о томъ, что пріятнѣйшая прогулка секретаря шведскаго посольства была два раза въ недѣлю изъ Петербурга въ Ораніенбаумъ, откуда онъ, перерядясь, ѣзжалъ въ Кронштадтъ для ближайшаго осмотра морскихъ вооруженій и для узнанія, сколько кораблей и военныхъ отправляются въ море.

„Представленіе Финновъ противъ войны случилось, конечно, безъ совѣта и вѣдома Россіи, и этимъ еще болѣе подтверждается, что несправедливость

---

[1]) См. нашу статью о конфедераціи въ Аньялѣ въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* за мартъ 1868 года.

нападенія короля и беззаконность его поведенія осуждаются всѣми его подданными.

„Въ объявленіи осмѣливаются утверждать, будто намѣренія Россіи въ мирное время были устремлены противъ особы королевской и спокойствія Швеціи. Это явная неправда и постыдная выдумка, служащая только къ закрытію прямыхъ королевскихъ замысловъ, или лучше сказать, къ оправданію самовольной и безъ достаточныхъ причинъ предпринятой войны.

„Упомяная объ Оттоманской Портѣ, король открываетъ нѣсколько яснѣе прямые свои умыслы и потаенныя побудительныя причины. Онъ ссылается на союзъ съ Турціей въ силу договора 1739 года, на союзъ съ этимъ непримиримымъ врагомъ Россіи, христіанства и христіанскаго имени. Но не всѣ земные обитатели забыли, что первымъ артикуломъ Абовскаго мира, заключеннаго въ 1743 году, объявлены недѣйствительными всѣ трактаты, которые могли быть противны этому мирному договору, а въ этомъ договорѣ, какъ видно изъ записокъ мирнымъ переговорамъ, именно подразумѣвался этотъ Турецкій трактатъ 1739 года,—не говоря уже о томъ, что онъ былъ только оборонительный и никакъ не могъ обязывать къ чему-либо Швецію противъ Россіи, когда Турція сдѣлала на послѣднюю первое нападеніе. Изъ этого видно, какъ мало король соблюдаетъ трактаты и какъ должно понять его увѣренія къ дружбѣ съ 1772 года и его пріѣзды въ Петербургъ и Фридрихсгамъ. Да будетъ онъ отвѣчать предъ Богомъ, предъ своими подданными, предъ всѣмъ свѣтомъ и потомствомъ въ томъ, что столь постыдно жертвовалъ кровью и жизнію своего христіанскаго народа врагу христіанства. Если онъ это сдѣлалъ въ позорной надеждѣ получить отъ Порты денегъ, то въ этомъ онъ можетъ также обмануться, какъ онъ ошибся, полагая, что Россіи союзъ Швеціи съ Портой казался страшнымъ. Густава-Адольфа поведеніе было совершенно противоположное: онъ ничего такъ усердно не желалъ, какъ вести войны противъ врага христіанства.

„Король предлагалъ себя въ посредники между нами и Портой. Но во-первыхъ онъ не можетъ быть безпристрастнымъ, между тѣмъ какъ въ этомъ заключается первая добродѣтель посредника; а далѣе: мнимая важность и вліяніе его у Порты вовсе не были извѣстны. Онъ ссылается на дружбу Карла XII съ Турціей: но нельзя вовсе утверждать, что турецкіе министры знаютъ ли, что Карлъ XII когда-нибудь существовалъ на свѣтѣ, и кто его преемникъ. Только то извѣстно, что Карлъ XII былъ Туркамъ въ тягость, и что они, сбывъ его съ рукъ, были очень рады.

„Торжественныя объявленія о мирѣ со стороны Россіи приняты королемъ за оскорбленіе. Этого еще никогда не бывало. Всѣ поклепы короля на графа Разумовскаго направлены и не основаны на запискѣ, поданной послѣднимъ графу Оксеншерна. Выраженія, содержащіяся въ ней, не могли быть коварны, когда Россія непремѣнно хотѣла избѣгнуть войны. О расторженіи союза между королемъ и націей никто не думалъ, но только нація знала о расположеніи Россіи къ миру, между тѣмъ какъ король неотмѣнно хотѣлъ войны. Записка только убѣждала всѣхъ, имѣющихъ какое-либо участіе въ государственномъ правленіи, что Россія не имѣла ни тѣни расположеній, враждебныхъ къ Швеціи. Положимъ, что королю непріятно было видѣть, что нація рядомъ съ

нимъ названа (за что̀ однако же не надлежало бы досадовать никакому государю, а менѣе всего Шведскому королю, ибо безъ народовъ не можетъ быть и государей); но онъ же не только въ силу коренныхъ шведскихъ законовъ, но и по конституціи 1772 года не имѣлъ права считать это оскорбленіемъ. Шведская нація призвала на престолъ нынѣшній домъ королевскій, такъ отчего главѣ онаго стало вдругъ столь несносно слышать названіе націи, и какъ могъ русскій министръ *расторгнуть союзъ между королемъ и его народомъ?* Это подлинно одни только слова безъ всякаго смысла.

„Странно, что и въ запискѣ, читанной церемоніймейстеромъ, такъ и въ объявленіи графъ Разумовскій названъ частнымъ человѣкомъ, котораго король отъ себя удаляетъ, между тѣмъ какъ графъ Разумовскій акредитованный русскій министръ, а не частный человѣкъ; король не имѣлъ власти лишить его публичнаго званія, потому что онъ ему не подчиненъ. Слѣдовательно, все то, что̀ случилось съ графомъ Разумовскимъ, есть насиліе, коварное нарушеніе международнаго права, явное оскорбленіе, причиненное достоинству и чести императрицы и ея имперіи, чѣмъ король только самого себя наиболѣе обезславилъ предъ свѣтомъ и потомствомъ. Король отомстилъ графу Разумовскому несправедливымъ и необыкновеннымъ между просвѣщенными народами образомъ. Онъ требуетъ наказанія графа. За что̀? За то, что онъ изъявлялъ миролюбивыя расположенія ея императорскаго величества къ королю и къ шведской націи. Странно! Въ запискѣ, читанной церемоніймейстеромъ графу Разумовскому, король приказалъ изъявить ему благоволеніе, а запиской отъ 1-го іюля онъ требуетъ отъ императрицы примѣрнаго этому посланнику наказанія.

„Предложеніе вооруженнаго посредничества всякой независимой державѣ, какой бы степени она ни была, должно показаться несправедливымъ, оскорбительнымъ ея чести, тѣмъ болѣе Россіи, не привыкшей пока принимать отъ короля Шведскаго законы.

„Король требуетъ всю Финляндію отъ Россіи за убытки. Онъ скорѣе, какъ союзникъ Порты, отъ нея долженъ получить платежъ; отъ Россіи онъ ничего не можетъ требовать. За то Россія можетъ отъ него требовать удовлетворенія за всѣ оскорбленія, за весь причиненный войною вредъ, за чрезвычайныя вооруженія и за остановленіе отправляющагося въ Средиземное море флота.

„Разказъ короля, что *легкія русскія войска напали на шведскіе форпосты въ Саволаксѣ*, — неправда; въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ не было ни одной души легкаго русскаго войска ни въ Саволаксѣ, ни вообще въ тамошнемъ краю, и бригадиръ Гастферъ не могъ видѣть *непріятельскихъ дѣйствій*, гдѣ ихъ не было. Извѣстно, что онъ приступилъ къ Нейшлоту среди мира. Король же хотѣлъ привлечь русскія войска на границу. Онъ даже съ гнѣвомъ писалъ къ своему посланнику въ Петербургѣ: зачѣмъ онъ ему не доноситъ, что двѣнадцать тысячъ Татаръ и Калмыковъ стоятъ близъ его границы? Шведскій посланникъ, увѣренный въ противномъ, былъ въ недоумѣніи: истина противорѣчила королевской волѣ; онъ однако хотѣлъ, чтобы ему донесли такъ, а не иначе. Когда шведская армія не хотѣла переступать за границу, не находя предъ собою непріятеля и не видя, по разсѣяннымъ въ Стокгольмѣ слухамъ, никакого опустошенія, то говорятъ, былъ употребленъ отчаянный подлогъ: переряжены 24 человѣка россійскими казаками, и посланы для учи-

ненія разоренія въ Корелію. Подлинное о томъ повелѣніе тотчасъ же отослано обратно. А въ исполненіе онаго сожжена деревня, принадлежащая одной вдовѣ, которую по имени называютъ [1]).

„Послѣ событія при Фридрихсгамѣ и самъ король желалъ мира; но онъ у шести дворовъ просилъ посредничества; но не просилъ онъ только у того двора, отъ котораго ему надлежало ожидать мира.

„Въ заключеніе еще нужно замѣтить, что число 21-го іюня на объявленіи не сходно съ истиной. Оно, безъ сомнѣнія, составлено не ранѣе августа. Король долженъ былъ издать его, потому что шведская и финская арміи жаловались, что манифеста о войнѣ не обнародовано, а нападеніе сдѣлать велѣно, а далѣе потому, что Данія желала узнать о причинахъ короля къ войнѣ.

„Вотъ съ какимъ сосѣдомъ Россія имѣетъ дѣло: онъ попираетъ установленный союзъ общенародный и благоустройства и доказалъ своимъ самопроизвольнымъ поведеніемъ, что онъ никакихъ другихъ правилъ не знаетъ, кромѣ собственной необузданной воли“ [2]).

Таково было содержаніе возраженія Екатерины на объявленіе Густава. Столкновеніе между Швеціей и Россіей было, какъ видно, чуть-ли не личнымъ дѣломъ обоихъ государей. Въ Швеціи даже долгое время не знали о войнѣ и довольствовались одними предположеніями о цѣли вооруженія. Въ письмѣ изъ Стокгольма отъ 24-го іюня, въ которомъ уже говорится объ отъѣздѣ короля съ флотомъ и войскомъ въ Финляндію, сказано только: „По всѣмъ обстоятельствамъ кажется, что день сей содѣлается началомъ эпохи для государства нашего. Кромѣ сего ничего мы не знаемъ. Намѣренія короля хранятся въ тайнѣ“ [3]). Уже нѣкоторое время послѣ открытія въ Финляндіи и на морѣ военныхъ дѣйствій пріѣхалъ изъ Стокгольма датскій корабельщикъ, который увѣрялъ, что въ Швеціи еще ничего не знали о начавшейся войнѣ, и что Русскіе тамъ свободно торгуютъ [4]). На это обстоятельство Екатерина обращала вниманіе въ своемъ возраженіи, указывая на несогласіе между желаніемъ короля воевать съ Россіей и желаніемъ народа не нарушать мира. Вообще не ожидали тогда войны на сѣверѣ и тѣмъ болѣе осуждали образъ дѣйствій Густава. Въ Даніи никакъ не думали, что Густавъ рѣшится на такое отважное предпріятіе [5]). Сегюръ пишетъ: „Никакъ нельзя было ожидать, что Густавъ III съ войскомъ не болѣе 30.000 осмѣлится напасть на исполинскую Россію“ [6]). Французское правительство обнаружило лв-

[1]) См. подробности этого событія ниже.

[2]) Обнародовано въ сентябрѣ мѣсяцѣ; см. *Колотова*, III, 278 — 339.

[3]) *С.-Пет. Вѣд.* 1788., стр. 851.

[4]) Зап. Храп. 20-го іюля 1788 года: письмо Броуна изъ Риги.

[5]) Mémoires d'un officier suédois.

[6]) *Ségur*, Mémoires, III, 266.

ное неудовольствіе по поводу политики Шведскаго короля. Такъ по крайней мѣрѣ писалъ министръ Людовика XVI французскому посланнику въ С.-Петербургѣ [1]). Даже Франція отказывала Густаву въ платежѣ субсидій на томъ основаніи, что Швеція не оборонялась, а начала войну [2]). Изъ Лондона писали 1/12 августа:

„Мы всѣ еще ласкаемся надеждою, что въ возгорѣвшихся на востокѣ и на сѣверѣ войнахъ дворъ нашъ не приметъ ни малѣйшаго участія. Многіе изъ политиковъ нашихъ судятъ о поступкѣ короля Шведскаго съ нарочитою горячностью и радуются, что Данія пріемлетъ также противъ него оружіе“ [3]).

По ходу дѣлъ Россія должна была стараться выставить на видъ, вопервыхъ, что не она, а Густавъ началъ войну, и вовторыхъ, что въ Швеціи желали мира, и стало быть отвѣтственность за его нарушеніе лежала на одномъ королѣ. И то, и другое было очевидно; но возраженіе должно было сильно содѣйствовать выясненію этихъ двухъ главныхъ истинъ, служившихъ къ большой выгодѣ для Россіи. Но хотя формально-юридическій вопросъ былъ ясно поставленъ, и на него данъ отчетливый отвѣтъ,—для западныхъ державъ, опасавшихся увеличенія значенія Россіи въ ряду европейскихъ государствъ, особенно для Англіи и Пруссіи, казалось выгоднымъ поддерживать Густава въ борьбѣ съ Россіей и съ Даніей; а потому и аргументація Екатерины, краснорѣчивая и ловкая, не могла подѣйствовать на политику кабинетовъ, недоброжелательно слѣдившихъ за развитіемъ могущества Россіи. Что же касается до непопулярности войны въ Швеціи, то въ этомъ отношеніи солидарность интересовъ Екатерины съ интересами шведскаго дворянства не мѣшала Густаву продолжать идти по избранному имъ пути. Онъ былъ готовъ, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ дальнѣйшимъ революціямъ по примѣру событій 1772 года; онъ умѣлъ дѣйствовать на національное чувство и на патріотизмъ массы народа, и союзъ короля съ массою народа въ концѣ концовъ долженъ былъ оказаться сильнѣе союза шведской оппозиціи съ Россіей. Старанія Екатерины подѣйствовать на шведское дворянство, обнаружившіяся и въ ея возраженіи, оказались тщет-

[1]) *Ségur*, III, 377.

[2]) *Ségur*, III, 412.

[3]) *С.-Пет. Вѣд.* 12-го августа 1788 г. Также у Храповицкаго 23-го іюля: «Въ перелюстраціи примѣтилъ я, что будто англійскій дворъ объявилъ себя несогласнымъ съ поступкомъ короля Шведскаго, и что король Шведскій, требуя формально помощи отъ Франціи, получилъ отказъ, затѣмъ что не онъ былъ атакованъ» За то въ упомянутомъ сочиненіи о Потемкинѣ сказано: «Der billigere Theil Europas war für Gustaf»; см. *Minerva*, 1798 г., IV, 478.

ными. Хотя, какъ сообщаетъ одинъ изъ современниковъ, многіе изъ Шведовъ, слѣдя за предпріятіемъ Густава, вспоминали о неудачахъ Карла XII [1]), хотя и сами министры Густава не совѣтовали ему начинать войну [2]), хотя и въ Швеціи, и въ Финляндіи было много людей средняго и низшаго класса, расположенныхъ противъ войны [3]); но вскорѣ затѣмъ Густавъ, не смотря на свои неудачи, успѣлъ склонить общее мнѣніе на свою сторону и даже вынудить необходимыя средства для продолженія войны у государственныхъ чиновъ. Если нельзя согласиться съ тѣмъ изъ современниковъ Густава, который утверждаетъ, что молодежь въ Швеціи пылала желаніемъ отличиться на войнѣ [4]), ни съ д'Аквилой, который говоритъ, что намѣреніе Швеціи возвратить себѣ части Финляндіи, утраченныя по договорамъ Ништадтскому и Абовскому, должно было имѣть большое значеніе въ глазахъ народа [5]); то нельзя въ то же время не признать, что война, предпринятая Густавомъ вопреки постановленіямъ данной имъ самимъ конституціи и вопреки желанію тѣхъ классовъ общества, которые дотолѣ часто имѣли въ государствѣ большее значеніе, чѣмъ самъ король, — война, которая не была даже ознаменована никакими важными успѣхами шведскаго оружія, а стоила много денегъ и крови, — окончила собою борьбу между королемъ и дворянствомъ въ пользу королевской власти, такъ что даже въ послѣдствіи насильственная смерть Густава не измѣнила постановленій его, состоявшихся въ самое опасное время этой войны, на сеймѣ 1789 года. Екатерина въ своемъ возраженіи, старалась не только предъ дворянствомъ, но и передъ народомъ шведскимъ, выставить дѣйствія Густава въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. И чѣмъ болѣе справедливыми казались доводы императрицы, защищавшей положительное право, тѣмъ болѣе Густавъ долженъ былъ считать необходимымъ измѣнить постановленія договоровъ 1721 и 1743 годовъ и конституцію 1772 года, еще во многихъ отношеніяхъ связывавшую ему руки. Что̀ значила въ его глазахъ святость положительнаго права, когда интересъ народа въ самомъ широкомъ смыслѣ требовалъ именно уничтоженія этого права; когда политическій интересъ оправдывалъ нарушеніе юридическихъ формулъ; когда

---

[1]) *Posselt*, l. c., 342.

[2]) Какъ видно изъ его подписки по случаю отъѣзда'; см. статью Германна у Раумера въ *Histor. Taschenb.*, 1857, стр. 398.

[3]) Mém. d'un off.; *Stedingk*, I, 81.

[4]) Mém. d'un officier.

[5]) d'Aquila, II, 91.

диктатура, необходимая, по его убѣжденію, для спасенія Швеціи, согласовалась съ его наклонностями вообще, съ его жаждою пріобрѣсти громкое имя въ исторіи, съ его личнымъ негодованіемъ на императрицу и съ его страстнымъ, лихорадочнымъ темпераментомъ. Еще задолго передъ тѣмъ Густавъ замѣтилъ: „Il faut une guerre pour caractériser un règne“ [1]). Теперь настало время такой войны [2]). Впрочемъ до отъѣзда изъ Стокгольма король передалъ своимъ приближеннымъ протоколы совѣщаній своихъ съ министромъ финансовъ, барономъ Рутомъ, и съ генераломъ Толлемъ, и при этомъ случаѣ сказалъ: „Только Провидѣнію извѣстно, вернусь ли я съ войны, или нѣтъ; если я въ ней погибну, то вѣроятно, вся ненависть и злоба народа обратится противъ васъ, господа, такъ какъ всѣ думаютъ, что вы мнѣ присовѣтовали ее. Поэтому я вручаю вамъ эти подлинники протоколовъ, изъ которыхъ видно, что вы не совѣтовали мнѣ начинать войну, и что я одинъ по собственной своей волѣ и вслѣдствіе сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ моими министрами при иностранныхъ дворахъ, предпринялъ этотъ походъ“ [3]).

Густавъ всегда любилъ рыцарскія игры, пышныя церемоніи, придворныя театральныя празднества. При такомъ важномъ предпріятіи, при такой драмѣ, главнымъ актеромъ которой былъ онъ самъ, Густавъ и среди приготовленій къ походу отличался нѣкоторою изысканностью и тщеславіемъ. Въ письмѣ къ Армфельду, писанномъ на кораблѣ *Амфіонъ* послѣ отъѣзда изъ Стокгольма, онъ говорилъ о томъ, какъ совершилось прощаніе со столицей и съ королевой, какъ провожали его къ берегу моря его родственники, сановники, царе-

[1]) *Ségur*, III, 377.

[2]) Весьма любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее обстоятельство. Въ Швеціи чеканились русскіе мѣдные пятаки, которыми Шведы уплачивали за купленные ими въ русской Финляндіи предметы; см. Зап. Храп. 29-го іюля: «Гр. Мусинъ-Пушкинъ прислалъ пятаки, коими Шведы платили нашимъ за провозъ артиллеріи, сказывая, что взяты на россійскихъ корабляхъ. Велѣно ихъ освидѣтельствовать, и мнѣ кажется, что они поддѣльные, но близки къ нашему стемпелю». 30-го іюля: «По свидѣтельству на монетномъ дворѣ нашлось, что пятаки, коими Шведы въ Финляндіи платили, не нашего стемпеля, но добротой съ нашими равны: видно, что дáвно они готовились». Авторъ замѣчательнаго сочиненія о мѣдныхъ деньгахъ въ Швеціи (Aug. W. Stjernstedt) сообщилъ намъ, что мѣдные русскіе пятаки съ обозначеніемъ 1787 года чеканились въ то время въ Авестадѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ничего болѣе объ этомъ любопытномъ обстоятельствѣ, показывающемъ, какъ тщательно Густавъ готовился къ походу.

[3]) *Herrmann*, Raumer's *Taschenbuch*, 1857, стр. 398.

дворцы, придворныя дамы, сенатъ, пажи, какъ онъ сѣлъ въ шлюпку, какъ онъ далъ сенаторамъ поцѣловать свою руку, и какъ онъ самъ на привѣтствія народа отвѣчалъ двоекратнымъ ура:

„Мысль о моемъ громадномъ предпріятіи, народъ толпившійся на берегу моря, мстителемъ котораго я являлся, мысль о томъ, что я могу отмстить за Турцію, что мое имя станетъ извѣстно Азіи и Африкѣ, все это такъ подѣйствовало на мое воображеніе, что я не чувствовалъ особеннаго волненія и оставался спокойнымъ въ ту минуту, когда отправлялся на встрѣчу всякаго рода опасностямъ.... Вотъ и я перешагнулъ чрезъ Рубиконъ“ [1]).

Въ государственномъ совѣтѣ Густавъ сказалъ: „Если успѣхъ увѣнчаетъ наше оружіе, я между памятниками русской гордыни пощажу только одинъ памятникъ Петру Великому, чтобы выставить и увѣковѣчить на немъ имя Густава III“ [2]).

Обо всѣхъ этихъ напыщенныхъ выходкахъ короля узнавали въ Петербургѣ и смѣялись надъ нимъ. Подобное хвастовство и подобныя притязанія на личную славу въ дѣлахъ, касавшихся всего государства, могли казаться тѣмъ болѣе неумѣстными, что кое-гдѣ въ Швеціи было, дѣйствительно, замѣтно неудовольствіе въ народѣ. Екатерина съ большимъ вниманіемъ слѣдила за всѣми признаками такого неудовольствія. Храповицкій не забывалъ вносить въ свой дневникъ всѣ подобные случаи. Императрицѣ понравилось замѣчаніе Сиренгпортена о Густавѣ при слухѣ о предстоящей войнѣ: „Je crois qu'il veut se défaire de la Finlande“ [3]). Когда началась война, Шведы, находившіеся въ Петербургѣ на купеческихъ корабляхъ, были задержаны, и Храповицкій съ видимою радостью пишетъ: „Эти Шведы согласно желаютъ, чтобъ ея величество хорошенько успокоила ихъ короля“ [4]). Не безъ удовольствія также получили въ Петербургѣ письмо отъ графа Разумовскаго, въ которомъ послѣдній писалъ, что послѣ битвы при Гогландѣ „герцогъ Сюдермандандскій поссорился съ королемъ, укоряя его въ неоткровенности и ложныхъ увѣреніяхъ о нашемъ безсиліи“ [5]). Въ письмѣ къ Іосифу II императрица назвала Густава вторымъ Донъ-

[1]) *Ségur*, III, 382—387. D'Aquila, разказывая объ этомъ отъѣздѣ, прибавляетъ, II, 93: «L'époque de la saison semblait ajouter à la beauté de ce départ, car alors il n'y a pas de nuit». Подробный разказъ въ *С.-Пет. Вѣд.* 1788 г., 851. Въ *Нѣмецкой Петербургской газетѣ*, 14 іюля, сказано: «In Wahrheit ein festlicher, aber auch für viele Patrioten ein bedenklicher Tag».

[2]) *Posselt*, 347.

[3]) Зап. Храп. 28-го мая.

[4]) Зап. Храп. 20-го іюля.

[5]) Зап. Храп. 5-го августа.

Кихотомъ[1]). „Онъ только золъ на меня и на Полькена", сказала она 18-го іюля (за то, что оба говорили о мирномъ расположеніи Россіи), „и на обоихъ солгалъ въ сенатѣ: онъ тому голову отрубитъ, но мнѣ не можетъ". Въ русскомъ манифестѣ о войнѣ отъ 30-го іюня Густавъ былъ названъ „вѣроломнымъ". При дворѣ Екатерины въ послѣдствіи разказывали, что король, прочитавъ манифестъ, разодралъ его со словами: „Je ne suis pas son sujet" [2]). Также,—узнавъ объ изреченіи Екатерины: „Шведскій король, вооружаясь противъ меня, неразумно обнажилъ мечъ; пусть онъ броситъ ножны",—Густавъ замѣтилъ: „Это тѣ же самыя слова, которыя употребилъ когда-то Сикстъ V о герцогѣ Гизѣ: *когда подданный обнажилъ мечъ для борьбы съ своимъ владѣтелемъ, онъ уже долженъ бросить ножны*... Что же касается до меня, то я, сколько мнѣ извѣстно, не подданный императрицы, и постараюсь доказать ей это" [3]).

Такой разрывъ между Густавомъ и Екатериной не могъ не быть продолжительнымъ. Хотя уже вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій стали ходить слухи о предстоящемъ заключеніи мира, хотя и въ послѣдствіи постоянно возобновлялись эти слухи, основанные впрочемъ на дѣйствительныхъ стараніяхъ дипломатовъ помирить воюющихъ, война продолжалась однахожь почти три года.

Густавъ уѣхалъ [12]/23-го іюня, давъ графу Разумовскому недѣлю сроку на выѣздъ изъ Швеціи. Русскій посланникъ предпочель не выѣзжать вопреки строгому повелѣнію короля. Въ Петербургѣ понимали, что послѣ открытія военныхъ дѣйствій и объявленія короля, что онъ считаетъ Разумовскаго лишь частнымъ человѣкомъ, русскій посланникъ подвергалъ себя большимъ опасностямъ; но онъ оставался въ Стокгольмѣ еще нѣсколько недѣль до начала августа. Графъ Стединкъ писалъ королю [5]/16 августа объ опасностяхъ, грозящихъ ему по случаю конфедераціи въ Аньялѣ, и прибавилъ: „Къ тому же графъ Разумовскій остается въ Стокгольмѣ, къ крайнему моему удивленію. Это пылающая головня, окруженная горючимъ матеріаломъ". Наконецъ, король писалъ къ графу Стединку [8]/19 августа изъ Кюменегорода: „Графъ Разумовскій выѣхалъ 8-го. Наконецъ, онъ долженъ былъ послушаться" [4]). Только въ началѣ сентября узнали въ Петербургѣ объ

---

[1]) Зап. Храп. 7-го іюля.

[2]) Зап. Храп. 31-го августа: «Но не бывъ подданнымъ, трактаты сохранять обязанъ», замѣтила по этому поводу Екатерина.

[3]) *Ségur*, l. c.

[4]) *Stedingk*, Mémoires, I, 122.

отъѣздѣ Разумовскаго. Онъ отправился на шведской яхтѣ въ Копенгагенъ и долженъ былъ перейдти на купеческое судно, „ибо она (яхта) очень дурна и опасна“, какъ пишетъ Храповицкій. „Я всегда говорила, замѣтила при этомъ Екатерина о Густавѣ, qu'il en veut à lui: онъ хотѣлъ его утопить“ [1]).

Еще до окончательнаго разрыва между Россіей и Швеціей, были открыты военныя дѣйствія со стороны Швеціи.

III.

Открытіе военныхъ дѣйствій.

Встрѣча шведскаго флота съ эскадрою фонъ-Дезина. — Таинственное событіе при Пумалѣ.

Два событія въ особенности лучше всего показываютъ, что не Русскіе, а Шведы начали военныя дѣйствія въ 1788 г., и что всѣ старанія Густава принудить Русскихъ сдѣлать первый шагъ оказались тщетными: вопервыхъ, встрѣча шведскаго флота съ эскадрой вице-адмирала Дезина $^{11}/_{22}$-го іюня, а вовторыхъ, первая стычка между мнимыми русскими и настоящими шведскими солдатами на шведско-русской границѣ, въ Финляндіи ($^{17}/_{28}$ іюня).

Въ концѣ мая находились въ Карлскронѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ солдатъ, готовыхъ сѣсть на корабли и переѣхать въ Финляндію [2]). $^{6}/_{17}$ іюля корабельный флотъ вышелъ изъ Карлскроны. О назначеніи его ходили разные слухи; иные говорили, что онъ идетъ въ Финляндію; другіе — что онъ будетъ плавать на высотѣ Данцига [3]). Онъ состоялъ изъ 15 линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ [4]). Густавъ писалъ тогда къ своему брату, герцогу Карлу Сюдерманландскому, о русскомъ флотѣ, что послѣдній крайне нуждается въ людяхъ и вообще во всемъ необходимомъ для вооруженія [5]). Россія между

---

[1]) Зап. Храп., стр. 105.

[2]) Изъ Копенгагена $\frac{\text{27-го мая}}{\text{7-го іюня}}$ писали о 12.000 солдатъ и матросовъ; *С.-Петерб. Вѣд.*, 701. Изъ Стокгольма увѣдомляли, что число войскъ на транспортныхъ судахъ было 7.000.

[3]) Изъ Гаги въ *С.-Петерб. Вѣд.*, 775.

[4]) Немного расходящіяся между собою показанія у Гилленграната въ *Морск. Сборн.* 1863 г., № 5, стр. 207, въ письмѣ изъ Копенгагена въ *С.-Петерб. Вѣд.*, 773 и у Поссельта, 350.

[5]) *Морск. Сборн.* 1863 г., № 5, стр. 205.

тѣмъ считала еще войну съ Швеціей такъ мало вѣроятною, что одновременно съ отплытіемъ шведскаго флота была отправлена изъ Кронштадта эскадра, назначенная въ Средиземное море для поддержанія дѣйствій русскаго войска противъ Турціи и состоявшая изъ трехъ линейныхъ кораблей и четырехъ транспортныхъ судовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала фонъ-Дезина. Эскадра эта везла самые нужные запасы для всего флота, вооружаемаго противъ Турокъ. Она была отправлена такъ рано, чтобъ ей заблаговременно пройдти Драго (Кэго-бухту), гдѣ большіе, глубоко сидящіе корабли обыкновенно должны перегружаться для свободнаго прохода. 11/12-го іюня эта небольшая русская эскадра встрѣтилась близь Дагерорта со всѣмъ шведскимъ флотомъ. Къ счастію для русской эскадры, война не была объявлена. Герцогу Карлу было поручено не начинать пока войны, но сдѣлать все возможное, чтобы принудить Русскихъ ко враждебнымъ дѣйствіямъ. Герцогъ дѣйствительно употребилъ все отъ него зависящее, чтобы заставить вице-адмирала фонъ-Дезина сдѣлать необдуманный шагъ, который могъ бы служить благовиднымъ предлогомъ къ начатію непріязненныхъ дѣйствій. Карлъ послалъ фрегатъ *Тетисъ* съ требованіями салюта шведскому флагу; фонъ-Дезинъ сначала отказался салютовать, ссылаясь на постановленія Абовскаго мира, въ силу котораго ни шведскій, ни русскій флотъ не были къ этому обязаны. Карлъ далъ знать русскому вице-адмиралу, что ему хорошо извѣстны всѣ статьи Абовскаго договора, но что король велѣлъ ему во всякомъ случаѣ требовать салюта флоту Шведскаго короля и даже при крайней надобности поддерживать это требованіе вооруженною силой [1]). Вице-адмиралъ фонъ-Дезинъ отозвался на это, что онъ готовъ салютовать „его королевскому высочеству, какъ августѣйшему родственнику императрицы“ [2]); но когда герцогъ сталъ требовать салюта въ качествѣ главнокомандующаго шведскимъ флотомъ, то русскій вице-адмиралъ сдѣлалъ попытку, воспользовавшись подувшимъ вѣтромъ, уйдти отъ шведскаго флота, не производя салюта. Шведскому флоту, стоявшему въ продолженіе переговоровъ въ боевомъ порядкѣ, приказано было немедленно выстроиться въ боевую линію, а передовому кораблю прорѣзать непріятельскую линію. Фонъ-Дезинъ, видя, что ему невозможно избѣгнуть сраженія, которое не могло кончиться въ

[1]) *Лефортъ*, IV, 205.

[2]) Сестра отца Густава III и герцога Карла, короля Адольфа Фридриха, Іоганна-Елисавета, была супругой принца Ангальтъ-Цербстскаго и матерью Екатерины.

его пользу, рѣшился наконецъ исполнить требованіе герцога и салютовалъ шведскому флоту 15-ю выстрѣлами, на что генералъ-адмиралъ отвѣчалъ 8-ю. Шведскій флотъ послѣ этого поворотилъ и пошелъ къ сѣверу, а русская эскадра продолжала свое плаваніе къ Зунду [1]).

Исходъ этой встрѣчи могъ считаться неудачей для Шведовъ. И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, ограниченіе монархической власти въ Швеціи было причиною неудачи. Король во что бы то ни стало не долженъ былъ казаться начинающимъ войну. Вниманіе, обращенное на этотъ разъ на постановленія государственнаго права, такъ часто нарушаемаго королемъ, лишило его случая нанести чувствительный ударъ Россіи. Взятіе трехъ русскихъ линейныхъ кораблей и значительныхъ военныхъ припасовъ могло бы считаться блистательнымъ началомъ войны со стороны Швеціи. Фактически король началъ войну; въ теоріи Россія должна была явиться начинающею. Такая формалистика заставила Швецію отказаться отъ вѣрной добычи, отъ взятія русской эскадры, которая значительно усилила бы шведскій флотъ и дала бы ему рѣшительный перевѣсъ надъ непріятельскимъ,—эскадры, которая въ послѣдствіи блокировала шведскія берега насупротивъ Копенгагена и доставила Русскимъ возможность сжечь тамъ нѣсколько шведскихъ деревень [2]). Гилленгранатъ упрекаетъ Густава въ томъ, что онъ, упустивъ изъ виду возможность случая, подобнаго разказанному, не далъ своему брату нужнаго полномочія. Другіе же считаютъ большою ошибкой со стороны Густава то, что онъ не подождалъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, пока весь флотъ, назначенный въ Средиземное море, не прошелъ по крайней мѣрѣ Зундскій проливъ. Гельбигъ полагаетъ, что въ такомъ случаѣ взятіе Кронштадта было бы легко возможнымъ [3]). Но, вопервыхъ, Густава связывала конституція; вовторыхъ, можно было ожидать, что Россія и не отправитъ въ Средиземное море весь Кронштадтскій флотъ въ такое время, когда Швеція грозила нападеніемъ; втретьихъ же, Густавъ, можетъ-быть, именно хотѣлъ оказать важную услугу своему союзнику, султану, отъ котораго

---

[1]) *Морск. Сборн.* въ 1863 г., № 5, стр. 209; Гилленгранатъ замѣчаетъ: «Кто изъ истинныхъ патріотовъ не будетъ сожалѣть о неудачномъ исходѣ этой встрѣчи? Каково же было герцогу, который, будучи связанъ инструкціями, долженъ былъ упустить изъ рукъ добычу, въ то время, когда онъ зналъ, что война уже рѣшена, и быть можетъ, даже объявлена, хотя онъ объ этомъ не могъ получить никакого извѣстія».

[2]) *Rein*, 61.

[3]) *Minerva*, 1798, IV 475.

онъ надѣялся получить значительныя субсидіи, удержаніемъ въ Балтійскомъ морѣ русскаго флота. Какъ бы то ни было, императрица могла быть довольна исходомъ вышеупомянутой встрѣчи. Храповицкій внесъ въ свой дневникъ 20-го іюня: „Сказывали, что три стопушечные корабля прошли благополучно мимо шведскаго флота“ [1]).

Не даромъ Екатерина употребляла всѣ старанія препятствовать измѣненію шведской конституціи. Ею обусловливалось, большею частію, рѣшеніе вопроса о побѣдѣ и уронѣ для Швеціи или Россіи [2]).

Въ возраженіи Екатерины разказывается „Шведская сказка“ о томъ, какъ открылись военныя дѣйствія на шведскорусской границѣ:

„Переряжены 24 человѣка Шведовъ россійскими казаками и посланы для учиненія разоренія въ Корелію; во исполненіе онаго сожжена деревня, принадлежащая одной вдовѣ, которую и по имени называютъ“ [3]).

Вопросъ о томъ, справедливы ли слухи, что Густавъ дѣйствительно рѣшился на подобное средство, чтобы заставить всѣхъ современниковъ думать о началѣ войны не имъ, а Россіей, оставался пока спорнымъ. Съ одной стороны, можно было думать, что враги Густава нарочно распространили басню, которая должна была сильно повредить его авторитету въ войскѣ, и которая, при тогдашнихъ постановленіяхъ международнаго и государственнаго права, имѣла большое юридическое значеніе. Съ другой стороны, можно было полагать, что ясныхъ доказательствъ такому обстоятельству нельзя найдти уже потому, что Густавъ и приближенныя ему лица, если они уже рѣшились на такой обманъ, сдѣлали все возможное для сохраненія его въ тайнѣ. Рѣшеніе этого вопроса довольно важно, потому что такая продѣлка Шведскаго короля можетъ дать любопытную черту для характеристики его самого и тогдашнихъ его отношеній къ Швеціи и Европѣ. Роковый вопросъ, — кто началъ войну, кто открылъ военныя дѣйствія? — стоялъ на первомъ планѣ. Хотѣлъ ли, дѣйствительно, Густавъ дать этому дѣлу рѣшительный оборотъ посредствомъ маскерада, могъ ли онъ разчитывать на то, что подобная ребяческая выходка, если даже и не откроется обманъ, будетъ достаточнымъ оправданіемъ для объявленія войны Россіи? Постараемся на основаніи доступныхъ намъ матеріаловъ уяснить этотъ вопросъ.

---

[1]) Зап. Храп., 20 іюня.

[2]) Императрица, въ манифестѣ 30 іюня, ссылаясь на § 17 Абовскаго мира, разказываетъ объ этомъ эпизодѣ, порицая въ сильныхъ выраженіяхъ образъ дѣйствій герцога Карла и короля.

[3]) *Колотовъ*, III, 334.

Современники тогда уже, когда разнесся слухъ объ этомъ происшествіи, считали весьма вѣроятнымъ, что онъ вымышленъ тою самою партіей, которая съ давнихъ поръ противодѣйствовала Густаву и которая, въ августѣ 1788 года, участвовала въ составленіи конфедераціи въ Аньялà. Сегюръ между прочимъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ:

„Агитаторы увѣряли шведскихъ солдатъ даже (чтобы заставить ихъ примкнуть къ конфедераціи), что казаки, будто бы начавшіе боевыя стычки, были никто иные, какъ шведскіе солдаты, которыхъ король переодѣлъ казаками въ платья, взятыя со Стокгольмскаго театра“ [1]).

Замѣтка Екатерины объ этомъ фактѣ въ возраженіи основана, какъ видно изъ записокъ Храповицкаго, на донесеніи консула Бсера въ шведской Финляндіи [2]), которое въ свою очередь основывалось, по всей вѣроятности, также на однихъ слухахъ и разказахъ враговъ Густава, такъ что оно не можетъ считаться еще достаточнымъ доказательствомъ. Въ сочиненіяхъ Поссельта и Горфта, обнародованныхъ еще при жизни Густава и наполненныхъ похвалами ему, конечно, не встрѣчается никакихъ указаній по этому предмету; тамъ говорится только (какъ видно, на основаніи официальныхъ данныхъ), что 24-го и 25-го іюня нѣсколько русскихъ егерей и казаковъ перешли чрезъ рѣку Вуоксу, приблизились къ шведской границѣ, и наконецъ, 28-го ночью напали на шведскій форпостъ, но что, впрочемъ, при этомъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ. Затѣмъ сказано еще, что русскіе солдаты на шведской территоріи производили грабежъ и сожгли двѣ деревни. Король, услышавъ объ этихъ событіяхъ, считалъ войну начатою и велѣлъ войскамъ своимъ двинуться въ русскую Финляндію [3]). Объ этихъ событіяхъ, конечно, тогда были составлены формальныя донесенія ко-

[1]) См. Mémoires, III, 380. Сегюръ также говоритъ въ своемъ сочиненіи: Tableau historique et politique de l'Europe, I, 153: «Pour rendre l'alarme plus vive et la nouvelle plus vraisemblable, on prétend, qu'il avait pris à l'opéra de Stockholm des habits de cosaques, en avait fait revêtir des soldats suédois, et avait fait sabrer par eux quelques paysans. Un pareil moyen est si blâmable qu'on ne rapporterait pas cette anecdote, si elle n'avait pas été répandue dans le Nord par l'impératrice, par les ministres et généraux russes, et attestée par plusieurs officiers suédois prisonniers. Quoi qu'il en soit, le bruit de ce stratagème, à la fois cruel et puéril, dont l'illusion ne pouvait pas être de longue durée, contribua, peu de temps après, à favoriser les projets de quelques factieux».

[2]) Зап. Хран., 12 ноября 1788 г.

[3]) *Horft*, 57, 58: «Die russischen Nachrichten lauten etwas anders und läugnen sogar beide Auftritte gänzlich oder schreiben sie wenigstens der Ausweichung ei-

ролю. Рейнъ въ своемъ сочиненіи сообщаетъ рапортъ бригадира Гастфера, основанный на донесеніи тѣхъ офицеровъ, которые встрѣтились впервые съ русскими солдатами на границѣ. Въ донесеніи сказано:

„Сто человѣкъ шведскихъ солдатъ могутъ свидѣтельствовать о томъ, что непріятель открылъ военныя дѣйствія въ шведской Финляндіи, и онъ, Гастферъ, по осторожности и изъ любви къ королю и къ отечеству считалъ необходимымъ принять надлежащія мѣры для обороны и поэтому отправился съ отрядомъ войска въ направленіи къ Нейшлотской крѣпости“ [1]).

Кастейра разказываетъ [2]):

„Только шведское войско дошло до границы, небольшой отрядъ русскихъ егерей показалъ видъ (fit mine), что желаетъ прогнать шведскій форпостъ, поставленный близъ моста. Было при этомъ случаѣ даже нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ съ той и другой стороны, и Густавъ тотчасъ же воспользовался этимъ случаемъ, чтобы считать его сигналомъ къ войнѣ“.

Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ сказано:

„Русскіе утверждаютъ, что Густавъ III велѣлъ переряднть чухонскихъ крестьянъ въ русскихъ солдатъ и затѣмъ велѣлъ имъ стрѣлять въ своихъ же подданныхъ, чтобъ имѣть предлогъ перейдти чрезъ границу въ русскую территорію“ [3]).

---

niger undisciplinirter Haufen zu. Hier lässt sich nun freilich ohne Parteilichkeit nicht leicht ein entscheidendes Urtheil fällen und in der That kommt auf diesen Umstand auch nicht sonderlich viel an. Der König wollte Krieg: das braucht nicht gesagt zu werden. Die Ursache seines Kriegs war gerecht und ungesucht: dies liegt eben so deutlich zu Tage.... Es fehlte ihm nur noch nach den hergebrachten Förmlichkeiten eine äussere, auffordernde und streitbestimmende Ursache zum wirklichen Angriffe. Er fand bald was er suchte; und so war nun der Krieg ohne weitere, aufhaltende, verdrüssliche Förmlichkeiten so gut als erklärt zu betrachten und ohne Umstände angefangen».

[1]) *Rein*, l. c., 62. Тамъ же сообщается извлеченіе изъ формулярнаго списка одного изъ шведскихъ офицеровъ, относящееся къ этому событію. Такой же разказъ у *Шанца*, I, 16, 17, который ничего не говоритъ о томъ, что Шведы были переряжены въ русскихъ солдатъ.

[2]) Vie de Cathérine, II, II, 145.

[3]) D'Aquila, II, 98: «Le 28 juin Gustave arrive sur les côtes de Finlande. Il était temps, car le même jour les Russes attaquèrent la garde suédoise au pont de Wuoldensalmi en Sawolax. Pour être en règle le baron Kaerpelen, capitaine provincial, fit constater cette première attaque. Ensuite on publia officiellement les premières hostilités des Russes par une relation, datée de Helsingfors, le 9 juillet, et une deuxième en date du 9. Dans celle-ci il était dit: «que dès le 25, les Russes avaient commis des voies de fait, que des cosaques et chasseurs avaient réduit en cendres deux villages suédois et traité les pauvres habitants de la campagne d'une manière barbare; qu'en conséquence les ordres en avaient dû être expediés au plus tard le 20». Une telle remarque était importante à faire

Мелкія стычки между форпостами на границахъ иногда и въ мирное время и при дружескихъ сношеніяхъ между двумя государствами случаются и не считаются предлогомъ къ войнѣ. Событіе при мостѣ Вуольденсальми могло быть крайне неважнымъ. Говорится только о *нѣсколькихъ* ружейныхъ выстрѣлахъ, о *нѣсколькихъ* русскихъ егеряхъ. Не было ни раненыхъ, ни убитыхъ [1]). Между тѣмъ такое микроскопическое событіе въ шведскихъ газетахъ было названо открытіемъ военныхъ дѣйствій со стороны Русскихъ. Густавъ выставлялъ на видъ, что русскій кабинетъ, какъ видно, распорядился сдѣлать нападеніе на шведскую Финляндію въ то самое время, когда русскій посланникъ увѣрялъ графа Оксеншерна въ своей запискѣ, что Россія желаетъ мира и дружбы съ Шведскимъ королемъ и народомъ. Это событіе должно было служить поводомъ для шведскаго войска къ переходу чрезъ рѣку Кюмень, ко вторженію въ предѣлы Россіи, къ осадѣ Нейшлота и къ отправленію войска противъ Фридрихсгама.

Чѣмъ большее значеніе придавали въ Швеціи этому событію, тѣмъ важнѣе узнать истину. Справедливо ли обвиняются Русскіе и *агитаторы* въ Финляндіи, что они *выдумали* сказку о шведскомъ маскерадѣ?

Къ счастію, изъ нѣкоторыхъ писемъ короля и Стединка и изъ нѣкоторыхъ другихъ данныхъ можно сдѣлать заключеніе, не оставляющее ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, каковы были подробности этого любопытнаго дѣла. Густавъ долженъ былъ желать, чтобы не онъ, а Россія казалась начинающею войну, не только изъ уваженія къ извѣстному параграфу конституціи 1772 года, не дозволявшему королю начать наступательную войну безъ согласія сейма, но и по отношенію къ участію Даніи въ войнѣ: на основаніи договоровъ Даніи съ Россіей, первая должна была помогать второй лишь въ томъ случаѣ, когда Швеція сдѣлала бы нападеніе на нее. Какъ скоро Россія начинала войну, Данія ни къ чему не была обязана. Стало быть, отъ Швеціи зависѣло сохранить миръ съ Даніей. При скромныхъ средствахъ, ко-

---

dans cette relation, parce que c'était dans ce même temps, que le comte de Razoumowsky donnait au nom de sa souveraine les assurances solennelles de ses intentions pacifiques».

[1]) У *Вейдемейера*, II, 57, еще другой разказъ: «Густавъ въ манифестѣ утверждалъ, что на него сдѣлано нападеніе, и потому вынужденнымъ находитъ себя защищать себя. Чтобъ имѣть поводъ къ начатію непріязненныхъ дѣйствій, Густавъ приказалъ вытѣснить изъ предмостнаго укрѣпленія егерей нашихъ, которые, обороняясь, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ».

торыми располагалъ Густавъ, онъ долженъ былъ сосредоточивать чуть-ли не все войско и не весь флотъ въ Финляндіи. Западныя границы Швеціи подвергались тѣмъ большей опасности, чѣмъ болѣе повода имѣла Данія ко вмѣшательству въ борьбѣ Швеціи съ Россіей. 5-го іюня 1788 года Густавъ писалъ къ своему другу Г. М. Армфельдту, какія мѣры должно было принять, чтобы заставить Русскихъ начать войну, или скорѣе, чтобы Русскіе казались начинающими [1]):

„Примите всѣ мѣры предосторожности, чтобы никто не могъ намъ приписывать вину открытія военныхъ дѣйствій. Лишь бы одинъ стогъ сѣна былъ сожженъ Русскими въ шведской Финляндіи, и этого достаточно, чтобы назвать императрицу начавшею войну, и государственный совѣтъ въ Даніи не будетъ считать себя обязаннымъ исполнить обѣщаніе договора. Вашъ дядя [2]) можетъ выставить пограничные форпосты на спорной территоріи; тогда и того довольно, чтобы какой-нибудь задорный русскій офицеръ затѣялъ споръ; тогда наши форпосты отступали бы, такъ что Русскіе послѣдовали бы за ними и перешли бы чрезъ границу въ шведскую Финляндію; послѣднее можно бы считать объявленіемъ войны со стороны Россіи; это очень важно въ отношеніи къ Даніи. Вы знаете положеніе дѣлъ въ этомъ государствѣ".

Далѣе Густавъ пишетъ: „Все зависитъ отъ того, чтобы Русскіе перешли границу, лучше всего, нападая на какой-либо пограничный форпостъ; но только, чтобы то, что̀ должно случиться, случилось поскорѣе". 13-го іюня Густавъ пишетъ: „Теперь уже время стараться начать войну, то-есть, заставить Русскихъ начать споръ на границѣ. Такъ какъ я ѣду 19-го, то спустя двѣнадцать дней или 1-го іюля, я буду съ войскомъ въ Свеаборгѣ, и если тогда уже дѣло завяжется, то военныя операціи могутъ начаться безъ потери времени". 28-го іюля онъ пишетъ: „Екатерина не хочетъ войны съ нами, но она должна будетъ воевать: повѣрьте, никто не можетъ уйдти отъ своей судьбы".

Было весьма трудно принудить Русскихъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Мы видѣли, что императрица Екатерина принимала всѣ возможныя мѣры предосторожности, никоимъ образомъ не желая подавать повода къ войнѣ. Еще $^{5}/_{16}$ іюня она сказала: „Шведскій король не велѣлъ стрѣлять своимъ, слѣдовательно, и мы не начнемъ" [3]). А потому Густавъ долженъ былъ думать объ особенномъ способѣ рѣшенія этой

[1]) Эти письма заимствованы Мальмаеномъ, стр. 21 и слѣд., изъ пачки рукописей и писемъ, которыя находились въ рукахъ дочери графа Армфельдта, графини Пиперъ, и были отданы ею въ королевскую библіотеку въ Стокгольмѣ, гдѣ ими и пользовался авторъ сочиненія «Anjala förbundet».

[2]) Главнокомандующій значительнымъ отрядомъ войска, старый графъ К. Г. Армфельдтъ, въ послѣдствіи игравшій столь важную роль въ конфедераціи въ Аньялѣ.

[3]) Зап. Храповицкаго.

задачи. Баронъ Армфельдтъ не одинъ былъ удостоенъ довѣрія короля въ этомъ отношеніи. Еще двумъ лицамъ были даны порученія, касающіяся открытія военныхъ дѣйствій, бригадиру Гастферу и графу Стединку. Одинъ изъ членовъ конфедераціи въ Аньялѣ, полковникъ Монгомери, сообщаетъ, что бригадиръ Гастферъ разказывалъ ему слѣдующее: „Король отправлялъ къ нему курьеровъ за курьерами съ письмами, въ которыхъ онъ порицалъ его за бездѣйствіе. Гастферъ въ отвѣтъ на это требовалъ порученій, но король сначала не давалъ ихъ вовсе или давалъ безъ достаточной опредѣленности. Въ повелѣніяхъ короля были противорѣчія, такъ что Гастферъ такъ и не зналъ, что̀ ему дѣлать. Онъ показалъ бумаги короля Стединку. Затѣмъ онъ отправилъ нѣсколько человѣкъ чрезъ Пумалазундъ въ русскую Финляндію, откуда они стрѣляли нѣсколько разъ по шведскому берегу и опять скрылись“. Но Монгомери, сообщающій этотъ фактъ, почти совершенно согласный съ разказами о *переряженныхъ* Шведахъ, принадлежалъ къ партіи, враждебной королю и старавшейся ему вредить; поэтому на его повѣствованіе должно смотрѣть съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. На основаніи этого разказа мы можемъ только полагать, что въ инструкціяхъ Гастферу заключалось приказаніе приступить къ чрезвычайной мѣрѣ для достиженія желанной цѣли, и что объ этихъ инструкціяхъ зналъ графъ Стединкъ. Послѣднему было поручено командовать отрядомъ войска, порученнымъ Гастферу, въ случаѣ какого-либо необыкновеннаго приключенія; онъ же и послѣ того, какъ Гастферъ былъ арестованъ за тайныя свои сношенія съ Русскими, сдѣлался командующимъ войсками въ юго-восточной Финляндіи. Стединкъ пользовался особеннымъ довѣріемъ короля. Изъ переписки его съ королемъ видно, что онъ, Гастферъ и король знали тайну, которую они старались скрывать отъ другихъ. Стединку и Гастферу было поручено начать войну. Чрезъ нѣсколько времени послѣ вышеразказанной стычки, но еще до Гогландской битвы, $\frac{29\text{-го іюня}}{10\text{-го іюля}}$, Стединкъ пишетъ къ королю, что теперь надлежитъ дѣйствовать рѣшительно или же заключить миръ, объявляя образъ дѣйствій Стединка и Гастфера несогласнымъ съ видами короля [1]). Когда чрезъ нѣсколько

[1]) «Il est de la plus grande importance ou d'agir sur le champ ou de nous désavouer et de faire la paix». Издатель бумагъ Стединка, графъ Бьернштерна, прибавляетъ: «*Nous désavouer* prouve évidemment que le roi avait ordonné à M. M. Hastfer et Stedingk de commencer les hostilités contre la Russie du côté de Savolax *avant* que la guerre fut *défensive*, la seule que la constitution de 1772 permettait au roi de faire». См. Mém. de Stedingk, I, 101.

мѣсяцевъ майоръ Егергорнъ, двоюродный братъ извѣстнаго члена конфедераціи въ Аньялà, отправился зимою, въ Стокгольмъ, Стединкъ писалъ королю, что этотъ офицеръ можетъ сообщить ему подробности дѣла при *Пумалà* [1]). Еще нѣсколько разъ въ этой перепискѣ упоминается о стычкѣ при Пумалà, считавшейся открытіемъ военныхъ дѣйствій со стороны Русскихъ. Весьма важно слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Стединка отъ 13-го января 1789 года, въ которомъ онъ говоритъ о Гастферѣ вообще, а также и о его участіи въ началѣ военныхъ дѣйствій: „Когда я до начала войны пріѣхалъ сюда, я нашелъ, что не все было приготовлено надлежащимъ образомъ, и что *тайна разрыва съ Россіей* не была сохранена, какъ слѣдуетъ. Я былъ недоволенъ этимъ и безпокоился“ [2]). Что выраженіе „разрывъ съ Россіей“, вѣроятно, относится не къ началу войны вообще, а къ извѣстной стычкѣ при Пумалà, видно изъ другаго письма Стединка къ королю отъ $\frac{\text{25-го іюля}}{\text{5-го августа}}$ 1788 года, въ которомъ онъ пишетъ объ обнаружившейся оппозиціи въ войскѣ и объ общемъ неудовольствіи, прибавляя: „Тайна нашей экспедиціи при Пумалà не могла быть скрываема вполнѣ хорошо; кое-что по этому дѣлу сдѣлалось извѣстнымъ. Итакъ, офицеры считаютъ себя предназначенными сдѣлаться жертвами мести Россіи“ [3]). Въ чемъ же заключалась эта тайна? Не въ томъ ли, въ самомъ дѣлѣ, маскерадѣ, о которомъ такъ много говорили въ свое время, хотя и не могли привести ясныхъ доказательствъ въ подтвержденіе этихъ разговоровъ?

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ находятся записки адъютанта генерала Каульбарца, командовавшаго отрядомъ войска. Въ нихъ говорится о началѣ войны и затѣмъ разказывается слѣдующее:

„Адъютантъ генерала Каульбарца былъ крайне удивленъ и испуганъ извѣстіемъ, которое ему сообщилъ Германсонъ: послѣдній утверждалъ, что всѣ поводы къ открытію военныхъ дѣйствій оказались фальшивыми, и что баронъ Гастферъ переодѣлъ своихъ людей въ русскіе мундиры и велѣлъ имъ грабить финляндскихъ крестьянъ и грозить финляндскимъ солдатамъ“ [4]).

---

[1]) Mém. de Sted., I, 146.

[2]) Mém. de Sted., I, 149.

[3]) «Le secret de notre expédition de Pumala (Бьернштерна прибавляетъ: «C'était l'attaque du baron de Hastfer, *avant* la déclaration de la guerre, que le roi avait ordonnée) n'a pas pu être si bien gardé qu'il n'en soit pas transpiré quelque petite chose. Ainsi les officiers se croient voués à la vengeance particulière de la Russie». Mém. de Sted., I, 114.

[4]) «L'adjutant du général Kaulbarz fut stupéfait et épouvanté de la nouvelle que le général Herrmannson venait bien de lui faire, en traitant de chimérique

Офицеръ разказалъ это тотчасъ же генералу Каульбарцу, который сознался, что и ему хорошо извѣстна эта исторія [1]). Итакъ, зная, что между королемъ, Гастфером и Стединкомъ была тайна, касавшаяся до стычки при Пумалà, зная, что въ лагерѣ Густава не только члены оппозиціи, но и офицеры, остававшіеся вѣрными королю, вѣрили въ исторію о маскерадѣ, зная, что въ брошюрахъ того времени даже называли фамилію того портнаго въ Стокгольмѣ (Линдгренъ), который шилъ русскіе мундиры, употребленные въ этомъ маскерадѣ и былъ за то удостоенъ чина *директора*, мы едва-ли можемъ сомнѣваться въ основательности слуховъ тогдашняго времени о томъ, что Густавъ такою мелочною продѣлкой надѣялся заставить весь свѣтъ думать, что не онъ началъ войну, а Екатерина.

Такой обманъ не удался. Онъ былъ обличенъ въ возраженіи Екатерины; онъ сильно содѣйствовалъ къ распространенію неудовольствія въ лагерѣ Шведскаго короля и не воспрепятствовалъ Даніи исполнить ея обязанности предъ Россіей и выставить вспомогательное войско для нападенія на западную часть Швеціи.

IV.

Походъ 1788 года.

Открытіе военныхъ дѣйствій. — Дѣйствія Шведовъ близъ Нишлота. — Переписка Стединка съ королемъ. — Стычка при Кернакоски. — Вліяніе конфедераціи на событія близъ Нишлота. — Отступленіе Гастфера. — Битва при Гогландѣ. — Взятіе двухъ русскихъ фрегатовъ Шведами. — Битва $^{6}/_{17}$-го іюля. — Кто остался побѣдителемъ? — Потери Русскихъ и Шведовъ. — Шведскій флотъ въ Свеаборгѣ блокированъ русскимъ. — Кончина Грейга. — Шведы подъ Фридрихсгамомъ. — Приближеніе и высадка ихъ. — Неудачи ихъ. — Неудовольствіе въ войскѣ. — Отступленіе Шведовъ къ Гёгфорсу.

Открытіемъ военныхъ дѣйствій въ шведско-русской войнѣ должно считать не мнимое нападеніе Русскихъ на шведскіе форпосты, а на-

---

tout ce qu'on débitait des prétendus motifs de la rupture de la paix. Selon ce général on avait fait mettre l'uniforme russe aux domestiques du baron Hastfer, pour faire peine aux paysans finois et pour en imposer aux soldats de la même nation par cette espèce de farce militaire».

[1]) Оппозиція въ войскѣ противъ войны и Густава тогда уже все болѣе и болѣе распространялась; въ Запискахъ шведскаго офицера говорится объ этомъ, и по поводу исторіи о маскерадѣ замѣчено: «*Не смотря на это*, генералъ Каульбарцъ и его адъютантъ рѣшились оставаться вѣрными своимъ обязанностямъ въ королевской военной службѣ». За то между причинами общаго въ войскѣ не-

чало осады Нишлотской крѣпости Шведами. Затѣмъ на морѣ послѣдовала знаменитая битва при Гогландѣ. Наконецъ, въ началѣ августа сдѣлана была королемъ попытка осадить и взять Фридрихсгамскую крѣпость, и при этомъ случаѣ вспыхнулъ мятежъ въ шведскомъ лагерѣ, положившій конецъ настоящимъ военнымъ операціямъ 1788 года. Не входя въ подробности, интересующія лишь спеціалистовъ въ военномъ дѣлѣ, мы укажемъ на общеисторическое значеніе этихъ событій.

Густавъ хотѣлъ идти прямо къ Петербургу. На морѣ онъ, на пути къ столицѣ, долженъ былъ встрѣтить прежде всего русскій флотъ, а затѣмъ долженъ былъ взять Кронштадтъ: тогда только открывался для него путь въ Петербургъ съ моря. На сухомъ пути онъ долженъ былъ занять русскую Финляндію, въ которой укрѣпленныя мѣста: Фридрихсгамъ, Нишлотъ, Вильманстрандъ и Выборгъ могли задержать его на пути къ Петербургу. Уже при первомъ шагѣ Густава одна неудача слѣдовала за другою. Карлъ Сюдерманландскій не могъ побѣдить русскій флотъ при Гогландѣ; Гастферъ не могъ и не хотѣлъ взять Нишлотскую крѣпость; Фридрихсгамская крѣпость, по всей вѣроятности, сдалась бы королю, если бы не обнаружился мятежъ въ войскѣ Густава, который повелъ къ составленію конфедераціи въ Аньялà. Такъ уже въ этомъ первомъ фазисѣ войны оказалось, что Густавъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Войско не было достаточно снабжено военными снарядами и жизненными припасами; русскій флотъ оказался сильнѣе шведскаго; у самого Густава не доставало способностей полководца, а главное, онъ не могъ постоянно разчитывать на вѣрность и преданность своихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ. Въ войскѣ были представители различныхъ политическихъ партій. Тѣ самые вопросы конституціи, которые въ продолженіе предыдущихъ десятилѣтій препятствовали удачному развитію монархіи, препятствовали и успѣхамъ похода 1788 года. Король находился на пути къ Петербургу, и здѣсь уже считали возможнымъ, что онъ достигнетъ своей цѣли, какъ вдругъ его остановилъ тотъ самый союзъ шведскаго *народа* съ русскимъ кабинетомъ, который, какъ мы видѣли, могъ считаться причиною разрыва Густава съ Екатериной. Не смотря на всѣ усилія короля, не смотря на всѣ финансовыя жертвы, принесенныя Швеціей для приготовленія къ войнѣ, не смотря на крайнюю

удовольствія Монтомери называетъ слѣдующую: «Dä hvar man viste hurn det tillgått vid Puumala Sund». *Malmanen*, 75.

опасность, въ которую ставило Россію нападеніе Шведскаго короля, Густавъ долженъ былъ вернуться въ Швецію, не достигнувъ своей цѣли и едва не лишившись своей короны. Всѣ эти событія совершились въ продолженіе немногихъ недѣль. Осада Нишлотскаго замка продолжалась отъ конца іюня до средины августа. Битва при Гогландѣ произошла $^{6}/_{17}$ іюля. Дѣйствія Шведовъ близъ Фридрихсгама относятся къ концу іюля.

Еще до прибытія короля съ главнымъ войскомъ изъ Швеціи, въ Финляндіи находились нѣкоторые шведскіе отряды, которымъ, какъ мы видѣли, было поручено начать походъ. Главными офицерами въ провинціи Саволаксѣ, откуда шведскія войска должны были двинуться въ русскую Финляндію для осады Нишлотской крѣпости, были Гастферъ и Стединкъ. Нѣсколько писемъ послѣдняго къ королю заключаютъ въ себѣ любопытный матеріалъ для исторіи этого фазиса похода. Стединкъ, еще недавно бывшій во Франціи и участвовавшій тамъ въ шумныхъ удовольствіяхъ Версальскаго двора, вдругъ очутился въ Финляндіи, въ глуши, въ странѣ, дотолѣ совершенно ему неизвѣстной, гдѣ на немъ лежала тѣмъ бо̀льшая отвѣтственность, что онъ вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій долженъ былъ заступить мѣсто компрометтированнаго въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Русскими, барона Гастфера. Счастливый темпераментъ Стединка помогалъ ему переносить лишенія въ продолженіе войны. Онъ оставался въ Финляндіи до заключенія мира, а потомъ прямо оттуда отправился въ Петербургъ въ качествѣ шведскаго посланника. При революціонномъ настроеніи умовъ въ шведскомъ войскѣ и при небольшихъ средствахъ, которыми онъ располагалъ, не будучи въ состояніи достигнуть важныхъ результатовъ, Стединкъ во многихъ встрѣчахъ съ Русскими обнаруживалъ необыкновенную смѣлость и распорядительность, не мало способствовавшія радушному пріему, оказанному ему въ послѣдствіи въ Россіи. Его привязанность къ королю рѣзко отличается отъ готовности многихъ другихъ офицеровъ, между прочимъ, и Гастфера — измѣнить Густаву. Въ перепискѣ Стединка съ королемъ часто встрѣчаются шутки, анекдоты, колкости, разсужденія о современныхъ событіяхъ въ западной Европѣ, въ особенности же о революціонныхъ событіяхъ во Франціи, которую Стединкъ любилъ не менѣе родины. Стединкъ откровенно пишетъ королю о всѣхъ промахахъ, сдѣланныхъ при веденіи войны, обращаетъ вниманіе Густава на средства бороться со всевозможными затрудненіями, жалуется

на нерадѣніе и оппозицію другихъ, защищаетъ Гастфера даже и тогда, когда тотъ уже сильно противодѣйствовалъ интересамъ Густава, и сообщаетъ множество любопытныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ продолженіе всего этого времени въ русскомъ лагерѣ и въ Петербургѣ.

Изъ Гельсингфорса Стединкъ пишетъ къ королю 19/30-го мая, что на пути, проѣзжая чрезъ западную часть Финляндіи, онъ нашелъ, что населеніе въ этой странѣ сильно боится войны [1]), что, впрочемъ, какъ говорятъ, и Русскіе сильно опасаются шведскаго нападенія, потому что они нисколько не приготовлены къ оборонѣ, и далѣе, что продовольствіе въ такой бѣдной странѣ едва-ли можетъ быть достаточнымъ. Кромѣ того онъ обращаетъ вниманіе короля и на другія невыгодныя гигіеническія условія для войска и на недостатокъ въ военныхъ снарядахъ [2]). Послѣднее обстоятельство оказалось роковымъ и при осадѣ Нишлота, и при осадѣ Фридрихсгама. Вскорѣ послѣ этого письма двинувшись съ войсками къ русской границѣ, Стединкъ и Гастферъ находились въ Санъ-Михелѣ, откуда 13/24-го іюня Стединкъ пишетъ королю о тайномъ посѣщеніи имъ Нишлотской крѣпости [3]) слѣдующимъ образомъ:

„Я покорнѣйше прошу извиненія у вашего величества, что я былъ съ визитомъ у коменданта Нишлотскаго замка, но я считалъ это необходимымъ, такъ какъ мы не имѣемъ пока никакого плана этой крѣпости, и ничего о ней не знаемъ, да и думаю я, что на войнѣ нужно надѣяться лишь на собственный глазъ. Подъ предлогомъ посѣщенія границы, я отправился въ крѣпость въ сопровожденіи одного инженера, Миллера, котораго знали въ Нишлотѣ, но который съ самою крѣпостью не былъ знакомъ. Переодѣвшись и называя себя французскимъ капитаномъ, я перешелъ чрезъ границу и обѣдалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами Нишлотскаго гарнизона у одного пастора въ Семинге (Saaminge) въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нишлота. Тамъ я узналъ, что г. Брюсъ сильно спѣшитъ въ Выборгъ, и что съ тѣхъ поръ въ продолженіе послѣднихъ дней комендантъ Нишлота получилъ новыя извѣстія изъ С. Петербурга; въ Нишлотѣ готовятся къ оборонѣ. Главный инженеръ въ Нишлотѣ, Торкетъ, происхожденіемъ Шведъ, сильно полюбилъ меня и былъ не прочь самъ показать мнѣ всѣ укрѣпленія. Сначала онъ и хотѣлъ

[1]) «Ils ne rêvent que cosaques qui mangeront leurs enfants, et les dames craignent la brutalité de ces messieurs; c'est la suite des mauvais succès de nos armes dans des temps malheureux, dont j'espère que Votre Majesté est destiné à effacer jusqu'aux moindres traces».

[2]) Mém. de *Stedingk*, I, 80 — 83.

[3]) «Si je n'avais pas craint de donner une fausse joie à Votre Majesté, j'aurais pu dater ma lettre de Nyslott. Je viens de faire une visite au commandant de Nyslott».

было сдѣлать это, но потомъ, можетъ-быть, опасаясь чего-нибудь неладнаго, отказался. Г. Миллеръ считался моимъ дядею. Русскій майоръ Пистолкорсъ провожалъ насъ и при переправѣ въ лодкѣ правилъ рулемъ. Мы причалили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка. Насъ окружили русскіе солдаты. Я изъявилъ желаніе видѣться съ комендантомъ, живущимъ въ самомъ замкѣ, и о которомъ я зналъ, что онъ боленъ и лежитъ въ постели. Пока сержантъ отправился къ коменданту, я, терпѣливо ожидая отвѣта, прогуливался по всей крѣпости, перешелъ чрезъ нѣсколько мостовъ, прошелъ мимо нѣсколькихъ караульныхъ и наконецъ очутился на самомъ дворѣ замка, у дверей жилища коменданта. Послѣдній, вѣроятно, удивленный такимъ посѣщеніемъ, долго заставилъ ждать меня, а между тѣмъ я имѣлъ время тщательно осмотрѣть все. Между тѣмъ за мною были заперты проходы, и я уже считалъ себя отправленнымъ въ Сибирь, вспоминая о моемъ послѣднемъ отчаянномъ средствѣ спасенія, состоявшемъ въ большомъ ножѣ, которымъ я запасся. Говорятъ, что комендантъ человѣкъ учтивый: онъ не задержалъ бы меня. Но онъ меня не принялъ; всѣ ходы опять были отперты, и намъ со всѣхъ сторонъ кричали: „ступайте“. И мы, не видѣвшись съ комендантомъ, ушли. Я хотѣлъ еще осмотрѣть окрестности и отправилъ г. Миллера въ городъ за нѣкоторыми покупками, какъ бы для моего путешествія въ Торнео, которое считалось поводомъ къ тому, что я посѣтилъ Нишлоть, а самъ гулялъ по острову. Чухонецъ, провожавшій меня, былъ ни живъ, ни мертвъ, потому что одинъ изъ жителей города, съ которымъ мы встрѣтились, совѣтовалъ намъ не шататься здѣсь понапрасну, такъ какъ иначе насъ легко могутъ взять, посадить въ кибитку и отправить въ Сибирь; таковъ, прибавилъ онъ, бываетъ образъ дѣйствій Русскихъ. Однако съ нами ничего худаго не случилось. По возвращеніи моемъ съ этой прогулки, неожиданно вошелъ въ мою комнату одинъ русскій капитанъ съ двумя сержантами, изъ которыхъ одинъ зналъ по нѣмецки, другой по чухонски. Я подумалъ было, что дѣло плохо; но они только передали намъ, что если мы хотимъ сдѣлать коменданту какое-либо важное сообщеніе, онъ насъ тотчасъ же приметъ. Мы не считали удобнымъ принять это приглашеніе, уѣхали и были очень рады нашему счастливому возвращенію“ [1]).

Этотъ смѣлый подвигъ Стединка былъ совершенъ имъ еще до происшествія около моста при Вуольденсальми. Военныя дѣйствія еще не открылись, но именно около этого времени случились первыя столкновенія, и баронъ Гастферъ послѣ этого, считая войну начатою, двинулъ свои войска въ русскую Финляндію. Въ какой степени въ этой части Финляндіи Шведы все приготовили къ нападенію на Россію, видно изъ письма Стединка къ королю отъ $^{16}/_{27}$-го іюня:

„Наконецъ, государь, шпага обнажена, теперь намъ остается только побѣдить или погибнуть. Надѣюсь, что всѣ раздѣлятъ со мною это чувство. Нашъ небольшой отрядъ уже двинулся по различнымъ направленіямъ. Мы не могли дѣйствовать раньше, будучи лишь на половину снабжены необхо-

[1]) *Sted.*, Mém. I 87 — 90.

димымъ; это нужно приписать долгому миру, вслѣдствіе котораго мы отвыкли отъ боевыхъ порядковъ, и крайней нищетѣ, въ которой находится эта страна. Сегодня вечеромъ мы, баронъ Гастферъ и я, отправились каждый въ свою сторону. Если эти господа въ Нишлотѣ не получили подкрѣпленія, то мы возьмемъ крѣпость, впрочемъ сильно укрѣпленную. Она можетъ быть взята лишь такими пушками, какихъ мы не имѣемъ, или какимъ-либо coup de main. Главное—дѣйствовать согласно съ движеніями большой арміи.... Если бы намъ удалось приблизиться къ Ладожскому озеру, взять Сердоболь и Кексгольмъ, то мы стали бы весьма опаснымъ непріятелю; но мы не будемъ въ состояніи при нашихъ силахъ обнять столь обширную территорію: мы нуждаемся въ подкрѣпленіи. Ваше величество отправитесь вдоль по берегу моря, гдѣ вамъ надлежитъ взять крѣпости Кельтисъ, Дальдштадтъ и Вильманстрандъ. Разстоянія большія. Рекрутскій наборъ идетъ туго. Народъ здѣшній привязанъ къ вашему величеству; но голодъ лишаетъ его силы и духа, такъ что онъ предается бродяжничеству, грабитъ и лѣнится, и скорѣе можетъ быть названъ русскимъ, чѣмъ шведскимъ. При послѣднемъ смотрѣ многіе просились въ отпускъ. Это не тѣ люди, что въ Ниландѣ и Або. Если бы мы имѣли удачу, то, можетъ-быть, все измѣнилось бы“ [1]).

Сначала Гастферъ и Стединкъ имѣли въ виду одновременно приступить къ осадѣ Вильманстранда и Нишлота; какъ скоро они однако узнали, что послѣдняя крѣпость получила подкрѣпленія, то рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ противъ одного Нишлота. Въ письмѣ отъ $^{17}/_{28}$-го іюня графъ Стединкъ жалуется на неопытность солдатъ и офицеровъ и на разнаго рода на каждомъ шагу встрѣчаемыя затрудненія [2]).

Итакъ, осада Нишлота началась. Взятіе этой крѣпости должно было считаться дѣломъ крайней важности. Она находилась въ центрѣ водной системы Саймянскаго озера и заграждала Шведамъ путь на югъ чрезъ Выборгъ къ Петербургу, на востокъ къ Ладожскому озеру, со стороны котораго также можно было грозить столицѣ. Шведскія войска, разставленныя по всей границѣ отъ устья рѣки Кюмени до Нишлота, должны были производить свои операціи концентрически, и занимая крѣпости, на пути лежащія, мало по малу приближаться къ Петербургу. Могли ли эти русскія крѣпости выдержать напоръ Шведовъ? Между тѣмъ какъ послѣдніе располагали сухопутнымъ войскомъ около 30.000 человѣкъ, Россія имѣла тогда на сѣверѣ не болѣе половины этого количества [3]). О большихъ битвахъ въ открытомъ полѣ нельзя было и думать. Русскіе должны были ограничиваться обороною главныхъ пограничныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ.

---

[1]) Mém. de *Sted.*, 192 — 94.

[2]) Mém. de *Sted.*, I, 95 — 96.

[3]) См. ниже.

Екатерина, слѣдившая за всѣми движеніями Шведовъ и часто занимавшаяся разсмотрѣніемъ карты Финляндіи [1]), хорошо понимала опасность, угрожавшую Петербургу. Шведы, приступивъ къ Нишлоту съ небольшимъ отрядомъ въ 1.700 человѣкъ, $^{18}/_{29}$-го іюня на лодкахъ переправились чрезъ озеро, на островахъ котораго построены городъ и крѣпость, и $\frac{21\text{-го іюня}}{2\text{-го іюля}}$ заняли городъ и всѣ дефилеи въ окрестностяхъ. Началась формальная блокада крѣпости, совершенно отрѣзанной отъ русскихъ войскъ [2]). Извѣстіе объ этомъ вскорѣ прибыло въ Петербургъ, гдѣ не столько надѣялись на сухопутныя войска, сколько на флотъ. Даже, какъ видно, считали легко возможнымъ взятіе Нишлотской крѣпости, потому что было приказано „снабдить провіантомъ Кексгольмъ, дабы Шведы, взявъ Нишлотъ, не бросились туда и не овладѣли Ладожскимъ озеромъ для пресѣченія коммуникаціи въ Петербургъ". При этомъ случаѣ Екатерина замѣтила: „Правду сказать, Петръ I близко сдѣлалъ столицу" [3]). Въ то же время Екатерина говорила о томъ, что переѣдетъ изъ Царскаго Села въ городъ и „при надобности выйдетъ съ гвардіею въ лагерь при Осиновой рощѣ" [4]). Немного позже узнали, что „Шведы со стороны Нишлота, Вильманстранда и Аберфорса намѣрены вдругъ произвести аттаку и вступить въ наши границы". Генералъ Михельсонъ уже находился въ Финляндіи и готовился встрѣтить Шведовъ. Къ нему на почтовыхъ были отправлены полки для подкрѣпленія; далѣе было велѣно завести вооруженныя суда на Ладожскомъ озерѣ, а гребнымъ судамъ новой конструкціи съ малыми фрегатами и морскимъ батальйономъ разъѣзжать въ шхерахъ между Кронштадтомъ и Фридрихсгамомъ [5]). Въ этихъ мѣрахъ обнаруживается уже опасеніе за столицу и отсутствіе надежды на крѣпости Нишлотскую и Фридрихсгамскую.

Однако блокада Нишлота оставалась неуспѣшною. Стединкъ въ письмѣ къ королю отъ $\frac{27\text{-го іюня}}{8\text{-го іюля}}$ сравниваетъ ее съ осадою Гибральтара. „Разница лишь въ томъ, что непріятель ни откуда не можетъ получить ни подкрѣпленія, ни припасовъ, и что изъ пушекъ не стрѣляютъ. Мы не стрѣ-

[1]) См. Храп., 2-го іюня: «Забраны разные карты и атласы, для просмотрѣнія положенія мѣстъ, пограничныхъ межъ нами и Швеціей». 28-го іюня: «Разсматривали карту Выборгской губерніи, которая довольно подробна для нынѣшнихъ обстоятельствъ».

[2]) Schautz, I, 18. 19.

[3]) Храповицкій прибавляетъ къ этому: «NB. Онъ ее основалъ прежде взятія Выборга, слѣдовательно, надѣялся на себя».

[4]) См. Зап. Храп., 25-го, 26-го и 28-го іюня.

[5]) Зап. Храп., 29-го іюня.

ляемъ, потому что не имѣемъ пушекъ; непріятель не стрѣляетъ, какъ говорятъ, чтобы не быть начинающимъ; это, конечно, весьма скучно", прибавляетъ Стединкъ.

Двумя днями позже онъ пишетъ объ открытіи перестрѣлки:

„На сильный огонь непріятеля мы отвѣчаемъ выстрѣлами изъ мушкетовъ и изъ одной небольшой пушки, которую намъ удалось помѣстить на скалѣ противъ замка, и которая убиваетъ много Русскихъ. Мы имѣемъ большіе запасы, отнявъ у Русскихъ цѣлый транспортъ овса и хлѣба; въ крѣпости же одна вода и ржаная мука, что, впрочемъ, достаточно для поддержанія жизни. Со всѣхъ сторонъ намъ говорятъ, что значительные отряды Русскихъ направили свой путь сюда на насъ. Это объясняется бездѣйствіемъ большой арміи. Чрезъ надежныхъ шпіоновъ мы знаемъ, что во всей русской Финляндіи не находится и 1000 (sic) человѣкъ солдатъ. Это было бы достаточно, чтобъ уничтожить насъ, но весьма мало въ сравненіи съ нашею большою арміей" [1]).

Очевидно, что особенныхъ предпріятій нельзя было ожидать ни съ той, ни съ другой стороны по недостатку въ средствахъ. Небольшой отрядъ Шведовъ, начавшій осаду крѣпости, не имѣя и плана ея, не имѣя пушекъ, конечно, долженъ былъ довольствоваться блокадою замка. Хотя замѣтка Стединка, что Русскіе „и 1000 человѣкъ не имѣютъ во всей русской Финляндіи", была лишена основанія, Русскіе дѣйствительно должны были раздробить свое небольшое войско по разнымъ пунктамъ границы на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ верстъ, такъ что и они едва-ли были бы въ состояніи рѣшиться на какое-либо болѣе важное предпріятіе.

Густавъ между тѣмъ навѣрное разчитывалъ на взятіе Нишлота. Онъ писалъ къ Стединку изъ Нейпола отъ $^{7}/_{19}$ іюня:

„Теперь у васъ есть пушки, хорошая артиллерія и хорошіе офицеры, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что Нишлотъ взятъ.... Мы постараемся около Фридрихсгама занимать генерала Михельсона.... Вы же находитесь только въ 15 миляхъ разстоянія отъ Кексгольма. Я думаю, что вамъ лучше отправиться прямо къ Кексгольму, собирая для этого повсюду разбросанныя войска. Если же вы возьмете этотъ городъ, приведенный въ ужасъ вашимъ приближеніемъ, то вамъ открытъ путь и дальше. Получивъ тогда извѣстіе о взятіи Фридрихсгама, вы можете направить путь къ Выборгу для соединенія съ главною арміей" и т. д. [2]).

Но эти смѣлыя предположенія короля не должны были осуществиться. Обстоятельства Русскихъ уже начали поправляться. Мало по малу стали прибывать войска въ Финляндію, куда отправился и самъ великій князь Павелъ Петровичъ, въ лагерь главнокомандую-

[1]) *Sted.*, I, 98 — 100.

[2]) Mém. de *Sted.*, I, 102 — 104.

щаго, графа В. П. Мусина-Пушкина [1]). Баронъ Спренгтпортенъ долженъ былъ сдѣлать съ отрядомъ войска диверсію изъ Олонецкой губерніи [2]). Кромѣ того часть конной гвардіи была отправлена изъ Петербурга въ Красную Мызу (90 верстъ отъ столицы), съ цѣлью, въ случаѣ нужды, выслать этотъ отрядъ въ распоряженіе графу Мусину-Пушкину.

Наконецъ послѣдовала встрѣча между русскими и шведскими войсками при Кернакоски, гдѣ $^{10}/_{21}$ іюля на полковника Эренрота, имѣвшаго подъ рукой отрядъ въ 320 человѣкъ, напалъ русскій обсерваціонный отрядъ, который и вытѣснилъ Шведовъ изъ одного редута, отнявъ у нихъ пушку. Шведы сами сознавались, что они при этомъ случаѣ потерпѣли уронъ [3]). Въ Петербургѣ съ удовольствіемъ поговари-

---

[1]) См. ст. г. Семевскаго въ *Вѣстникѣ Европы* 1867 г., I, стр. 297—330, «Матеріалы къ Русской исторіи». Г. Семевскій ошибается, полагая, что уже въ первыхъ числахъ января Павелъ могъ думать о *шведской* войнѣ. Онъ надѣялся отправиться въ *турецкій* походъ, какъ видно изъ письма Екатерины къ Потемкину отъ 27-го мая 1788 г., въ которомъ она пишетъ, что великій князь намѣренъ выѣхать къ Потемкину 20-го іюня, «буде шведскія дѣла его не задержутъ»; см. Соловьева, Паденіе Польши. стр. 186. Но уже тогда Екатерина прибавила въ этомъ письмѣ слѣдующее: «Буде же полуумный король Шведскій начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь». Изъ нашего изслѣдованія можно видѣть, что Екатерина 1-го января никакъ не могла объявить великому князю, что онъ приметъ личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (въ Финляндіи). Тогда могла идти рѣчь лишь о турецкой войнѣ. Довольно подробно говорится объ этомъ вопросѣ въ извѣстномъ сочиненіи Германа, Geschichte des russischen Staats VI, на стр. 193, 524 и 525, гдѣ и сообщается депеша саксонскаго дипломата Гельбига отъ $^{4}/_{14}$ февраля. Изъ этой депеши видно, что тогда великій князь желалъ отправиться къ Потемкину. Любопытныя подробности о томъ, какія мѣры были приняты, чтобы великій князь не игралъ никакой роли въ Финляндіи и даже не зналъ ничего основательнаго о ходѣ военныхъ дѣйствій, встрѣчаются въ упомянутой нами статьѣ объ императорѣ Павлѣ въ *Historische Zeitschrift* Зибеля, 1860 г., erstes Heft.

[2]) 12-го іюля Храповицкій пишетъ, что по вѣдомости о войскахъ, въ Финляндіи состоявшихъ, «показано конницы съ гвардіею 3163, да съ гвардіею же пѣхоты 15.191: тутъ еще не включены идущіе пѣхотный Тобольскій полкъ и 4 полка карабинерные».

[3]) См. Mém. d'un off. suédois. Письмо Стединка къ королю отъ $^{13}/_{24}$ іюля сообщаетъ наиболѣе подробныя извѣстія объ этой стычкѣ: «Monsieur Ehrenroth est repoussé avec perte d'un canon et de cinquante hommes. Son rapport porte qu'il a été attaqué par toute la garnison de Wilmanstrand, par trois mille hommes. Il s'est parfaitement bien conduit dans cette affaire; mais le lieutenant-colonel Aminoff n'a point suivi notre instruction, et Mr. le comte de Leyonstedt à Mendukarin, qui n'était qu'à quatre lieues derrière Kernakoski, n'a pas pu appa-

вали объ этомъ происшествіи [1]), и Екатерина тогда писала къ Циммерману, отъ 20-го іюля: „Въ Финляндіи были три ошибки, гдѣ мы не только сбили съ мѣста постъ его Шведскаго величества, но еще человѣкъ до ста полонили и взяли пушку“ [2]).

Осада Нишлота между тѣмъ безуспѣшно продолжалась. Стединкъ пишетъ $^{13}/_{24}$ іюля:

„Я начинаю вѣрить тому, что̀ читалъ однажды въ одномъ географическомъ описаніи о Нишлотѣ, что это мѣсто можетъ быть взято только деньгами или голодомъ. Двѣ пушки и двѣ *obus* (sic?), присланныя намъ вашимъ величествомъ, еще ни на одинъ день не доставили намъ аммуниціи, между тѣмъ какъ мы работаемъ день и ночь, чтобы построить батареи. Смотря на башни этой крѣпости, я боюсь умереть отъ скуки“.

24-го іюля / 4-го августа онъ пишетъ:

„Осада Трои, безъ сомнѣнія, представляла болѣе разнообразія, иначе тогдашніе герои не продолжали бы ее десять лѣтъ; къ тому же, здѣсь нѣтъ ни Ифигеній, ни Брисеидъ. Золото на нашего коменданта не подѣйствуетъ, а развѣ огонь и желѣзо. Насъ извѣстили, что на насъ идетъ непріятель со стороны Кареліи, изъ Кексгольма и Сердоболя. Мы его ждемъ, но я не разсчитываю на сильное сопротивленіе со стороны нашихъ солдатъ, которые нуждаются въ хорошихъ офицерахъ“ [3]).

Между тѣмъ неудовольствіе въ шведскомъ войскѣ обнаруживалось

rement s'ouvrir une communication avec lui, car je connais son activité et ses talents. Tous deux furent avertis à temps par Mr. Ehrenroth qu'il allait d'être attaqué; le malheur n'est point grand, puisqu'il n'a pas été poursuivi; mais il est hardi aux Russes d'avoir abandonné Vilmanstrand quand la grande armée s'en approche. Mr. de Boyé, adjutant de mon régiment, est le seul officier, qui manque. Sa perte n'est point à regretter. Mr. d'Ehrenroth s'est retiré à Kyro sur la frontière un peu en avant de Christina. C'est un mauvais poste, mais le meilleur, qu'il a pu prendre pour couvrir S. Michel se». Mém. de *Sted.*, I, 106. — Изъ Шанца видно, что дѣло продолжалось $3^1/_2$ часа и кончилось отступленіемъ Шведовъ къ Киро. Тутъ же сказано, что Русскіе не воспользовались своею побѣдой и не преслѣдовали Шведовъ. О потерѣ Русскихъ и Шведовъ, какъ обыкновенно, данныя совершенно расходятся. Шанцъ, I, 27, говоритъ, что Шведы имѣли убитыми 9, ранеными 12, взятыми въ плѣнъ 9, но что потеря Русскихъ была гораздо значительнѣе, и по разсказамъ, простиралась до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, такъ что на одномъ только мѣстѣ было погребено 53 человѣка Русскихъ. Въ офиціальномъ донесеніи Михельсона показано, что Шведовъ убито 2 офицера и 40 рядовыхъ, потоплено въ лодкахъ до 30, и сверхъ того утонули многіе, которые, бросаясь въ рѣку и ища спасенія, старались доплывать къ своимъ лодкамъ. У Русскихъ, по показанію Михельсона, было 4 убитыхъ и 4 раненыхъ.

[1]) Хран. 13 и 15-го іюля: «Наши ихъ побили, взяли пушку и редутъ».

[2]) Сочиненія Екатерины, III, 461.

[3]) Mém. de *Stedingk* I, 100.—110.

все болѣе и болѣе, и мятежъ, вспыхнувшій при Фридрихсгамѣ, не могъ не имѣть вліянія и на осаду Нишлота. Туда изъ окрестностей Фридрихсгама, гдѣ образовалась конфедерація въ Аньялѣ, были отправлены депутаты войска, которые уговаривали и офицеровъ и солдатъ сложить оружіе. Военныя дѣйствія остановились. $\frac{24\text{-го іюля}}{4\text{-го августа}}$ Стединкъ въ отчаяніи пишетъ къ королю о мятежныхъ замыслахъ офицеровъ, о неудачахъ похода и объ упадкѣ духа въ войскѣ, осаждавшемъ Нишлотъ:

„Нашъ отрядъ считаетъ себя отрѣзаннымъ среди непріятельской территоріи и предназначеннымъ къ вѣрной погибели. Такія опасенія въ соединеніи съ страстною любовью каждаго финляндскаго солдата къ своей избѣ заставляютъ меня считать возможнымъ, что наши солдаты оставятъ насъ, какъ скоро непріятель станетъ тѣснить насъ немного сильнѣе. Наше положеніе было хорошо, пока непріятель былъ занятъ въ другомъ мѣстѣ; но оно становится опаснымъ въ настоящую минуту; мы разбросаны во многихъ мѣстахъ для производства блокады и находимся здѣсь подъ пушками непріятеля“ и т. д. [1]).

Между тѣмъ, не смотря на то, что переписка конфедератовъ съ Екатериной уже обнаружилась, Стединкъ еще надѣялся на продолженіе дѣйствій противъ Нишлота. $^{5}/_{16}$ августа онъ писалъ къ королю.

„Мы не должны покидать это мѣсто, пока только будемъ въ состояніи удержаться здѣсь. Это убѣжденіе раздѣляется, конечно, немногими, однако офицеры моего отряда не посмѣютъ ослушаться меня. За Саволакскій полкъ я не ручаюсь. Авторитетъ г. Гастфера не удержитъ его“ [2]).

Король и послѣ составленія конфедераціи надѣялся на Нишлотъ и писалъ Стединку $^{8}/_{19}$ августа: „Нужно держаться около Нишлота, такъ какъ я держусь здѣсь, не смотря на всѣ неудачи“ [3]). Нѣсколько дней послѣ этого Гастферъ отступилъ отъ Нишлота. Намъ уже извѣстно, какъ русскій кабинетъ, воспользовавшись состоявшеюся конфедераціей и общимъ ропотомъ, старался дѣйствовать на шведское войско. Баронъ Гастферъ оказался легко доступнымъ увѣщаніямъ представителей русскихъ интересовъ — Спренгтпортена, Гюнцеля и другихъ. Тайная переписка между этими лицами и Гастферомъ доказываетъ, что Стединкъ напрасно увѣрялъ короля въ преданности Гастфера. Генералъ Гюнцель грозилъ ему приближеніемъ сильныхъ отрядовъ русскихъ войскъ, обѣщалъ, что Русскіе при отступленіи Шведовъ отъ Нишлота не будутъ преслѣдовать ихъ, и такимъ обра-

[1]) Mém. de *Sted.*, I, 111 — 113.
[2]) Mém. de *Sted.*, I, 118.
[3]) Mém. de *Sted.*, I. 121,

зомъ въ этой части Финляндіи состоялось что-то въ родѣ перемирія. Уже 10/21 августа Гастферъ и подчиненный ему графъ Стединкъ отступили отъ Нишлота. Гастферъ отправилъ къ королю подробное изложеніе причинъ, побудившихъ его къ этому рѣшенію; но Стединкъ, которому, впрочемъ, не были извѣстны сношенія Гастфера съ Русскими, не одобрялъ его, хотя и соглашался съ тѣмъ, что положеніе войскъ, осаждавшихъ Нишлотъ, было дѣйствительно крайне затруднительно. Гастферъ и Стединкъ постоянно просили у короля подкрѣпленія и помощи; король постоянно обѣщалъ отправить къ нимъ все нужное; но самъ онъ нуждался во многомъ, былъ окруженъ недовольными, страдавшими также отъ всякаго рода лишеній, и наконецъ въ это время вообще, какъ кажется, медлилъ, не дѣйствовалъ достаточно расторопно и энергически, такъ что Гастферъ имѣлъ достаточно благовидныхъ предлоговъ для отступленія.

Нельзя думать, чтобы взятіе Нишлотской крѣпости послѣ болѣе продолжительной осады не было возможно. Блокада, препятствовавшая всякому сообщенію между гарнизономъ и русскими хлѣбными магазинами, раньше или позже должна была имѣть слѣдствіемъ голодъ въ крѣпости, снабженной съѣстными припасами не болѣе какъ на три мѣсяца. Попытки Русскихъ во время осады отправить въ Нишлотъ съѣстные припасы не увѣнчались успѣхомъ. Еще въ первыхъ числахъ іюня капитанъ Лоде съ 50 человѣкъ шведскихъ солдатъ взялъ 25 русскихъ лодокъ, нагруженныхъ мукою и зерномъ и назначенныхъ въ Нишлотъ [1]). Разказы о приближеніи значительныхъ отрядовъ русскихъ войскъ, назначенныхъ для освобожденія этой крѣпости, были вымышлены [2]); но Гастферъ не переставалъ утверждать, что его положеніе становится крайне опаснымъ. Конечно, количество его войска, осаждавшаго Нишлотъ, убавлялось вслѣдствіе мелкихъ стычекъ, бѣгства и распространявшагося мятежа, а удаленіе большой арміи отъ Фридрихсгама къ границѣ могло сдѣлаться роковымъ для отряда Гастфера, такъ какъ отвлеченные до того шведскимъ войскомъ, стоявшимъ при Фридрихсгамѣ, русскіе отряды могли теперь напасть на него. Въ такомъ положеніи Гастферъ отправилъ къ королю курьера съ запросомъ, продолжать ли ему осаду Нишлота или нѣтъ; но такъ какъ на этотъ запросъ не послѣдовало отвѣта, то Гастферъ и отсту-

[1]) *Schantz*, I, 43.

[2]) Въ Mémoires d'un officier suédois сказано, что Михельсонъ дѣлалъ демонстраціи и что Спренгтпортенъ говорилъ объ «avant-corps russe, campé derrière Menuncla, mais personne ne fut dupe des rodomontades de ce rebelle».

пилъ. Въ двухъ миляхъ отъ Нишлота на пути въ Рандасальми, почью, наконецъ пріѣхалъ курьеръ съ отвѣтомъ короля, приказывавшаго во что бы то ни стало продолжать осаду [1]). Но было уже поздно. Отступленіе продолжалось, и въ послѣдствіи открылись настоящіе поводы Гастфера къ отступленію — его сношенія съ Россіей, откуда онъ, какъ мы знаемъ, получилъ 10.000 рублей, и въ службу которой онъ хотѣлъ вступить, подобно Спренгтпортену. Стединкъ, порицая образъ дѣйствій Гастфера, также впрочемъ говоритъ о недостаткѣ въ провизіи и въ деньгахъ [2]); но даже нѣсколько мѣсяцевъ позже, когда король поручилъ ему арестовать Гастфера и самому занять его постъ — командира Саволакскаго войска, Стединкъ не вѣрилъ въ измѣну Гастфера, которая однако для насъ, особенно послѣ изданія записокъ Храповицкаго, не можетъ оставаться вопросомъ. Въ январѣ 1789 года Стединкъ, который оставался вѣрнымъ королю, переписывался съ Густавомъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касавшихся осады Нишлота, и жаловался на то, что Гастферъ находился одновременно подъ вліяніемъ совѣтовъ полковника Брунова и его. Бруновъ въ то время, когда началась осада Нишлота, считалъ болѣе важнымъ отправиться къ Вильманстранду; Стединкъ прежде всего хотѣлъ окончить осаду Нишлота, въ которомъ онъ видѣлъ ключъ къ Россіи [3]). Слѣдствіемъ такого разногласія была медленность въ дѣйствіяхъ, сильно вредившая операціямъ Шведовъ [4]). Стединкъ жалуется и на то, что Гастферъ находился самъ не около самой крѣпости, а въ Тунаксари (въ двадцати верстахъ отъ Нишлота, въ дефилеѣ, откуда можно было ожидать приближенія русскихъ войскъ), и на Брунова, который одинъ изъ первыхъ принялъ мнѣнія конфедератовъ и ежедневно грозилъ своимъ удаленіемъ изъ лагеря.

„Послѣ того, какъ пріѣхали депутаты изъ Аньялы“, продолжаетъ Стединкъ, „намъ двѣ недѣли сряду угрожали и сѣкира палача (за участіе въ предпріятіи конфедератовъ, утверждавшихъ, что отстаиваютъ законность), и мечъ непріятеля.... Такимъ образомъ Гастферъ, который лишь одною стойкостію, вовсе не согласною съ его характеромъ, могъ бы выйдти изъ такого положенія, приказалъ отступать.... Я былъ въ ужасѣ и думалъ уже отказать ему въ послушаніи и принять на себя командованіе; нѣкоторые офицеры

---

[1]) *Schantz*, I, 43 — 44.

[2]) Mém. de *Sted.*, I, 128.

[3]) «J'espérais pouvoir entrer de ce côté là en Russie, qui, Nyslott pris, me paraissait ouverte».

[4]) «Il résulta de tout cela et du manque total de préparatifs une lenteur, qui nuisit beaucoup à nos opérations».

были въ отчаяніи, даже плакали при полученіи повелѣнія Гастфера, но я не имѣлъ возможности противодѣйствовать. Я не умѣю говорить по чухонски и не могъ бы объясняться съ солдатами; къ тому же было бы крайне неосторожно оставаться близъ Нишлота послѣ того, какъ Гастферъ оставилъ дефилей при Тунаксари, такъ что Русскіе теперь безъ препятствія могли приблизиться и выручить гарнизонъ Нишлота“ [1]).

Такимъ образомъ не удалась попытка Густава взятіемъ Нишлота проложить себѣ дорогу къ Ладожскому озеру, къ Вильманстранду и Выборгу, а затѣмъ и къ Петербургу. Вскорѣ оказалось, что вопреки его заявленіямъ, онъ не могъ надѣяться и на другіе способы для достиженія этой цѣли. На морѣ Россія была лучше приготовлена къ войнѣ съ Швеціей, чѣмъ на сушѣ. Русскій флотъ, находившійся въ Кронштадтѣ, былъ, какъ мы видѣли, назначенъ къ отплытію въ Средиземное море для участія въ турецкой войнѣ, и только война, неожиданно начатая со стороны Густава, заставила Екатерину перемѣнить назначеніе этой эскадры. Русскій флотъ находился тогда въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ полагали на западѣ. Между тѣмъ какъ многіе современники разчитывали на превосходство шведскаго флота надъ русскимъ, довольно скоро оказалось противоположное. И по числу кораблей, и по величинѣ ихъ, русскій флотъ былъ нѣсколько сильнѣе шведскаго, и хотя матросы и солдаты считались на немъ бо́льшею частью неопытными [2]), за то офицеры (между которыми было много иностранцевъ), безъ сомнѣнія, могли равняться съ начальниками шведскаго флота. Особеннымъ уваженіемъ въ Россіи и извѣстностью и въ другихъ государствахъ пользовался адмиралъ Грейгъ [3]). И въ Швеціи, и въ Россіи не жалѣли издержекъ на улучшеніе флота, и въ продолженіе всего времени до Верельскаго мира обѣ воюющія державы употребляли всѣ старанія для увеличенія своихъ морскихъ силъ. Событія походовъ 1788, 1789 и 1790 годовъ показали, что силы Швеціи и Россіи въ этомъ отношеніи находились почти въ равновѣсіи между собою.

Мы видѣли, что при встрѣчѣ Карла Сюдерманландскаго съ вице-адмираломъ фонъ-Дезинымъ Шведы могли нанести чувствительный

---

[1]) Mém. de *Sted.*, I, 148 — 152.

[2]) См. Зап. Хран. 26-го іюня: «Грейгъ, для экзерциціи экипажа, хотѣлъ простоять нѣсколько дней у Красной Горки, потому что у него половина рекрутъ». 153 арестанта для укомплектованія кораблей были отправлены къ Грейгу въ то самое время, когда была битва при Готландѣ; см. Зап. Хран. 4 го іюля. У *Шанца* говорится и о Норвежцахъ, Англичанахъ и прочихъ бывшихъ въ русскомъ флотѣ, I, 24.

[3]) *Horft*, 61: «der versuchte Seeheld»; *Posselt*, 551: «einer der erfahrensten Seemänner».

ударъ русскому флоту, но тогда обстоятельства не дозволили Шведамъ воспользоваться такою выгодой. Наконецъ $\frac{26\text{-го іюня}}{7\text{-го іюля}}$ шведскій флотъ получилъ депешу короля съ извѣстіемъ, что война съ Россіей началась, и уже на другой день шведскій флотъ, крейсировавшій въ Финскомъ заливѣ, встрѣтилъ близъ острова Наргена два русскихъ фрегата. Такъ какъ командирамъ этихъ судовъ дали знать, что война уже объявлена, и что они должны или сдаться, или защищаться, то они, конечно, спустили флагъ. То были фрегаты *Ярославецъ* и *Гекторъ*, одинъ 32-пушечный съ 240 чел. экипажа, а другой 26-пушечный съ 205 чел., шедшіе изъ Кронштадта съ кадетами, отправленными для практики. На нихъ находилось значительное количество провіанта, военныхъ припасовъ и аммуниціи. Такимъ образомъ и на морѣ военныя дѣйствія были открыты не Русскими, а Шведами. Одинъ изъ современниковъ, служившій въ шведскомъ войскѣ въ южной Финляндіи, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что извѣстіе объ этомъ событіи произвело въ шведскомъ лагерѣ удивленіе, потому что всѣмъ было извѣстно правило, запрещавшее Густаву начинать войну [1]).

Между тѣмъ русскій флотъ былъ уже готовъ къ отплытію. Хотя Россія могла начать вооруженія гораздо позже чѣмъ Швеція, но обязательныя для послѣдней формальности начатія военныхъ дѣйствій, какъ мы уже видѣли, весьма выгодныя для Россіи, доставили ей возможность кончить свои приготовленія къ войнѣ, пока не были открыты военныя дѣйствія со стороны Швеціи [2]). Только въ продолженіе іюля мѣсяца

---

[1]) Mémoires d'un off. Какъ скоро въ Петербургѣ получили извѣстіе отъ англійскаго шкипера, что шведскій флотъ, подходя къ Ревелю, захватилъ два фрегата, Екатерина сказала: «Можетъ статься, что это *Гекторъ* и *Ярославецъ*, посланные для крейсированія по первоначальнымъ слухамъ». Храп. 1-го іюля.

[2]) *Castéra*, II, 147, говоритъ объ одномъ случаѣ, замедлившемъ вооруженіе флота. Опредѣленіе Пауль Джонса (участвовавшаго къ Американской войнѣ и въ Черноморскихъ битвахъ и отличившагося каперствомъ) командиромъ на одномъ кораблѣ Балтійскаго флота возбудило такой ропотъ между англійскими офицерами русскаго флота, что они изъявили желаніе подать въ отставку. Императрица поэтому, желая удалить Пауль Джонса, обѣщала ему мѣсто на Черноморскомъ флотѣ; но, опасаясь, что Англичане, и тамъ находившіеся въ значительномъ числѣ, не захотятъ служить съ человѣкомъ, репутація котораго была запятнана, пожелала вовсе освободиться отъ Джонса. Объ этомъ говоритъ и *Сегюръ*, III, 499—504, не приписывая впрочемъ дѣла Екатеринѣ. Этотъ случай произошелъ, вѣроятно, въ маѣ. Еще въ концѣ апрѣля Пауль Джонсъ былъ представленъ императрицѣ, которая сказала о немъ: «Онъ проберется въ Константинополь»; см. Зап. Храп. 21 и 25-го апрѣля. Castéra замѣчаетъ, что этотъ «incident singulier empêcha l'amiral Greigh d'obéir à l'ordre d'appareiller».

были приняты мѣры для окончательнаго приготовленія флота къ отплытію въ море. Екатерина тогда все еще надѣялась на миръ и считала возможнымъ, что Грейгъ отправится еще въ Средиземное море. Въ началѣ іюня для него была составлена инструкція; но затѣмъ рѣшили, чтобы Грейгъ „остановился при Ревелѣ для примѣчанія движеній шведскаго флота, и чтобъ его побить, буде начнетъ сражаться", какъ сказано у Храповицкаго (16-го іюня). 22-го іюня Грейгъ былъ готовъ къ отплытію и ждалъ только попутнаго вѣтра. Екатерина надѣялась на флотъ гораздо болѣе чѣмъ на сухопутное войско: „Надобно употребить въ пользу превосходство нашего флота противъ непріятельскаго, и разбивъ его на морѣ, идти къ Стокгольму", сказала она Храповицкому, и потомъ прибавила: „ты о томъ никому не говори". Согласно съ такимъ предположеніемъ, Грейгу было велѣно „атаковать флотъ непріятельскій и послѣ побѣды идти къ Карлскронѣ" [1]). Екатерина, разказываетъ Храповицкій, перекрестилась, подписывая этотъ указъ (26-го іюня). Флотъ наконецъ отправился. Въ первыхъ числахъ іюля почти ежедневно въ Петербургъ приходили извѣстія о немъ. Все вниманіе императрицы было обращено на ожидаемое столкновеніе между флотами [2]). Получили извѣстіе о приближеніи Грейга къ непріятельскому флоту и о пребываніи его близъ острова Сескара. „Ничего такъ не хочется какъ побить Шведа", сказала императрица своей камеръюнгферѣ, Маріи Савишнѣ Перекусихиной, 8-го іюля. Двумя днями позже, наконецъ, было получено извѣстіе о битвѣ при Гогландѣ.

$^{6}/_{17}$ іюля утромъ встрѣтились оба флота между островами Стенширомъ и мелью, называемою Кальбо-да-Грунтъ, въ семи миляхъ отъ Гогланда къ западу. И на шведскомъ флотѣ въ послѣдніе дни получили извѣстіе объ отплытіи русскаго флота изъ Кронштадта и ежедневно ожидали этой встрѣчи. $^{3}/_{14}$ іюля адмиралъ Карлъ Сюдерманландскій далъ подробный приказъ о приготовленіяхъ къ битвѣ и о различныхъ правилахъ, по которымъ должно было дѣйствовать во

[1]) *Posselt*, 351: «Greigh hatte von seiner Kaiserin den Auftrag erst die schwedische Flotte zu vernichten und dann ohne weiteres seinen Weg nach dem Archipelagus fortzusetzen — und wenn irgend jemand, so war er der Mann, dem das Gewicht einer solchen Ehre aufgebürdet werden konnte».

[2]) 29-го іюня Храповицкій пишетъ: «Разбудили въ 12-мъ часу вечера съ рапортомъ, будто шведскій флотъ показался противъ Ревеля». Получено извѣстіе, что шведскіе корабли хватали суда купеческія. «Но когда придетъ Грейгъ, такъ уйдутъ къ своимъ берегамъ» пишетъ Храповицкій. «Ожидать надобно извѣстія, что̀ сдѣлаетъ Грейгъ; онъ, по донесенію корабельщика, въ Кронштадтъ пришедшаго, былъ въ 12 морскихъ миляхъ отъ непріятеля». 5-го іюля.

время сраженія. Ссылаясь на патріотизмъ и любовь Шведовъ къ королю и стараясь воспламенить честолюбіе своихъ соотечественниковъ, герцогъ называетъ себя „лишь первымъ и самымъ преданнымъ изъ воиновъ морскихъ войскъ его королевскаго величества“ [1]). Шведскій флотъ состоялъ изъ 15 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ и нѣсколькихъ еще другихъ судовъ. Между фрегатами были и взятые у Русскихъ *Гекторъ* и *Ярославецъ* [2]). Русскій флотъ былъ нѣсколько сильнѣе и состоялъ изъ 17 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Пушекъ на шведскомъ флотѣ было почти на 200 менѣе чѣмъ на русскомъ [3]). Вѣтеръ былъ слабый, но выгодный для русскаго флота. До 5 часовъ оба флота готовились къ битвѣ, и каждый изъ нихъ старался занять выгодную позицію въ отношеніи къ вѣтру [4]). Въ исходѣ 5-го часа данъ былъ сигналъ русскому флоту — пользуясь вѣтромъ съ востока, спуститься на непріятельскую линію и вступить въ бой [5]). Русскій адмиральскій корабль, отличавшійся отъ всѣхъ другихъ величиною и числомъ пушекъ [6]), которыхъ было на немъ 108, съ помощью еще двухъ 74-пушечныхъ линейныхъ кораблей, напалъ на шведскій адмиральскій корабль, имѣвшій не болѣе 68 пушекъ. Грейгъ, вѣроятно, надѣялся взять въ плѣнъ герцога Сюдерманландскаго, который, не смотря на то, что его корабль получилъ значительныя поврежденія въ такелажѣ, не смотря и на то, что его камердинеръ былъ убитъ около него пушечнымъ ядромъ, спокойно оставался на палубѣ, продолжая курить трубку и утверждая, что онъ скорѣе готовъ умереть и взорвать корабль на воздухъ чѣмъ сдаться [7]).

---

[1]) *Морск. Сбор.*, 1863, № 5, 214 и 215.

[2]) Въ донесеніи Грейга сказано, что шведскій флотъ состоялъ изъ 15 лин. кораблей, 8 большихъ фрегатовъ, 5 меньшихъ фрегатовъ и 3 пакетботовъ. Не совсѣмъ согласенъ съ этимъ списокъ у Гилленграната (*Морск. Сб.*, 1863, № 5, 219), составленный по офиціальнымъ шведскимъ даннымъ.

[3]) На шведскомъ всего около 1.200, на русскомъ болѣе 1.400; см. списки кораблей у Гилленграната и Соколова.

[4]) См. выписку изъ журнала адмирала Грейга въ журналѣ *Сѣверный Архивъ*, 1823 года, гдѣ напечатаны сигналы, данные отъ 6 часовъ до окончанія битвы; стр. 362 — 371.

[5]) У Грейга сказано, что это происходило въ три четверти 5-го, у Шанца, что уже въ 1 ч. «började actionen». Сраженіе скоро стало общимъ. Въ дыму трудно было различать сигналы.

[6]) По Гилленграпату — 108, по Соколову 100. У *d'Aquila*, II, 118, сказано: «Les Suédois croyaient le vaisseau amiral russe monté de 114 pièces de canons et il n'en portait que 100».

[7]) «Lieber in die Luft gesprengt als sich ergeben»; zugleich riss er einem Kon-

Шведскій адмиральскій корабль началъ спускаться и скрылся за другими шведскими кораблями [1]). Вскорѣ послѣ 8 часовъ началось сраженіе между русскимъ адмиральскимъ кораблемъ *Ростиславомъ* и шведскимъ вице-адмиральскимъ *Принцемъ Густавомъ*, которое кончилось тѣмъ, что шведскій корабль спустилъ флагъ, и Русскіе завладѣли имъ. Находившійся на немъ вице-адмиралъ графъ Вахтмейстеръ, послѣ того какъ на его кораблѣ было убито 132 чел. и ранено 88, сдался въ плѣнъ со всѣмъ оставшимся экипажемъ [2]). Привезенный на адмиральскій корабль графъ Вахтмейстеръ отдалъ флагъ свой и шпагу; но Грейгъ возвратилъ ему послѣднюю за храбрость, съ которою тотъ защищался.

Между тѣмъ настала ночь; шведскіе корабли спускались по вѣтру,

---

stabel die Lunte hinweg, nahm seine Stellung beim Pulvermagazin und frug den Admiral Wrangel, ob er glaube, dass das Schiff nicht mehr zu retten sei? Ein Nein von Wrangel, und das Schiff wäre in die Luft gesprengt: «Es wird sehr schwer sein», antwortete der Admiral, «aber wir wollen unser Möglichstes thun». Posselt 354, — «A la bataille de Hogland Charles se conduisit avec un grand courage», — *Geffroy*, 664.

[1]) Сраженіе, какъ кажется, началось не совсѣмъ удачно для русскаго флота. Корабль *Іоаннъ Богословъ*, бывшій впереди, вдругъ пересѣкъ русскую линію и скрылся за нею. Русскіе матросы оказались сначала неопытными, и самъ Грейгъ старался ободрить ихъ. *Schantz*, I, 22. Такъ же и въ разказѣ у Германна, VI, 191, составленномъ по депешамъ прусскаго посланника въ Петербургѣ, барона Келлера, сказано: «Aber seine (Greigh's) Recruten, welche den grössten Theil der russischen Mannschaft bildeten, zeigten Anfangs eine grosse Entmuthigung. Die Märsche, welche sie noch ehe sie nach Kronstadt kamen, machen mussten, sowie die nachherigen übertriebenen Anstrengungen hatten sie äusserst mitgenommen. Greigh sprach den Leuten seines Schiffes Muth zu, indem er ihnen die alten Seeleute vorführte, die aus dem letzten Kriege gesund zurückgekehrt waren; der Branntwein that ein Uebriges und der Anblick des heiligen Kreuzes und der Heiligenbilder bewirkte Wunder. Dennoch blieben die Schweden im Vortheil. Schon nach Verlauf einer Stunde waren der russischen Vorsegler und zwei andere russische Schiffe so beschädigt, dass sie hinter die Linie zurückgezogen werden mussten». Самъ Грейгъ сообщаетъ въ своемъ журналѣ слѣдующее: «Наша кордебаталія, а особливо аріергардія не дошли на довольно близкое разстояніе, сколько адмиралъ подойдти къ непріятелю намѣренъ былъ, и для того адмиральскій и нѣкоторые еще въ кордебаталіи корабли продолжали спускаться, а другіе немного отставали и чрезъ то наша линія де-баталіи пришла въ разстройку, корабль же *Іоаннъ Богословъ* чрезъ полчаса поворачивая на первый галсъ, упалъ между обѣихъ линій и пересѣкъ линію нашу, шелъ на вѣтръ къ осту». О жалобахъ Грейга на нѣкоторыхъ офицеровъ см. ниже.

[2]) *Posselt*, 355, говоритъ даже о 700 убитыхъ и раненыхъ. Всего на немъ было 15 офицеровъ и 360 человѣкъ экипажа.

постепенно ослабѣвавшему во время сраженія; адмиралъ Грейгъ велѣлъ прекратить пальбу „по причинѣ темноты ночи, густоты дыма и отдаленности непріятельскихъ кораблей". Такимъ образомъ послѣ сраженія, продолжавшагося около пяти часовъ сряду, Русскіе могли считаться побѣдителями, потому что они остались на мѣстѣ битвы, между тѣмъ какъ шведскій флотъ удалился, а далѣе и потому что потеря Шведовъ (линейный корабль *Принцъ Густавъ*) сначала не имѣла равной себѣ въ русскомъ флотѣ. Тѣмъ болѣе горестно было для адмирала Грейга, что уже по окончаніи сраженія, въ глубокую ночь, русскій флотъ лишился линейнаго корабля *Владиславъ*. Въ началѣ 12-го часа пришла отъ этого корабля шлюпка съ извѣстіемъ, что онъ находится въ крайней опасности, что на немъ перебито много людей, поврежденъ весь такелажъ и всѣ паруса, что онъ не слушается руля и не можетъ отойдти прочь отъ непріятеля. Между тѣмъ какъ Грейгъ началъ распоряжаться о спасеніи *Владислава*, этотъ корабль былъ взятъ Шведами. Въ донесеніи своемъ Грейгъ говоритъ, что получилъ извѣстіе объ опасномъ положеніи корабля *Владиславъ* такъ поздно по случаю густоты дыма, закрывавшаго его отъ Русскихъ. Но кромѣ того Грейгъ приписывалъ потерю этого корабля нерадѣнію нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ на другихъ корабляхъ, не хотѣвшихъ помочь *Владиславу*. Особенно Грейгъ въ своемъ журналѣ жаловался на командира корабля *Дерись*, Коковцева, который вовсе не былъ въ сраженіи и отъ котораго тщетно корабль *Владиславъ* требовалъ помощи. Въ донесеніи своемъ Грейгъ жаловался еще на командировъ *Іоанна Богослова*, *Вальротта* и *Памяти Евстафія*, которые съ своими кораблями, также какъ и *Дерись*, были такъ близки къ *Владиславу*, что оттуда говорили съ ними въ трубу; „но ни одинъ изъ сихъ трехъ кораблей ни малѣйшей помощи, ни защиты ни учинилъ, которую они совершенно въ состояніи были сдѣлать, въ разсужденіи, что *Дерись* ни малѣйшаго, а другіе два весьма малыя поврежденія получили въ сраженіи, и чрезъ ихъ нераченіе корабль *Владиславъ* попалъ непріятелю въ руки" [1]). Грейгъ, отрѣшивъ тотчасъ этихъ командировъ отъ должности, отправилъ ихъ въ Кронштадтъ для производства надъ ними слѣдствія. Завѣдывающему морскимъ вѣдомствомъ графу Чернышеву Грейгъ подробно писалъ объ этомъ упущеніи, въ которомъ обвинялъ и контръ-адмирала фонъ-Дезпина [2]).

[1]) *Сѣверный Архивъ*, 1823, стр. 320.

[2]) Зап. Хрон. 11-го іюля: «Графъ П. Г. Чернышевъ показывалъ мнѣ письмо адмирала Грейга, гдѣ открывается, что не всѣ наши корабли были въ дѣлѣ

Если бы не былъ взятъ корабль *Владиславъ*, то Шведы скорѣе должны были бы согласиться съ тѣмъ, что битва при Гогландѣ была побѣдою русскаго флота надъ шведскимъ. Теперь же и тѣ, и другіе стали утверждать, что они остались побѣдителями. Первыя извѣстія о битвѣ, дошедшія до Густава, кажется, не такъ рѣшительно гово-

---

нѣкоторые капитаны худо должность свою исполняли. Бергъ на *Владиславѣ* храбро сражался, и виноватъ капитанъ другаго корабля, не подавшій ему помощи, то-есть, Коковцевъ, капитанъ корабля *Дерись*». По полученіи выписки изъ журнала Грейга Екатерина сказала о Коковцевѣ, что «стоитъ онъ того, чтобъ переломить надъ нимъ шпагу» (Зап. Храп. 15-го іюля) «Графъ Чернышевъ получилъ письмо отъ Грейга», пишетъ Храповицкій 18-го іюля: «.... чѣмъ далѣе входитъ въ дѣло трехъ виноватыхъ капитановъ, тѣмъ болѣе вины ихъ увеличиваются, думаю, что коснется дѣло и до контръ-адмирала фонъ-Дезина; il n'a pas fait aucun signal pour les faire retourner à leur devoir, quoiqu'il s'est assez bien battu avec son propre vaisseau. Бергъ присылалъ къ нему шлюпку, но ни самъ онъ не подалъ ему помощи, ни далъ сигнала другимъ, qui sont restés tranquilles spectateurs de son malheur, непріятель болѣе часа или часа съ половиною не выстрѣлилъ ни разу ни по нимъ, ни по Бергу, прежде спущенія имъ флага; онъ вѣрно въ уныніи былъ непостижимомъ; après qu'il eût baissé le pavillon le cap. lieutenant l'a arboré dérechef et dérechef il l'a fait baisser; enfin l'ennemi étant déjà en déroute, un petit paquetbot s'est approché de lui et a amené notre vaisseau de 74 canons en triomphe à la flotte suédoise sous les yeux et sous les canons de toute notre arrière-garde. J'enrage d'y penser. Они всѣ достойны висѣлицы; безъ такой случайности не чѣмъ бы было непріятелю похвастать. Все cie Грейговы слова». См. Зап. Храп. Суди по этому, фонъ-Дезинъ, братъ вице-адмирала, находившагося въ это время близъ западнаго берега Швеціи, былъ также виноватъ, но Грейгъ отозвался о немъ, что онъ «во время сраженія оказалъ много храбрости, но худо былъ подкрѣпленъ разными кораблями въ порученной ему части флота; во всю же бытность его во флотѣ онъ все исполнялъ по учиненнымъ сигналамъ радѣтельно безъ упущенія»; см. *Сѣверный Архивъ*, 1823, стр. 371 и 372. Однако фонъ-Дезинъ былъ вызванъ въ Петербургъ; см. Зап. Храп. 18-го іюля. Храповицкій пишетъ 19-го, что Дезинъ подъ судомъ. О томъ, какъ кончилось дѣло обвиненныхъ, мы мало знаемъ. Только 10-го августа Храповицкій пишетъ: «Подтверждено о скорѣйшемъ окончаніи суда надъ капитанами кораблей, 6-го іюля провинившихся, чтобъ *положить душу въ брюхо* (фр. поговорка: cela remet le coeur au ventre) и показать примѣръ для прочихъ», какъ сказала Екатерина. Кажется, съ ними поступили снисходительно. Прусскій министръ, баронъ Келлеръ пишетъ по поводу смерти Грейга, послѣдовавшей въ октябрѣ: «Der Admiral hatte einige Officiere die in der Schlacht vom $^{6}/_{17}$ Iuli offenbar ihrer Pflicht zuwider gehandelt hatten, ihres Dienstes enthoben, erlitt aber die Kränkung sein Urtheil durch die Admiralität nicht bestätigt zu sehen, weil der Vicepräsident derselben, Graf Tschernyschew, zu eifersüchtig auf die Verdienste des Admirals war, um nicht auf jede Weise gegen ihn zu intriguiren». *Herrmann*, Gesch. Russlands, VI, 192.

рили о побѣдѣ. Не зная еще подробностей сраженія, король $^{7}/_{18}$ іюля пишетъ къ графу Стедингу: „Я каждую минуту жду извѣстія объ исходѣ морской битвы. Мы знаемъ, что она происходила близъ Гогланда; донесенія о ней намъ выгодны, но я еще не смѣю безусловно надѣяться на это“ [1]). Шведы считали себя побѣдителями, такъ что король приказалъ во всѣхъ церквахъ Стокгольма отслужить благодарственный молебенъ. Въ шведскихъ газетахъ были напечатаны подробные бюллетени о сраженіи. Густавъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы польстить народному самолюбію, и устраивалъ поэтому демонстраціи для возбужденія національнаго чувства. $^{10}/_{21}$ іюля былъ отслуженъ молебенъ въ главной церкви въ Гельсингфорсѣ, и при этомъ случаѣ король самъ произнесъ рѣчь, исполненную любви къ отечеству и славѣ [2]). Съ особенною торжественностію король роздалъ знаки отличія офицерамъ, участвовавшимъ въ этомъ сраженіи. Затѣмъ съ такою же пышностью было совершено погребеніе убитыхъ командировъ, изъ которыхъ графъ Вальтазаръ Горнъ, командиръ корабля *Wasa*, особенно отличился при защищеніи корабля герцога-адмирала и умеръ отъ тяжелой раны, полученной имъ при этомъ случаѣ. Шведская академія въ слѣдующемъ году назначила премію тому, кто лучше всѣхъ воспоетъ жизнь и подвиги этого героя, павшаго на полѣ чести. Два сочиненія были удостоены награды [3]).

Затѣмъ трофеи, то-есть, флаги и вымпелы взятаго Шведами корабля *Владиславъ* были отправлены въ торжественной процессіи изъ Финляндіи въ Стокгольмъ, гдѣ они $\frac{\text{29-го іюля}}{\text{9-го августа}}$ были выставлены на балконѣ королевскаго дворца и затѣмъ сданы въ арсеналъ. Одинъ изъ современниковъ говоритъ о толпѣ народа, окружавшей эти трофеи, о радостныхъ восклицаніяхъ, особенно простолюдиновъ, и о различныхъ демонстраціяхъ простаго народа въ пользу короля [4]), между тѣмъ какъ другой современникъ сообщаетъ, что дворянство въ Швеціи было крайне недовольно такимъ успѣхомъ шведскаго оружія и видѣло въ немъ одинъ изъ поводовъ къ возвышенію королевской власти надъ феодальными привилегіями. До свѣдѣнія Екатерины дошли въ

[1]) «J'attends à tout moment la nouvelle de l'issue de la bataille navale donnée par mon frère. Nous savons qu'elle s'est donnée à la hauteur de Hogland et les rapports nous sont favorables; cependant je n'ose pas me livrer trop légèrement à cet espoir». *Stedingk*, I, 103.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1788. 983. Horft. 65.

[3]) *Schantz*, I, 25.

[4]) *Horft*, 66.

послѣдствіи подробности такого торжества Густава, между тѣмъ какъ она приписывала побѣду русскому флоту. „Пусть хвастаетъ какъ хочетъ; самъ выйдетъ смѣшенъ въ глазахъ людей безпристрастныхъ“, сказала она (6/17 августа) при чтеніи въ газетахъ объ этихъ сценахъ, происходившихъ въ Швеціи [1]). Въ декларацiи, изданной королемъ 21-го іюля, говорится о „побѣдѣ, одержанной герцогомъ Сюдерманландскимъ надъ сильнѣйшимъ флотомъ“, а въ возраженіи на это Екатерина замѣчаетъ: „Послѣдствія показали, кто одержалъ побѣду: ибо шведскій флотъ во все лѣто и осень 1788 года былъ запертъ русскимъ флотомъ въ Свеаборгской гавани, куда онъ удалился“ [2]).

Въ Петербургѣ, дѣйствительно, и справедливо, считали, что побѣда осталась за Россіей [3]). Еще за день до полученія извѣстія о битвѣ при Гогландѣ императрица жаловалась на сжатіе груди; на слѣдующій день, послѣ полученія донесенія Грейга, проснувшись, она сказала, „qu'on n'a plus de barre sur la poitrine [4]). Въ тотъ же самый день былъ благодарственный молебенъ въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовалъ и Сегюръ [5]). Грейга императрица хвалила, отдавая честь его храбрости. Ему былъ данъ орденъ св. Андрея [6]). Екатерина писала объ этомъ сраженіи къ Циммерману [7]), а также къ Архарову [8]).

Важнѣйшее выраженіе въ рапортѣ Грейга, напечатанномъ въ свое время въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, было то, что „шведскій флотъ двукратно начиналъ спускаться“, и что наконецъ „шведскіе корабли буксированы и ушли отъ нашего флота, оставя ему господствованіе мѣстомъ баталіи“ [9]). Но вопервыхъ, при восточномъ вѣтрѣ,

---

[1]) Зап. Храп.

[2]) *Колотовъ*, III. 334.

[3]) Зап. Храп. 10-го іюля.

[4]) Зап. Храп. 9-го и 11-го іюля.

[5]) *Ségur*, Mémoires, III, 377.

[6]) Зап. Храп. 10-го іюля. Онъ отвѣчалъ: «Cette décoration ne se donne qu'à une naissance illustre ou à de grandes actions; je ne possède pas l'une, je n'ai pas encore fait les autres. Je garde avec respect mon cordon, mais je ne le porterai que lorsque je l'aurai mérité». Ségur III. VII.

[7]) Къ сожалѣнію, это письмо намъ неизвѣстно; 20-го іюля она пишетъ къ нему же: «Надѣюсь, государь мой, что вы получили уже мое письмо, въ которомъ я увѣдомила васъ о выигранномъ морскомъ сраженіи». Сочиненія Екатерины, III, 460.

[8]) *Русск. Архивъ*, 1865, стр. 915.

[9]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 1788, стр. 805.

хотя онъ и ослабѣвалъ во время битвы, было довольно естественно, что шведскій флотъ, и не отступая настоящимъ образомъ, медленно спускался къ западу; а вовторыхъ, при отступленіи къ Свеаборгу важно то обстоятельство, что оно послѣдовало лишь на другое утро, и что цѣлую ночь оба флота оставались въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Объ отступленіи непріятеля тотчасъ послѣ битвы, вслѣдствіе пораженія, нельзя говорить уже и потому, что взятіе *Владислава* ночью, по окончаніи сраженія, заключаетъ въ себѣ ясное доказательство противъ поспѣшнаго удаленія Шведовъ [1]). Поэтому любопытно подробно узнать о событіяхъ, случившихся на другое утро. Между тѣмъ какъ, по одной шведской реляціи, шведскій флотъ, простоявъ всю ночь на мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ концѣ битвы, и видя, что русскій готовится къ отплытію, отправился къ Свеаборгу, чтобы тамъ привести въ надлежащее состояніе поврежденные корабли и взять аммуниціи [2]), — по другой шведской реляціи, Шведы въ продолженіе битвы до того истратили свою аммуницію, что не имѣли возможности хотя на одинъ только часъ продолжать сраженіе или возобновить его на другое утро.

„Всю ночь, сказано далѣе въ этомъ разказѣ, составленномъ, впрочемъ, гораздо болѣе въ пользу Шведовъ, чѣмъ Русскихъ, они простояли на мѣстѣ, потому что вѣтеръ не благопріятствовалъ отступленію въ Свеаборгъ, а далѣе потому что при малѣйшей попыткѣ удалиться они подверглись бы опасности быть преслѣдуемыми русскимъ флотомъ. Поэтому Шведы должны были показать видъ, какъ будто желаютъ возобновить сраженіе на другое утро, и для этой цѣли они дѣлали въ продолженіе ночи одинъ сигнальный выстрѣлъ за другимъ. Дѣйствительно, Русскіе на другое утро уже какъ бы готовились къ новой атакѣ [3]), и Шведы построились было въ батальную линію, — можно вообразить себѣ съ какими чувствами. Но Грейгъ, отступленію котораго благопріятствовалъ вѣтеръ, нашелъ болѣе удобнымъ пойдти въ направленіи къ Кронштадту, итакъ шведскій генералъ-адмиралъ повелъ свой флотъ подъ защиту пушекъ Свеаборгской крѣпости“ [4]).

Что шведскій флотъ истратилъ всю свою аммуницію, и уже потому не могъ думать о возобновленіи битвы, находясь въ крайне опасномъ положеніи, подтверждается и другими разказами самихъ Шведовъ [5]). Совершенный недостатокъ въ аммуниціи во всякомъ слу-

---

[1]) *Schantz*, I, 23.

[2]) *Schantz*, I, 23.

[3]) «Wirklich machten die Russen des andern Morgens Miene zu einem neuen Angriff».

[4]) *Posselt*, 355, 356.

[5]) *Schantz*, I, 23. «Um 10 Uhr donnerte das Geschütz noch unausgesetzt, bis

чаѣ былъ весьма уважительною причиной къ отступленію. И Сегюръ обращаетъ вниманіе на то, что „Грейгъ остался на морѣ, между тѣмъ какъ герцогъ Сюдерманландскій долженъ былъ возвратиться въ шведскія гавани“ [1]).

Въ своемъ донесеніи Грейгъ говоритъ, что онъ по случаю сильныхъ поврежденій русскихъ кораблей

„не былъ въ состояніи гнаться за непріятельскимъ флотомъ, который впрочемъ при маловѣтріи во всю ночь не могъ отойдти въ дальнее разстояніе отъ нашего флота. По утру же 7-го числа, какъ сдѣлался легкій вѣтеръ отъ зюйдъ-оста, то оный флотъ, поставя всѣ паруси, спустился.... на Финляндскій берегъ.... и закрылся отъ насъ къ нордвесту въ полдень.... державъ къ своему порту Свеаборгу“ [2]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что Шведы не могли продолжать боя, что они должны были отступать, но что сильныя поврежденія русскаго флота не давали и Грейгу возможности преслѣдовать непріятеля.

Шведы утверждали, что потеря Русскихъ была значительнѣе ихъ потерь. Грейгъ же въ своемъ донесеніи, говоря о потеряхъ Русскихъ, замѣчаетъ, что потеря Шведовъ должна была быть гораздо значительнѣе [3]). Что же касается до поврежденія кораблей, то и тутъ Шведы старались доказать, что русскій флотъ пострадалъ гораздо сильнѣе шведскаго. Гилленгранатъ пишетъ:

„Что шведскій флотъ, хотя онъ и былъ слабѣе русскаго почти на 200 пушекъ, во время сраженія имѣлъ перевѣсъ, доказывается тѣмъ, что хотя вѣтеръ на слѣдующій день продолжалъ дуть по тому же направленію, русскій адмиралъ все же не рѣшился возобновить бой. Наконецъ тому, что русскіе корабли во время сраженія вообще потерпѣли болѣе шведскихъ, свидѣтелемъ

---

endlich die Nacht, vielleicht auch Mangel an Munition, dem Feuer von beiden Seiten ein Ende machte». Horft 63. Гилленгранатъ также сознается, что Шведы, за недостаткомъ ядеръ вынуждены были возвратиться на другой день въ Свеаборгъ. *Морск. Сб.* 1863, № 5. 219.

[1]) «L'amiral Greigh continua à tenir la mer, tandis que le duc de Sudermanie rentra dans les ports de la Suède». *Ségur*, III, 377.

[2]) *Сѣверный Архивъ*, 1823, стр. 318.

[3]) Въ *С.-Петерб. Вѣд.* показано, что у Русскихъ было убито 319 человѣкъ, а ранено 686. Въ вѣдомости Грейга немного иначе: 329 человѣкъ убитыхъ, 696 раненыхъ солдатъ, 8 убитыхъ, 13 раненыхъ офицеровъ; см. *Сѣв. Арх.*, 1823, стр. 358 — 61. Сюда не включены убитые и раненые на кораблѣ *Владиславъ*; см. *Сѣв. Арх.*, 1823, стр. 359, и Шанца. На шведскомъ кораблѣ, взятомъ Русскими, оказалось убитыми и ранеными болѣе 200 человѣкъ. Въ *С.-Пет. Вѣд.* показано около 300 человѣкъ; въ донесеніи Грейга сказано: 132 челов. убито и 88 тяжело ранено. У Гилленграната сказано, вѣроятно по официальнымъ даннымъ, что у Шведовъ было убитыхъ 127, раненыхъ 334.

былъ адъютантъ-поручикъ Густавъ Клинтъ, который въ качествѣ парламентера вскорѣ послѣ сраженія посѣтилъ русскій флотъ".'

Этотъ же писатель говоритъ далѣе:

„Причиною же тому, что шведская линія храбро держалась противъ русской, значительно превосходившей ее силою, отчасти, какъ кажется, было и то, что шведскій флотъ, заряжая свои орудія двумя круглыми ядрами, въ продолженіе всего сраженія наносилъ вдвое болѣе вреда непріятелю, нежели тотъ ему; Русскіе же, по всей вѣроятности, употребляли одну только картечь. Но кромѣ того должно еще замѣтить, что шведскій флотъ все время держался сомкнутою линіей и въ хорошемъ порядкѣ, и что артиллерія его въ продолженіе всего дѣла дѣйствовала съ рѣдкою быстротою" [1]).

Въ этомъ отношеніи и донесеніе Грейга согласно съ показаніями Шведовъ. Онъ пишетъ, что „разные корабли флота много разбиты, а особливо въ мачтахъ, реяхъ и оснасткѣ" [2]). Главнымъ результатомъ битвы при Гогландѣ было то, что русскій флотъ оказался не только равносильнымъ шведскому, но даже и превосходящимъ его силою [3]). Разчетъ Густава III, особенно въ надеждѣ на шведскій флотъ начав-

---

[1]) *Морск. Сборн.*, 1863, № 5, стр. 218.

[2]) *Спб. Арх.*, 318; *Norft*, 64: «So viel ist indessen ausgemacht, dass die russische Flotte vorzüglich an ihrem Segel-und Steuerwerk ungemein gelitten und sich kurz nach dem Treffen in einem sehr elenden Zustande befunden habe. Fünf Schiffe von derselben mussten in Kronstadt, weil sie allzuübel mitgenommen worden waren, zuerst ausgebessert werden, ehe sie wieder in See gehen konnten....». Прибытіе этихъ сильно поврежденныхъ кораблей въ Кронштадтъ произвело непріятное впечатлѣніе. *Ségur*, III, 377: «La joie causée dans la capitale par le *Te Deum* fut un peu troublée par l'arrivée de trois gros vaisseaux de guerre russes, qui rentrèrent dans Cronstadt très maltraités». Зап. Храпов. 18-го іюля о письмѣ Грейга къ Чернышеву, что сверхъ присланныхъ въ Кронштадтъ кораблей для починки, хочетъ прислать еще *Всеслава*. Три корабля, отправленные въ Кронштадтъ, были *Болеславъ*, *Вышеславъ* и *Мечиславъ*; см. *Спб. Арх.* 1823, стр. 319. Изъ вѣдомости объ убитыхъ и раненыхъ видно, что потеря людей на этихъ четырехъ корабляхъ была вдвое значительнѣе, чѣмъ на другихъ. Число убитыхъ и раненыхъ на этихъ четырехъ корабляхъ немного значительнѣе числа убитыхъ и раненныхъ на всѣхъ 14-ти остальныхъ, и простирается до 130 человѣкъ среднимъ числомъ на каждомъ кораблѣ. Въ Запискахъ шведскаго офицера также говорится о вышеприведенныхъ цифрахъ убитыхъ и раненыхъ Шведовъ и Русскихъ; тамъ прибавлены и данныя о взятыхъ въ плѣнъ: Шведовъ 600; Русскихъ 785. Эти цифры, вѣроятно, справедливы: между тѣмъ какъ *Владиславъ*, взятый Шведами, былъ 74-пушечный корабль, *Принцъ Густавъ*, взятый у Шведовъ, имѣлъ лишь 68 пушекъ. У *Гильденштата* сказано, что на *Принцѣ Густавѣ* было 560 человѣкъ экипажа, l. c. 217, у *Шанца*, I, 45,—25 офицеровъ и 600 человѣкъ. У Шанца, I, 43, сказано, что на *Владиславѣ* было 783 человѣка экипажа.

[3]) «Флотъ нашъ превосходнѣе шведскаго». Зап. Храпов. 18-го іюля.

шаго войну, оказался въ этомъ отношеніи ошибочнымъ. „Русскіе", замѣтилъ одинъ изъ современниковъ [1]), „сражались какъ львы, а Шведы— какъ Англичане". Самъ Грейгъ писалъ Екатеринѣ, „qu'il n'avait jamais vu de combat plus chaud ni mieux soutenu de part et d'autre". Графъ Вахтмейстеръ, сдавшись въ плѣнъ, сознался въ разговорѣ съ Грейгомъ, что Шведы никогда не ожидали отъ русскаго флота такой стойкости въ бою [2]), прибавляя къ этому, что слѣдовало бы повѣсить тѣхъ, которые въ этомъ отношеніи обманули короля.

Хотя Густавъ III и праздновалъ побѣду надъ русскимъ флотомъ; но его планъ, разбивъ Грейга, отправиться къ Кронштадту, высадиться въ Ораніенбаумѣ съ 15.000 или 20.000 человѣкъ войска и напасть съ этой стороны на Петербургъ, между тѣмъ какъ главная армія должна была приближаться къ столицѣ съ сѣвера, былъ уничтоженъ [3]). Разставшись съ своимъ братомъ Карломъ, король писалъ ему, что онъ надѣется увидѣться съ нимъ послѣ удачной битвы при Кронштадтѣ; между тѣмъ, не доѣхавъ и до Гогланда, Карлъ долженъ былъ поспѣшно вернуться въ Свеаборгъ, гдѣ, какъ увидимъ, флотъ потерпѣлъ еще другую чувствительную потерю и долженъ былъ оставаться до окончанія похода, потому что Грейгъ загородилъ ему путь изъ гавани [4]). Для Густава взятіе въ плѣнъ двухъ братьевъ Вахтмейстеровъ было весьма чувствительною потерею. Онъ крайне сожалѣлъ объ этомъ несчастіи [5]) и изъявилъ свое сожалѣніе въ письмѣ къ контръ-адмиралу Вахтмейстеру, въ которомъ было сказано, что

[1]) Шкиперъ, см. Mém. d'un officier suédois.

[2]) Man habe nie von der russischen Flotte erwartet, dass sie mit solcher vigueur handeln würde. Изъ депеши прусскаго посланника, Келлера. *Herrmann* l. c. VI, 191.

[3]) *Рейнъ*, 64.

[4]) За границею, кажется, считали побѣдителями скорѣе Шведовъ, чѣмъ Русскихъ. Одинъ нѣмецкій сатирикъ, Веккерлинъ, писалъ по поводу извѣстія о битвѣ съ насмѣшкою: «Не удивительна ли мудрость Провидѣнія, что она сумѣла угодить обѣимъ сторонамъ и устроить протестантскій молебенъ тамъ, а православный тутъ? Впрочемъ это было устроено, какъ видно, въ честь Русскихъ; они достойны такой чести. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ быть великодушнѣе тѣхъ людей, которые дерутся, терпятъ, чтобъ у нихъ отнимали корабли, и за то еще изъявляютъ благодарность». См. *Posselt*, 357. Шведы полагали, что кромѣ *Владислава*, взятаго по окончаніи сраженія, Русскіе потеряли еще одинъ корабль, который, «какъ думаютъ, потонулъ послѣ сраженія». *Гилленпранатъ*, l. c., 218. «Noch ein anderes russisches Schiff ging zu Grunde». Horn. 63. Это не подтверждается никакими данными.

[5]) Mémoires d'un officier.

взятіе въ плѣнъ графа Вахтмейстера „умаляетъ его удовольствіе, успѣхами войскъ его производимое“ [1]). Вахтмейстеръ также писалъ къ королю и переслалъ ему свидѣтельство Грейга о томъ, что корабль *Принцъ Густавъ* не могъ болѣе защищаться [2]).

Во многихъ разказахъ о Гогландской битвѣ говорится о томъ, что Грейгъ былъ раненъ [3]). Ни въ донесеніи Грейга, ни въ Запискахъ Храповицкаго не говорится объ этомъ. Ходъ болѣзни, жертвою которой адмиралъ сдѣлался немного позже, былъ таковъ, что не можетъ быть названъ слѣдствіемъ раны, полученной будто бы при Гогландѣ (см. ниже). Напротивъ того дѣйствія Грейга и разказы о томъ, какъ онъ принималъ шведскихъ парламентеровъ, пріѣхавшихъ къ нему послѣ сраженія, доказываютъ, что онъ былъ совершенно здоровъ. Вѣроятно, его смерть, послѣдовавшая вскорѣ послѣ описанной битвы, была причиной ошибочнаго мнѣнія о его ранѣ, встрѣчаемаго во многихъ сочиненіяхъ.

---

[1]) Храповицкій, 18-го іюля 1788.

[2]) См. Зап. Храпов. 16-го іюля. Плѣнный Вахтмейстеръ былъ отправленъ въ Москву, и Екатерина секретно велѣла Еропкину завести знакомство съ нимъ, для выведанія настоящихъ обстоятельствъ и намѣреній Шведскаго короля, у коего онъ въ милости. «Сіе препорученіе приняли на себя старый вице-канцлеръ и оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ и оберъ-прокуроръ князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ». Нѣсколько дней послѣ этого, 26-го іюля, Храповицкій пишетъ: «По секретному рапорту П. Д. Еропкина открывается изъ разговоровъ плѣннаго графа Вахтмейстера, что король не хотѣлъ входить въ Финляндію, доколѣ Прусскій король не введетъ чрезъ Курляндію 60.000 въ Лифляндію, и посему не вѣрилъ о нашихъ съ Шведами сшибкахъ на сухомъ пути (sic)». Присутствіе Вахтмейстера въ Москвѣ возбуждало нескромное любопытство на гуляньяхъ и проч.; за нимъ бѣгали толпами, особенно женщины, на что̀ и была написана особенная сатирическая пѣсня; см. замѣчаніе Путяты къ Запискамъ Энгельгарта въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, XIX, стр. 631.—17 сент. Храповицкій пишетъ: «Изволили сказывать, что плѣнный графъ Вахтмейстеръ намѣренъ взять абшидъ и остаться въ Россіи, — но прочтя перелюстрацію его писемъ, гдѣ бранитъ Датчанъ и купцовъ нашихъ» :— «Нѣтъ, видно, не останется». 18-го сентября: «Въ вечеру прислана записка, чтобъ обоихъ графовъ Вахтмейстеровъ перевесть изъ Москвы въ Калугу». 19-го сентября: «Подписаны указы о переводѣ всѣхъ Шведовъ изъ Москвы въ Калугу; сіе послѣдовало отъ изъясненія Цесаревича о разглашеніяхъ шведскаго короля, здѣшней имперіи предосудительныхъ». Немного раньше Екатерина писала къ Архарову объ образѣ содержанія плѣнныхъ Шведовъ, препровождаемыхъ отъ эстляндскаго губернатора Врангеля въ губерніи Псковскую, Тверскую и Смоленскую. *Русск. Архивъ*, 1864, стр. 916.

[3]) *Schantz*, I, 24. О легкой ранѣ говоритъ *Сегюръ*, III, 377, о тяжелой *Поссельтъ*, 354; см. также у *Колотова*, IV, 13.

И послѣ сраженія при Гогландѣ, главный вопросъ, кому принадлежитъ господство надъ Балтійскимъ моремъ, остался нерѣшеннымъ. Объ употребленіи русскаго флота въ Архипелагѣ или объ экспедиціи противъ Карлскроны и Стокгольма нельзя было думать; но и Шведы также не могли ничего предпринять, хотя Грейгъ, черезъ нѣсколько дней послѣ Гогландской битвы, и донесъ въ Петербургъ о своемъ опасеніи, чтобы Шведы не сдѣлали десанта при Ревелѣ [1]).

Не тотчасъ же послѣ битвы началась блокада шведскаго флота русскимъ въ Свеаборгской гавани. Грейгъ не могъ преслѣдовать Шведовъ до этой гавани уже потому, что онъ былъ занятъ починкою кораблей [2]); къ тому же онъ сперва долженъ былъ отвести множество больныхъ и плѣнныхъ въ Ревель. Затѣмъ только онъ „вышелъ искать непріятеля“, какъ узнали въ Петербургѣ 20-го іюля. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней затѣмъ о немъ не имѣли тамъ никакихъ извѣстій [3]). Екатерина непремѣнно ожидала второй битвы и болѣе рѣшительной побѣды надъ Шведами: „Nous sommes à la veille d'une bataille en Finlande et d'un combat naval“, сказала императрица, получивъ увѣдомленіе Грейга, что „коль скоро будетъ благополучный вѣтръ, онъ пойдетъ на непріятеля, ибо получилъ извѣстіе, что шведскій флотъ крейсируетъ въ 22 и 23 военныхъ судахъ между Ревеля и Свеаборга“. Шведская эскадра вышла на крейсерство, въ особенности съ цѣлію досматривать англійскіе купеческіе корабли, о которыхъ слыхали, что на нихъ привозятся въ Кронштадтъ пушки и разные военные снаряды. При этомъ случаѣ $\frac{\text{26-го іюля}}{\text{6-го августа}}$ эскадра, состоявшая изъ четырехъ кораблей, при густомъ туманѣ вдругъ очутилась недалеко отъ всего русскаго флота. Три корабля успѣли уйдти въ Свеаборгскую гавань, но корабль *Gustaf Adolph* наткнулся на отмель, вскорѣ былъ окруженъ многими русскими судами, съ которыми обмѣнялся нѣсколькими выстрѣлами, и долженъ былъ сдаться [4]). Послѣ этого шведскіе корабли не выходили уже въ море. Грейгъ писалъ, что онъ остался

---

[1]) Зап. Храпов. 15-го іюля.

[2]) *Сѣверный Архивъ*, 370.

[3]) 24-го іюля Храповицкій пишетъ: «Посланъ заготовленный мною указъ къ генералъ-майору Врангелю, губернатору Ревельскому, чтобы отписалъ, какое имѣетъ извѣстіе о флотѣ нашемъ и непріятельскомъ, доставляя и впредь такія увѣдомленія».

[4]) *Морск. Сборн.*, 1863, № 5, 223. Въ донесеніи Грейга (*С.-Петерб. Вѣд.*, 905) сказано, что на кораблѣ было 64 пушки, 14 офицеровъ и 530 человѣкъ; корабль на другой день сожженъ, потому что не было возможности спасти его; въ немъ уже было 20 футовъ воды.

предъ Свеаборгомъ до $\frac{28\text{-го іюля}}{8\text{-го августа}}$ „въ ожиданіи, что герцогъ Сюдерманландскій выйдетъ съ нимъ сразиться“; но, получивъ чрезъ шведскихъ плѣнныхъ извѣстіе, что при страшномъ поврежденіи шведскаго флота сей послѣдній останется еще въ гавани, удовольствовался тѣмъ, что сталъ крейсировать предъ Свеаборгомъ и отрѣзывать шведскому флоту сообщеніе съ Швеціей [1]). Изъ Карлскроны Шведы ожидали съѣстныхъ припасовъ и нѣсколькихъ кораблей съ войскомъ; но блокада продолжалась, и Шведы, особенно послѣ обнаружившагося мятежа офицеровъ, оставались въ бездѣйствіи. Между тѣмъ Екатерина составляла планы о нападеніи на Карлскрону, вмѣстѣ съ флотомъ Даніи, которая къ осени также была готова начать войну съ Густавомъ [2]); но Данія дѣйствовала медленно, осторожно, и какъ мы увидимъ ниже, была остановлена Пруссіею и Англіею. Поэтому на время прекратились военныя дѣйствія на морѣ. Между тѣмъ какъ шведскій флотъ въ Свеаборгѣ началъ терпѣть голодъ до того, что даже старался купить провизіи у проѣзжавшихъ мимо гавани купеческихъ судовъ, блокада со стороны русскаго флота продолжалась, не смотря на то, что сей послѣдній потерпѣлъ самую чувствительную потерю въ лицѣ своего командира. Въ продолженіе августа и сентября адмиралъ Грейгъ находился еще на своемъ кораблѣ *Ростиславъ*, близъ Ревеля. 22-го сентября онъ еще пошелъ крейсировать къ Свеаборгу [3]), а 23-го заболѣлъ. Екатерина, узнавъ объ этомъ, сильно обезпокоилась, отправила своего медика Роджерсона къ Грейгу и велѣла корабл. *Ростиславъ* ввести въ Ревельскій портъ [4]). На другой день узнали, что „Грейгъ боленъ горячкою съ желчью и съ 28-го сентября людей не узнаетъ“ [5]). 11-го октября Екатерина писала къ Циммерману: „Если случится, что распустятъ молву о смерти адмирала Грейга, не вѣрьте; онъ боленъ горячкою, но по новымъ, полученнымъ мною извѣстіямъ, ему лучше“ [6]). Но ему не было лучше. 15-го октября Храповицкій пишетъ о Екатеринѣ: „Не могли удержать слезъ, прочитавъ, что Грейгъ опасенъ, назначили похоронить въ Ревелѣ съ подо-

[1]) Любопытно, что герцогъ Сюдерманландскій предлагалъ Грейгу свѣжей провизіи. Грейгъ отказался, и Екатерина замѣтила: «Хорошо сдѣлалъ: они въ состояніи окормить». Зап. Храпов. 4-го августа.

[2]) См. Зап. Храпов. 13-го сентября.

[3]) Зап. Храпов. 25-го сентября.

[4]) Зап. Храпов. 5-го октября.

[5]) «Ахнули», пишетъ Храповицкій 4-го октября.

[6]) Сочиненія Екатерины, III, 463.

бающею честью". 17-го: „Безпокоились о безнадежности Грейга, бывъ прежде обрадованы извѣщеніемъ Роджерсона, что ему стало лучше, но въ большую впалъ слабость". 15-го октября Грейгъ скончался. Храповицкій пишетъ объ императрицѣ: „Чувствительная прискорбность и слезы: c'est une grande perte, c'est une perte pour l'état". Грейгу было только 52 года. Въ 1790 году Екатерина велѣла выбить медаль въ честь Грейга и поставить ему мраморный памятникъ въ Ревельской церкви [1]).

Несомнѣнно, что Грейгъ умеръ не отъ раны, полученной будто бы при Гогландѣ. Но въ нѣкоторомъ смыслѣ, быть можетъ, смерть его имѣла связь съ этою битвой. Баронъ Келлеръ, сообщая въ своей депешѣ къ прусскому правительству о смерти адмирала, прибавляетъ: „Весьма вѣроятно, что смерть адмирала Грейга будетъ имѣть слѣдствіемъ подачу въ отставку многихъ его соотечественниковъ, служащихъ неохотно подъ начальствомъ русскаго адмирала: Русскіе—явные враги иностранцевъ. Адмиралъ Грейгъ самъ испыталъ это въ большой мѣрѣ, и даже смерть его этимъ была ускорена. Онъ лишилъ должности нѣкоторыхъ офицеровъ, не исполнившихъ своихъ обязанностей въ сраженіи 6/17 іюля, но дожилъ до оскорбленія, что его рѣшеніе не было утверждено адмиралтействъ-коллегіей, потому что вице-президентъ ея, графъ Чернышевъ, завидуя адмиралу изъ-за большихъ заслугъ послѣдняго, всѣми мѣрами старался заводить козни противъ него. Нельзя удивляться тому, что покойный адмиралъ, постоянно тревожимый такимъ коварствомъ, сдѣлался жертвою чрезмѣрнаго напряженія силъ, послѣ того какъ онъ въ продолженіе зимы заботился о вооруженіи флота" [2]).

Горесть Грейга по случаю неудачи съ *Владиславомъ*, взятымъ Шведами, какъ говорили тогда, дѣйствительно способствовала развитію болѣзни адмирала [3]). Родъ болѣзни Грейга подтверждаетъ такіе слухи, и въ этомъ отношеніи любопытно, что и въ публикѣ были толки и неблаговидные отзывы о взятіи *Владислава*. Въ своей запискѣ: *Отвѣтъ на вопросъ, что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію шведскія войны и о прочемъ тому подоб-*

[1]) Зап. Храпов. Сиверсъ тогда, 26-го октября, писалъ къ своему брату: «Du hast mir den Verlust des tapfern Greigh nicht melden wollen. Er verdient ein Monument als Retter der Residenz und Livlands. Sollte er in Reval begraben werden, so wäre unser aller Pflicht etwas dazu beizutragen». 29-го октября: «Das Lob Greigh's in der St.-Petersburgischen Zeitung ist wohl verdient.» *Blum*, Ein russischer Staatsmann, II, 506.

[2]) Изъ Берлинскаго Архива у *Геррманна*, l. c., VI. стр. 192.

[3]) Эту горесть, какъ замѣчаетъ г. Лонгиновъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, XIX, 631, не могли утѣшить ни дальнѣйшіе успѣхи, ни благоволеніе императрицы, пожаловавшей Грейгу андреевскую ленту.

номъ, писанной въ іюлѣ 1788 года, извѣстный историкъ князь Щербатовъ, разсуждая объ образѣ дѣйствій правительства, жалуется на то, что публикѣ не сообщаются достаточныя свѣдѣнія о ходѣ политическихъ дѣлъ, такъ что частныя лица, слѣдя, на сколько имъ это возможно, за событіями, остаются часто въ недоумѣніи. Ему не нравится между прочимъ, что не сказано въ офиціальныхъ статьяхъ о битвѣ при Гогландѣ, „какъ корабль нашъ при продолженіи зари во всю ночь, и при свѣтѣ полныя луны, при ясной погодѣ, невидимо другими уведенъ Шведами, о сколькихъ пушекъ, какъ его имя, кто капитанъ и проч.?“ [1]). Грейгъ имѣлъ основаніе печалиться о взятіи *Владислава;* точно также онъ долженъ былъ сожалѣть и о томъ, что Шведы не рѣшились на вторую битву, которая, вѣроятно, дала бы опредѣленное направленіе ходу событій. Грейгъ не дожилъ до тѣхъ случаевъ, которые доставили бы ему, по его мнѣнію, право носить андреевскую ленту, полученную за битву при Гогландѣ.

Мы видѣли, что осада Нишлота не повела къ цѣли, которой желалъ достигнуть Густавъ, и ни на шагъ не подвинула шведское войско впередъ на пути къ Петербургу. Точно также и шведскій флотъ не могъ очистить королю путь къ столицѣ. Чтобы поправить свое положеніе, Густаву III самому оставалось сдѣлать рѣшительную попытку противъ Русскихъ, овладѣвъ Фридрихсгамомъ.

Между тѣмъ какъ Русскіе въ іюнѣ мѣсяцѣ старались собрать нѣсколько войска и расположить ихъ въ окрестностяхъ Фридрихсгама и близъ рѣки Кюмени, бывшей тогда границею между Швеціей и Россіей, Шведы готовились уже перешагнуть чрезъ границу и атаковать Русскихъ въ русской Финляндіи. Количество войска съ обѣихъ сторонъ было незначительно: и послѣ пріѣзда Густава съ нѣкото-

---

[1]) *Чтенія Московск. Общ. Истор. и Древн. Рос.*, 1860, I, 73 — 80. Намъ нельзя окончить разказъ о дѣйствіяхъ на морѣ, не указавъ на нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ иныя сочиненія. У *Вейдемейера*, II, 59, сказано, что шведскій флотъ ушелъ въ Выборгъ, вмѣсто въ Свеаборгъ. *Tannenberg*, Leben Catharina's, Lpz. 1797 года, стр. 217, говоритъ, что въ концѣ битвы вѣтеръ, перемѣнившись, разогналъ оба флота, между тѣмъ какъ былъ штиль. Въ Запискахъ Энгельгардта, въ *Русск. Вѣстникѣ*, XIX, 631, говорится о нападеніи Карла Сюдерманландскаго на Балтійскій портъ, комендантъ котораго будто бы отвѣчалъ: »Я радъ бы отворить ворота, но у меня только одна рука, да и та занята шпагою». Затѣмъ произошла битва, Грейгъ опасно раненъ и т. д. Балтійскій портъ былъ атакованъ только въ 1790 году. Комендантъ Кузьминъ, давшій такой отвѣтъ, былъ въ Нишлотѣ. Энгельгардтъ находился тогда на югѣ и составилъ свои записки позже; поэтому такія ошибки были легко возможны.

рыми полками изъ Швеціи въ Финляндію, и послѣ того какъ въ Петербургѣ были приняты нѣкоторыя мѣры для подкрѣпленія средствъ, которыми располагали въ Финляндіи главнокомандующій графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ и генералъ Михельсонъ, силы съ обѣихъ сторонъ все еще были весьма незначительны. Еще до пріѣзда Густава, между главными генералами въ Финляндіи были два графа Армфельда, которымъ было суждено играть нѣсколько болѣе важную роль въ событіяхъ похода 1788 года. К. Г. Армфельдъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, человѣкъ благороднаго, но нѣсколько слабаго характера, неохотно служилъ въ войскѣ, не отличался особенными военными способностями и въ послѣдствіи сдѣлался весьма опаснымъ королю, принявъ участіе въ конфедераціи, составленной противъ Густава и наступательной войны. Онъ постоянно находился подъ вліяніемъ окружавшихъ его лицъ и особенно поэтому сдѣлался виновнымъ въ поступкѣ, за который въ послѣдствіи долженъ былъ кончить свою жизнь въ заключеніи. Его племянникъ, Густавъ Морицъ Армфельтъ, молодой, предпріимчивый, честолюбивый, другъ короля, оставался вѣрнымъ Густаву, и въ самое опасное время похода 1788 года былъ опорою его. Самъ король— въ этомъ соглашаются его сторонники съ его антагонистами—не отличался способностями въ военномъ дѣлѣ, и какъ дилетантъ въ области тактики, желая иногда дѣйствовать самостоятельно и рѣшать запутанные вопросы стратегіи, часто портилъ дѣло и дорого платилъ за свои ошибки. Въ русскомъ лагерѣ графъ Мусинъ-Пушкинъ также не пользовался особенною извѣстностью [1]). Сама императрица въ послѣдствіи очень часто жаловалась на него и въ 1790 году замѣнила его Игельстрёмомъ и Салтыковымъ.

Главною задачей Шведовъ, послѣ того какъ они перешагнули границу, было вытѣснить Русскихъ изъ дефилеевъ, ведущихъ къ Фридрихсгаму, и приступивъ къ этой крѣпости, взять ее. Затѣмъ уже можно было отправиться далѣе. По крайней мѣрѣ въ 1788 году Густавъ считалъ взятіе Фридрихсгамской крѣпости условіемъ для даль-

---

[1]) Въ статьѣ объ императорѣ Павлѣ, *Historische Zeitschrift* II, 1. стр. 138, сказано: «Von Mussin-Puschkin wusste Katharina sehr wohl, dass er sich mit vielen Orden bei Hofe gut ausnahm, im Felde aber nur als Figurant zu gebrauchen war, und hatte ihm deshalb den General Gotthart von Knorring als Generalquartiermeister und Mentor zugesellt». Herrmann VI, 193: «Die geängstigten Einwohner von Petersburg setzten in den unerfahrenen Oberbefehlshaber der in aller Eile zusammengerafften russischen Armee, Grafen Mussin-Puschkin, nicht das geringste Vertrauen».

нѣйшаго движенія къ Петербургу. Другіе полагали, что Густавъ сдѣлалъ ошибку, потерявъ много времени подъ этою крѣпостью; но онъ и въ 1789 году повторилъ тотъ же тактическій пріемъ и только въ 1790 году вознамѣрился измѣнить его [1]).

Въ 1788 году шведское войско, назначенное въ Финляндію, было отправлено туда на шхерномъ флотѣ и прибыло къ Свеаборгу еще въ іюнѣ мѣсяцѣ (17/28 іюня). Еще до пріѣзда короля баронъ К. Г. Армфельдъ двинулся къ границѣ въ то самое время, когда въ Саволакской провинціи были открыты военныя дѣйствія. Русскіе ожидали вступленія Шведовъ въ предѣлы русской Финляндіи [2]). Дѣйствительно, въ это время Шведы переступили границу. Младшій Армфельдъ атаковалъ русскій форпостъ при Абберфорсѣ, и когда форпостъ, состоявшій изъ одного офицера и 12 рядовыхъ, отдался въ плѣнъ, онъ, перейдя чрезъ границу, занялъ мѣстечко *Питтисъ*, находящееся въ русской Финляндіи. Оттуда Армфельдъ направился по большой дорогѣ изъ Ловизы къ Фридрихсгаму и остановился въ деревнѣ *Сумма*, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Фридрихсгама. Старшій Армфельдъ между тѣмъ съ другимъ отрядомъ отправился изъ *Элиме* чрезъ *Аньяла* и *Ликала* по дорогѣ съ сѣвера также къ Фридрихсгаму и остановился въ *Гузула*. Такимъ образомъ въ первыхъ числахъ іюля, въ то время, когда случилась битва при Гогландѣ, Фридрихсгамъ былъ окруженъ шведскими войсками съ двухъ сторонъ. Король надѣялся на успѣхъ и писалъ къ графу Стедингу изъ Пейпола 7/18 іюля:

„Первыя наши дѣйствія удачны. Мой братъ взялъ два фрегата (*Гекторъ* и *Ярославецъ*), которые теперь будутъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Армфельдъ, занявъ дефилей при рѣкѣ Кюмени, теперь уже находится въ двухъ верстахъ отъ Фридрихсгама. Нашъ авангардъ занялъ всѣ проходы. Наши убили и взяли въ плѣнъ многихъ казаковъ... Сегодня я съ своимъ войскомъ буду ночевать въ Ликала, недалеко уже отъ Фридрихсгама [3]); завтра мы будемъ уже у самаго Фридрихсгама и дадимъ работы генералу Михельсону, который будетъ болѣе затрудненъ нашимъ присутствіемъ, чѣмъ самъ мѣшать намъ. Часть галернаго флота, подъ командою Розенштейна, также

---

[1]) *Ségur*, III, 415: «On ne conçoit pas pourquoi le roi croyait necessaire de faire en forme le siège d'une bicoque telle que Fréderikshamm».

[2]) Зап. Храп. 29-го іюня / 10-го іюля: «По разнымъ рапортамъ, по утру полученнымъ Шведы со стороны Пишлота, Вильманстранда и Абберфорса, намѣрены вдругъ произвесть атаку и вступить въ наши границы 28-го или 29-го числа. Михельсонъ готовится встрѣтить первый ихъ десантъ, и побивъ, оборотить на войска, сухимъ путемъ входящія».

[3]) Въ письмѣ сказано: «Ayant sa droite à cinq werstes de Fréderikshamm», между тѣмъ какъ разстояніе должно быть отъ 10 до 15 верстъ.

dпиближается къ Фридрихсгаму и служитъ авангардомъ всему галерному флоту...." [1]).

Король прибавилъ, что онъ надѣется вскорѣ написать Стедингку о взятіи Фридрихсгама.

Мусинъ-Пушкинъ послалъ въ Петербургъ извѣщеніе о приближеніи Шведовъ и сначала не зналъ о настоящемъ намѣреніи ихъ [2]). Комендантъ Фридрихсгама, Левашевъ, писалъ, что $^{8}/_{19}$ іюля одинъ отрядъ шведскихъ егерей намѣревался атаковать русскую батарею, но что онъ, Левашевъ, предупреждая такое нападеніе, оттѣснилъ ихъ назадъ, и егеря вернулись къ главной арміи, стоявшей при *Сумма* [3]). Самый гарнизонъ въ Фридрихсгамѣ считалъ свое положеніе опаснымъ. Левашевъ обратился къ Екатеринѣ съ вопросомъ, не оставить ли Фридрихсгамъ, „по причинѣ множества деревяннаго строенія, которое непріятель бомбардированіемъ зажечь можетъ. "Храповицкій, которому императрица сказала объ этомъ „за секретъ", прибавляетъ, что „сіе вышло по тому случаю, что попало въ городъ нѣсколько ядеръ 18 и 24 фунтовъ" [4]). Дѣйствительно, положеніе Фридрихсгама становилось все болѣе и болѣе опаснымъ. 24-го іюля Храповицкій пишетъ: „Предъ обѣдомъ пришла реляція графа В. П. Мусина-Пушкина, что Шведы, пробравшись чрезъ болота, вошли ночью въ форштадтъ Фридрихсгама и схватили 25 больныхъ солдатъ, не успѣвшихъ бѣжать въ крѣпость, но потомъ, бывъ встрѣчены егерями, поспѣшно прогнаты: мы получили штандартъ и плѣнили двухъ офицеровъ, кои объявили, что у нихъ положено всѣ наши посты вдругъ атаковать. Благодарили Бога.... Графъ Мусинъ-Пушкинъ пишетъ отъ 23-го іюля, что непріятель, высадя людей изъ судовъ, отрѣзалъ Фридрихсгамъ отъ дороги Выборгской.... Съ нашей стороны всѣ распоряженія къ отпору сдѣланы. 26-го получили извѣстіе при волосочесаніи, что Фридрихсгамъ уже окруженъ непріятелемъ, и Левашевъ выжегъ форштадтъ".

Храповицкій прибавляетъ, что это извѣстіе произвело на Екатерину „смутное" впечатлѣніе [5]).

---

[1]) Stedingk, Mém. I, 104.

[2]) Зап. Храп. 7-го и 8-го іюля.

[3]) Странно, что въ донесеніи Мусина-Пушкина говорится о взятіи при этомъ случаѣ въ плѣнъ барона Армфельда, «племянника главнокомандующаго». *С.-Петерб. Вѣд.*, прибавл. къ № 57. Нигдѣ болѣе не упоминается объ этомъ, хотя у Шанца сказано, что вообще были стычки съ Русскими. Вскорѣ послѣ этого Г. М. Армфельдъ оказывается въ шведскомъ лагерѣ.

[4]) «Левашевъ названъ трусомъ, велѣно на его мѣсто послать Гюнцеля (тогдашняго Выборгскаго губернатора), который лучше Фридрихсгамъ оборонить можетъ», сказано у Храповицкаго; но не смотря на это предположеніе, Левашевъ остался комендантомъ Фридрихсгама.

[5]) Современники ожидали взятія Фридрихсгама; см. *Ségur*, Tableau hist. et

Итакъ, нападеніе Шведовъ на Фридрихсгамъ наконецъ послѣдовало $\frac{\text{22-го іюля}}{\text{2-го авг.}}$ и $\frac{\text{23-го іюля}}{\text{3-го авг.}}$. Густавъ хотѣлъ одновременно атаковать крѣпость со всѣхъ сторонъ, ожидая со дня на день прибытія галернаго флота, подъ начальствомъ Анкарсверда съ десантными войсками въ числѣ 6.000 человѣкъ. По прибытіи своемъ къ Фридрихсгаму этотъ флотъ боролся съ разными затрудненіями. Страшная буря [1]) и незнаніе мѣстности долго препятствовали удачной высадкѣ, которую было предположено сдѣлать въ нѣсколькихъ верстахъ къ юго-востоку отъ Фридрихсгама, чтобы занять дефилей при *Ментлаксь*, и преградивъ такимъ образомъ Выборгскую дорогу, отрѣзать графа Мусина-Пушкина отъ Фридрихсгама. Высадка совершилась при *Бракила* при помощи находившихся уже на берегу шведскихъ войскъ, но неудачно. Для того, чтобы вывести тяжелыя орудія и аммуничныя фуры съ судовъ на берегъ и потащить ихъ по лѣсистому, гористому и болотистому берегу до большой дороги, было собрано Шведами 60 крестьянскихъ лошадей; но отрядъ, сопровождавшій этихъ лошадей, подвергся нападенію непріятеля и долженъ былъ вновь отступить. Въ донесеніи Мусина-Пушкина сказано, что Шведы, начавшіе было выходить на берегъ, „въ безпорядкѣ бросились на суда: многіе утонули, многіе побиты, между тѣмъ какъ Русскихъ только 5 человѣкъ уѣпто и 13 ранено“ [2]). При этомъ случаѣ Русскіе употребили хитрость: узнавъ, что Густавъ велѣлъ генералу Сигроту, командовавшему сухопутными войсками, которыя находились на судахъ, сообщить ему объ удачѣ высадки сигналомъ изъ двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, Русскіе дали этотъ сигналъ, и Шведы, приблизясь къ мѣсту высадки, куда не успѣли выйдти на берегъ войска Сигрота, были успѣшно атакованы Русскими [3]). Между тѣмъ сухопутныя войска сдѣлали уже попытку занять предмѣстье Фридрихсгама, гдѣ находились магазины; но и это предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, и Левашевъ, какъ мы видѣли, успѣлъ сжечь предмѣстье.

$\frac{\text{23-го іюля}}{\text{3-го авг.}}$ вечеромъ была произведена главная атака. Еще утромъ

---

polit. I. 155: Gustave pouvait s'emparer, sans coup férir, de Fréderikshamm, ville démantelée, sans munitions, et qui ne pouvait, dans ce premier moment, opposer aucune résistance».

[1]) Король былъ въ отчаяніи, видя непогоду: «Cette maudite bicoque de Fréderikshamm décidera de la suite de nos opérations», сказалъ онъ. Mémoires d'un officier suédois.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* Прибавл. къ № 63.

[3]) *Рейнъ*, l. c., 69.

этого дня войска, находившіяся на галерахъ и успѣвшія наконецъ сдѣлать высадку подъ предводительствомъ генерала Сигрота, приближались къ Фридрихсгаму по Выборгской дорогѣ. Къ вечеру, прибывъ къ городу, они начали бомбардировать его. Съ моря также была открыта пальба въ городъ съ плоскодонныхъ судовъ и наконецъ еще съ батарей, устроенныхъ на берегу при рѣкѣ Сальмисъ [1]). Теперь все зависѣло отъ успѣха канонады, отъ энергическихъ и дружныхъ дѣйствій всѣхъ частей шведскаго войска. Но именно на единодушіе, на готовность всѣхъ офицеровъ въ войскѣ сдѣлать все возможное для достиженія желанной королемъ цѣли, Густавъ менѣе всего могъ надѣяться. Въ эти роковыя минуты неудовольствіе въ войскѣ, съ давнихъ поръ питаемое въ нѣкоторыхъ кругахъ офицеровъ, обнаружилось явно и было какъ-бы приведено въ систему [2]). Въ самыя рѣшительныя минуты офицеры, и во главѣ ихъ извѣстный намъ полковникъ Гестенко, объявили, что не хотятъ исполнять повелѣнія Густава. Король въ отчаяніи далъ знать генералу Сигроту, чтобъ онъ прекратилъ нападеніе и возвратился со ввѣренными ему войсками на суда. Отступленіе къ мѣсту высадки было произведено со всевозможною поспѣшностью, и къ вечеру $\frac{24\text{-го іюля}}{4\text{-го авг.}}$ уже всѣ десантныя войска, со всѣми орудіями, опять находились на судахъ; часть ихъ была высажена на берегъ близъ Гегфорса, остальное же войско съ галерами отправилось въ Борго. Такимъ образомъ, рѣшеніе короля въ военномъ совѣтѣ почью на $\frac{24\text{-го іюля}}{4\text{-го авг.}}$ остановило военныя дѣйствія и прекратило осаду Фридрихсгама въ ту самую минуту, когда можно было ожидать успѣха. Король опять встрѣтился съ этою *нацією*, къ которой русскій посланникъ обращался съ увѣреніями о миролюбіи Россіи. Король желалъ войны, офицеры-дворяне хотѣли мира. Король имѣлъ въ виду уничтожить въ конституціи 1772 года тѣ постановленія, которыя еще ограничивали его власть; офицеры-дворяне, ссылаясь именно на эти постановленія, стояли за существующій порядокъ. Офицеры эти, нарушая интересы шведской политики, были правы въ отношеніи къ буквѣ закона; король, нарушая конституцію, считалъ себя представителемъ національныхъ интересовъ. Напрасно въ военномъ совѣтѣ нѣкоторые приверженцы короля, какъ напримѣръ, графъ

[1]) *Морск. Сборн.*, 1863, № 5. 225, 226; *Schantz*, I, 32—36; *С.-Петерб. Вѣд.* 1788 годъ, прибавл. къ № 63; *Rein*, 70, 71.

[2]) Въ изслѣдованіи о конфедераціи въ Аньялѣ (см. *Журн. Мин. Народ. Просв.* за февраль 1868 года) мы подробно указали на причины ропота офицеровъ въ войскѣ Густава III.

Шверинъ, требовали продолженія осады, утверждая, что городъ долженъ сдаться чрезъ нѣсколько часовъ. Большинство голосовъ требовало отступленія. Послѣ того еще младшій Армфельдъ утверждалъ, что онъ получилъ чрезъ лазутчиковъ извѣстіе о недостаткѣ аммуниціи въ крѣпости и о томъ, что коменданту Фридрихсгама было разрѣшено сдать крѣпость въ случаѣ крайней нужды, и на основаніи капитуляціи отступить съ войскомъ и военными снарядами къ Выборгу. Армфельдъ увѣрялъ короля, что слухъ о приближеніи генерала Михельсона съ отрядомъ въ 12.000 человѣкъ былъ ложнымъ [1]), и предлагалъ снова созвать военный совѣтъ, которому Армфельдъ представилъ планъ возобновленія военныхъ дѣйствій, составленный имъ съ необыкновенною ясностью. Дѣйствительно, было уже принято рѣшеніе, согласное съ предложеніемъ Армфельда, который вернулся къ своему отряду, отступившему уже до *Гузума*, чтобы принять надлежащія мѣры, какъ вслѣдъ за тѣмъ онъ получилъ отъ короля записку, въ которой ему было велѣно отправиться къ Гёгфорсу [2]). Король, какъ кажется, еще надѣялся сначала, что будетъ возможно возобновить военныя дѣйствія при помощи офицеровъ, оставшихся вѣрными. Въ письмѣ къ Армфельду, $\frac{\text{25-го іюля}}{\text{5-го авг.}}$, онъ предлагаетъ идти съ остатками войска [3]) къ Вильманстранду и сразиться съ генераломъ Михельсономъ. „Если мы будемъ разбиты“, говоритъ король, „то все кончено, но за нами останется честь и слава; если же мы будемъ побѣдителями, то я могу предложить миръ и безъ стыда вернуться въ Стокгольмъ“ [4]). „Если бы“, писалъ онъ къ Стединку $\frac{\text{31-го іюля}}{\text{11-го авг.}}$, „всѣ мнѣ помогали надлежащимъ образомъ, то императрица просила бы у меня мира, но ея счастье уничтожаетъ всѣ мои предположенія“ [5]).

Нѣкоторые историки обвиняли короля въ бездѣйствіи. Самъ Стединкъ въ письмѣ къ королю отъ 8-го іюля замѣчаетъ, что вслѣдствіе неподвижности королевскаго войска и военныя дѣйствія около Нишлота не могутъ идти поспѣшно; онъ умолялъ Густава дѣйство-

---

[1]) *Ségur*, Tableau etc. 155: Le général Michelson, apprenant, que Gustave était débarqué sur les côtes de Finlande et n'ayant que quinze cents hommes à lui opposer, se servit d'un vieux stratagème, fit intercepter par les postes suedois une lettre, dans laquelle il mandait au gouverneur de Fréderikshamm, qu'il avançait avec douze mille hommes. Le roi de Suède, trompé par cette lettre, se rembarqua avec précipitation.

[2]) Изъ автобіографіи Армфельда; см. *Рейнъ*, l. c., 72.

[3]) «Avec ce qui nous reste de troupes fidèles».

[4]) *Ségur*, III, 387, 388.

[5]) *Stedingk*, Mém, I, 117.

вать быстро [1]). Также и другіе современники утверждали, что Густавъ напрасно терялъ время, занимался мелочами и увлекался удовольствіями и церемоніями вмѣсто того, чтобы дѣйствовать рѣшительнѣе и отправиться прямо къ Петербургу [1]). Другіе, какъ мы уже замѣтили, порицаютъ Густава за то, что онъ считалъ слишкомъ важнымъ дѣломъ взятіе крѣпостей, лежащихъ на пути къ Петербургу [3]). И дѣйствительно, можно удивляться тому, что Густавъ недостаточно былъ знакомъ съ настроеніемъ умовъ въ своемъ лагерѣ, или что онъ, если зналъ объ опасностяхъ, его окружающихъ, не дѣйствовалъ рѣшительнѣе. Его робость, медленность его движеній объясняются только тѣмъ, что оппозиціонное настроеніе умовъ было слишкомъ распространено въ войскѣ, такъ что Густавъ не надѣялся на успѣхъ при помощи меньшинства въ войскѣ, которому пришлось бы дѣйствовать въ одно и то же время противъ революціоннаго войска и противъ Русскихъ.

Въ русскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее извѣстіе объ этихъ событіяхъ въ Финляндіи:

„24-го іюля непріятель, снявъ десантъ свой, поспѣшно сѣлъ на суда и потянулся изъ Катпласальмскаго залива за Вильнесъ, не взирая на то, что погода была ему противная; въ тотъ же вечеръ, послѣ великаго въ лагерѣ движенія, сняты палатки, и изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ только были около Фридрихсгама, войска непріятельскія ударились въ бѣгъ по дорогѣ Аберфорсской и чрезъ Снотби къ Кельтису, такъ что въ слѣдующее утро наши разъѣзды въ 12 верстахъ въ окрестностяхъ Фридрихсгама не нашли ни одного Шведа. По вѣрнымъ извѣстіямъ поспѣшный уходъ непріятеля къ своимъ границамъ послѣдовалъ частію отъ страха приближенія отрядовъ Михельсона и двухъ

---

[1]) Замѣчаніе Устрялова, что «Густавъ цѣлое лѣто ничего не дѣлалъ», несправедливо, уже потому что его пребываніе въ Финляндіи до обнаружившагося мятежа продолжалось лишь одинъ мѣсяцъ. Стединкъ пишетъ: «Il n'y a que la promptitude et le succès qui feront cesser les clameurs et donneront des alliés à Votre Majesté». I, 99.

[2]) Такъ напр. *Арндтъ*, Schwedische Geschichten.

[3]) Malgré ses défauts d'organisation et le peu de préparatifs qu'on avait fait pour cette guerre, elle aurait immanquablement réussi, si le roi, au lieu de perdre du temps devant quelques mauvaises forteresses (Frédrikshamm et Vibourg), mal garnisonnées et hors d'état de se défendre, eût brusqué leur prise ou bien, en les masquant, s'il eût marché au delà, rien ne l'empêchait avec les forces très supérieures, dont il disposait, de se rendre maître de St. Pétersbourg, et d'y dicter la paix à l'Impératrice. Mais Gustave était novice dans l'art de la guerre.... Ce sont des retards, qui donnèrent le temps aux officiers de l'armée finlandaise de former ce qu'on appelle l'union d'Anjala». Такъ пишетъ издатель записокъ Стединка, генералъ Бьернштерна. I, 77.

ротъ гренадерскихъ Тобольскаго полку, частію же отъ явнаго ослушанія финскихъ войскъ, которыя познали, что они опасностью нападенія на нихъ со стороны Россіи отъ короля обмануты и въ войну, неправедно и безъ согласія чиновъ государственныхъ въ явное нарушеніе установленій начатую, силою государемъ заведены были; и потому положили не дѣйствовать наступательно, но въ свои предѣлы возвратиться".

Однако Шведы еще не оставили русскую Финляндію. Въ самомъ югозападномъ уголкѣ ея, при *Кюменгородѣ* и *Гёгфорсѣ*, Густавъ находился какъ бы въ сильной крѣпости. Въ этомъ мѣстѣ, уже природою укрѣпленномъ, Густавъ велѣлъ строить батареи съ многочисленною артиллеріей, а къ тому же близъ праваго крыла шведскаго лагеря были плоскодонныя суда, вооруженныя большими пушками. И послѣ того какъ Густавъ къ концу августа оставилъ этотъ укрѣпленный лагерь и чрезъ Ловизу и Свеаборгъ отправился въ Стокгольмъ, шведскія войска, подъ предводительствомъ герцога Сюдерманландскаго, оставались въ Гёгфорсѣ, гдѣ впрочемъ терпѣли недостатокъ въ припасахъ до 4/15 сентября. Великій Князь Павелъ Петровичъ самъ рекогносцировалъ вмѣстѣ съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ это, какъ сказано въ донесеніи главнокомандующаго, „неудободоступное" мѣсто, и при этомъ случаѣ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Мы однако уже знаемъ (изъ изслѣдованія о конфедераціи въ Аньялѣ), что не только не были возобновлены военныя дѣйствія, но что даже тайная переписка между шведскими и русскими генералами продолжалась до окончательнаго возвращенія Шведовъ въ предѣлы шведской Финляндіи. [1]). Послѣ того какъ Шведы очистили Гёгфорсъ и

---

[1]) *Сегюръ* утверждаетъ, что Екатерина могла тогда заключить договоръ съ конфедератами, см. III, 424: «Si Catherine eut profité de ce moment, le traité une fois signé, l'armée rebelle, compromise, n'avait plus de voies ouvertes pour le repentir. Gustave aurait été réduit à capituler, et à souffrir le rétablissement de l'ancienne oligarchie, que désirait un parti aussi puissant que nombreux; mais une telle révolution devait être l'effet et non la condition du traité. Catherine trop irritée pour voir juste manqua son but en le montrant trop tôt. Elle offrit bien de consentir à un armistice et même à la paix, mais avec cette clause expresse, que l'armée forcerait le roi de rendre à la nation ses anciens privilèges. Aussi au lieu de conclure, on négocia, on réfléchit, le patriotisme murmura au fond des coeurs etc.... A défaut de paix et d'alliance, on pouvait au moins conclure une trève; le duc de Sudermanie n'y attachait d'autre condition que le débloquement de la flotte suédoise, renfermée à Sweaborg. Mais l'impératrice, craignant que cette clause ne couvrit un piège, refusa d'y consentir, de sorte que les hostilités continuèrent; et ce qu'elle appela prudence, fut regardé assez généralement comme une grande faute commise par sa fierté».

Кюменьгородъ, Мусинъ-Пушкинъ тотчасъ же велѣлъ занять эти мѣста и пограничные посты и переправы [1]).

Прочія событія похода 1788 г. не важны. И на сушѣ, и на морѣ были незначительныя стычки, не имѣвшія никакихъ послѣдствій, между тѣмъ какъ главнымъ результатомъ дѣйствій на морѣ оставалось блокированіе шведскаго флота въ Свеаборгѣ, такъ что императрица съ ироническою улыбкой сказала Сегюру: „Король нѣсколько смущенъ; народъ знаетъ, что его непобѣдимый флотъ не выходитъ изъ портовъ, между тѣмъ какъ несчастный русскій флотъ постоянно въ морѣ“.

Русскій галерный флотъ, игравшій столь важную роль въ походахъ 1789 и 1790 г., не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1788 года; часть его лишь $^{14}/_{25}$ іюля прибыла къ Фридрихсгаму и была назначена къ соединенію съ линейнымъ флотомъ. Императрица желала, чтобъ онъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября содѣйствовалъ къ вытѣсненію Шведовъ изъ укрѣпленнаго лагеря при Гёгфорсѣ. Для этой цѣли въ первыхъ числахъ сентября было сдѣлано распоряженіе отправить весь гребной флотъ, стоявшій еще близъ Петербурга, въ Финляндію. Отплытіе его замедлилось по недостатку въ провіантѣ и по случаю противнаго вѣтра [2]). Наконецъ $^{3}/_{20}$ сентября гребная флотилія отправилась, но между тѣмъ Шведы успѣли ужь очистить и остальную часть русской Финляндіи. Въ октябрѣ императрица велѣла, чтобы до заморозовъ корабли вошли въ Кронштадтъ и Ревельскую гавань [3]). Мало по малу изъ Финляндіи возвращались нѣкоторые полки въ Петербургъ [4]), а шведскія войска отправились на зимнія квартиры. Наконецъ, и шведскій флотъ могъ оставить Свеаборгскую гавань и отправиться въ Карлскрону. Онъ въ послѣднее время терпѣлъ въ Свеаборгѣ недостатокъ въ припасахъ. Русскій флотъ не допускалъ къ нему никакихъ купеческихъ судовъ. Всѣ иностранные корабли, находившіеся въ Гельсингфорсѣ, были удалены, чтобъ ограничить тамъ и въ Свеаборгѣ число потребителей. Крестьяне въ окрестностяхъ этихъ мѣстъ сами страдали отъ голода. При

---

[1]) См. прибавл. къ № 75 *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 3 (1788 г.), и мою статью о конфедераціи, l. c., 734 — 736.

[2]) Зап. Храп. 6-го сент. о неудовольствіи Екатерины.

[3]) Зап. Храп. 11-го окт.

[4]) Зап. Храп. 25-го окт.

наступленіи морозовъ, почувствовался недостатокъ въ теплой одеждѣ для солдатъ [1]). Въ Стокгольмѣ все еще надѣялись на возвращеніе флота, но когда начались морозы, то опасенія усилились [2]). Наконецъ, уже въ концѣ ноября, послѣ борьбы со всякаго рода затрудненіями, шведскій флотъ, пробывъ въ пути 17 сутокъ, прибылъ въ Карлскрону [3]). Но каковы были труды и страданія экипажей, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Зима, съ сильными холодами и снѣгомъ, началась еще $^{2}/_{13}$ октября. Все уже было приготовлено для зимовки флота въ Свеаборгѣ, какъ вдругъ генералъ-адмиралъ получилъ отъ короля повелѣніе, чтобы флотъ возвратился въ Карлскрону. Русскій флотъ по причинѣ осенней погоды удалился въ Ревельскую и Кронштадтскую гавани. Начальники шведскихъ кораблей не соглашались подвергнуть флотъ и людей столь очевидной опасности; но герцогъ Сюдерманландскій изъявилъ готовность взять всю отвѣтственность на себя, и такимъ образомъ началась мучительная работа: сначала нужно было сломать ледъ, окружавшій корабли; затѣмъ при выходѣ въ море густые туманы и страшныя бури представляли опасности для плаванія. Во время бури Карлъ велѣлъ, чтобы каждый корабль, не обращая вниманія на другіе, слѣдовалъ своимъ путемъ, и чтобы корабли шли въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Флотъ разсѣялся на три или четыре мили (шведская миля = 10 верстамъ); нѣкоторые корабли попадали на мель и получали поврежденія. Однако флотъ безъ значительныхъ потерь достигъ Карлскроны, гдѣ герцогъ Карлъ былъ принятъ съ особенною радостью [4]).

Такимъ образомъ походъ 1788 года въ Финляндію кончился безуспѣшно для Швеціи. Положеніе Густава было таково, что онъ готовъ былъ на заключеніе мира; но до заключенія мира было еще далеко. Въ ту самую минуту, когда онъ готовился оставить Финляндію, онъ узналъ о другой еще опасности, угрожавшей Швеціи, о нападеніи на

---

[1]) См. *С.-Петерб. Вѣд.* 1314. И за границею считали положеніе флота отчаяннымъ, ожидая, что на немъ появится голодъ. Изъ Копенгагена въ *С.-Петерб. Вѣд.*, 1432.

[2]) «Несчастіе оное сопровождаться будетъ непремѣнно весьма важными для насъ слѣдствіями», сказано въ письмѣ изъ Стокгольма въ *С.-Петерб. Вѣд.*, 1471.

[3]) См. подробности въ *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 2, и въ *Морск. Сб.* 1863, № 5, стр. 233.

[4]) При страшныхъ морозахъ зимою на 1789 г., изъ 600 матросовъ, по возвращеніи своемъ въ Карлскрону отправившихся на родину, 400 или отморозили себѣ руки и ноги или совсѣмъ погибли на дорогѣ; см. *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г. стр. 210.

нее со стороны Даніи. Данія считала войну Густава наступательною, раздѣляя въ этомъ отношеніи мнѣніе Екатерины и конфедератовъ. Поэтому она, согласно съ постановленіями своихъ договоровъ съ Россіей, считала себя обязанною сдѣлать диверсію въ пользу Россіи, напавъ на юго-западную Швецію. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ Густава окружали опасности: война съ Россіею не прекращалась, война съ Даніею началась, а внутри государства оппозиція дворянства могла повести къ самымъ важнымъ переворотамъ. Вопросомъ о томъ, какимъ образомъ Густавъ могъ освободиться изъ такого отчаяннаго положенія, мы займемся позже; война съ Даніею и дѣйствія другихъ державъ для возстановленія мира на сѣверѣ будутъ предметомъ нашего разбора въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ нашего разказа. Теперь же мы должны изобразить положеніе Россіи во время похода 1788 года.

V.

Положеніе Россіи во время похода 1788 года.

Опасное положеніе Прибалтійскаго края. — Административныя мѣры.

Во время похода 1788 года Россія не имѣла на сѣверѣ войска въ достаточномъ количествѣ; сверхъ того, и финансовое положеніе ея было далеко неудовлетворительно. Съ одной стороны, можно было опасаться за русскую Финляндію; съ другой, прибалтійскія провинціи, бывшія также когда-то подъ властью Швеціи, какъ казалось, находились въ большой опасности. Послѣднее обстоятельство намъ кажется особенно достойнымъ вниманія. Положительно извѣстно, что Густавъ III, открывая военныя дѣйствія противъ Россіи, мечталъ не только о возвращеніи потерянной части Финляндіи, но и о присоединеніи вновь Лифляндіи и Эстляндіи къ Швеціи. Считая себя вторымъ Густавомъ-Адольфомъ, Густавъ III хотѣлъ возвратить то время, когда Швеція господствовала почти надъ всѣми берегами Балтійскаго моря. Онъ не только хотѣлъ остановить упадокъ Швеціи, но имѣлъ въ виду и расширеніе ея территоріи; не довольствуясь однимъ возстановленіемъ королевскаго авторитета въ своемъ государствѣ, онъ домогался для Швеціи роли чуть-ли не первоклассной державы въ Европѣ. Раздѣляя желаніе другихъ европейскихъ державъ остановить дальнѣйшее расширеніе предѣловъ Россіи, онъ не могъ не желать увеличенія территоріи Швеціи на счетъ Россіи. Противодѣйствуя вмѣстѣ съ Англіей и Пруссіей предположеніямъ Русскаго кабинета въ отношеніи къ дѣламъ на востокѣ, Густавъ надѣялся и на положительныя

результаты и для себя, и для Швеціи отъ своего вмѣшательства въ Турецкую войну. Такимъ образомъ вопросъ становился общимъ: Россія боролась съ Турціей; Швеція, заступаясь за послѣднюю, сдѣлала диверсію и атаковала Россію; Данія, въ союзѣ съ Россіей, сдѣлала нападеніе на Швецію; наконецъ, Англія и Пруссія, не желая гибели Густава, своимъ вмѣшательствомъ въ эти дѣла угрожали Даніи. Сцѣпленіе обстоятельствъ не давало надежды на возстановленіе мира въ скоромъ времени. Разные общіе политическіе вопросы стояли въ самой тѣсной связи между собою. На западѣ неохотно слѣдили за успѣхами русской политики уже со времени перваго раздѣла Польши; съ опасеніемъ ожидали тамъ дальнѣйшихъ успѣховъ ея въ борьбѣ съ Оттоманскою Портой; думали, что теперь, быть можетъ, представился случай нанести ударъ Россіи на сѣверѣ. Прибалтійскій край находился въ опасности.

Весьма любопытно видѣть, какъ въ самой Лифляндіи смотрѣли тогда на положеніе дѣлъ. Извѣстный графъ Яковъ Сиверсъ, бывшій Новгородскій губернаторъ и оказавшій Екатеринѣ II важныя услуги въ дѣлахъ внутренняго управленія, а въ послѣдствіи и по вопросу о дальнѣйшихъ раздѣлахъ Польши, въ началѣ 1788 года въ письмѣ къ Екатеринѣ сообщаетъ свои соображенія о томъ, въ какомъ опасномъ положеніи находился тогда Прибалтійскій край, и какія мѣры должно было принять противъ угрожающихъ съ разныхъ сторонъ опасностей. Письмо это писано еще до полученія извѣстія о Гогландской битвѣ, въ то время, когда еще не знали ничего подробно о средствахъ, которыми располагалъ Густавъ, объ его намѣреніяхъ и объ его связяхъ съ Пруссіей и Англіей. 9-го іюля 1788 года Сиверсъ пишетъ:

„Я не могу оставаться свидѣтелемъ опасности, угрожающей вашей священной особѣ, вашей имперіи и вашей столицѣ, не сообщивъ вамъ свои объ этомъ соображенія. Ваша особа, ваша столица, ваша имперія находятся въ величайшей опасности, въ гораздо большей опасности, чѣмъ вы сами полагаете. Нельзя отрицать, что непріятелю хорошо извѣстна ваша настоящая сила, что онъ хорошо знакомъ съ мѣстностью, что онъ самъ отваженъ и надѣется на успѣхъ. Уже со времени послѣдней Турецкой войны онъ обнаруживалъ желаніе предпринять этотъ походъ; теперь же онъ имѣетъ прекрасное войско, которое, пожалуй, будетъ въ состояніи поправить уронъ прежнихъ лѣтъ, войско, во главѣ котораго находится самъ король, и которое различными путями можетъ приступить къ главной цѣли, къ столицѣ. Онъ не будетъ довольствоваться выкупными деньгами; я думаю, что онъ захочетъ надѣлать много шуму; его честолюбіе поставитъ себѣ другую цѣль: совершенное разрушеніе, разграбленіе, уничтоженіе гавани, нанесеніе послѣдняго удара имперіи. Есть нѣсколько путей, ведущихъ къ этому городу, участь котораго должна возбуждать сочувствіе всякаго вѣрнаго подданнаго. Два пути

изъ Выборга, одинъ изъ Кексгольма, одинъ вдоль по берегу Ладожскаго озера, одинъ чрезъ самое озеро. Непріятель найдетъ эти дороги и захватитъ на Ладожскомъ озерѣ много судовъ, необходимыхъ для переправы. Онъ не нуждается въ большихъ средствахъ, чтобы въ одинъ и тотъ же день уничтожить шлюзы въ Ладогѣ и Шлиссельбургѣ. Стоитъ только взорвать на воздухъ нѣсколько шлюзъ для прекращенія сообщенія по каналу. И какова была бы въ такомъ случаѣ судьба столицы, даже если бы непріятель не рѣшился обойдти Выборгъ? Однако онъ можетъ обойдти эту крѣпость. Если ваше войско будетъ находиться тамъ, то онъ съ своимъ войскомъ бросится между Петербургомъ и вашимъ войскомъ, и что тогда вамъ можно будетъ сдѣлать на разстояніи 140 верстъ, которыя можно пройдти въ три дня? Ваше Величество, вы, какъ я полагаю, имѣете войска лишь для обороны; они уменьшены еще гарнизонами въ Выборгѣ, Фридрихсгамѣ и Кексгольмѣ. Непріятель возьметъ эти города приступомъ; гарнизоны ихъ никуда не годятся (mehr als untauglich). Я предполагаю, что берега охранены вашимъ флотомъ, превосходящимъ, какъ я думаю, непріятельскій флотъ; но флотъ Вашего Величества займетъ крѣпкое положеніе для прикрытія Кронштадта и Невы. Балтійское море останется поэтому открытымъ, доступнымъ непріятелю. Берега Эстляндіи и Лифляндіи хорошо ему извѣстны. Вездѣ можно сдѣлать десантъ безъ всякаго сопротивленія. Даже нѣтъ надлежащихъ сигнальныхъ снарядовъ (Feuerbaken), чтобы дать знать заблаговременно о приближеніи непріятеля. Нѣсколько тысячъ человѣкъ будутъ въ состояніи требовать контрибуціи отъ всѣхъ городовъ и деревень, угрожая городамъ сожженіемъ предмѣстій. Наши три укрѣпленныя мѣста могли бы, при снабженіи ихъ хорошими гарнизонами и достаточными военными снарядами, противустоять непріятелю. Но такъ какъ они, не смотря на усилія, сдѣланныя въ теченіе послѣднихъ недѣль, не имѣютъ гарнизоновъ, то ихъ значеніе равняется нулю; ихъ можно взять, напавъ на нихъ въ расплохъ. Гарнизонныя войска состоятъ изъ инвалидовъ, которые тридцать лѣтъ сряду не имѣли въ рукахъ оружія, и изъ которыхъ лучшіе умѣютъ только косить сѣно. Одна Рига нуждалась бы въ 6.000 человѣкъ для защиты, Дюнамюнде въ 1.500, Пернава въ 2.000, Ревель въ 3.000. Между тѣмъ во всемъ краѣ имѣется не болѣе двухъ полковъ, и значительныя части ихъ получили уже другое назначеніе. Я не знаю, въ какой мѣрѣ рекруты замѣняютъ выбывшихъ солдатъ. Для меня крайне прискорбно объявить Вашему Величеству, что въ случаѣ высадки семи или восьми тысячъ человѣкъ Шведовъ, они займутъ обѣ провинціи съ ихъ укрѣпленными городами въ продолженіе трехъ недѣль. Но еще болѣе я сожалѣю объ участи столицы, центра правленія. Чѣмъ лучше непріятелю извѣстно настоящее положеніе средствъ къ оборонѣ, тѣмъ смѣлѣе онъ будетъ дѣйствовать. Обойдя крѣпости, онъ подвинется впередъ.

„Я предлагаю принять слѣдующія мѣры: приказать привезти на почтовыхъ всѣ регулярныя, походныя, гарнизонныя и штабныя войска, находящіяся въ имперіи, всѣхъ способныхъ носить оружіе. Во время Пугачевскаго бунта, когда мой другъ Бибиковъ шелъ съ войсками изъ Нарвы чрезъ Новгородскую губерніи, я предоставилъ ему подводы, и они проѣхали 280 верстъ въ 6 дней, изъ Новгорода въ Вышній-Волочекъ 250 верстъ въ 4 дня, 190 верстъ до Твери въ 3 дня. Далѣе необходимъ общій рекрутскій наборъ и самыя строгія

распоряженія относительно недоимочныхъ рекрутъ, если таковые, какъ можно ожидать, окажутся. Пунктами для собранія рекрутъ я предлагаю: Вытегру, Вологду, Ярославль, Устюжну, Тихвинъ, Вышній-Волочекъ, Новгородъ, Сольцы и Псковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ удобны для транспортовъ водою. Въ каждой губерніи должно образовать одинъ или два батальйона изъ рекрутъ или волонтеровъ. Ветераны должны обучать ихъ ратному дѣлу. Въ баталіонахъ еще найдутся многіе офицеры, годные къ службѣ. Въ штабахъ всѣ офицеры годятся. Драгуны весьма скоро образовали бы отрядъ въ 2000 человѣкъ. Ихъ старые сюртуки годились бы на годъ. Война такъ долго продолжаться не будетъ. Каждому дворянину, бывшему на службѣ, должно сдѣлать предложеніе вновь вступить въ службу съ чиномъ, который онъ имѣлъ при ея оставленіи. Имъ нужно обѣщать, кромѣ чрезвычайныхъ наградъ, увольненіе чрезъ нѣсколько лѣтъ съ пенсіей, состоящею, изъ половиннаго жалованья, и съ повышеніемъ въ слѣдующій чинъ. Дворянъ, служившихъ унтеръ-офицерами, можно опредѣлить офицерами. Добровольно поступающимъ въ рекруты должно обѣщать разныя права, льготы и выгоды. Олонецкая губернія, я думаю, могла бы поставить легко до пяти или шести тысячъ волонтеровъ-матросовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть была бы плотниками. Далѣе я совѣтовалъ бы сдѣлать сборъ хлѣбомъ, а не деньгами, и къ тому же умѣренный. Наконецъ, нужно еще дозволить лицамъ купеческаго сословія пріобрѣтать имѣнія и даровать крѣпостнымъ право покупать себѣ освобожденіе отъ крѣпостнаго состоянія, примѣрно, за 180 рублей съ каждаго. Такія средства уменьшатъ со временемъ финансовыя затрудненія, между тѣмъ какъ новая война, конечно, вредно подѣйствуетъ на государственный кредитъ. Уже и безъ того безпредѣльное умноженіе ассигнацій произвело упадокъ въ цѣнѣ послѣднихъ; поэтому никакъ не должно думать о дальнѣйшемъ умноженіи ихъ.... Ваше Величество можете разчитывать на жителей всѣхъ городовъ; за то крестьяне, притѣсняемые своими господами и военною администраціей, такъ и ждутъ удобной минуты, чтобы начать смуты. Ваше Величество сами видѣли, при безпорядкахъ по случаю сбора подушной подати, какъ не трудно подговорить нашихъ крестьянъ къ возмущенію. Одному злодѣю вздумалось объявить, что уплатою подушной подати можно получить свободу, и все пришло въ смущеніе. Если бы, къ несчастію, непріятелю пришло въ голову въ своемъ манифестѣ объявить, что онъ даетъ крестьянамъ свободу, то каждый владѣлецъ крестьянъ, не успѣвшій спастись бѣгствомъ, былъ бы подвергнутъ страшнымъ опасностямъ. Немногіе уцѣлѣли бы.... Отъ себя я прибавлю, что не смотря на мои преклонныя лѣта, я, равно какъ и каждый другой Лифляндецъ, готовъ жертвовать для васъ всѣми моими силами и остальною жизнію“.

Спустя нѣсколько дней, еще до полученія отвѣта императрицы на предыдущее письмо, Сиверсъ писалъ ей еще разъ, послѣ того какъ узналъ объ условіяхъ мира въ запискѣ Густава, переданной Шлафомъ 1-го іюля:

„Съ крайнимъ негодованіемъ узналъ я о безстыдныхъ требованіяхъ вашего враждебнаго сосѣда. Гнусность его поведенія достаточно показываетъ, что онъ намѣренъ подкопать основы этой имперіи и разрушить столицу. Не

сомнѣвайтесь въ томъ, что каждый вѣрный подданный будетъ въ озлобленіи, въ особенности же жители моей Новгородской губерніи, Тверской, Олонецкой и Псковской губерній. Обратитесь къ нимъ, Ваше Величество, въ виду такой существенной нужды. Я только-что прочелъ воззваніе графа Брюса къ жителямъ Ингерманландіи. Оно, конечно, подѣйствуетъ; но я желалъ бы, чтобы Ваше Величество сами обратились къ вашимъ подданнымъ и говорили бы съ ними, какъ мать съ дѣтьми. Я совѣтую сдѣлать такъ теперь же. Что же касается до меня, то я приказалъ моему арендатору въ Ингерманландіи выбрать двѣнадцать человѣкъ молодыхъ, здоровыхъ крестьянъ, одѣть ихъ, снабдить ихъ хлѣбомъ на 8 дней и дать имъ по десяти рублей и затѣмъ отправить ихъ немедленно въ надлежащее мѣсто. Если бы во всѣхъ вышеупомянутыхъ губерніяхъ сдѣлали то же самое, то это уже составило бы для Вашаго Величества войско въ 40.000 человѣкъ. Я не могу предложить подобныхъ мѣръ для Лифляндіи или Эстляндіи: за то тамъ можно сдѣлать воззваніе къ дворянству и наборъ охотниковъ. Тогда нашлось бы порядочное количество желающихъ. Урожай будетъ довольно хорошій. Ваше Величество можете смѣло требовать сбора четверти хлѣба съ каждой души. Жалѣю, что я уже не молодъ и не въ силахъ, и что я болѣе не губернаторъ Новгородскій.... Въ моемъ послѣднемъ письмѣ, говоря о различныхъ путяхъ къ Петербургу, я забылъ упомянуть о самой опасной дорогѣ, а именно — о меляхъ между Кронштадтомъ и Сестербекомъ. Канонерскія шлюпки тамъ легко могутъ пройдти, а можетъ-быть, и галеры. Я знаю это отъ адмирала Мордвинова, объяснившаго мнѣ случайно подробности этой части залива“.

Графу Брюсу Сиверсъ писалъ въ то же время:

„Еслибъ я былъ теперь тѣмъ, чѣмъ былъ прежде (то-есть, губернаторомъ Новгородскимъ), то я ужъ стоялъ бы теперь у самыхъ воротъ столицы съ 20.000 человѣкъ войска, а затѣмъ подоспѣлъ бы въ непродолжительномъ времени и еще такой же отрядъ“ [1]).

Итакъ, Сиверсъ имѣлъ въ виду опасность, угрожавшую столицѣ и Балтійскимъ провинціямъ; главными затрудненіями онъ считалъ недостатокъ войска и недостатокъ денегъ.

Дипломаты иностранныхъ державъ, находившіеся тогда въ Петербургѣ, могли узнать кое-что о томъ, какъ императрица сама думала объ опасности, угрожавшей Петербургу. Одинъ изъ нихъ разказываетъ, что Екатерина велѣла спросить генерала Михельсона, можетъ ли она безопасно оставаться въ Петербургѣ, и получила на это отвѣтъ, что пока опасности нѣтъ. Этотъ же современникъ разказываетъ, что день и ночь были наготовѣ 500 лошадей, назначенныхъ къ перевозкѣ императрицы и двора изъ Петербурга въ Москву въ случаѣ надобности [2]). Сегюръ подробно разказываетъ въ своихъ запискахъ о томъ, какъ онъ узналъ объ этомъ слухѣ, какъ онъ самъ спросилъ

[1]) См. приведенныя письма въ соч. Блюма, Ein russ. Staatsmann, II, 488—50.

[2]) Archenholtz, *Minerva*, 1798, IV, 478 — 479.

Екатерину, справедливо ли извѣстіе, что она намѣрена тотчасъ же отправиться въ Москву, и какъ она увѣряла его, что и не думаетъ оставлять столицу [1]). Но хотя императрица и увѣряла всѣхъ дипломатовъ, что не думаетъ ѣзжать въ Москву, однакожь были приняты нѣкоторыя мѣры къ спасенію нѣкоторыхъ вещей, архивовъ и пр. Изъ записокъ Храповицкаго видно, что при дворѣ вполнѣ сознавали опасность, грозившую Петербургу; тамъ знали, что Густавъ намѣренъ былъ „сдѣлать десантъ при Красной Горкѣ, сжечь Кронштадтъ, взять Петербургъ и опрокинуть статую Петра I“, и мысль о возможности взятія Кронштадта не давала покою Храповицкому. Императрица день и ночь работала для принятія надлежащихъ мѣръ и жаловалась на множество работъ и заботъ [2]). 20-го іюля она писала къ Циммерману: „Петербургъ теперь имѣетъ видъ мѣста сраженія, да и я сама живу какъ будто въ главной квартирѣ“ [3]). Въ разговорѣ съ Храповицкимъ Екатерина жаловалась: „Привыкла къ дѣламъ, имѣла дѣла большія, умѣю крѣпиться, но нельзя до сентября быть спокойною; по любви къ отечеству и по природной чувствительности нельзя теперь не безпокоиться“ [4]). И здоровье императрицы страдало въ то время отъ волненія [5]). Она считала, дѣйствительно, возможнымъ прибытіе Шведовъ въ Петербургъ. 1-го іюля она замѣтила, что въ такомъ случаѣ „въ Петербургѣ Шведовъ замечутъ каменьями съ мостовой“ [6]). Изъ записокъ Сегюра мы знаемъ, что въ столицѣ были приняты мѣры для обороны въ крайнемъ случаѣ [7]).

---

[1]) *Ségur*, Mém., III, 374 — 376.

[2]) «Столько же бумагъ, какъ у командующаго генерала». См. Зап. Храпов., 15-го іюля.

[3]) Сочиненія Екатерины, III, 461.

[4]) Зап. Храп. 23-го іюня.

[5]) Она жаловалась Храповицкому на разстройство своего здоровья отъ заботъ. Зап. Храп., 23-го іюня.

[6]) Зап. Храповицкаго.

[7]) «A chaque instant, nous croyions le (Густава) voir arriver.... le trouble, l'agitation régnaient dans cette capitale: on ramassait, on équipait, on exerçait à la hâte la plupart des cochers, des domestiques, des ouvriers de la ville, jeunes ou vieux. J'ai encore une caricature de cette époque, où l'on représentait assez plaisamment ces grotesques et colossales recrues, formés à la marche et à l'exercice par des enfants tirés de l'école militaire impériale, qui montaient sur des chaises et sur des bancs pour redresser le cou, la tête, la poitrine de ces rustres gigantesques, à grandes barbes, et pour leur placer le fusil sur l'épaule». *Ségur*, III, 372 — 373. — О казармахъ, построенныхъ во время Шведской войны, напримѣръ, въ 14-ти верстахъ отъ Петербурга по Финляндской дорогѣ, писала Екатерина Архарову; см. *Русск. Архивъ* 1864 г., стр. 915.

Опасенія относительно Балтійскихъ провинцій также сильно безпокоили императрицу. Хотя она, какъ уже видно изъ вышеприведеннаго письма Сиверса, могла въ своемъ возраженіи на шведскую декларацію хвалиться тѣмъ, что „Лифляндцы и Эстляндцы приняли тотчасъ же мѣры въ доказательство своего усердія и вѣрности имперіи и императрицѣ“, тѣмъ не менѣе она обвиняла Густава въ намѣреніи завладѣть Лифляндіей и Эстляндіей и жаловалась на обѣщанія, данныя имъ дворянамъ этихъ провинцій, отъ которыхъ „на шведскомъ флотѣ ежедневно ожидали депутатовъ“ [1]). Въ тоже время генералъ-губернаторъ въ Ревелѣ просилъ прислать къ нему одинъ или два полка „для удержанія крестьянъ въ должномъ порядкѣ, ибо оказываются не хотящіе работать и ожидающіе Шведовъ“ [2]). Какъ изъ вышеприведеннаго письма, такъ и изъ записокъ Сегюра мы знаемъ, что въ Лифляндіи было только два полка [3]). А потому при дружескихъ сношеніяхъ, бывшихъ тогда между Швеціей и Пруссіей, эти области легко могли подвергнуться нападенію со стороны Пруссіи, желавшей препятствовать успѣхамъ русскаго оружія и русской дипломатіи. Мы не знаемъ, въ какой степени сообщеніе плѣннаго графа Вахтмейстера полиціймейстеру Еропкину, „что король Густавъ не хотѣлъ входить въ нашу Финляндію, доколѣ Прусскій король не введетъ чрезъ Курляндію 60.000 человѣкъ въ Лифляндію“, основано на какихъ-либо обѣщаніяхъ прусскаго кабинета, дѣйствовавшаго въ продолженіе всего этого времени довольно осторожно; но мы знаемъ, что особенно осенью 1788 года обнаружилось сильное нерасположеніе Пруссіи къ Россіи, и что не разъ въ продолженіе войны Прибалтійскій край былъ предметомъ опасеній Екатерины [4]).

При такихъ опасностяхъ и затрудненіяхъ Екатерина должна была думать о средствахъ помочь недостатку въ военныхъ снарядахъ, въ войскѣ и въ деньгахъ. Множество распоряженій, сюда относящихся, встрѣчаются между дѣловыми бумагами, въ запискахъ и письмахъ императрицы и въ дневникѣ Храповицкаго. Вездѣ мы видимъ инициативу самой Екатерины. Она знаетъ обо всемъ, она заботится о всѣхъ даже мелочахъ. Хотя она и жаловалась на множество дѣлъ и заботъ,

---

[1]) *Колотовъ*, III, 306 — 307.

[2]) Зап. Храповицкаго, 16-го іюля 1788 года.

[3]) *Ségur*, III, 372.

[4]) Въ *С.-Петерб. Вѣд.* встрѣчается замѣтка, указывающая на то, что нѣкоторые жители Балтійскихъ провинцій во время войны выселились въ самую Швецію; стр. 1359.

но была въ правѣ сказать въ послѣдствіи: „У всѣхъ тряслись губы, а моя твердость все спасла“ [1]). По окончаніи войны она, съ удовольствіемъ вспоминая объ этомъ времени, сказала: „Я правила всѣмъ, какъ командующій генералъ, и много было заботъ, и буде бы нужда потребовала, въ послѣднемъ батальонъ-каре сама бы голову положила. Я никогда не трусила“ [2]).

Не ранѣе, какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1788 г., когда уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ намѣреніяхъ короля, были приняты чрезвычайныя мѣры для обороны. Было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ батарейныхъ мостовъ въ крѣпостяхъ Финляндіи и Лифляндіи [3]), объ усиленіи флота, который долженъ былъ состоять изъ 48 кораблей и 100 галеръ [4]), о доставленіи изъ казенныхъ аптекъ лѣкарствъ всѣмъ полкамъ [5]), о постройкѣ, „для предосторожности отъ непріятеля“, маяковъ по всему финляндскому берегу отъ Систербека до Выборга и по берегамъ Ингерманландіи [6]). Была открыта подписка на добровольную поставку рекрутъ, которымъ, равно какъ и бывшимъ владѣльцамъ ихъ, жаловались особенныя права [7]). Кто добровольно вступалъ въ рекруты, тотъ освобождался отъ возможности попасть въ наборъ въ продолженіе двадцати слѣдующихъ наборовъ; притомъ по окончаніи войны каждый вступающій теперь въ войско освобождался отъ дальнѣйшей военной службы. При этомъ добровольномъ наборѣ не употребляли „бритья лбовъ“ [8]).

Уже и прежде Тверскому и Новгородскому губернатору, П. П. Архарову, императрица велѣла „переписать заштатныхъ церковниковъ, дабы они праздно и въ тягость обществу не оставались, для пополненія полевыхъ полковъ и пограничныхъ гарнизоновъ“; также она приказала „отослать всѣхъ людей, объявившихъ себя выходцами изъ-за границы, но обращающихся въ праздности и никуда еще не записавшихся, чрезъ городскую и сельскую полицію въ ближайшія военныя команды для причисленія ихъ въ службу воинскую“. Въ іюнѣ императрица писала къ Архарову: „Постарайтесь набрать одинъ или же два конные эскадрона изъ праздношатающихся“. Другой разъ Арха-

[1]) Зап. Храп., 24-го авг. 1788 г.
[2]) Зап. Храп., 22-го августа.
[3]) П. С. З., XXII, № 16677, 13-го іюня 1788 г.
[4]) П. С. З., XXII, № 16678, 24-го іюня 1788 г.
[5]) П. С. З., XXII, № 16693.
[6]) П. С. З., XXII, № 16704.
[7]) П. С. З., XXII, 16681.
[8]) П. С. З., XXII, 16682.

рову поручено „сформировать 2.000 казаковъ изъ ямщиковъ, уп - бивъ къ ихъ обученію казацкаго старшину“, а еще другой разъ: „набрать поболѣе къ службѣ годныхъ Цыганъ, коп бы годились въ гусары“. Архаровъ же долженъ былъ заботиться объ употребленіи шведскихъ плѣнныхъ матросовъ на судахъ по водяной коммуникаціи, о доставкѣ лошадей и повозокъ для армейскаго подвижнаго магазина, о постройкѣ судовъ для умноженія гребнаго флота, о наборѣ лоцмановъ для военнаго флота, о покупкѣ лошадей для конницы и т. д. [1]).

Предложеніе о добровольной подпискѣ на поставку рекрутъ имѣло нѣкоторый успѣхъ. 3-го іюля Екатерина писала къ Потемкину:

„У насъ въ народѣ превеликая злоба противъ Шведскаго короля сдѣлалась, и пѣть рода брани, которымъ бы его не бранили большіе и малые; солдаты идутъ съ жадностью; говорятъ — вѣроломца за усы приведемъ; другіе говорятъ, что войну окончатъ въ три недѣли, просятъ идти безъ отдыха; однимъ словомъ, диспозиція духовъ у насъ и въ его войскѣ къ моей пользѣ. Трудно сіе время для меня, это правда; но что дѣлать? Надѣюсь въ короткое время получить великое умноженіе, понеже отовсюду везутъ людей и вещей“.

Послѣ сраженія при Гогландѣ Екатерина писала (13-го іюля) къ нему же:

„Усердіе и охота народная противъ сего непріятеля велика; не могутъ дождаться драки, рекрутъ ведутъ и посылаютъ отовсюду; одно село мое, Рыбачья слобода, прислала добровольныхъ охотниковъ 65, а всего ихъ 1.300 душъ [2]). Царское Село возитъ подвижные магазины. Тобольскому полку мужики давали по 700 лошадей на станціи. Здѣшній городъ далъ 700 не очень хорошихъ рекрутъ добровольною подпиской [3]); какъ услышали сіе на Москвѣ, пошла подписка, и Петръ Борисовичъ (Шереметевъ) первый подписалъ 500 человѣкъ. Островъ Эзель прислалъ (ты скажешь: куда коп съ коньтомъ, туда и ракъ съ клешней), дворянство и жители, что сами вооружатся и просятъ только 200 ружей и нѣсколько пороху. Здѣсь жары такъ велики были, что на термометрѣ на солнцѣ было 39½°. Въ сей духотѣ въ городѣ сидя, я терпѣла духоту еще по шведскимъ дѣламъ. Въ день баталіи морской, 6-го іюля, духъ пороха здѣсь въ городѣ слышенъ былъ: ainsi j'ai aussi senti le poudre“ [4]).

---

[1]) См. *Русск. Архивъ* 1864 г., 875 — 915.

[2]) У Храповицкаго 23-го іюня сказано: «Въ совѣтѣ предложатъ о добровольной подпискѣ въ Петербургѣ на дачу рекрутъ; тутъ наберется 1000 человѣкъ, и въ недѣлю все кончится».

[3]) Можетъ-быть, къ нимъ относятся каррикатуры, о которыхъ пишетъ Сегюръ, см. выше.

[4]) См. *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 1. с. Послѣднее обстоятельство кажется невозможнымъ. Разстояніе отъ мѣста сраженія около острова Гоглапда до Петербурга 180 верстъ.

Но что при всемъ томъ Екатерина недостаточно надѣялась на результаты добровольной поставки рекрутъ, видно изъ того, что въ то время многіе колодники и каторжники были прощены для употребленія ихъ на флотѣ и въ войскѣ [1]). Уже 12-го іюля, послѣ такихъ стараній, можно было поднести императрицѣ вѣдомость о находившихся въ Финляндіи 3.000 человѣкъ конницы и 17.000 человѣкъ пѣхоты [2]). При раздорѣ въ шведскомъ лагерѣ и при медленности дѣйствій Густава такое вооруженіе на первый случай было достаточно, хотя шведское войско, находившееся въ Финляндіи, и считалось вдвое сильнѣе. Не ожидая столь скораго окончанія военныхъ дѣйствій въ 1788 году и не зная о мятежѣ въ войскѣ противъ Густава, Екатерина распорядилась было о рекрутскомъ наборѣ; но получивъ извѣстіе объ обнаружившейся оппозиціи офицеровъ-дворянъ, написала къ Архарову:

„Всемилостивое благоволеніе Тверскому и Новгородскому дворянству за вызовъ еще дать по одному рекруту со ста душъ, но теперь не настоитъ надобности безпокоить помѣщиковъ преждевременнымъ взятіемъ отъ нихъ рекрутъ“ [3]).

Между тѣмъ какъ близъ Фридрихсгама волненіе войска, по крайней мѣрѣ на время, положило конецъ предположеніямъ Густава III объ униженіи Россіи, въ Петербургѣ еще продолжались распоряженія, относившіяся къ средствамъ обороны. Съ удовольствіемъ императрица разказала тогда Храповицкому, что австрійскій посланникъ Кобенцель и графъ Сегюръ,

„въ обыкновенномъ въ вечеру разговорѣ, дивились скорости, съ которою мы встрѣтили Шведскаго короля. Графъ Сегюръ подтвердилъ прежнія слова ея величества, *qu'un grand empire a de grandes ressources;* онъ же удивлялся медленности короля Шведскаго въ начатомъ дѣлѣ“ [4]).

Въ послѣдствіи, по окончаніи войны, бесѣдуя съ посланникомъ Густава III, графомъ Стедингомъ, объ опасности, угрожавшей во время войны Петербургу, Екатерина замѣтила: „Отступивъ отъ Петербурга, я дала бы битву близъ Новгорода, затѣмъ близъ Москвы, затѣмъ у

---

[1]) Зап. Храп., 2-го іюня: «Изъ содержащихся въ кригерехтѣ отъ польскихъ полковъ прощено 96 человѣкъ, для укомплектованія здѣшнихъ командъ». 4-го іюля: «Поднесъ вѣдомости графа Чернышева о арестантахъ по морской службѣ и подписанъ заготовленный мною указъ, чтобы простить 153 человѣка для укомплектованія кораблей, къ Грейгу посылаемыхъ».

[2]) Зап. Храп. 12-го іюля.

[3]) *Русскій Архивъ* 1864 г., стр. 915.

[4]) Зап. Храп., 23-го іюля.

Казани, затѣмъ у Астрахани, а затѣмъ мы бы еще увидѣли. Думаете ли вы, что король могъ бы слѣдовать за мною туда?“ [1]).

Но до этого не дошло, и въ тотъ же самый день, когда Екатерина узнала о серіозно начавшейся осадѣ Фридрихсгама, — извѣстіе, которое, какъ видно изъ записокъ Храповицкаго, произвело на нее непріятное впечатлѣніе, — она узнала и объ отступленіи шведскихъ войскъ. Каковы были опасенія Екатерины до этого извѣстія, видно изъ замѣчанія Храповицкаго, что по полученіи рапорта генерала Гюпцеля объ отступленіи Шведовъ вслѣдствіе „неповиновенія отъ финскаго войска... въ ономъ признано пособіе Божіе“ [2]). Пріѣздъ шведскаго офицера Егергорна въ Петербургъ, открытіе переговоровъ съ конфедератами, блокада шведскаго флота въ Свеаборгѣ, открывшаяся въ то время надежда, что Данія начнетъ рѣшительныя дѣйствія противъ Швеціи, и возвращеніе Густава въ Стокгольмъ, все это было противоположно опасному положенію, въ которомъ еще недавно находились и русская Финляндія, и Петербургъ, и Балтійскія провинціи. 1-го августа императрица замѣтила Храповицкому, какая была разница между 1-мъ августа и 1-мъ іюля [3]) (1-го іюля Шлафъ передалъ ноту). Съ тѣхъ поръ все измѣнилось.

VI.

Война Даніи съ Швеціей.

Приготовленія Даніи къ войнѣ. — Дипломатическія дѣйствія Пруссіи и Англіи. — Мѣры, принятыя Густавомъ для обороны. — Походъ въ юго-западную Швецію. — Элліотъ и Густавъ въ Готенбургѣ.

На основаніи договора 1773 года Данія была обязана въ случаѣ нападенія, сдѣланнаго на Россію, прислать ей на помощь шесть линейныхъ кораблей, три фрегата и 12.000 человѣкъ сухопутнаго войска. Поэтому въ Даніи съ большимъ вниманіемъ слѣдили за вооруженіями Швеціи весною 1788 года; поэтому и Густавъ III лѣтомъ въ Финляндіи старался начать военныя дѣйствія такимъ образомъ, чтобы казалось, что не онъ, а Россія нарушаетъ миръ. Отъ рѣшенія этого внѣшняго, формальнаго юридическаго вопроса могла зависѣть участь Швеціи. Сосредоточивъ свои силы въ Финляндіи и надѣясь на сохраненіе мира съ Даніей, Густавъ сначала не думалъ о защищеніи за-

[1]) *Sted.*, Mém. I. 79.

[2]) Зап. Храп., 27-го іюля.

[3]) Зап. Храп., 1-го августа.

падной Швеціи. Его старанія еще до 1788 г. разорвать связь между Даніей и Россіей не увѣнчались успѣхомъ; его путешествіе въ Копенгагенъ въ началѣ 1788 года также не достигло желанной цѣли. Только крайняя осторожность при начатіи военныхъ дѣйствій въ Финляндіи могла спасти Швецію отъ вторженія въ ея предѣлы датскихъ войскъ, которыя эта держава должна была выставить на помощь Россіи.

Между тѣмъ какъ весною 1788 г. въ Швеціи готовились къ войнѣ, въ Даніи узнавали обо всемъ, о вооруженіи флота, о собираніи войска. Во всякомъ случаѣ датскій кабинетъ долженъ былъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Тамъ тотчасъ же распорядились объ оснащеніи шести линейныхъ кораблей [1]); каждый день происходили засѣданія въ тайномъ совѣтѣ [2]); 3.000 человѣкъ матросовъ были вызваны изъ Норвегіи [3]). Между тѣмъ узнали о началѣ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, и открытіе послѣднихъ со стороны Швеціи „произвело немалое удивленіе“ въ Копенгагенѣ, какъ сказано въ газетномъ извѣстіи изъ этого города [4]). Датскій кабинетъ считалъ себя обязаннымъ исполнить свое обѣщаніе предъ Россіей. Принцъ Карлъ Гессенскій, датскій фельдмаршалъ, самъ переписывался съ королемъ Шведскимъ по предмету предстоящей войны. Онъ же въ Даніи стоялъ за Россію [5]). Еще до начала войны принцъ Карлъ Гессенскій писалъ Густаву:

„Если бы вы слѣдовали моему совѣту, то опустили бы полуобнаженный мечъ опять въ ножны и погушили бы пожаръ, который иначе легко можетъ объять пламенемъ всю Европу. Вы, конечно, не захотите, чтобы кровь невинныхъ лилась ручьями, которые ранѣе или позже обратились бы непремѣнно противъ вашего же государства; какъ скоро Россія заключитъ миръ съ Турціей, Швеція не будетъ въ состояніи долгое время выдержать тяжелое бремя войны, даже въ случаѣ успѣховъ...“ [6]).

Густавъ однако настоялъ на своемъ, и война въ Финляндіи началась. Данія вооружалась, когда шведскій посланникъ, баронъ Спренгтпортенъ, еще находился въ Копенгагенѣ. Послѣдній по-

---

[1]) См. *С.-Петерб. Вѣд.* 1788 г., 685.

[2]) Тамъ же, 720.

[3]) Тамъ же, 865.

[4]) Тамъ же, 954.

[5]) *Horst*, 91. Wehe der Macht, sagt Prinz Carl, die nur auf gegenwärtige Convenienzen sieht, und dabei kleinmüthiger Weise der alten Verbindlichkeiten vergisst! So dachte wahrscheinlich das ganze dänische Ministerium.

[6]) Denkw. des Pr. v. Hessen, 95.

этому считалъ необходимымъ требовать отъ датскаго кабинета объясненія по вопросу о вооруженіи Даніи, замѣчая, что король Густавъ никогда не считалъ возможнымъ, чтобъ и Данія стала непріятелемъ Швеціи. Такое выраженіе могло считаться чуть-ли не равноспльнымъ объявленію войны, и потому датскій кабинетъ тотчасъ же отправилъ курьера въ Швецію, чтобъ узнать подробнѣе о намѣреніяхъ короля. Одновременно съ этимъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы нѣсколько полковъ были каждую минуту готовы выступить въ походъ. Шведскому посланнику въ Копенгагенѣ была передана записка съ объявленіемъ, что императрица, послѣ сдѣланнаго на нее нападенія со стороны Швеціи и открытія военныхъ дѣйствій на морѣ и на сухомъ пути, требуетъ исполненія договора съ Даніей, то-есть, отправленія вспомогательныхъ войскъ противъ Швеціи, и что Датскій король намѣренъ предоставить въ распоряженіе императрицы часть датскихъ войскъ и военныхъ судовъ [1]). Въ то же самое время, въ началѣ августа, находившимся при датскомъ дворѣ иностраннымъ министрамъ было объявлено, что король Датскій „по нѣкоторымъ обстоятельствамъ видитъ себя въ необходимости обратить оружіе свое противъ Швеціи". Спренгтпортену графъ Бернсторфъ, датскій министръ, объявилъ, что со стороны Даніи сдѣлано все возможное для сохраненія мира, но что она должна теперь исполнить постановленія договора съ Россіей, искренно желая впрочемъ скорѣйшаго возстановленія мира [2]). И дѣйствительно, и въ Швеціи, и въ Даніи тогда надѣялись еще на сохраненіе мира; изъ Копенгагена 26-го августа писали: носятся слухи о томъ, что миръ между Швеціей и Норвегіей не будетъ нарушенъ. Но уже вскорѣ послѣ того пошли другіе слухи: „*Кажется*, что со стороны Даніи поднимаются тучи" [3]). И въ самомъ дѣлѣ, въ Даніи распорядились объ усиленіи флота, объ учрежденіи военной коммиссіи, и наконецъ объ, отправленіи войскъ изъ Даніи въ Норвегію, а оттуда въ Швецію.

Россія разчитывала на помощь Даніи. То обстоятельство, что Швеція должна была воевать и на востокѣ, и на западѣ, представляло большія выгоды. Уже и безъ того Екатерина надѣялась на успѣшныя дѣйствія эскадры вице-адмирала Дезина, которому было поручено соединиться съ эскадрою контръ-адмирала Повалишина, шедшаго изъ

---

[1]) *Horft*, 92, 93; *С.-Пет. Вѣд.*, 983; *St.-Petersb. Zeitg.*

[2]) *St.-Pet. Zeitg.*, 5 Sept. Aus Kopenhagen, 19 August.

[3]) *St.-Pet. Zeitg.*

Архангельска вокругъ Норвегіи въ Балтійское море, и буде возможно, въ соединеніи съ датскимъ флотомъ напасть на Готенбургъ, Марштрандъ и другія мѣста въ юго-западной Швеціи [1]). Въ началѣ іюля въ Петербургѣ съ удовольствіемъ получили извѣстіе, что „Датчане начали дѣйствительно вооружаться“ [2]). Когда послѣ обнаружившейся оппозиціи финляндскихъ офицеровъ открылась возможность заключенія мира съ Густавомъ въ непродолжительномъ времени, графъ Безбородко не совѣтовалъ „входить въ переговоры съ вѣроломнымъ королемъ, дабы не остановить Датчанъ“ [3]). Тогда въ Петербургѣ, узнавъ о пребываніи Густава въ Гёгфорскомъ укрѣпленіи, изъ котораго русскимъ войскамъ велѣно было его „выжить“, надѣялись на то, что „онъ на дняхъ получитъ датскую декларацію, и можетъ-быть, самъ уйдетъ“ [4]). Храповицкій 1-го августа пишетъ: „Датчане рѣшились: вооружаютъ 10 кораблей, и соединясь съ нашими, пойдутъ на Готенбургъ.“

Для Датчанъ такое участіе въ войнѣ могло быть весьма выгоднымъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій вражда между Даніей и Швеціей возобновлялась по временамъ съ ожесточеніемъ. Положеніе, въ которомъ находилась теперь Швеція, допускало для Даніи надежду на выгоды въ случаѣ успѣшныхъ военныхъ дѣйствій. Одинъ изъ современниковъ увѣряетъ, что повсюду носились тогда слухи о томъ, что Россія гарантировала Даніи уступку Готенбурга и провинціи Богусъ (Bohus län), лишь бы Датчане успѣли завладѣть этою территоріей [5]). Дѣйствительно, эти слухи могли имѣть нѣкоторое основаніе. Храповицкій пишетъ 1-го сентября:

„Сенъ-Сафоренъ (Saint-Saphorin, датскій посланникъ въ Петербургѣ) объявилъ на конференціи вице-канцлеру, что шведскій дворъ признался датскому министерству въ своемъ изнеможеніи, и что опасается внутренняго бунта; вице-канцлеръ ему открылъ наше дѣло съ Финнами, а подобно сему Датчане намѣрены поступить съ Шоніей“.

---

[1]) Храповицкій, 27-го іюня. Впрочемъ Екатерина не ожидала отъ Даніи особенно успѣшной диверсіи. У Храповицкаго, 2-го іюля, сказано: «Изъ Даніи пишутъ... представляя въ нѣкоторомъ видѣ изнеможеніе Датчанъ къ сильному вооруженію». А императрица при этомъ случаѣ сказала: «Датчанамъ денегъ не дамъ, но употребимъ лучше на свое вооруженіе; и Петръ I нехорошаго объ нихъ былъ мнѣнія». 14-го сентября Екатерина жаловалась на своихъ союзниковъ, Датчанъ и Австрійцевъ: *Лучше бы безъ нихъ имѣть дѣло.* Зап. Храп.

[2]) Зап. Храп., 6-го іюля.

[3]) Зап. Храп., 29-го іюля.

[4]) Зап. Храп., 1-го августа.

[5]) *Posselt*, 370.

11-го сентября Храповицкій пишетъ:

„Сенъ-Сафоренъ объявилъ на конференціи вице-канцлеру, что Шонская провинція предлагала въ Копенгагенѣ то же, что Финны намъ; но графъ Бернсторфъ не совѣтуетъ соглашаться на такія предложенія, ибо натурально, что ближайшія провинціи не хотятъ вступать въ войну, ихъ королемъ начатую".

И безъ участія Датчанъ въ войнѣ южные берега Швеціи находились въ опасности. Въ началѣ августа въ Петербургѣ уже было получено извѣстіе, что фонъ-Дезинъ пошелъ „атаковать Готенбургъ, разорить ихъ коммерцію и схватить три шведскіе фрегата, въ тамошнемъ морѣ крейсирующіе" [1]). Дѣйствительно, русская эскадра производила постоянныя нападенія по берегамъ Швеціи и въ ночь съ $^{29}/_{9}$ на $\frac{30\text{-е іюля}}{10\text{-е августа}}$ высадила близъ рыбацкой деревни Роо 250 человѣкъ, которые произвели тамъ грабежъ и сожгли 29 домовъ, яхту и нѣсколько лодокъ [2]). А между тѣмъ и въ августѣ мѣсяцѣ Данія все еще медлила [3]). Уже тогда можно было ожидать противодѣйствія Англіи и Пруссіи. $^{13}/_{24}$ августа англійскій посланникъ въ Копенгагенѣ, Элліотъ, сообщилъ графу Бернсторфу выписку изъ депеши англійскаго министерства, объяснявшую, что Англія, одобряя подачу для императрицы установленной помощи, „не осталась бы равнодушною, если бы Данія, не довольствуясь выполненіемъ договора, вооружила бы всѣ свои силы противъ Швеціи" [4]).

Въ Берлинѣ сначала сильно порицали образъ дѣйствій Густава. Англійскій посланникъ Эвартъ писалъ оттуда 1-го іюля 1788 года: „Король Прусскій и графъ Герцбергъ здѣсь весьма разстроены неблагонадежнымъ и несправедливымъ поведеніемъ Шведскаго короля. Предложивъ въ прошедшую зиму союзъ четырехъ державъ (Швеціи, Пруссіи, Англіи, Голландіи), онъ коварнымъ образомъ скрывалъ обязанности, взятыя имъ на себя предъ Портой, и употребилъ непростительныя средства для возбужденія въ шведскомъ народѣ ненависти къ Россіи. Этотъ образъ дѣйствій короля, какъ думаютъ, для

[1]) Зап. Храп., 5-го августа.

[2]) См. *Морск. Сб.* 1863 г., № 5, стр. 231. Mémoires d'un officier suédois, л. 23.

[3]) 10-го августа Храп. пишетъ: «Ея Величество изволила сказывать, что Датчане обманули; сегодня надлежало получить ихъ декларацію, но они еще отложили, подъ претекстомъ, что переписываются еще съ наслѣднымъ принцемъ».

[4]) *D'Aquila*, II, 124. Впрочемъ около этого же времени писали изъ Лондона 12-го августа въ *С.-Пет. Вѣд.*: «Многіе изъ нашихъ политиковъ судятъ о поступкѣ короля Шведскаго съ нарочитою горячностію и радуются, что Данія пріемлетъ также противъ него оружіе». — Но не должно забывать, что такая замѣтка была помѣщена въ *русской офиціальной* газетѣ.

него самого будетъ имѣть весьма печальныя слѣдствія, тѣмъ болѣе, что Петербургскій кабинетъ, конечно, постарается поддержать въ Швеціи сильную оппозицію противъ короля“ [1]). Но и Берлинскій, и Лондонскій кабинеты были довольны тѣмъ, что Густавъ заступился за Турцію, притѣсняемую Россіей [2]). Пруссія къ тому же хотѣла воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Россія, для выгодныхъ дѣйствій по польскому вопросу. Поэтому Пруссія вмѣстѣ съ Англіей должна была желать поддержать Густава, а потому въ Пруссіи возникла мысль о прямомъ вмѣшательствѣ въ дѣла Даніи, Швеціи и Россіи. Екатерина уже въ первыхъ числахъ августа узнала объ этомъ намѣреніи и была крайне недовольна [3]). Она приказала графу Нессельроде, смѣнившему тогда графа Румянцева въ Берлинѣ, заботиться о сохраненіи дружескихъ сношеній съ Пруссіей, но въ то же время отклонить медіацію. Екатерина хорошо понимала, что Пруссія въ такое время могла сдѣлаться довольно опасною Россіи, и что чѣмъ тѣснѣе была дружба Екатерины съ Іосифомъ II, тѣмъ болѣе Пруссія была расположена противодѣйствовать интересамъ Россіи [4]). Пруссія обратилась къ датскому министру съ такимъ же заявленіемъ, какъ и Англія. Въ этомъ письмѣ Герцберга было сказано,

---

[1]) См. *Herrmann*, въ *Raumers Taschenbuch* 1857, стр. 431.

[2]) Зап. Хран., 27-го іюля: «Изъ перелюстраціи виденъ отзывъ Прусскаго короля о совершенной impartialité въ поступкѣ шведскомъ; напротивъ того въ письмѣ графа Румянцева изъ Берлина замѣчается, что пріятно Англіи и Пруссіи остановленіе флота, въ Архипелагъ пославшаго».

[3]) Зап. Хран., 5-го августа: «Графъ Румянцевъ пишетъ изъ Берлина, что прусскій дворъ обще съ Англіей хочетъ войдти въ медіацію по нашимъ дѣламъ съ Швеціей, бывъ довольны, остановя отправленіе флота въ Средиземное море. Сему не вѣрятъ. Румянцевъ скученъ. Велѣно скорѣе изготовить отправленіе Нессельроду (тогда посланному на смѣну графу Румянцеву). Графъ Безбородко съ неудовольствіемъ принялъ такое подтвержденіе, говоря, что конечно, прусскій дворъ и англійскій хотятъ войдти въ медіацію; сіе очень извѣстно, и много хлопотъ послѣдовать можетъ».

[4]) Зап. Хран., 11-го августа: «Подписано наставленіе графу Нессельроде, въ Берлинъ отправляемому; тутъ препоручается ему стараться содержать прусскій дворъ во взаимномъ съ нами дружествѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ кончился срокъ нашему съ нимъ трактату; новаго не возобновили по причинѣ связи съ императоромъ, но еще осталось Тешенское положеніе и вооруженный нейтралитетъ. Прусскій король предлагалъ мирить насъ со Шведами, но мы желаемъ удовлетворенія въ обидѣ и отклоняемъ его медіацію, какъ по Шведской, такъ и по Турецкой войнѣ, дабы въ первой раздѣлаться при пособіи Датчанъ, а во второй съ помощію императора. Слегка замѣчается прусское къ намъ недоброжелательство, и что по лигѣ германской она и Англія завели войну Турецкую».

что „хотя Прусскій король и оставилъ короля Шведскаго на произволъ судьбы, однако ни онъ, ни Англія не souffriront pas l'anéantissement de la Suède“ [1]).

Данія рѣшилась однако участвовать въ войнѣ. Былъ составленъ планъ для нападенія на Готенбургъ и Карлскрону и для продолженія похода даже и зимой [2]). Между тѣмъ какъ Густавъ III еще разъ сдѣлалъ попытку остановить вооруженіе Даніи, отправивъ брата находившагося въ плѣну графа Вахтмейстера въ Копенгагенъ съ предложеніемъ, чтобы король Датскій примирилъ Швецію съ Россіей [3]); между тѣмъ какъ въ Копенгагенѣ англійскій посланникъ Эллiотъ объявилъ, что по настоящему, для Даніи вовсе не такъ выгодно помогать Россіи [4]); между тѣмъ какъ даже Шведы распускали ложные слухи о согласіи Россіи на заключеніе перемирія, чтобы такимъ образомъ противодѣйствовать предположеніямъ Даніи [5]),—датскій флотъ съ войскомъ былъ готовъ выступить въ походъ, и графъ Бернсторфъ, потребовавъ отъ Густава возстановленія прежней конституціи и утвержденія мира „не съ королемъ, а съ націей“, едва-ли могъ ожидать сохраненія мира [6]).

И со стороны Швеціи были приняты мѣры для обороны. Съ край-

---

[1]) Зап. Храп., 26-го августа.

[2]) Храп.: «Пріѣхалъ изъ Даніи курьеръ съ увѣдомленіемъ о совершенномъ къ намъ приступленіи на содѣйствіе противъ Шведовъ всѣми силами; положенъ планъ, чтобъ идти на Готенбургъ и Карлскрону съ намѣреніемъ сдѣлать и зимнюю кампанію въ нынѣшнемъ году, но надобна имъ денежная помощь».

[3]) Храп. пишетъ 31-го августа: «и что онъ отступитъ отъ союза съ Турками. Смѣялись, примѣчая его замѣшанность».

[4]) Храп., 31-го августа: «Въ Копенгагенѣ англійскій министръ Эллiотъ удивился рѣшимости датскаго двора, выговоря о предположеніи своемъ, что Датчане будутъ только стращать Шведскаго короля, а не помогать дѣйствительно Россіи, ибо трактаты исполняются только, судя по собственнымъ выгодамъ; сіе замѣчено».

[5]) Храп., 7-го сентября: «Бернсторфъ пишетъ къ Сенъ-Сафорену, что въ глухихъ терминахъ продолжаются отъ короля Шведскаго предложенія о мирѣ, съ тѣмъ, можетъ-быть, чтобъ остановить Датчанъ, но они на то не поддадутся».

[6]) Храп. 9-го сентября: «Изъ Даніи получены депеши: тутъ похвалена піеса графа Бернсторфа съ разсужденіемъ о мирѣ, Шведскимъ королемъ предлагаемомъ; въ ней исчислены всѣ его обиды и вѣроломство противъ націи и добраго сосѣдства; заключается тѣмъ, чтобы возстановить прежнюю въ Швеціи конституцію и утвердить миръ не съ королемъ, а съ націей. Списалъ копію». Екатерина при этомъ замѣтила: «Наши дураки, въ иностранной коллегіи присутствующіе, слыша отъ меня все сіе, не могутъ такъ написать».

нимъ усиліемъ во всѣхъ провинціяхъ происходилъ наборъ солдатъ. Всѣ проходы къ Стокгольму съ морской стороны были приведены въ оборонительное состояніе [1]). Нѣкоторые полки были отправлены къ норвежской границѣ, другіе къ Шонін [2]). Король Густавъ, возвратясь изъ Финляндіи, самъ дѣлалъ всѣ надлежащія распоряженія, ежедневно предсѣдательствовалъ въ сенатѣ и велѣлъ приготовить къ походу еще нѣсколько линейныхъ кораблей въ Карлскронѣ; нѣсколько купеческихъ судовъ, недавно прибывшихъ изъ Индіи, были превращены въ военные корабли. Крѣпости были приведены въ надлежащее состояніе. Жители городовъ Стокгольма, Нючэпинга, Норчэпинга и Кальмара образовали милицію. Островъ Готландъ обѣщалъ поставить на свой счетъ 6.000 человѣкъ милиціи. Наконецъ, $^{12}/_{23}$ сентября самъ Густавъ съ небольшою свитой отправился къ Далекарлійцамъ, чтобы призвать ихъ къ участію въ войнѣ съ Даніей, а можетъ-быть, и для того, чтобы воспользоваться ими въ борьбѣ съ оппозиціоннымъ дворянствомъ [3]).

Между тѣмъ начался походъ. Главнокомандующій датскими войсками, принцъ Карлъ Гессенскій, въ сопровожденіи датскаго наслѣднаго принца отправился въ Норвегію, и $^{13}/_{24}$ сентября датскій флотъ поднялъ русскій флагъ, а одновременно съ этимъ датское войско перешло за шведскую границу. При не совсѣмъ еще опредѣлившихся отношеніяхъ между Даніей и Швеціей шведскій полковникъ Транефельдъ, командовавшій небольшимъ отрядомъ войскъ близъ Стрёмштата, обратился къ принцу Гессенскому съ вопросомъ о его намѣреніяхъ. Датскій фельдмаршалъ объявилъ, что Датскій король не ведетъ войны съ Швеціей, но что войска, которыми онъ командуетъ, не что иное, какъ вспомогательныя войска Россіи, предоставленныя Даніей въ распоряженіе Екатерины, и что эти войска въ случаѣ надобности будутъ дѣйствовать враждебно. Полковникъ Транефельдъ изъявилъ сожалѣніе объ этомъ и выразилъ желаніе, чтобъ обѣ націи, Датчане и Шведы, оставались въ дружбѣ. И дѣйствительно, Шведы и Датчане считали пока другъ друга друзьями, такъ что принцъ Гессенскій пригласилъ даже полковника Транефельда къ обѣду; но на другой день городъ Стрёмштатъ былъ уже занятъ, и шведскій отрядъ, состоявшій изъ 800 человѣкъ солдатъ, сдался послѣ незначительной схватки [4]). Послѣ этого

[1]) *С.-Пет. Вѣд.* 1114.

[2]) *С.-Пет. Вѣд.* 1130.

[3]) См. *С.-Пет. Вѣд.*, 1144, 1158.

[4]) См. Denkwürdigkeiten des Prinzen von Hessen, 45—46. Подробности воен-

успѣха Датчане продолжали приближаться къ Готенбургу и на пути заняли города Уддевалла и Венерсборгъ, гдѣ находились довольно значительные припасы. Принцъ Гессенскій уже надѣялся, что ему удастся безъ труда взять и весьма важный городъ Готенбургъ, какъ вдругъ обстоятельства измѣнились, частью вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ въ это время королемъ, а еще болѣе вслѣдствіе непосредственнаго заступничества Пруссіи и Англіи за Густава. Густавъ III успѣлъ воспламенить патріотизмъ и приверженность къ королевскому дому въ крестьянахъ Далекарліи, не разъ участвовавшихъ въ важныхъ политическихъ переворотахъ Швеціи. $^{3}/_{14}$ сентября въ деревнѣ Мора король собралъ многихъ жителей этой страны, и послѣ обѣдни на томъ же мѣстѣ, гдѣ когда-то Густавъ Васа призывалъ Далекарлійцевъ къ борьбѣ съ Датчанами, окончившейся освобожденіемъ Швеціи отъ Христіана II и образованіемъ національной шведской монархіи, Густавъ III обратился къ народу съ рѣчью, въ которой говорилъ объ опасности, угрожавшей Швеціи со стороны Даніи, и призывалъ Далекарлійцевъ на помощь. Его краснорѣчіе, историческія воспоминанія о борьбѣ съ Данією, о Густавѣ Васѣ, скрывавшемся когда-то близъ деревни Мора въ пещерѣ, которую посѣтилъ теперь Густавъ III, смѣлая, энергическая инпціатива короля, все это подѣйствовало на Далекарлійцевъ, и они изъявили готовность отправиться въ походъ. Подобныя сцены повторялись и въ другихъ деревняхъ Далекарлійской области; со всѣхъ сторонъ къ королю пріѣзжали депутаты отъ крестьянъ съ изъявленіемъ готовности сдѣлать все возможное для спасенія отечества [1]). Здѣсь и тамъ обнаружилась вновь вѣковая народная ненависть Шведовъ къ Датчанамъ. Разказывали, что шведскіе крестьяне сдѣлали нападеніе на отрядъ датскихъ войскъ, сопровождавшій Шведовъ, взятыхъ въ плѣнъ, и отняли у Датчанъ багажъ, взятый ими у Шведовъ [2]); распускали слухи о томъ, что Датчане безпощадно грабятъ въ шведскихъ деревняхъ, между тѣмъ какъ принцъ Гессенскій дѣлалъ все, отъ него зависящее, для сохраненія порядка и соблюденія дисциплины, такъ что даже со стороны Шве-

---

ныхъ дѣйствій см. у *Schantz*, I, 64—70. Шведы утверждали, что Датчане имѣли убитыхъ и раненыхъ до 200 человѣкъ, между тѣмъ какъ принцъ Гессенскій говоритъ лишь о 21 убитомъ и раненомъ.

[1]) См. рѣчь Густава у *d'Aquila*, II, 142—147. Тамъ же сказано о записавшихся въ волонтеры 10.000 (!) Далекарлійцевъ. И въ другихъ городахъ были демонстраціи въ пользу Густава со стороны горожанъ и крестьянъ.

[2]) *D'Aquila*, II, 152.

довъ въ послѣдствіи была отдана полная справедливость Датчанамъ въ отношеніи къ ихъ поведенію [1]).

Между тѣмъ какъ Густавъ путешествовалъ по Далекарліи и потомъ отправился въ Готенбургъ, находившійся въ крайней опасности, англійскій посланникъ въ Даніи Эллiотъ, оставивъ Копенгагенъ, искалъ короля въ Стокгольмѣ, и поѣхавъ за нимъ, засталъ его въ Карлштатѣ. Тутъ онъ предложилъ Густаву посредничество Англіи для примиренія Швеціи съ Даніей. Обвиняя принца Гессенскаго въ томъ, что онъ самовольно и несогласно съ данными ему отъ датскаго кабинета инструкціями слишкомъ далеко зашелъ съ датскими войсками, Эллiотъ письменно сообщилъ принцу Гессенскому, что Густавъ, принявъ посредничество кабинетовъ англійскаго и прусскаго, отправилъ курьера въ Петербургъ съ предложеніемъ заключить перемиріе. Принцъ Гессенскій не соглашался на веденіе переговоровъ до полученія особенныхъ инструкцій изъ Копенгагена. Тогда англійскій посланникъ объявилъ, что въ случаѣ продолженія наступательныхъ дѣйствій со стороны Даніи, Пруссія и Англія готовы сдѣлать нападеніе на Данію, и что послѣдняя можетъ исполнить свои обязательства предъ Россіей, не проливая датской крови. „Короли Прусскій и Англійскій, писалъ Эллiотъ въ другомъ письмѣ, никоимъ образомъ не могутъ считать норвежское войско русскимъ; они должны считать его непремѣнно датскимъ войскомъ“. Предлагая принцу Гессенскому заключеніе перемирія, Эллiотъ замѣчаетъ: „Быть можетъ, въ эту минуту война уже объявлена Даніи; если же вы согласитесь на мое предложеніе, то я тотчасъ же отправлю курьеровъ въ Лондонъ и Берлинъ, чтобы воспрепятствовать вторженію прусскихъ войскъ въ Голштинію и отплытію англійскаго флота“ [2]). Между тѣмъ принцъ Гессенскій узналъ, что Густавъ уже прибылъ въ Готенбургъ, гдѣ имъ были приняты самыя энергическія мѣры для обороны. Принцъ Гессенскій, который считалъ легко возможнымъ взять этотъ городъ, сознается, что онъ сильно желалъ достигнуть этой цѣли. Вообще предпринятая война могла считаться неудачною, если Готенбургъ не будетъ взятъ. Но съ другой стороны, рѣшительный тонъ, которымъ говорили англійскій министръ Эллiотъ и прусскій, графъ Борке, заставилъ главнокомандующаго датскими войсками заду-

[1]) См. Denkwürdigkeiten des Prinzen von Hessen, 21. На стр. 34 принцъ Гессенскій говоритъ: «Meine Soldaten trieben die Mässigung so weit, dass sie nicht zulangten, selbst wenn sie den Tisch gedeckt fanden»; см. также его приказъ солдатамъ на стр. 98.

[2]) Denkw. d. Pr. v. Hessen, 58 — 60.

маться, тѣмъ болѣе, что Шведскій король умѣлъ воспользоваться этимъ драгоцѣннымъ временемъ и привести Готенбургъ въ надлежащее оборонительное положеніе. $\frac{23\text{-го сент.}}{4\text{-го окт.}}$ Густавъ послѣ утомительной поѣздки верхомъ прибылъ въ Готенбургъ, малодушный комендантъ котораго уже готовился было сдать городъ и поэтому уже велѣлъ увезти свой багажъ изъ Готенбурга. Комендантъ умолялъ короля не думать о защитѣ города, но Густавъ отрѣшилъ его отъ должности и велѣлъ сломать единственный мостъ, по которому шведскія войска могли бы отступить; онъ объявилъ, что скорѣе допуститъ превращеніе Готенбурга въ груду развалинъ, чѣмъ сдачу этого важнаго мѣста [1]). Жители Готенбурга образовали милицію; присутствіе самого короля сильно подѣйствовало на всѣхъ; въ манифестахъ изъ Готенбурга Густавъ обратился къ своему народу, указывая на помощь Англіи и Пруссіи, которыя будто бы готовы стоять за независимость и цѣлость Швеціи. Изъ Помераніи отряду, состоявшему изъ 1.600 человѣкъ, удалось на купеческихъ судахъ переѣхать въ Швецію, не смотря на крейсировавшую именно въ этой части Балтійскаго моря эскадру вице-адмирала фонъ-Дезина; и этотъ отрядъ былъ также назначенъ для подкрѣпленія Готенбургскаго гарнизона. Посланники Англіи и Пруссіи постоянно находились при Густавѣ. День и ночь работали для приведенія въ надлежащее состояніе крѣпости [2]).

Взятіе Готенбурга Датчанами или ударъ, нанесенный принцемъ Гессенскимъ самой столицѣ Швеціи, были бы полнымъ торжествомъ Даніи, Россіи и аристократической партіи въ Швеціи. Въ такомъ случаѣ можно было ожидать кореннаго измѣненія шведской конституціи и самой рѣшительной реакціи противъ революціи 1772 года. Власть короля уничтожилась бы совершенно [3]). Поэтому защищеніе Готенбурга и Стокгольма казалось главною задачей короля. Въ Копенгагенѣ ожидали тогда сраженія на рѣкѣ Готѣ близъ Готенбурга, но военныя дѣйствія не возобновлялись. Между тѣмъ какъ въ Готенбургѣ продолжали вооружаться, а губернаторъ Стокгольма старался образовать милицію въ столицѣ [4]) и строилъ тамъ укрѣпленія, заключено было

---

[1]) *Geffroy*, l. c., 665.

[2]) «Erst noch war keine einzige von den Batterieen im Stande eine Kanone zu tragen; und nach Verlauf weniger Tage befand sich Alles in der besten Verfassung». *Posselt*, 376.

[3]) «Der König würde zermalmt», какъ сказано въ прусской запискѣ по этому предмету, см. *Horft*, 140.

[4]) *С.-Петерб. Вѣдом.*, 1280.

перемиріе между принцемъ Гессенскимъ и Густавомъ; Эллiотъ не переставалъ увѣрять Карла Гессенскаго, что положеніе датскаго войска въ Швеціи крайне опасно, опаснѣе даже того положенія, въ которомъ находились въ Англо-американской войнѣ англійскіе генералы Бургойнъ и Корнваллисъ, сдавшіеся со всѣмъ войскомъ Американцамъ. Отряды далекарлійскихъ партизановъ, вооруженныхъ серпами и ружьями, прибывали въ Готенбургъ, усиливая средства, которыми располагалъ король. Такимъ образомъ, въ особенности опасаясь нападенія Пруссіи и Англіи на Данію, принцъ Гессенскій рѣшился заключить перемиріе на 8 дней. Небольшая территорія близъ Готенбурга должна была считаться нейтральною. Датчане оставались на занимаемомъ ими мѣстѣ [1]). Но враждебныя дѣйствія между обѣими державами не совсѣмъ прекратились. Шведы взяли нѣсколько датскихъ судовъ, шедшихъ въ Норвегію съ съѣстными припасами. Всѣмъ шведскимъ исторамъ, находившимся въ этомъ краѣ, было приказано проповѣдывать въ церквахъ противъ Датчанъ и призывать крестьянъ къ участію въ войнѣ, угрожая имъ причинить всевозможный вредъ датскимъ войскамъ, находившимся въ Швеціи. Жителямъ береговъ было дано оружіе. Взятіе судовъ съ жизненными припасами Шведы считали значительною выгодой, въ надеждѣ, что Датчане вслѣдствіе того будутъ имѣть недостатокъ въ продовольствіи. Любопытенъ слѣдующій случай, характеризующій тогдашнюю вражду между Датчанами и Шведами. На всѣхъ судахъ Шведы нашли разные хирургическіе инструменты, фонтанные топоры и цѣпи, употребляемыя военною полиціей [2]). Шведы разсказывали объ этихъ снарядахъ и приборахъ, что они были назначены Датчанами для того, чтобы подвергнуть Шведовъ пыткѣ. Въ клубѣ въ Готенбургѣ была сдѣлана выставка этихъ предметовъ съ тою цѣлью, чтобы подѣйствовать на воображеніе Шведовъ и еще болѣе возпламенить въ нихъ ненависть къ Датчанамъ. Можно вообразить себѣ, до какой степени Датчане, у которыхъ пытка уже въ продолженіе цѣлаго столѣтія была совершенно отмѣнена, были оскорблены извѣстіемъ объ этихъ предположеніяхъ легковѣрныхъ Шведовъ [3]).

Датское правительство задержало значительную сумму денегъ

[1]) Denkw. des Pr. v. Hessen, 64—73, 99.

[2]) «Die der Regimentsprofoss mit sich genommen hatte». Denkw. d. Pr. von Hessen.

[3]) Изъ Копенгагена писали: «Можетъ ли такая ложь въ какой-нибудь, здравый разсудокъ имѣющемъ, сдѣлать предубѣжденіе». *С.-Пет. Вѣд.* 1444.

(50.000 червонцевъ), отправленную изъ Пруссіи въ Швецію чрезъ Копенгагенъ и назначенную для уплаты купленнаго мяса; а прусское правительство въ отвѣтъ на это наложило арестъ на датскія суда, находившіяся тогда въ Штетинѣ, Эльбингѣ и Мемелѣ [1]). Принцъ Гессенскій сильно жаловался англійскому дипломату на Шведовъ, нарушившихъ взятіемъ судовъ перемиріе, и выставлялъ на видъ, что Датчане въ это время нисколько не препятствовали снабженію Готенбурга необходимою провизіей. Въ отвѣтъ на такіе упреки Густавъ утверждалъ, что перемиріе касалось лишь сухопутныхъ войскъ, между тѣмъ какъ на морѣ военныя дѣйствія могли продолжаться; но Карлъ Гессенскій въ видѣ залога, до требуемаго имъ возвращенія датскихъ судовъ, взялъ съ жителей города Уддевалла 50.000 талеровъ. Густавъ протестовалъ противъ этого [2]). Съ своей стороны, принцъ Гессенскій жаловался на то, что шведское правительство употребляетъ неблаговидныя средства для раздраженія жителей противъ Датчанъ, на то, что норвежскіе солдаты во время перемирія были взяты въ плѣнъ, и на то, что записка Густава къ принцу Гессенскому, написанная въ гордомъ и неучтивомъ тонѣ, была обнародована. Съ большимъ трудомъ англійскій дипломатъ старался сблизить враждебныя партіи. Съ одной стороны, онъ рѣшительно порицалъ образъ дѣйствій короля и уговорилъ его возвратить Датчанамъ отнятыя суда, а съ другой, хотѣлъ всѣми мѣрами склонить принца Гессенскаго оставить предѣлы Швеціи и содѣйствовать къ заключенію мира. Наконецъ, онъ требовалъ рѣшительно, чтобы Датчане тотчасъ же очистили Швецію и при посредствѣ Великобританіи, Пруссіи и Голландіи заключили перемиріе на долгій срокъ. Въ проектѣ такого договора, который Элліотъ переслалъ Карлу Гессенскому, говорилось о „войскѣ и флотѣ его величества, короля Датскаго“; главнокомандующій протестовалъ противъ этого выраженія, утверждая, что перемиріе вовсе не можетъ касаться Норвегіи или Даніи, такъ какъ король Даніи и не думаетъ вести войну съ Шведскимъ королемъ. Принцъ прибавлялъ къ этому, что онъ никакъ не можетъ вести переговоры отъ

[1]) *D'Aquila*, II, 157.

[2]) Въ запискѣ его къ принцу Гессенскому сказано: «que S. M. est le chef d'une nation libre, qui elle-même a seule le droit de se taxer, et par conséquent le Roi n'a pu transmettre au prince de Hesse une prérogative, que S. M. n'avait pas elle-même. Le Roi déclare donc, que S. M. regarde l'armistice comme rompue, si le prince de Hesse ou ses officiers ne s'abstiennent pas de troubler le repos des habitants». Храй., 23-го ноября.

имени короля Датскаго, который и не желалъ войны съ Швеціей, но дѣйствуетъ только въ качествѣ командующаго вспомогательными войсками, предоставленными Даніей Россіи. Это могло казаться софизмомъ, и прусскій дипломатъ Роде довольно основательно замѣтилъ тогда, что Данія, нападая съ 12.000 войска на Швецію, лишенную всякихъ средствъ къ оборонѣ, сдѣлала болѣе того, къ чему она была обязана на основаніи договора съ Россіей [1]).

Какъ бы то ни было, Данія согласилась на возобновленіе перемирія до 15-го мая 1789 года, и военныя дѣйствія принца Гессенскаго вовсе прекратились, между тѣмъ какъ вооруженія въ Швеціи продолжались, и король оставался въ Готенбургѣ, гдѣ наконецъ собралось до 13.000 человѣкъ войска, и всѣ магазины и сараи были наполнены лошадьми, запасами хлѣба и т. д. [2]). Даже возвратившаяся изъ Финляндіи конница была отправлена въ Готенбургъ, а въ самой столицѣ число солдатъ дошло до 12.000; въ другихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Христіанштатѣ, Мальмэ, Карлскронѣ также было значительное количество войска [3]). Въ Фалунѣ образовали даже, кромѣ отряда волонтеровъ, еще особенный полкъ изъ самыхъ молодыхъ людей, моложе 15-ти лѣтъ [4]). Король хотѣлъ быть вооруженнымъ не только во время военныхъ дѣйствій съ Даніей и Россіей, но и во время сейма, на которомъ должны были рѣшиться важные вопросы внутренней политики Швеціи. $^{2}/_{13}$ ноября принцъ Карлъ Гессенскій оставилъ шведскую территорію и отправился въ Норвегію. Датскій походъ не достигъ желанной цѣли, а напротивъ того оправдалъ ожиданія Густава, еще въ Финляндіи сказавшаго по поводу извѣстій о вооруженіи Даніи: „Je suis sauvé“ [5]). Онъ могъ быть теперь весьма доволенъ своими успѣхами и не столько своими воен-

[1]) Denkw. d. Pr. v. Hessen, passim.

[2]) *S.-Pet. Zeitg.*

[3]) Изъ Стокгольма писали 24-го октября: «Въ здѣшнемъ столичномъ городѣ мы живемъ теперь какъ въ Швейцаріи, гдѣ вмѣсто мѣщанъ видны все солдаты. Но какая отъ нихъ будетъ польза, увидимъ со временемъ». *С.-Пет. Вѣд.*, 1330.

[4]) «Особливый дѣтскій корпусъ», какъ сказано въ *С.-Пет. Вѣд.* 1789 года, стр. 27.

[5]) *Geffroy*, l. c., 665. *Mellin*, Schwed. Gesch., 319. «Es scheint, dass Gustaf den dänischen Krieg insgeheim zu wünschen und herbeizuführen Ursache haben konnte. Vielleicht klärt dieser Gedanke etwas in dem feurigen Betragen des Königs auf, welches er während des Waffenstillstandes beobachtete und wodurch er nicht allein den Prinzen Karl von Hessen von Neuem reizte, sondern auch selbst Herrn Elliot unangenehmen Rücksichten aussetzte». *Horft.* 112.

ными дѣйствіями, сколько своимъ умѣньемъ обращаться съ людьми и пользоваться для своихъ цѣлей расположеніемъ Англіи и Пруссіи. $\frac{23\text{-го ноября}}{4\text{-го декабря}}$ онъ писалъ къ графу Стединку изъ Готенбурга:

„Мы освободились отъ Датчанъ. Я для этого нисколько не уменьшилъ состава Финляндской арміи, и если бы только послѣдняя была послушною, то операціи противъ Россіи нисколько не измѣнились бы чрезъ вторженіе Датчанъ. Это нападеніе послужило лишь къ тому, чтобы возбудить національное чувство и доставить мнѣ значительное войско въ Швеціи [1])".

VII.

Положеніе дѣлъ зимою $17^{88}/_{89}$ года.

Неудовольствія С.-Петербургскаго кабинета, особенно на Пруссію. — Отношенія къ Англіи. — Опасенія насчетъ войны съ Пруссіей. Опасенія западныхъ державъ по случаю взятія Очакова. — Мысль о походѣ въ Финляндію зимой. — Переворотъ въ Швеціи въ пользу Густава. — Приготовленія къ продолженію войны. — Попытка сжечь эскадру въ Копенгагенѣ. — Сеймъ въ Стокгольмѣ. — Нейтралитетъ Даніи.

Чѣмъ довольнѣе былъ Густавъ, тѣмъ менѣе пріятное впечатлѣніе произвело посредничество Пруссіи и Англіи на Петербургскій кабинетъ. На предложеніе этихъ дворовъ, также какъ и Франціи, Екатерина отвѣчала, что безъ сношенія съ союзниками она не можетъ принять посредничества [2]). Болѣе всего оскорбляло ее вмѣшательство Пруссіи въ русскія дѣла и стараніе прусскаго кабинета оправдать образъ дѣйствій Шведскаго короля. Она велѣла разсмотрѣть въ совѣтѣ записки этихъ дворовъ [3]), и совѣтъ составилъ свое мнѣніе по этому предмету, въ которомъ между прочимъ относительно Швеціи сказано:

„Король Прусскій говоритъ о миролюбивыхъ расположеніяхъ Шведскаго короля и утверждаетъ, что послѣдній вовлеченъ въ войну недоразумѣніемъ, а весь свѣтъ знаетъ, что онъ получилъ отъ Порты деньги, и въ надеждѣ получать оныя рѣшился напасть на Россію. Упреждая всякое дружеское изъясненіе, которое мы съ нашей стороны старались имѣть съ нимъ, онъ вѣроломно хотѣлъ оторгнуть отъ Россіи земли, пріобрѣтенныя многими расходами и кровью предковъ. Къ такимъ непристойнымъ изъясненіямъ король Прусскій прибавилъ еще замѣчаніе, что онъ ожидаетъ отъ нашего двора согласія возстановить миръ съ Швеціей въ томъ состояніи вещей, въ какомъ были онѣ до разрыва. Это доказываетъ явное неуваженіе къ оскорбленію,

[1]) *Sted.* Mém., I, 138.

[2]) «J'aime ce ton de dictateur», сказала императрица о выраженіяхъ въ прусской запискѣ, въ которой предлагалась медіація; см. Зап. Хран., 16-го сентября.

[3]) Хран. 18-го сентября.

причиненному императрицѣ Шведскимъ королемъ, и къ его покушеніямъ на вредъ имперіи. Прусскій король считаетъ достаточнымъ удовлетвореніемъ то, что Густавъ сдѣлалъ первый шагъ къ заключенію мира. Но какой государь, чувствующій силу, можетъ согласиться на это и такимъ образомъ дать примѣръ прочимъ сосѣдямъ дѣлать безнаказанно нападенія на Россію, въ надеждѣ при всякой неудачѣ прикрыть злое дѣло изъявленіемъ желанія мира? Эта непристойность еще не столько бы насъ трогала, если бы король говорилъ только о Швеціи; но онъ говоритъ также и о Турціи. Говоря о своемъ союзѣ съ Англіей и Голландіей и упоминая о своемъ интересѣ хранить равновѣсіе на сѣверѣ и востокѣ, онъ хочетъ страшить насъ, и въ видѣ медіатора должно видѣть въ немъ нетерпимаго повелителя во всѣхъ настоящихъ и будущихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ Россіи. Совѣтъ поэтому далеко не согласенъ на принятіе медіаціи Прусскаго короля, которое было бы предосудительно достоинству имперіи, нисколько не обязанной принимать законы отъ Прусскаго короля. Поэтому нужно отклонить медіацію и твердо, хотя и на этотъ разъ въ дружескихъ выраженіяхъ, нужно объявить слѣдующее: 1) императрица никакъ не ожидала, чтобы предлагаемая медіація могла исключить всякое должное удовлетвореніе государю и государству за учиненныя оскорбленія или всѣ средства обезпечить впредь русскія границы отъ подобныхъ насильствъ; 2) съ Шведскимъ королемъ трактовать не возможно, потому что на его слова и обѣты нельзя положиться; 3) императрица можетъ на предложенія Англіи, Пруссіи и Франціи отвѣчать лишь по предварительному соглашенію съ Даніей и съ Римскимъ императоромъ. Думая, что Прусскій король не удовольствуется этимъ отвѣтомъ, совѣтъ предлагаетъ обратить Турецкую войну въ оборонительную, приготовляться къ войнѣ съ Пруссіей и заключить союзъ съ Франціей и другими Бурбонскими домами. Ни унывать, ни бояться не должно: Россія безъ всякаго напряженія имѣетъ 300.000 человѣкъ войска".

Мнѣніе это подписали: Брюсъ, Панинъ, Вяземскій, Остерманъ, Воронцовъ, Стрекаловъ, Завадовскій. Графъ Андрей Шуваловъ, принимая въ соображеніе тяжелое состояніе финансовъ, предлагалъ объявить Англіи и Пруссіи, что Россія не хочетъ шведскихъ земель, а требуетъ только возстановленія прежней формы правленія, Россіею гарантированной; съ Англіей онъ совѣтовалъ сблизиться заключеніемъ торговаго договора, между тѣмъ какъ союзъ съ Франціей, связанною съ Турціей и Швеціей, казался ему вреднымъ [1]). Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ раздѣлялъ мнѣніе Шувалова. Екатерина была въ раздраженіи; 21-го сентября она сказала о корояхъ Шведскомъ и Прусскомъ: „Буде два дурака не уймутся, то станемъ драться. Графа Румянцова-Задунайскаго обратить для наступательной войны на Пруссію, чтобъ отнять тѣ земли, что я ему отдала" [2]). Не разъ въ

[1]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 190.

[2]) Зап. Храп., 21-го сентября.

это время Екатерина вспоминала о важной услугѣ, оказанной ею Пруссіи во время Семилѣтней войны. Она была готова на все [1]), и поэтому ее сильно огорчало мнѣніе Шувалова и Дмитріева-Мамонова, желавшихъ болѣе осторожныхъ дѣйствій. Послѣдній совѣтовалъ въ отвѣтѣ прусскому двору „не дѣлать упрека въ возвращеніи Пруссіи земель (въ 1762 году) и въ пособіи по дѣлу баварскому“. Императрица осердилась и почти сквозь слезы сказала: „Неужели мои подданные, видя дѣламыя мнѣ обиды отъ королей Прусскаго и Англійскаго, не смѣютъ сказать имъ правды? Развѣ они имъ присягали“? [2]) „Il est fait pour être mené“, сказала она съ презрѣніемъ о Фридрихѣ-Вильгельмѣ II. „Со всѣми помирюсь, но никогда не прощу королямъ Шведскому и Прусскому: первому возвратила земли императрица Елисавета, а второму я“ [3]). „Поступокъ сей прусскаго двора“, сказала она въ другой разъ, „похожъ на поступки шведскіе нынѣшняго года. Я говорила: чѣмъ больше имъ уступаютъ, тѣмъ болѣе они требуютъ“ [4]).

Между тѣмъ въ Пруссіи былъ составленъ планъ для возстановленія мира. Россія и Австрія должны были получить земли отъ Турціи; за то Россія уступила бы Швеціи ключекъ Финляндіи, Австрія Галицію Польшѣ, Польша Данцигъ и Торнъ Пруссіи, а Швеція, получивъ вознагражденіе отъ Россіи, уступила бы Пруссіи свою Померанію [5]). Во что бы то ни стало Пруссія старалась тогда дѣйствовать противъ союза императора съ Россіей. Кобенцель, австрійскій министръ въ Петербургѣ, получилъ извѣстіе, что баронъ Полькенъ, бывшій шведскій посланникъ въ Петербургѣ же, былъ очень хорошо принятъ въ Берлинѣ Прусскимъ королемъ, и что послѣдній „для вспоможенія Шведамъ выступитъ съ 13.000 въ Померанію, съ 30.000 въ Голштинію, и съ 60.000 въ Лифляндію“. Прусскій уполномоченный въ Варшавѣ, ловкій дипломатъ Лукезини, старался дѣйствовать противъ русской

---

[1]) «Nous aurons une troisième guerre», сказала она 12-го окт., «c'est les circonstances qui nous y obligent, mais il s'en suivra, que le roi de Prusse sera dépouillé de ce que lui a été cédé; deux fous sont menés par un intrigant», то-есть, «король Прусскій и король Англійскій бывшимъ Гаррисъ, а нынѣшнимъ лордомъ Мальмсбури», пишетъ Храп., 12-го октября.

[2]) Зап. Храп., 29-го сентября.

[3]) «Изъ этого выидетъ, что они того лишатся», прибавляетъ Храповицкій, 21-го октября.

[4]) Храп., 29-го октября.

[5]) *Соловьевъ*, Над. Польши 197.

партіи и не хотѣлъ допустить заключенія союза Польши съ Россіей и содержанія въ Польшѣ русскихъ войскъ [1]).

Кромѣ Пруссіи Екатерина была недовольна и Англіей. Уже 23-го сентября она жаловалась, что „англійскій министръ Элліотъ сильно кричитъ, вступаясь за Шведовъ“ [2]), и съ неудовольствіемъ узнала о томъ, какъ Элліотъ грозилъ датскому министру Бернсторфу нападеніемъ Англіи [3]). Когда она узнала, что Элліотъ отправился въ Швецію и дѣйствовалъ тамъ въ интересахъ Густава, она считала это чуть-что не участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ [4]). Въ Петербургѣ разсказывали, что англійскій посланникъ, „надѣвъ мундиръ, ободрялъ жителей Готенбурга, и съ королемъ Шведскимъ набравъ въ скорости, пошелъ противъ Гессенскаго принца“ и т. д. [5]). Русскій кабинетъ не хотѣлъ принять посредничества Англіи и Пруссіи. Въ довольно осторожныхъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ были составлены отвѣты на предложенія этихъ кабинетовъ. Но въ Петербургѣ въ это время неоднократно говорили о томъ, что вмѣшательство Пруссіи въ шведскія дѣла можетъ считаться равносильнымъ объявленію войны Россіи [6]). Когда узнали о появленіи Элліота въ Готенбургѣ, императрица, велѣла

„наскоро требовать изъясненія у дворовъ англійскаго и прусскаго въ самыхъ умѣренныхъ изреченіяхъ, съ увѣреніемъ о миролюбныхъ склонностяхъ, и заключить, что настоящимъ выходитъ послѣдствіемъ, дабы по такимъ пристрастнымъ поступкамъ ихъ министровъ не принимать намъ медіаціи тѣхъ дворовъ, — учтиво изъясняясь, казать зубы“ [7]).

И Даніей Екатерина была недовольна. По полученіи извѣстія о заключенномъ съ Швеціей перемиріи, она замѣтила, „что мы безъ согласія союзниковъ такихъ дѣлъ не дѣлаемъ“ [8]), и приказала послать въ Данію курьера и „велѣть брать Готенбургъ, а прусскому двору сказать, что нападеніе на Данію есть объявленіе войны Россіи“ [9]). „Бернсторфъ есть подданный короля Англійскаго по своимъ пос-

---

[1]) Храп., passim.

[2]) Зап. Храп., 23-го сентября.

[3]) Зап. Храп. 24-го сентября.

[4]) Храповицкій: «Удивлялись поступкамъ Элліота, который, явно вступаясь за Шведовъ, хотѣлъ сражаться противъ Датчанъ, защищая Готенбургъ». 19 окт.

[5]) Зап. Храп., 21-го октября.

[6]) Зап. Храп., 15-го октября.

[7]) Зап. Храп., 21-го октября.

[8]) Зап. Храп., 27-го октября.

[9]) Зап. Храп., 29-го октября.

сесіямъ и явно имъ труситъ", жалуется Храповицкій [1]). „Гессенскій принцъ старается только выдать свою дочь за датскаго наслѣднаго принца, а принцъ наслѣдный плѣненъ Англичанами и восхищенъ прусскою дисциплиной, но прилѣпился къ намъ для завоеванія, зная что при союзѣ съ Англіей и Пруссіей долженъ будетъ во всемъ повиноваться тѣмъ дворамъ" [2]). Въ запискѣ къ вице-канцлеру, имѣющей, какъ можно полагать, нѣсколько офиціальное значеніе, императрица сожалѣетъ о томъ, что Данія, вмѣсто того, чтобы объявить себя воюющею державой, постоянно говорила только о вспомогательномъ войскѣ и тѣмъ самымъ подала поводъ ко вмѣшательству друзей Швеціи, — что Данія вопреки постановленіямъ договоровъ, заключила перемиріе, и датскія войска очистили шведскую территорію. Наконецъ въ этой запискѣ говорится, что такой образъ дѣйствій лишаетъ Россію всякой надежды на какое-либо согласіе относительно взаимныхъ дѣйствій съ Даніей [3]).

Впрочемъ въ Петербургѣ въ это время узнали, что между Англіей и Швеціей возникли также нѣкоторыя недоумѣнія. Швеція, бывъ съ давнихъ поръ въ союзѣ съ Франціей, обратилась къ этой державѣ и по вопросу о посредничествѣ. Англійскій кабинетъ былъ недоволенъ этимъ. „Пусть за него (Густава) вступается Франція", сказалъ тогда Питтъ. И въ Даніи считали возможнымъ, что отношенія Англіи къ Швеціи измѣнятся вслѣдствіе того, что Густавъ просилъ посредничества Франціи [4]).

Для Россіи могло казаться выгоднымъ, что Густавъ въ одно и то же время имѣлъ дѣло съ разными державами, которыя соперничали между собою. Такимъ образомъ онъ скорѣе всего могъ лишить себя помощи и поддержки своихъ союзниковъ. Особенно забавнымъ казалось въ Петербургѣ то, что Густавъ надѣялся на Францію, которая въ то время старалась сблизиться съ Россіей. 28-го сентября Храповицкій замѣчаетъ въ своемъ журналѣ:

„Нашъ Кридоноръ (русскій посланникъ въ Копенгагенѣ) пишетъ, что Шведскій король, бывъ усовѣщенъ министромъ французскимъ, заплакавъ, сказалъ

[1]) Зап. Храп., 9-го ноября.

[2]) Зап. Храп., 9-го ноября.

[3]) Зап. Храп., 11-го ноября.

[4]) Зап. Храп., 28-го сентября: «Изъ Даніи графъ Бернсторфъ пишетъ, что англійскій министръ Эльгинъ поѣхалъ къ королю въ Шонію: Il assure que c'est dans la double vue de travailler à la paix et de sonder la disposition de ce prince pour sa cour, devenue douteuse, depuis qu'il s'est adressé à la France pour l'objet de la médiation»

qu'il se jette dans les bras du roi de France. Сему смѣялись: «Это настоящая комедія»".

Около того же времени Екатерина съ насмѣшкою писала къ Іосифу II объ этомъ образѣ дѣйствій Густава, замѣчая притомъ: „Онъ ко всѣмъ адресовался кромѣ меня, отъ которой миръ зависитъ" [1]). Кромѣ того 11-го октября Екатерина писала къ Циммерману:

„Его шведское величество отнесся нынѣ къ французскому, испанскому, прусскому и англійскому дворамъ и генеральнымъ штатамъ и къ королю Датскому, объявя каждому изъ нихъ порознь, что кромѣ его не вольметъ другаго посредничества, и прося доставить ему миръ со мною. Вы можете разсудить, сколь искренно можетъ быть такое желаніе мира, когда для скорѣйшаго полученія онаго старается онъ приглашать всю Европу. Между частными людьми такой поступокъ называется насмѣшкой, когда кому вздумается сказать шестерымъ человѣкамъ: каждый изъ васъ *одинъ* уполномоченъ будетъ распорядить дѣла мои. Увидимъ теперь, сколь лестна будетъ каждому изъ сихъ дворовъ довѣренность его шведскаго величества. Если бы онъ сдѣлалъ такое предложеніе моему принцу Нассау, то сей отвѣчалъ бы ему вызовомъ на поединокъ" [2]).

Французскому посланнику, графу Сегюру, императрица жаловалась на Густава, что онъ вмѣсто искренняго желанія мира распускаетъ разные неблагопріятные слухи о русскомъ дворѣ и въ то же время проситъ посредничества Франціи для примиренія съ Россіей. „Король Шведскій", объясняла Екатерина, „надѣясь на союзъ съ Англіей и Пруссіей, хочетъ лишь затянуть войну; вы знаете, въ какой степени союзъ Англіи и Пруссіи имѣетъ цѣлью противодѣйствовать вліянію Франціи и Россіи". Екатерина желала заключенія формальнаго союза съ Франціей. Сегюръ замѣчаетъ, что Густавъ, можетъ-быть, только вслѣдствіе самаго отчаяннаго положенія рѣшился обратиться ко всѣмъ дворамъ. „Нѣтъ",—сказала императрица,—„онъ хочетъ скорѣе запутать чѣмъ кончить дѣло; онъ ничего не предполагаетъ; онъ не говоритъ ни объ удовлетвореніи, ни о вознагражденіи. Изъявляя желаніе мира, онъ оскорбляетъ меня изданіемъ и распространеніемъ декларацій". Интересъ Франціи, находившейся въ опасности лишиться своего вліянія въ Европѣ, требовалъ сближенія съ Россіей. Сегюръ въ письмахъ къ Монморену подробно объяснялъ положеніе дѣлъ и старался противо-

[1]) «Il vient de se jeter, à ce qu'il dit, entre les bras des rois de France et d'Espagne *seuls*; также къ Прусскому и Англійскому *seuls*, къ Датскому *seul* и думать должно къ Голландіи *seule*. Изъ чего выводится послѣдствіемъ: 1-е, qu'il ne veut pas de paix; 2) qu'il cherche à mettre l'Europe entière en combustion».

[2]) Сочиненія Екатерины, III, 402.

дѣйствовать вліянію Англіи и Пруссіи [1]). Но печальное положеніе, въ которомъ находилась тогда Франція, и успѣхи Россіи въ войнѣ съ Турками, въ особенности же взятіе Очакова, останавливали французское министерство, и заключеніе желаннаго союза не состоялось. Подобно тому и предложеніе о посредничествѣ Испаніи, сдѣланное чрезъ испанскаго посланника въ Петербургѣ, Гальвеса, не было принято.

При участіи столь многихъ кабинетовъ въ этихъ политическихъ вопросахъ, при тѣсной связи между вопросами балтійскимъ, польскимъ и восточнымъ, нельзя было надѣяться на заключеніе мира. Говорили о томъ, что Голландія готова соединить свой флотъ съ шведскимъ для дѣйствій противъ Россіи [2]); разказывали, что Густавъ, недовольный перемиріемъ съ Даніей и опекой Элліота, желалъ наказать Датчанъ; изъ Даніи писали, что король Шведскій не хочетъ мира, „не взявъ куска изъ русской Финляндіи“ [3]). Тѣмъ болѣе императрица старалась подѣйствовать на Данію и съ этою цѣлью сама писала къ Датскому королю, къ принцу Гессенскому и къ наслѣдному принцу [4]). Въ Копенгагенъ былъ отправленъ особый повѣренный, Пумсенъ, назначенный „для поощренія Датчанъ къ дѣйствію противъ Шведовъ“. Въ его инструкціи были описаны фавориты наслѣднаго принца, „и какъ удобнѣе преклонить ихъ на свою сторону“. Съ Англіей императрица старалась сблизиться предложеніемъ заключить коммерческій договоръ. Воронцову, русскому посланнику въ Лондонѣ, были даны подробныя инструкціи сдерживать по возможности англійскій кабинетъ [5]). Русскому посланнику въ Берлинѣ также было поручено тре-

[1]) *Ségur*, III, 436, 437.

[2]) *Ségur*, III, 457. Монморенъ писалъ къ Сегюру: «Avertissez la Russie, que la Hollande vient armer une escadre pour la joindre à la flotte suédoise; nous en avons l'avis secret».

[3]) Зап. Храп., 9-го ноября.

[4]) Зап. Храп., 18-го и 20-го ноября. Императрица читала эти письма Храповицкому, который называлъ ихъ «сильными».

[5]) Зап. Храп., 7-го декабря: «Велѣли заготовить рескриптъ къ графу Воронцову», о чемъ Екатерина замѣтила: «Въ совѣтѣ показанъ не будетъ, а знаю я и кто пишетъ, да сказываю тебѣ». 8-го декабря «подписанъ рескриптъ къ графу Воронцову, о коемъ вчера говорено; тутъ сдѣланы ему всѣ мѣропоженія для связи съ Англіей, какъ трактатомъ коммерческимъ, такъ и внушеніемъ, что постыдно такой державѣ быть въ зависимости двора Прусскаго, гдѣ явный нашъ врагъ Герцбергъ пользуется королевскою слабостью и вовлекаетъ Англію безъ собственной ея пользы въ интриги, имъ составляемыя. Однако всѣ изъясненія дѣлать на словахъ, а не на письмѣ». «Буде и не удастся», замѣтила

бовать объясненія отъ прусскаго кабинета, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что событіе, „подобное 1756 года, не сбудется иначе, какъ развѣ тогда, когда они сами къ тому подадутъ причины“ [1]).

Можно сказать, что вообще Екатерина желала мира. Положеніе дѣлъ казалось ей весьма серіознымъ. Она и сама высказала это въ письмѣ къ императору Іосифу II, замѣтивъ, что для Россіи положительно невозможно въ одно и то же время воевать и съ Турціей, и съ Пруссіей (чего она опасалась), и что потому она готова сдѣлать все, отъ нея зависящее, для возстановленія мира [2]). 17-го ноября Екатерина сказала Храповицкому: „Когда изъ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ выйдемъ съ честью и славою, то великое уваженіе получимъ въ Европѣ“ [3]). Особенно послѣ взятія Очакова въ императрицѣ, какъ пишетъ Храповицкій, „была примѣтна возрастающая надежда“ [4]). Но именно это важное событіе затрудняло нѣсколько скорѣйшее возстановленіе мира, внушая западнымъ державамъ различныя опасенія относи-

императрица, «то все сдѣлала, чѣмъ должна имперія, и не виновата въ послѣдствіяхъ». 23-го ноября: «Самъ Питтъ въ парламентѣ признался, что у нихъ треть коммерціи съ нами, а война прибыли Англіи не принесетъ». 9-го декабря: «При продолженіи прежняго разговора объ Англіи (Екатерина сказала): Ей нельзя имѣть съ Россіей связь, ибо торговля съ нами составляетъ треть всей ея коммерціи. Приходитъ на мысли давно предполагаемый Сѣверный союзъ между Англіей, Даніей и нами, къ коему Швецію и принудить можно»... «Пересказывали мнѣ изъ донесенія Криденера объ отзывѣ Беристорфа, что буде при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не сдѣлаемъ мы связи съ Англіей, то не будетъ оной никогда».

[1]) То-есть, война Россіи съ Пруссіей. Екатерина, говоря о томъ, что Пруссія стала дѣйствовать какъ бы умѣреннѣе и обѣщала возстановить миръ, утвердя за Россіею Крымъ, Очаковъ и навигацію по Черному морю, замѣтила: «Знаетъ кошка, чье мясо съѣла». Зап. Храп., 16-го декабря.

[2]) Она писала: «Elle (то-есть, Votre Majesté) voit, que je n'ai point chargé le tableau, quand je lui ai dépeint la cour de Berlin, comme l'ennemi le plus acharné et le plus en état de nuire à nos interêts communs. Il a levé le masque vis-à-vis de V. M. I. d'une façon inouie, et quant à moi, sa trame est ourdie de toute façon et jusque dans mes états il cabale et voudrait me susciter des embarras... Si je lui avance que quelque chose m'est impossible, et que je ne puis la faire, qu'elle est bien sans remède, certes c'est une guerre avec la Porte et le roi de Prusse en même temps». Въ упомянутомъ письмѣ, служащемъ въ отвѣтъ, сказано: «Препорученныя изъясненія съ министерствомъ могутъ convaincre V. M. I., combien je désire de mon côté d'amener les choses à une pacification, n'y ayant assurément aucun agrément à avoir deux guerres sur les bras et une troisième prête à éclore». Зап. Храп.

[3]) Зап. Храповицкаго.

[4]) Зап. Храп., 17-го декабря.

тельно увеличенія Россіи. Въ Берлинѣ извѣстіе о взятіи Очакова было названо „grande nouvelle“ [1]). Между тѣмъ какъ на западѣ опасались, что Россія пойдетъ еще далѣе на пути къ Константинополю [2]), Екатерина была такъ довольна, что въ разговорѣ съ Храповицкимъ замѣтила слѣдующее: „Le roi d'Angleterre est malade plus que jamais, le roi de Prusse poursuit ses méchancetés, le roi d'Espagne est prêt à mourir, la diète de Pologne continue ses extravagances, mais Oczakoff est pris. C'est ce qui est bon à prendre, est bon à garder“ [3]). Еще осенью, видя, что съ различныхъ сторонъ встрѣчаются затрудненія къ заключенію мира съ Швеціей, Екатерина желала продолжать военныя дѣйствія въ Финляндіи и въ теченіе зимы. Успѣхами въ такой зимней кампаніи она надѣялась принудить Густава къ окончанію войны. Надежда на заключеніе перемирія съ войсками, оставшимися послѣ короля въ Финляндіи, оказалась тщетною. Хотя шла переписка съ членами конфедераціи въ Аньялá, и даже были свиданія между ними и русскими офицерами, хотя даже самъ братъ короля, Карлъ Сюдерманландскій, казался сначала склоннымъ заключить перемиріе съ императрицей, но успѣхи Густава въ юго-западной Швеціи въ борьбѣ съ Даніей и заступничество Англіи и Пруссіи препятствовали формальному прекращенію войны въ Финляндіи. На фактѣ военныя дѣйствія не были возобновлены, но и формально заключеннаго перемирія не было. Мы уже говорили о томъ, что Сегюръ видѣлъ въ этомъ упущеніе со стороны Екатерины.

Намъ не извѣстны всѣ подробности переговоровъ императрицы съ начальниками финляндскаго войска; но во всякомъ случаѣ требованіе со стороны Россіи возстановленія прежней конституціи было такъ же естественно, какъ и то, что Россія не соглашалась прекратить блокаду Свеаборгской гавани. Русскій кабинетъ не могъ ожидать столь быстраго оборота въ пользу короля въ самой Швеціи, какъ въ отношеніи къ Датской войнѣ, такъ и въ отношеніи къ оппозиціонному дворянству. Но событія на сеймѣ весною 1789 года показали, что Густавъ умѣлъ

[1]) Зап. Храп., 4-го января 1789 года.

[2]) «On fut surpris à Versailles de la prise d'Oczakow, et cette nouvelle changea toutes les combinaisons de notre ministère. Il était impatient de savoir à quelles indemnités Catherine bornerait son ambition». *Ségur*, III, 447.

[3]) Зап. Храп., 4-го января. *Переводъ:* Англійскій король боленъ сильнѣе чѣмъ когда-либо, Прусскій продолжаетъ свои коварства, Испанскій при смерти; польскій сеймъ по прежнему сумазбродствуетъ, но Очаковъ взятъ. А что разъ взято, то и сберечь надо.

приготовить населеніе въ Швеціи къ новому государственному перевороту, и что дѣйствуя такимъ образомъ противъ дворянства, онъ сумѣлъ устранить опасность дальнѣйшей революціи въ Финляндіи. Положительно извѣстно, что Карлъ, герцогъ Сюдерманландскій, сначала дѣйствовавшій заодно съ оппозиціей, по полученіи извѣстій объ успѣхахъ Густава, тотчасъ же перемѣнилъ свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ конфедератамъ и старался казаться вѣрнымъ подданнымъ короля. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя было заключить формальнаго перемирія въ Финляндіи. Густавъ строго запретилъ своему брату вступать въ переговоры съ Россіей. Карлъ уже нарушилъ повелѣніе короля продолженіемъ переписки съ русскими офицерами, начатой конфедератами, и оставленіемъ Гёгфорскаго укрѣпленія въ юго-западномъ уголкѣ русской Финляндіи; но заключить перемиріе онъ не посмѣлъ. Хотя и отступленіе отъ Гёгфорса совершилось, какъ можно полагать, вслѣдствіе сдѣлки съ главнокомандующимъ русскими войсками, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, все же это происходило тайно, неофиціально. Ни одна изъ воюющихъ сторонъ не могла считать себя обязанною къ совершенному прекращенію военныхъ дѣйствій. Тѣмъ болѣе Екатерина желала продолженія ихъ въ Финляндіи. Еще въ августѣ разказывали въ Петербургѣ, что Шведы намѣрены сдѣлать зимою нападеніе „изъ своей Кареліи на Олонецкую губернію, и поэтому губернаторъ Олонецкой губерніи, Тутолминъ, заготовилъ лыжи, назначенныя для зимней кампаніи“ [1]). Въ октябрѣ Екатерина велѣла сказать графу Безбородко:

„Чтобы, для достиженія скорѣйшаго мира со Швеціей, поспѣшить совершеніемъ зимней кампаніи, ибо, войдя съ двухъ сторонъ въ шведскую Финляндію, можно Финновъ привести въ рѣшимость къ составленію сейма или особеннаго постановленія, повелѣвъ уже тогда пригласить и Шведовъ для утвержденія мира на общемъ національномъ сеймѣ. Время тратить недолжно, дабы не дать усилиться королевской партіи, тѣмъ болѣе, что обнаруженный поступокъ двора прусскаго противъ Даніи обязываетъ насъ къ защищенію союзника, намъ помогающаго“ [2]).

На финляндское войско впрочемъ нельзя было надѣяться. Тѣ части его, на которыя партія короля не могла положиться, были уведены дальше отъ границы; а Шведы, оставшіеся вѣрными королю, какъ писалъ генералъ Гюнцель въ Петербургъ, были расположены на всѣхъ пограничныхъ постахъ и при малѣйшей тревогѣ были готовы

[1]) Зап. Храп., 21-го августа.

[2]) Зап. Храп., 16-го октября.

къ сраженію [1]). 22-го ноября Екатерина въ разговорѣ съ Храповицкимъ о положеніи дѣлъ въ Финляндіи сказала: „Финны притѣснены принцемъ Карломъ, дали намъ знать о всѣхъ обстоятельствахъ, показавъ число шведскихъ войскъ, и какія мѣста занимаютъ; они считаютъ ихъ до 16.000, но я не вѣрю. Финны готовы съ нами соединиться, чтобъ выгнать Шведовъ изъ Финляндіи. Графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ по симъ обстоятельствамъ согласился на зимнюю кампанію; тутъ или Шведовъ побьемъ, или они сами ружье положатъ". Екатерина справлялась о различныхъ условіяхъ зимней кампаніи, указывала на подобные случаи въ прежней исторіи Финляндіи и старалась уговорить Мусина-Пушкина къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Послѣдній пріѣхалъ въ первыхъ числахъ октября въ С.-Петербургъ. Вѣроятно, къ ближайшему за тѣмъ времени относится записка императрицы къ Салтыкову:

„Николай Ивановичъ! Чужестранные министры жестоко повсюду интригуютъ, чтобы мы остались противъ Шведовъ въ Финляндіи въ недѣйствіи. Какъ они вхожи къ графу [2]) въ домъ, то прошу его отъ меня остерегать, чтобъ онъ отнюдь не вдавался въ ихъ каверзы, но исполнялъ точно мои ему данныя приказанія и предписанія. Ради Бога, утвердите его, колико можно, на пути единопричномъ" [3]).

Къ Архарову императрица писала 30-го сентября 1788 года секретно, поручая ему держать наготовѣ извѣстное число зимнихъ повозокъ для артиллеріи, людей, снарядовъ и провіанта. При этомъ она поручила ему „производить все безъ огласки, и чтобы все къ мѣсту поспѣло къ 1-му декабря", прибавляя, что Архаровъ отъ Салтыкова получитъ свѣдѣнія. „сколько какихъ зимнихъ повозокъ надобно" [4]). Императрица постоянно составляла проекты новыхъ военныхъ дѣйствій, изучала событія похода въ Финляндіи при императрицѣ Елисаветѣ [5]), распоряжалась объ укрѣпленіи главныхъ проходовъ, слѣдила съ большимъ вниманіемъ за ходомъ рекрутскаго набора [6]), говорила объ укрѣпленіи Петербурга [7]) и разсматривала карту Финляндіи [8]). Чѣмъ подробнѣе узнавали въ Петербургѣ о враждебныхъ дѣй-

[1]) Зап. Храп., 14-го ноября.

[2]) Вѣроятно, тутъ говорится о графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, какъ полагаетъ издатель писемъ Екатерины къ Салтыкову.

[3]) *Русскій Архивъ* 1864 г., стр. 979.

[4]) *Русскій Архивъ* 1864, стр. 906.

[5]) Зап. Храп., 13-го ноября 1788 года.

[6]) Зап. Храп., 11-го февраля 1789 года.

[7]) Зап. Храп., 5-го января 1789 года.

[8]) Зап. Храп., 18-го марта 1789 года.

ствіяхъ прусскаго кабинета, о новыхъ вооруженіяхъ въ Константинополѣ, о приготовленіяхъ къ продолженію войны въ Швеціи, тѣмъ дѣятельнѣе и въ Петербургѣ принимались надлежащія мѣры для успѣшныхъ дѣйствій въ Финляндіи. Екатерина все еще надѣялась на оппозиціонное настроеніе умовъ въ финляндскомъ войскѣ, даже на графа Мейерфельда, который, какъ разсказывали въ Петербургѣ, желалъ имѣть свиданіе съ генераломъ Гюнцелемъ. „Пусть Шведы отступаютъ“, замѣтила однажды Екатерина, „по мѣрѣ приближенія нашего къ Ловизѣ; такимъ образомъ займемъ ихъ Финляндію для сдѣланія оной независимою. Сіе самое произведетъ революцію въ Швеціи, а тамъ одно только морское сраженіе, и мы въ Стокгольмѣ“ [1]). Князь Потемкинъ составилъ свои соображенія о предстоящемъ походѣ въ Финляндіи. По его указаніямъ, императрица велѣла приготовить новыя орудія, единороги и мортиры [2]); Потемкинъ желалъ, чтобы Россія дѣйствовала наступательно. Разбирая еще другой проектъ наступательной кампаніи, Екатерина замѣтила собственноручно:

„Мнѣ лучше нравится дефензива, нежели офензива: сія послѣдняя требуетъ много точности и подробностей, отъ водянаго подвоза зависящихъ, да сверхъ того, входя въ Финляндію, Финнамъ будетъ въ тягость, а теперь они насъ менажируютъ. Остаться въ дефензивѣ, доколѣ за вѣрно полагать можно будетъ, что офензива полезнѣе для насъ“.

Къ этому Екатерина прибавила въ разговорѣ: „Сперва надобно разбить флотъ и завладѣть моремъ, а послѣ дѣйствовать наступательно; сіе произведетъ революцію. Истребя шведскій флотъ, надолго можемъ быть спокойны“ [3]).

Изъ всего этого видно, что въ Петербургѣ на миръ не надѣялись. Точно также и въ Швеціи готовились къ продолженію войны. Не смотря на финансовыя затрудненія, Густавъ всѣми мѣрами старался увеличить составъ войска и флота. Уже въ августѣ 1788 года онъ успѣлъ занять нѣсколько милліоновъ по 4½% у Генуезскихъ банкировъ [4]); въ самой Швеціи былъ открытъ государственный заемъ въ полмилліона талеровъ на 6 мѣсяцевъ по 6%, съ условіемъ возвращенія сего долга изъ таможенныхъ сборовъ [5]); но попытка Швеціи занять деньги въ Амстердамѣ не имѣла ни малѣйшаго успѣха, потому что голландскіе банкиры требовали поручительства шведскихъ государствен-

[1]) Зап. Храп., 13 го марта 1789 года.
[2]) Зап. Храп., 7-го и 16-го марта 1789 года.
[3]) Зап. Храп., 23-го марта 1789 года.
[4]) *С.-Пет. Вѣд.* 1788 года, стр. 1003.
[5]) *С.-Пет. Вѣд.* 1788 года, 1130.

ныхъ чиновъ [1]). Также и въ Англіи Швеція не имѣла кредита. Между тѣмъ Густавъ не терялъ времени и продолжалъ вооруженія. Въ различныхъ мѣстахъ собирались отряды волонтеровъ; говорили о предстоящемъ сформированіи отряда изъ иностранцевъ; въ Карлскронѣ работали день и ночь; были сдѣланы большіе заказы на поставку солдатскихъ мундировъ. Многое зависѣло для продолженія похода отъ рѣшенія конституціонныхъ вопросовъ на сеймѣ, созваномъ Густавомъ къ началу 1789 года. Въ Россіи надѣялись на этотъ сеймъ, отъ котораго ожидали ограниченія монархической власти въ Швеціи; въ Финляндіи оппозиціонная партія могла считать сеймъ средствомъ спасенія членовъ конфедераціи, преслѣдуемыхъ правительствомъ. Густавъ же считалъ созваніе сейма необходимымъ средствомъ для повторенія государственнаго переворота и для доставленія себѣ необходимыхъ денежныхъ пособій къ продолженію войны. Чѣмъ болѣе оправдывалась надежда короля, умѣвшаго приготовить общественное мнѣніе къ предстоящему торжеству королевскаго авторитета, тѣмъ менѣе можно было ожидать возстановленія мира, о которомъ такъ дѣятельно заботились кабинеты главныхъ европейскихъ державъ.

Между тѣмъ зимою случился весьма любопытный эпизодъ въ Копенгагенѣ. Довольно поздно послѣ крейсированія около шведскихъ береговъ пришла туда русская эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала фонъ-Дезина. Екатерина, долго не получая извѣстія объ этой эскадрѣ, уже сильно безпокоилась [2]). Наконецъ однако было получено извѣстіе о прибытіи кораблей [3]), а вскорѣ послѣ этого фонъ-Дезинъ былъ замѣненъ Повалишинымъ [4]). Густавъ былъ недоволенъ тѣмъ, что датчане дозволили русской эскадрѣ зимовать въ Копенгагенскомъ портѣ. Русскій посланникъ въ Парижѣ, Симолинъ, даже писалъ о томъ, что Густавъ, негодуя на Датчанъ, „хочетъ зажечь русскую эскадру à leur

[1]) *С.-Пет. Вѣд.* 1789 года, 213.

[2]) Зап. Хран. 28-го декабря 1788 года, о письмѣ Безбородки [illegible], гдѣ сказано, что пошелъ снѣгъ и ледъ, а корабли не вошли еще въ гавань, Екатерина замѣтила: «Дуракъ фонъ-Дезинъ пропустилъ и потерялъ 11 кораблей». 30-го декабря она сказала: «Жалѣть о томъ, что фонъ-Дезинъ потерялъ корабли; онъ виноватъ предъ отечествомъ, что [illegible] адмиралы обоихъ фонъ-Дезиновъ; не знаю, были ли они въ Архипелагѣ?».

[3]) Зап. Хран., 31-го декабря: «Наши корабли пришли. Есть извѣстіе о томъ въ Гамбургскихъ газетахъ. Послана со мною записка о томъ на низъ, и велѣно мнѣ увѣдомить графа Чернышева».

[4]) *Вейдемейеръ*, II, 651.

barbe“ [1]). Нѣсколько недѣль спустя, дѣйствительно былъ открытъ умыселъ сжечь русскую эскадру. Нѣкто Бенцельшерна, находившійся уже нѣкоторое время въ Копенгагенѣ, купилъ англійскій корабль, нагруженный смолою, порохомъ и ромомъ, за 1.200 талеровъ и условился съ шкипероиъ этого корабля, Шотландцемъ О'Брипомъ, употребить это судно, какъ брандеръ для сожженія русской эскадры. За каждый сгорѣвшій русскій корабль шкиперу было обѣщано 5.000 талеровъ. Объ этомъ умыслѣ узнали въ Копенгагенѣ и арестовали шкипера. Главнаго зачинщика этого умысла долго искали и наконецъ открыли, что онъ находился въ домѣ шведскаго посланника Альбедиля, гдѣ онъ считалъ себя подъ покровительствомъ права убѣжища (droit d'asile). Говорили даже, что шведскій посланникъ, скрывая Бенцельшерну, старался дать ему случай спастись бѣгствомъ; но противъ этого намѣренія въ Копенгагенѣ были приняты такія мѣры предосторожности, что Бенцельшерна былъ арестованъ. Народъ до того былъ озлобленъ, что при этомъ случаѣ и Бенцельшерну, и шведскаго посланника хотѣли убить. Послѣдній тотчасъ же уѣхалъ въ Стокгольмъ, а между тѣмъ послѣ очной ставки Бенцельшерны съ шкипероиъ О'Брипомъ умыселъ былъ открытъ совершенно. Послѣдовало арестованіе еще нѣсколькихъ лицъ. Весь городъ былъ въ волненіи. Разказывали о всѣхъ подробностяхъ арестованія Бенцельшерны послѣ совѣщанія графа Бернсторфа съ иностранными дипломатами. Была составлена особая судебная коммиссія для производства слѣдствія. Ходили слухи о предполагаемомъ сожженіи всего Копенгагена. У нѣкоторыхъ лицъ нашли горючія вещества; на сушильняхъ были открыты спрятанные тамъ фитили и фейерверки [2]). Въ Петербургѣ же говорили и объ умыслѣ противъ особы Екатерины [3]).

Самъ король Густавъ былъ нѣсколько компрометтированъ этимъ случаемъ. Онъ далъ знать въ Копенгагенъ, что съ омерзеніемъ смот-

---

[1]) Зап. Хран., 24-го декабря 1788 года.

[2]) См. *С.-Пет. Вѣд.* 322, 387, 388, 402, 419.

[3]) Зап. Хран., 5-го марта: «Былъ умыселъ сжечь корабли наши, въ Даніи зимующіе, но оный открылся. Есть умыселъ и противъ особы Ея Величества, но мнѣ не показанъ. Посилъ на низъ: «Первое круто, а второе скиредно». — У Кастеры сказано, что благодаря стараніямъ Альбедиля Бенцельшерна спасся, но изъ подробныхъ указаній въ *С.-Пет. Вѣдомостяхъ* видно, что онъ былъ арестованъ. Говоря объ озлобленіи датской черни, въ особенности датскихъ матросовъ, хотѣвшихъ разорвать на куски шведскаго дипломата, Кастера говоритъ: «Увѣряютъ, что въ этой толпѣ былъ и русскій посланникъ Крюденеръ, переодѣтый въ матроса». III, 158.

ритъ на такое покушеніе [1]); но въ самой Швеціи, какъ увѣряли, извѣстіе объ этомъ происшествіи произвело глубокое впечатлѣніе на публику и еще болѣе содѣйствовало отвращенію дворянства отъ короля. Изъ Копенгагена писали въ Стокгольмъ:

„Не намъ, а всей Европѣ слѣдуетъ судить объ этомъ дѣлѣ и образѣ дѣйствій виновниковъ. Такимъ предпріятіемъ не только нарушены законы гостепріимства и народнаго права, но и здѣшній городъ со всѣми жителями подвергался очевидной опасности. Есть такія преступленія, которыя всю мѣру и всѣ возможныя наказанія превосходятъ. Дѣла, все человѣчество возмущающія, конечно, лучше скрывать завѣсою тайны; но когда они имѣютъ вліяніе на жребій многихъ тысячъ народа, то ни малѣйшей пощады не достойны“ [2]).

Въ Копенгагенѣ носились слухи о результатахъ допросовъ О'Брина и Бенцельшерны. Увѣряли, что „Европа увидитъ главнаго виновника столь постыднаго и ненавистнаго злодѣянія не въ Бенцельшернѣ, а въ гораздо коварнѣйшемъ лицѣ“; указывали на то, что сожженіе датскаго и русскаго флотовъ и самого Копенгагена должно было происходить въ то самое время, когда король Густавъ велѣлъ арестовать многихъ дворянъ, не хотѣвшихъ повиноваться его предложеніямъ на сеймѣ [3]). Однако изъ допросовъ арестованныхъ, сколько намъ извѣстно, не обнаружилось никакого участія шведскаго правительства. Бенцельшерна объявилъ, что онъ былъ побужденъ къ такому предпріятію просто любовью къ отечеству, и что на исполненіе его онъ употребилъ лишь свои деньги. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ, и О'Брингъ были приговорены къ смертной казни, но король Датскій замѣнилъ ее вѣчнымъ заключеніемъ въ темницу [4]).

---

[1]) *S.-Pet. Ztg.*

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 459.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 461.

[4]) *С.-Петерб. Вѣд.* 437, 476, 511, 561, 607, 746, 760, 1541. *S.-Pet. Ztg.*, 1790 18-го Januar. Гилленгранатъ отрицаетъ возможность участія шведскаго правительства въ этомъ дѣлѣ. Онъ увѣряетъ, что такимъ брандеромъ положительно невозможно зажечь флотъ. Онъ, кажется, вообще сомнѣвается въ томъ, что такое событіе имѣло мѣсто, и утверждаетъ, что «если подобные слухи дѣйствительно носились во время войны, то они, безъ сомнѣнія, были распускаемы собственно для того, чтобы сдѣлать войну эту ненавистною какъ въ государствѣ, такъ и внѣ его, и вѣроятнѣе всего, сочиняемы были партіями недовольныхъ бунтовщиковъ, которые не удовольствовались тѣмъ, что имъ удалось ввести въ заблужденіе храбрыя финскія войска». *Морской Сборникъ* 1863 г., № 5, стр. 239. При сообщенныхъ въ тогдашнихъ газетахъ подробностяхъ о допросахъ, о состояніи здоровья и о поведеніи преступниковъ, въ самомъ фактѣ, то-есть, въ томъ, что дѣйствительно былъ замыселъ сжечь русскій и датскій флоты, конечно, нельзя сомнѣваться. По вопросу о томъ, зналъ ли Густавъ объ этомъ предпріятіи,

Россія все еще надѣялась на Данію, которая не соглашалась на заключеніе мира съ Швеціей и въ теченіе зимы также заботилась о приведеніи въ надлежащее состояніе своихъ войскъ и флота. Уже въ декабрѣ ходили слухи о томъ, что Данія въ будущемъ году намѣрена участвовать въ походѣ и желаетъ усилить составъ своего флота [1]). Между Даніей и Швеціей произошли разныя недоразумѣнія. Спорили о призахъ, взятыхъ Шведами, какъ мы видѣли, во время перемирія [2]). Однажды зимой 300 человѣкъ Шведовъ вдругъ показались близъ датской границы: датское правительство тотчасъ же потребовало отъ Швеціи объясненія этого факта [3]). Въ Даніи начали оснащать нѣсколько новыхъ линейныхъ кораблей [4]). Говорили, что 20 линейныхъ кораблей готовы къ походу, и для нихъ назначено 11.000 человѣкъ солдатъ и матросовъ. Весною приготовленія къ войнѣ стали еще оживленнѣе [5]). Въ концѣ апрѣля датскій флотъ былъ совершенно готовъ къ отплытію [6]), и Густавъ III надѣялся только на посредниче-

нельзя пока рѣшить. Хотя и любопытно вышеприведенное замѣчаніе Монморена въ декабрѣ 1788 года, что Густавъ, негодуя на Датчанъ, хочетъ сжечь датскій и русскій флоты, но едва ли должно обращать вниманіе на это обстоятельство, какъ на обличительный аргументъ для доказательства участія въ этомъ дѣлѣ Густава. Странно, что въ запискахъ Храповицкаго нѣтъ почти никакихъ замѣтокъ объ этомъ происшествіи, хотя въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и были сообщаемы всѣ подробности этого эпизода. О необыкновенныхъ способностяхъ Бенцельшерны говоритъ Горфтъ, стр. 197, сожалѣя о томъ, что у него «die Vaterlandsliebe in Laster ausgeartet war». Тутъ сказано, что мысль объ этомъ покушеніи родилась вслѣдствіе того, что Данія долгое время не рѣшалась давать положительный отвѣтъ на предложенія Швеціи. У д'Аквилы, сказано, что шведскій дипломатъ покровительствовалъ спасающемуся Бенцельшернѣ, не зная о его преступленіи. Густавъ, продолжаетъ д'Аквила, пришелъ въ негодованіе, узнавъ объ этомъ умыслѣ, и надѣялся на открытіе подробностей его; но къ сожалѣнію, слѣдствіе производилось скрытно и тайно (la procédure resta couverte et impénétrable). Эксперты объявили, что корабль, который долженъ былъ служить брандеромъ, вовсе не годился для этой цѣли. Въ декабрѣ 1789 года, какъ пишетъ д'Аквила, Бенцельшерна былъ приговоренъ къ смертной казни; въ январѣ 1790 года Екатерина просила отмѣнить смертную казнь, и поэтому 17-го марта приговоръ былъ измѣненъ, и Бенцельшерна навсегда былъ заключенъ въ крѣпость Мункгольмъ; см. *d'Aquila*, II, 270.

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 52.
[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 114.
[3]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 162.
[4]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 178, 244, 322.
[5]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 511.
[6]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 586.

ство Англіи, Голландіи и Пруссіи, чтобы принудить Данію къ обращенію перемирія въ миръ [1]).

И дѣйствительно, надежды короля не были лишены основанія. Что касается Англіи, то она скорѣе была готова оставаться нейтральною. Сама Екатерина старалась дѣйствовать чрезъ русскаго посланника, графа Воронцова, на англійскій кабинетъ, выставляя на видъ, что интересы Англіи во многомъ сходны съ интересами Россіи [2]). Что же касалось Пруссіи, то Берлинскій кабинетъ не переставалъ дѣйствовать въ пользу Швеціи, желая мѣшать русской политикѣ въ Польшѣ и Турціи, а можетъ-быть, и надѣясь ранѣе или позже за оказанныя Швеціи услуги получить шведскую Померанію [3]). Въ особенности образъ дѣйствій прусскаго кабинета въ Польшѣ вызывалъ постоянно негодованіе императрицы [4]). Увѣряя въ письмѣ къ Циммерману, отъ 29-го января 1789 года, что Россія не можетъ согласиться на посредничество, Екатерина писала:

„У насъ еще не забыли, что во время Семилѣтней войны, не смотря на превосходный умъ короля Прусскаго, на сокровища, Англіей истощенныя, на героевъ, начальствовавшихъ арміями, покойный король долженъ былъ лишиться даже своей столицы, и что въ 1762 году Екатерина II имѣла честь возвратить сему государю Прусское королевство и знатную часть Помераніи“ [5]).

Въ другомъ письмѣ къ Циммерману же, весной 1789 года, она писала о политикѣ прусскаго кабинета:

„Я очень держусь мнѣнія тѣхъ или того, кто увѣренъ, что Фридрихъ II никогда не одобрилъ бы поведенія столь противнаго тому, которое онъ наблюдалъ постоянно съ 1762 года. Нынѣ приняли въ политикѣ правила господина Шуазеля, коимъ Фридрихъ II очень смѣялся. Всѣ знаютъ, что намъ стоила политика Шуазелева. Мечтательный его страхъ о величіи Россіи покрывалъ его страсть, его ненависть, его зависть и его двоедушіе. Онъ хотѣлъ было вредить мнѣ, но вмѣсто того обнаруживалъ только собственную

---

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 606.

[2]) «Les vrais interêts de la Grande Bretagne se trouvent naturellement liés à ceux de la Russie...»; см. собственноручное письмо Екатерины къ Воронцову у Храповицкаго, 26-го февраля 1789 года.

[3]) См. *Herrmann*, Gesch. des russ. Staats VI: 269: «England wollte sich zu keinen Subsidien verstehen, und wenn auch Preussen, nachdem es bereits eine Million Thaler vorgeschossen hatte, sich zu weiteren Anleihen zu 3½ Procent erbot, so glaubte doch Gustav auf ein solches Anerbieten sich nicht einlassen zu dürfen, weil er fürchtete, dass diese Krone schliesslich als Pfand Schwedisch Pommern in Beschlag nehmen würde».

[4]) См. объ этомъ между прочимъ *d'Aquila*, II, 243 - 247.

[5]) Соч. Екат., III, 467.

свою слабость и турецкую, которую вовлекъ въ хлопоты. У него всегда были на языкѣ вѣсы Европы, сіи метафизическіе вѣсы, отъ которыхъ всегда лишались равновѣсія всѣ державы, опиравшіяся на сихъ словахъ. Они служили ему пускать пыль въ глаза многимъ и прикрывать виды и намѣренія порочныя и бездѣльныя, когда они заступали мѣсто правосудія, которое есть основаніе всѣхъ государствъ и связь человѣческаго общества. Я думаю и въ этомъ увѣрена, что добрая слава кабинетовъ подобна доброй славѣ частныхъ людей; что посѣвающій вражду между своими сосѣдами не можетъ впушить къ себѣ довѣренности, ниже заслужить другой славы, кромѣ приписываемой зажигальщикамъ. Двоедушіе есть худой путь къ славѣ, и употребляющіе оное могутъ токмо быть обмануты собственнымъ своимъ дѣломъ; но многіе люди знаютъ только двѣ вещи въ политикѣ: лить масло на огонь и ловить рыбу въ мутной водѣ, — и вотъ что во всѣхъ столѣтіяхъ было причиною кровавыхъ зрѣлищъ, войнами называемыхъ, гдѣ государи пылкаго ума, сами или водимые министрами такого же расположенія, чувствуютъ раскаяніе не прежде, какъ пожертвовавъ своими подданными. Надѣюсь, что вскорѣ желанія ваши исполнятся, и Турки, равно какъ и его шведское величество, будутъ побиты на морѣ и на сухомъ пути; надѣюсь, что тѣ особы, коихъ возмутили, кои ихъ подкрѣпляютъ и поддерживаютъ, не преминутъ поздравить меня съ побѣдою, дабы тѣмъ скрыть свои намѣренія“ [1]).

Между тѣмъ въ Петербургѣ стало извѣстно о дальнѣйшей помощи, оказанной Густаву Пруссіей. Въ то время, какъ на сеймѣ въ Стокгольмѣ посланникъ Германскаго императора, Боценгардъ, обѣщалъ шведскому дворянству поддержать его въ борьбѣ съ королемъ, Пруссія, какъ полагали въ Петербургѣ, доставляла Швеціи денежныя средства для продолженія войны [2]). Въ рѣчи своей на сеймѣ Густавъ хвалился пособіемъ и доброжелательствомъ Прусскаго короля. Екатерина, узнавъ объ этомъ, сказала о Фридрихѣ Вильгельмѣ II: „Онъ съ ума сходитъ, противъ своихъ интересовъ Шведамъ помогаетъ, забывъ, что Петръ I отдалъ ему ихъ Померанію, которую они, успѣлись, возвратить постараются; безъ войны съ Пруссіей не обойдутись“ [3]). Носились слухи, что Густавъ намѣренъ вторично требовать Финляндіи. Екатерина насмѣшливо сказала: „Я пошлю карту Россійской имперіи и число душъ по губерніямъ“. Храповицкій замѣтилъ, что приложить можно и росписаніе войскъ. „Да и это можно“, сказала императрица [4]).

---

[1]) Соч. Екат., III, 440, 471.

[2]) Зап. Хран., 22-го февраля: «Король, надѣясь на Пруссію, хочетъ продолжать войну ci par un noble effort de la Suède принудить насъ къ полезному для него миру». 25-го февраля: «Криденеръ и Бернсторфъ подозрѣваютъ, что Прусскій король помогаетъ шведскому деньгами au nom des états d'Hollande remboursable, par la Porte».

[3]) Зап. Хран., 11-го марта 1789 года.

[4]) Зап. Хран., 15-го марта 1789 года.

Сеймъ, созванный Густавомъ въ самомъ началѣ 1789 года, долженъ былъ главнымъ образомъ рѣшить вопросъ о продолженіи войны въ Финляндіи. На сеймѣ можно было ожидать преній о нарушеніи королемъ конституціи черезъ начатіе наступательной войны, но король надѣялся восторжествовать здѣсь надъ дворянскою партіей, соединясь съ депутатами прочихъ сословій. Отъ сейма зависѣло предоставить, или нѣтъ, королю денежныя средства, необходимыя для продолженія войны; отъ торжества короля надъ оппозиціей на сеймѣ зависѣло рѣшеніе вопросовъ конституціи. Ограниченіе власти короля непремѣнно тотчасъ же остановило бы военныя дѣйствія противъ Россіи; расширеніе ея въ ущербъ привилегіямъ дворянства во всякомъ случаѣ должно было затянуть войну. Конфедераты, требуя созванія сейма, ожидали отъ этого собранія уничтоженія конституціи 1772 года, расширившей власть короля, и далѣе мира съ Россіей. И Петербургскій кабинетъ, поддерживая конфедератовъ именно въ требованіи сейма, надѣялся на такой результатъ, а потому въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ на предложенія Пруссіи, ожидая, что постановленія сейма измѣнятъ вдругъ положеніе дѣлъ въ Швеціи и доставятъ Россіи возможность, при увѣренности на миръ съ Швеціей, говорить гораздо болѣе рѣшительнымъ тономъ съ Пруссіей. Дипломаты иностранныхъ державъ со вниманіемъ слѣдили за результатами выборовъ въ Швеціи и наблюдали за образованіемъ партій на сеймѣ. То обстоятельство, что и послѣ рѣшительной побѣды короля надъ дворянствомъ на сеймѣ, въ Петербургѣ неоднократно являлись слухи о томъ, что въ Швеціи началась явная революція и что король даже лишенъ престола, лучше всего показываетъ, какого исхода ожидали и желали въ Петербургѣ. Густавъ своимъ походомъ противъ Даніи, своими непосредственными сношеніями съ Далекарлійцами и низшими классами въ Швеціи вообще умѣлъ приготовить народъ къ государственному перевороту, совершившемуся на сеймѣ 1789 года. Все было какъ нельзя лучше приготовлено къ торжеству королевской власти надъ феодальными классами. Король былъ готовъ воспользоваться даже революціонными средствами для достиженія своихъ цѣлей. Еще конфедерація въ Аньялá показала ему, какова была опасность, постоянно угрожавшая монархіи въ Швеціи. Поэтому теперь онъ долженъ былъ принять мѣры для окончательнаго уничтоженія привилегій дворянства, дозволившихъ сему послѣднему противодѣйствовать стремленіямъ короля и постоянно мѣшать исполненію его плановъ. Для этого былъ необходимъ новый coup d'état; для этого нужно было возбу-

дить ненависть народа къ высшимъ классамъ посредствомъ печати, вооружить народъ и въ самой столицѣ содержать нѣсколько тысячъ человѣкъ Далекарлійцевъ, которые, въ случаѣ надобности, военною силой могли бы поддержать предложенія короля на сеймѣ; словомъ, для этого было необходимо готовиться къ междуусобной войнѣ. Уже до сейма король всевозможными средствами старался дѣйствовать на общее мнѣніе и распространять патріотическія и національныя понятія о войнѣ. Въ ноябрѣ Карлъ Сюдермандландскій отправилъ подробную инструкцію графу Г. М. Армфельду, находившемуся въ Финляндіи; въ ней, между прочимъ, было поручено ему „обще съ финскими попами употребить всевозможное стараніе, чтобы народу въ Финляндіи подать о нынѣшней войнѣ другія, болѣе съ волею короля сходственныя мысли; если же кто-нибудь станетъ разсуждать иначе, то таковыхъ брать подъ стражу и поступить съ ними, какъ съ преступниками“ [1]).

Король старался различными демонстраціями привлечь публику на свою сторону. Приверженцамъ его политики были розданы ордена и прочія награды. Одного пастора Агандера, въ Христинѣ, въ Саволакской области, который въ своей деревнѣ составилъ изъ крестьянъ милицію для защищенія одного важнаго прохода, онъ наградилъ орденомъ Сѣверной Звѣзды и написалъ ему собственноручное письмо [2]). Въ то же время распространяли печатное увѣщаніе ко всѣмъ тѣмъ, кто дѣйствовалъ заодно съ оппозиціей. Тутъ говорилось о томъ, что Густавъ III отличается кротостью въ сравненіи съ Густавомъ I. Эрихомъ XIV, Карломъ IX, Карломъ XI и Карломъ XII. Дворянству напоминалось въ этомъ памфлетѣ, что оно владѣетъ большею половиной наилучшихъ и плодоноснѣйшихъ земель въ государствѣ и по милости королевской пользуется разными привилегіями, но что при всемъ томъ оно отъ короля отложилось [3]). Къ жителямъ Финляндіи король обратился съ манифестомъ отъ 6-го декабря. Вездѣ король былъ при-

[1]) «Вѣроятно, сказано въ газетной замѣткѣ, что сей шагъ герцога Сюдермандландскаго произведетъ въ Финляндіи еще большее на короля негодованіе, ибо тамошній народъ увѣренъ, что король нынѣшнею войной нарушилъ установленія совершенно». О брошюрахъ, распространяемыхъ королевскою партіей противъ конфедератовъ, сказано: «Мы увѣрены, что онѣ не сдѣлаютъ желаннаго предубѣжденія»; см. *С.-Петерб. Вѣд.* 1788 г., стр. 1484.

[2]) *Horft*, 199.

[3]) Въ газетной замѣткѣ сказано: «начальное содержаніе сего увѣщанія кажется болѣе смѣшнымъ, нежели достойнымъ уваженія». *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 2.

нимаемъ съ особенною торжественностью. Разказывали, что въ Стокгольмѣ къ его прибытію изъ Готенбурга были освѣщены нѣкоторыя улицы, „*но какъ слышно, собственнымъ его изволеніемъ*“ [1]).

Сначала въ Швеціи не ожидали строгихъ мѣръ противъ конфедератовъ, предполагая, что король „лучше хочетъ предать это дѣло забвенію нежели подвергнуть себя еще бо̀льшимъ опасностямъ“.

„Онъ предвидитъ“, сказано въ газетной замѣткѣ, „что и при строгости не много будетъ имѣть голосовъ во время сейма на своей сторонѣ: ибо теперь весь народъ увѣренъ, что открытая королемъ противъ Россіи война предпринята безъ всякаго со стороны сей державы повода. Сіе говорятъ всѣ тѣ войска, кои были очевидными свидѣтелями первыхъ нашихъ непріятельскихъ въ Финляндіи дѣйствій“ [2]).

Съ особеннымъ любопытствомъ въ Швеціи ожидали преній на сеймѣ, потому что король хотѣлъ требовать денегъ для продолженія войны. Разказывали, что король справлялся у экспертовъ, сколько денегъ нужно для содержанія 32-хъ линейныхъ кораблей и 60.000 человѣкъ войска [3]). Чѣмъ менѣе удачными оказывались попытки короля занять денегъ за границей, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ разчитывать на сеймъ. Оппозиціонная партія могла ссылаться на букву закона. Конфедераты, арестованные въ Финляндіи, могли обратить въ свою пользу постановленія конституціи. Какъ скоро открылись пренія на сеймѣ, дворянство потребовало инструкціи для тайнаго комитета, составленнаго по желанію короля, который надѣялся, что ему будетъ легче справиться при рѣшеніи главныхъ вопросовъ съ такимъ комитетомъ, нежели со всѣмъ сеймомъ. При этомъ дворянство ссылалось на различные параграфы устава объ образѣ правленія, ограничивающіе власть тайнаго комитета. Весьма важный вопросъ заключался въ томъ, могъ ли тайный комитетъ рѣшать финансовые вопросы безъ согласія общаго собранія сейма, или нѣтъ. Намъ уже извѣстно, что всѣ подобные вопросы были рѣшены въ пользу короля. Униженіе дворянства въ засѣданіи 17-го февраля, въ которомъ король велѣлъ депутатамъ высшаго класса выйдти изъ собранія, уже могло считаться приготовленіемъ къ государственному перевороту [4]). Затѣмъ слѣдовало арестованіе нѣкоторыхъ главныхъ членовъ

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 68.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 114.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 210.

[4]) «Таковыхъ засѣданій на сеймахъ нашихъ никогда еще не бывало», пишетъ корреспондентъ *С.-Петерб. Вѣд.* при этомъ случаѣ.

оппозиціоннаго дворянства; говорили, что король, видя нежеланіе дворянства продолжать войну, хочетъ возстановить для дворянъ „вмѣсто золотаго вѣка вѣкъ желѣзный“ [1]). Дворяне ссылались на формальное право, которое Густавъ нарушалъ на каждомъ шагу. Густавъ же утверждалъ, что они „желали сами правительствовать и тѣмъ останавливали теченіе дѣлъ“, и объявилъ, „что онъ на будущее время себѣ одному предоставитъ власть вести войну и заключать миръ“. Затѣмъ уже слѣдовало предложеніе такъ-называемаго *постановленія безопасности*, ограничивавшаго права высшаго класса и расширявшаго права средняго. Напрасно протестовало дворянство противъ такого „разрушенія нынѣшняго образа правленія“. Депутаты прочихъ сословій подписали въ частной комнатѣ короля новый законъ, не смотря на несогласіе дворянства. Говорили, что Густавъ III „хочетъ быть къ древнему дворянству и сенаторамъ точно таковъ, каковъ былъ къ нимъ Карлъ XI“. Равноправность между дворянами и другими классами общества, которую желалъ нѣкоторымъ образомъ ввести король, считалась революціей.

„Ежели удастся ему, пишетъ по этому случаю одинъ современникъ, довести дворянъ до того, чтобъ они бичу его покорились, то чего не сдѣлаетъ онъ со временемъ съ пережалованными попами, мѣщанами и крестьянами? Тогда скажетъ онъ: Я сдѣлалъ васъ сенаторами, первѣйшими въ государствѣ вельможами, двора моего камергерами, ордена Вазы кавалерами и проч., и проч. Я дѣлаю васъ опять попами, мѣщанами и крестьянами!—и сочинитъ паки новое *постановленіе безопасности*“ [2]).

Ожидали, что Густавъ насильно присвоитъ себѣ суммы денегъ, находившіяся въ банкѣ и гарантированныя чинами; продолжались аресты такихъ лицъ, о которыхъ дворяне утверждали, что „они сдѣлались бы своему отечеству измѣнниками, если бы не отказались быть сообщниками короля въ дружествѣ его съ Турками“ [3]). Юристы старались доказать, что никогда власть королей въ Швеціи не была самодержавною и что шведскіе короли именно никогда не имѣли права начинать войну безъ согласія народа [4]); графъ Риббингъ просилъ внести въ протоколъ засѣданій дворянства, что онъ, пока живъ, не допуститъ, чтобы „власть торжествовала надъ правомъ, и сила и могущество предписывали законы Шведамъ“. Король же, не дождавшись согласія дворянства на новые законы, считалъ ихъ уже дѣйствитель-

---

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 317.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 337.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 1789 г., стр. 402.

[4]) Мнѣніе профессора Шульценгейма; *С.-Петерб. Вѣд.* 1789, 434.

ными, и этимъ „наложилъ на всѣ четыре государственные чина узду". „Вотъ", пишетъ одинъ изъ современниковъ, „первыя послѣдствія постановленія безопасности, или лучше сказать, совершенной для народа опасности" [1]).

Совершенно самовластно король запретилъ продолжать пренія о новыхъ законахъ и приступилъ наконецъ къ рѣшенію финансовыхъ вопросовъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ депутатовъ всѣхъ сословій, что должно искренно желать скорѣйшаго возстановленія мира, Густавъ для продолженія войны требовалъ отъ своихъ подданныхъ значительныхъ денежныхъ пособій, и указивая въ письмѣ къ дворянству на опасное положеніе государства, настаивалъ на немедленномъ принятіи его финансовыхъ предложеній. Такъ какъ король могъ надѣяться на Далекарлійцевъ, нѣсколько тысячъ которыхъ постоянно были готовы, въ случаѣ нужды, дѣйствовать силою противъ оппозиціонныхъ дворянъ, такъ какъ онъ умѣлъ устраивать демонстраціи Стокгольмской черни въ пользу королевскаго авторитета, то дворянство наконецъ должно было согласиться на все — и на взиманіе новыхъ налоговъ и податей, и на заключеніе новыхъ займовъ. Въ громадномъ числѣ экземпляровъ было распространено въ народѣ объясненіе финансоваго положенія государства, требовавшаго чрезвычайныхъ средствъ. Послѣднее торжество короля надъ дворянствомъ заключалось въ томъ, что экстраординарный бюджетъ долженъ былъ оставаться въ силѣ до будущаго сейма, то-есть, на неопредѣленное и зависящее вполнѣ отъ короля число лѣтъ, между тѣмъ какъ дворянство сначала соглашалось лишь на двухлѣтній срокъ такому бюджету. Въ послѣднемъ засѣданіи сейма, $^{16}/_{27}$ апрѣля, парламентскія формы были прямо нарушены королемъ, который былъ и предсѣдателемъ собранія. Онъ не обращалъ вниманія на возраженія дворянъ, не велѣлъ считать голоса за и противъ финансовыхъ предложеній, допускалъ шумныя демонстраціи посторонныхъ лицъ, массами являвшихся въ залѣ собранія, и наконецъ объявилъ, что всѣ согласны съ его предложеніями. Составленіе такого протокола состоялось при звукѣ трубъ и литавръ. Поборники короля нанесли побои нѣкоторымъ дворянамъ, желавшимъ оставить собраніе до его закрытія [2]). Какъ бы то ни было, главная цѣль короля была достигнута. Никто уже не говорилъ о нарушеніи имъ конституціи черезъ войну съ Россіей. Мало того, Густавъ располагалъ теперь необходимыми средствами для продолженія войны.

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 587.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 640 — 642.

Надежда Екатерины, что на шведскомъ сеймѣ восторжествуетъ та сильная оппозиціонная партія, вліяніе которой обнаруживалось въ шведскомъ войскѣ, не сбылась.

При всемъ томъ положеніе Густава при возобновленіи военныхъ дѣйствій весною 1789 года было далеко незавидное. Вооруженіе войска и флота требовало значительныхъ средствъ. Для постройки укрѣпленій въ Финляндіи были собираемы контрибуціи въ самой же Финляндіи [1]). Войско, находившееся тамъ, постоянно во всемъ нуждалось. Изъ писемъ Стединка и другихъ начальниковъ финляндской арміи видно, что войско было въ крайне бѣдственномъ положеніи [2]).

Весьма большою выгодой для Густава было то, что Данія отказа-

---

[1]) Для покрытія издержекъ на укрѣпленіе Гангэуда король назначилъ государственные доходы казначейства г. Або; но такъ какъ этихъ суммъ не оказалось, то король велѣлъ взять 8.000 талеровъ изъ городскихъ доходовъ для этой цѣли. См. *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 623.

[2]) Клингшпоръ писалъ графу Мейерфельду 21-го марта 1789 года: «Notre trésor est à fond, j'envoie une estafette au roi et au comité pour en demander du renfort d'autant plus nécessaire, que m-r de Stedingk est à sec déjà». 23-го марта онъ писалъ изъ Борго, что у него (онъ занималъ должность главнаго интенданта войска) нѣтъ 4.000 талеровъ въ распоряженіи; см. *Рейнъ*, l. c., 172—174. Стединкъ писалъ къ королю въ маѣ мѣсяцѣ, что офицеры уже шесть, а солдаты пять мѣсяцевъ не получали жалованья, что пища солдатъ состоитъ лишь изъ хлѣба съ водой, и что только по праздникамъ есть возможность давать солдатамъ говядины; см. *Stedingk*, I, 167—169: «Le manque total d'argent me coupe bras et jambes; m-r de Meyerfeld me mande la même chose ... Aucun soldat de l'univers, si ce n'est pas le soldat russe, n'endurerait tant de maux avec patience; mais si ventre affamé n'a pas d'oreilles, il a encore moins de coeur. Je ne puis pas même tirer le soldat de ses quartiers, où il trouve à vivoter avec le paysan, et le faire camper, de crainte de le faire périr faute de nourriture; l'ennemi connait notre position et malgré son infériorité nous brave. Je n'exagère point, Sire, je ne vois pas noir. Mon attachement pour Votre Majesté me donne le courage et la force de lutter contre tant d'obstacles. Une bonne cargaison d'espèces peut les faire disparaître d'un instant à l'autre. Cette espérance et la conscience, que je fais tout ce que je puis, me rend gai et content; mais comment est-il possible, Sire, que V. M. me permette de lui faire cette question, que les fonds pour la campagne à faire ne soient point encore assurés et dans ses coffres après qu'Elle a vaincu à la diète et qu'Elle est maître absolu de l'État? Le roi de Prusse a un trésor, le roi d'Angleterre du crédit. Un seul particulier en Angleterre et en Hollande peut avancer les fonds nécessaires pour les frais de cette campagne; il sont compris, à ce qu'on m'a dit, dans la dette nationale, que les États ont garantie, et nous n'avons pas le sou. Cela me passe et restera une énigme pour moi.... J'ai maintenant ici d'assez bras et d'estomacs et Dieu veuille que je puisse les nourrir...». *Sted.*, I., 167—169.

лась участвовать въ походѣ 1789 года. Англія, Голландія и Пруссія достигли наконецъ въ Копенгагенѣ желанной цѣли. Бернсторфъ въ запискѣ къ императрицѣ Екатеринѣ объявилъ, что Данія, которой угрожали со всѣхъ сторонъ, не въ состояніи воевать [1]). Это былъ тяжелый ударъ для Россіи. Въ Петербургѣ еще въ мартѣ мѣсяцѣ были увѣрены, что главнокомандующій датскими войсками, принцъ Гессенскій, „готовъ всѣмъ жертвовать для Россіи“, и что „Датчане больше всѣхъ похожи на Россіянъ и Шведовъ побьютъ“ [2]); но старанія Пруссіи удержать Данію въ нейтралитетѣ пріобрѣтали все болѣе и болѣе успѣха [3]). Наконецъ получено было извѣстіе, что Данія должна была согласиться на совершенный нейтралитетъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ Густавъ писалъ къ Стедингу 14-го мая 1789 года: „Я надѣюсь, что избавился отъ Датчанъ; какъ только я буду имѣть въ рукахъ ихъ письменное обѣщаніе, что они останутся нейтральными, я тотчасъ же отправлюсь къ вамъ“ [4]). Вслѣдствіе этого событія положеніе Екатерины снова сдѣлалось болѣе опаснымъ. 20-го мая Екатерина писала къ Іосифу II:

„Прусскія интриги достигаютъ въ Константинополѣ все бо́льшихъ и бо́льшихъ размѣровъ. Безсиліе Англичанъ и Голландцевъ, энтузіазмъ Поляковъ къ королю Прусскому, Данія, силой принужденная къ миру, король Шведскій, дерзающій на все и который успѣлъ усилить свою власть и свои средства, эта неудобная конфедерація германская, печальное состояніе Франціи и ложные принципы Испаніи — все это мудрость вашего величества сумѣетъ оцѣнить и найдетъ средства противодѣйствовать злу“ [5]).

Въ то же время къ Потемкину Екатерина писала: „Съ Пруссакомъ употребляется, что̀ возможно, но съ врагами вообще нѣтъ ничего изцѣлительнѣе, какъ ихъ бить“ [6]). Въ разговорѣ съ Храповицкимъ она замѣтила: „Я говорила съ Потемкинымъ, старѣе ли я стала, что не могу найдти ресурсовъ, или другая причина нынѣшнимъ затрудненіямъ? Онъ отвѣчалъ: Нѣтъ; границы стали обширнѣе и войскъ недостаточно; у другихъ державъ они въ кучѣ, а у насъ разсыпаны“ [7]).

Современники сообщаютъ нѣкоторыя подробности о финансовыхъ

---

[1]) Archenholtz, *Minerva*, IV, 527.

[2]) Зап. Храп., 24-го марта.

[3]) «Пруссаки видимо во всѣхъ предпріятіяхъ намъ препятствуютъ». Зап. Храп., 24-го марта и 19-го апрѣля.

[4]) *Sted.*, I, 166.

[5]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 199.

[6]) Тамъ же.

[7]) Зап. Храп., 22-го мая.

затрудненіяхъ, съ которыми между тѣмъ приходилось бороться русскому кабинету. Говорили, что въ началѣ 1789 года матросамъ было выдано жалованье только за вторую четверть 1788 года, что поставщикъ русскаго войска въ Финляндіи, не получивъ въ срокъ денегъ, слѣдовавшихъ ему, обанкрутился на сумму 500.000 руб. Вообще, часто случалось, что казна не была въ состояніи уплачивать поставщикамъ. Ходили слухи, что до средины 1789 г. шведская война стоила Россіи уже 22 милліона руб. [1]). Находившійся въ Петербургѣ саксонскій дипломатъ Гельбигъ также писалъ своему двору о безденежьи въ Россіи, о выпускѣ новой серіи бумажныхъ денегъ, о недостаткахъ въ финансовомъ управленіи, между тѣмъ какъ содержаніе двора поглощало громадныя суммы [2]). И Сиверсъ говоритъ о финансовыхъ затрудненіяхъ, которыя весьма вредно вліяли на хозяйственный бытъ частныхъ лицъ [3]). Конечно, императрица въ письмахъ своихъ и въ періодической печати старалась представить положеніе средствъ Россіи въ самомъ выгодномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1789 года она писала къ Циммерману:

---

[1]) Archenholtz, *Minerva*, l. c., 516.

[2]) Für Selo (вѣроятно, Царское Село) hat man Thüren zu 1.500 Rubel bestellt. Das beweist schwerlich, dass man den Aufwand bei der Armee durch anderweitige Ersparnisse zu ersetzen bemüht ist»; см. *Herrmann*, Gesch. d. russ. Staats, Ergänzungsband, 654.

[3]) См. *Blum*, Ein russischer Staatsmann, II, 508: «Katharina bot all ihre Erfindungsgabe auf Potemkin durch kostbare Geschenke in gute Laune zu versetzen und bewilligte ihm zuletzt noch sechs Millionen, die er zur Eröffnung des neuen Feldzugs verlangte. Potemkin nahm diese selbst mit. Ein arger Contrast gegen die Noth, in die allmählig durch solche Verschwendung und den heillosen Krieg das gesammte Reich versank.... Ihr zu begegnen befahl ein Ukas vom 3 August 1788 eine Vermehrung der Bankassignaten um 10 Millionen. Es verging kein halbes Jahr, so wurde dasselbe Manöver wiederholt (Ukas vom 25 Januar 1789) mit dem Zusatze, es sollen dafür 20 Millionen in Rubelzetteln ins Feuer kommen. Doch behauptete man, dass die einen angefertigt und die andern nicht getilgt wurden, ja noch weit grössere Summen Papiergeldes in Umlauf gesetzt wären. Dazu kamen die vielen Anleihen, zu denen gleichzeitig Holland, Genua, Florenz und Venedig sich hergaben. Doch das waren Tropfen auf einen heissen Stein, zumal gerade jetzt die Wuth zwischen Russen und Schweden auf's Höchste stieg. Die Türken blieben in der Erbitterung nicht zurück. Also überall Noth und Verbrauch, und Handel und Wandel zerstört». См. Полное Собр. Зак., XXII, № 16694, 3-го августа 1788 года: Вмѣсто 100-рублевыхъ билетовъ сдѣлать 10-ти и 5-ти рублевые на 10 милліоновъ; болѣе 100 милліоновъ рублей бумажными деньгами не должно быть въ обращеніи и т. д. — Объ упадкѣ въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ мы будемъ говорить ниже, описывая положеніе дѣлъ зимой 1789—1790 года.

„Любовь къ общественной пользѣ у насъ весьма велика. Когда нынѣшнимъ лѣтомъ Шведскій король на насъ напалъ нечаянно, то я объявила въ ближайшихъ помѣщичьихъ деревняхъ, чтобъ онѣ прислали рекрутъ, сдѣлавъ сами между собою раскладку, сколько каждая деревня дать можетъ. Что жъ послѣдовало? Деревня изъ тысячи душъ мужескаго пола прислала ко мнѣ семьдесятъ пять прекрасныхъ рекрутъ, другія съ четырехъ тысячъ прислала двѣсти пятьдесятъ; третья, Царскосельская, гдѣ три тысячи крестьянъ, прислала четыреста лошадей съ людьми и повозками для перевозки магазиновъ въ армію. Послѣдніе были во весь Финляндскій походъ. Но это еще не все: окрестныя губерніи и потомъ отъ одной до другой всѣ прочія, услышавъ, что на шведской сторонѣ происходитъ, предложили мнѣ добровольно дать по батальйону и по эскадрону съ каждой губерніи. Одна Москва поставила бы десять тысячъ человѣкъ, еслибъ я только допустила. Нашъ народъ родился воинственнымъ, и нашихъ рекрутъ обучить очень легко. Дворянство или служитъ, или служило; когда прямая нужда того востребуетъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не говорили еще *нѣтъ*, но всякъ бѣжитъ защищать государство и отечество; принуждать нѣтъ надобности“ [1]).

Хотя и были, дѣйствительно, случаи добровольной поставки рекрутъ, но едва-ли она достигала такихъ размѣровъ, какіе были необходимы для пополненія недостатка въ войскѣ [2]). Современники повторяютъ, что составъ финляндскаго войска былъ постоянно гораздо ниже, чѣмъ показывалось въ офиціальныхъ спискахъ. Согласно съ таблицей, представленною императрицѣ весной 1789 года, въ Финляндіи находились 26.300 человѣкъ пѣхоты, 9.000 человѣкъ конницы, 1.200 артиллеріи; но на самомъ дѣлѣ составъ войска былъ гораздо менѣе значителенъ [3]). Густавъ III $^{9}/_{20}$ мая 1789 г. писалъ къ Стединку о томъ, что слѣдуетъ начать военныя дѣйствія, и замѣчалъ притомъ, что Русскихъ въ Финляндіи нѣсколько тысячъ человѣкъ, такъ какъ Потемкинъ не хотѣлъ уступить солдатъ, занятыхъ въ Турецкой войнѣ, для войны въ Финляндіи [4]). Дѣйствительно, хотя Потемкинъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ послѣ взятія Очакова, какъ мы уже видѣли, самъ участвовалъ въ составленіи плана

---

[1]) Сочиненія Екатерины, III, 488—489.

[2]) Изъ Полн. Собр. Зак. видно, что въ Выборгской губерніи явилось 100 человѣкъ волонтеровъ на 5 лѣтъ; ихъ освободили отъ подушной подати.

[3]) См. *Архенольцъ*, l. c., 521. Тамъ же сказано, что для корабельнаго и линейнаго флота требовалось 16.960 человѣкъ рекрутъ, и что въ экипажахъ флота, зимовавшаго въ Ревелѣ, была страшная смертность. Весьма забавно, что Поссельтъ, вѣроятно, для увеличенія славы Шведовъ говоритъ о 60.000 человѣкъ русскаго войска въ Финляндіи; см. стр. 412.

[4]) *Sted.*, I, 173.

похода 1789 года [1]), однако онъ смотрѣлъ на Шведскую войну, кажется, нѣсколько слегка и утверждалъ, что Екатерина напрасно обращаетъ на это дѣло слишкомъ много вниманія. По инымъ извѣстіямъ, онъ совѣтовалъ императрицѣ поскорѣе помириться съ Густавомъ или же продолжать войну съ гораздо бо̀льшимъ напряженіемъ силъ, съ тою цѣлью, чтобы завладѣть шведскою Финляндіей, оттуда увести все населеніе и превратить всю страну въ совершенную пустыню [2]); по другимъ извѣстіямъ, Потемкинъ тогда же подалъ мысль успокоить Пруссію уступкою ей шведской Помераніи, одновременно съ присоединеніемъ шведской Финляндіи къ Россіи [3]).

Какъ бы то ни было, Россія, дѣйствительно, продолжала собирать новыя средства обороны на сухомъ пути; такъ, еще въ маѣ мѣсяцѣ 2.000 человѣкъ Башкировъ прошли чрезъ С.-Петербургъ въ Финляндію; они оказались войскомъ не совсѣмъ удобнымъ, такъ какъ грабили и русскихъ подданныхъ [4]). Главнокомандующимъ сухопут-

[1]) Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ 4-го февраля. Между его бумагами найдена записка отъ 28-го февраля 1789 года подъ заглавіемъ: «Оборона противъ Шведовъ». Въ ней сказано: «Сверхъ общихъ правилъ боеваго строя, каждая нація имѣетъ нѣчто, ей свойственное. Наипаче во флотахъ сіе бываетъ по конструкціи и часто по крѣпости или ветхости судовъ, а паче по калибру пушекъ. Для положеній генеральныхъ нужны мнѣ свѣдѣнія, въ какомъ числѣ состоялъ флотъ шведскій, и какихъ ранговъ ихъ суда, вмѣстѣ ли онъ весь былъ, или раздѣленъ, были ли легкія эскадры для крейсерствъ, какого рода мелкія ихъ суда и съ какою артиллеріей. По взятому кораблю можно знать о числѣ экипажей, и потому судить, предполагаютъ ли они абордажъ; маневръ ихъ былъ ли стремителенъ, или больше состоялъ въ укрѣпленіи линіи, изъ чего бы можно увидѣть, къ чему они болѣе наклонны, наступать или обороняться. Сіе мнѣ кажется крайне нужно, ибо тогда я узнаю, какъ свои устроить части и какъ дѣйствовать, тѣмъ паче, что въ морскомъ дѣлѣ моя система состоитъ въ калибрѣ пушекъ, съ чего меня не собьютъ всѣ адмиралы въ свѣтѣ. Отъ кого я могу получить помянутыя свѣдѣнія?» *Русскій Архивъ* 1865 г., стр. 396.

[2]) «Das Land so wüste machen, dass selbst der Teufel nicht dort wohnen könnte». *Archenholtz*, 1799, II, 76.

[3]) *Arch.*, 1798, IV, 527.

[4]) У Архенгольца, *Minerva*, 1799, II, 77, сказано о нихъ: «In Petersburg zeigten sie Sympathien fur den Thronfolger und sprachen schlecht von Katharina. Ihre Bewaffnung bestand in Schwerdt, Schild und Spiess. Sie raubten im russischen und schwedischen Finnland furchtbar». Гельбигъ писалъ 3/14 мая 1789 года изъ С.-Петербурга: «Tausend Baschkiren sind zwischen Narwa und Reval postirt, um auf die Landung der schwedischen Kaperschiffe Achtung zu geben. 400 Mann marschirten durch Petersburg und nahmen ihren Weg nach Finnland. Sie haben ein abscheuliches Aussehen, treffen gut mit ihren Pfeilen. Jeder hat zwei Pferde; sie machen Tags 12—14 Meilen und fallen daher ihren Feinden selten zur Last.

ними войсками оставался пока еще графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ; но на флотѣ произошла довольно важная перемѣна: главнокомандующимъ корабельнаго флота былъ назначенъ адмиралъ Чичаговъ, а начальникомъ галернаго флота, которому было суждено въ походѣ 1789 года играть весьма важную роль, принцъ Нассау-Зигенъ, отличившійся уже въ Турецкой войнѣ и передъ тѣмъ оставившій было Россію вслѣдствіе недоразумѣній съ Суворовымъ [1]). Корабельный флотъ, находившійся въ Ревелѣ и Кронштадтѣ, состоялъ изъ 36 линейныхъ кораблей и 20 фрегатовъ [2]). Къ тому же въ Копенгагенѣ зимовали еще 10 линейныхъ кораблей и 3 фрегата [3]). При всѣхъ успѣхахъ Густава III шведскій флотъ не могъ достигнуть такого состава [4]): онъ состоялъ только изъ 21 линейнаго корабля и 9 фрегатовъ [5]).

И въ Петербургѣ, и въ Стокгольмѣ старались всѣми мѣрами приготовить все, чтобы выступить въ походъ какъ можно ранѣе. Русскій галерный флотъ долженъ былъ оставить Кронштадтъ тотчасъ же „по вскрытіи водъ". Однако на обѣихъ частяхъ русскаго флота многое требовало улучшенія и измѣненія. Особенно принцъ Нассау-Зигенъ откровенно сообщалъ императрицѣ о всѣхъ недостаткахъ и принималъ дѣятельныя мѣры для приведенія галернаго флота въ надлежащее состояніе. По этому предмету онъ переписывался съ самою императрицей, перемѣнялъ командировъ на галерахъ, заботился о введеніи порядка и т. д. [6]).

Im feindlichen Lande hört alle Verpflegung auf, und Jeder sorgt für sich. Ihre Excursion in Finnland wird viel Schrecken und Schaden verursachen; sie essen rohes Pferdefleisch». См. *Herrmann*. Geschichte des russischen Staats, Ergänzungsband, 651. Немного позже Екатерина писала къ принцу Нассау-Зигену объ участіи Башкировъ въ одномъ сраженіи и при этомъ замѣтила, что Шведы принимаютъ ихъ за людоѣдовъ и т. д.; см. *Сборникъ Русск. Ист. Общ.*, I, 208.

[1]) См. Зап. Храповицкаго 10-го декабря 1788 года; Поссельтъ, стр. 412, замѣчаетъ о принцѣ: «Der die Gefahr liebt, weil sie Gefahr ist, ein Ulysses im Weltdurchreisen und ein Hektor in der Schlacht».

[2]) *Archenholtz*, l. c., 521.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 572.

[4]) Въ Карлскронѣ работали даже въ Свѣтлое Воскресенье; см. *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 570.

[5]) См. *Гилленштамъ* въ *Морск. Сбор.*, 1863 г., № 7, стр. 160.

[6]) 4-го іюня 1789 года Екатерина пишетъ къ принцу: «Vous me faites part de l'examen, que vous avez fait des bâtiments à vos ordres, et des changements, que vous avez trouvé nécessaires parmi les commendants des galères, de l'ordre, que vous établissez dans l'escadre, et des soins, que vous vous donnez pour hâter l'armement complet des divers bâtiments; tout ceci sert à me donner beaucoup de

Однако, не смотря на всѣ эти усилія, и шведскій, и русскій флоты открыли свои дѣйствія въ кампаніи 1789 года довольно поздно. За то на сухомъ пути въ Финляндіи дѣло завязалось чуть-ли еще не зимой.

VIII.

Походъ 1789 года.

Дѣйствія сухопутныхъ войскъ: Столкновеніе Русскихъ и Шведовъ въ юго-восточной части русской Финляндіи. — События на берегахъ р. Кюмени. — Отступленіе генерала Каульбарца. — События на морѣ: Битва при Эландѣ. — Шведы въ Карлскронѣ. — Битва при Свенскзундѣ. — Брошюра принца Нассау. — Высадка Русскихъ. — Отступленіе Шведовъ.

Екатерина, обсуждая систему дѣйствій въ предстоявшемъ походѣ (1789 года), предпочла ограничиться оборопою. Чѣмъ менѣе шведское дворянство успѣвало ограничить власть короля, чѣмъ скорѣе въ Финляндіи исчезали слѣды конфедераціи въ Аньялà, тѣмъ осторожнѣе надобно было дѣйствовать Россіи. Особеннаго превосходства силъ на сухомъ пути Россія не имѣла. Она могла довольствоваться защищеніемъ границъ русской Финляндіи, что̀ и было сдѣлано съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ 1788 году. Передъ началомъ военныхъ дѣйствій въ 1788 г. Россія была очень мало приготовлена къ войнѣ; многіе горные проходы были открыты; Шведы безъ труда съ разныхъ сторонъ могли вторгнуться въ русскую Финляндію и приступить къ осадѣ главныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, лежавшихъ на пути къ столицѣ — Нишлота и Фридрихсгама. Въ 1789 году напротивъ того уже съ самаго начала кампаніи всѣ проходы были заняты русскими войсками. Съ большимъ трудомъ Густавъ со своимъ войскомъ пробрался въ окрестности Фридрихсгама, а въ Саволаксѣ Шведы совсѣмъ не имѣли успѣха и даже должны были отступать, преслѣдуемые Русскими даже въ шведской Финляндіи. Совершенно другой характеръ этотъ походъ получилъ въ южной Финляндіи отъ участія въ немъ русскаго галернаго флота. Въ продолженіе этого похода петербургъ уже не находился въ такой опасности, какъ въ 1788 году. Хотя зимою 1788—90 года Ека-

satisfaction.... Nous avons aussi des nouvelles, qui paraissent assez sûres, comme quoi la grande flotte suédoise est dans un si mauvais état, qu'un du métier fort entendu doit avoir dit, qu'il faudrait être fou pour la mener à l'ennemi». См. *Сборникъ Русск. Ист. Общ.*, I, 207 — 208. Сегюръ пишетъ о русскомъ галерномъ флотѣ, что онъ имѣлъ грозный видъ, но что на немъ недоставало хорошихъ штурмановъ и искусныхъ моряковъ, а экипажъ состоялъ большею частью изъ новобранцевъ.

терпна и предполагала „росписать Петербургъ по кварталамъ, чтобы вооруженные мѣщане защищали“, но Храповицкій замѣтилъ на это, что „столица не равняется съ крѣпостью, и что достаточно занятія нужныхъ проходовъ въ шхерахъ русскими галерами“ [1]).

Въ началѣ похода, то-есть, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, вдоль по шведско-русской границѣ, близъ рѣки Кюмени стояли отряды шведскаго войска подъ начальствомъ генераловъ Мейерфельда, Каульбарца и Сигрота. Въ Саволаксѣ командовалъ графъ Стединкъ. Главными начальниками на сторонѣ Русскихъ были графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ и П. П. Михельсонъ [2]). Еще до прибытія послѣднихъ въ Финляндію тамъ происходили стычки между русскими и шведскими войсками, въ особенности въ области Саволаксѣ. И со стороны Шведовъ, и со стороны Русскихъ были сдѣланы нападенія на непріятельскіе форпосты безъ особеннаго успѣха. Шведы сдѣлали попытку переправиться черезъ покрытую льдомъ Кюмень въ предѣлы русской Финляндіи; а затѣмъ генералъ-маіоръ Денисовъ въ началѣ апрѣля перешелъ эту рѣку [3]). Особенно часто возобновлялись столкновенія между Русскими и Шведами около Мемельскаго поста въ русской Финляндіи; а въ концѣ мая послѣдовало довольно важное и для русскаго оружія успѣшное дѣло при деревнѣ Кюро [4]).

31-го мая генералъ Михельсонъ [5]) атаковалъ отрядъ Шведовъ, состоявшій изъ 1000 человѣкъ, близъ деревни Кюро и принудилъ его къ отступленію. Русскіе предполагали перейдти чрезъ границу и направиться къ Христинѣ и Санъ-Михелю; Шведы, желавшіе удержать ихъ при Кюро, были разбиты, и при этомъ случаѣ Башкиры и

---

[1]) Зап. Храп., 5-го января 1789 г.

[2]) Сегюръ говоритъ: «Къ несчастію, Екатерина поставила во главѣ арміи двухъ генераловъ, графа Мусина-Пушкина и Михельсона; первый былъ не довольно дѣятеленъ, а второй не довольно благоразуменъ.

[3]) См. *С.-Петерб. Вѣд.*, 5-го апрѣля. Зап. Храп., 17-го апрѣля: «Подписанъ указъ къ графу В. П. Мусину-Пушкину, чтобы въ разныхъ мѣстахъ сильнѣе ударить и привесть ихъ въ неизвѣстность, откуда опасаться имъ нападенія, а теперь отступить для истолкованія, что переходили за Кюмень для того, что они начали нападать на наши посты». См. офиціальныя донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ *Сѣв. Архивѣ* 1825 г., стр. 168.

[4]) О военныхъ дѣйствіяхъ до этого событія см. *Сѣв. Арх.* 1825 г., 168—170, *Морск. Сб.* 1857 г., т. XXXI, смѣсь, 34 и *С.-Петерб. Вѣд.*, 473, 524, 569, 607; также *Schantz*, 86—95.

[5]) По показаніямъ Шведовъ отрядъ Михельсона состоялъ изъ 6.000 человѣкъ. См. у *Поссельта*, 412.

казаки принесли большую пользу преслѣдованіемъ Шведовъ, обратившихся въ бѣгство [1]). Русскіе считали потерю Шведовъ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, принимая въ соображеніе, что убитыхъ на мѣстѣ, со стороны Шведовъ, оказалось до 300, да еще весьма многіе погибли во время бѣгства [2]). Русскіе въ этой части Финляндіи значительно превосходили силою Шведовъ. Между тѣмъ какъ войска, находившіяся въ распоряженіи у Михельсона, состояли изъ 8.000 или 10.000 человѣкъ, графъ Стединкъ, командовавшій въ этой части Финляндіи, имѣлъ не болѣе 3.000 человѣкъ. Въ сраженіи при Кюро участвовало около 1.000 человѣкъ Шведовъ, между тѣмъ какъ Русскіе были въ пять разъ сильнѣе. Графъ Стединкъ, сообщая подробности этихъ столкновеній, хвалитъ храбрость русскихъ войскъ [3]).

Занятіе города Христины въ шведской Финляндіи могло считаться уже довольно значительнымъ результатомъ дѣла при Кюро; но гораздо болѣе должно было ожидать отъ взятія Санъ-Михеля, гдѣ находились шведскіе магазины. Поэтому Михельсонъ тотчасъ же отправился далѣе, но при переправѣ Парасальми былъ встрѣченъ отрядомъ Шведовъ подъ командою самого графа Стединка, которому удалось разбить генерала Михельсона и принудить его къ отступленію. Даже въ офиціальномъ русскомъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, напечатанномъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, говорится о значительныхъ потеряхъ съ обѣихъ сторонъ. Храбрый молодой человѣкъ Бибиковъ, отличившійся при Кюро, былъ раненъ. Весьма опасно раненъ былъ баронъ Спренгтпортенъ, игравшій столь важную роль въ Финляндіи во время переговоровъ съ конфедератами. Сегюръ говоритъ въ своихъ запискахъ, что эта неудача скорѣе разсердила, чѣмъ обезпокоила государыню; но впечатлѣніе, произведенное на нее извѣстіемъ объ этомъ несчастіи, еще болѣе видно изъ того, что при полученіи этого донесенія она сказала: „*Двадцать семь лѣтъ такого извѣстія не получала*“ [4]). И тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ она велѣла написать Мусину-Пушкину, чтобъ онъ „поступалъ осторожнѣе“. Кромѣ того Храповицкій сообщаетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „Запрещеніе курьерамъ развозить письма по рукамъ, но отдавать въ почтамтъ“. „C'est un secret d'état“, сказала Екатерина, „на

[1]) 4-го іюня Екатерина съ радостью писала объ этомъ дѣлѣ къ принцу Нассау-Зигену; см. ея письмо въ *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества*, I, 208.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 705. «L'affaire dura 17 heures» говоритъ D'Aquila, II, 247.

[3]) См. ниже.

[4]) Зап. Храп., 7-го іюня 1789 г.

что̀ давать министрамъ англійскому и прусскому, чтобы дѣлали прибавленія и заводили новыя интриги?“ [1]).

Шведы гордились дѣломъ при Парасальми [2]). Но въ то самое время, какъ Стединкъ сдѣлалъ нападеніе на Михельсона, русскій генералъ Шульцъ, съ другой стороны, близъ деревни Сульковы напалъ на Шведовъ. Поэтому Стединкъ былъ не очень доволенъ своимъ успѣхомъ и писалъ королю, что духъ въ шведскомъ войскѣ не можетъ считаться удовлетворительнымъ; въ то же время онъ называлъ русскую пѣхоту превосходною [3]). Шведы утверждали, что Русскіе при Парасальми были вдвое многочисленнѣе ихъ, и что потеря Русскихъ состояла изъ 900 человѣкъ ранеными, убитыми и плѣнными, между тѣмъ какъ Шведы, согласно съ ихъ показаніемъ, имѣли будто бы только 40 человѣкъ убитыми и 130 ранеными [4]). Съ этими официальными данными Шведовъ совершенно расходятся официальныя донесенія Русскихъ, въ которыхъ говорится о 171 убитомъ и 254 раненыхъ Русскихъ, между тѣмъ какъ потеря Шведовъ считалась гораздо болѣе значительною [5]).

---

[1]) Зап. Хран., 9-го іюня 1789 года. У Архенгольца (Гельбига) сказано, что Спренгпортенъ былъ раненъ картечью и нескоро поправился послѣ этой раны. *Minerva*, 1798, 1, с. 470.

[2]) Бракель въ своихъ запискахъ о походахъ 1789—1790 гг. съ гордостью разказываетъ, что онъ, какъ 15-лѣтній молодой человѣкъ, участвовалъ въ этомъ сраженіи; см. *Histor. Zeitschrift*, изд. *Зибеля*, 1863, тетр. 3, стр. 243. Графъ Стединкъ, называя битву при Кюро «malheureuse affaire», говоритъ о «petite affaire à Parasalmi, qui aurait pu être brillante, si mon plan n'avait pas été dérangé: elle n'a été que hardie».

[3]) «Je sais, que Votre Majesté chérit sa nation et qu'elle voit tout ce qui la regarde avec indulgence et du bon côté; mais je lui proteste sur mon honneur, que l'ordre et la discipline sont perdus dans mon armée et qu'il faudra du temps pour les rétablir. Tous les hommes, Sire, sont poltrons de leur nature; il n'y a que l'honneur pour l'officier et la discipline pour le soldat, qui puissent leur faire braver la mort.... Ce n'est pas de la bravour des officiers, que j'ai à me plaindre, ce n'est que du manque de résolution et de fermeté avec le soldat dans les cas difficiles». См. Mém. de Stedingk, I, 174—176. «L'infanterie russe est superbe; il y a surtout le régiment des grenadiers, du corps de deux mille hommes, qui est de toute beauté. Nous en avons enterré cent quarante qui étaient des hommes superbes». Mém. de Sted., I, 84. Второе письмо Стединка о битвѣ при Парасальми, 15 іюня 1789 г., по ошибкѣ въ изданіи Бьернштерна напечатано между письмами 1788 года, между тѣмъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что письмо, напечатанное на стр. 84—86, было писано 15-го іюня 1788, а не 1789 года.

[4]) *Schantz*, I, 104.

[5]) См. *С.-Петерб. Вѣд.*, 741. Стединкъ пишетъ къ королю: «Les officiers

Стединкъ, не смотря на удачный для него исходъ сраженія при Парасальми, считалъ свое положеніе при превосходствѣ силъ Русскихъ весьма опаснымъ. Съ разныхъ сторонъ приближались къ нему русскіе отряды, съ явнымъ намѣреніемъ пойдти далѣе и приступить къ Санъ-Михелю. На озерѣ Саймѣ Русскіе располагали десятью судами и еще другія тамъ строились. Пока Густавъ съ главною арміей находился на западной границѣ русской Финляндіи, прочіе шведскіе отряды вездѣ уступали въ числѣ русскимъ [1]). Къ тому же Шведы

---

prisonniers avouent sept cents hommes de tués et blessés, mais comme ils disent aussi, qu'ils étaient cinq mille à l'attaque, le compte de quatre à peu près, qui restent, s'y trouve». Sted. I, 85.

[1]) Les Russes se renforcent beaucoup de mon côté, soit qu'il leurs vienne du secours, soit qu'ils détachent du côté de Frédérikshamn, vu que la grande armée ne peut point agir encore. Je crois qu'ils auraient envie de m'écraser avant l'ouverture de la campagne, ce qui n'est point impossible, s'ils s'y prennent bien. Je n'ai dans un terrain de vingt-cinq lieues que deux mille hommes de troupes reglées, mal pourvus d'officiers et de bas officiers. Le reste qui monte à mille hommes sont des conscrits, qui ne viennent que d'être assemblés et de nouvelles levées. Ce qui me gène le plus et qui pourra faire mon malheur est la grande supériorité que les ennemis acquièrent sur le lac Saimen. Ils ont une escadre de dix vaisseaux toute prête et une autre sur les chantiers. Je n'ai que six chaloupes à Pumala sur le chantier, dont le canon et l'attirail sont encore à Svéaborg. Les chevaux du pays sont crevés à force de transport, et rien ne m'arrive; j'en ai la fièvre d'impatience et que je vais au delà de mes forces, mais je ne puis faire l'impossible. Pour l'amour de Dieu, Sire, que cette diète finisse (sic), sans quoi il en ira de cette campagne comme de l'autre, avec cette différence que les ennemis sont plus forts. Des mécontents recommencent déjà de lever la tête, et sans argent que peut on faire? Je n'ai pas le sou. Je reçois à l'instant le rapport que les ennemis font mine d'attaquer à Randasalmi avec six mille hommes, à ce que l'on dit; je n'ai là que dix-huit cents à leur opposer, encore sont-ils partagés en deux endroits à quatre lieues l'un de l'autre; j'y vole, heureux si je puis sceller de mon sang mon tendre attachement pour V. M.». См. Mém. de Sted., I, 176 — 178. Въ тотъ же самый день Стединкъ пишетъ: «Ce qui me fâche, c'est qu'ils n'abandonnent pas leur dessein de pénétrer ici. Ils auront un régiment de renfort ce soir, si Votre Majesté ne dérange leur dessein. Je faut nécessairement envoyer ici un bon régiment ou faire une puissante diversion, ou tous les deux à la fois. Si je vis, je les arrêterai encore deux jours, à moins qu'ils veuillent sacrifier beaucoup de monde; mais si je suis tué, Sire, les affaires iront mal et seront perdues. Il n'y a que l'exacte vérité et mon zèle pour V. M., qui peut me faire dire une fatuité pareille; mais sans la connaissance du pays, sans la volonté la plus déterminée, on est abattu ici par les obstacles qu'on éprouve. Je dis tout cela à V. M. pour la convaincre de la nécessité de jeter les yeux sur un bon sujet qui puisse me remplacer, en cas de besoin. Après notre victoire nous sommes au pain et à l'eau. Tous les habitants se sont

были безъ денегъ, и долгое время Стединкъ напрасно ждалъ, чтобы начатіе военныхъ дѣйствій на рѣкѣ Кюмени со стороны Густава отвлекло отъ него хотя бы отчасти вниманіе Русскихъ.

Густавъ умѣлъ цѣнить заслуги Стединка. Онъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ искренно благодарилъ его и наградилъ орденомъ Меча и пенсіей въ 1.000 червонцевъ [1]); въ другомъ письмѣ онъ называетъ Стединка спасителемъ Саволакса [2]). Въ Швеціи Стединка сравнивали съ знаменитымъ генераломъ Зейдлицомъ, не разъ отличившемся при Фридрихѣ II [3]). И Русскіе хвалили Стединка, искусно отступавшаго въ виду ихъ, между тѣмъ какъ болѣе значительныя русскія силы, продолжали идти къ Санъ-Михелю [4]). Король обѣщалъ Стединку подкрѣпленія, войскъ, орудій, денегъ и сверхъ того обѣщалъ вскорѣ начать военныя дѣйствія близъ рѣки Кюмени, но между тѣмъ Шведы въ Саволаксѣ должны были отступать, и уже $^{8}/_{19}$ іюня Михельсонъ безъ урона занялъ Санъ-Михель [5]). До прибытія Русскихъ Шведы успѣли уничтожить часть военныхъ снарядовъ, находившихся

sauvés dans les forêts avec leur bestiaux; ils en reviennent, pour me tenir de longues harangues, que je ne comprends pas; mais ils y retournent toutefois, et tant que l'ennemi sera à Christina, ils n'ont pas toute à fait tort». Mém. de Sted., I, 85 — 86.

[1]) «Mille compliments pour vos officiers et pour leur bravoure. Pour vous même je vous embrasse de tout mon coeur. Je ne vous écris que trois lignes; je ferai partir dans une heure un second courrier, qui vous portera des lettres officielles. Vous connaissez dès longtemps mon amitié pour vous, et votre glorieuse journée de Parasalmi ne peut que la redoubler; je vous envoie un bataillon de Helsingfors avec du canon et des obus. C'est avec un sensible plaisir que je vous ai nommé chevalier grand croix de l'Epée. Vous êtes le premier de l'armée de terre qui recevez ce grade; mon frère fut le premier de tous qui le reçut. Puissiez vous le porter longtemps pour la satisfaction de vos amis et la gloire de la patrie! J'y joins un brevet de pension de mille écus mais dont je vous prie de me garder le secret encore quelque temps. Je voudrais vous donner davantage, mais le Béarnais est pauvre, quoiqu' il ait un bon coeur» etc.

[2]) «Vous avez sauvé le Savolax par votre valeur et votre bonne conduite. Quelle satisfaction pour celui, qui par sa place, son interêt personnel et sa gloire doit s'interesser si vivement au succès des affaires, d'y joindre encore l'interêt particulier qu'il a toujours pris pour vous» etc. Mém. de Sted., I, 178—182.

[3]) «Seydlitz, ein Mann, der nie frug, wie stark der Feind sei, und immer wo er stand». *Posselt,* 413.

[4]) Зап. Хран., 16-го іюня: «Сазоновъ, пріѣхавшій съ извѣстіемъ о занятіи Санъ-Михеля, хвалитъ бригадира Стединка: ни одной горки даромъ не отдалъ, но на ровномъ мѣстѣ Шведы не держатся, и для того не устоялъ при Санъ-Михелѣ».

[5]) Зап. Хран., 10, 11, 13-го іюня.

въ этомъ городѣ. Прочіе военные снаряды и припасы были только отчасти увезены ими изъ Санъ-Михеля [1]). Русскіе нашли тамъ значительное количество съѣстныхъ припасовъ (между прочимъ 300 бочекъ съ сельдями) и 46 бочекъ пороху; кромѣ того выгода взятія Санъ-Михеля заключалась въ томъ, что отрядъ Стединка, принужденный отступать до Юкаса, былъ отрѣзанъ отъ главной арміи. Наконецъ, вслѣдствіе этого движенія русскихъ войскъ флотилія на озерѣ Саймѣ сдѣлалась излишнею. Генералъ-маіоръ баронъ Шульцъ занялъ кирхшпиль Сулкову; преслѣдуя Шведовъ все далѣе и далѣе, Русскіе принудили ихъ уничтожить еще нѣсколько магазиновъ; наконецъ Стединкъ остановился при Іюрвисѣ съ 3.400 человѣкъ ([11]/22 іюня), а затѣмъ военныя дѣйствія въ этой юго-восточной части Финляндіи прекратились на время [2]).

За то теперь въ юго-западной части русской Финляндіи началась борьба между шведскими войсками, при которыхъ находился самъ король, и русскими, состоявшими подъ командою графа Мусина-Пушкина. Король Густавъ пріѣхалъ въ Финляндію въ послѣднихъ числахъ мая. Въ первыхъ числахъ іюня онъ перешелъ чрезъ рѣку Кюмень. Приближеніе этого непріятельскаго отряда къ Фридрихсгаму заставило графа Мусина-Пушкина употребить часть войска, преслѣдовавшаго графа Стединка, для прикрытія южной Финляндіи, такъ что Русскіе должны были оставить Санъ-Михель, и графъ Стединкъ имѣлъ возможность снова занять и удержать за собою прежнюю свою позицію. Мусинъ-Пушкинъ не считалъ удобнымъ препятствовать непріятелю перейдти границу. Вмѣсто того, чтобы встрѣтить Густава на берегахъ рѣки Кюмени съ сосредоточенными тамъ силами, онъ, какъ и въ 1788 году, находился на дорогѣ между Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, надѣясь, послѣ приближенія къ берегамъ Финляндіи русскаго галернаго флота подъ командою принца Нассау-Зигена, начать рѣшительныя дѣйствія противъ шведскаго войска. Только отдѣльные форпосты и незначительные отряды русскаго войска встрѣчались неоднократно со Шведами. Такъ, русскіе форпосты при Коувала и Вяля были принуждены къ отступленію. 3-го іюня Денисовъ отступилъ отъ

[1]) У *Соколова* говорится, что Шведы сожгли все до прибытія Русскихъ. См. *М. Сб.* 1857 г. У *Иоселіта*, 413, сказано: «Dennoch vertheidigte sich Stedingk so lange, bis die Magazine in St. Michel gerettet waren, dann zog er sich mit so viel Muth als Kunst zurück».

[2]) См. *С.-Петерб. Вѣд., Сѣв. Архивъ*, *Морск. Сбор.* 1833 г., № 7, 183. Къ сожалѣнію, нѣтъ писемъ Стединка, относящихся къ этому времени.

границы до Кайніаса, а 7-го Русскіе уступили Шведамъ Кюменьгородскій постъ. Шведы опять заняли укрѣпленіе Гёгфорсъ; далѣе ими была занята деревня Лпкала [1]). Густавъ былъ доволенъ этимъ ходомъ дѣлъ. Онъ разчитывалъ на успѣхъ особенно при помощи значительно усиленной шведской артиллеріи [2]) и пересталъ требовать, чтобы Стединкъ дѣйствовалъ наступательно со стороны Саволакса, желая гораздо болѣе рѣшительнымъ нападеніемъ съ запада принудить Россію къ заключенію мира. Стединку король приказалъ, буде возможно, идти къ Вильманстранду для соединенія съ главнымъ шведскимъ войскомъ; Каульбарцъ долженъ былъ приближаться отъ мѣстечка Вереле, гдѣ ему было велѣно перейдти чрезъ Кюмень; наконецъ самъ Густавъ, ожидая еще нѣсколько тысячъ человѣкъ войска, отправленныхъ изъ Стокгольма, рѣшился пока дѣйствовать осторожно, медленно, „играть роль Фабія Кунктатора“ [3]). Первымъ дѣломъ, въ которомъ участвовалъ самъ король, была стычка близъ Давидштата и Уддисмальма ($^{17}/_{28}$ іюня). Онъ находился при войскѣ не въ качествѣ командующаго, а въ качествѣ волонтера. Со временъ Карла XII не было случая непосредственнаго участія короля Шведскаго въ сраженіи. Тотчасъ же послѣ битвы Густавъ написалъ письмо своему сыну, наслѣдному принцу, сообщилъ въ немъ извѣстіе объ удачныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и поздравилъ его съ мужествомъ его согражданъ и будущихъ подданныхъ [4]). Послѣ этого король надѣялся достигнуть Фридрихсгама и уже отправилъ туда отрядъ войска подъ начальствомъ Сигрота; генералъ Мейерфельдъ также приближался къ Фридрихсгаму и уже занялъ деревню Сумма въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой крѣпости. Въ виду этихъ событій многое зависѣло отъ удачныхъ дѣйствій генерала Каульбарца, который командовалъ лѣвымъ крыломъ шведскаго войска и долженъ былъ идти къ Вильманстранду. Соединясь съ войскомъ Стединка, онъ могъ бы поддерживать операціи главной арміи противъ Фридрихсгама. Но Каульбарцъ, вмѣсто того чтобъ утвердиться въ Кайніасѣ, занятомъ Русскими, былъ разбитъ генералъ-майоромъ Денисовымъ и долженъ былъ отступать къ Вереле ($^{4}/_{15}$ іюля). Изъ записокъ адъютанта генерала Каульбарца, рукопись которыхъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, видно, какъ много общій ходъ дѣла зависѣлъ отъ удачныхъ дѣйствій этого

[1]) См. *Сѣверный Архивъ*, 174 — 182.

[2]) См. письмо короля къ Стединку, Mém., I, 183 — 186.

[3]) См. письмо къ Стединку, Mém., I, 187 — 190.

[4]) См. *D'Aquila*, II, 249; *Horft*, 206.

генерала. Между тѣмъ его подозрѣвали въ измѣнѣ, но это было несправедливо. Онъ нисколько не участвовалъ въ конфедераціи 1788 года и даже открыто и громко порицалъ образъ дѣйствій оппозиціонныхъ дворянъ-офицеровъ; но онъ, дѣйствительно, былъ недоволенъ торжествомъ короля надъ дворянствомъ на сеймѣ 1789 года и не одобрялъ строгихъ мѣръ, принятыхъ въ январѣ этого года противъ главныхъ зачинщиковъ конфедераціи. Кромѣ того онъ находилъ, что Густавъ оскорбилъ его по одному личному поводу; именно, въ одной брошюрѣ, изданной для того, чтобы возбудить ненависть къ Аньяльскимъ конфедератамъ, Густавъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ офицеровъ финляндской арміи вѣрными королю остались только Платенъ и Мейерфельдъ. Каульбарцъ считалъ для себя оскорбленіемъ, что его имя не было упомянуто на ряду съ этими лицами, такъ какъ именно эти три офицера были главными лицами финляндской арміи. Можно полагать, что уже во время открытія военныхъ дѣйствій въ 1789 году не всѣ надѣялись на генерала Каульбарца. Адъютантъ его получилъ анонимное письмо, въ которомъ его просили употребить все свое вліяніе на Каульбарца, чтобы заставить его строго исполнять повелѣнія короля при переходѣ чрезъ Верельскій мостъ и при занятіи дороги, ведущей къ Вильманстранду. Въ этомъ письмѣ было сказано, что многое зависитъ отъ добраго расположенія (bonnes dispositions) генерала Каульбарца, и что это послѣднее никогда не было такъ тѣсно связано съ интересами отечества, какъ теперь. Письмо это адъютантъ получилъ $\frac{30\text{-го іюня}}{11\text{-го іюля}}$; на другой день Каульбарцъ перешелъ чрезъ Кюмень, сначала удачно сражался съ войсками Денисова, но затѣмъ наткнулся на маскированныя батареи и долженъ былъ отступить [1]). Въ русскомъ донесеніи говорится, что при этомъ случаѣ было убито 300 Шведовъ, между тѣмъ какъ у Русскихъ вибыло изъ строя всего 21 человѣкъ убитыми и 80 ранеными [2]). Сами Шведы сознавались въ потерѣ 254 человѣкъ убитыми [3]).

Извѣстіе объ уронѣ Каульбарца произвело глубокое впечатлѣніе на короля. Прежде всего это событіе прямо вліяло на его предположенія относительно Фридрихсгама. Отрядъ короля, находившійся близъ Ликалà, былъ такимъ образомъ отрѣзанъ отъ отряда Сигрота; мосты при Вереле и Аньялà легко могли быть заняты Русскими. Положеніе короля становилось опаснымъ. Отступленіе къ Вереле совершилось съ

[1]) Mém. d'un off.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 875—877.

[3]) *Schantz*, I, 137.

нѣкоторою осторожностью [1]). Офицерамъ, окружавшимъ короля, отступленіе Каульбарца казалось загадочнымъ. Король тотчасъ же написалъ къ нему письмо и выразилъ въ немъ свое неудовольствіе; адъютанта Каульбарца король пригласилъ къ себѣ для объясненій по этому дѣлу. Адъютантъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что негодованіе на Каульбарца было общее. Въ разговорѣ съ адъютантомъ наединѣ, Густавъ спросилъ его, знаетъ ли онъ о заговорѣ (trame), на что̀ офицеръ отвѣчалъ, что ему ничего не извѣстно. Тогда Густавъ сообщилъ офицеру, что Каульбарцъ уже лишенъ своей должности и будетъ судимъ военнымъ судомъ [2]). Такимъ образомъ казалось, что должны были повториться событія 1788 года. Сначала медленное, но успѣшное приближеніе къ Фридрихсгаму, затѣмъ приготовленія къ осадѣ его, и наконецъ, внезапный переворотъ въ войскѣ, имѣвшій слѣдствіемъ отступленіе шведской арміи въ юго-западный уголокъ русской Финляндіи. Что касается до образа мыслей и дѣйствій Каульбарца, то адъютантъ его, оставшійся вѣрнымъ королю, никогда не вѣрилъ въ измѣну своего начальника, приговореннаго къ смертной казни. Король простилъ Каульбарца и удовольствовался увольненіемъ его отъ службы. Можетъ-быть, дѣйствительно, средства, которыми располагалъ Денисовъ, значительно превосходили отрядъ Каульбарца, котораго впрочемъ шведскіе писатели обвиняютъ не столько въ измѣнѣ, сколько въ недостаткѣ энергіи [3]). Въ письмѣ къ Стединку король, утверждая, что вслѣдствіе неудачи генерала Каульбарца все войско находилось въ опасности и легко могло погибнуть, и что только промахи Русскихъ и быстрота дѣйствій Шведовъ спасли шведское войско, — говоритъ только объ „ошибкахъ и странномъ несчастіи генерала Каульбарца“ [4]).

[1]) «Zwei Tage und zwei Nächte kam Gustaf nicht vom Pferde» (?), говоритъ Поссельтъ, 419. Даже въ офиціальныхъ шведскихъ газетахъ было сказано, что отступленіе Каульбарца отъ Кайніаса чрезъ Уддисмальмъ и Коувала къ Вереле, вопреки письменному повелѣнію генерала Сигрота, не только доставило Русскимъ возможность пресѣчь сообщеніе между войсками этихъ генераловъ, но и подвергло опасности собственный королевскій корпусъ при Ликала̀, такъ что онъ долженъ былъ отступить со всевозможною поспѣшностью; см. *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 года, 1089.

[2]) Mém. d'un off.

[3]) *Horft*, 212; *Posselt*, 418.

[4]) «Les fautes ou les malheurs étranges du général K... auraient pu me perdre avec toute l'armée, sans la faute des ennemis et la promptitude de nos manoeuvres. Je n'ai ni le temps, ni le coeur de vous en faire le détail, mais je vous l'enverrai». Mém. de Sted., I, 200.

Послѣ этой неудачи Шведы, какъ и въ предыдущемъ году, оставались въ Кюменьгородѣ и Гёгфорсѣ, не перемѣняя своего положенія до конца августа, и только тогда вслѣдствіе побѣды, одержанной принцемъ Нассау-Зигеномъ на морѣ, явилась возможность вытѣснить ихъ оттуда и принудить къ отступленію въ шведскую Финляндію. Король постоянно ожидалъ подкрѣпленія, укрѣплялъ шанцы при Гёгфорсѣ и все еще надѣялся на возобновленіе осады Фридрихсгама. Но событія на морѣ должны были лишить его этой надежды. Между тѣмъ онъ считалъ свое положеніе выгоднымъ, потому что оно принуждало Русскихъ оставлять свои войска близь Фридрихсгама, такъ что отрядъ Стединка могъ дѣйствовать свободнѣе. А именно Стединку и удалось разбить Русскихъ при деревнѣ Паркумаки ($^{8}/_{19}$ — $^{9}/_{20}$ іюля). Генералъ-майоръ Шульцъ, на котораго Стединкъ сдѣлалъ неожиданное нападеніе, обратился въ бѣгство [1]). Потеря Русскихъ при этомъ случаѣ была довольно чувствительна; Екатеринѣ до-

[1]) См. письмо Стединка къ королю изъ Паркумаки, Mém., I, 195 — 198. Король писалъ въ отвѣтъ: «Ce n'est donc plus le malheureux Stedingk, qu'on doit vous appeler, c'est le victorieux. . . . vous avez sauvé le Savolax . . . A la manière, dont vous y allez, je ne saurai bientôt quelles récompenses vous donner. Vous battrez les Russes plus facilement que vous ne leur apprendrez à vivre.... Nous avons fait chanter le *Te Deum* pour votre victoire, et elle va être célébrée dans toute la Suède... Vous ne sauriez pas croire l'effet que vos succès ont produit ici sur l'armée....» Mém. de Sted., I, 199, 200, 202, 208. По Храповицкому и Шанцу это сраженіе было $^{8}/_{19}$ — $^{9}/_{20}$ іюля. Въ мемуарахъ Стединка письмо его къ королю, писанное на другой день послѣ битвы, помѣчено $^{17}/_{28}$ іюля; король же пишетъ объ этомъ дѣлѣ къ Стединку уже $^{11}/_{25}$ іюля. Тутъ въ изданіи Бьерншерна должна быть ошибка. Храповицкій пишетъ $^{12}/_{23}$ іюля: «Денисовъ и Кноррингъ, прогнавъ Шведовъ за Кюмень, взяли постъ на той сторонѣ и овладѣли ихъ мостомъ, а отшедшаго непріятеля отъ Ликалà къ Мемелѣ преслѣдуетъ Сухтеленъ. Довольны». 15-го іюля. «Непріятное извѣстіе, что генералъ-маіоръ баронъ Шульцъ разбитъ, потерялъ пушки и багажъ 8-го и 9-го іюля и уклонился въ наши границы». 25-го іюля. «Обстоятельное донесеніе о потерѣ Шульца, простирающейся до 600 убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ». Въ донесеніяхъ, извлеченныхъ изъ бумагъ Сухтелена и напечатанныхъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1825 года, ничего не сказано объ этомъ дѣлѣ; также и въ *С.-Петерб. Вѣд.* умалчивается объ этой неудачѣ. За то Д'Аквила сильно преувеличиваетъ значеніе этой стычки, разказывая: «Stedingk chassa devant lui le général Michelson et pénétra dans le Savolax même; le 21 juillet il attaqua à peu de distance de Nyslott le corps russe du lieutenant-général Schoultz, qui y fut défait; le commandant de Nyslott (Toll), vingt-quatre officiers, six cents cinquante soldats furent faits prisonniers» etc.; II. 259. Стединкъ пишетъ о взятіи въ плѣнъ «lieutenant-colonel russe *Foll*»; I, 198. У Шанца, I, 154, говорится о потерѣ Русскихъ около 200 убитыми и 625 плѣнными.

несли, что убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ было до 600. Однако всѣ эти стычки не имѣли особенно важнаго значенія. Въ самой Финляндіи походъ нисколько не измѣнилъ положенія дѣлъ. 20-го іюля Екатерина писала къ Циммерманну: „По сихъ поръ въ Финляндіи были однѣ сшибки на форпостахъ, кои ежедневно возобновляются, и по окончаніи похода скажемъ, что произвели оныя. Адмиралъ Чичаговъ поѣхалъ искать шведскаго флота“ [1]) и т. д. Дѣйствительно, отъ дѣйствій на морѣ зависѣлъ теперь исходъ кампаніи.

Въ предшествовавшей кампаніи русскому галерному флоту почти не приходилось дѣйствовать. Только въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1788 года, то-есть, послѣ того уже, какъ конфедерація въ Аньялà сдѣлала почти невозможнымъ продолженіе военныхъ дѣйствій со стороны Шведовъ, русская гребная флотилія вышла изъ Петербургскаго порта, пробыла нѣкоторое время въ бездѣйствіи около береговъ Финляндіи и въ октябрѣ уже получила повелѣніе возвратиться въ Кронштадтъ.

Весною 1789 года императрица обратила особенное вниманіе на галерный флотъ. Командующимъ этою флотиліей, какъ мы видѣли, былъ назначенъ принцъ Нассау-Зигенъ. 15-го мая графъ Мусинъ-Пушкинъ далъ знать въ Петербургъ, что въ 15 верстахъ отъ Фридрихсгама видны шведскія галеры. Русская флотилія находилась еще въ Кронштадтѣ. Екатерина была недовольна; съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ замѣтила она, что „Шведы прежде насъ въ морѣ“. По ея приказанію были приняты мѣры для скорѣйшаго отправленія галернаго флота въ море [2]). Между тѣмъ замедленіе русскаго гребнаго флота дало шведскимъ галерамъ возможность безпокоить прибрежныхъ жителей русской Финляндіи и въ особенности затруднять сообщеніе по дорогѣ изъ Фридрихсгама въ Вильманстрандъ и Выборгъ.

Съ большимъ удовольствіемъ императрица узнала, что 6-го іюня въ 11 часу вечера принцъ Нассау-Зигенъ вышелъ изъ Кронштадта; но затѣмъ онъ былъ задержанъ противнымъ вѣтромъ. Только въ первыхъ числахъ іюля онъ могъ имѣть свиданіе съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ при Фридрихсгамѣ. Оба начальника условились, „чтобы принцъ разбилъ Шведовъ на водѣ, сдѣлалъ десантъ между Ловизой и Борго (въ шведской Финляндіи), дабы чрезъ то отвлечь непріятелей изъ границъ нашихъ и Пушкину дать способъ, перейдя Кюмень,

---

[1]) Сочиненія Екат., II, 472.

[2]) Зап. Храповицкаго.

впасть въ его границы". [1]) Но послѣ этого разговора прошло болѣе мѣсяца до сраженія при Свенскзундѣ. Нассау не считалъ возможнымъ въ продолженіе всего этого времени атаковать непріятеля. Въ замѣткѣ Храповицкаго: „принцъ Нассау въ инакціи", выражается досада императрицы по этому поводу. Между тѣмъ корабельный флотъ русскій находился уже въ Балтійскомъ морѣ. Одинъ отрядъ его при Гангэудѣ и Поркалаудѣ сразился съ Шведами 21-го іюня, а другой отправился далѣе на западъ, чтобы соединиться съ эскадрою Козлянинова, зимовавшаго у береговъ Даніи. Дѣло 21-го іюня было довольно удачнымъ для Русскихъ. Капитанъ Шешуковъ отбилъ нападеніе, сдѣланное на него нѣкоторыми шведскими судами, и разорилъ береговую батарею, которая стрѣляла каленымъ ядрами; двѣ пушки и много военныхъ снарядовъ и припасовъ были добычею Русскихъ [2]). Екатерина распорядилась, чтобы выписки изъ реляціи Чичагова объ этомъ дѣлѣ были посланы къ принцу Нассау-Зигену и къ Пушкину: „Это нужно для ободренія людей", сказала она.

Между тѣмъ шведскій флотъ далеко еще не былъ готовъ къ отплытію изъ Карлскроны. 16-го мая писали изъ Стокгольма:

„Здѣсь получено весьма непріятное нашему королю извѣстіе, что часть россійскаго флота расположилась уже неподалеку отъ Гангэуда. Новость сія причиняетъ намъ великое безпокойствіе, а особливо потому, что флотъ нашъ въ Карлскронѣ къ выходу въ море еще не готовъ" [3]).

Пока герцогъ Сюдерманландскій старался вооружить флотъ, находившійся въ Карлскронѣ, и пополнить экипажи, страдавшіе ужасно отъ повальныхъ болѣзней, Русскимъ удалось уже взять вышедшій изъ Готенбурга прекрасный шведскій фрегатъ *Venus*, съ 40 пушками [4]). Кромѣ того была взята вышедшая изъ Карлскроны яхта

---

[1]) Зап. Храпов., 179, 197.

[2]) См. Зап. Храпов., 25-го іюня 1789 года; *С.-Пет. Вѣд.*, 811. У Гиллельграната объ этомъ дѣлѣ не говорится.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 15-го іюня 1789 года, стр. 746.

[4]) Въ *С.-Петерб. Вѣд.*, 19-го іюня объявлено, что баронъ Криденеръ, русскій полномочный министръ въ Копенгагенѣ, получилъ извѣстіе объ этомъ происшествіи. Русскіе преслѣдовали шведскій корабль, находившійся въ Категатѣ, до Норвежскаго порта Ларвига, гдѣ онъ и былъ взятъ. Прибавл. къ *С.-Петерб. Вѣд.*, № 49. Въ *С.-Петерб.* же *Вѣд.*, стр. 814, въ письмахъ изъ Стокгольма говорится что фрегатъ *Venus* былъ о 32 пушкахъ Д'Аквила замѣчаетъ, II, 252, что можно было назвать этотъ фрегатъ «la Venus nouvellement établie et d'une belle construction», «un modèle d'architecture navale tant pour la coupe que pour la distribution», и прибавляетъ къ этому: «J'ai été sur ce bâtiment en juin 1798». Фрегатъ *Venus* былъ взятъ $\frac{\text{21-го мая}}{\text{1-го іюня}}$. Онъ принадлежалъ къ шведской эскадрѣ,

Эландъ [1]). Наконецъ шведскій флотъ вышелъ изъ Карлскроны 26-го іюня / 7-го іюля, тогда какъ русскій флотъ, подъ командою Чичагова, еще не успѣлъ соединиться съ эскадрою Козлянинова. Герцогъ Сюдерманландскій, кажется, хотѣлъ прежде всего встрѣтиться съ этимъ послѣднимъ отрядомъ и показывался нѣсколько разъ въ виду датскихъ военныхъ кораблей, стоявшихъ у Кэгсбухты и составлявшихъ въ 1788 году часть эскадры адмирала фонъ-Дезина. О флотѣ Чичагова Карлъ не имѣлъ извѣстія.

14/25 іюля послѣдовало столкновеніе между шведскимъ и русскимъ флотами. Это сраженіе произошло между островомъ Вогнгольмомъ и шведскимъ берегомъ. Оно кончилось отступленіемъ шведскаго флота, возвратившагося въ Карлскрону, чѣмъ и завершились его военныя дѣйствія въ кампанію этого года. При этомъ случаѣ не Русскіе, а Шведы начали битву. Чичаговъ долженъ былъ желать избѣгнуть сраженія, потому что ему хотѣлось сперва соединиться съ эскадрою Козлянинова, послѣ чего можно было ожидать еще бо́льшаго успѣха для русскаго оружія [2]). Въ русскомъ офиціальномъ разсказѣ объ этой битвѣ, помѣщенномъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 14-го августа 1789 года, сказано, что „хотя адмиралъ Чичаговъ и не преуспѣлъ еще соединиться съ эскадрою вице-адмирала Козлянинова и чрезъ то поставить себя въ превосходныя предъ непріятелемъ силы, не уклонился однакожь отъ бою“. Далѣе сказано впрочемъ, что и „наступленіе непріятельское не доказывало большой въ немъ охоты къ бою“. При довольно ровномъ числѣ кораблей съ обѣихъ сторонъ Шведы легко могли взять перевѣсъ надъ Русскими, если бы командующій аріергардомъ шведскаго флота, контръ-адмиралъ Лиліегорнъ, не уклонился отъ участія въ битвѣ. Этому послѣднему обстоятельству Шведы приписывали свою неудачу, и потому Лиліегорнъ былъ отданъ подъ судъ [3]).

Русское и шведское донесенія о битвѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ

находившейся въ Готенбургѣ. Впрочемъ маіоръ Гансонъ, сдаваясь, протестовалъ противъ взятія этого корабля, которое, по его мнѣнію, могло считаться нарушеніемъ нейтралитета Даніи, такъ какъ это событіе происходило въ датской гавани. См. *Schantz*, I, 171.

[1]) *Морск. Сборн.* 1863 года, № 7, 161; *Schantz*, I, 159.

[2]) См. разказъ Гилленграната въ *Морск. Сборн.* 1863 года, № 7, стр. 164.

[3]) См. о подробностяхъ этой битвы въ разказѣ Гилленграната, *Морск. Сб.* 1863 г., № 7, стр. 161 — 167, у *Шишкова*, въ *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 года, стр. 1019 — 21, также *Schantz*, 163—165, *Posselt*, 421 — 422. Шанцъ замѣчаетъ, что Русскіе на другое утро старались «undvek sorgfälligt action».

сильно противорѣчатъ другъ другу. Въ офиціальномъ русскомъ разказѣ сказано:

„16-го іюля при разсвѣтѣ примѣчено было, что непріятельскій флотъ, воспользовавшійся ночною темнотой, отступилъ въ безпорядкѣ къ западу, оставя намъ мѣсто сраженія, нами удержанное. Флотъ нашъ, построяся въ линію, его преслѣдовалъ, при чемъ главнокомандующій старался выиграть у непріятеля вѣтеръ. Сколько ни продолжалъ адмиралъ нашъ направлять путь свой вслѣдъ за шведскимъ флотомъ, чтобы начать паки сраженіе, но непріятель отъ того уклонялся и наконецъ, пользуяся попутнымъ для себя вѣтромъ, скрылся изъ виду и обратился въ портъ свой Карлскрону".

Карлъ Сюдерманландскій съ своемъ донесеніи королю Густаву III говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, подтверждающихъ только отчасти статью офиціальной русской газеты:

„Ночью вѣтеръ повернулъ къ югу, почему флотъ вашего королевскаго величества держалъ къ вѣтру, чтобъ сохранить свою повѣтренную позицію, что вѣроятно, и дало непріятелю смѣлость погнаться $^{16}/_{27}$ числа утромъ, подъ всѣми парусами, за нашимъ флотомъ; но лишь только флотъ вашего королевскаго величества былъ порядочно построенъ въ шахматное расположеніе, то и въ боевой линіи повернулъ къ непріятелю и далъ сигналъ, чтобъ отрѣзать непріятельскій передовой корабль; тогда весь русскій флотъ поспѣшно поворотилъ и сталъ уходить отъ насъ подъ всѣми парусами, потомъ построился, но не смотря на всѣ мои усилія, уклонился отъ боя.... Онъ не выказывалъ ни малѣйшей охоты къ нападенію, хотя я и поставилъ его въ самое выгодное положеніе, но напротивъ, поставивъ сколько возможно было парусовъ, старался уйдти".

Далѣе говорится, что и $^{19}/_{30}$ іюля Шведы старались возобновить сраженіе, но „русскій флотъ и на этотъ разъ уклонился отъ сраженія". Наконецъ, такъ какъ вѣтеръ „стоялъ попутный для соединенія Зундскаго флота съ Кронштадтскимъ, то — продолжаетъ герцогъ — я счелъ совершенно лишнимъ испытывать счастье шведскаго оружія, заставляя флотъ вашего величества сражаться съ столь превосходными силами, а потому и возвратился въ Карлскрону" и т. д. Разногласіе между двумя донесеніями очевидное и естественное. Каждая изъ воюющихъ сторонъ должна была желать отступленія: Чичаговъ для того, чтобы, выигравъ время, соединиться съ Козляниновымъ, Карлъ потому, чтобы можно было каждую минуту ожидать прибытія Зундскаго флота. Впрочемъ, и сама Екатерина знала о томъ, что Русскіе преслѣдовали Шведовъ, и что послѣдніе, уклонившись отъ сраженія, поспѣшно ушли. Въ запискахъ Храповицкаго подъ 6 августа сказано:

„Полученъ рапортъ о томъ, что сраженіе было 15-го іюля; непріятель, бывъ на вѣтрѣ, стрѣлялъ издалека по счастямъ. Корабли Престона и Денисона принуждены были выйдти изъ линіи за разрывомъ пушекъ, на одномъ — трехъ, на другомъ — двухъ (пушки чугунныя, литыя въ Воронежѣ при Петрѣ

Первомъ); сраженіе продолжалось до 8 часовъ вечера. 16-го по утру нашъ флотъ паки представлялъ баталію, не смотря на вѣтръ, непріятелю способный, но онъ не атаковалъ; хотя наши лавировали, чтобъ его атаковать, однако не могли, и онъ скрылся въ Карлскрону".

Но затѣмъ слѣдуютъ доказательства, что императрица знала о настоящемъ положеніи дѣла. Храповицкій пишетъ: „Замѣчено, что не хотѣлъ самъ Чичаговъ драться, желая лучше охранять берега Лифляндскіе, хотя ему точно предписано искать и атаковать непріятеля". Къ этому Храповицкій прибавляетъ слова Екатерины: „Je crois que tout le monde est d'accord avec le roi de Suède. Le Prince de Nassau n'a presque rien fait. Pouschkine est dans l'inaction". „Досада; почти слезы на глазахъ", прибавляетъ Храповицкій въ объясненіе этихъ словъ императрицы. Напротивъ того Густавъ III считалъ описанное сраженіе побѣдою Шведовъ. Такъ, въ письмѣ къ Стедингу изъ Кюменьгорода, отъ 7-го августа, онъ говоритъ объ удачномъ нападеніи Карла на русскій флотъ, который, будучи приведенъ въ разстройство, искалъ будто бы спасенія въ бѣгствѣ. Карлъ писалъ къ королю именно въ тѣ минуты, когда Шведы гнались за Чичаговымъ. Не мудрено поэтому, что король во всѣхъ отрядахъ войска велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ [1]).

Донесеніе въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* оканчивается слѣдующимъ образомъ:

„Обстоятельства, здѣсь описанныя, доказываютъ ясно, что главнокомандующій россійско-императорскимъ флотомъ и прежде соединенія его съ эскадрою, въ Копенгагенѣ находившеюся, не уклонился отъ бою со шведскимъ мореходнымъ ополченіемъ, отразилъ оное, удержалъ мѣсто боя и преслѣдовалъ непріятеля, представляя ему готовность вступить паки въ сраженіе до

---

[1]) «N'ayant pas de nouvelles à vous mander d'ici, je puis au moins vous donner celles que je viens de recevoir de la victoire de mon frère sur la flotte russe, sortie de Cronstadt, qu'il a remportée le 26 juillet, à 12 lieues sud-ouest de l'île d'Oland. Il me mande, qu'ayant signalé la flotte, le 25 juillet au matin, il l'avait vue se ranger en bataille, mais que le vent et le gros temps l'empêchèrent de l'attaquer. Il la vit toute la nuit jusqu'au lendemain 26 à une heure et demie, le duc engagea la bataille avec son arrière-garde, qui se trouvait à la hauteur de l'ennemi, et après six heures de combat, et que quatre vaisseaux russes furent désemparés, le désordre se mit dans leur flotte, et elle prit la fuite. Mon frère la poursuit à toutes voiles. C'est en la poursuivant qu'il m'écrit, et finit par me faire espérer de plus grandes nouvelles. Sa lettre est datée *«du vaisseau-amiral Gustave III, chassant la flotte russe entre la Courlande et l'Olandz* Cette nouvelle est arrivée à Stockholm.... Vous ferez chanter le *Te Deum* chez vous, comme je le ferai demain ici». Mém. de Sted., I, 207—208.

сихъ поръ, покуда шведскій флотъ, убѣгая отъ него, скрылся въ портъ свой: почему и остается каждому безпристрастному судить, имѣлъ ли причину король Шведскій торжествовать сіи происшествія, какъ побѣду, имъ одержанную“ [1]).

Въ ту же газету писали изъ Стокгольма отъ 31-го іюля [2]):

„Флотъ нашъ, герцогомъ Сюдерманландскимъ предводительствуемый, встрѣтясь съ россійскимъ между Готландомъ и Курляндіей, имѣлъ сраженіе, но побѣды одержать не могъ, потому что цѣлая дивизія наша, коею предводительствовалъ контръ-адмиралъ Лиліегорнъ, не взирая на данныя отъ герцога 15 сигналовъ, вовсе въ дѣйствіе не вступала. Герцогъ, посадя онаго контръ-адмирала подъ стражу, предпріялъ со всѣмъ флотомъ путь свой обратно къ здѣшней гавани“.

А изъ Копенгагена писали туда же, отъ 4-го августа [3]):

„Здѣсь получено достовѣрное извѣстіе, что $^{15}/_{26}$ числа минувшаго іюля въ окрестности Борнгольма происходило между россійскимъ и шведскимъ флотомъ сраженіе, на которомъ два корабля шведскіе повреждены такъ, что едва доведены до Карлскроны.... Нѣкоторые увѣряютъ, что отъ герцога Сюдерманландскаго обремененъ тяжкими оковами контръ-адмиралъ шведскаго флота Лиліегорнъ. Его королевское высочество почитаетъ его виновнымъ въ томъ, что шведскій флотъ на извѣстномъ сраженіи не могъ одолѣть ни единаго россійскаго корабля. Герцогъ обвиняетъ онаго контръ-адмирала наиболѣе тѣмъ, что движенія его были безпорядочны“.

Изъ разказа Шанца видно, что Лиліегорнъ упустилъ случай отрѣзать пять судовъ нашего флота; иначе, по мнѣнію Шанца, успѣхъ былъ бы несомнѣнно на сторонѣ Шведовъ [4]).

„Во всякомъ случаѣ“, продолжаетъ Шанцъ, „много значило то, что шведскій флотъ, уступавшій русскому и по числу, и по величинѣ судовъ, въ продолженіе шести часовъ выдерживалъ атаку. Изъ всѣхъ шведскихъ кораблей только одинъ не былъ поврежденъ“.

Герцогъ Карлъ оканчиваетъ свое донесеніе королю жалобою на Лиліегорна, „который не только самъ не слушалъ его приказаній, но еще мѣшалъ дѣйствовать тѣмъ изъ командировъ, которые хотѣли исполнить свой долгъ, такъ какъ безъ этого обстолтельства побѣда, одержанная шведскимъ флотомъ, была бы гораздо блистательнѣе и принесла бы отечеству несравненно бо̀льшую пользу“ [5]).

Сообразивъ все сказанное нами, мы можемъ заключить, что такъ-называемая битва при Эландѣ (*Slaget vit Öland*, какъ называетъ ее Шанцъ) не можетъ быть названа ни побѣдою Русскихъ, ни побѣдою

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 1021.
[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., 1054.
[3]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., 1055.
[4]) Шанцъ, т. I, стр. 109.
[5]) *Морск. Сборн.* 1863, № 7, стр. 170.

Шведовъ; уклончивость отъ серіознаго сраженія замѣчается съ обѣихъ сторонъ [1]), и въ особенности бездѣйствіе Лиліегорна препятствовало значительнымъ успѣхамъ или потерямъ сражающихся. Это дѣло скорѣе можно назвать канонадою, чѣмъ битвою [2]). Однако оно имѣло то значеніе, что Шведы не успѣли, согласно своему желанію, воспрепятствовать соединенію Кронштадтскаго флота съ Зундскимъ. $\frac{21\text{-го іюля}}{1\text{-го августа}}$ Чичаговъ соединился съ Козляниновымъ. Этотъ результатъ для Русскихъ равнялся побѣдѣ. Безпристрастный наблюдатель этихъ событій, графъ Сегюръ, говоритъ, что Русскіе справедливо считали себя одержавшими верхъ надъ Шведами, потому что они успѣли достигнуть своей цѣли [3]). Впрочемъ въ С.-Петербургѣ не было благодарственнаго молебствія по полученіи извѣстія объ этой битвѣ. Между официальными извѣстіями въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* этого времени не встрѣчается также никакихъ извѣстій о наградахъ участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ офицерамъ [4]).

Послѣ этого военныя дѣйствія между корабельными флотами не возобновлялись въ продолженіе всей кампаніи 1789 года. Герцогъ Карлъ съ шведскимъ флотомъ находился въ Карлскронѣ; болѣзни, которыя продолжали свирѣпствовать на шведскомъ флотѣ, заставляли генералъ-адмирала оставаться здѣсь [5]). Король желалъ, чтобы

[1]) Напрасно Поссельтъ, 421, говоритъ: «Erst in der Mitte des Sommers suchten die feindlichen Flotten, jede entschlossen die andere zu vernichten auf. Die Russen wollten ihr altes Uebergewicht, die Schweden ihren neuerworbenen Ruhm behaupten: jene brannten vor Begierde den Donner einer siegreichen Schlacht bis in Stockholm, diese bis in Petersburg hören zu machen».

[2]) Даже Д'Аквила, старающійся при каждомъ случаѣ выхвалять славу шведскаго оружія, говоритъ объ обоихъ флотахъ: «Leur artillerie ne fut pas épargnée, mais ne fit que beaucoup de bruit; l'action se passa en perte de poudre et de boulets seulement; т. II, стр. 254.

[3]) *Ségur*, Mém., т. III, стр. 509.

[4]) Въ предисловіи къ письмамъ отъ Екатерины II къ принцу Нассау-Зигену, изданнымъ княземъ П. А. Вяземскимъ въ *Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества*, I, стр. 206, сказано, что Нассау «въ шведскую войну 1789 года начальствовалъ надъ частью балтійскаго флота, 13-го іюня недалеко отъ Готланда разбилъ герцога Сюдерманландскаго, а 14-го августа шведскаго адмирала Эренсверда, и этими побѣдами обезпечилъ счастливый исходъ кампаніи 1789 года». Нассау командовалъ только галернымъ флотомъ и вовсе не участвовалъ въ битвѣ съ герцогомъ Сюдерманландскимъ, происшедшей не 13-го іюня, а 15-го іюля. Нельзя притомъ сказать, чтобы герцогъ былъ разбитъ. «Счастливый исходъ кампаніи 1789 года» заключался лишь въ сохраненіи того положенія воюющихъ сторонъ, которое было до этой кампаніи.

[5]) См. извѣстія изъ Стокгольма отъ 12-го и 25-го августа въ *С.-Петерб.*

герцогъ вновь выступилъ въ море, но выполнить его порученіе было невозможно [1]). Только осенью, когда уже непогода препятствовала успѣшному продолженію войны на морѣ, корабельный шведскій флотъ оставилъ на нѣкоторое время Карлскрону. Бури принудили его вскорѣ вернуться туда; съ русскимъ флотомъ онъ не встрѣчался.

Послѣ соединенія съ эскадрою Козлянинова, весь русскій флотъ расположился въ виду Карлскроны въ то время, когда герцогъ Карлъ прибылъ туда [2]), но вскорѣ затѣмъ русскій флотъ повернулъ къ востоку и пошелъ къ Дагерорту [3]).

Только часть шведскаго флота въ концѣ августа отправилась изъ Карлскроны къ Гангэуду, чтобы прогнать отъ Поркалауда стоявшіе тамъ русскіе корабли и фрегаты, которые съ іюня мѣсяца заняли этотъ постъ и препятствовали шведскимъ транспортамъ доставлять арміи провіантъ и прочія принадлежности. Но приблизившись къ своей цѣли, Шведы увидѣли весь русскій флотъ въ направленіи къ Ревелю, и не нападая на стоявшіе у Борезунда русскіе корабли, вернулись въ Карлскрону [4]).

При такихъ обстоятельствахъ главныя дѣйствія морской кампаніи этого года происходили около береговъ Финляндіи, близъ границы между шведскою и русскою Финляндіей, гдѣ должны были встрѣтиться не только галерные флоты воюющихъ державъ, но и сухо-

---

Вѣд., стр. 1107 и 1178. 1-го сентября оттуда пишутъ: «Болѣзни въ Карлскронѣ не уменьшаются. Число матросовъ и солдатъ, кои лежатъ въ госпиталяхъ, простирается до 8.000». *С.-Петерб. Вѣд.*, 1195.

[1]) Изъ Стокгольма пишутъ отъ 8-го сентября: «Стоящему въ Карлскронѣ флоту нашему послано строгое повелѣніе, дабы онъ немедленно вышелъ въ море. Корабли снабжены уже достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, и на мѣста больныхъ посажены здоровые. Впрочемъ же слышно, что въ Карлскронѣ все еще умираютъ морскіе служители въ великомъ множествѣ. Всякій день хоронятъ ихъ человѣкъ по 20 и больше. Болѣзнь начинается ломомъ въ головѣ, и черезъ нѣсколько дней оканчивается смертью». *С.-Петерб. Вѣд.*, 1211.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 1071.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 1021; *Schantz*, I, 167.

[4]) О подробностяхъ этой экспедиціи см. Гилленграната въ *Морск. Сбор.* 1863, № 7, стр. 174—175. Храповицкій пишетъ 29-го августа объ императрицѣ: «Сказывать изволили, что 26-го числа Чичаговъ, увидя 7 или 10 шведскихъ кораблей, пошелъ ихъ атаковать: «Сами въ ротъ лѣзутъ». 2-го сентября Храповицкій пишетъ: «Чичаговъ показавшіяся вдали купеческія суда принялъ было за шведскій флотъ. Готовность сразиться съ нимъ». 4-го октября: «Нашъ флотъ корабельный возвратился въ Ревель». О дѣлѣ Тревенина около Борезунда см. *С.-Петерб. Вѣд.*, 1224 и Зап. Храп., 17-го сентября.

путныя войска. Тамъ находились главные начальники — Густавъ III и графъ Мусинъ-Пушкинъ, адмиралъ Эренсвердъ и принцъ Нассау-Зигенъ; тамъ было построено Шведами множество батарей на шхерахъ и на самомъ берегу Финляндіи; тамъ былъ укрѣпленный лагерь Шведовъ при Гегфорсѣ и Кюменьгородѣ; тамъ наконецъ была и Фридрихсгамская крѣпость, около которой и въ 1788, и въ 1789 гг. король старался сосредоточивать военныя дѣйствія.

Сраженіе, происходившее $^{13}/_{24}$ августа при Свенскзундѣ или Роченсальмѣ между двумя галерными флотами, было гораздо важнѣе канонады при Эландѣ. Мы уже видѣли, что галерный флотъ, подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена, довольно поздно прибывшій къ берегамъ Финляндіи, долго оставался въ бездѣйствіи. Къ тому же между принцемъ Нассау и вице-адмираломъ Крузе произошелъ споръ. Такое несогласіе было тѣмъ важнѣе, что Крузе, начальствовавшій надъ частью корабельнаго флота, долженъ былъ поддерживать галерный флотъ во время его совокупныхъ дѣйствій съ сухопутными войсками. Изъ записокъ Храповицкаго мы видѣли, что принцъ Нассау имѣлъ свиданіе съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, чтобъ условиться съ нимъ объ общихъ дѣйствіяхъ, которыми надѣялись вытѣснить Шведовъ изъ русской Финляндіи. Между тѣмъ Шведы не только оставались въ Кюменьгородѣ и Гегфорсѣ, но и заняли острова въ устьѣ рѣки Кюмени, построили вездѣ батареи и заняли всѣ проходы. Такимъ образомъ юго-западный уголокъ русской Финляндіи служилъ операціоннымъ базисомъ для Шведовъ. Главною станціей ихъ галернаго флота былъ Свенскзундъ, находящійся передъ устьемъ рѣки Кюмени, верстахъ въ 25 отъ Фридрихсгама. Отсюда флотъ долженъ былъ споспѣшествовать военнымъ операціямъ шведской арміи на границѣ и прикрывать восточныя шхеры [1]).

---

[1]) *Морск. Сбор.* 1863 г., 1. с. Къ этому времени относится переписка принца Нассау съ королемъ Шведскимъ, сообщенная въ сочиненіи Д'Аквиля (II, 255—257). Густавъ III отправилъ къ князю Лобанову-Ростовскому, командовавшему Псковскимъ полкомъ, одного изъ офицеровъ этого полка, взятаго въ плѣнъ Шведами. При этомъ случаѣ, какъ говорятъ, русскіе форпосты стрѣляли въ шведскихъ парламентеровъ. Король жалуется въ письмѣ къ принцу Нассау на такое неуваженіе къ принципамъ международнаго права и напоминаетъ ему при этомъ случаѣ встрѣчу свою съ принцемъ въ г. Спа. Нассау отвѣчаетъ на это письмо не совсѣмъ любезно и прилагаетъ къ своему письму записку графа Мусина-Пушкина, въ которой послѣдній, жалуясь на Густава, замѣчаетъ, что эта война выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и едва ли заслуживаетъ названія войны. — «Je m'adresse à un chevalier français, писалъ король къ принцу, qui

Здѣсь принцъ Нассау хотѣлъ атаковать Шведовъ. Уже $^{14}/_{25}$ іюля въ дневникѣ Храповицкаго сказано: „Принцъ Нассау, согласясь съ Крузомъ, намѣренъ атаковать шведскій гребной флотъ съ двухъ сторонъ“. Между тѣмъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и императрица была недовольна, что Нассау оставался въ бездѣйствіи.

Наконецъ, $^{4}/_{15}$ августа часть русскаго галернаго флота встрѣтилась съ частью шведскаго галернаго флота; но встрѣча эта была незначительною. Шведы должны были отступить [1]). Затѣмъ $^{13}/_{24}$ августа произошло большое сраженіе, въ которомъ участвовала эскадра вице-адмирала Крузе, приближавшагося къ финляндскому берегу отъ острова Аспэ. На этотъ разъ подробное офиціальное описаніе битвы, обнародованное въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, довольно близко сходится съ данными, встрѣченными въ шведскихъ сочиненіяхъ, и со слухами объ этомъ происшествіи, распространенными тогда въ шведскомъ лагерѣ и Стокгольмѣ. Только показанія короля въ его письмахъ къ Стедингу противорѣчатъ нѣсколько прочимъ даннымъ; да кромѣ того поражаютъ разницею русскія и шведскія показанія о числѣ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ. Не входя въ подробности дѣла при Свенскзундѣ, мы удовольствуемся указаніемъ на его характеръ и слѣдствія, благопріятныя для русскаго оружія.

Краткое извѣстіе о побѣдѣ, одержанной принцемъ Нассау-Зиге-

---

va chercher la gloire partout, où se trouvent la gloire et les dangers, pour le prier d'engager mes ennemis à respecter les lois de la guerre, tâchant autant qu'il est en notre pouvoir d'en adoucir les calamités. Lorsque j'eus le plaisir de vous rencontrer à Spa, et que vous me promîtes de venir me voir, je ne croyais pas que vous viendrez si bien accompagné, mais j'espère que nous nous efforcerons de vous recevoir convenablement, et je vous prie d'être persuadé que je vous conserverai les sentiments que vous me connaissez». Мусинъ-Пушкинъ писалъ къ принцу Нассау-Зигену: «Cette guerre sort par sa nature des règles communes et à peine peut elle prendre la dénomination de guerre... Quant aux choses personelles à vous... il dépend de votre altesse d'y répondre tout ce qu'elle jugera à propos, ou point du tout». Д'Аквила прибавляетъ: «La réponse de Mr. de Nassau montrait la plus basse et la plus servile dépendance envers le général russe». Въ письмѣ къ Стедингу король также жалуется: «Les Russes tirent sur mes trompettes». Mém. de Sted., I, 200. Сегюръ, III, 513, говоритъ еще о другомъ письмѣ Густава къ принцу Нассау въ началѣ похода, въ которомъ сказано: «J'avais cru d'après nos derniers entretiens, que j'aurais le plaisir de recevoir l'offre de votre épée; mais puisqu'à mon grand regret vous allez combattre avec moi, je me flatte au moins de conquérir sur les champs de bataille l'estime d'un tel adversaire».

[1]) См. D'Aquila II, стр. 259.

номъ надъ шведскимъ адмираломъ Эренсвердомъ, прибыло въ С.-Петербургъ $^{15}/_{26}$ августа, „послѣ обѣда“. „Довольны“, замѣчаетъ Храповицкій о Екатеринѣ и прибавляетъ къ этому: „Побѣда похожа на Чесменскую“. 16-го августа былъ благодарственный молебенъ въ дворцовой церкви. 17-го августа явилось въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* краткое извѣстіе объ этой битвѣ [1]); 23-го августа было напечатано подробное описаніе объ этомъ происшествіи.

По приказанію императрицы часть эскадры Крузе, подъ начальствомъ генералъ-маіора Балле, должна была дѣйствовать вмѣстѣ съ галернымъ флотомъ. Между тѣмъ какъ шведскій флотъ, окруженный шхерами, старался укрѣпить свое положеніе, въ особенности имѣя въ виду защищаться противъ русскаго галернаго флота, эскадра генералъ-маіора Балле должна была атаковать Шведовъ съ тылу. Приготовленія къ этому дѣлу происходили днемъ $^{12}/_{23}$ августа и ночью, а въ эту же ночь „въ непріятельскомъ флотѣ былъ большой шумъ, и слышны были удары топоровъ отъ множества работниковъ“. Шведы строили батареи и заперли послѣдній проходъ, остававшійся между шхерами для русскихъ галеръ, потопивъ въ этомъ мѣстѣ три транспортныя судна. Въ 10 часовъ утра началась атака эскадры генералъ-маіора Балле. Средства, которыми онъ располагалъ, были недостаточны [2]), и дѣйствія его отряда кончились отступленіемъ [3]). Между тѣмъ исходъ битвы зависѣлъ отъ того, насколько успѣшно русскій галерный флотъ атакуетъ Шведовъ вопреки препятствіямъ, заключавшимся въ подводныхъ шанцахъ, то-есть, въ потопленныхъ судахъ. Король не позволилъ оберъ-адмиралу, графу Эренсверду, заблаговременно завалить проливы, ведущіе къ Фридрихсгаму, откуда слѣдовало ожидать главнаго нападенія Русскихъ. Работа эта, исполненная лишь въ ночь до сраженія, не была сдѣлана надлежащимъ об-

---

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 1037.

[2]) «Хотя вице-адмиралъ, предвидя трудность для эскадры генералъ-маіора Балле противиться превосходнымъ силамъ непріятельскимъ, и намѣренъ былъ послать ему въ подкрѣпленіе двѣнадцать галеръ; но видя продолженіе способнаго для него вѣтра и далекость пути, ибо болѣе двадцати верстъ обходить было надобно, не могъ того исполнить». См. тамъ же.

[3]) «До двухъ часовъ по полудни огонь съ эскадры генералъ-маіора Балле продолжался живо, потомъ уменьшился, а съ 5 часовъ сія эскадра отступать начала, мало уже производя выстрѣловъ. Выдерживая жестокое стремленіе непріятельское, много способствовала она успѣху сраженія». См. *Schantz* I, стр. 181. Объ отступленіи этой эскадры говоритъ и Гилленгранатъ, см. *Морск. Сборн.* 1863 года, № 7, стр. 179.

разомъ и не могла поэтому быть неодолимымъ препятствіемъ для русскаго флота. Хотя сначала эти потопленныя суда и служили довольно хорошею защитой, но при напряженныхъ усиліяхъ Русскихъ пройдти эти опасныя мѣста, цѣль эта была наконецъ достигнута, хотя и не раньше, какъ въ шесть часовъ вечера. Семь часовъ продолжались работы Русскихъ съ цѣлью очистить проливы и прорваться въ нихъ съ галерами и канонерскими шлюпками. Отъ этого зависѣлъ результатъ битвы. Отстрѣливаясь въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, преимущественно въ борьбѣ съ эскадрою генералъ-маіора Балле, Шведы, атакованные принцомъ Нассау-Зигеномъ съ востока, уже не имѣли боевыхъ припасовъ и должны были искать спасенія въ бѣгствѣ [1]). Нападеніе нашего галернаго флота было затрудняемо непріятельскими батареями на шхерахъ. Двѣ русскія галеры загорѣлись отъ каленыхъ ядеръ непріятельскихъ. Маіоръ Комнено открылъ проходъ топорами и провелъ первую галеру, за которой слѣдовали прочія галеры и шлюпки. Послѣ того какъ русскій флотъ очутился внутри непріятельскихъ укрѣпленій, шведскій флотъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія эскадры Балле и принужденъ былъ обратиться противъ галеръ. Рѣзня, завязавшаяся при этомъ случаѣ, кончилась отступленіемъ Шведовъ [2]). Бой продолжался до 2-хъ часовъ ночи. Только въ часъ по полуночи было взято

---

[1]) См. Гилленгранатъ въ *Морск. Сборн.* 1863 г., № 7, стр. 178 и 179.

[2]) У Поссельта нѣсколько напыщенный разказъ: «So hatten sie (Шведы) von Morgens 10 Uhr bis Abends 7 Uhr mit Muthe und Sieg gefochten, als es um diese Zeit dem russischen Geschwoder, das von Aspo hereingefallen war (это ошибка: не эскадра Балле, а галерный флотъ прорвался) gelang, die Versenkungen, die Admiral Ehrensword mittelst zusammengeketteter Schiffe gemacht hatte, um die Pässe zu sperren, hinwegzuschaffen. Dies entschied die Schlacht. Die Schweden, die diesen Versuch mit der äussersten Anstrengung zu vereiteln suchten, wurden dabei so hart beschädigt, dass sie nicht länger manövriren konnten. Nun blieb nichts übrig, als den Befehl zum Rückzug zu geben; aber auch dieser glich einem fortdauernden Treffen. Kein Fahrzeug ward auf dem demselben ohne das blutigste Gefecht genommen, die meisten nicht eher als nachdem sie alles Pulver verschossen hatten; einige Officiersweiber fochten wie Löwinnen an der Seite ihrer Männer; selten war wohl je ein Sieg des Ruhmes so werth, wie diese Niederlage der Schweden. Aber alle andern überglänzte Major Hagenhusen. Er hatte während des Treffens 450 Russen gefangen genommen. Wie er nun sah, dass alle Hoffnung sich durchschlagen zu können, weggeschwunden war, nahm er eine brennende Lunte, sagte: «Brüder, sterbt mit mir»! und sprengte sich und sein Schiff in die Luft. Eilf Stunden lang hatten die Schweden mit dieser bewunderungswürdigen Tapferkeit zwischen zwei Feuermeeren gestritten».

Русскими шведское адмиральское судно, которое продолжало сражаться, равно какъ и другія, при самомъ своемъ отступленіи. Адмиралъ Эренсвердъ спасся на шлюпкѣ. При быстромъ отступленіи отстрѣливавшихся Шведовъ, въ особенности ихъ транспортныя суда подверглись опасности; въ устьѣ рѣки Кюмени Шведы поэтому сами сожгли до тридцати такихъ транспортныхъ судовъ. Русскіе утверждали, что сраженіе продолжалось 14 часовъ [1]). Балле открылъ огонь съ 10 часовъ утра. Сражались до глубокой ночи, пока не скрылся совершенно шведскій флотъ, спасавшійся къ крѣпости Свартгольму [2]).

Извѣстія обѣихъ сторонъ о числѣ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, какъ и вообще о характерѣ и ходѣ сраженія, по обыкновенію, очень несходны. Принцъ Нассау-Зигенъ доносилъ, что у Шведовъ взяты: 1 фрегатъ, 3 туромы, и между ними адмиральское судно, 1 удама, 1 галера, 1 каноперскій катеръ, да на другой день два госпитальныя судна [3]). Далѣе принцъ Нассау-Зигенъ показалъ, что у Шведовъ отнято 115 тринадцати-фунтовыхъ пушекъ, 8 восемьнадцати-фунтовыхъ, 89 трехъ-фунтовыхъ, 2 пушки на лафетахъ, множество ружей и всякихъ снарядовъ, такелажа и аммуниціи, два флага на-

---

[1]) Зап. Хрон., 16-го августа.

[2]) И Гилленгранатъ говоритъ: „Въ 9 часовъ вечера шведскій флотъ отступилъ отъ мѣста боя и былъ жестоко преслѣдуемъ непріятелемъ, съ которымъ продолжалъ сражаться до 2-хъ часовъ утра»; см. *Морск. Сборн.* 1863 г. № 7, стр. 179. Шанцъ говоритъ, что шведскій флотъ прибылъ къ Свартгольму, близъ Ловизы, въ 2 ч. ночи; I, стр. 183. Разстояніе отъ устья рѣки Кюмени до Свартгольма составляетъ 30—40 верстъ. *Ségur*, III, стр. 512: «Le combat dura 14 heures depuis le matin jusqu'à 1 heure après minuit». *D'Aquila*: «La relation, que les Russes donnèrent de cette affaire, ne fut pas plus exacte que d'autres; ils prétendirent s'être battu pendant quatorze heures. L'action a duré depuis 10 heures du matin jusqu'à huit heures et demie du soir»; II, стр. 260. Между тѣмъ и Гилленгранатъ, и Шанцъ утверждаютъ, что не ранѣе какъ въ 1 часъ по полуночи взлетѣло на воздухъ преслѣдуемое Русскими шведское судно *Björn Lerusida*. «La nuit a separé les combattants», пишетъ Густавъ къ Стединку, I, стр. 214, между тѣмъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ въ срединѣ августа мѣсяца солнце заходитъ около 7½ часовъ вечера. Въ С.-Петербургѣ 4-го августа бываетъ еще заря всю ночь, но 11-го августа ночь уже совершенно темная, и свѣтать начинаетъ около 1 часа по полуночи. По Поссельту бой продолжался 11 часовъ.

[3]) Храповицкій пишетъ, вѣроятно, о послѣднихъ 17-го августа: «Сказывать изволили, что по полученному вчера отъ принца Нассау вновь извѣстію взятыхъ судовъ двумя больше». Эти показанія довольно сходны съ данными у *Шанца*, I, стр. 185. За то, какъ увидимъ ниже, между Густавомъ и принцемъ Нассау завязалась полемика именно изъ-за разности данныхъ о потерянныхъ и поврежденныхъ кораблихъ.

чальниковъ эскадръ и всѣ флаги, гюйсы и сигналы взятыхъ судовъ. Адмиралъ Эренсвердъ спасся, шефъ дивизіи баронъ Флитвудъ былъ убитъ; другой шефъ дивизіи Розенштейнъ съ 36 штабъ и оберъ офицерами и до 1.200 нижнихъ чиновъ сухопутныхъ и морскихъ были взяты въ плѣнъ. Число убитыхъ и раненыхъ у Русскихъ показано принцемъ Нассау въ слѣдующихъ цифрахъ: убитыхъ 15 офицеровъ и 368 нижнихъ чиновъ, раненыхъ 38 офицеровъ и 589 нижнихъ чиновъ [1]). Большою потерей была смерть капитана де-Винтера, умершаго въ Фридрихсгамѣ отъ ранъ [2]). Кастера говоритъ, что ему въ особенности слѣдуетъ приписать успѣхъ Русскихъ въ этомъ сраженіи [3]). Шанцъ, указывая на разказъ о сраженіи, помѣщенный въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, говоритъ, что данныя, тамъ сообщенныя, опровергнуты частными извѣстіями, по которымъ потерю Русскихъ въ этомъ сраженіи можно считать отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ. Потеря Русскихъ, въ особенности эскадры генералъ-майора Балле, не могла не быть весьма чувствительною, хотя, конечно, показанія Шведовъ по этому предмету преувеличиваютъ вредъ, нанесенный русскому флоту [4]). Кажется, что Шведы сначала взяли нѣсколько русскихъ судовъ, но потомъ, обратясь въ бѣгство, должны были покинуть свою добычу [5]). Показанія о числѣ су-

---

[1]) D'Aquila, II, стр. 261: «Les commandants (русскіе) ont avoué, dans leur perte principale quatre cents hommes tués et six cents blessés, sans parler de quatre cents, qui ont sauté avec les bâtiments. Les Suédois déclarèrent quinze cents hommes tués et faits prisonniers». Нассау же, говоря о взорванныхъ галерахъ, замѣчаетъ, что бо́льшая часть людей, находившихся на нихъ, «спасена и какъ на сухой путь, такъ и на другія суда пересажена была».

[2]) D'Aquila, II, стр. 261.

[3]) Vie de Catherine, 1797, II, стр. 160. У Шанца, I, стр. 185. Въ *Морскомъ Сборникѣ* 1863 г., № 7, стр. 181, сказано: «Счастливый для Русскихъ исходъ сраженія приписываютъ искуснымъ распоряженіямъ состоявшаго старшимъ послѣ принца Нассаускаго, мальтійскаго кавалера Литта, въ особенности при очисткѣ заваленныхъ проливовъ, безъ чего Русскимъ нельзя бы было одержать побѣду». Де-Литта получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса и золотую шпагу; Винтеръ — бригадирскій чинъ, 2.000 р. единовременно и 600 р. годовой пенсіи сверхъ жалованья; см. *С.-Пет. Вѣд.*, стр. 1069.

[4]) Такъ напримѣръ, Густавъ III пишетъ къ графу Стединку объ эскадрѣ Балле: «A sept heures l'escadre russe venant d'Aspo, et plus forte du double, que la notre, était battue; trois vaisseaux pris sous mes yeux et le reste fuyant dans la plus grande confusion». Sted. I, стр. 213. См. также у Шанца, I, стр. 184.

[5]) Густавъ пишетъ къ Стединку: «Les détroits, qu'on avait fermés avec des bâtiments coulés, devaient empêcher l'autre escadre ennemie d'avancer sur nous, mais vers ce temps elle eut l'adresse ou le bonheur de passer les endroits fermés. Nous n'avions plus de munition, deux de nos vaisseaux ont donné sur les fonds,

довъ шведскихъ и русскихъ также различны. Во всякомъ случаѣ можно полагать, что средства, находившіяся въ распоряженіи у Русскихъ, были значительнѣе, чѣмъ у Шведовъ. Шведы защищались, Русскіе атаковали; уже изъ этого обстоятельства можно предполагать о превосходствѣ силъ Русскихъ [1]). Любопытно замѣчаніе спеціалиста Шведа, что всѣ распоряженія Шведовъ, кромѣ дурного завала проливовъ, были сдѣланы какъ нельзя лучше, а что сраженіе шведскаго шхернаго флота при Свенскзундѣ, $^{13}/_{24}$ августа 1789 года, всегда будетъ дѣлать честь шведскому оружію, а относительно тактики, далеко превосходитъ то сраженіе, которое, годъ спустя, на этомъ же мѣстѣ было выиграно Шведами и вознаградило ихъ за понесенныя теперь потери [2]). Густавъ III самъ присутствовалъ при этомъ сраженіи и самъ дѣлалъ распоряженія. „Я находился то въ моей шлюпкѣ, то на скалѣ, прикрывавшей нашъ правый флангъ“, писалъ онъ къ графу Стедингку [3]). Въ этомъ же письмѣ говорится объ этой битвѣ, какъ о довольно удачной, при чемъ особенно упомянуты успѣшныя дѣйствія Шведовъ про-

---

et il a fallu abandonner nos prises». Sted., I, 214. *Posselt*, стр. 424: «Die Schweden hatten den Russen eine Galeere in die Luft gesprengt, zwei andere in Grund gebohrt, 2 Schebeken, 1 Bombardier-galliote und 20 Fahrzeuge genommen, die sie nachher als das Glück sich wandte, wieder dem Feinde oder dem Meere überlassen mussten. Den Überwindern fielen das schwedische Admiralschiff, 4 andere von der grösseren Guttung und ein Kutter, nebst vielen Stabs-und Oberofficieren und mehr als 1000 Gemeinen in die Hände. Aber Nassau selbst gestand in Privatbriefen: «noch ein solcher Sieg würde die triumphirende Flotte vernichten». Послѣднія слова кажутся намъ неправдоподобными. Относящаяся къ нимъ замѣтка Поссельта: «Gewiss ist, dass wenn der Verlust nicht so gross gewesen wäre, eine Landung bei Abo nicht unterblieben sein würde, die den König von Schweden ins äusserste Gedränge gebracht hätte», довольно странна. Зачѣмъ же «bei Abo», то-есть, такъ далеко на западѣ, между тѣмъ какъ высадка, сдѣланная Русскими въ надлежащемъ мѣстѣ, то-есть, тамъ, гдѣ находился король съ войскомъ, дѣйствительно поставила его въ затруднительное положеніе.

[1]) D'Aquila II, стр. 260, говоритъ: «La flottille russe était de cent dix bâtiments, tant galères que chebecks et chaloupes canonnières... et celle des Suédois de moitié moins».

[2]) Гилленгранатъ въ *Морск. Сб.* 1863 г., № 7, стр. 181.

[3]) Mém. de Sted., I, стр. 213. Скала называлась «Katka Holm»; см. *Schantz*, I, стр. 185. Поссельтъ говоритъ, стр. 425: «Der König war sogleich beim Anfang der Schlacht aus seinem Lager bei Kymmenegård bis zur Mündung des Kymmene gesegelt und sah hier vom Ufer aus das Unglück seiner Flotte, und mit diesem alle seine grossen Plane zerstört! Nichts glich der unermüdbaren, nach allen Orten hin wirkenden Thätigkeit, womit er den gefährlichen Folgen, die dieser Tag haben konnte, vorzubeugen suchte. Er war bald hier, bald da» и пр.

тивъ эскадры Балле; но уже изъ вступительныхъ словъ короля: „Je ne dois pas vous laisser ignorer ce qui s'est passé ici“, видно, что впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого дѣла, не было утѣшительнымъ.

Въ Стокгольмѣ еще 1-го сентября не знали подробностей сраженія, но по полученнымъ официальнымъ и частнымъ свѣдѣніямъ могли предполагать, что успѣхъ былъ не на сторонѣ Шведовъ [1]). Въ Петербургѣ же справедливо считали сраженіе побѣдою Русскихъ [2]). Сегюръ пишетъ, что Нассау, одержавъ блистательную побѣду надъ Шведами въ Балтійскомъ морѣ, покрылъ себя не меньшею славой, чѣмъ въ Черномъ [3]). Въ письмѣ отъ 16-го августа Екатерина поздравила принца Нассау съ побѣдой и благодарила его за „истинно геройскую храбрость“. „Вы наполнили городъ большою радостью“, писала она [4]).

Однако, между тѣмъ какъ Шведы сами говорили о своемъ пораженіи [5]), тогда какъ въ октябрѣ 1789 года Густавъ самъ писалъ къ Стединку “о злосчастномъ дѣлѣ 24-го августа“ [6]), и тогда какъ Екате-

---

[1]) Изъ Стокгольма пишутъ отъ 1-го сентября: «Съ прибывшимъ изъ Финляндіи графомъ Мункомъ, который вчера предпріялъ путь въ Карлскрону, получено извѣстіе, что августа 24-го, въ день отъѣзда онаго графа, происходило между россійскимъ и нашимъ галернымъ флотомъ жестокое сраженіе; но чѣмъ окончилось — ему неизвѣстно. По содержанію же частныхъ изъ Финляндіи полученныхъ писемъ король былъ самъ очевидцемъ сего сраженія и по окончаніи онаго приказалъ флоту своему удалиться подъ пушки крѣпости Свартгольма, гдѣ суда запасаются теперь воинскими и съѣстными надобностями. Объ уронѣ нашемъ и непріятельскомъ пишутъ несогласно; заподлинно же извѣстно только то, что король имѣетъ теперь пребываніе не въ Кюменьгородѣ, но въ Ловизѣ и Свеаборгѣ. Россійскій галерный флотъ стоитъ у Колласами, гдѣ происходило сраженіе». *С-Петерб. Вѣд.*, стр. 1195.

[2]) Зап. Хран., 22, стр. 205.

[3]) Mémoires, III, 511.

[4]) См. *Сборн. Русск. Ист. Общ.*, 1867 г., I, стр. 209, гдѣ по ошибкѣ дата этого письма въ русскомъ переводѣ показана 16-го іюня, а въ французскомъ текстѣ 16-го іюля. «Monsieur le vice-admiral Prince de Nassau-Siegen. Par ces lignes je me propose de vous féliciter de la gloire, dont vous êtes couvert par la victoire signalée, que vous venez de nouveau de remporter sur la flotte suédoise le 13 de ce mois. Ayant battu mes ennemis et ceux de la Russie au Sud et au Nord, j'espère que vous ne doutez nullement de mon estime, de ma reconnaissance et des sentiments, que m'inspire votre courage vraiment héroique, je me réjouis de vous savoir en bonne santé. Vous avez rempli la ville d'une grande allégresse. Adieu, portez vous bien».

[5]) См. Mémoires d'un officier suédois.

[6]) «Je suis persuadé, qu'en soutenant encore une campagne, la paix sera avantageuse comme elle l'eût été sans cette malheureuse affaire du 24 août». Mém. de Sted., I, 223.

рина писала объ этой побѣдѣ Гримму и Циммерманну „но почтѣ, чтобы парочно читали“ [1]), — Густавъ велѣлъ публиковать въ *Гамбургской газетѣ* разказъ о бывшемъ сраженіи, нисколько несогласный съ истиной и вызвавшій довольно рѣзкую выходку противъ короля со стороны принца Нассау. Возраженіе принца явилось особою брошюрой, въ формѣ письма къ королю [2]). Принцъ пишетъ:

„Ваше величество изволили писать мнѣ недавно, что вы считаете меня рыцаремъ, ищущимъ вездѣ чести и славы; ищущій чести не можетъ допустить ни малѣйшаго сомнѣнія въ отношеніи къ его правдивости. Съ негодованіемъ прочелъ я въ *Гамбургской газетѣ* статью, выдающую себя за разказъ о битвѣ моей съ галернымъ флотомъ вашего величества. Этотъ разказъ опровергаетъ мое донесеніе и во многихъ отношеніяхъ совершенно не согласенъ съ истиной; я удивился, что имя вашего величества связано съ литературнымъ произведеніемъ, наполненнымъ ошибками и искаженіями. Я надѣюсь, что ваше величество такъ же не довольны этимъ, какъ и я, и что вы не откажете мнѣ въ просьбѣ опровергнуть эту статью и отдать справедливость истинѣ; если же — что крайне невѣроятно — ваше величество, сами подали поводъ къ печатному сообщенію столь невѣрнаго разказа, я полагаю, что васъ жестоко обманули фальшивыми донесеніями, и ваша любовь къ правдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, заставитъ васъ подвергнуть наказанію недобросовѣстныхъ офицеровъ, составившихъ столь ложный отчетъ.

„При семъ я прилагаю критику вышеупомянутаго донесенія. Моя честь служитъ ручательствомъ за истину моихъ показаній. Моими свидѣтелями могутъ служить взятые мною въ плѣнъ Шведы, взятые мною корабли, а равно и флотъ, которымъ я командовалъ. Послѣдній былъ такъ мало поврежденъ въ этомъ дѣлѣ, что 18 дней сряду послѣ сраженія держался на морѣ и только вслѣдствіе бури 12-го сентября долженъ былъ удалиться. Часть этой эскадры теперь еще находится въ морѣ и каждую минуту можетъ вступить въ бой, не встрѣчая однако нигдѣ непріятеля. Я убѣжденъ, что ваше величество хорошо знакомы съ правилами чести и одобряете горячность, съ которою я защищаю свою честь. Если бы кто-либо сомнѣвался въ справедливости моихъ показаній, обнародованіе которыхъ было дозволено императрицею, то я считалъ бы это оскорбленіемъ моей чести. Тѣ самые доводы, которые заставили меня написать это письмо, заставляютъ меня и обнародовать оное. Я надѣюсь на полученіе отвѣта“.

За этимъ письмомъ слѣдуетъ опроверженіе отдѣльныхъ показаній

---

[1]) См. Зап. Храп., 17-го августа.

[2]) Нѣмецкое изданіе находится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ: «Offener Brief an S. Maj. den König von Schweden und Widerlegung des Berichts, welcher ihm in der Hamburger Zeitung zugeeignet ist von der Seeschlacht am 13 August 1789 zwischen S. Schwed. Maj. und der Russischen Galeerenflotte unter dem Befehl des Prinzen von Nassau - Siegen. Введеніе къ подробному изложенію противорѣчій между ходомъ самаго дѣла и статьею въ *Гамбургской газетѣ* помѣщено у Сегюра, III, стр. 511 — 517.

въ статьѣ *Гамбургской газеты*; тѣ и другія мы сообщаемъ въ извлеченіи, обозначая курсивомъ показанія въ статьѣ, составленной по шведскимъ реляціямъ.

Статья: „*Мы взяли у непріятеля три корабля, а двадцать другихъ непріятельскихъ судовъ опустили флагъ.*

Нассау: „Русскіе отдали Шведамъ только одну бомбардирскую и одну канонерскую лодки, до того пострадавшія отъ нападенія шведскихъ канонерскихъ шлюпокъ, что на нихъ почти всѣ офицеры и весь экипажъ были убиты; но это еще не составляетъ трехъ кораблей; кромѣ того ни одно изъ русскихъ судовъ не думало спускать флага. За то изъ шведскихъ судовъ должны были сдаться турома Sellan Värre и галера Cedercreutz, а въ ту минуту весь шведскій флотъ обратился въ бѣгство".

Статья: „*Непріятель потерялъ двѣ шебеки, и другіе 20 кораблей были въ такомъ печальномъ положеніи, что ихъ должно было буксировать, такъ какъ они лишились мачтъ и такелажа*".

Нассау: „Совсѣмъ не правда, что мы потеряли двѣ шебеки. Ни одно судно не пострадало въ такой степени, чтобы лишиться мачтъ или хотя одной стенги, или чтобы считаться подвергнутымъ какой либо опасности".

Статья: „*Остальная эскадра, бросившая якорь при Свартгольмѣ, такъ мало повреждена и лишилась столь незначительной части экипажа, что она была бы въ состояніи снова выйдти въ море менѣе чѣмъ черезъ два дня, если бы была снабжена надлежащею аммуниціей*".

Нассау: „Мы взяли въ плѣнъ 38 офицеровъ и 1170 шведскихъ солдатъ. Число убитыхъ должно быть значительно, число потерянныхъ кораблей — также, судя потому, что только самая большая крайность можетъ обратить въ бѣгство цѣлое войско. У насъ было 15 убитыхъ и 37 раненыхъ офицеровъ, и 340 убитыхъ и 597 раненыхъ солдатъ и матросовъ".

Статья: „*Если бы не былъ очищенъ проливъ (что впрочемъ удалось лишь при значительной потерѣ непріятеля), мы одержали бы совершенную побѣду*".

Нассау: „Разумѣется, что если бы шведская эскадра не была разбита, она, быть-можетъ, и осталась бы побѣдительницей. Я остался обладателемъ поля битвы. Преслѣдовать было нечего. Шведы спаслись въ Ловизѣ. Меня задержали восемь дней. Многіе корабли были необходимы для транспорта плѣнныхъ, значительное число которыхъ было для меня обременительно. Я высадился въ разстояніи 7½ миль отъ Ловизы: такое войско, о которомъ говоритъ, если бы оно дѣйствительно существовало, непремѣнно воспрепятствовалобъ этой высадкѣ" [1]).

[1]) Можно считать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что императрица сама участвовала въ редакціи этой брошюры. Въ началѣ сентября 1789 г. принцъ Нассау пріѣхалъ въ С.-Петербургъ. 9-го сентября Екатерина имѣла съ нимъ разговоръ и затѣмъ съ похвалой отозвалась о принцѣ, замѣчая: «Sa tête va avec la mienne». Зап. Храп., стр. 207. Къ этому времени, вѣроятно, относится составленіе брошюры. По окончаніи войны, когда Стединкъ былъ шведскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, Нассау изъявилъ ему свое крайнее сожалѣніе о томъ, что онъ издалъ эту оскорбительную для Густава брошюру. Онъ замѣтилъ притомъ, что

Таково было содержаніе брошюры Нассау, и онъ былъ вообще правъ. Высадка, о которой говорится въ концѣ брошюры, дала новый оборотъ всему походу. Вслѣдствіе ея Шведы удалились изъ русской Финляндіи. Эти важныя событія относятся особенно къ 23-му августа — 4-му сентября. Военныя дѣйствія должны были сосредоточиться около Гёгфорса и Кюменьгорода. Цѣль Русскихъ заключалась прежде всего въ томъ, чтобы вытѣснить Шведовъ изъ этихъ двухъ мѣстъ. По полученіи извѣстія о побѣдѣ, одержанной принцемъ Нассау, графъ Мусинъ-Пушкинъ рѣшился дѣйствовать вмѣстѣ съ войсками, находившимися на галерномъ флотѣ, противъ Шведовъ. Высадка была сдѣлана 21-го августа у Бробп, къ западу отъ Кюменьгорода, съ цѣлью отрѣзать непріятелю дорогу къ отступленію въ Абберфорсъ. При этомъ случаѣ принцъ Нассау былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изъ шведскихъ батарей, расположенныхъ на берегу. Такъ какъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ высаживались войска принца, была замѣчена колонна

Екатерина диктовала ему это письмо, и что оно было обнародовано по ея приказанію; см. Mémoires de Sted., I, стр. 233. Въ письмѣ отъ 22-го сентября Стединкъ говоритъ: «Le prince de Nassau me pria instamment de dîner chez lui... Je lui dit rondement, qu'il m'était impossible de commencer mon cours de visites par lui et la princesse, vu les termes où il était avec Votre Majesté; que ce n'était pas en ma qualité de représentant, mais en ma qualité de Suédois, que j'étais choqué des libertés, qu'il avait prises dans sa réponse à Votre Majesté; il me répondit avec la noblesse et la franchise, qui sont assez dans son caractère, que son respect et son attachement pour Votre Majesté ne lui auraient jamais permis de servir contre Votre Majesté, s'il n'avait pas été engagé au service de la Russie avant la guerre, et s'il avait pu s'en dédire après; que pour sa réponse à la lettre de Votre Majesté, elle avait été dictée et écrite par ordre de l'impératrice. Je lui dis qu'il eût été plus digne de lui désobéir, mais c'est un mot qu'on ne connait pas en Russie; il me dit là-dessus toutes les particularités, mais il me pria en même temps que tout cela restât entre nous. Je n'ai pas de peine à ajouter foi à tout ce discours, vu l'acharnement dont était l'impératrice contre Votre Majesté. «Въ письмѣ отъ 6-го декабря 1790 г. сказано: «Il ne me reste qu'un mot à dire à Votre Majesté d'un pauvre repenti, qui est au désespoir de l'avoir offensée; c'est du prince de Nassau que je parle; il me prie sans cesse de faire la paix: il m'a dit, les larmes aux yeux, que le malheur de vous avoir déplu faisait le chagrin de sa vie, qu'il n'aurait point de repos avant d'avoir prouvé par des faits, combien il était dévoué à Votre Majesté, et qu'il espérait, que les cours seraient assez bien liées, pour qu'il pût un jour exposer sa vie pour elle. Il le pense, Sire, et son crédit auprès de l'impératrice, la considération dont il jouit malgré le grand nombre de ses ennemis, sa fierté vis-à-vis de Soltikoff et la clique russe anti-suédoise ne laissent aucun doute de ses sentiments. Si pardonner, Sire, est le faible des grands coeurs, on ne doit jamais, avec vous, désespérer de sa grâce». Mém. de Sted., I стр. 290 и 317.

шведскаго войска съ экипажами короля, то Нассау надѣялся на другое утро, при нападеніи на этотъ отрядъ, отрѣзать хотя часть шведскихъ войскъ; но ночью Шведы, занимавшіе берегъ, поспѣшно удалились вверхъ по рѣкѣ Кюмени. Прибывъ къ мосту при Куппсѣ, Русскіе застали только шведскихъ егерей, которые также бѣжали, прикрывая отступленіе королевской арміи. Въ то самое время, когда принцъ Нассау высадился на берегъ, приближался и другой отрядъ русскихъ войскъ, отправленный изъ Фридрихсгама подъ командою генералъ-лейтенанта Левашева. Левашевъ поручилъ одну колонну Римскому-Корсакову, по приближеніи котораго Шведы тотчасъ же начали убирать орудія и зажгли мостъ. Римскій-Корсаковъ преслѣдовалъ ихъ по тлѣвшимъ бревнамъ и потомъ до Кюменьгорода. 24-го августа Мусинъ-Пушкинъ писалъ ему:

„Первый предметъ вашего попеченія долженъ быть тотъ, чтобъ охраняя границу, не только не допустить непріятеля ворваться въ оную, но стараться всякое покушеніе онаго обращать въ его же собственный вредъ, а второй, немалаго вниманія и осторожности требующій,—чтобъ изыскивая благонадежные способы и употребляя въ пользу вашу положеніе непріятельское, наносить ему удары въ собственныхъ его предѣлахъ“ [1]).

Положеніе Шведовъ становилось болѣе и болѣе опаснымъ. Быстро отступая, они сожгли нѣсколько шлюпокъ и нѣкоторые запасы. Въ Шитисѣ Шведы, едва не настигнутые слѣдовавшими за ними войсками принца Нассау, также сожгли было мостъ, но Русскіе успѣли потушить пожаръ и переправились черезъ рѣку по нѣсколькимъ бревенчатымъ перекладинамъ.

Эти извѣстія, заимствованныя нами главнымъ образомъ изъ донесенія графа Мусина-Пушкина, подтверждаются и частными данными. Уже 24-го августа Храповицкій пишетъ: „Пріѣхалъ курьеръ, что принцъ Нассау не засталъ Шведовъ, но только нѣсколько человѣкъ на острову, они съ королемъ, всего 6.000, ушли. La vérité est, что не на тотъ берегъ взлѣзли и Шведовъ упустили“. Изъ послѣдняго замѣчанія видно, что въ Петербургѣ обвиняли принца въ ошибкѣ, сдѣланной при высадкѣ. Впрочемъ только 27-го августа Храповицкій отмѣчаетъ, что камеръ-юнкеръ Бибиковъ пріѣхалъ съ полною реляціей о высадкѣ, а между тѣмъ Екатерина все же была очень довольна. 25-го августа при туалетѣ она сказала: „Le roi de Suède s'est enfuit comme un chien, qu'on chasse de la cuisine, les oreilles pendantes et

[1]) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопамятныхъ людей, III, стр. 71—73, (біогр. Римскаго-Корсакова).

qal vene entre les jambes“ [1]). По Сегюру, Шведы при этомъ случаѣ потеряли нѣсколько сотъ человѣкъ и еще нѣсколько судовъ [2]). Графъ Мусинъ-Пушкинъ въ своемъ донесеніи объ атакѣ говоритъ, что Шведы потеряли убитыми болѣе 200 человѣкъ (въ томъ числѣ адъютантъ короля графъ Лёвенгіельмъ) и плѣнными 60 человѣкъ. Въ шведскихъ донесеніяхъ говорится только о 30 человѣкахъ раненыхъ и убитыхъ [3]). Огонь при высадкѣ продолжался семь или восемь часовъ [4]). Въ Швеціи извѣстіе объ отступленіи Шведовъ произвело непріятное впечатлѣніе. Изъ Стокгольма писали отъ 8-го сентября:

„Съ пріѣхавшимъ изъ Финляндіи нарочнымъ получено непріятное извѣстіе, что стоявшая у Гёгфорса армія наша морскими и сухопутными россійскими силами вовсе изъ принадлежащей Россіи Финляндіи вытѣснена и принуждена удалиться къ Абберфорсу. При семъ отступленіи претерпѣли наиболѣе урону полки Эльфсборгскій, Западноготландскій, Эпченпингскій и королевская гвардія. Войска наши шли обратно самыми трудными и крутыми дорогами. Теперь стараться они будутъ расположиться такъ, чтобы Россіяне далѣе впередъ податься не могли“ [5]).

И отъ 11-го сентября:

„Хотя изъ галернаго флота убыло судовъ много, но тѣмъ больше прибыло кавалеровъ ордена Меча. Его величество пожаловалъ оныхъ великое множество, а особливо за благоуспѣшное изъ Гёгфорса удаленіе, которое было слѣдствіе происходившаго августа 24-го между россійскимъ и нашимъ галернымъ флотомъ сраженія. Мы потеряли, какъ слышно, не только съѣстныхъ, но и военныхъ припасовъ великое множество, потому что войска королевскія, удаляясь слишкомъ поспѣшно, не могли оныхъ взять съ собою. Его величество пишетъ, будто бы при семъ случаѣ отняли у насъ только двѣ чугунныя пушки, да 30 человѣкъ убиты, не взирая на то, что отступленіе происходило подъ жестокимъ огнемъ по дорогѣ каменистой, песчаной и тѣсными проходами преисполненной. Но въ частныхъ извѣстіяхъ пишутъ иначе“.

Русскіе показали убитыми 32 человѣка, а ранеными 67. Взятыхъ ими пушекъ, по ихъ показанію, было не двѣ, какъ говорилъ Густавъ III, а 73 [6]). Весьма чувствительною потерей для Русскихъ была

---

[1]) См. Зап. Храп., стр. 203. Разказъ у Лефорта составленъ, очевидно, лишь по реляціи въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, напечатанной не ранѣе 3-го сентября.

[2]) Вѣроятно, Сегюръ заимствовалъ свои данныя изъ русскихъ официальныхъ источниковъ.

[3]) *Schantz*, I, стр. 199.

[4]) *Posselt*, стр. 426.

[5]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1240 и 1255. Шанцъ, очевидно, заимствовалъ свой разказъ изъ этихъ официальныхъ данныхъ. Поссельтъ говоритъ сходно съ Шанцемъ; кромѣ того сличи D'Aquila, II, стр. 263.

[6]) Подробный списокъ добычи см. въ *С.-Петерб. Вѣд.* Изъ сожженныхъ

смерть дежурнаго галернаго флота кавалера де-Ваража. Онъ былъ нечаянно убитъ Башкирами. Нассау лишился въ немъ необыкновенно даровитаго офицера [1]).

Такія послѣдствія морской битвы при Свенскзундѣ имѣли большое значеніе. Хотя военныя дѣйствія въ эту кампанію продолжались еще въ провинціи Саволаксѣ и близъ Нейшлота, но на самой границѣ или около рѣки Кюмени, а также на морѣ походъ 1789 года могъ считаться оконченнымъ. Въ какой степени пострадалъ шведскій галерный флотъ, видно ужъ изъ того обстоятельства, что король послѣ битвы при Свенскзундѣ распорядился собрать въ Гельсингфорсѣ, Борго и Ловизѣ всѣ купеческія суда для передѣлки въ военныя, „дабы на первый случай хотя оными подкрѣпить галерный нашъ флотъ“, какъ сказано въ замѣткѣ изъ Стокгольма отъ 8-го сентября [2]). Король самъ разъѣзжалъ по финляндскому берегу для принятія мѣръ къ возстановленію флота [3]). Между тѣмъ принцъ Нассау вновь хотѣлъ дѣйствовать галернымъ флотомъ и намѣревался было преслѣдовать короля до самаго города Ловизы. Страшная буря, продолжавшаяся отъ 31-го августа по 2-е сентября воспрепятствовала исполненію этого намѣренія [4]) и причинила галерному флоту значительныя поврежденія, такъ что многіе корабли должны были отправиться въ Фридрихсгамъ для починки [5]).

Императрица настоятельно требовала отъ Мусина-Пушкина нападенія на шведскую Финляндію; но онъ, не надѣясь на свои силы, ожидалъ морскихъ побѣдъ и считалъ ихъ условіемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій со своей стороны. Нассау же 3-го сентября писалъ къ графу Мусину-Пушкину, что послѣ страшной бури, причинившей русскому флоту болѣе вреда, чѣмъ сраженіе $^{13}/_{24}$ августа, нельзя думать о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ на морѣ [6]). При всемъ томъ Нассау находился въ первыхъ числахъ сентября при Кунгсгольмѣ [7]), но король писалъ къ Стедингу: „Я не боюсь принца Нассау. Страшная буря,

---

Шведами болѣе сорока судовъ, «иныя обгорѣли только до половины, а иныя и весьма мало обгорѣли, такъ что съ починкою къ употребленію годны будутъ».

[1]) *Ségur*, III, стр. 503, *Castéra*, II, стр. 159. Любопытна замѣтка у Храповицкаго, стр. 203: «Ваража убили наши Башкирцы; самъ виноватъ: скакалъ, вылупя глаза, на чухонской лошади въ синемъ сюртукѣ и не зналъ ни слова по русски».

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 1240.

[3]) *Posselt*, стр. 425—426.

[4]) *Ségur*, III, стр. 513.

[5]) *Морск. Сборн.* 1857 г., 1. с.

[6]) *Морск. Сборн.* 1857 г., 1. с.

[7]) Mém. de Sted., I, стр. 215.

которая, судя по здѣшнимъ обстоятельствамъ, будетъ продолжаться нѣсколько дней, заставитъ его оставаться въ бездѣйствіи" [1]). Между тѣмъ Мусинъ-Пушкинъ обратилъ вниманіе императрицы на позднее время года, на недостатокъ въ продовольствіи для войска и на значительныя силы Шведовъ, которые, какъ полагали тогда въ русскомъ лагерѣ, превосходили числомъ солдатъ войско, находившееся въ распоряженіи у графа Мусина-Пушкина. Тѣмъ кампанія и кончилась, и 9-го сентября принцъ Нассау былъ уже въ С.-Петербургѣ.

Мусинымъ-Пушкинымъ Екатерина была крайне недовольна. Она жаловалась на него Сегюру, утверждая, что безъ промаховъ, сдѣланныхъ имъ, Густавъ III не успѣлъ бы спастись бѣгствомъ при высадкѣ, сдѣланной принцемъ Нассау-Зигеномъ [2]). Храповицкій пишетъ 12/23 сентября: „Жаловались на инакцію графа Пушкина, стоящаго въ Коувалѣ: могъ бы посовѣтоваться съ другими". Екатерина сказала: „Боуръ говоритъ, что я сама могу командовать противъ Шведовъ". 18-го сентября Храповицкій пишетъ: „Турчаниновъ отправленъ къ графу Пушкину съ повелѣніемъ, чтобъ расположился на зимнія квартиры. Отъ него перехода въ Кюмень (sic) не дождались и очень недовольны" [3]). 20-го сентября, по донесенію Мусина-Пушкина, все было готово къ переходу чрезъ Кюмень; ночью прибылъ Турчаниновъ. Тотчасъ мосты были сняты, и военныя дѣйствія вовсе прекратились. Въ началѣ октября Мусинъ-Пушкинъ отправился уже въ Выборгъ. За то Нассау пользовался особеннымъ расположеніемъ къ себѣ императрицы. Еще во время его пребыванія въ Финляндіи она отправила къ нему въ подарокъ два халата, подобные тѣмъ, которые она въ 1788 году послала въ Очаковъ князю Потемкину. Этотъ подарокъ былъ сопровожденъ дружескою запиской [4]). Принцъ имѣлъ съ императрицею разговоры наединѣ о положеніи дѣлъ въ Финляндіи; для него въ театрѣ эрмитажа играли оперу „Горе Богатырь", сочиненную Екатериной въ насмѣшку надъ Густавомъ [5]). „Со времени битвы 24-го ав-

[1]) Mém. de Sted., I, стр. 215.

[2]) *Ségur*, III, стр. 517.

[3]) Зап. Храп., стр. 205 и 206.

[4]) Les petites precautions contribuent quelquefois à préserver la santé; je souhaite de tout mon coeur, que la votre ne souffre pas du temps rigoureux de l'équinoxe, c'est pourquoi je vous envoie deux robes de chambres, semblables à celle que j'ai fait passée l'année dernière au maréchal prince Potemkin devant Oczakow et qui lui ont fait grand bien, à ce qu'il m'a dit lui-même. Adieu, portez vous bien». *Сборникъ Русск. Ист. Общ.*, I, стр. 209.

[5]) Зап. Храп., 12-го сентября.

густа Нассау въ большой милости въ Петербургѣ", писалъ Стединкъ королю 10-го декабря 1789 году [1]).

Итакъ, героемъ кампаніи 1788 г. былъ принцъ Нассау, а замѣчательнѣйшимъ событіемъ этого года въ войнѣ съ Швеціей — битва при Свенскзундѣ. Эта битва, какъ и вообще военныя дѣйствія Русскихъ, имѣли главною цѣлью оборону русскихъ границъ. Много значило при скромныхъ средствахъ, которыми располагало тогда русское правительство на сѣверѣ, не уступать Шведамъ ни пяди земли въ русской Финляндіи. Поэтому битва, имѣвшая слѣдствіемъ изгнаніе Шведовъ изъ русскихъ предѣловъ, можетъ считаться однимъ изъ самыхъ крупныхъ эпизодовъ этой войны. Правый берегъ рѣки Кюмени оставался въ рукахъ Шведовъ. Военныя дѣйствія прекратились. Король неразъ самъ производилъ рекогносцировки на противоположномъ берегу. Однажды, увидя русскихъ офицеровъ, король снялъ шляпу и поклонился имъ. Они не отвѣчали поклономъ. Густавъ, обратясь къ своему адъютанту, замѣтилъ, что Русскіе не учтивы; баронъ Клингшпоръ возразилъ: „Напротивъ, они довольно учтивы и доказываютъ это тѣмъ, что не стрѣляютъ въ ваше величество". Король во второй разъ поклонился, и тогда русскіе офицеры отвѣчали ему самымъ почтительнымъ поклономъ [2]).

Такимъ образомъ окончаніе кампаніи 1789 года походило нѣсколько на окончаніе кампаніи 1788 года. Не заключая формальнаго перемирія, воюющія стороны какъ-бы по добровольному соглашенію прекратили военныя дѣйствія.

IX.

Положеніе Швеціи и Россіи и дѣятельность дипломаціи зимою 1789—90 года.

Неудовольствіе Швеціи.— Слухи о мирѣ.— Россія и Пруссія.— Переговоры.— Швеція и Пруссія. — Швеція и Польша. — Вооруженія Швеціи. — Финансы Россіи. — Проекты военныхъ дѣйствій.

Король, остававшійся до конца октября въ Финляндіи, предпринималъ разныя поѣздки по этому краю [3]); въ Стокгольмѣ разказывали,

[1]) «Le prince de Nassau est en grande faveur à Pétersbourg depuis l'affaire du 24 août. Tous les soldats et matelots, qui ont assisté à cette affaire, ont eu une médaille de la grandeur d'une pièce de 32 schillings, qu'ils portent à la boutonnière avec un ruban rayé jaune et noir.» Mém. de Sted., I, стр. 225.

[2]) Mémoires d'un officier suédois.

[3]) 19-го октября Храповицкій пишетъ: «Король еще въ Ловизѣ и что-нибудь замышляетъ».

что король намѣренъ продолжать походъ и зимою, и что съ этою цѣлью для королевской арміи шьютъ на зиму шубы [1]); однако король возвратился въ Швецію, и шведскія войска расположились на зимнія квартиры. Въ Стокгольмѣ и въ прочихъ частяхъ Швеціи продолжалось вооруженіе. Въ особенности считали опаснымъ русскій флотъ. Въ различныхъ шведскихъ городахъ обучали милицію [2]). Въ Стокгольмѣ производили сборъ добровольныхъ денежныхъ приношеній для покрытія издержекъ при укрѣпленіи столицы [3]). Магистратъ въ Стокгольмѣ набралъ 10.000 человѣкъ мѣщанъ, которые въ случаѣ нападенія на Стокгольмъ должны были защищать столицу. Имъ были розданы ружья и сабли. Кромѣ того, вольные корабельщики и матросы предлагали свои услуги при защищеніи Стокгольма въ случаѣ надобности [4]). Еще въ октябрѣ въ Швеціи былъ произведенъ вновь рекрутскій наборъ [5]). И въ сѣверныхъ шведскихъ провинціяхъ народъ вооружался; въ провинціи Вестерботтенѣ была милиція, состоявшая изъ 5.000 человѣкъ [6]).

Но при всемъ томъ, во все это время въ Швеціи желали мира. Оппозиція несовсѣмъ умолкла и послѣ торжества короля надъ дворянствомъ на весеннемъ сеймѣ 1789 года. Тамъ гораздо болѣе заботились о водвореніи мира, чѣмъ о побѣдахъ [7]). Судьба Аньяланцевъ, процессъ которыхъ продолжался, представлялъ собою, какъ говорили, прямое вмѣшательство короля въ судебныя дѣла. Разказывали, что судьи, „соображаясь волѣ его величества, стараются обвинить наиболѣе Гастфера“ [8]). Оскорбленіе дворянъ на сеймѣ должно было надолго подѣйствовать на настроеніе умовъ. Говорили, что и среднее сословіе было недовольно королемъ, который, будто бы, не исполнилъ своихъ обѣщаній дать ему многія права [9]). Статсъ-секретарь по духовнымъ

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 года, стр. 1178.
[2]) Тамъ же, стр. 1195.
[3]) Тамъ же, 1241.
[4]) Тамъ же, 1288.
[5]) *С.-Петерб. Вѣд.* стр. 1789 года, 1385.
[6]) *Horft*, стр. 243.
[7]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 1643.
[8]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 года, стр. 727.
[9]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 817: «Его величество, предубѣдивъ мѣщанъ обнадеживаніями, оставилъ исполненіе оныхъ до другаго времени. Итакъ они, послуживъ только орудіемъ къ униженію дворянства, не пріобрѣли тѣмъ для себя собственно почти ничего. Король же, воспользовавшись ихъ преданностью, всю верховную власть себѣ единому присвоилъ и раздѣляетъ оную только со своими наперсниками».

дѣламъ, епископъ Вальквистъ, обнародовалъ указъ отъ имени короля: „чтобы всѣ вообще подданные его величества отъ всякихъ смѣлыхъ разсужденій о томъ, что на послѣднемъ сеймѣ происходило, воздерживались и притомъ бы уклонялись отъ всякихъ къ ненависти и къ мщенію поползновеній“ [1]). Въ сентябрѣ были арестованы нѣкоторые крестьяне въ Далекарліи, которые „смѣло говорили“ [2]). Корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* изъ Стокгольма не рѣдко насмѣхается надъ военными дѣйствіями въ Финляндіи и надъ бюллетенями Густава. Онъ колко замѣчаетъ, что „государство не такъ изобильно людьми, какъ король витіеватыми словами“ [3]). Указывая на превосходство силъ Русскихъ, не дозволявшее Шведамъ надѣяться на побѣды надъ ними, онъ пишетъ: „Слѣдовательно, его величество проливаетъ кровь подданныхъ и разоряетъ государство несносными податями, для продолженія войны нужными, безъ всякой пользы“ [4]). Къ тому же шведской публикѣ было извѣстно, что Густавъ постоянно боролся съ финансовыми затрудненіями. Не смотря на значительные новые налоги, на взиманіе которыхъ сеймъ долженъ былъ согласиться, Густавъ былъ принужденъ неоднократно прибѣгать къ заключенію государственныхъ займовъ. Тутъ и оказалось, что кредитъ Швеціи палъ. То разказывали, что Густавъ „въ одномъ нѣмецкомъ городѣ занялъ 6 милліоновъ талеровъ“ [5]), то писали изъ Лондона, что Густавъ, желая занять у англійскихъ банкировъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ, не могъ сдѣлать этого, потому что англійскіе „богачи не хотѣли ввѣрить свои деньги его величеству“ [6]).

Постоянно возобновлялись слухи о скоромъ заключеніи мира [7]). Въ Стокгольмѣ разказывали, что испанское правительство старалось уговорить короля обратиться къ самой императрицѣ съ просьбой о мирѣ, и что будто бы даже Пруссія поддерживала мнѣніе, что первый шагъ долженъ быть сдѣланъ со стороны Швеціи. Говорили о томъ, что шведскій посланникъ въ Константинополѣ грозилъ султану заключеніемъ мира съ Россіей, если Селимъ не согласится на подтвержденіе договора съ Швеціей, въ силу котораго Оттоманская Порта платила

---

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 829.
[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 1355.
[3]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 года, стр. 846.
[4]) Тамъ же, стр. 1023.
[5]) Тамъ же, стр. 780.
[6]) Тамъ же, стр. 1039 и 1054.
[7]) Тамъ же, стр. 878.

ей субсидіи [1]). Особенно послѣ битвы при Свенскзундѣ возобновлялись слухи о вѣроятномъ заключеніи мира въ текущемъ году [2]). Въ ноябрѣ говорили о томъ, что будетъ заключено по крайней мѣрѣ шестимѣсячное перемиріе [3]). Но всѣ подобныя надежды оказывались тщетными. Всѣмъ было извѣстно, что дѣйствительно, съ нѣкоторыхъ сторонъ были сдѣланы серіозныя попытки къ возстановленію мира, но знали также и то, что какъ Россія, такъ и Швеція зимою 1789—90 года всѣми стараніями готовились къ продолженію войны; по крайней мѣрѣ можно было видѣть, что державы, отъ которыхъ наиболѣе зависѣло прекращеніе войны, не надѣялись на заключеніе мира.

Дѣйствительно, ни Россія, ни Швеція не могли ожидать большихъ выгодъ для себя отъ продолженія войны. Оба государства боролись съ чрезвычайными затрудненіями; но при всемъ томъ миръ казался невозможнымъ, особенно потому, что вопросъ о войнѣ между Швеціей и Россіей былъ тѣсно связанъ со многими другими вопросами европейской политики. Турція разчитывала на Швецію, Пруссія желала ограниченія вліянія Россіи; Англія поддерживала султана и поэтому уже неслишкомъ серіозно заботилась о востановленіи дружбы между Екатериной и Густавомъ; наконецъ Польша хотѣла воспользоваться затрудненіями, съ которыми боролась Россія, и потому была готова дѣйствовать заодно съ Пруссіей и Швеціей. При печальномъ положеніи, въ которомъ находилась Австрія, гдѣ въ послѣднее время царствованія Іосифа II правительство было занято революціей въ Нидерландахъ, при зависимости Даніи отъ политики окружавшихъ ее державъ, при государственномъ переворотѣ, совершавшемся тогда во Франціи, — Россія вовсе не имѣла союзниковъ. Она осталась въ совершенномъ уединеніи и должна была надѣяться лишь на свои собственныя средства и на свое счастье. Не мудрено поэтому, что Россія желала мира. Храповицкій писалъ 22-го іюля 1789 года: „Графъ Безбородко думаетъ, что, побивъ Шведовъ, можно сказать Пруссіи, что, взявъ сатисфакцію, приступаемъ къ миру со Швеціей, ничего не требуя, и тѣмъ войну сію кончимъ“. Данія также старалась склонить Россію къ заключенію мира, предлагая свои услуги для достиженія

[1]) Тамъ же, стр. 156.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 1178.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 1502. Изъ Копенгагена писали 14-го ноября: «Можетъ-быть, храмъ Янусовъ, съ толикимъ шумомъ королемъ Шведскимъ на сѣверѣ отворятый, нынѣшнею зимою затворится».

этой цѣли [1]). Но между тѣмъ Россія дѣйствовала успѣшно въ войнѣ съ Турками. Въ августѣ 1789 года Русскіе разбили Турокъ при Фокшанахъ, въ сентябрѣ на Рымникѣ; Аккерманъ и Бендеры были взяты. Екатерина, какъ пишетъ Храповицкій, была „весела отъ побѣдъ“, но въ то же самое время, сообщая объ этихъ побѣдахъ всѣмъ министрамъ, увѣряла ихъ, что, не смотря на то, согласна принять мирныя предложенія [2]). Къ этому времени относится возобновленіе самыхъ смѣлыхъ плановъ въ отношеніи къ Греціи. Въ октябрѣ Екатерина сказала о Грекахъ: „Ихъ можно оживить. Константинъ—мальчикъ хорошъ; онъ черезъ 30 лѣтъ изъ Севастополя проѣдетъ въ Царьградъ. Мы теперь рога ломаемъ, а тогда уже будутъ сломлены, и для него будетъ легче“ [3]).

Чѣмъ успѣшнѣе Россія дѣйствовала на востокѣ, тѣмъ болѣе Пруссія и Англія были готовы помогать Густаву III. Екатерина жаловалась въ письмѣ къ Потемкину на Пруссію. 18-го октября 1789 года она писала къ нему:

„Каковы бы цесарцы ни были, и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда, нежели прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано несноснымъ. Мы Пруссаковъ ласкаемъ; но каково на сердцѣ теритъ ихъ грубости и ругательствомъ наполненныя дѣла и слова?“.

Въ одной изъ записокъ императрицы, относящихся къ этому времени, сказано:

„Молю Всевышняго, да отмститъ Пруссаку гордость. Въ 1762 году я его дядюшкѣ возвратила Пруссію и часть Померанін, что не исчезнетъ въ моей памяти. Не забуду и то, что двухъ нашихъ союзниковъ онъ же привелъ къ недѣйствію, что съ врагами нашими заключилъ союзъ, что Шведамъ давалъ денегъ, и что съ нами имѣлъ грубыя и неприлично повелительныя переписки. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ авось-либо!“ [4]).

Дѣйствительно, Берлинскій кабинетъ имѣлъ тогда большое значеніе. Туда обращался Густавъ III съ просьбой о помощи противъ Россіи; туда обращались и Поляки, готовившіеся къ послѣдней попыткѣ путемъ политическихъ реформъ спасти свою самостоятельность. Прус-

[1]) Графъ Стольбергъ, датскій министръ въ Берлинѣ, писалъ датскому посланнику въ С.-Петербургѣ, Сенъ-Сафорену: «Si l'impératrice peut pardonner les outrages, on contribuera d'une manière efficace à travailler à une paix aussi humiliante pour l'aggresseur dans le Nord, que pleinement satisfaisante du cote de l'Orient». Зап. Хран., 30-го іюля.

[2]) Зап. Хран., 25-го сентября.

[3]) Зап. Хран., 9-го октября.

[4]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, стр. 200.

сія, казалось, постоянно заботилась о мирѣ, но не соглашалась содѣйствовать къ какому-либо удовлетворенію со стороны Швеціи, и въ особенности не хотѣла допустить возобновленія вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Швеціи. Къ сожалѣнію, намъ мало извѣстно о дипломатическихъ сношеніяхъ между обѣими державами въ это время. Мы знаемъ только, что въ Петербургѣ считали весьма вѣроятною войну съ Пруссіей, и что Густавъ очень желалъ такого разрыва между Россіей и Пруссіей. Послѣдняя, нападая на Прибалтійскія провинціи, сдѣлала бы весьма выгодную для Швеціи диверсію и могла бы нанести тяжелый ударъ Россіи [1]). „Теперь мы въ кризисѣ", сказала Екатерина 24-го декабря, „или миръ, или тройная война, то-есть, съ Пруссіей". 31-го декабря она замѣтила опять: „Теперь кризисъ, Пруссаки мѣшаютъ миру и готовы начать войну съ нами и съ императоромъ; всѣ державы въ ферментаціи, одна Испанія спокойна". Наконецъ 12-го января 1790 года она сказала: „Какъ въ родахъ, ожидаю разрѣшенія о мирѣ или тройной войнѣ".

Къ самому началу 1790 года относится запросъ прусскаго кабинета объ условіяхъ, на которыхъ Россія рѣшилась бы заключить миръ. С.-Петербургскій кабинетъ отвѣчалъ на этотъ запросъ ультиматумомъ слѣдующаго содержанія: „1) Оттоманская Порта и Швеція должны объявить, что они начали войну безъ достаточныхъ поводовъ. 2) Дѣла Оттоманской Порты не должны имѣть никакого отношенія къ шведскимъ, потому что между ними никакой связи не существуетъ. 3) Въ Швеціи должна быть возстановлена форма правленія, существовавшая до 1772 года, и для бо́льшаго обезпеченія мира съ Швеціей тамъ долженъ быть объявленъ конституціонный законъ, въ силу котораго король не имѣлъ бы права объявлять войну безъ согласія на то чиновъ, законнымъ образомъ созванныхъ на сеймъ, будь война оборонительная или наступательная; далѣе король Шведскій долженъ объявить общую и неограниченную амнистію всѣмъ подданнымъ, которые во время войны были приговорены къ какому-либо наказанію за то, что служили противъ своего отечества" [2]). Сомнѣваться въ томъ, что Россія около

[1]) Къ сожалѣнію, записки Храповицкаго, замѣчавшаго въ 1788 году о каждой важной бумагѣ, полученной министрами и императрицей, гораздо менѣе подробны въ 1789 и 1790 годахъ.

[2]) Мы знаемъ о содержаніи этого документа по депешѣ англійскаго посланника въ Стокгольмѣ; см. *Герман*, Gesch. des russ. Staats, VI, стр. 273. О немъ сообщаетъ также Д'Аньвиля, который, конечно, весьма недоволенъ требованіями Россіи, видя въ нихъ вмѣшательство во внутреннія дѣла Швеціи, несогласное

этого времени, дѣйствительно, изъявила желаніе мириться съ Швеціей на такихъ условіяхъ, пельзя уже потому, что у Храповицкаго сказано 14-го февраля: „По депешамъ открывается, что мы хотимъ выиграть время и Пруссакамъ сообщили, на чемъ миримся; они намѣрены воевать, но Англія желаетъ мира, и падежда есть къ негоціаціямъ“. Но такимъ способомъ менѣе всего можно было достигнуть мира. Густавъ началъ войну, чтобъ освободиться отъ опеки дворянъ и вмѣшательства Россіи. Но на условія, предложенныя Россіей, онъ не могъ согласиться, потому что они снова подчиняли его этой двойной зависимости. Изъ Копенгагена писали отъ 20-го февраля объ аудіенціи шведскаго посланника, который объявилъ Датскому королю, что Густавъ „не хочетъ унпчижаться предъ Россіею“ и намѣренъ продолжать войну, если нужно, до послѣдней капли крови [1]).

Швеція старалась еще болѣе сблизиться со своими союзниками. Переговоры съ Пруссіей о субсидіяхъ продолжались, но не имѣли успѣха. Прусское правительство отказало Густаву въ уплатѣ вспомогательныхъ суммъ [2]). За то Густавъ III надѣялся на Турцію. Весною 1789 года находился въ Англіи дипломатъ Оттоманской Порты, урожденный Шведъ, именемъ Давидъ Акербладъ, который имѣлъ сношенія съ шведскимъ консуломъ въ Лондонѣ, Гейлемъ, и съ шведскимъ посланникомъ, барономъ Нолькеномъ [3]). Затѣмъ Акербладъ былъ въ Стокгольмѣ и тамъ сносился съ министрами Густава во время пребыванія короля въ Финляндіи. Лѣтомъ 1789 года незадолго передъ тѣмъ вступившій на престолъ султанъ Селимъ подтвердилъ договоръ между Швеціей и Турціей [4]). Обѣ державы обязались не заключать мира съ Россіей иначе, какъ вмѣстѣ. Кромѣ того Турція обязалась платить въ продолженіе десяти лѣтъ субсидіи Швеціи [5]). Но договоръ этотъ оставался почти совершенно не исполненнымъ. Изъ одной записки графа Борке видно, что Турція обязалась заплатить Швеціи 30 милліоновъ ливровъ, но до февраля 1790 года заплатила лишь десятую

съ главными началами международнаго права. $\frac{24\text{-го января}}{4\text{-го февраля}}$ 1790 года, графъ Борке, прусскій посланникъ при шведскомъ дворѣ, сообщилъ королю Густаву эти условія, на которыхъ, по сообщенію графа Пессельроде, русскаго посланника въ Берлинѣ, Екатерина хотѣла мириться съ Швеціей.

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1790 года, стр. 331.

[2]) *Herrmann*, Gesch. d. russ. Staats, VI, стр. 271.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 года, стр. 588.

[4]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 года, стр. 1165.

[5]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 года, стр. 1287.

долю этой суммы [1]). Густавъ заботился также о томъ, чтобы Польша дѣйствовала заодно съ Швеціей противъ Россіи. Шведскій посланникъ въ Варшавѣ, Энгстрёмъ, въ мартѣ 1790 года передалъ въ торжественномъ засѣданіи польскаго сейма записку слѣдующаго содержанія:

„Король Шведскій, желая доказать всей Европѣ, и въ особенности Польской республикѣ, что не на немъ лежитъ отвѣтственность за продолженіе военныхъ дѣйствій, считаетъ необходимымъ сообщить условія, на которыхъ императрица желаетъ принять предложеніе мира. Эти условія не могутъ быть приняты. Король считалъ бы принятіе ихъ измѣною предъ своимъ государствомъ. Изъ требованій императрицы видно, что она желаетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Шведскаго королевства и вообще господствовать на сѣверѣ. Имѣя въ виду заключить миръ безъ посредничества какой-либо державы, императрица тѣмъ самымъ надѣется ослабить узы между Швеціей и ея сосѣдами, для удобнѣйшаго исполненія настоящихъ и будущихъ предположеній Россіи. Одна и та же опасность угрожаетъ и Швеціи, и Польшѣ. Только тѣснымъ союзомъ между этими государствами можно уничтожить замыслы Россіи, честолюбіе которой не имѣетъ предѣловъ“ [2]).

Д'Аквила, который сообщаетъ объ этой запискѣ, говоритъ далѣе о циркулярѣ графа Остермана, отъ 12-го марта 1790 года, ко всѣмъ русскимъ дипломатамъ, находившимся за границею. Онъ называетъ этотъ циркуляръ памфлетомъ [3]). Въ этомъ письмѣ заключалось порицаніе образа дѣйствій короля [4]), и говорилось о справедливомъ требованіи Россіи, чтобы Нишгатскій и Абовскій договоры были возстановлены при совершенномъ забвеніи всего, съ тѣхъ поръ случившагося; наконецъ графъ Остерманъ указывалъ еще на основательность желанія Россіи, чтобы конституція 1772 года, введенная насильственнымъ образомъ, была измѣнена съ тою цѣлью, чтобы ни настоящій король Швеціи, ни кто-либо изъ его преемниковъ, на него похожихъ, не могли нарушать договоровъ [5]).

При такомъ положеніи дѣлъ многое зависѣло отъ Пруссіи. О соображеніяхъ, служившихъ руководствомъ для Пруссіи въ ея отноше-

---

[1]) *Herrmann*, VI, стр. 273.

[2]) D'Aquila, II стр. 275 — 276.

[3]) «Le ministre de l'impératrice Catherine II accumulait les outrages contre le roi de Suède.... un écrit injurieux, dans lequel on remarquait les plus singulières expressions et peu dignes du respect que se doivent les têtes couronnées. Ce pamphlet impérieux fut repandu à Stockholm. il y fut même lu en place publique, et il inspira le sentiment, qui lui convenait: le blâme». *D'Aquila*, II, стр. 277.

[4]) «Le ministre s'élevait contre l'indécence des procédés du roi».

[5]) «Nous avons souhaité une modification dans la constitution *extorquée* en 1772, et au moyen de laquelle, ni le roi de Suède ni aucun de ses successeurs, *qui pourraient lui ressembler*, ne puissent violer les traités».

ніяхъ къ Швеціи и Россіи, мы подробно знаемъ изъ мнѣнія прусскаго посланника, графа Борке, представленнаго Густаву въ февралѣ 1790 года [1]). Изъ этой записки видно, что Пруссія сдѣлала предложеніе Англіи и Голландіи предоставить Швеціи на шесть лѣтъ 3 милліона талеровъ по 3% заимообразно, но что Густавъ не соглашался на это, желая получить эту сумму не въ видѣ займа, а въ видѣ субсидіи. На послѣднее предложеніе не согласилась Голландія. О требованіяхъ Россіи графъ Борке замѣчаетъ, что онѣ не дозволяютъ питать надежду на заключеніе мира, потому что изъ нихъ видно, что Россія желаетъ обезоружить Швецію совершенно и поставить ее въ такое же положеніе, въ какомъ находилась Оттоманская Порта со временъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Положеніе Швеціи было бы тѣмъ болѣе отчаяннымъ, что Франція вышла изъ ряда первоклассныхъ державъ и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе дѣлается жертвою банкротства и внутренняго раздора. Далѣе сказано, что Англія, Голландія и Пруссія непремѣнно ожидаютъ, что Швеція не заключитъ мира съ Россіей безъ ихъ посредничества, и что напрасно въ Швеціи, какъ видно изъ замѣчанія одного высокопоставленнаго Шведа, считаютъ возможнымъ образованіе сильнаго союза между Даніей, Швеціей и Россіей.

„Фридрихъ Великій“, сказано въ этой запискѣ, „въ продолженіе послѣднихъ 23-хъ лѣтъ своего царствованія испыталъ, въ какой степени неблагодарна задача быть въ союзѣ съ Россіей, и на какія дѣйствія, одобряемыя его головою, но нисколько не одобряемыя его сердцемъ, онъ долженъ былъ рѣшиться вслѣдствіе такого союза. Державы непервоклассныя могутъ быть вассалами Россіи, но не ея союзниками, пользующимися равноправностью съ нею. Данія, датское правительство и весь народъ ненавидятъ Швецію, и лучшимъ средствомъ уничтожитъ союзъ Даніи съ Россіей и принудитъ первую соединиться съ Англіей и Пруссіей былъ бы союзъ Швеціи съ этими послѣдними державами. Король проситъ субсидій отъ трехъ державъ, взявшихъ на себя посредничество между нимъ и Россіей. Онъ однако забываетъ, что, начиная настоящую войну, онъ не просилъ совѣтовъ у этихъ державъ, и что всѣ онѣ изъявили сожалѣніе о начатіи имъ этой войны. Вмѣшательство этихъ державъ въ войну имѣло цѣлью спасти Швецію, а не принять участіе въ войнѣ. Онѣ останутся нейтральными, и только какъ нейтральныя державы, могутъ быть посредниками. Хотя Пруссія изъ-за своихъ отношеній къ Портѣ, быть можетъ, и рѣшится на вооруженное вмѣшательство, но она нисколько не намѣрена воевать на свой счетъ, а только для поддержанія своихъ

[1]) «Betrachtungen über den dermaligen Stand der Verhandlungen zwischen Schweden und den drei verbündeten und vermittelnden Höfen», сообщенныя англійскимъ посланникомъ Листономъ, см. *Herrmann*, Gesch. des russ. Staats, VI, стр. 272—276.

союзниковъ, Турціи и Польши. Но до этого дѣло пока не дошло, и поэтому Пруссія не можетъ пока ничего сдѣлать и ограничивается выраженіемъ желанія, чтобы Шведскому королю, нуждающемуся въ деньгахъ, удалось занять ихъ на тѣхъ условіяхъ, которыя были предложены Пруссіей, а затѣмъ уже Пруссія, въ союзѣ съ Портой и Польшей, сдѣлаетъ диверсію въ пользу Швеціи."

Наконецъ авторъ записки спрашиваетъ:

„Что скажетъ Европа, когда Густавъ III послѣ двухъ походовъ заключитъ невыгодный миръ? Что скажетъ Европа, когда будетъ извѣстно, что единственнымъ поводомъ къ такому измѣненію образа мыслей короля было его желаніе сберечь ежегодно ничтожную сумму въ 20.000 червонцевъ на проценты за долгъ, уплата котораго не составляла бы для него послѣ заключенія выгоднаго мира никакихъ затрудненій?"

Изъ этой записки видно, что Пруссія не обращала особеннаго вниманія на Швецію. Для нея были гораздо болѣе важными союзниками Польша и Турція. Изъ-за нихъ она еще весною 1790 г. была бы готова вести войну съ Россіей. Только смерть Іосифа II и вступленіе на престолъ крайне осторожнаго, умнаго и уступчиваго Леопольда II измѣнило политику Пруссіи.

Въ Петербургѣ весною 1790 года положительно ожидали нападенія со стороны Пруссіи. 13-го мая 1790 года Екатерина писала къ Потемкину:

„Мучитъ меня несказанно, что подъ Ригою полковъ не въ довольномъ числѣ для защищенія Лифляндіи отъ прусскихъ и польскихъ набѣговъ, коихъ теперь почти ежечасно ожидать надлежитъ. Король Шведскій мечется всюду, какъ угорѣлая кошка. Долго ли сіе будетъ, не вѣдаю; только то знаю, что одна премудрость Божія и Его всесильныя чудеса могутъ всему сему сотворить благой конецъ. Странно, что воюющіе всѣ хотятъ и имъ нуженъ миръ. Шведы же и Турки дерутся въ угодность врага нашего скрытнаго, новаго европейскаго диктатора (короля Прусскаго), который выдумалъ отнимать и даровать провинціи, какъ ему угодно: Лифляндію посулилъ съ Финляндіей Шведамъ, а Галицію Полякамъ—послѣднее заподлинно, а первое моя догадка, ибо Шведскій король писалъ испанскому министру, что когда Прусскій король вступитъ въ войну, тогда уже безъ его согласія нельзя мириться, да и теперь ни на единый пунктъ, испанскимъ министромъ предложенный, не соглашается, а требуетъ многое себѣ по прежнему".

На другой день императрица писала:

„Если визирь выбранъ съ тѣмъ, чтобы не мѣшать миру, то кажется, ты намъ вскорѣ доставишь сіе благополучіе; съ другой же стороны дѣла дошли до крайности. Если бы въ Лифляндіи мы имѣли корпусъ тысячъ до 20-ти, то бы все безопасно было, да и въ Польшѣ перемѣна ускорилась" [1]).

Однако въ концѣ концовъ опасенія относительно Пруссіи оказались напрасными. Измѣнчивость политики Фридриха-Вильгельма II,

[1]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, стр. 200 и 201.

легко поддававшагося вліянію различныхъ партій, вступленіе на императорскій престолъ Леопольда II, который успѣлъ уменьшить опасность, угрожавшую Австріи со стороны Пруссіи, желаніе послѣдней присоединить къ своимъ владѣніямъ польскіе города Данцигъ и Торнъ, и наконецъ, важныя событія во Франціи, которыя все болѣе и болѣе обращали на себя вниманіе европейскихъ дворовъ и отвлекали ихъ отъ напряженнаго участія въ вопросахъ балтійскомъ и восточномъ, все это не дозволяло Пруссіи начать войну съ Россіей въ помощь Шведамъ и Полякамъ. Густавъ, видя, что помощь Пруссіи ограничивалась дипломатическими демонстраціями и обѣщаніями, долженъ былъ надѣяться только на себя [1]).

Зимою 1789—90 года продолжалось вооруженіе Швеціи. Въ разныхъ мѣстахъ строились туромы, канонерскія лодки и пр. для галернаго флота. На флотъ по прежнему король обращалъ наибо́льшее вниманіе и снарядилъ особенную коммисію для его вооруженія, членами которой были Мункъ, Толь, Норденшёльдъ и Чапманъ [2]). Къ походу 1790 года готовились еще четыре линейныхъ корабля; Анкарсвердъ наблюдалъ за постройкою галерныхъ судовъ. Зима была необыкновенно тепла, такъ что работы на верфяхъ въ Карлскронѣ вовсе не прекращались. Въ Швеціи носились слухи, что въ Россіи вовсе не думали объ усиленіи флота, и что принцъ Нассау-Зигенъ столь положительно разчитывалъ на побѣду надъ Шведами, что даже не признавалъ нужнымъ умноженіе галерныхъ судовъ, которыхъ, какъ разказывали въ Швеціи, было у Русскихъ не болѣе 120-ти или 150-ти. Шведскій же флотъ, какъ видно изъ записокъ адъютанта генерала Каульбарца, во время вскры-

---

[1]) *D'Aquila*, II, 279, говоря о нападеніи на Балтійскій Портъ, замѣчаетъ: «Le roi par cet évènement sentit avec regret, combien une diversion de ce côté, et même la plus médiocre, aurait eu du succés et lui aurait été favorable, si la puissance, qui lui avait promis des secours en hommes et en artillerie, avait été de bonne foi et eût voulu agir, combien enfin un tel appui aurait été heureux pour réparer le funeste effet de la trahison des officiers, qui lui fit perdre des avantages naturels de la première campagne. Des lors il dut juger qu'il ne lui était plus possible de compter sur le cabinet Prussien, lequel, depuis deux ans, ne lui donnait pour assistance que des paroles; et d'après cette perfidie, qui se démasquait par les résultats, il ne pouvait plus d'en remettre qu'à ses propres efforts pour arriver à une paix durable». — Стединкъ также пишетъ къ королю, I, стр. 240: «Dieu veuille, que le roi de Prusse, qui est autant intéressé à cette guerre que qui que ce soit, veuille un peu moins aimer ses maîtresses, son repos et son trésor, qu'il se décide à prendre le parti, que l'interêt et l'honneur lui dictent».

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1789 г., стр. 1624 и 1643.

тія водъ состоялъ изъ 349-ти различныхъ судовъ съ 3.048-ю пушками [1]), и въ томъ числѣ въ составѣ корабельнаго флота было 35 линейныхъ кораблей съ 2.060-ю пушками и 14 фрегатовъ съ 256-ю пушками [2]). Въ Або, Экенесѣ, Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ строились новыя суда и починялись старыя. Король самъ предоставилъ себѣ главное начальство надъ галернымъ флотомъ; Клингспарре завѣдывалъ рекрутскимъ наборомъ въ Финляндіи, Армфельдъ — въ Швеціи. При страшной смертности, свирѣпствовавшей въ финляндской арміи, цѣлые баталіоны состояли теперь изъ новобранцевъ. Адъютантъ генерала Каульбарца замѣчаетъ, что въ 1789 году число умершихъ въ финляндскомъ войскѣ было 4281 человѣкъ. Въ Карлскронѣ, во время свирѣпствовавшей тамъ повальной болѣзни, умерло отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ [3]). Въ Швеціи говорили, что Густавъ намѣренъ удвоить составъ сухопутнаго войска [4]). Въ Финляндію были отправлены громадные запасы оружія и платья [5]). Король заботился объ укрѣпленіи проходовъ на шхерахъ при Борезундѣ и Поркалазундѣ съ тою цѣлью, чтобы Русскіе не могли мѣшать подвозу припасовъ изъ Швеціи въ Финляндію [6]). Ко всѣмъ жителямъ береговъ онъ обратился въ концѣ января вызывая ихъ къ вооруженію въ случаѣ необходимости защищать берега [7]). При этомъ, конечно, финансовыя средства, которыми располагалъ Густавъ, на каждомъ шагу оказывались недостаточными. 17-го сентября 1789 года король изъ Ловизы писалъ къ министру финансовъ, барону Руту: „Лишь бы деньги, на сборъ которыхъ согласился сеймъ, и субсидіи хватили до сентября 1790 года, а между тѣмъ намъ помогутъ непредвидѣнныя событія". Но баронъ Рутъ постоянно жаловался на недостатокъ въ деньгахъ [8]). Не мудрено, что при такихъ обстоятельствахъ въ Швеціи было много недовольныхъ. Изъ Стокгольма писали 26-го декабря 1789 года: „Для продолженія войны

---

[1]) Mém. d'un off. snédois; *С.-Петерб. Вѣд.* 1790 г., стр. 122—138.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1790 г., стр. 436.

[3]) Зап., Храпов., 7-го января: «Худой пріемъ графа Пушкина». Екатерина разказала Храповицкому: «Я спросила у него, что̀ дѣлается за границею? Онъ отвѣчалъ, будто умножаются войска въ Христинѣ. А я знаю, что у нихъ сильныя болѣзни, и одинъ человѣкъ на сто умираетъ».

[4]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1790 г., стр. 138. и 262.

[5]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 312.

[6]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 122.

[7]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 262.

[8]) Густавъ писалъ: «que pour la bourse il fallait faire comme l'ennemi, tirer le diable par la queue et faire du papier».

король нуждается въ десяти милліонахъ талеровъ. Чтожъ мы напослѣдокъ за оное получимъ? Вѣрно ничего! Лишь бы не потерять ничего". 28-го декабря: „Мысленно располагать военные подвиги несравненно легче, нежели производить ихъ на самомъ дѣлѣ; для перваго потребно только пылкое воображеніе, которое бы, облетая въ одно мгновеніе превеликія пространства, либо и цѣлый міръ, назначало точки своему вниманію и мужеству, а для другаго нужно разныя основательныя знанія, соображенія, достаточныя силы и способы". При изложеніи разныхъ мѣръ, принятыхъ шведскимъ правительствомъ, сказано: „Всѣ эти распоряженія утѣшаютъ насъ мало. Прошедшимъ лѣтомъ нашъ флотъ былъ также не въ худомъ состояніи; однако трусость все испортила" [1]). Говорили о предстоящемъ окончательномъ разореніи торговли и промышленности въ случаѣ продолженія войны; смѣялись надъ королемъ, который постоянно „занятъ соображеніями, размышленіями, умозрѣніями, равновѣсіями и пр."; жаловались на то, что приготовленія къ войнѣ „почти совершенно уже удушили гласъ мира", и что „воздыханіе народа со дня на день становится примѣтнѣе"; съ насмѣшкою разказывали, что Густавъ велѣлъ купить въ Данцигѣ значительное количество водки, „вѣроятно, для разгоряченія крови въ нашихъ воинахъ" [2]).

Густавъ въ это время продолжалъ оказывать милости низшимъ классамъ. Въ его совѣтѣ участвовали два члена изъ мѣщанскаго сословія. Изъ Стокгольма писали при этомъ случаѣ: „Желательно узнать сколь глубокомысленны сіи бѣдные мѣщане въ политикѣ". И другой разъ: „Засѣданіе разныхъ мѣщанъ въ тайномъ королевскомъ совѣтѣ кажется дворянству нашему весьма забавнымъ. Бѣдные мѣщане никогда волѣ его величества не противятся!" По случаю годовщины изданія закона о безопасности сказано: „Мѣщане празднуютъ этотъ день, хоть они впрочемъ и не видятъ еще отъ онаго никакихъ плодовъ. Дворянства при этомъ не будетъ: плакать не прилично, а радоваться не чему" [3]). Слѣдствіе, производимое надъ членами конфедераціи, приближалось къ окончанію. Участь подсудимыхъ возбуждала сочувствіе. Ихъ родственники хотѣли обратиться къ королю съ прошеніемъ о помилованіи этихъ политическихъ преступниковъ. Иные надѣялись, что король, „испытавъ и самъ, сколь трудно поступать такъ, какъ должно, по великодушію своему освободитъ сихъ несчастныхъ

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 79, 89 и 122.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 302, 396, 423, и 436.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 32 и 541.

отъ строгости законовъ, которые не къ однимъ только дѣламъ, но и къ обстоятельствамъ примѣнять должно“ [1]). Однако, уже въ концѣ января 1790 года судебный слѣдователь, военный фискалъ Валленквистъ, обнародовалъ мнѣніе о преступленіи офицеровъ, заключенныхъ въ Фридрихсгофѣ, и предлагалъ наказать ихъ смертною казнью [2]). Дѣйствительно, въ апрѣлѣ судъ произнесъ смертный приговоръ надъ главными виновниками конфедераціи. Король былъ тогда уже въ Финляндіи. Должно было ожидать утвержденія приговора. Но только по окончаніи войны рѣшилась участь подсудимыхъ: она зависѣла нѣкоторымъ образомъ отъ военныхъ дѣйствій. Чѣмъ удачнѣе воевалъ король, тѣмъ строже онъ могъ наказать конфедератовъ, желавшихъ остановить войну; напротивъ того, уронъ шведскихъ войскъ заключалъ въ себѣ, быть можетъ, спасеніе подсудимыхъ.

И для Россіи несовсѣмъ легко было готовиться къ третьему походу. И въ Петербургѣ, какъ мы видѣли, уже съ давнихъ поръ, съ самаго начала, войны желали мира съ Швеціей. Въ декабрѣ 1789 г. Стединкъ получилъ извѣстія о положеніи дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Онъ сообщилъ королю, что тамъ только и думаютъ, что о вооруженіи въ большихъ размѣрахъ, имѣя въ виду въ будущемъ походѣ въ Финляндію нанести Швеціи страшные удары и такимъ образомъ принудить Густава къ заключенію мира.

„Впрочемъ“, прибавляетъ Стединкъ, „война становится для Россіи тягостною, и тамъ желаютъ мира, опасаясь участія въ войнѣ Пруссіи. Въ серебряныхъ деньгахъ чувствуется сильный недостатокъ; появился значительный лажъ на бумажныя деньги, обращающіяся въ большомъ количествѣ; цѣны на всѣ товары и съѣстные припасы подымаются; между тѣмъ роскошный образъ жизни въ столицѣ нисколько не измѣнился. Посредствомъ новаго рекрутскаго набора правительство надѣется сформировать войско въ 24.000 человѣкъ, но только въ январѣ мѣсяцѣ.... Войска зимуютъ въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ въ хорошихъ и просторныхъ казармахъ“ и т. д. [3]).

Дѣйствительно, уже въ августѣ 1789 года было сдѣлано распоряженіе о новомъ рекрутскомъ наборѣ по 5 человѣкъ съ 500 „для продолженія сугубой войны со стороны Порты и короля Шведскаго“. Наборъ долженъ былъ начаться 1-го октября и быть конченъ къ новому году [4]). Что касается до главнаго начальства надъ войсками,

---

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 79.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, стр. 362.

[3]) Mém. de Sted., I, стр. 225.

[4]) П. С. З. т. XXIII, № 16796. 10 го августа 1789 года Екатерина сказала:

то Екатерина, недовольная графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, рѣшилась наконецъ на смѣну его. Вмѣсто него назначены были главнокомандующими Игельстрёмъ и Салтыковъ [1]). Намъ неизвѣстны другія данныя о вооруженіи зимою 1789—90 года; что же касается до финансоваго положенія, то дѣйствительно, оно не могло считаться вполнѣ удовлетворительнымъ. Иностранные дипломаты продолжали писать о затруд-

---

«Можетъ у насъ въ черни произвесть фермептацію рекрутскій наборъ не съ 500 одного, но съ 500 пяти, и пынѣ должны къ тому приступить». Зап. Хран.

[1]) Зап. Хран., 19-го октября 1789 года: «Хотѣли Ангальтъ-Бернбургскаго опредѣлить на будущую кампанію главнымъ начальникомъ противъ Шведовъ; Репнина не хотятъ; о Румянцовѣ ни слова. Писали о томъ къ князю». 9-го декабря: «При чтеніи обыкновенныхъ о губерніяхъ рапортовъ отъ барона Игельстрёма сказано: «Будутъ у меня хорошіе генералы». Надобно разумѣть, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ». 5-го января 1790 г.: «Хвалили барона Игельстрёма, назначеннаго главнымъ въ финляндскую армію и сюда пріѣхавшаго». Объ Игельстрёмѣ пишетъ Мертваго: «Игельстрёмъ — Нѣмецъ со всѣми качествами древняго рыцаря и новѣйшаго петиметра; влюбленный, воинственный, вспыльчивый, хитрый, пріятный въ обществѣ и несносно гордый... Пріѣхавъ въ столицу онъ былъ очень милостиво принятъ императрицею». См. Записки Мертваго въ *Русскомъ Архивѣ* 1837 года, № 8 и 9, стр. 39 и 44. О назначеніи Салтыкова сказано у Вейдемейера, II, стр. 82. Густавъ III пишетъ къ Стедингку отъ 2-го марта: «Le comte de Soltikoff, que vous avez connu à Spa, commandera contre nous, ayant sous ses ordres le prince d'Anhalt-Bernburg et le général Igelström. Le prince de Nassau commande la flotille, ayant avec lui un corps de troupes séparés sous le général Numsen et tout cela indépendant de M. de Soltikoff. Vous jugez combien un commandement ainsi séparé doit nuire aux succés des opérations. De là je présume aussi, que Soltikoff agira vers le Savolax et ses cantons, et que le prince de Nassau suivra la côte. Mais les généraux, qui doivent commander, sont encore à l'armée de Potemkin; ainsi il leur faudra du temps pour venir, et l'armada du prince de Nassau ne pourra agir avant la belle saison. Si l'ennemi se renforce de votre côté, c'est donc apparemment pour être plus sûr de Pumala; ou si les mouvements, qu'on dit qu'il a fait, et qui l'ont éloigné de Kymmene, sont vrais, il parait que c'est pour tirer ses troupes plus près de Pétersbourg, afin d'être à portée d'en détacher en Livonie, ou les mouvements du roi de Prusse donnent de l'inquiétude. D'ailleurs ils n'auront pas de renfort, le prince Potemkin ayant non seulement refusé de détacher un seul régiment de son armée, mais demandant encore de nouveaux secours pour lui même. Toutes ces considérations.... m'affermissent dans la résolution de précipiter l'ouverture de la campagne et de prévenir par une attaque brusque le rassemblement des forces ennemies». См. Mémoires de Stedingk, I, стр. 234—236. Марта 15-го Храповицкій пишетъ, что слышалъ, будто назначены въ Финляндію два генерала-аншефа. Екатерина замѣтила: «Дай Богъ найдти хлѣба довольно для большой тамъ арміи, но Броунъ замѣчаетъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ, который къ концу приходитъ, фельдмаршалъ Ласси не родится, или мы не увидимъ».

пеніяхъ вслѣдствіе выпуска чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ, о томъ, что поставщиковъ казны заставляли ждать уплаты, и о разныхъ долгахъ казначейства [1]).

Въ 1787 году было выпущено 53.827.000 рублей бумажными деньгами, затѣмъ въ 1790 году еще 7 милліоновъ. До 1787 года находилось въ обращеніи не болѣе 46 милліоновъ бумажныхъ денегъ, и лажъ на бумажныя деньги составлялъ лишь 2%. При быстромъ умноженіи бумажныхъ денегъ лажъ также быстро поднялся и въ 1787 г. составлялъ 3%, въ 1788 г. 8%, въ 1789 г. 9% и въ 1790 г. 15%. Согласно съ этимъ измѣнялся и вексельный курсъ. Рубль серебромъ равнялся въ 1787 году 39 голл. штив. или 41 англ. пенс.

»	1788	»	34	»	»	36	»	»
»	1789	»	30	»	»	31	»	»
»	1790	»	30	»	»	31	»	» [2]).

Екатерина въ письмѣ къ Циммерманну, отъ 26-го января 1791 года, старалась представить финансовое положеніе Россіи въ болѣе выгодномъ видѣ. Она писала:

---

[1]) См. письмо Гельбига $\frac{\text{24-го августа}}{\text{4-го сентября}}$ 1789 года у *Германна*, Ergänzungsband, стр. 657. У D'Aquila сказано, II, стр. 265: «Le commerce russe était fort endetté à l'époque de la guerre de Finlande, il redevait partout des sommes immenses. Aux seuls Saxons il était dû des deux derniers foires de Leipsick huit millions de livres tournois, sans compter ensuite Francfort sur le Main, Francfort sur l'Oder, les villes hanséatiques, Londres, la Pologne».

[2]) См. статью *И. Шторха:* «Матеріалы для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ въ Россіи съ 1653 по 1840 годъ», въ *Журналѣ Министер. Народн. Просвѣщенія*, за мартъ 1868 года, стр. 824—825. *D'Aquila*, II, стр. 123: «Les négociants anglais, établis à Saint-Pétersbourg, écrivaient à Londres, que tout était en confusion, ce qui fit baisser tellement le change, qu'au lieu de 36 pence et demi le rouble d'argent n'était plus évalué que 28 pences». Стр. 265: «Ce qui prouve le désavantage qu'avait la Russie dans cette guerre, c'est la rareté de l'argent, qui s'y fit sentir pendant toute cette campagne; le crédit était tellement tombé à Pétersbourg, qu'on y perdit de 30 à 40% sur les billets de banque impériale. Le gouvernement voulant empêcher l'exportation du numéraire défendit expressément l'entrée de toute marchandise par terre. Par mer il n'en arrivait pas». Сиверсъ пишетъ 1-го февраля 1791 года къ своей дочери, подарившей ему кошелекъ для золота и серебра: «Diese niederträchtigen Metalle werden hier von Tag zu Tag seltener; die Albertsthaler sind schon auf 136 Kopeken Banco gestiegen. O die gute Kaiserin, wenn sie wüsste, was dergleichen dieser armen Provinz kostete, so wie dem ganzen Reich und wie man ihre Kasse auf solche Weise plündert! Man zahlt hier bis 10 Proc., um Kupfer gegen Papier einzuwechseln. Welch ein Verlust auch für den armen Officier und den armseligen Soldaten». См. соч. *Блюма:* Johann Jakob Sievers, II, стр. 530.

„Можетъ быть, для того насъ считаютъ безъ денегъ, что мы вынимаемъ оныя изъ сундуковъ своихъ безъ великихъ притомъ обрядовъ, кои бы придавали тому важность. И то еще правда, что казначейства помѣщены не въ самыхъ погребахъ моихъ покоевъ; а какъ сіи, думаю, пусты, то и говорятъ, что они не наполнены, и въ семъ случаѣ говорятъ правду. Но до сихъ поръ, слава Богу, когда надобны были деньги, мы давали ихъ безостановочно. Налоговъ не налагали, а всегда были на военной ногѣ; содержать же ихъ другимъ образомъ у насъ и не знаютъ. Впрочемъ я очень миролюбива“ [1]).

Между тѣмъ изъ записокъ Храповицкаго видно, что Екатерина хорошо была знакома съ затрудненіями по случаю недостатка серебра. Храповицкій пишетъ 6-го декабря 1789 года: „Дана мнѣ записка, дабы поговорить съ генералъ-прокуроромъ, что тѣснота велика у банка, и нельзя ли умножить выпускъ мелкихъ ассигнацій“. А 31-го декабря 1789 года императрица сказала: „Теперь кризисъ. Пришло мнѣ въ голову справиться о серебрѣ, но у гофмаршала и въ намѣстничествахъ только 2563 пуда и составитъ не болѣе 1.750.000 рублей, а шуму много это сдѣлаетъ“ [2]). Екатерина была также недовольна и военною администраціей. Не только въ шведскомъ лагерѣ, но и въ русскомъ, зимою на 1790 годъ, была значительная смертность между солдатами и матросами. 24-го января 1790 года Храповицкій пишетъ: „Съ неудовольствіемъ говорено, что 2000 больныхъ умерло, а осталось въ лазаретѣ и крали на нихъ порціи въ финляндской арміи. Это на графа Пушкина отъ графа П. И. Салтыкова“. И Швеція, и Россія, какъ видно, продолжали войну лишь съ большимъ трудомъ. Обѣ державы рѣшились возобновить военныя дѣйствія въ 1790 году только въ надеждѣ, что какой-либо важный успѣхъ оружія дастъ возможность заключить миръ. Только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ эта надежда осуществилась, хотя и иначе, чѣмъ ожидала каждая изъ воюющихъ державъ. Ни та, ни другая, не смотря на важныя событія и на кровопролитныя битвы кампаніи 1790 года, не имѣла перевѣса. Между тѣмъ въ теченіе зимы, и въ особенности весны, Шведы заботились о томъ, чтобы походъ начался по возможности раньше. Необыкновенная теплота зимы, доходившая до того, что въ Стокгольмѣ деревья были зелены въ декабрѣ мѣсяцѣ [3]), дозволила шведскому флоту выступить въ море гораздо раньше обыкновеннаго. Король дѣлалъ все возможное, чтобы скорѣе начать военныя дѣйствія. Онъ писалъ къ Клингшпорре, что по извѣстіямъ, имъ полученнымъ, и въ

[1]) Сочиненія Екатерины, стр. III, 475—476.

[2]) Зап. Храповицкаго.

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.* 1790 года, стр. 89.

этомъ году принцъ Нассау-Зигенъ имѣетъ въ виду особенно рано начать военныя дѣйствія, напасть на Свеаборгъ и быть съ визитомъ даже въ Стокгольмѣ. Уже $^{15}/_{26}$ марта Густавъ оставилъ Стокгольмъ и $^{19}/_{30}$ марта пріѣхалъ въ Финляндію. Впрочемъ въ апрѣлѣ и маѣ этого года была ненастная погода [1]). Стединкъ, переписываясь зимою съ королемъ о предстоящемъ походѣ, въ особенности старался обратить вниманіе Густава на Вильманстрандъ, называя этотъ городъ центральнымъ пунктомъ Русскихъ. Стединкъ считалъ, кажется, возможнымъ, хотя и опаснымъ, взять Вильманстрандъ зимою [2]). Еще въ мартѣ мѣсяцѣ, Стединкъ, вѣроятно, имѣя въ виду нападеніе на Вильманстрандъ, неоднократно говоритъ въ своихъ запискахъ о предполагаемой экспедиціи, которую однако приходилось отложить по случаю обильно выпавшаго снѣга. При открытіи похода Стединкъ предлагалъ королю для вытѣсненія Русскихъ изъ Вильманстранда отправить туда войско съ двухъ сторонъ — съ рѣки Кюмени и изъ Нумала [3]).

Но пока составлялись эти предположенія, военныя дѣйствія Русскихъ, погода и событія на морѣ должны были измѣнить военныя предпріятія Шведовъ. Впрочемъ еще до прибытія Густава въ Финляндію, Шведы открыли военныя дѣйствія на берегахъ Финскаго залива.

X.

Походъ 1790 года.

Шведы въ Балтійскомъ Портѣ. — Столкновенія въ Финляндіи. — Битва при Ревелѣ. — Битвы при Кронштадтѣ. — Сраженія близъ Выборгской бухты. — Бѣгство шведскаго флота. — Битва о ней при Свенскаундѣ. — Разказъ Казалеса. — Принцъ Нассау. — Письма Екатерины. — Судьба конфедератовъ.

Съ самаго начала Шведской войны, и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и въ С.-Петербургѣ, какъ было уже сказано, считали вѣроятнымъ, что Шведы сдѣлаютъ нападеніе на Лифляндію или Эстляндію. Въ мартѣ 1790 года эти опасенія наконецъ оправдались, хотя впрочемъ посѣщеніе Шведами берега Эстляндіи не имѣло особеннаго значенія или

---

[1]) *Horst*, стр. 269: «Gustaf wollte den Jahreszeiten, wie seinen Feinden, Trotz bieten. Die Natur selbst schien darüber aufgebracht zu sein und seinem Trotze die Unmöglichkeit entgegensetzen zu wollen».

[2]) «Une chute de neige, un déserteur instruit, une indiscrétion parmi dix ou douze personnes, qui sont dans le secrèt, un froid de 32 degrés, comme nous en avons quelquefois, peuvent tout gâter». Sted., I, стр. 231.

[3]) Sted., I, стр. 241.

какихъ-либо важныхъ послѣдствій. 6/17-го марта шведскій капитанъ Цедерстрёмъ отправился съ двумя фрегатами изъ Гангэуда къ крѣпости Рогервику или Балтійскому Порту, близъ Ревеля. Экипажъ фрегатовъ атаковалъ фортъ и взялъ его. Находившіеся тамъ магазины были сожжены, нѣсколько пушекъ было заклепано, и кромѣ того Шведы вынудили у жителей города контрибуцію въ 4.000 рублей. Между тѣмъ вѣтеръ перемѣнился и заставилъ Шведовъ поспѣшно удалиться обратно къ Гангэ. Екатерина получила извѣстіе объ этомъ происшествіи 9-го марта. Храповицкій пишетъ: „Курьеръ изъ Ревеля: явились шведскіе военные корабли предъ Балтійскимъ Портомъ и дѣлаютъ десантъ. Во все утро суматоха". 10-го марта: „Съ неудовольствіемъ сказывали мнѣ: „Шведы будутъ хвастать; негодяй полковникъ Роберти и комендантъ Балтійскаго Порта сдѣлалъ постыдную капитуляцію; магазейны выжжены, пушки заклепаны, и отъ города заплачено 4 тысячи! Шведы тотчасъ уѣхали. Что жь онъ спасъ, хочу знать? Себя только. Русскій этого бы не сдѣлалъ; какая разница съ Кузьминымъ въ Нишлотѣ!" [1]). 14-го марта: „Шведовъ въ Балтійскомъ Портѣ выходило только 40 человѣкъ. Есть о томъ рапортъ у Николая Ивановича Салтыкова" [2]). Густавъ III щедро наградилъ шведскихъ офицеровъ, отважившихся на это предпріятіе, но въ сущности оно не имѣло никакихъ послѣдствій.

Важнѣе этого событія были нѣкоторыя столкновенія Русскихъ съ Шведами въ Саволаксѣ и близъ юго-западной границы Финляндіи. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ походъ начался удачнымъ нападеніемъ Русскихъ на графа Стединка, который въ письмѣ къ королю сознается въ томъ, что потерялъ при этомъ случаѣ 200 человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ 12 офицеровъ [3]).

---

[1]) Зап. Храповицкаго.

[2]) Можетъ-быть, къ этому времени относится записка императрицы къ Салтыкову: «Воля ваша, пошлите офицера на мѣсто въ Ревель и къ Порту Балтійскому, кто, бывъ тамъ, привезъ бы извѣстіе, что дѣлается, и также, чтобы и отъ Врангеля привезъ — что тамъ дѣлается». *Русскій Архивъ* 1864 года, ст. 979. Любопытна замѣтка въ запискахъ Энгельгардта, что по случаю нападенія Шведовъ на Балтійскій Портъ (у Энгельгардта ошибочно показанъ 1789 годъ вмѣсто 1790) вслѣдствіе малочисленности гарнизона, арестанты были выпущены для защищенія форта, и что при этомъ случаѣ два брата Зановичъ, находившіеся арестантами въ Балтійскомъ портѣ за поддѣлку монетъ, оказали особенную ревность и подали полезные совѣты, за что, по освобожденіи города, получили свободу и были отпущены за границу. Записки Энгельгардта, 1868, стр. 31.

[3]) Объ этомъ дѣлѣ, не имѣвшемъ также никакихъ послѣдствій, потому что Русскимъ не удалось выгнать Шведовъ изъ занятой ими позиціи, см. въ Мém.

Король чуть-ли еще не зимою прибылъ уже въ Финляндію. И между тѣмъ какъ генералъ Мейерфельдъ еще находился близъ Ловизы и Абберфорса въ шведской Финляндіи, а графъ Стединкъ близъ Нишлотской крѣпости, король старался проникнуть въ русскую Финляндію со стороны Саволакса. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ всѣ озера, рѣки и болота были еще покрыты льдомъ. Во время большихъ морозовъ нужно было перетаскивать пушки чрезъ ледъ и снѣгъ. Король раздѣлялъ труды и лишенія съ солдатами, ночевалъ не разъ подъ открытымъ небомъ и въ стычкѣ при Кернакоски и Пардакоски, $^{4}/_{15}$-го апрѣля, самъ предводительствовалъ войскомъ. Шведы здѣсь дѣйствовали удачно, отняли у Русскихъ провіантъ, аммунпцію и двѣ пушки [1]), а также и 12.000 руб. денегъ. Дѣло кончилось взятіемъ въ плѣнъ одного офицера и 38 русскихъ солдатъ и отступленіемъ Русскихъ къ мѣстечку Савитайпалъ. По словамъ Шанца, нападеніе Шведовъ было такъ неожиданно для Русскихъ, что офицеры русскаго отряда, занимавшіеся въ то время карточною игрою, должны были поспѣшно оставить карточный столъ съ деньгами [2]).

Вскорѣ послѣ этого случилась другая встрѣча между Русскими

---

de Sted., I, стр. 245 — 247, письмо изъ Пертимеки $\frac{25\text{-го марта}}{5\text{-го апрѣля}}$; но ни у Колотова, ни въ *С.-Петерб. Вѣд.* объ этомъ событіи не говорится.

[1]) *Horst*, 273 и 274; *Морской Сборникъ*, XXXI. Король надѣялся на важные результаты похода къ юго-восточной Финляндіи. Онъ писалъ къ Стединку $\frac{23\text{-го марта}}{5\text{-го апрѣля}}$ изъ Борго: «Badinage à part, je veux voir pour moi-même, si nous ne pourrons pas déloger ces maudits Moscovites de Pumala. Les arrangements sont pris pour faire une campagne vigoureuse». Mém. de Sted., I, стр. 213. Густавъ съ такою энергіей принялся за дѣло, что Стединкъ писалъ къ нему $^{5}/_{16}$-го апрѣля: «De la manière que votre majesté y va, elle ne laissera rien à faire à ses généraux». Король надѣялся занять такія мѣста, гдѣ Русскіе имѣли магазины, и поэтому составилъ планъ почти одновременно напасть на различные пограничные посты. Стединкъ хвалилъ его намѣреніе, но совѣтовалъ не раздроблять войско на слишкомъ мелкія части и предостерегалъ не обманываться численностью войска, которая на бумагѣ показывается иногда болѣе значительною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; см. письмо Стединка изъ Пардала отъ 12 го апрѣля 1790 г. въ Mém. de Sted., I, 248—249. О дѣлѣ при Кернакоски самъ король писалъ къ Стединку, $^{5}/_{16}$-го апрѣля, хваля въ особенности Далекарлійцевъ. Его письмо оканчивается фразою: «à vous le dé», показывающею, до какой степени король былъ доволенъ своимъ успѣхомъ. Между тѣмъ какъ у Колотова сказано, что 10 человѣкъ Шведовъ при этомъ дѣлѣ убито и нѣсколько ранено (у Шанца показано 6 убитыхъ, 16 раненыхъ), король писалъ: «Peu de blessés, aucun de tué». Mém. de Sted., I, 256.

[2]) См. *Schantz*, II, 14.

со Шведами, а именно 8/19-го апрѣля при Валкіала, близъ рѣки Кюмени, и при этомъ случаѣ Густавъ опять командовалъ самъ. Ему снова удалось принудить Русскихъ къ отступленію. Въ этомъ дѣлѣ король былъ легко раненъ. Важнѣйшимъ результатомъ этой стычки было также взятіе нѣкотораго количества провіанта, что въ странѣ, въ которой продовольствіе войска всегда было сопряжено съ большими затрудненіями, дѣйствительно, могло считаться значительною выгодой для Шведовъ [1]).

Въ Петербургѣ, какъ можно полагать, считали чувствительною потерей утрату позиціи при Кернакоски. По крайней мѣрѣ, былъ отправленъ приказъ по возможности вытѣснить Шведовъ изъ занятыхъ ими мѣстъ: Кернакоски и Пардакоски. Порученіе это было дано Игельстрёму [2]), и въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій объ исходѣ этого дѣла. Атака Русскихъ была назначена къ 18-му апрѣля [3]). Сначала Русскіе успѣли принудить Шведовъ къ отступленію, но принцъ Ангальтъ, сдѣлавшій попытку взять Кернакоски, не достигъ этой цѣли, былъ принужденъ отступить и при этомъ случаѣ тяжело раненъ. Князю Мещерскому было приказано обойдти непріятеля и напасть на него съ тылу, но онъ не успѣлъ во время исполнить это порученіе, потому что на пути къ означенному мѣсту ледъ на озерѣ оказался непадежнымъ, и это обстоятельство принудило его искать другаго пути; въ послѣдствіи онъ долженъ былъ отступать [4]). Сраженіе это, впрочемъ, было не 18-го апрѣля, какъ предполагали въ Петербургѣ, а 19-го [5]).

---

[1]) «Denissow wusste was in einem von Lebensmitteln entblössten Lande, wie Finnland, an Behauptung der Magazine läge, widersetzte sich aufs nachdrücklichste», и проч. *Possclt*, 435. См. подробности у *Шанца*, II, 16 и слѣд.

[2]) См. приложеніе къ *С.-Петерб. Вѣд.* 5-го мая 1790 года, № 37.

[3]) Зап. Храп. 18-го апрѣля: «Читанъ рапортъ барона Игельстрёма, что съ Божіею помощію идетъ атаковать Шведовъ. Это сегодня, — перекрестились». 20-го апрѣля: «Возвратился Турчаниновъ. Сказать изволила, что Игельстрёмъ и Ангальтъ, какъ хваты, на одинхъ дрожкахъ поскакали; атака отъ насъ со всѣхъ мѣстъ и въ Пардакоскѣ на самого короля съ трехъ сторонъ назначена 18-го апрѣля, но до самаго обѣда Турчаниновъ стрѣльбы не слыхалъ».

[5]) *С.-Петерб. Вѣд.*, Прибавл. въ № 37.

[4]) Поссельтъ говоритъ, 136: «Die Garde... des Mordgetümmels der Schlacht und besonders der schwedischen Bayonnetstösse nicht gewöhnt, gerieth bald in Unordnung. Die Muthlosigkeit, die sie selbst zum Weichen gebracht, verbreitete sich bald weiter. Der Prinz von Anhalt... ward von dem grössten Theil seiner Truppen verlassen» и т. д. Поссельтъ, вѣроятно, руководствовался офиціальными шведскими данными. Въ русскомъ донесеніи сказано, что отступленіе Русскихъ

Не столько изъ шведскихъ и русскихъ официальныхъ данныхъ, сколько изъ впечатлѣнія, произведеннаго на Екатерину, видно, что дѣло $^{19}/_{30}$ апрѣля было значительною неудачею для Русскихъ. 21-го апрѣля Храповицкій пишетъ: „Худой успѣхъ атаки, бывшей 19-го числа; наши отбиты и ретировались. Принцъ Ангальтъ и Байковъ ранены". 22-го апрѣля: „Пришло извѣстіе, что Ангальтъ и Байковъ отъ ранъ умерли". 23-го апрѣля: „Плакали о принцѣ Ангальтѣ. Опасеніе, чтобы не убили принца Нассау". Что же касается числа убитыхъ и раненыхъ, то въ шведскомъ донесеніи было показано 41 убитый и 173 раненыхъ Шведовъ, и притомъ прибавлено, что убитыхъ Русскихъ найдено на мѣстѣ 115 [1]). Въ русскомъ донесеніи говорится, что убито 6 офицеровъ и 194 солдата, а ранено 16 офицеровъ и 285 солдатъ, и притомъ прибавлено, что потеря Шведовъ должна была быть гораздо значительнѣе. Однако мы имѣемъ основаніе думать, что потеря Русскихъ была нѣсколько значительнѣе, чѣмъ было показано въ официальномъ донесеніи Салтыкова. Храповицкій замѣчаетъ 25-го апрѣля: „По извѣстію обстоятельному, въ дѣлѣ принца Ангальта убитыхъ и раненыхъ 503: прискорбіе" [2]). Дѣйствительно, Екатерина въ это время упала духомъ. Отдавая Храповицкому листъ перевода изъ Плутарха, она сказала: „Это одно утѣшеніе, cela ne fortifie l'âme" [3]).

Но въ то же время императрица получила и болѣе утѣшительныя извѣстія изъ Финляндіи. На берегахъ рѣки Кюмени Русскіе съ успѣхомъ дѣйствовали противъ отряда, которымъ опять командовалъ самъ король. Послѣ битвы при Валькіяла войско требовало единогласно, чтобы король былъ удостоенъ ордена Меча первой степени. Густавъ отказался принять этотъ знакъ отличія, говоря, что для того, чтобы быть достойнымъ носить этотъ орденъ, онъ считаетъ необходимымъ

совершилось въ полномъ порядкѣ; но по Стокгольмскимъ извѣстіямъ, «in einer ungemeinen Verwirrung». Недостатокъ въ конницѣ, замѣчаетъ Шанцъ, II, 28, не дозволилъ Шведамъ преслѣдовать Русскихъ.

[1]) *Schantz*, II, 29.

[2]) 1-го мая Храповицкій пишетъ: «Обстоятельное донесеніе о дѣлѣ при Пардакоски и Кернакоски: шли на три колонны; Байковъ свою раздѣлилъ, попавши въ два огня; принцева служила къ ретирадѣ; Бергманъ съ Мещерскимъ не дошли. Очень видно, что Шведы обо всемъ предувѣдомлены и каждую колонну готовы были встрѣтить». Въ одномъ изъ этихъ сраженій участвовалъ Барклай де-Толли, произведенный за храбрость при этомъ случаѣ въ премьеръ-маіоры; см. біогр. Барклая у *Бантышъ-Каменскаго*, Словарь достоп. людей, I, 89.

[3]) Зап. Храп., 27 апрѣля 1790 года.

оказать еще гораздо болѣе важныя услуги отечеству [1]). Это случилось $\frac{\text{21-го апрѣля}}{\text{2-го мая}}$, а двумя днями позже Русскимъ, подъ предводительствомъ генерала Нумсена, удалось принудить Шведовъ къ отступленію за рѣку Кюмень; и даже туда Русскіе слѣдовали за Шведами, взяли у нихъ 12 пушекъ, заняли мѣстечко Аньяла и здѣсь нѣсколько дней съ успѣхомъ держались противъ натиска Шведовъ [2]). При этомъ случаѣ былъ взятъ въ плѣнъ полковникъ Сведенгіельмъ [3]).

Послѣ этой неудачи король рѣшился перейдти на галерный флотъ и дѣйствовать прямо противъ Фридрихсгама; онъ надѣялся, что графъ Армфельдъ и графъ Стединкъ будутъ удачно дѣйствовать на сѣверо-востокъ отъ Фридрихсгама [4]). Дѣйствительно, Стединку удалось $\frac{\text{23-го апрѣля}}{\text{4-го мая}}$ въ стычкѣ съ Русскими разбить ихъ [5]). Сраженіе происходило при Партимеки. Атака была сдѣлана, какъ говорили въ Швеціи [6]), по приказанію самой императрицы; однако Русскіе потерпѣли неудачу [7]).

---

[1]) *Horft*, 278.

[2]) Зап. Хран. 26-го апрѣля: «Нумсенъ, перешедъ за Кюмень, протявъ Мемеля, взялъ 12 пушекъ и больше 10 плѣнныхъ. Другой курьеръ: сіе понудило короля ретироваться за Кюмень, и Денисовъ его атаковалъ».

[3]) *С.-Пет. Вѣд.*, прибавл. къ № 37; *Horft*, 288; Кастера, II, 160, не упоминающій ни объ одномъ изъ этихъ сраженій, говоритъ о послѣднемъ: «Catherine avait eu le temps de faire ses préparatifs de défense. Les deux armées en vinrent aux mains, et les Russes, commandés par le général Numsen, remportèrent la victoire».

[4]) $\frac{\text{26-го апрѣля}}{\text{7-го мая}}$ онъ писалъ къ Стединку (по ошибкѣ въ изданіи записокъ Стединка, I, 257—258, показано 7-го марта вмѣсто 7-го мая): «Les ennemis ont pénétré par Anjala, ayant surpris les batteries suédoises. Nous avons été forcé de quitter Valkiala, pour venir au secours du général Platen. Je me suis rendu ici pour monter sur la flotille qui est toute prête à sortir.... Vous voyez que la fortune balance, et que Pharsale n'a pas encore décidé cette grande querelle».

[5]) Король пишетъ $\frac{\text{28-го апрѣля}}{\text{9-го мая}}$: «Rien ne pouvait venir plus à propos pour me consoler dans mes contrariétés, mon cher Stedingk, que la nouvelle de vos succès.... L'action du 4 au 5 vous fait un honneur infini, ainsi qu'à vos troupes. Je vous prie de me proposer les grâces que vous souhaitez et je vous envoie à vous-même une épée que vous voudrez bien troquer contre une d'or, quand elle sera faite... P. S. A propos: vous me demandez sérieusement pardon d'avoir voulu attaquer l'ennemi à forces inégales. Mais savez-vous bien, mon cher Stedingk, que votre action du 4, et celle de Kaienakoski du 30, rendent cette excuse extrêmement superflue?» Mém. de Sted., I, 259 — 261.

[6]) *Horft*, 284.

[7]) По донесенію Русскихъ, потеря ихъ показана гораздо менѣе значительною, чѣмъ потеря Шведовъ: говорится только о 200 убитыхъ Шведахъ и о 42 убитыхъ Русскихъ (*С.-Пет. Вѣд.*, прибавл. къ № 37), между тѣмъ какъ Шведы го-

Король между тѣмъ предполагалъ, нападая на Фридрихсгамъ, принудить Русскихъ сосредоточить свои войска также около этого мѣста. Такимъ образомъ онъ надѣялся отвлечь вниманіе Русскихъ отъ Саволакса и дать Стедингку и Армфельду возможность проникнуть глубоко въ русскую Финляндію. Хотя королю и удалось разбить часть русскаго галернаго флота близъ самаго Фридрихсгама, но между тѣмъ какъ шведскій флотъ, послѣ сраженій при Ревелѣ и Кронштадтѣ, все болѣе и болѣе приближался къ Выборгу, и Шведы принимали мѣры для высадки на берегъ уже по близости Петербурга, графъ Армфельдъ былъ разбитъ Русскими при Савитайпалѣ $\frac{\text{24-го мая}}{\text{4-го іюня}}$ и самъ раненъ при этомъ случаѣ [1]).

Густавъ ожидалъ большихъ успѣховъ отъ этихъ сухопутныхъ отрядовъ. „По всему можно видѣть, что нынѣшній походъ будетъ оживленнымъ и славнымъ, и что наконецъ будетъ миръ“, писалъ онъ къ Стедингку 9-го мая [2]). Но происшествія на сухомъ пути не оправдали его ожиданій, и самыя рѣшительныя событія должны были послѣдовать не на сушѣ, а на морѣ; небольшія средства, которыми располагали Стедингкъ и Армфельдъ, не давали имъ возможности дѣйствовать такъ успѣшно, какъ ожидалъ король. Густавъ старался дѣйствовать всегда соединенными силами и сообразовать движенія галернаго флота съ дѣйствіями корабельнаго флота, движенія сухопутнаго войска съ маневрами флотовъ и соединять дѣйствія различныхъ частей шведскаго войска, находящихся въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи; но подобные проекты никогда не исполняются. Разчеты короля оказывались ошибочными. То буря, то непослушаніе въ войскѣ, то неожиданныя передвиженія Русскихъ уничтожали его предположенія, и слѣдствіемъ этого были неудачи. Въ главныхъ чертахъ планъ Густава въ походѣ 1790 года состоялъ въ томъ, чтобы, идя вдоль берега Финляндіи, соединиться наконецъ съ отрядомъ Стедингка при Выборгѣ [3]), и былъ довольно сходенъ съ планомъ предыдущихъ

ворятъ о 30 убитыхъ и 100 раненыхъ Шведахъ, прибавляя, что на мѣстѣ найдено убитыми 46 человѣкъ Русскихъ, и замѣчая притомъ, что число убитыхъ лошадей и брошеныхъ ружей заставляетъ думать о гораздо болѣе значительной потерѣ Русскихъ. *Schantz*, II, 44.

[1]) См. *Horft*, 290. Въ русскомъ донесеніи сказано о потерѣ Шведовъ: 750 человѣкъ убитыми и ранеными, между тѣмъ какъ потери Русскихъ показаны: 60 человѣкъ ранеными и убитыми; см. *С.-Пет. Вѣд.*, прибавл. къ № 45. Шведы говорятъ о 330 убитыхъ и раненыхъ Шведахъ; см. *Шанца*, II, 73.

[2]) Mém. de Sted., I, 261.

[3]) Mém. de Sted., I, 263.

походовъ; но на дѣлѣ выходило иначе, и вмѣсто общаго, одновременнаго и систематическаго дѣйствія всѣхъ частей шведскаго флота и войска, мы видимъ только рядъ отдѣльныхъ и какъ-бы случайныхъ стычекъ и сраженій различныхъ частей шведскаго войска и флота, пока наконецъ не послѣдовала катастрофа при Березовыхъ островахъ.

Въ началѣ мая мѣсяца, Густавъ надѣялся смѣлостью достигнуть своей цѣли и хотѣлъ, не теряя времени, идти впередъ. Первою цѣлью его былъ Фридрихсгамъ. Въ самомъ дѣлѣ, Густавъ имѣлъ нѣкоторое основаніе надѣяться на дѣйствія своего галернаго флота. Во то время, какъ весь шведскій галерный флотъ, въ началѣ мая, находился ужь у берега Финляндіи, бо́льшая часть русскаго галернаго флота стояла еще въ Кронштадтѣ и Петербургѣ. Дѣйствительно, тогда въ узкихъ проходахъ между шхерами, въ бухтахъ и проливахъ было еще много льда. Зима на 1790 годъ была тепла, но весною морозы долго не прекращались. Приближаясь съ моря къ Фридрихсгаму съ сильною галерною эскадрой и не встрѣтивъ тамъ противодѣйствія со стороны русскаго галернаго флота, король легко могъ подступить къ этому городу. Уже $\frac{28\text{-го апрѣля}}{9\text{-го мая}}$ онъ писалъ къ Стедингу: „Принцъ Нассау убѣдилъ императрицу, что онъ разобьетъ насъ совершенно на морѣ, и поэтому русское правительство не обращало ни на что̀ другое вниманія. Между тѣмъ у принца Нассау будетъ всего не болѣе 120 или 150 судовъ даже тогда, когда всѣ суда, построенныя въ Выборгѣ, Петербургѣ, Кронштадтѣ и Ревелѣ, будутъ готовы и собраны вмѣстѣ; я же, собравъ весь свой галерный флотъ, буду имѣть не менѣе 310 судовъ. Здѣсь уже собралось 90. Стокгольмская эскадра находится теперь уже между Гангэ и Гельсингфорсомъ; эскадры изъ Готенбурга и Стральзунда уже давно отправились въ путь и приближаются сюда. Братъ мой 30-го апрѣля вышелъ въ море съ корабельнымъ флотомъ. Съ такими средствами я надѣюсь устоять противъ моей гордой непріятельницы“ [1]).

Въ тотъ самый день, какъ писано это письмо, король принялъ начальство надъ галернымъ флотомъ. При отплытіи изъ Борго нужно было проломить ледъ, чтобы проложить путь въ море. $^{4}/_{15}$ мая король неожиданно явился со своими галерами близъ Фридрихсгамской крѣпости. Тамъ находилась незначительная часть русскаго галернаго флота подъ начальствомъ капитана Слизова. Вооруженіе этой небольшой

[1]) Mém. de Sted., I, 261.

эскадры не было еще кончено. Многія изъ канонерскихъ лодокъ были безъ зарядовъ и пушекъ. Вся эскадра состояла изъ 60 судовъ, большею частью мелкихъ. На сторонѣ Шведовъ было значительное превосходство силъ. Вслѣдствіе того вскорѣ послѣ начала сраженія, послѣдовавшаго близъ самой Фридрихсгамской крѣпости, русская эскадра, истощивъ свои заряды, начала спускаться подъ крѣпость. При этомъ случаѣ Шведы частью взяли, частью истребили 26 русскихъ судовъ, а плѣнныхъ взяли 143 человѣка [1]).

Чрезъ Русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, король узналъ, что въ Фридрихсгамѣ находился лишь незначительный гарнизонъ. Желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, Густавъ отправилъ къ коменданту Фридрихсгама, генералу Левашеву, своего адъютанта Моріана съ требованіемъ сдачи города, а самъ между тѣмъ приготовился къ высадкѣ войскъ своихъ на берегъ [2]). Такъ какъ городъ не сдался, то Густавъ бомбардировалъ его въ продолженіи трехъ часовъ. Нѣкоторыя изъ русскихъ судовъ были взорваны на воздухъ. Верфи на полуостровѣ Вильнесѣ сильно пострадали. Затѣмъ была сдѣлана попытка высадиться на берегъ. Шведы, сдѣлавшіе высадку при Сумма, Броби и въ другихъ мѣстахъ, должны были однако опять сѣсть на галеры, вслѣдствіе приближенія отряда русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Нумсена, и затѣмъ шведскія галеры пошли вдоль берега Финляндіи по направленію къ востоку, чтобы соединиться съ корабельнымъ флотомъ; Шведы предполагали сдѣлать высадку уже недалеко отъ С.-Петербурга [3]).

---

[1]) *Posselt*, 441: «Die Russen verloren 38 bewaffnete Fahrzeuge und 200 Gefangene». Д'Аквила говоритъ о взятіи Шведами нѣсколькихъ «gros vaisseaux» и «grands bâtiments», II, 289. У *Горфлта*, 295, сказано, что Шведы взяли обратно отнятый Русскими въ Свенскзундской битвѣ фрегатъ «Sellan Wärre». См. объ этомъ дѣлѣ у *Колотова*, IV, 36, и въ *С.-Пет. Вѣд.*, прибавл. къ № 45. Храповицкій писалъ 6-го мая: «Мая 3-го, самъ король, разбивъ Слизова, требуетъ сдачи Фридрихсгама».

[2]) Говорятъ, что Левашевъ отвѣчалъ: «Русскіе не сдаются». См. біографію его у *Бантышъ-Каменскаго*, II, 265. — У *Лефорта*, IV, 260, сказано, что Моріанъ скоро возвратился и донесъ королю, что къ Фридрихсгаму подступилъ значительный отрядъ русскихъ войскъ, подъ командою генералъ-маіоровъ Буксгевдена и Раутенфельда. У *Шанца*, II, 60, сказано, что Левашевъ просилъ времени подумать и отвѣта затѣмъ вообще не послѣдовало, вслѣдствіе чего король полагалъ, что къ Фридрихсгаму подступило подкрѣпленіе. У *Поссельта*, 442, говорится объ отрицательномъ отвѣтѣ, въ *С.-Петерб. Вѣд.* также.

[3]) Зап. Храп. 6-го мая: «Послѣ обѣда извѣстіе, что король снялъ десантъ, но суда его стоятъ на рейдѣ далѣе пушечнаго съ крѣпости выстрѣла. Салты-

При этомъ случаѣ оказалось, что различныя части шведскаго войска дѣйствовали безсвязно. Если бы нападеніе на Фридрихсгамъ было сдѣлано и съ моря, и съ суши, то вѣроятно, городъ долженъ былъ бы сдаться; но въ то время какъ Густавъ успѣлъ уже нанести нѣкоторый вредъ русскимъ верфямъ, истребивъ значительное количество аммуниціи, шведскій генералъ Мейерфельдъ съ сильнымъ отрядомъ сухопутныхъ войскъ находился еще въ шведской Финляндіи и только мѣсяцемъ позже явился на томъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе въ началѣ мая могло бы дать важный оборотъ всему ходу дѣлъ. При разрозненности шведскаго войска, при громадномъ протяженіи операціонной линіи, при одновременныхъ стычкахъ въ Саволаксѣ, на рѣкѣ Кюмени и при Фридрихсгамѣ, конечно, нельзя было ожидать рѣшительныхъ успѣховъ. Поэтому послѣ этихъ дѣлъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и въ началѣ мая для Шведовъ главною задачею было: соединить войска и флотъ близъ русскаго берега, между Выборгомъ и Петербургомъ, и оттуда уже дѣйствовать противъ самой столицы. То, что̀ Густавъ не считалъ удобнымъ предпринять въ 1788 году, то, чего опасался, какъ мы видѣли, графъ Сиверсъ — обходъ крѣпостей и прямое движеніе къ Петербургу, — сдѣлалось теперь главнымъ намѣреніемъ Густава. Не взявъ ни Фридрихсгама, ни Выборга, ни Нишлота, ни Вильманстранда, онъ хотѣлъ атаковать столицу. Послѣ трехъ походовъ, въ продолженіе которыхъ онъ не разъ могъ рѣшиться на такое отважное предпріятіе, онъ наконецъ надѣялся этимъ смѣлымъ поступкомъ достигнуть мира съ Россіей. Приближаясь къ Выборгу, онъ писалъ къ Стедингку $^{17}/_{28}$ мая:

„Послѣ моей побѣды 15-го мая я проникъ сюда, и большой флотъ находится въ недалекомъ отъ меня разстояніи. Я сжегъ магазины Русскихъ на берегу и уничтожилъ 15 тридцати-шести-фунтовыхъ пушекъ, которыя везли изъ Выборга въ Фридрихсгамъ. Мы знаемъ, что непріятель сосредоточиваетъ свои войска близъ Выборга. Я желаю, чтобы вы произвели нападеніе со стороны Нишлота и приблизились бы къ Кексгольму или къ Выборгу. Я утверждаю, что теперь главнымъ образомъ нужно дѣйствовать не столько осторожно, сколько смѣло. Оставьте Пумала и идите впередъ; взгляните на карту и сообразите, гдѣ я нахожусь; поймите, что̀ я намѣренъ сдѣлать, и подумайте, каково будетъ затруднительное положеніе непріятеля. Однимъ словомъ, будьте

копъ въ Выборгѣ. Нассау не ѣдетъ безъ канонерскихъ лодокъ». — Castéra: «Les défaites ne découragaient point Gustave. Il s'embarqua sur sa flotte à rames, et alla chercher le prince de Nassau à qui il enleva trente bâtiments». — У Д'Ивила также встрѣчается ошибочное показаніе. Нассау самъ былъ разбитъ королемъ при Фридрихсгамѣ.

генераломъ Карла XII. Бываютъ случаи, въ которыхъ смѣлость есть истинное благоразуміе“ [1]).

Эти соображенія и надежды короля оказались однако лишенными основанія. Онъ не придавалъ достаточнаго значенія морскимъ силамъ Россіи. Хотя въ 1790 году и корабельный, и галерный флоты русскіе нѣсколько запоздали въ своихъ приготовленіяхъ къ походу, тѣмъ не менѣе и въ эту кампанію они оказались вполнѣ равносильными шведскимъ морскимъ силамъ. И въ походѣ 1790 года, равно какъ въ предыдущихъ, замѣчательнѣйшія событія происходили на морѣ.

Въ Петербургѣ не совсѣмъ надѣялись на силу русскаго флота и опасались успѣховъ шведскаго. Разказываютъ, что весною 1790 года, когда въ Петербургѣ узнали о сильныхъ приготовленіяхъ Швеціи къ войнѣ, и въ особенности объ усиленіи шведскаго флота, Петербургскій дворъ былъ въ нѣкоторомъ безпокойствѣ. Разсуждали объ опасности, грозившей Чичагову, который долженъ былъ сражаться со Шведами, и Екатерина спросила его мнѣнія. „Богъ милостивъ: не проглотятъ!“ отвѣчалъ онъ [2]).

19/30 апрѣля Карлъ Сюдерманландскій съ корабельнымъ флотомъ оставилъ Карлскрону. Въ Петербургѣ узнали о приближеніи его къ Ревелю, гдѣ находился Чичаговъ, и сильно безпокоились. 3-го мая Храповицкій пишетъ: „Шведскій корабельный флотъ въ 26 парусахъ подходитъ къ Чичагову, на Ревельскомъ рейдѣ стоящему съ 10-ю кораблями. Великое безпокойство. Почти ночь не спали. Графъ Безбородко плакалъ“. На другой день было однако уже получено радостное извѣстіе о Ревельской битвѣ. Русскіе сражались успѣшно.

---

[1]) Mém. de Sted., I, 264.

[2]) Записки Державина, 306. Послѣ похода Екатерина просила Державина сочинить надпись къ бюсту Чичагову, поставленному въ Эрмитажѣ, съ условіемъ, чтобъ она была кратка, и чтобы въ ней непремѣнно были помѣщены слова Чичагова. Державинъ на другой день, «истощя всѣ силы свои и въ поэзіи искусство», принесъ сорокъ надписей, но ни одна изъ нихъ не была принята. Екатерина рѣшилась написать на бюстѣ:

Съ тройною силою шли Шведы на него;
Узнавъ, онъ рекъ: «Богъ — защитникъ мой,
«Не проглотятъ они насъ!»
Отразивъ, плѣнилъ и побѣды получилъ.

Эта же надпись вырѣзана и на надгробномъ памятникѣ Чичагова въ Невскомъ монастырѣ. См. Зап. Державина, 306; *Вейдемейеръ*, I, 83—85. Бантышъ-Каменскій относитъ слова Чичагова къ самому дню сраженія при Ревелѣ.

Дѣйствительно, было основаніе опасаться за судьбу русскаго флота, потому что эскадра Чичагова, находившаяся въ Ревелѣ, была весьма незначительна. Она состояла лишь изъ 10 линейныхъ кораблей и одного фрегата, между тѣмъ какъ шведскій флотъ, приближавшійся къ Ревелю, состоялъ изъ 22 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 брандеровъ. За то Русскіе сражались подъ защитою береговыхъ батарей, которыя сильно содѣйствовали къ счастливому для Русскихъ исходу битвы. Шведы еще зимою составили планъ нападенія на русскую эскадру, находившуюся въ Ревелѣ. Для этой цѣли они старались собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи этой эскадры и о самомъ Ревелѣ. Шведскій посланникъ въ Копенгагенѣ, баронъ Спренгтпортенъ, въ концѣ апрѣля мѣсяца, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ составилъ записку по этому предмету. Изъ этого любопытнаго документа видно, что Шведы узнали кое-что чрезъ одного англійскаго шкипера, бывшаго въ Ревелѣ и пріѣхавшаго въ Копенгагенъ. Утверждали, что русскіе корабли нуждались отчасти въ экипажахъ, и что часть матросовъ и солдатъ на нихъ состояла изъ новобранцевъ; что запасы, необходимые для содержанія Ревельскаго флота, доставляются изъ Риги, такъ что эскадра не нуждается въ подвозѣ ихъ изъ Кронштадта; наконецъ, что на островахъ близъ Ревеля находятся кое-какія укрѣпленія, и т. д. [1]) Положеніе Карла Сюдерманландскаго въ отношеніи къ русскому флоту было теперь довольно сходно съ тѣмъ, въ которомъ онъ находился въ 1789 г. Тогда онъ желалъ препятствовать соединенію эскадры Чичагова съ эскадрою Козлянинова. Теперь онъ старался препятствовать соединенію эскадры Чичагова съ эскадрою Крузе, находившеюся еще на Кронштадтскомъ рейдѣ. Тогда битва при Оландѣ не имѣла результата, желаемаго шведскимъ адмираломъ. И теперь битвы при Ревелѣ и Кронштадтѣ не послужили препятствіемъ къ соединенію двухъ русскихъ эскадръ. Разбить Чичагова и Крузе отдѣльно было скорѣе возможно для всего шведскаго флота; справиться же съ соединенными эскадрами было ему гораздо труднѣе. Поэтому герцогъ Карлъ довольно справедливо разчитывалъ на то, что неожиданнымъ быстрымъ нападеніемъ на Чичагова можно рѣшить часть важной задачи, заключавшейся въ очищеніи пути королю къ Петербургу. Однако онъ сражался съ Чичаговымъ отдѣльно, затѣмъ съ Крузе отдѣльно, и оба раза безуспѣшно.

Быстро приближаясь къ Ревелю, герцогъ Сюдерманландскій не

[1]) *Schantz*, II, 193 — 198.

зналъ однако о всѣхъ сооруженныхъ на берегу батареяхъ, которыя во время сраженія причинили немало вреда шведскому флоту. Напротивъ того Чичаговъ отъ экипажа нейтральнаго корабля, прибывшаго въ Ревель, узналъ о приближеніи шведскаго флота и могъ принять всѣ надлежащія мѣры для встрѣчи съ непріятелемъ. 2-го мая въ 7 часовъ утра Чичаговъ пригласилъ къ себѣ флагмановъ и капитановъ. Непріятельскій флотъ былъ уже въ виду Ревеля. Чичаговъ произнесъ краткую рѣчь, убѣждая всѣхъ умереть или прославить себя и отечество. Вскорѣ послѣ того началась битва. Русскіе корабли стояли полукругомъ. Чичаговъ дѣйствовалъ съ особеннымъ хладнокровіемъ. Кромѣ того непредвидѣнный случай благопріятствовалъ Чичагову: когда непріятельскіе корабли начали строиться противъ русской линіи, вѣтеръ вдругъ подулъ сильнѣе, наклонялъ шведскіе корабли на тотъ бокъ, которымъ они дѣйствовали противъ русскаго флота; вслѣдствіе этого шведскія ядра падали въ воду, вмѣсто того, чтобы попадать въ русскіе корабли, или пролетали выше русскихъ корабельныхъ палубъ. Шведскій флотъ вскорѣ удалился. Шведскій корабль *Принцъ Карлъ*, мачты котораго были сбиты, сдался Русскимъ, другой корабль сѣлъ на мель, и такъ какъ Шведы не могли освободить его, то рѣшились сжечь, чтобы не оставить въ добычу Русскимъ. Третьему кораблю, сѣвшему на мель, удалось освободиться и уйдти. Чичаговъ, принимая плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ, сказалъ имъ: „Оставьте сабли при себѣ, какъ доказательство вашей храбрости“. И въ этомъ сраженіи, какъ и въ Гогландскомъ, адмиральскіе корабли сражались между собою; шведскій корабль сильно пострадалъ и былъ принужденъ къ отступленію. На кораблѣ *Принцъ Карлъ* было 64 пушки и экипажъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ, изъ которыхъ 65 были убиты и 11 ранены. Кромѣ того на этомъ кораблѣ было много запасовъ [1]). Число убитыхъ и раненыхъ было не слишкомъ значительно [2])

Мы видѣли, какъ въ Петербургѣ безпокоились въ ожиданіи сраженія. Теперь же Храповицкій писалъ 4-го мая, говоря о Ревельской битвѣ: „Получено радостное извѣстіе: . . . непріятель разбитъ и прог-

---

[1]) О третьемъ кораблѣ, сѣвшемъ на мель, Д'Аквила говоритъ, что онъ могъ спастись лишь тѣмъ, что бросилъ въ море всѣ свои пушки. Далѣе онъ замѣчаетъ: «Les Suédois assurèrent que ce furent les batteries du rivage qui sauvèrent l'escadre russe; mais de plus il fallait dire que l'amiral avait mal dirigé cette attaque en faisant trop approcher des côtes, qu'il n'avait pas supposé aussi bien défendues»; II, 288.

[2]) *Castéra*, II, 161.

панъ". 5-го мая: „Поздравилъ съ побѣдою: сказывали о хлопотахъ, посылали войска въ Кронштадтъ и повелѣніе о скорѣйшемъ отправленіи флота корабельнаго. Отъ алтераціи осталось красное пятно на щекѣ" [1]). Дѣйствительно, теперь должно было ожидать дѣла и съ другою эскадрою близъ Кронштадта. Никогда еще, съ самаго начала войны, непріятель не находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы. Теперь нужно было спѣшить отправленіемъ эскадры Крузе и заботиться о соединеніи ея съ эскадрою Чичагова. Далѣе нужно было отправить галерный флотъ противъ короля, находившагося уже близъ Выборга. Въ продолженіе мая и іюня мѣсяцевъ замѣтна тревога въ Петербургѣ.

Карлъ Сюдерманландскій, простоявъ нѣкоторое время близъ острова Наргена для починки пострадавшихъ въ Ревельской битвѣ кораблей, сталъ приближаться къ Кронштадту. 8-го мая Храповицкій пишетъ: „Кронштадтскій флотъ въ 17 корабляхъ пошелъ на рейдъ. Крузе съ ними пойдетъ дней чрезъ шесть для подкрѣпленія Чичагова, и на пути можетъ подраться со Шведами, тамъ еще стоящими". 13-го мая: „Шведскій корабельный флотъ у Кошкара [2]). Крузе намѣренъ выходить". Въ этотъ день Екатерина сказала Храповицкому: „Nous sommes à la veille d'un combat naval". Крузе готовился къ отъѣзду уже 14-го мая, но противный вѣтеръ задержалъ его. Только 20-го мая онъ удалился отъ Кронштадта къ западу. Екатерина слѣдила за всѣми движеніями непріятеля [3]). Она была недовольна замедленіемъ въ отплытіи Крузе [4]). Наконецъ онъ отправился. Каждую минуту можно было ожидать столкновенія. 22-го мая Храповицкій пишетъ: „Полу-

[1]) 7-го мая: «Обстоятельное донесеніе отъ Чичагова: Шведы ожглись и *тринадцати* (а не тридцати, какъ напечатано въ запискахъ; см. въ *Русск. Арх.* 1867 года, стр. 945, поправку г. Полѣнова по изданію Свиньина въ *Отеч. Зап.*) кораблямъ въ атакѣ данъ былъ сигналъ къ ретирадѣ, которые потому и въ дѣлѣ не были». Чичаговъ получилъ за это сраженіе Андреевскую ленту. Безбородко замѣтилъ императрицѣ при этомъ: «Не лучше ли послать ему двѣ ленты; герой нашъ бѣденъ; когда износитъ одну ленту, то ему не на что̀ купить другую». Екатерина подарила ему 1388 душъ въ Могилевской губерніи; *Вейдемейеръ*, I, 83—85. Въ запискахъ Энгельгардта, стр. 107, ошибочно сказано, что самъ король находился на шведскомъ флотѣ въ Ревельской битвѣ.

[2]) Вѣроятно, Kokskär, маякъ близъ Ревеля.

[3]) Зап. Храп. 16-го мая: «Шведскій корабельный флотъ подвинулся къ Свеаборгу, но ту же позицію держитъ, и соединенію Крузе съ Чичаговымъ препятствовать можетъ. Гребной ихъ флотъ занялъ Питкепасъ, между Фридрихсгама и Выборга».

[4]) Зап. Храп. 20-го мая.

чено извѣстіе, что въ 80 верстахъ отъ Кронштадта Крузе увидѣлъ уже шведскій флотъ". 23-го мая: „Ужасная канонада слышна съ зари почти во весь день въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ". Дѣйствительно, въ этотъ и слѣдующій дни происходило сраженіе двухъ флотовъ между островомъ Сескаромъ и Кронштадтомъ.

Король Густавъ желалъ соединить операціи гребнаго флота съ движеніями корабельнаго флота. Оставляя Фридрихсгамъ за собою и приближаясь вдоль финляндскаго берега къ Выборгу, онъ уже зналъ о прибытіи въ Финскій заливъ герцога Сюдерманландскаго. $^{14}/_{28}$ мая гребной флотъ находился при Питкепасѣ, гдѣ получено извѣстіе, что корабельный флотъ уже прошелъ мимо Гогланда [1]). $\frac{\text{22-го мая}}{\text{2-го іюня}}$ король писалъ къ Стединку: „Шведскій корабельный флотъ находится на моемъ правомъ флангѣ. Русскій флотъ, въ числѣ только 17 линейныхъ кораблей и 2 фрегатовъ, казалось, хотѣлъ преслѣдовать меня. Галерный флотъ принца Нассау нигдѣ не видѣнъ, и мы не знаемъ, скрылся ли онъ въ Выборгъ, въ Кронштадтъ или въ Петербургъ" [2]). Эскадра Крузе дѣйствительно состояла изъ 17 линейныхъ кораблей; что же касается до Нассау, то онъ находился еще близъ Кронштадта. 23-го мая узнали, что Густавъ съ галернымъ флотомъ остановился при Березовыхъ островахъ [3]), и только чрезъ три недѣли послѣ того Нассау отправился къ этому же мѣсту [4]). Въ сраженіяхъ при Кронштадтѣ онъ вовсе не участвовалъ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя суда шведскаго галернаго флота поддерживали дѣйствія Карла Сюдерманландскаго въ битвахъ 23, 24 и 25-го мая.

Адмиралъ Крузе уже съ давнихъ поръ былъ извѣстенъ и славился храбростью и знаніемъ дѣла. Въ 1770 году онъ командовалъ кораблемъ, на которомъ находился адмиралъ Спиридовъ, и когда корабль этотъ загорѣлся, то Крузе, ухватись за обломокъ, бросился въ море и тѣмъ спасъ свою жизнь. Его неустрашимость была оригинальна. Онъ пилъ чай, когда ядра летали вокругъ него, но не могъ слышать грома небеснаго безъ содроганія и обыкновенно при этомъ блѣднѣлъ [5]). Онъ долженъ былъ вступить въ бой со Шведами, которые превосходили его силами. Карлъ Сюдерманландскій, какъ видно, спѣшилъ сразиться

---

[1]) Потому король писалъ Стединку: $^{17}/_{29}$ мая: «La grande flotte suédoise est sur mon aile droite entre Cronstadt et Hogland». Mem. de Sted. I, 264.

[2]) Mém. de Sted., I, 266.

[3]) Зап. Хран. 23-го мая.

[4]) См. Зап. Хран. 7, 12, 13, 14, 15, 18, 22-го іюня.

[5]) *Вейдемейеръ*, II, 85.

съ Крузе прежде, чѣмъ послѣдуетъ его соединеніе съ Чичаговымъ. Каждый день можно было ожидать прибытія Чичагова; поэтому Шведы желали битвы. Напротивъ того Крузе, не располагавшій значительными средствами, опасался удаляться отъ Кронштадта. Только 22-го мая русская эскадра увидѣла шведскій флотъ; 23-го, утромъ рано, они вступили въ битву. Въ русскомъ донесеніи сказано, что Русскіе атаковали [1]); въ шведскомъ, что Шведы первые начали бой. Въ шведскомъ донесеніи сказано, что первая встрѣча кончилась отступленіемъ Русскихъ, въ русскомъ же говорится объ отступленіи Шведовъ. Въ этотъ день сраженіе возобновлялось дважды: отъ 5 часовъ утра до 8 и отъ 12 до 3. Сражающіеся не подходили очень близко другъ къ другу. Въ русскомъ донесеніи сказано, что во второмъ сраженіи Шведы стрѣляли на такомъ разстояніи, что ядра ихъ вовсе не достигали русскаго флота [2]). У Шведовъ же говорится, что Карлъ Сюдерманландскій, желая возобновить сраженіе 23-го мая въ 2 часа, тщетно старался принудить Русскихъ къ битвѣ, и что Крузе старался избѣгнуть ея, такъ что битвы настоящей не было, а была только канонада [3]). Повторлемъ, что если Крузе дѣйствительно уклонялся отъ сраженія, то это было довольно разумно. Съ другой стороны, конечно, онъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи [4]). Непріятель

---

[1]) Подробное донесеніе объ этомъ сраженіи помѣщено въ *Морскомъ Сборникѣ* 1857 г., т. XXXI, смѣсь, 40—49. Источниками при составленіи помѣщенной тамъ статьи А. Соколова служили архивные матеріалы изъ морскаго министерства, бумаги Чернышева, письма Крузе къ Чернышеву и т. д. Донесенія Крузе не сходны съ официальными данными Шведовъ, изъ которыхъ, очевидно, заимствовали свой разказъ Горетъ, Поссельтъ и Шанцъ.

[2]) *С.-Петерб. Вѣд.*, прибавл. къ № 45.

[3]) *Horft*, 307.

[4]) Въ статьѣ Соколова: «Въ исходѣ 3-го часа утра ... адмиралъ поднялъ сигналъ: *атаковать непріятеля на ружейный выстрѣлъ*.... Въ началѣ 5-го часа началась перестрѣлка ... Въ 7-мъ часу Шведы стали удаляться, въ 8-мъ прекратили битву, и за тихостію уже противнаго (SW) вѣтра, наши суда не могли гнаться за непріятелемъ ... Въ 11 часовъ шведскій флотъ сталъ было спускаться, и мы приготовились принять его... Въ началѣ 2 го часа произошла перестрѣлка, и вскорѣ завязалось общее дѣло. Въ 3-мъ часу Шведы стали удаляться. Вице-президенту адмиралтействъ-коллегіи графу Чернышеву Крузе писалъ: «Теперь имѣю честь донести, что 23-го сего мѣсяца, я имѣлъ сраженіе съ 3½ часовъ пополуночи до 7½, и что непріятель принужденъ былъ ретироваться. Потомъ при случившейся перемѣнѣ вѣтра, построившись въ линію, непріятель велъ на меня въ весьма дальнемъ разстояніи атаку, которая продолжалась до 12-го часа вечера. Въ бывшемъ сраженіи г. вице-адмиралъ Сухотинъ лишился ноги, но

находился такъ близко къ столицѣ, что тамъ легко можно было опасаться занятія ея, если бы флотъ не удерживалъ Шведовъ. Впрочемъ, то, что̀ разказывается въ шведскихъ сочиненіяхъ объ опасномъ положеніи Петербурга и ужасномъ будто бы волненіи при дворѣ Екатерины, сильно преувеличено [1]).

слава Богу, по сдѣланіи операціи живъ остался. Непріятель еще у меня въ виду, и при перемѣнѣ вѣтра уповаю паки его атаковать». 24-го мая въ 5 часу пополудни, непріятель спустился на насъ и началъ бой, чрезъ полтора часа мы прекратили пальбу, ибо Шведы отдалились». *Морск. Сб.*, XXXI, 43.

[1]) *Horft*, 304: «Die Verlegenheit, worin man sich daher während dieser Schlacht der Völkerdemüthigung oder Erhöhung in beiden Städten befand, war unbeschreiblich. Die Kaiserin selbst, welche noch nie das Gebrüll der feindlichen Mordschlünde so nahe gehört hatte, schrieb unterm 5 Juni an den Gouverneur von Riga, Grafen Browne, dass die Flotten aneinander seien, dass man die Kanonade höre, und er sein Gebet mit dem ihrigen vereinigen möge, um von Gott den Sieg zu erflehen. Und diese Verlegenheit war in der That nicht übertrieben, denn, siegte der Herzog auf eine entscheidende Art, so war Kronstadt, bei weitem der wichtigste Haven im ganzen russischen Reiche, und die russische Seemacht ihrem Untergange ausgesetzt, Katharina II musste Petersburg verlassen, und Gustav konnte dann wohl vor den Thoren dieser Stadt vom Frieden unterhandeln». *Иоссельт*, 446, даже говоритъ: «Seit dem berühmten Unfalle Peters des Grossen am Pruth war Russlands Macht nie so dringend in Gefahr gewesen, wie jetzt hier. Gevann Karl von Südermannland die Schlacht entschieden, so war die russische Seemacht zertrümmert, so musste Katharina II sich nach Moskau retten, und der König von Schweden zog in Petersburg ein, um, wie er bei seiner Abreise zum ersten Feldzuge gesagt hatte: «auf dem Fussgestell der Bildsäule Peters des Grossen den Namen Gustaf zu verewigen». — У д'Аквилы, II, 293—294, разказывается подробно объ ужасной тревогѣ, случившейся въ Петербургѣ, когда узнали о появленіи Густава въ 50 верстахъ отъ столицы: «Cet événement inattendu répandit la plus vive alarme dans la ville impériale, et la nouvelle en parvint bientôt à Tzarskowsélo, château de plaisance où était alors Catherine II. Sur le champ elle donna des ordres pour faire enlever des palais de Saint-Petersbourg ce qu'il pouvait y avoir de plus précieux. Les personnes de la cour en firent autant, et la crainte publique en augmenta; enfin on envoya sur toutes les routes et jusqu'à Moscow même pour faire assurer d'avance la grande quantité de chevaux necessaires dans chacune des postes en cas qu'il fallut partir, et y faire passe d'aussi énormes bagages, car on croyait voir sous peu arriver Gustave. Ce qui ce même jour augmenta le trouble et la désolation à Saint-Pétersbourg, ce fut un accident terrible qui y arriva; le feu ayant pris à une laboratoire d'artillerie, qui renfermait une quantité de poudre, ce vaste bâtiment sauta avec un fracas épouvantable et ensevelit sous ses ruines un grand nombre d'ouvriers et d'autres employés». Къ сожалѣнію, записки Храповицкаго становятся въ это время краткими и отрывочными, а графа Сегюра въ это время уже не было въ Петербургѣ. Вслѣдствіе того мы весьма мало знаемъ о впечатлѣніи, произведенномъ сраженіемъ 22-го мая на Екатерину, дворъ и жителей столицы.

Въ сраженіи 23-го мая участвовалъ и Густавъ, съ нѣкоторыми судами гребнаго флота. Услышавъ пушечные выстрѣлы, онъ велѣлъ своимъ гребнымъ судамъ приблизиться къ мѣсту сраженія [1]) и напасть на русскій флотъ съ правой стороны. Атака была произведена довольно удачно: у одного русскаго фрегата была сбита мачта, а у одного линейнаго корабля поврежденъ такелажъ, такъ что оба должны были выйдти изъ боевой линіи. Впрочемъ вскорѣ послѣ прибытія галерныхъ судовъ на мѣсто сраженія вѣтеръ усилился, и шведскія мелкія суда, не будучи въ состояніи оставаться долѣе въ открытомъ морѣ, должны были возвратиться къ берегу и занять прежнюю свою позицію близъ Березовыхъ острововъ [2]).

Что касается до второй битвы 23-го мая, то изъ разказа лейтенанта Притля Стодарта, отправленнаго въ Петербургъ во время сраженія, видно, что атаковали Шведы, а не Русскіе [3]). Также положительно извѣстно, что и 24-го мая битву начали не Русскіе, а Шведы. Заслуживаетъ вниманіе слѣдующее письмо адмирала Крузе къ графу Чернышеву отъ 29-го мая объ этомъ послѣднемъ дѣлѣ:

„Вашему сіятельству извѣстно уже, какимъ образомъ 23-го числа я атаковалъ непріятеля и онымъ атакованъ былъ, и что въ оба сіи сраженія, непріятельскій флотъ принужденъ былъ къ ретирадѣ. На другой день, то-есть, 24-го мая, рѣшился герцогъ послѣдній и искусный ударъ порученной мнѣ эскадрѣ нанести. Итакъ, съ 5-го часа пополудни, спустившись стремглавъ и весьма близко, учинилъ пресильную пальбу; но видя неустрашимость россійскаго морскаго воинства, покусился употребить военную хитрость; раздѣливъ свой флотъ на двѣ части, думалъ, можетъ-быть, герцогъ, что я моей эскадрѣ прикажу стремиться на одну часть, а его высочество между тѣмъ, обошедъ кругомъ, поставитъ меня между двухъ огней; но вмѣсто того, чтобы въ хитрость вдаться, я продолжалъ въ одинаковомъ положеніи находиться, доколѣ не усмотрѣлъ идущаго непріятеля для обложенія: тогда по сигналу учиненъ былъ по-

---

[1]) Разстояніе отъ Березовыхъ острововъ, Bjork-ö, до мѣста сраженія между Сескаромъ и Кронштадтомъ составляетъ около 25 верстъ.

[2]) *Horft*, 306. Король былъ однако доволенъ своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ, но не придавалъ ему, особеннаго значенія. $\frac{20\text{-го мая}}{9\text{-го іюня}}$ онъ писалъ Стединку, восхваляя значеніе канонерскихъ шлюпокъ: «Je ne connais pas d'arme plus dangereuse. Ici nous avons attaqué avec ces chaloupes des frégates et un vaisseau de ligne, qui ont perdu leur mâts et leurs vergues». Mém de. Sted., I, 269. См. также *Шанца*, I, 79 — 80. По русскимъ же извѣстіямъ, три русскіе фрегата прогнали показавшіяся шведскія канонерскія лодки за островъ Бюрку; см. Зап. Храп. 24-го мая. «Въ 10 часовъ вышли изъ Біэркэ 15 шведскихъ канонерскихъ лодокъ; для прогнанія ихъ посланы гребные фрегаты»; см. *Морск. Сборникъ*, XXXI, 43.

[3]) Записки Храповицкаго 24-го мая.

воротъ, препятствующій оному исполненію намѣреваемаго имъ плана. Непріятель, зря предупрежденіе его видамъ, рѣшился наконецъ окончить бой въ 5 часовъ и отошелъ весьма далеко. Въ первыхъ двухъ сраженіяхъ, а особливо въ случившемся до полудня, заблагоразсудилъ его величество на меня устремить свое вниманіе; но сдѣланная ему изъ 36-фунтовыхъ пушекъ, съ музыкою, салютація принудила его отдалиться, и изъ гнѣва онъ приказалъ тремъ своимъ кораблямъ атаковать мой. Въ послѣднемъ же сраженіи, которые выше сего описать я имѣлъ честь вашему сіятельству, его высочество, чувствуя, конечно, неучтивость ядеръ, сошелъ съ корабля своего, и пересѣвъ на яхту, при немъ бывшую, съ оной сигналы свои давалъ. Странные бываютъ въ жизни случаи! Кто бы подумалъ тому десять лѣтъ назадъ, что я буду принужденъ, по долгу моему къ отечеству, лично сражаться противъ весьма хорошаго мнѣ пріятеля, г. контръ-адмирала Модея? Сіе однако же случилось въ послѣднемъ, 24-го мая, бою. Познакомились мы съ нимъ въ Ельзинорѣ въ 1780 г., когда я шелъ съ эскадрою въ Англійскій каналъ, а онъ въ Сѣверное море, и за противностію вѣтра, прожили вмѣстѣ весьма весело три недѣли. Признаюсь, что для меня весьма прискорбно было бы, чтобы сей храбрый и честный сынъ отечества моими пушками раненъ былъ“ [1]).

Въ Петербургѣ, по полученіи перваго извѣстія объ этой битвѣ, 24-го мая, сильно перепугались, но затѣмъ скоро успокоились. Храповицкій пишетъ 25-го мая: „Въ ночь разбудили; худой курьеръ отъ Нассау, будто Круза разбили; много писанья; бѣготня; успокоились, получа увѣдомленіе, что Крузъ, бывъ атакованъ, съ утра до вечера отстрѣливался. По разчету и извѣстіямъ, Чичаговъ скоро придетъ. Ввечеру сказали: „Я теперь спокойна“.

По шведскимъ извѣстіямъ, 24-го мая Русскіе сражались неохотно и различными маневрами и эволюціями старались избѣжать битвы [2]). Крузе долженъ былъ дѣйствовать крайне осторожно. Онъ зналъ о приближеніи Чичагова и поэтому сначала медленно отступалъ къ Кронштадту. Къ вечеру и герцогъ Карлъ узналъ, что Чичаговъ уже прошелъ мимо острова Гогланда, а потому оставилъ эскадру Крузе и обратился къ востоку. Теперь шведскій корабельный флотъ находился между двумя огнями. Онъ долженъ былъ стараться сохранить значительное разстояніе между двумя эскадрами, чтобъ имѣть дѣло или съ однимъ Чичаговымъ, или съ однимъ Крузе. Послѣдній былъ очень недоволенъ медленнымъ приближеніемъ Чичагова. 25-го мая (вѣроятно, рано утромъ) онъ писалъ къ Чернышеву: „Странно и непостижимо для меня, что господинъ адмиралъ Чичаговъ по сіе время

[1]) *Морской Сборникъ*, XXXI, стр. 47.

[2]) *Schantz*, II, 81. Въ донесеніи Крузе: «Въ 5 часу пополудни непріятель спустился на насъ и началъ бой. Чрезъ полтора часа мы прекратили пальбу, ибо Шведы отдалились». *Морск. Сборн.*, XXXI 47.

не идетъ ко мнѣ на помощь. Вотъ уже четыре (?) дня, что я сражаюсь и благодарю Бога за успѣхи, но войску становится уже весьма тягостно". При этомъ Крузе собственноручно прибавилъ: „Съ сегодняшняго дня непріятель между двухъ флотовъ. Дай Богъ успѣха!" [1]) Видно, что пока это было писано, Чичаговъ подоспѣлъ на помощь Крузе. Три эскадры теперь сразились, или лучше сказать, маневрировали. Чичаговъ, какъ разказываютъ Шведы, въ этотъ день то показывался въ виду Шведовъ, то опять исчезалъ, между тѣмъ какъ Крузе гнался за Шведами съ тою цѣлью, чтобы поставить ихъ между двухъ огней [2]). Въ Петербургѣ узнали объ этомъ положеніи дѣла. У Храповицкаго сказано 26-го мая: „Пріѣхалъ сынъ Круза съ обстоятельнымъ донесеніемъ; вчера въ 10 часовъ утра оставилъ онъ флотъ, преслѣдующій Шведовъ, и думаетъ, что наткнутся на Чичагова; довольно, что и прогнали" [3]). Герцогъ Сюдерманландскій, дѣйствительно, былъ поставленъ въ опасное положеніе. Объ русскія эскадры вмѣстѣ были сильнѣе шведскаго флота. Препятствовать соединенію Чичагова съ Крузе онъ не могъ. Въ ночь на 26-е мая поднялся густой туманъ, такъ что шведскій флотъ не могъ далѣе преслѣдовать эскадру Чичагова. А между тѣмъ герцогъ Карлъ получилъ отъ короля повелѣніе отправиться съ корабельнымъ флотомъ въ Выборгскій заливъ, чтобы принять тамъ участіе въ дѣйствіяхъ галернаго флота. Въ то самое время, когда Карлъ готовился исполнить это повелѣніе, русскія эскадры соединились [4]).

Таковъ былъ исходъ морскихъ битвъ подъ Кронштадтомъ. Русскіе могли быть довольны этимъ исходомъ, похожимъ на результатъ Оландской битвы въ іюлѣ 1789 г. И тогда, какъ теперь, Шведамъ не удалось воспрепятствовать соединенію русскихъ эскадръ, а послѣ соединенія ихъ Русскіе стали сильнѣе Шведовъ, и послѣдніе должны были удалиться.

Потери съ обѣихъ сторонъ въ продолженіе этихъ битвъ не были особенно значительны. У Русскихъ было до 25-го мая 89 человѣкъ убитыхъ и 217 раненыхъ, да кромѣ того, убитыхъ отъ взорвавшихъ пушекъ 5, и раненыхъ 29 [5]).

---

[1]) *Морск. Сборн.*, XXXI, 48.

[2]) *Schantz*, II, 8.

[3]) Записки Храповицкаго.

[4]) *Schantz*, II, 83.

[5]) *Морск. Сборн.*, XXXI, 48. Раненный Сухотинъ получилъ въ награду 6.000 рублей, а адмиралъ Крузе орденъ св. Александра Невскаго.

Екатерина ожидала продолженія битвы. Чичагову было предписано: „атаковать и истреблять шведскій флотъ“ [1]). 29-го мая она была въ Кронштадтѣ, гдѣ осмотрѣла всѣ укрѣпленія и раздавала награды [2]).

Весь шведскій корабельный и галерный флотъ находился теперь съ десантными войсками въ Выборской бухтѣ, за Березовыми островами. Шведы блокировали Выборгъ, близъ котораго впрочемъ находился главнокомандующій русскими сухопутными войсками, Салтыковъ, а русскій корабельный флотъ блокировалъ Шведовъ [3]). Туда же отправился въ іюнѣ мѣсяцѣ и русскій галерный флотъ, чтобъ участвовать въ блокированіи Шведовъ [4]).

Между тѣмъ какъ положеніе Шведовъ въ Выборгскомъ заливѣ становилось все болѣе и болѣе опаснымъ, между тѣмъ какъ въ Стокгольмѣ уже разсуждали, что шведскіе флоты зашли слишкомъ далеко, и что имъ нелегко будетъ вернуться оттуда, въ особенности „если дѣйствія герцога Карла не будутъ удачнѣе Ревельской битвы“ [5]), —

---

[1]) Записки Храповицкаго 28-го мая.

[2]) Зап. Храп. 30-го мая. «Возвратилися къ обѣду въ Царское Село. При входѣ въ комнаты изволили мнѣ сказать, что были въ Петергофѣ и Кронштадтѣ и хотѣли ѣхать во флотъ».

[3]) Зап. Храп. 30-го мая: «Рапортъ Чичагова отъ 28-го мая: нашъ флотъ въ 28 кораблихъ и 18 фрегатахъ на якорѣ между мели Салворы и Коувалы, шведскій на якорѣ же между сѣверной оконечности Нейсара и мели Салворы, то-есть, близъ бухты Выборгской. Наши промѣриваютъ и еще хотятъ подвинуться къ Шведамъ. Ея величество отозваться изволила, что по разговору съ морскими, Шведы могутъ уйдти при сѣверномъ вѣтрѣ, но вреденъ имъ южный: можетъ надвинуть на камни и разбить при бурѣ». 1-го іюня: «Сказывалъ графъ Безбородко, что вчера опять было Нассау накутилъ; пріѣхавъ изъ Выборга, сказалъ, что шведскій флотъ ушелъ, и Чичаговъ за ними погнался. Совсѣмъ не бывало, а конфузіи надѣлалъ». 2-го іюня: «Чичаговъ сдѣлалъ промѣръ, еще подвинулся и всталъ въ 6 верстахъ отъ шведскаго флота; идучи два корабля было сѣли, но скоро стянули; проситъ гребныхъ судовъ, чтобы запереть шкеры между Выборга и Фридрихсгама».

[4]) Зап. Храп. 7-го іюня: «Нассау пойдетъ запирать шведскій гребной флотъ въ Березовыхъ островахъ, ставъ въ десантѣ отъ стороны Кронштадта» (sic). 10-го іюня: «Вчерась, въ 10 часовъ вечера, пошелъ принцъ Нассау». 12-го іюня. «Принцъ Нассау за противнымъ вѣтромъ не вышелъ». 14-го іюня: «Принцъ Нассау остановленъ у Красной Горки противнымъ вѣтромъ». 15-го іюня: «Безпрестанно смотрѣли на вѣтеръ: онъ не попутный принцу Нассау. Примѣтна нетерпѣливость». 18-го іюня: «Принцъ Нассау подошелъ 12 верстъ до Березоваго Зунда. Поѣдетъ совѣтоваться съ Чичаговымъ; скоро должно быть дѣлу».

[5]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 836.

Густавъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и надѣялся, разбивъ Русскихъ на сухомъ пути, открыть себѣ путь къ столицѣ. 27-го мая Густавъ велѣлъ сдѣлать высадку близъ Кайвисто, между Выборгомъ и Петербургомъ. Шведскіе гусары и драгуны, съ нѣкоторымъ количествомъ пѣхотнаго войска, имѣли схватку съ русскими казаками и драгунами Псковскаго полка и обратили ихъ въ бѣгство [1]). Густавъ сообщилъ Стедингу о своей надеждѣ, что Русскіе, атакованные, рѣшатся отступить къ самой столицѣ, и что вслѣдствіе того и дѣйствія Стединга и Армфельда, находившихся близъ Пумала и Вильманстранда, могутъ пойдти успѣшнѣе. При этомъ онъ вторично убѣждалъ Стединга, что теперь нужно идти впередъ „à la manière de Charles XII“ [2]). Русскіе не считали однако свое положеніе до того опаснымъ, чтобы сосредоточивать войска около Петербурга. Изъ записокъ Храповицкаго, по крайней мѣрѣ, не видно особеннаго безпокойства. 27-го мая онъ пишетъ: „Извѣстіе отъ пастора съ Березовыхъ острововъ, что призванъ былъ на галеру къ шведскому королю, и онъ у него спрашивалъ: въ цѣлости ли сосудъ, въ 1777 году данный въ церковь королемъ, и слышны ли были пушки въ Царскомъ Селѣ?“ Екатерина при этомъ случаѣ замѣтила: „Развѣ онъ думаетъ, что я сосуды изъ церквей отбираю? Я больше пятидесяти лѣтъ пустыя пушки слышу“ [3]). Высадки Шведовъ повторялись. 8 іюня Храповицкій

[1]) Густавъ самъ утверждалъ, что это дѣло происходило въ 50 верстахъ отъ Петербурга. Онъ писалъ къ Стедингу изъ Біоркъ-Зунда 9 іюня 1790 г.: «J'ai été remercier aujourd'hui mes housards et mes dragons de s'être bien battus contre les dragons de Pleskow, à 50 verstes de Pétersbourg». Sted, Mém. I, 268. Забавенъ разказъ Поссельта, 458: «Der König.... lies einen starken Trupp Husaren und Dragoner mit einigen Bataillonen Fussvolk, bei Kaivisto, nicht mehr als 5 Meilen von Petersburg landen, um sich, wie er sagte, vorläufig mit der Gegend näher bekannt zu machen. Sie vertrieben hier einige Kosakenschwärme und jagten sie bis an die Thüre der Hauptstadt vor sich her. Selbst in dem Palaste der Kaiserin hörte man den Donner des groben Geschützes, das der König nur 4 Stunden vom Thor hatte aufführen lassen. Auch die übrigen Anordnungen zur See und an den Küsten waren ganz auf den Zweck berechnet die Russen durch eine Hauptniederlage zu bezogen», и пр.

[2]) L'inquiétude terrible, que je donne aux ennemis sur les côtes, les obligera à se retirer vers la capitale et cela facilitera vos opérations, qu'il faut, je crois, pousser à la manière de Charles XII». Sted., Mém., I, 269.

[3]) Въ этотъ же впрочемъ день Храповицкій пишетъ: «Наши флоты соединились, но ничего не послѣдовало; разныя извѣстія приводятъ въ недоумѣніе. Шведскіе десанты на берегахъ противъ Березовыхъ острововъ». 28-го мая: «Графу Салтыкову напасть на десанты, ибо король намѣренъ отрѣзать дорогу между Петербурга и Выборга».

пишетъ: „Графъ Салтыковъ доноситъ, что въ ночь съ 6-го на 7-е число непріятель атаковалъ всѣ наши береговые посты и былъ отбитъ батареями, вышелъ только на островъ Унаръ-Саръ, гдѣ Букгевденомъ разбитъ; взято 4 знамя, и въ плѣнъ два офицера и 40 рядовыхъ; приходило Шведовъ 1.000, нашихъ было 700“ [1]).

Король въ это время то готовился къ нападенію на Транзундъ, то посылалъ десанты на берегъ за Березовымъ островомъ. Корабельный флотъ шведскій оставался неподвижнымъ въ заливѣ. Король писалъ къ Клингшпору: „Русскій флотъ и мой флотъ смотрятъ другъ на друга; сраженія, кажется, не будетъ; никто не хочетъ начать, и оба хорошо дѣлаютъ [2])“. Рѣшительныхъ дѣйствій долго не было. Екатерина сожалѣла объ этомъ. 16-го іюня она сказала: „Боюсь, буде до 10-го іюня не рѣшится дѣло со Шведами, то темныя ночи заставятъ ихъ выступить, и тогда хотя будутъ сраженія, но не рѣшительныя“ [3]). Но именно такое замедленіе могло сдѣлаться крайне опаснымъ для Шведовъ. Для Русскихъ было выгоднѣе довольствоваться преграждепіемъ пути Шведамъ. Для этой цѣли на берегахъ мѣстами были построены батареи [4]); для этой цѣли принцъ Нассау-Зигенъ при-

---

[1]) См. объ этомъ дѣлѣ *С.-Петерб. Вѣд.*, 779, гдѣ въ офиціальномъ донесеніи графа Салтыкова сказано, что Шведы послѣ двухчасоваго боя были принуждены спасаться на флотъ, и далѣе, 254 Шведа было погребено Русскими, а 45 взято въ плѣнъ.

[2]) Mém. d'un off. suédois. Тамъ же сказано, что оба флота считали битвы при Кронштадтѣ своею побѣдой. Авторъ этихъ записокъ упрекаетъ Карла Сюдерманландскаго въ томъ, что онъ истратилъ по напрасну много военныхъ снарядовъ, стрѣляя на слишкомъ далекомъ разстояніи. Всѣ движенія русскаго флота обусловливались движеніями шевдскаго. Русскіе имѣли хорошихъ шпіоновъ.

[3]) Записки Храповицкаго.

[4]) Адмирала Чичагова обвиняли въ томъ, что онъ недостаточно содѣйствовалъ графу Салтыкову въ этомъ дѣлѣ. Салтыковъ требовалъ отъ Чичагова пушекъ съ флота для сооруженія береговыхъ батарей; Чичаговъ же отказалъ, утверждая, что «по дальности разстоянія» нельзя ожидать отъ такихъ батарей успѣха, и что Шведы, сдѣлавъ высадку и обойдя батареи съ тылу, могли даже овладѣть ими и обратить ихъ противъ русскаго флота; см. *Отеч. Зап.* 1825 г., № LVII, стр. 53. Артиллерійскіе начальники обвиняли Чичагова, будто онъ для собственной славы не хотѣлъ допустить ихъ къ участію битвѣ; см. тамъ же, стр. 54. У *Castéra*, II, 161, сказано: «Tout semblait assurer l'entière destruction de la marine suédoise, mais elle fut sauvée par deux amiraux russes, Tchitchagoff et Nassau. Tchitchagoff, qui commandait une escadre beaucoup plus nombreuse que celle des Suédois, négligea de faire garnir de batteries les deux passages, par lesquels seuls les Suédois pouvaient s'échapper». Можетъ-быть, въ запискахъ Храповицкаго говорится также объ этихъ батареяхъ подъ 27-мъ мая: «О

былъ съ галернымъ флотомъ на помощь Чичагову; наконецъ, для этой цѣли строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы никто не отлучался со флота. Послѣднее повелѣніе самой императрицы было слѣдствіемъ распространившагося слуха, будто бы русскій подданный, попавшійся на шведскій флотъ, обязался вывести оный изъ бухты [1]).

Положеніе Шведовъ съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. Русскіе принимали всѣ возможныя мѣры для того, чтобъ отрѣзать Шведамъ сообщеніе съ берегомъ. Прѣсную воду Шведы получали съ берега, и Русскіе старались препятствовать этимъ поѣздкамъ [2]). Транспортныя суда Шведовъ, съ 83.000 порцій сухарей и 5.000 мѣръ водки, были взяты Русскими [3]). Когда русскій офицеръ, въ качествѣ парламентера, поѣхалъ къ герцогу Сюдерманландскому, онъ на адмиральскомъ кораблѣ слышалъ разговоры шведскихъ офицеровъ, которые жаловались на худую погоду и неблагопріятный вѣтеръ, изъ чего Русскіе заключили, что Шведы съ нетерпѣніемъ ожидали попутнаго вѣтра, который позволилъ бы имъ выйдти изъ ихъ стѣснепнаго положенія [4]). Современники съ удивленіемъ слѣдили за этими событіями [5]). Между тѣмъ Русскіе не рѣшались атаковать Шведовъ въ самомъ заливѣ, потому что Шведы образовали здѣсь своими судами и кораблями какъ-бы громадную батарею въ 700 пушекъ, далѣе потому, что проходъ въ заливъ былъ загражденъ четырьмя шведскими кораблями, и наконецъ потому еще, что въ случаѣ удачнаго вторженія всего русскаго флота въ заливъ, тамъ, на весьма тѣсномъ пространствѣ, произошла бы ожесточенная борьба, которая, по всей вѣроятности, кончилась бы уничтоженіемъ и шведскаго, и русскаго флотовъ. Шведы въ такомъ случаѣ лишились бы только своихъ морскихъ силъ, а Русскіе, въ случаѣ пораженія, подвергли бы большой опасности самую столицу. Въ русскомъ лагерѣ было мнѣніе, что Шведы тогда желали нападенія на нихъ Русскихъ, но для послѣднихъ было выгоднѣе ждать и со всѣхъ сторонъ окружать Шведовъ. Блокада эта

пушкахъ писано къ графу Салтыкову, чтобы передалъ отзывъ ближнему шведскому генералу». 30-го мая: «Спросить графа Салтыкова по письму о пушкахъ».

[1]) См. письмо Екатерины въ *Отеч. Зап.* 1825 г., LVII, 58.

[2]) *Отеч. Зап.*, тамъ же

[3]) *Колотовъ*, IV, 49.

[4]) *Отеч. Зап.*, l. c., 59.

[5]) Сиверсъ находился тогда въ Выборгѣ по случаю вступленія въ бракъ его дочери съ генераломъ Гюнцелемъ. Онъ замѣчаетъ: «Weder seine fünfzigjährige Erinnerung, noch die alte Geschichte biete ihm eine ähnliche Lage von feindlichen grossen und kleinen Flotten und Armeen». См. *Blum*, II, 517.

доходила наконецъ до того, что Густавъ III не могъ иначе пересылать свои письма въ Швецію, какъ доставляя ихъ къ графу Салтыкову подъ открытою печатью, съ просьбою отправить ихъ въ Стокгольмъ [1]). Бѣглые и плѣнные Шведы единогласно утверждали, что недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и прѣсной водѣ становился невыносимымъ. Король велѣлъ достать съѣстныхъ припасовъ для войска во что бы то ни стало [2]); но не только войско нуждалось въ пищѣ, даже самъ король, какъ разказываютъ сами Шведы, ежедневно получалъ отъ графа Салтыкова, находившагося въ Выборгѣ, бочонокъ съ водой и столько кушанья, сколько было необходимо для королевскаго стола. Вслѣдствіе такого недостатка многіе шведскіе солдаты перебѣгали къ Русскимъ [3]). При такихъ обстоятельствахъ Чичаговъ справедливо полагалъ, что не должно было атаковать Шведовъ, хотя бы въ Петербургѣ и желали нападенія. Поэтому приближенные Чичагова считали счастіемъ, что принцъ Нассау съ галернымъ флотомъ замедлилъ прибыть къ Выборгскому заливу [4]).

Шведы ждали только попутнаго вѣтра, чтобы сдѣлать попытку прорваться сквозь русскій флотъ и спастись бѣгствомъ [5]). Русскіе теперь должны были всѣми мѣрами стараться удержать Шведовъ въ Выборгскомъ заливѣ, и въ такомъ случаѣ можно было надѣяться на

---

[1]) См. *Отеч. Зап.*, l. c., 64. Густавъ писалъ 9-го іюня къ графу Стединку: «Ma sensibilité l'a emporté sur toute considération de dignité, et j'ai écrit moi-même au comte de Soltykoff, pour le prier de faire passer par le plus court chemin, une lettre ouverte pour Armfeldt, et que je puisse avoir de ses nouvelles». Mém. de Sted., I., 269.

[2]) Онъ приказалъ: «Tendre toutes les cordes, car *aut nunc, aut nunquam*»; см. Mémoires d'un off. suédois. Король былъ крайне недоволенъ неуспѣшными дѣйствіями сухопутныхъ войскъ.

[3]) *Posselt*, 453—454.

[4]) *Отеч. Зап.*, l. c., 67. Сиверсъ писалъ въ октябрѣ 1790 г.: «Graf Soltykow und Igelström... sprachen oft von Verrath und Verräthern, in der Einbildung die armen Bewohner trügen dem Feinde Nachrichten zu. Der Ausgang bewies jedem Tag das Gegentheil, denn wäre der Feind von unserer Lage, so wie zum Beispiel ich sie sah, unterrichtet worden, er hätte Fersen und Buxhövden erdrückt und die Galeerenflotte verbrannt; aber der Feind sah nicht einmal gut mit seinen eigenen Augen, noch weniger sah er nach Berichten, im Gegentheil möchte ich darthum, dass er deren immer ganz falsche bekam, die ihn die Gelegenheit verfehlen liessen uns zu schaden, wie er gewisslich konnte. Ich habe immer gesagt, der König sei ein verunglückter kleiner Alexander, wie man sagt, ein verunglückter Stutzer, und der Prinz von Nassau, ich halte ihn für einen Verräther und Schurken, wie die meisten Abenteurer sind». *Blum*, II, 525.

[5]) *Posselt*, 452 — 453.

ихъ капитуляцію. Но до капитуляціи дѣло не дошло, какъ полагаютъ потому, что Русскіе не построили батарей на берегахъ, у входа въ заливъ. Разказываютъ, что французскій капитанъ Пелиссье, служившій прежде въ Голландіи, также совѣтовалъ Чичагову построить батареи. Онъ указывалъ генераламъ Сухтелену и Салтыкову мѣста, удобныя для этой цѣли, и утверждалъ, что 24-фунтовыя пушки положительно не дали бы проходу шведскимъ кораблямъ. Но предложеніе Пелиссье не было принято [1]). Принцъ Нассау предложилъ королю капитуляцію [2]). Въ Петербургѣ уже готовились принять надлежащимъ образомъ плѣннаго короля [3]). Густавъ собралъ свой совѣтъ. Говорятъ, что братъ короля, герцогъ Сюдерманландскій, говорилъ въ пользу капитуляціи. Король и Стединкъ (братъ командовавшаго въ Саволаксѣ) съ жаромъ говорили въ пользу отчаянной попытки прорваться сквозь непріятельскую линію [4]). 21-го іюня Густавъ сдѣлалъ попытку съ частью галернаго флота прорваться въ проливѣ между Березовымъ островомъ и берегомъ материка. Проливъ былъ охраняемъ русскимъ галернымъ флотомъ подъ начальствомъ принца Нассау. Попытка Густава не удалась: съ берега дѣйствовали противъ Шведовъ сильныя батареи, а на морѣ принцъ Нассау съ такою силою бросился на Шведовъ, что они послѣ трехъ попытокъ пройдти проливъ, должны были отступить и спасаться опять къ Выборгской бухтѣ. Русскій галерный флотъ еще ближе прежняго подошелъ къ этому заливу и сталъ на мѣстѣ, которое наканунѣ занимали Шведы [5]). Въ то же время другая часть шведскаго галернаго флота хотѣла прорваться другимъ проливомъ, но была встрѣчена четырьмя русскими кораблями и также должна была вернуться въ Выборгскій заливъ [6]). Ночью на $\frac{\text{22-го іюня}}{\text{3 го іюля}}$ король рѣшился на самое отважное предпріятіе. Онъ далъ и галерному, и корабельному флотамъ повелѣніе, пользуясь сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, прорваться во что бы то ни стало сквозь непріятельскую линію. Не дождавшись сухопутныхъ войскъ, которыя шли съ сѣвера и должны были подступить къ Выборгу, Густавъ отказался отъ своего

[1]) *Schlosser*, Gesch. d. achtzehnten Jahrhunderts, IV, 182.

[2]) *Устряловъ*, II, 226.

[3]) *Mellin*, Schwed. gesch.

[4]) *Arndt*, Schwedische geschichten.

[5]) *Posselt*, 454. Объ этомъ дѣлѣ пишетъ Храповицкій 22-го іюня: «Вчера 21-го, въ вечеру принцъ Нассау вошелъ въ Біоркъ-Зундъ, канонерскія лодки подоспѣли, 5 часовъ сражался съ непріятелемъ, на зарѣ прогналъ его и сталъ въ срединѣ Зунда противъ кирки». См. также *Отеч. Зап.*, l. c., 69.

[6]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 863.

намѣренія потревожить столицу взятіемъ Выборга и высадками на берегу русской Финляндіи. Теперь единственною цѣлью Густава стало спасеніе бѣгствомъ. Положеніе было таково, что можно было ожидать уничтоженія шведскихъ флотовъ, взятія въ плѣнъ и короля, и всего войска, если бы Шведы не рѣшились на самое отважное, отчаянное предпріятіе. При входѣ въ Выборгскій заливъ находились всѣ корабли и суда русскихъ флотовъ. Шведы должны были пройдти подъ ихъ пушками; они должны были ожидать, что Русскіе будутъ преслѣдовать ихъ. Впрочемъ сильный попутный вѣтеръ благопріятствовалъ дѣлу Шведовъ.

Въ 6 часовъ утра явились при входѣ въ Выборгскую бухту сначала шведскій корабельный флотъ, а за нимъ и галерный. Русскіе приняли всѣ мѣры встрѣтить самою сильною пальбою каждый шведскій корабль, проходившій мимо русскаго флота. Шведы при этомъ случаѣ дѣйствовали искусно. Шведскіе корабли шли подъ выстрѣлами на весьма немногихъ парусахъ, имѣя всѣ прочіе паруса для сбереженія закрѣпленными, но приготовленными такъ, чтобы въ одно мгновеніе можно было распустить ихъ. Экипажъ почти весь былъ скрытъ внизу, въ подводной части корабля, куда не могли долетать ядра. На верху оставались одни офицеры съ небольшимъ числомъ матросовъ. Такимъ образомъ, осыпаемые ядрами по крайней мѣрѣ изъ полутораста орудій, шведскіе корабли не потерпѣли ни слишкомъ большаго урона въ людяхъ, ни особенно значительныхъ поврежденій въ снастяхъ и мачтахъ. Проходъ мимо русскихъ кораблей продолжался для каждаго шведскаго корабля не болѣе четверти часа. Къ тому же Русскіе хотя и расположились дугою, но не довольно выпуклою, такъ что выстрѣлы не дѣйствовали на многія точки предлежавшаго шведскимъ кораблямъ пути. По миновапіи русскаго отряда, каждый шведскій корабль распускалъ вдругъ всѣ паруса, а затѣмъ поспѣшно уходилъ. Къ несчастію для Шведовъ, брандеръ, пущенный ими на отрядъ контръ-адмирала Повалишина, не дошелъ до него, сѣлъ на мель, и отъ него загорѣлись шведскіе корабль и фрегатъ и были взорваны на воздухъ [1]). Пламя сообщилось еще нѣсколькимъ

[1]) Записки Храповицкаго 15-го іюня: «Англичанинъ Шатоневъ возвратившійся изъ полону шведскаго, имѣлъ тамъ разговоръ съ извѣстнымъ англичаниномъ С. Шмитомъ (Sidney Smitte), который, похваляя королевскую расторопность, сказывалъ, что былъ большой проектъ къ Кронштадту. Онъ не хвалитъ перестрѣлку съ Крузомъ герцога Сюдерманландскаго, державшагося въ отдаленности, Шмитъ былъ на его кораблѣ; онъ не служитъ, а только зритель и вояжеръ; въ послѣд-

шведскимъ транспортнымъ и канонерскимъ лодкамъ. При такомъ положеніи дѣла можно удивляться тому, что потеря Шведовъ не была значительна [1]). Нѣкоторые шведскіе корабли сѣли на мель; къ тому же и русская гребная флотилія, выйдя изъ Березоваго пролива, также погналась за Шведами. Особенно страдалъ шведскій галерный флотъ, шедшій за корабельнымъ. Многія галеры, по которымъ Русскіе стрѣляли, спустили свои флаги и поднятіемъ русскаго флага отдавали себя въ плѣнъ, но какъ скоро гнавшійся за ними на фрегатѣ капитанъ Кроунъ оставилъ ихъ и сталъ преслѣдовать другія суда, онѣ старались спастись бѣгствомъ. Впрочемъ множество судовъ было остановлено [2]). При всей опасности положенія Шведовъ счастіе имъ благопріятствовало. Такъ, напримѣръ, король Густавъ самъ легко могъ бы попасть въ плѣнъ. Онъ находился въ шлюпкѣ, и когда пушечнымъ выстрѣломъ у него былъ убитъ гребецъ, онъ присталъ къ той самой

немъ дѣлѣ свой брандеръ причинилъ Шведамъ всю бѣду». *Castéra*, II, 161: «L'inventeur de ce stratagème était l'anglais Sidney Smitte, qui depuis a brulé la flotte française à Toulon et a voulu incendier le Hâvre». Еще немного позже С. Смитъ сдѣлался особенно извѣстнымъ при осадѣ Сенъ-Жанъ-д'Акра Наполеономъ.

[1]) Сами Русскіе замѣчаютъ, что русскій арріергардъ дѣйствовалъ слишкомъ медленно. См. *Отечественныя Записки*, LX, 33: «Она (то-есть *арріергардія*, какъ пишетъ Шишковъ) стала поднимать якори и не прежде отрубила ихъ, какъ по вторичному сигналу, и притомъ опасаясь мелей, обходила ихъ подъ малыми парусами; между тѣмъ непріятельскіе корабли, даже и самые задніе, при вѣтрѣ довольно свѣжемъ, употребя всѣ способы къ скорѣйшему ходу, успѣли миновать ее и сдѣлаться внѣ опасности отъ погони за ними нашихъ кораблей. Сіе опозданіе нѣсколькими минутами было однако же немалымъ спасеніемъ шведскому флоту, ибо оный, конечно, лишился бы еще многихъ кораблей, если бы арріергардія наша расторопнымъ движеніемъ поравнялась съ передовыми его кораблями и вступила съ ними въ бой, который тѣмъ болѣе могъ для насъ быть выгоденъ, что не было надобности долго продолжать оный, но довольно было трехъ или четырехъ залповъ, дабы при великомъ числѣ несомыхъ ими парусовъ изорвать ихъ и пробить снасти. Тогда, не имѣя возможности въ скоромъ времени исправить свои поврежденія и потерявъ чрезъ то быстроту хода, были бы они идущими позади кораблями нашими настигнуты и безъ упорнаго сопротивленія покорены; сіе упущеніе арріергардіи не ушло отъ замѣчанія правительства, и начальствующій оною не получилъ тѣхъ наградъ, на какія безъ сего имѣлъ бы онъ равное съ прочими право».

[2]) Дѣлаютъ упрекъ принцу Нассау въ томъ, что онъ, надѣясь догнать корабельный флотъ, погнался за нимъ и оставилъ безъ вниманія многія шведскія галерныя суда, которыя могли бы быть взяты Русскими. См. *Отечественныя Записки*, LX, 37. О Козлянинѣ также говорится, что онъ могъ бы нанести гораздо большій вредъ Шведамъ.

галерѣ, которая была атакована Кроуномъ. Король отчаявался въ своемъ спасеніи, но Кроунъ, не зная, что король находился на этой галерѣ, отошелъ отъ нея, и король, пересѣвъ вскорѣ на парусное судно, успѣлъ избѣгнуть опасности. И изъ линейныхъ кораблей, преслѣдуемыхъ Чичаговымъ, нѣкоторые должны были сдаться. Такъ, шведскій линейный корабль *Софія-Магдалина* сдался послѣ жаркой схватки съ русскимъ кораблемъ *Мстиславомъ*. Отдавая свою шпагу, шведскій контръ-адмиралъ Лиліенфельдъ спросилъ русскаго капитана Биллоу: „Видѣли ли вы державшееся близь меня небольшое парусное судно, которое пустилось въ шхеры по приближеніи вашемъ ко мнѣ?“ И когда Биллоу отвѣчалъ, что видѣлъ, Лиліенфельдъ прибавилъ: „Если бы вы знали, кто находился на немъ, то конечно, оставя меня, погнались бы за нимъ“ [1]).

Между тѣмъ наступила темнота. Вѣтеръ началъ дуть еще сильнѣе. Шведы шли быстро, и мало по малу разстояніе между ними и Русскими стало увеличиваться. Хотя еще 23-го іюня утромъ Русскіе взяли шведскій линейный корабль, оставшійся назади, однако флотъ шведскій успѣлъ скрыться за шхерами, такъ что преслѣдованіе его должно было прекратиться. Шведскій корабельный флотъ затѣмъ отправился къ Свеаборгу и въ Гельсингфоргскій заливъ. Потеря Шведовъ состояла изъ семи линейныхъ кораблей, двухъ фрегатовъ [2]) и множества мелкихъ судовъ. Взятыхъ въ плѣнъ Шведовъ было, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, 5.000, по другимъ, 7.000 [3]). Между плѣнными находился контръ-адмиралъ Лейонанкеръ и около 100 офицеровъ [4]). Лейбъ-гвардія короля почти вся попала въ плѣнъ. Герцогъ Карлъ былъ раненъ въ плечо.

---

[1]) *Отеч. Зап.*, LX, 42.

[2]) Нѣкоторые изъ этихъ судовъ сѣли на мель. См. *Schantz*, II, 136.

[3]) *С. Пет. Вѣд.*, 863; *Castéra*, II, 163, говоритъ, что 9 линейныхъ кораблей, 3 фрегата и 20 мелкихъ судовъ взято Русскими.

[4]) У *Вейдемейера*, II, 87—88, сказано, что между плѣнными были 200 штабъ и оберъ-офицеровъ. Убитыхъ и раненыхъ Шведовъ, по его показанію, было 3.000. Екатерина писала 7 іюля Архарову изъ Царскаго Села, чтобы взятыхъ $\frac{\text{22-го іюня}}{\text{9-го іюля}}$ въ плѣнъ болѣе 5.000 Шведовъ отправили въ Вологодскую, Ярославскую и Костромскую губерніи, кромѣ матросовъ, коихъ отослать въ Екатеринославль. 10 іюля она приказала, отправляя Шведовъ въ Екатеринославль, миновать Москву. См. *Русскій Архивъ* 1864 года, стр. 917. Прежнія распоряженія объ отправленіи плѣнныхъ Шведовъ, особенно плотниковъ и кузнецовъ, къ Екатеринославскому губернатору и дозволеніе брать ихъ, если затѣмъ будетъ присланъ нарочный отъ Потемкина, см. въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 года, стр. 916.

Теперь опять, какъ и послѣ Гогландской битвы, русскій флотъ началъ блокаду Свеаборгской гавани, въ которой скрылся шведскій корабельный флотъ. Шведская галерная флотилія спаслась въ Свенскзундъ. Король лишь двумя днями позже пріѣхалъ туда. Ходили даже слухи, что онъ убитъ [1]).

Настроеніе Екатерины во время этого дѣла мы узнаемъ отъ Храповицкаго; онъ пишетъ 23-го іюня: „Отъ графа Ив. П. Салтыкова казачьи извѣстія, что вчера, 22-го, съ утра большой шведскій флотъ сталъ пробиваться въ море, и видѣли 5 судовъ взорванныхъ: полагаютъ что шведскія; во весь день безпокойство, ибо курьера нѣтъ". 24-го іюня: „Дѣло стало объясняться, отъ Повалишина рапортъ: взято 4 шведскихъ корабля, 1 взорвало, 1 потопленъ, итого 6; Чичаговъ и Крюйзъ въ погонѣ — вся непріятельская флотилія въ совершенной разстройкѣ, наши гонятъ и берутъ". Чрезъ два только дня пріѣхалъ сынъ Чичагова съ подробнымъ донесеніемъ. Чичагову пожалованы были 2.417 душъ въ Бѣлоруссіи и орденъ св. Георгія 1 класса; сыну его чинъ полковника, золотая шпага и 1.000 червонцевъ. 27-го іюня, въ день Полтавской битвы, былъ въ Царскомъ Селѣ молебенъ за побѣду. 30-го былъ молебенъ въ Петербургѣ въ Никольскомъ соборѣ, и тамъ же была читана выписка изъ реляціи о побѣдѣ [2]).

Страшный ударъ, нанесенный войску и флоту Шведскаго короля, произвелъ глубокое впечатлѣніе и на европейскіе кабинеты, такъ что тотчасъ же по полученіи извѣстія объ этомъ событіи, въ Лондонѣ была созвана конференція министровъ [3]), а въ Стокгольмѣ иностранные дипломаты имѣли продолжительное совѣщаніе, вслѣдствіе котораго англійскій посланникъ Робертъ Листонъ хотѣлъ было отправиться съ важнымъ порученіемъ въ Петербургъ [4]). Но чрезъ нѣсколько дней все положеніе дѣлъ измѣнилось въ пользу Густава и Швеціи.

Въ концѣ іюня 1790 года Шведы находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ они бывали иногда въ 1788 и 1789 годахъ. Ихъ галерный флотъ стоялъ въ Свенскзундѣ, близъ Фридрихсгама; сухопутное ихъ войско, подъ начальствомъ генерала Мейерфельда, между тѣмъ

---

[1]) *Posselt*, 459: «Die Schweden kauften sich durch eine blutige Niederlage von gänzlicher Vernichtung los und sie irren sich nicht, wenn sie diese Niederlage einen Rettungssieg nennen».

[2]) Зап. Храп., который замѣчаетъ при этомъ, что 30-го іюня 1788 былъ подписанъ манифестъ «о войнѣ, Шведами начатой».

[3]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 1115.

[4]) *Колотовъ*, IV, 51.

успѣло занять опять юго-западный уголокъ русской Финляндіи и расположилось въ Гёгфорсѣ и Кюменьгородѣ. Стеднпкъ былъ въ Саволаксѣ. Но на этотъ разъ одно весьма важное обстоятельство представляло собою большую разницу противъ прежняго: и корабельный, и галерный флоты страшно пострадали 22-го іюня, а войско упало духомъ. Ожидали, что послѣдуетъ второй уронъ Шведовъ, совершенное уничтоженіе морскихъ силъ Швеціи. Самъ король началъ унывать. Русскіе были теперь гораздо сильнѣе. Послѣ вторичнаго разбитія Шведовъ на морѣ Русскіе могли идти прямо къ Стокгольму и тамъ диктовать Густаву мирныя условія. Въ Стокгольмѣ уже говорили о необходимости перемѣщенія банка въ другое мѣсто и о спасеніи драгоцѣнныхъ вещей [1]).

Шведы утверждаютъ, что принцъ Нассау имѣлъ порученіе дѣйствовать по возможности смѣлѣе: или взять, или уничтожить весь шведскій флотъ [2]). Для Густава рѣшеніе дѣла при Свенскзундѣ значило не только рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи, но также и рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ короля къ Швеціи. Пораженіе Густава и окончательное уничтоженіе шведскаго флота имѣло бы неминуемымъ слѣдствіемъ или прекращеніе царствованія Густава, или по крайней мѣрѣ, перемѣну конституціи въ пользу аристократической партіи. Въ войскѣ и флотѣ уже возвышала голосъ партія, враждебная Густаву; уже не разъ въ продолженіе войны обнаруживалось неудовольствіе офицеровъ-дворянъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ оппозиціонною партіей въ самой Швеціи. Торжество короля надъ конфедераціей въ Аньялà, торжество его надъ дворянствомъ на сеймѣ 1789 года, вся программа его политической дѣятельности, всѣ его надежды относительно національной независимости Швеціи и политическихъ реформъ, все это должно было рушиться, какъ скоро онъ былъ бы разбитъ при Свенскзундѣ.

28-го іюня былъ день восшествія на престолъ Екатерины. Принцъ Нассау хотѣлъ отпраздновать этотъ день побѣдою надъ Шведами. Онъ надѣялся взять въ плѣнъ самого Густава. На русскомъ адмиральскомъ кораблѣ были приготовлены каюты для плѣннаго Шведскаго

---

[1]) *Posselt*, 461.

[2]) *Schantz*, II, 119. Поссельтъ, 466, разказываетъ, что послѣ битвы, на взятомъ Шведами адмиральскомъ кораблѣ, нашли письменное повелѣніе, «чтобы Нассау не щадилъ ни одного корабля, и послѣ одержанной побѣды тотчасъ же отправился бы съ своимъ флотомъ, покорилъ бы всю Финляндію и отправилъ бы часть флота къ Стокгольму».

короля [1]). Итакъ, принцъ Нассау рѣшился дать въ этотъ день сраженіе Шведамъ. Мѣсто сраженія было выбрано то же, гдѣ принцъ Нассау разбилъ Шведовъ 13-го августа 1789 года. Со стороны Фридрихсгама довольно тѣсный проходъ велъ къ той каменистой, окруженной скалами и изобилующей подводными камнями бухтѣ, гдѣ находился весь шведскій флотъ въ боевомъ порядкѣ. Шведскій флотъ состоялъ изъ 190 судовъ, русскій изъ 230. Нассау надѣялся на перевѣсъ своихъ силъ. Кромѣ того на русскихъ судахъ было значительное количество сухопутнаго войска.

22-го іюня, принца Нассау справедливо обвиняли въ томъ, что онъ, не заботясь о множествѣ взятыхъ Русскими шведскихъ галерныхъ судовъ, погнался за корабельнымъ флотомъ, между тѣмъ какъ лѣнивыя шведскія галеры, одна за другою, ушли въ свои шхеры. 28-го іюня принца обвиняли въ томъ, что, не смотря на сильный вѣтеръ, дувшій прямо въ заливъ со стороны Фридрихсгама, онъ послалъ туда чуть-ли не весь галерный флотъ, такъ что въ послѣдствіи, когда Русскіе были уже побѣждены, они не могли спастись бѣгствомъ. Представляя ниже подробный разказъ объ этой битвѣ очевидца, написанный, впрочемъ, со шведской точки зрѣнія, мы укажемъ здѣсь только на главные моменты этой достопамятной, но крайне несчастной для Русскихъ битвы. Должно замѣтить, что въ прочихъ нашихъ источникахъ встрѣчается весьма мало данныхъ объ этомъ событіи. Въ офиціальныхъ русскихъ донесеніяхъ почти вовсе не говорится объ этомъ пораженіи. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* нѣтъ, конечно, никакихъ писемъ изъ Стокгольма по поводу этого событія. Екатерина сама неохотно говорила о дѣлѣ при Свенскзундѣ и вовсе умолчала о немъ въ нѣкоторыхъ письмахъ, писанныхъ въ это время. Даже позднѣйшая исторіографія (напримѣръ, Устряловъ) считала нужнымъ умолчать объ этомъ событіи, стоявшемъ однако въ весьма тѣсной связи съ переговорами, которые немногимъ позже повели къ Верельскому миру.

28-го іюня, утромъ рано, Нассау послалъ въ заливъ нѣсколько парусныхъ судовъ, которыя, вошедъ въ него и будучи стѣснены узкостію мѣста, составили нестройную кучу и не могли имѣть свободы движеній. Шведскія канонерскія лодки стали за окружавшія Русскихъ каменья, и выдвигаясь изъ-за нихъ, стрѣляли свободно во всѣ стороны; наши ядра били по каменьямъ, а шведскія по нашимъ судамъ, положеніе которыхъ сдѣлалось тѣмъ опаснѣе, что крѣпкій вѣтеръ не поз-

[1]) *Posselt*, 462.

волялъ имъ выйдти обратно изъ залива. Принцъ Нассау, видя это и думая умноженіемъ числа судовъ умножить русскія силы, посылалъ туда отрядъ за отрядомъ, такъ что почти вся русская флотилія вошла въ заливъ. Но чѣмъ больше судовъ входило въ бухту, тѣмъ болѣе тѣснота мѣста увеличивала затрудненія при движеніяхъ флота. Суда наши не могли стрѣлять, не причиняя вреда другъ другу, а между тѣмъ Шведы, укрываясь за островами и каменьями, все болѣе и болѣе окружали ихъ, и всякое пущенное въ нихъ непріятельское ядро находило себѣ цѣль. Къ тому же начальники на многихъ судахъ были большею частью гвардейскіе и сухопутные офицеры, не служившіе никогда на морѣ и не имѣвшіе достаточныхъ познаній для распоряженія, ни свободы для рѣшительныхъ дѣйствій [1]). Густавъ умѣлъ воспользоваться ошибкою, сдѣланною принцемъ, и велѣлъ стрѣлять въ Русскихъ изъ пушекъ самаго большаго калибра. Сильный вѣтеръ, способствовавшій приближенію Русскихъ, превратился наконецъ въ бурю. Русскіе, не имѣвшіе возможности выйдти изъ залива и терпѣвшіе въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ значительный уронъ отъ страшной пальбы Шведовъ, къ вечеру были атакованы многими мелкими судами, такъ что легкія суда Русскихъ старались спастись бѣгствомъ, между тѣмъ какъ фрегаты и большія галеры еще оставались на мѣстѣ до наступающей темноты. Изъ мелкихъ судовъ при страшной погодѣ многія потонули [2]). Возобновленіе битвы на утро 29-го іюня кончилось совершеннымъ пораженіемъ Русскихъ. Пальба продолжалась только до 10 часовъ. И въ этотъ день вѣтеръ препятствовалъ многимъ судамъ выйдти изъ залива. Потеря Русскихъ была громадна. Шведы насчитали убитыхъ и раненыхъ Русскихъ до 4000 человѣкъ. Въ плѣнъ было взято Шведами 279 офицеровъ и 6200 человѣкъ солдатъ и матросовъ. Флагманъ принца Нассау, Денисовъ, находился между плѣнными. Самъ

---

[1]) Разказъ Шишкова въ *Отечеств. Зап.* 1826 года, январь, 27 — 30.

[2]) *Posselt*, 465. См. также подробное описаніе битвы въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ* 1862 года, № 11, въ стат. *Р. Л.*: «Еще нѣсколько словъ о второмъ Роченсальмскомъ морскомъ сраженіи», гдѣ особенно обращается вниманіе на то, что Русскіе, собранные въ кучу, стрѣляли эксцентрически, Шведы же, стоявшіе полукругомъ, стрѣляли концентрически. Въ сочиненіи «Жизнь императрицы Екатерины Великой», стр. 229 — 231, сказано, что во время битвы вѣтеръ перемѣнился, такъ что подъ конецъ битвы принцъ Нассау находился въ такомъ же невыгодномъ положеніи, въ какомъ находились въ началѣ битвы Шведы. Въ другихъ сочиненіяхъ не говорится о перемѣнѣ вѣтра, которая впрочемъ была скорѣе выгодна Русскимъ, ибо дала имъ возможность выйдти изъ залива; см. соч. Екат. II, III, стр. 386.

принцъ Нассау едва спасся бѣгствомъ на шлюпкѣ. Его адмиральскій корабль былъ взятъ Шведами, и на немъ нашли манифесты къ жителямъ Финляндіи, въ которыхъ ихъ убѣждали покориться Россіи [1]). Число взятыхъ въ плѣнъ послѣ битвы увеличилось еще тѣмъ, что множество русскихъ матросовъ и солдатъ, спасавшихся во время сраженія на острова, окружающія проливъ, были найдены тамъ Шведами. Разнесся слухъ, будто и принцъ Нассау, тяжело раненый, находился на одномъ изъ острововъ, и Густавъ III уже распорядился, чтобы, когда отыщутъ его, съ нимъ поступали съ особеннымъ уваженіемъ и не отобрали бы у него шпаги [2]). Потеря Шведовъ считалась весьма незначительною. Она состояла изъ нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, тогда какъ Русскіе потеряли 55 судовъ. Король осыпалъ офицеровъ и солдатъ наградами.

Въ Берлинскомъ архивѣ находится рукопись, въ которой очевидецъ, маіоръ Казалесъ, разсказываетъ подробно объ этомъ событіи слѣдующее:

„По поспѣшномъ отступленіи шведскаго флота изъ Выборгскаго залива и по удаленіи короля со всѣмъ гребнымъ флотомъ въ Свенкзундскую бухту, монархъ все-таки находился еще въ самомъ ужасномъ, самомъ жалкомъ положеніи. Корабельный шведскій флотъ уже не былъ въ состояніи держаться на морѣ: остатки его искали убѣжища въ Свеаборгѣ; онъ не могъ болѣе сопротивляться грознымъ, опаснымъ предпріятіямъ Русскихъ. Въ Стокгольмѣ и во всей Швеціи господствовалъ духъ партій, видимо клонившійся на сторону прежней конституціи и только выжидавшій удобной для возстанія минуты. Вся нація была потрясена горемъ и негодованіемъ по случаю гибели драгоцѣннаго флота, оснащеніе котораго увеличило государственный долгъ на нѣсколько милліоновъ. Самого короля преслѣдовалъ соединенный русскій гребной флотъ, стоявшій до того подъ Фридрихсгамомъ и Выборгомъ, подъ начальствомъ принца Нассау, который теперь какъ-бы осаждалъ короля въ Свенкзундской бухтѣ.

„Крайняя опасность грозила Густаву, и никогда не приходилось ему трепетать такъ за свою независимость и свое достоинство, какъ въ эти дни. Онъ это зналъ. Незабвенною осталась мнѣ бесѣда съ нимъ въ Свенкзундѣ 8-го іюля (27-го іюня) на островѣ Куниненѣ, куда я сопутствовалъ ему для ре-

---

[1]) *Schantz*, II, 125. Поссельтъ говоритъ о 5.800 убитыхъ и 6.358 взятыхъ въ плѣнъ Русскихъ, да сверхъ того 2.500 раненыхъ Русскихъ были отправлены въ лазареты, такъ что потеря Русскихъ составляла, по его словамъ, 14.658 человѣкъ. При этомъ Поссельтъ прибавляетъ, 468: «Seit der Schlacht bei Narwa hatten die Russen keine entscheidendere Schlacht gegen die Schweden verloren, noch je ein König, selbst Friedrich der Grossen nicht ausgenommen, aus einer Verzweiflungslage sich mit mehr Heldenmuth gerissen, als hier in Svensksund Gustaf III».

[2]) *Posselt*, 467.

когносцировки положенія непріятеля. Въ этотъ день онъ, повидимому, былъ унылъ и задумчивъ. Я не находилъ въ чертахъ его того обычнаго выраженія веселости, той привлекательной безпечности и увѣренности, которая была такъ свойственна ему, что не покидала его даже посреди грозной опасности; казалось, онъ былъ погруженъ въ глубокое созерцаніе. Такой внезапный душевный переломъ живо затронулъ меня, но я все таки не рѣшался заговорить съ нимъ. Густавъ предупредилъ меня. Онъ подошелъ ко мнѣ со словами: „Никогда еще, въ самыхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ моей жизни, я не ощущалъ безпокойства, подобнаго нынѣшнему; стóитъ проиграть еще *это* сраженіе, капутъ котораго мы переживаемъ, и все погибло, — и флотъ, и вѣнецъ мой. Я стану рабомъ деспотизма аристократіи“. Я осмѣлился возразить королю, что если бы даже битва рѣшилась не въ нашу пользу, все таки не все еще погибло; что ему еще остается храброе сухопутное войско, а на случай жестокой неудачи особа его находилось бы въ безопасности на шведской почвѣ. Но король возразилъ: „Это все мечты; что̀ мнѣ въ личной безопасности, если я все таки не уйду отъ порицаній Стокгольмской аристократіи, отъ укоровъ цѣлой Европы! Въ страстяхъ вельможъ я вижу врага болѣе страшнаго, чѣмъ въ вооруженной военной силѣ. Вы не разъ ужь увѣщевали меня подумать о моей безопасности; къ несчастію, оружіе варварскаго непріятеля страшитъ меня менѣе, чѣмъ собственные мои подданные.

„И дѣйствительно, положеніе короля въ случаѣ потери битвы было ужасное, даже если бы Пруссія и Англія немедленно объявили себя нашими союзниками. Словомъ, намъ не предвидѣлось спасенія, если бы непріятель, слѣдуя только что указанному ему королемъ примѣру, обратилъ свое побѣдоносное оружіе на самое сердце шведскаго государства. Король однако зналъ, на что̀ рѣшился. Ознакомившись съ положеніемъ непріятеля и отправясь снова на судно *Амфіонъ*, онъ сигналомъ приказалъ созвать дивизіонныхъ начальниковъ. „Шведы — обратился онъ къ нимъ — я не для того призвалъ васъ къ себѣ, чтобы вы заявили мнѣ свое мнѣніе, выжидать ли мнѣ непріятеля здѣсь, или отступать назадъ; я знаю, что проходъ намъ еще свободенъ, но я не намѣренъ воспользоваться имъ; я твердо рѣшился начать бой здѣсь, на этомъ же мѣстѣ; я созвалъ васъ для того, чтобы вы разсудили сообща о тѣхъ средствахъ, которыми всего вѣрнѣе можно достигнуть побѣды“. Вслѣдъ за тѣмъ король удалился, не дождавшись отвѣта.

„Совѣщанія начались, но робость была до того общею, что можно было, по всей справедливости, назвать ее грубостью; единогласно было рѣшено уклониться отъ битвы при Свенскзундѣ и отступить назадъ къ Пеллинга, гдѣ можно было, съ большею выгодой, выжидать Русскихъ. Перевѣсъ численности на сторонѣ непріятеля и опасеніе, что отважный рискъ въ одинъ день *можетъ все* погубить, казались достаточными поводами для пріисканія болѣе безопаснаго положенія вблизи нашихъ (шведскихъ) береговъ. Полковникъ А. только что хотѣлъ отправиться съ этимъ предложеніемъ къ королю, какъ тотъ вошелъ въ комнату совѣщаній. Онъ объявилъ: „На что̀ я однажды рѣшился, того я и хочу“. Самъ онъ отдавалъ повелѣнія; въ глубокомъ безмолвіи всѣ повиновались ему, и Густавъ готовилъ удивленной Европѣ еще новое зрѣлище.

„Русская императрица уже во второй разъ заперла выходъ страшному мужу, дерзнувшему потревожить ея покой, а Нассау поторопился подкрѣпить флотъ свой Выборгскими и Фридрихсгамскими отрядами, чтобъ одолѣть низвергнутаго льва прежде, чѣмъ онъ соберется съ новыми силами; но мужество Густава было непреклонно.

„Настало 9-е іюля, день, въ который 28 лѣтъ тому назадъ Екатерина вступила на престолъ. Нассау, извѣстный искатель приключеній, падѣялся привезти короля плѣнникомъ въ Петербургъ. Уже съ самаго разсвѣта шведскій флотъ выстроился въ боевомъ порядкѣ при входѣ въ Сьенскзундскую бухту; справа онъ касался острова Мусала, слѣва острова Кутсала. Полковникъ Стединкъ составлялъ съ 4-мя прамами, 15-ю галерами и одною бригантиною центръ арміи; правый флангъ, подъ командою полковника Тёрнгига, состоялъ изъ 60-ти канонерскихъ шлюпокъ, а лѣвый, подъ начальствомъ полковника Гіельмгерна, — изъ 57 канонерскихъ шлюпокъ и 6 другихъ судовъ (Bombengalioten). Резервъ состоялъ изъ прама, галеры и 33-хъ канонерскихъ шлюпокъ; онъ выстроился позади боевой линіи, въ защиту пролива, ведущаго къ Фридрихсгаму. Транспортный флотъ помѣстился въ устьѣ рѣки Кюмени. Главные приказы отдавались самимъ королемъ изъ его шлюпки, надъ которою развѣвалось шведское королевское знамя. Поручивъ дивизіоннымъ начальникамъ подробности выполненія, Густавъ оставилъ за собою самую трудную задачу, именно наблюденіе непредвидѣнныхъ случайностей (les hasards) и зависящихъ отъ нихъ распоряженій; флагкапитаномъ былъ именованъ подполковникъ Кронстадъ.

„При сильномъ вѣтрѣ русскій флотъ выступилъ впередъ; онъ состоялъ изъ 20 ти большихъ судовъ, фрегатовъ, прамовъ и плоскихъ баттарей, изъ 20-ти судовъ меньшихъ размѣровъ, шебекъ и галіотовъ, изъ 20-ти галеръ, 10 бригантинъ, 80 размѣщенныхъ по обоимъ флангамъ канонерскихъ шлюпокъ, и резерва, котораго сила не могла быть опредѣлена при далекомъ разстояніи. На флотѣ находился значительный отрядъ сухопутнаго войска, состоявшаго изъ баталіона императорской гвардіи, изъ цѣлаго Кексгольмскаго полка, четырехъ егерскихъ баталіоновъ, двухъ бомбардирскихъ ротъ, отряда піонеровъ и отряда казаковъ; на разстояніи полувыстрѣла, въ виду шведскихъ пушекъ, флотъ подобралъ паруса и смѣло, въ одну линію, сталъ на якорь. Въ 9¼ часовъ утра открылась пушечная пальба на правомъ флангѣ Шведовъ, и черезъ ¼ часа битва стала всеобщею. Съ обѣихъ сторонъ шла оживленная перестрѣлка, но къ полудню сильно поврежденныя канонерскія шлюпки лѣваго непріятельскаго фланга выбыли изъ строя, чтобъ оправиться. Получивъ однако подкрѣпленіе отъ своего резерва, онѣ отважились на новую попытку и съ запальчивостью бросились на нашъ (шведскій) правый флангъ. Видя, что этотъ флангъ нашъ нуждается въ подкрѣпленіи и что со стороны Фридрихсгама намъ нечего бояться, король приказалъ резерву подкрѣпить флангъ. Около 4-го часа пополудни канонерскія шлюпки лѣваго фланга Русскихъ были приведены въ полнѣйшее разстройство; наши шлюпки преслѣдовали ихъ картечью и вскорѣ овладѣли лѣвымъ флангомъ непріятеля; многія изъ русскихъ галеръ сдались, другія, обратившіяся въ бѣгство, разбились объ отмели. Нассау началъ уже сомнѣваться въ удачѣ своего предпріятія и по-

далъ сигналъ къ отступленію; но тотъ же вѣтеръ, который благопріятствовалъ подплытію Русскихъ и еще усилился во время битвы, препятствовалъ теперь ихъ отступленію, принуждая ихъ, противъ воли, къ продолженію боя. Въ 8½ часовъ сдались двѣ непріятельскія шебеки. Немного спустя намъ представилось ужасное зрѣлище, когда русскій фрегатъ *Св. Николай*, со всѣмъ своимъ экипажемъ, былъ поглощенъ волнами. Страшно было видѣть, какъ судно шло ко дну, какъ закрылась надъ нимъ пучина, и все вдругъ исчезло безслѣдно; менѣе чѣмъ въ минуту 400 человѣкъ стали жертвою моря. Одной изъ нашихъ канонерскихъ шлюпокъ удалось спасти только одного офицера и одного хирурга, боровшихся съ волнами. Они сообщили намъ, что командующій этимъ фрегатомъ, англичанинъ по имени Маршалъ, человѣкъ крутаго и слишкомъ уже непреклоннаго нрава, не внимая мольбамъ экипажа, заклинавшаго его сдаться—такъ какъ только помощь Шведовъ могла спасти ихъ отъ вѣрной гибели — отвѣтилъ отрицательно: „Мнѣ не пришлось подать вамъ примѣръ, какъ должно побѣждать, такъ я покажу, какъ слѣдуетъ погибать!“ И вслѣдъ затѣмъ онъ съ знаменемъ въ рукахъ и побѣднымъ кликомъ на устахъ бросился въ море [1]).

„Теперь и Нассау, трепетавшій за остатки своего флота и личную свою безопасность, и видя, что стройное отступленіе не возможно, подалъ сигналъ къ общему бѣгству (sauve qui peut!); оставивъ свое адмиральское судно, фрегатъ *Екатерина*, онъ сѣлъ на шлюпку и съ большими предосторожностями удалился назадъ, подъ Фридрихсгамскія стѣны. Сила вѣтра возрасла между тѣмъ чуть не до бури. Гребныя непріятельскія суда попытались было послѣдовать примѣру своего начальника, что имъ отчасти и удалось, другія разбились объ утесы и отмели; большая же часть кораблей не была въ состояніи даже двинуться съ мѣста и продолжать жаркую пальбу, выжидая перемѣны вѣтра, чтобы спастись бѣгствомъ; но непостоянная стихія, на бѣду ихъ, оказалась на этотъ разъ слишкомъ упорною.

„Наступила ночь, и ради темноты пальба съ обѣихъ сторонъ была пріостановлена уже за часъ до полуночи; только наши канонерскія шлюпки,

---

[1]) Шишковъ разказываетъ въ *Отеч. Зап.*, 1826, I, 31 слѣдующее: «Нельзя не подивиться здѣсь превратнымъ случаямъ и безъизвѣстности судебъ человѣческихъ: одержанная принцемъ Нассау въ прошедшемъ году надъ гребнымъ непріятельскимъ флотомъ побѣда превознесла его славою, и служила къ помраченію искусной, но неблестящей въ томъ же году кампаніи адмирала Чичагова. Въ началѣ наступившей потомъ весны, когда я въ Кронштадскомъ каналѣ вооружалъ порученный моему начальству фрегатъ *Николай*, явился ко мнѣ опредѣленный на него морской офицеръ, пріѣхавшій изъ Ревеля. Я спросилъ у него: «зачѣмъ перешелъ онъ изъ корабельнаго флота въ гребной?». Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Тамъ ничего не выслужишь, а здѣсь всѣ славятся и получаютъ награды». Сей отвѣтъ его совершенно не сходенъ былъ съ моими мыслями.... Вскорѣ потомъ подъ Ревелемъ и въ Выборгскомъ заливѣ имя Чичагова возгремѣло, а имя принца Нассау потеряло свой блескъ. Несчастный, явившійся ко мнѣ офицеръ, худо угадавшій судьбу свою, былъ капитанъ Морчанъ, которому уступилъ я фрегатъ свой; оба при семъ случаѣ погибли».

обошедшія непріятеля, не переставали обстрѣливать его съ тылу. Такъ завершился первый актъ этой кровавой трагедіи.

„Король со своею свитою высадился на необитаемомъ островѣ, чтобы дождаться зари. Первое, что̀ представилось его взору, были изувѣченные труны тѣхъ несчастныхъ Шведовъ, которые въ прошедшемъ году съ оружіемъ въ рукахъ пали здѣсь, отстаивая короля и отечество; изувѣченія обнаруживали ясно, съ какимъ ожесточеніемъ Русскіе свирѣпствовали надъ мертвыми и умирающими. Король не могъ удержаться отъ слезъ. Онъ повелѣлъ отдать послѣдній долгъ этимъ несчастнымъ, умершимъ на чужбинѣ, что̀ и было исполнено въ ту же ночь и впушило вмѣстѣ съ ужасомъ что-то воспламеняющее нашему войску.

„Но битва никакъ не могла еще считаться рѣшенною. Правда, легкія русскія судна ужь отступили; онѣ или погибли, или были взяты; но большіе корабли, повидимому, все еще были способны къ оборонѣ; они потеряли изъ среды своей только пошедшій ко дну фрегатъ *Св. Николай* и двѣ сдавшіяся шебеки; съ нашей стороны долженъ былъ выбыть изъ строя прамъ, поврежденный бомбою; онъ вскорѣ потонулъ, но экипажъ успѣлъ спастись; кромѣ того, какимъ-то несчастнымъ случаемъ двѣ канонерскія шлюпки, со всѣмъ экипажемъ, взлетѣли на воздухъ; еще одна была потоплена, и нѣсколько другихъ со сбитыми съ лафета пушками принуждены были выбыть изъ линіи, не будучи въ состояніи продолжать бой. Кромѣ того отъ жаркой пальбы стала истощаться аммуниція; но хуже всего было, что великолѣпный прамъ, по величинѣ и красотѣ не имѣвшій себѣ равнаго и вооруженный 48-ю пушками самаго большаго калибра, надежда и опора всего строя, *Styrbjörn*, на которомъ находился полковникъ Стединкъ, остался только съ пятью годными пушками. Остальныя отчасти попортились, отчасти были сбиты съ лафетовъ, и потому полковникъ велѣлъ объявить королю, что онъ вынужденъ будетъ выбыть изъ строя, не имѣя возможности держаться долѣе. Король отвѣчалъ вѣстовому съ величайшимъ хладнокровіемъ: „Скажите полковнику, что я доставлю ему подкрѣпленіе, а покамѣстъ пусть не безпокоится и отстаиваетъ себя“. Въ эту минуту мнѣ какъ разъ случилось быть при королѣ, и онъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ по моему лицу, что меня нѣсколько смутили подобныя слова, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что король ни въ какомъ случаѣ не былъ въ состояніи отвратить бѣду. Густавъ, отъ котораго ничто не скроется, обратился ко мнѣ: „Вы удивляетесь моему отвѣту?“ „Да, государь, признаюсь, рапортъ полковника Стединка безпокоитъ меня какъ нельзя болѣе“. „Ахъ, вы не знаете Стединка! Пока у него хоть полушки да жизнь его, онъ не покинетъ своего поста, не забудетъ своего долга“.

„И не смотря на то, король не былъ покоенъ. Дѣйствительно, обстановка, насъ окружавшая, могла возбудить ужасъ. Въ ней соединялось все страшное, что̀ только можетъ представить себѣ воображеніе. Ночь стояла непроглядная, и по морю, вблизи и вдали сверкало пламя подожженныхъ разбившихся судовъ. На тотъ самый островъ, гдѣ находился король, были перевезены раненые, и Шведы, и Русскіе; стоны умирающихъ, молитвы, съ одной стороны, вопли отчаянія и проклятій — съ другой, зарытіе труповъ, найденныхъ на островѣ, притомъ гулъ моря, разсвирѣпѣвшаго отъ бури, все это вмѣстѣ

производило впечатлѣніе, до того ужасное, что оно могло потрясти самую непреклонную душу.

„Король помѣстился на склонѣ утеса, опираясь головою на руку; но заботы разгоняли его сонъ, печальный взоръ его блуждалъ далеко, останавливаясь то на морѣ, то на непріятелѣ, то на небѣ, на которомъ вскорѣ должна была явиться новая заря, свидѣтельница его бѣдствій или побѣды. „Лучше бы всего было для насъ", сказалъ онъ, „если бы перемѣнился вѣтеръ, чтобъ облегчить Русскимъ отступленіе; этотъ народъ вѣдь не захочетъ сдаться; онъ будетъ отчаянно бороться, и Богъ знаетъ, что тогда выйдетъ: отчаяніе часто бываетъ послѣднимъ спасеніемъ побѣжденныхъ". Одну минуту онъ даже былъ намѣренъ отрядить къ Русскимъ парламентера съ извѣщеніемъ, что онъ готовъ пріостановить непріязненныя дѣйствія и отпустить ихъ безпрепятственно. Потомъ однако, не глядя на свой флотъ, онъ произнесъ: „Чѣмъ мнѣ вознаградить этихъ храбрыхъ людей? Золотомъ? Нѣтъ его у меня, но я сдѣлаю больше: я найду новое отличіе всякому, кто участвовалъ въ этихъ геройскихъ подвигахъ". Долгъ признательности не кажется Густаву бременемъ: онъ только опасается, что не въ его силахъ воздать за такое усердіе по заслугамъ.

„Нужно упомянуть еще о двухъ характеристическихъ анекдотахъ, состоящихъ въ связи съ извѣстіями объ этой ночи. Русскій фрегатъ, которымъ командовалъ бригадиръ Денисовъ, сдался изъ опасенія быть спущеннымъ ко дну, и плѣнные офицеры были перевезены на берегъ острова. Король отрядилъ меня къ нимъ съ порученіемъ освѣдомиться о ихъ числѣ и чинѣ и отправить ихъ водою въ Кюменьгородъ, гдѣ уже содержались прочіе плѣнные. Исполнивъ это порученіе, я замѣтилъ матроса, усердно жевавшаго свой грубый матросскій сухарь. Природа всегда беретъ свое, и такъ какъ я цѣлый день ничего не ѣлъ, то и спросилъ его, нѣтъ ли у него еще сухари. Добрый Шведъ развернулъ свою суму и подѣлился со мною тѣмъ, что въ ней было; я хотѣлъ поблагодарить его, но онъ не захотѣлъ ничего принять. Во мнѣ пробудилось отрадное чувство при безкорыстіи этого честнаго человѣка; я удалился. Прилагая все стараніе, какъ бы одолѣть черствый ломоть, я, шаговъ на сто отойдя, вдругъ натолкнулся на короля. Его сопровождалъ генералъ графъ Адамъ Левенгауптъ, начальникъ королевской лейбъ-гвардіи. Но стало уже такъ темно, что я узналъ ихъ только въ ту минуту, когда столкнулся съ ними. Я отдалъ королю отчетъ въ возложенномъ на меня порученіи, относя при этомъ въ сторону руку съ сухаремъ. Густавъ замѣтилъ это, и схвативъ меня за руку, сказалъ: „А, вотъ я ограблю васъ!" Онъ взялъ сухарь, разломалъ его на три доли, далъ одну графу, одну мнѣ, а за третью весело принялся самъ. Тутъ я ему разсказалъ великодушный поступокъ Шведа. „Ну", возразилъ онъ, „земляку мой не поплатится за нашъ ужинъ; пожалуйста, отмѣтьте себѣ его имя и напомните мнѣ о немъ". По окончаніи сраженія король велѣлъ выдать этому матросу десять червонцевъ.

„Глухою ночью благородный Англичанинъ Сидней Смитъ сумѣлъ найдти путь къ королю. Въ день нашего отступленія изъ Выборгскаго залива, онъ перешелъ на корабельный флотъ, такъ какъ судно его *Аврора* пошло ко дну; съ тѣхъ поръ онъ уже и оставался въ Свеаборгѣ. Какъ только началась пушечная пальба на разсвѣтѣ, онъ рѣшилъ, что ему дѣлать; добровольно бро-

саясь въ опасность, онъ взялъ подставныхъ лошадей, чтобы только скорѣе прибыть на мѣсто. Завидя его, король поднялся съ утеса, обнялъ его и сказалъ: „Вотъ есть же у меня хоть одинъ еще другъ, и мнѣ нужны друзья въ настоящую минуту. Отважный Англичанинъ готовъ съ гордымъ сознаніемъ пролить за меня кровь и ощущаетъ отраду болѣе возвышенную, чѣмъ тѣ изъ моихъ подданныхъ, которые остались въ позорномъ бездѣйствіи". Вслѣдъ за тѣмъ, поговоривъ со Смитомъ нѣсколько времени, король обратился ко мнѣ: „Вы и представить себѣ не можете, до чего доходитъ духъ партій на корабельномъ флотѣ, и какъ дурно идутъ тамъ дѣла".

„Между тѣмъ начинало свѣтать; въ половинѣ третьяго часа по полуночи русскій флотъ, подъ командою полковника Сиверса, въ послѣдній разъ попытался было спастись; приказано было двинуть его на буксирѣ съ помощью гребныхъ судовъ. Это было знакомъ къ возобновленію битвы; залпы грянули еще сильнѣе вчерашняго; буксирныя шлюпки были уничтожены, а черезъ часъ два фрегата уже сдались. Какъ только наши канонерскія шлюпки окружили оставшіяся непріятельскія суда, король подалъ сигналъ къ общей схваткѣ. Тогда вся масса сражающихся дѣлится на отдѣльныя группы, далеко въ морѣ текутъ страшные ручьи крови, все перемѣшивается, корабли бьются другъ о друга носами, въ маневрахъ нѣтъ ни порядка, ни строя; пушки съ обѣихъ сторонъ гремятъ одна возлѣ другой, Шведы кричатъ: „побѣда", и посреди этого смятенія Густавъ невозмутимымъ взоромъ слѣдитъ изъ своей шлюпки за ходомъ битвы, отдаетъ приказанія, чтобы въ случаѣ нужды дать подкрѣпленіе въ замѣнъ убыли и довершить побѣду. Непріятель спасается, куда можетъ, корабли его захватываются, поджигаются, потопляются или разбиваются о мели; очень немногимъ удается спастись, и Шведы соединяютъ противъ Русскихъ усилія своей отваги съ свирѣпою силою водъ, вѣтра и пламени. Въ 10 часовъ прерывается кровопролитіе, все покончено, и Густавъ — побѣдитель.

Такъ окончилась эта битва, единственная въ своемъ родѣ; со времени боя при Нарвѣ Русскимъ не приходилось претерпѣвать столь рѣшительнаго пораженія, и едва-ли и случалось какому бы то ни было государю выручать себя съ бо́льшимъ геройствомъ изъ столь отчаяннаго положенія, какъ Густаву при Свенскзундѣ. Нашъ уронъ состоялъ въ брамѣ *Выборгъ*, потопленномъ бомбой, и трехъ канонерскихъ шлюпкахъ; въ числѣ убитыхъ былъ капитанъ Дюбенъ, командовавшій *Выборгомъ*, 9 другихъ офицеровъ, 9 унтеръ-офицеровъ и 162 человѣка рядовыхъ и матросовъ; раненыхъ было 12 офицеровъ, 7 унтеръ-офицеровъ и 104 человѣкъ солдатъ и матросовъ. Уронъ Русскихъ не можетъ быть опредѣленъ съ точностью, такъ какъ многія изъ ихъ судовъ пошли ко дну со всѣмъ экипажемъ: поэтому должно ограничиваться лишь перечнемъ взятыхъ и разбитыхъ кораблей, съ означеніемъ числа ихъ пушекъ и размѣра.... Всего на всего число захваченныхъ пушекъ доходило до 1.412 штукъ; общая потеря Русскихъ состояла по меньшей мѣрѣ въ 12.000 человѣкъ.

„Густавъ сознавался въ своихъ недостаткахъ съ похвальною откровенностію. Въ день битвы онъ обратился ко мнѣ въ присутствіи подполковника барона Унгернъ-Штернберга: „Еслибъ я, по совѣту вашему, направился сюда

послѣ Фридрихсгамской битвы, то Нассау напалъ бы на меня точно также, какъ и теперь, я бы разбилъ его, и не потерпѣвъ еще значительныхъ потерь, отправился бы съ моею морскою силою въ Эстляндію, гдѣ могъ бы имѣть немаловажный успѣхъ; но я былъ неопытенъ, и вотъ уже цѣлые три года, что мнѣ внушили несчастную мысль идти на Петербургъ". Густавъ не умѣлъ таить подъ личиною скромности свою неопытность въ военномъ дѣлѣ. Его откровенное сознаніе въ недостаточномъ знакомствѣ съ воинскимъ искусствомъ дѣлало его особенно привлекательнымъ для человѣка свѣдущаго; а природа одарила его безстрашнымъ мужествомъ, которое пренебрегаетъ опасностью.... Онъ держался того мнѣнія, что человѣческая судьба связана съ непарушимымъ, неизмѣннымъ порядкомъ вещей, мнѣнія, опаснаго для философа, безотраднаго для мирнаго гражданина, но очень выгоднаго для ратника, чему служатъ доказательствомъ завоеватели, подобные Александру или Карлу XII, которые раздѣляли то же воззрѣніе" [1]).

Таковъ разказъ современника-очевидца о битвѣ при Свенсксундѣ; изъ этого повѣствованія, не смотря на нѣсколько реторическій характеръ его, видно, какъ сильно было впечатлѣніе этого важнаго событія на Шведовъ.

Извѣстіе о страшномъ исходѣ битвы при Свенскзундѣ довольно поздно прибыло въ Петербургъ. 28-го іюня была битва; 30-го былъ благодарственный молебенъ за побѣду 22-го числа, а въ ночь на 1-е іюля въ 3 часа по полуночи прискакалъ Турчаниновъ, разбудилъ графа Безбородка и сообщилъ ему о случившемся. Храповицкій пишетъ о Екатеринѣ: „Таится и не весела, для того, что 28-го числа принцъ Нассау, атаковавъ Шведовъ въ Роченсальмѣ, потерялъ прамы, 8 галеръ, 4 фрегата да и свою голову; къ сему случаю прибавила бѣды буря". Изъ этого замѣчанія можно видѣть, что не всѣ подробности о положеніи русскаго флота сдѣлались сразу извѣстными въ Петербургѣ. Екатерина не унала духомъ. 3-го іюля она послала къ графу Безбородко записку, „чтобы взяли примѣръ съ покойнаго короля Прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ". 4-го іюля Храповицкій пишетъ: „Шумъ великъ въ городѣ о разбитіи Нассау. «Чему дивиться», сказала ея величество, видя изъ полицейской записки, что пріѣхалъ гишпанскій полковникъ Де-Родриго, «онъ былъ на флотѣ». О потеряхъ Нассау все еще ничего не было извѣстно" [2]).

---

[1]) См. *Raumers* Historisches Taschenbuch, 1857, статья Германна: «Die politischen Katastrophen unter Gustav III», стр. 477 — 491. Неизвѣстно, былъ ли этотъ Казалась родственникомъ тому, который сдѣлался извѣстнымъ во время революціи во Франціи.

[2]) 4-го же іюля Храповицкій пишетъ: «Былъ со мною разговоръ о слышанной въ городѣ пальбѣ; въ безпокойствѣ думаютъ, что послѣ разбитія Нассау, не

И на русскомъ корабельномъ флотѣ, находившемся близъ Свеаборга и перешедшемъ 1-го іюля къ острову Наргену, узнали о Свенскзундской битвѣ, только на третій день послѣ этого несчастнаго событія. Чичаговъ отправилъ къ императрицѣ капитана Шишкова съ подробнымъ донесеніемъ о побѣдѣ 22-го іюня. Шишковъ [1]) пріѣхалъ въ Царское Село, былъ представленъ графу Безбородку и удивился довольно холодному пріему со стороны послѣдняго. „Удивленіе это“, разказываетъ онъ самъ, „уменьшилось, когда я узналъ, что за нѣсколько часовъ передо мною пришла печальная вѣсть о разбитіи Шведами галерной нашей флотиліи.... Извѣстіе сіе такъ поразило меня, что я, не взирая на важность объявленія мнѣ о томъ самимъ княземъ Безбородкомъ, долго не могъ тому повѣрить и даже осмѣлился спросить у него: не шутитъ ли онъ надо мною? Такъ непомовѣрнымъ мнѣ казалось сіе событіе“ [2]).

Нассау самъ писалъ императрицѣ о Свенскзундской битвѣ съ отчаяніемъ, прислалъ отставки и послалъ Екатеринѣ всѣ ордена, отъ нея полученные. Кажется, что при этомъ онъ жаловался на своихъ сослуживцевъ [3]). Дѣйствительно, и Кастера говоритъ о худыхъ отно-

попались ли Шведамъ 33 канонерскія лодки, туда отправленныя. Не знаютъ сколько Нассау потерялъ, не довѣряютъ извѣстію 1-го іюля».

[1]) Издатель бумагъ Чичагова въ *Отечественныхъ Запискахъ*, извѣстный въ послѣдствіи писатель и министръ народнаго просвѣщенія.

[2]) Шишковъ прибавляетъ: «Опозданіе пріѣзда моего двумя или тремя часами въ Царское Село лишило меня многихъ выгодъ и того всемилостивѣйшаго пріема и бесѣдованія съ императрицею, какимъ, конечно, безъ сего предварившаго меня печальнаго извѣстія былъ бы я удостоенъ. Однако же на другой день призванъ я былъ во дворецъ, и князь Безбородко вынесъ пожалованную мнѣ золотую шпагу съ надписью: *за храбрость*, и золотую осыпанную брилліантами табакерку съ пятью стами червонцевъ. Императрица ѣхала тогда въ Петербургъ, и я при выходѣ представленъ ей былъ. Она пожаловала мнѣ руку и спросила: «Здоровъ ли Василій Яковлевичъ?» См. *Отечественныя Записки* 1826 года, январь, стр. 33. Трудно согласить эти данныя съ записками Храповицкаго. Шишковъ опоздалъ болѣе чѣмъ нѣсколькими часами, потому что онъ оставилъ флотъ 1-го іюля, а въ ночь на 1-е іюля пріѣхалъ уже Турчаниновъ съ первымъ извѣстіемъ. Изъ записокъ Храповицкаго видно, что 5-го іюля пріѣхалъ курьеръ отъ принца Нассау, и что Екатерина на другой день поѣхала въ городъ, «спускать 100-пушечный *Св. Евсевій* на память побѣды 22-го іюня». Вѣроятно, чтобы Шишковъ былъ въ дорогѣ отъ 1-го числа до 5-го, и чтобъ онъ до 5-го числа ничего не зналъ о битвѣ.

[3]) *Castéra*, II, 162. Кастера прибавляетъ, что Екатерина подарила принцу 4.000 душъ крестьянъ, домъ и 12.000 руб. Извѣстіе о подаркахъ, кажется, не совсѣмъ согласно съ истиною. Да и Кастера не говоритъ, откуда онъ его заимствовалъ.

шеніяхъ принца Нассау къ русскимъ его сослуживцамъ, и изъ записокъ Храповицкаго видно, что принцъ жаловался на Салтыкова, а Салтыковъ на него [1]). Екатерина между тѣмъ узнала подробнѣе о событіи 28-го іюня. 5-го іюля пріѣхалъ курьеръ отъ Нассау „съ извѣстіемъ, что наши приходятъ съ острововъ". Она послала повелѣніе, чтобы каждый начальникъ далъ изъяснительный отвѣтъ объ этомъ происшествіи. На другой день пріѣхалъ переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Миллеръ, бывшій въ плѣну у Шведовъ и отпущенный королемъ. Онъ разказалъ, что Русскіе потеряли болѣе 4.000 людей и до 50 судовъ [2]). При всемъ томъ Екатерина не порицала принца. Она возвратила ему присланные ей ордена и 9-го іюля писала ему между прочимъ слѣдующее: „Я не забыла, что вы семь разъ были побѣдителемъ на югѣ и сѣверѣ. Сей же разъ была буря, которая противоборствовала вашему предпріятію.... Вы мнѣ служили, служите еще и впредь будете служить, дабы уронъ сей вознаградить". Далѣе она утѣшаетъ его въ отношеніи городскихъ слуховъ и убѣждаетъ не обращать на нихъ вниманія. Затѣмъ она указываетъ на примѣры знаменитѣйшихъ полководцевъ, иногда потерпѣвшихъ уронъ, и замѣчаетъ, что Фридрихъ II былъ великимъ, особенно послѣ самыхъ страшныхъ пораженій. „Петръ I", говоритъ она, „претерпѣвая пораженія въ продолженіе девяти лѣтъ, одерживаетъ Полтавскую побѣду". Особенно Екатерина обращаетъ вниманіе принца Нассау на то, что сельбъ она уволила его теперь, то всѣ худые отзывы о Нассау, столь оскорбляющіе его, этимъ самымъ какъ-бы получили подтвержденіе. По заключеніи мира со Швеціей Нассау опять просилъ отставки, но Екатерина писала ему 9-го августа 1790 года: „Будьте увѣрены, что я отдамъ справедливость всѣмъ вашимъ поступкамъ.... Я принимала участіе въ вашемъ горѣ, и отъ моего вниманія не ускользнуло препятствіе, которое вы встрѣтили отъ противнаго вѣтра. Вы дѣйствовали по плану, утвержденному мною, и по моимъ приказаніямъ. Вы правы и должны быть правы, потому что я нахожу, что вы правы". Затѣмъ она еще разъ просила его оставаться въ службѣ Россіи, которой онъ доставилъ существенныя выгоды (avantages essentiels), чтобы привести въ окончательный видъ то, что было имъ начато, то-есть, привести флотъ въ надлежащее состояніе [3]). Нассау остался, и Екатерина казалась

[1]) Зап. Храп. 8-го іюля.

[2]) Зап. Храп. 5-го и 8-го іюля.

[3]) См. сочиненія Екатерины изд. Смирд., III, 385. *Сборникъ Русскаго Ист. Общ.*, I, 210—213.

спокойною и нисколько не упавшею духомъ. По крайней мѣрѣ, въ это самое время, именно 9-го іюля, когда ей были доставлены подробныя извѣстія о несчастномъ событіи, она писала графу А. Г. Орлову, въ Москву, письмо слѣдующаго содержанія:

„Графъ Алексѣй Григорьевичъ! Божіей премудрости хвалу воздавъ за чудеса Его, вопервыхъ, когда при Ревелѣ адмиралъ Чичаговъ съ десятью линейными кораблями отражалъ 28 непріятельскихъ, изъ коихъ взялъ одинъ, а другой сами Шведы, посадя на мель, сожгли. Потомъ тотъ же адмиралъ, имѣвъ въ своей командѣ много оставшихся во флотѣ учениковъ вашихъ, у коихъ въ свѣжей еще памяти примѣръ храбрости Чесменскаго побѣдителя, въ Выборгской бухтѣ совершеннѣйшую побѣду одержалъ надъ шведскимъ корабельнымъ и гребнымъ флотами, о которой и донынѣ еще не всѣ трофеи извѣстны, ибо ежедневно приводятся, и приведена еще сегодня галера, о которой никто не зналъ. Тогда пельзя не обратить взоръ съ благодарнымъ сердцемъ на того, кто таковыхъ побѣдъ у насъ на морѣ открылъ свѣту вперые.... Ты показалъ путь, по которому шествуютъ твои храбрые и искусные послѣдователи.... Молю Бога, да увѣнчаетъ всѣ побѣды наши вожделѣннымъ миромъ напекорѣе“ и т. д. [1]).

Такое же письмо она отправила къ бывшему вице-канцлеру князю А. М. Голицыну [2]). Этими письмами Екатерина, вѣроятно, хотѣла подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Москвѣ. За то къ Потемкину Екатерина писала (17-го іюля) болѣе откровенно: „Послѣ сей прямо славной побѣды шесть дней (спустя) послѣдовало несчастное дѣло съ гребною флотиліей, которое мнѣ столь прискорбно, что послѣ разпесенія черноморскаго флота бурею, ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе“ [3]).

Между тѣмъ какъ у Екатерины вырывались слова огорченія, друзья Густава и онъ самъ могли радоваться счастливому для Швеціи исходу дѣла. Густавъ могъ теперь начать переговоры о мирѣ, не опасаясь никакихъ потерь. Онъ надѣялся на выгодный миръ и не даромъ. Онъ могъ считать монархическую власть въ Швеціи спасенною; голоса недовольныхъ должны были умолкнуть. Вѣроятно, исходъ этой битвы значительно содѣйствовалъ рѣшенію судьбы главныхъ членовъ конфедераціи, ожидавшихъ утвержденія приговора надъ ними отъ короля или амнистіи. Если бы король погибъ въ одной изъ этихъ битвъ или былъ бы взятъ въ плѣнъ, и въ Швеціи учредилось бы регентство, то легко могло случиться, что дворянская партія поднялась бы на высокую степень могущества, и политическое преступленіе

[1]) Сочиненія Екатерины, III, 390.

[2]) Зап. Храп. 9-го, 13-го іюля.

[3]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, стр. 202.

лицъ, заключенныхъ въ Фридрихсгофскомъ замкѣ, могло оказаться, пожалуй, геройскимъ и патріотическимъ подвигомъ. Ихъ преступленіе заключалось въ оппозиціи противъ войны, которая клонилась, по ихъ мнѣнію, къ погибели Швеціи, и тогда ихъ протестъ могъ бы оказаться справедливымъ. Напротивъ того, послѣ торжества Густава, послѣ геройскихъ его подвиговъ, при всѣхъ промахахъ, сдѣланныхъ имъ, при всемъ нарушеніи имъ, въ началѣ войны, постановленій международнаго и государственнаго права, онъ могъ, особенно по заключеніи выгоднаго для Швеціи мира, разчитывать на поддержку со стороны общественнаго мнѣнія въ Швеціи. Поэтому и дѣло подсудимыхъ конфедератовъ кончилось теперь не въ ихъ пользу. Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ главные виновники конфедераціи были приговорены къ смертной казни. Въ Швеціи надѣялись, что утвержденіе этого приговора не состоится. Но въ августѣ мѣсяцѣ въ Стокгольмѣ былъ полученъ утвержденный приговоръ Оттера, Гестешо, Энегіельма, Клингшпора и Котена. Еще многіе надѣялись на спасеніе несчастныхъ. Ходили слухи, что королева хотѣла просить короля о ихъ помилованіи. Но Гестешо былъ казненъ. Наказаніе другихъ было смягчено [1]). Король хотѣлъ доказать однимъ примѣромъ строгости, что монархія торжествовала надъ аристократіей. Онъ едва-ли могъ бы достигнуть этого безъ блистательной побѣды при Свенскзундѣ.

$^{3}/_{14}$ іюля король писалъ къ Стединку изъ Свенскзунда объ этомъ событіи, называя битву „горькимъ урокомъ для хвастливаго Нассау". Далѣе онъ писалъ, что ожидаетъ еще другой битвы, потому что Нассау не захочетъ оставаться побѣжденнымъ. Впрочемъ въ этомъ письмѣ король уже выразилъ надежду на возстановленіе мира [2]). Стединкъ въ отвѣтъ на это письмо, поздравилъ короля съ славною побѣдой, утверждая, что отъ исхода этого сраженія зависѣла участь Швеціи, и что отнынѣ навсегда укрѣплена военная слава короля, который заслуживаетъ названіе спасителя и хранителя государства [3]). Въ швед-

[1]) *С.-Петерб. Вѣд.*, 923, 1195, 1216, 1296.

[2]) Mém. de Sted., I, 272.

[3]) Mém de Sted., I, 274: «Monsieur de Charpentier, qui m'a apporté la lettre de votre majesté, du 11, est un bien mauvais nouvelliste. Il n'a pas pu m'apprendre le moindre détail sur la glorieuse journée du 9, mais j'en connais assez pour savoir que de ce jour dépendait le destin de la Suède, qu'il fixe pour toujours la réputation militaire de votre majesté, et qu'il doit lui valoir auprès de la postérité le titre de sauveur et de conservateur de la patrie. Jamais aussi le *Te Deum* n'a été chanté de meilleur coeur que le nôtre d'avant-hier. Nous avons fait beaucoup de bruit, et notre joie a éclaté de toutes les manières que le se-

скомъ лагерѣ, а также и въ Стокгольмѣ, съ особенною торжественностью праздновали побѣду при Свенскзундѣ. По этому случаю былъ сочиненъ побѣдный гимнъ [1]).

Военныя дѣйствія пріостановились. Обѣ воюющія стороны думали о мирѣ. Но въ русскомъ лагерѣ желали поправить неудачу при Свенскзундѣ новыми нападеніями на Шведовъ. Нассау составилъ планъ атаковать шведскій флотъ и шведское войско при Броби [2]). Храповицкій пишетъ 4-го августа: „Все готово въ атакѣ Шведскаго короля въ Роченсальмѣ со всѣхъ сторонъ, Повалишинъ тамъ же съ кораблями“. Атака была уже назначена къ $^{8}/_{19}$ августа, какъ вдругъ принцъ Нассау получилъ увѣдомленіе о заключеніи мира.

XI.

Верельскій Миръ.

Открытіе переговоровъ. — Содержаніе трактата. — Вопросъ о конституціи 1772 года, о Турціи и о деньгахъ. — Неудовольствіе Пруссіи и Англіи.—Празднества въ Швеціи и Россіи.—Возраженіе князя М. М. Щербатова на рѣчь оберъ-прокурора Неклюдова. — Стединкъ въ Петербургѣ. — Заключеніе.

Густавъ III, въ продолженіе послѣдняго времени, могъ убѣдиться въ томъ, что онъ не имѣетъ основаній надѣяться на помощь западныхъ державъ. Страшныя потери, понесенныя имъ въ сраженіи при Выборгскомъ заливѣ, значительныя силы, которыми Россія располагала на морѣ и послѣ битвы при Свенскзундѣ, громадныя жертвы, которыя Швеція уже принесла въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ для борьбы съ Россіей, все это представляло опасности для короля, имѣвшаго въ Швеціи отчаянныхъ враговъ. Уже неоднократно, во время трехъ походовъ, онъ изъявлялъ желаніе разбить Русскихъ хотя бы въ одномъ сраженіи, чтобы тѣмъ самымъ пріобрѣсти случай заключить миръ, согласный съ честью и славою Швеціи. О завоеваніяхъ и присоединеніи вновь всей Финляндіи къ Швеціи онъ уже не могъ думать.

---

jour de Pertimaeki veut bien permettre. Je fais des voeux, et j'espère que la victoire accompagnera partout les pas de votre majesté, et que le prince de Nassau soi-disant deviendra par vos soins le plus poli de tous les princes». Стединкъ могъ быть тѣмъ болѣе доволенъ счастливымъ исходомъ этой битвы, что его братъ, служившій на флотѣ и ужь отличившійся въ дѣлѣ при Выборгскомъ заливѣ, оказалъ королю весьма важныя услуги и въ битвѣ при Свенскзундѣ; см. замѣтку Вьёршерна, Mém. de Sted., I, 276, 277.

[1]) *Horft*, 342.

[2]) *Колотовъ*, IV, 97.

Громадные планы его оказались не осуществимыми. Нассау готовился къ сраженію. Кто могъ предвидѣть исходъ такой битвы? Турція къ тому же не исполняла обязательствъ, данныхъ ею Густаву, и оставляла его безъ денегъ; Пруссія въ это время уже вела переговоры съ императоромъ, которые повели къ заключенію между обѣими державами договора въ Рейхенбахѣ. Внутренній раздоръ въ Польшѣ не дозволялъ Густаву надѣяться на этого союзника противъ Россіи. Въ Швеціи всѣ партіи желали мира [1]). Со стороны Россіи начались переговоры съ Турціей о мирѣ, который могъ тогда казаться довольно вѣроятнымъ, ибо Турки, узнавъ объ уничтоженіи значительной части шведскаго флота близъ Выборгскаго залива, могли еще скорѣе согласиться на предложенія Россіи, изъ опасенія, что пораженіе Швеціи дастъ Россіи возможность отправить свой флотъ въ Средиземное море. Всѣ эти соображенія заставляли Густава болѣе чѣмъ когда-либо желать окончанія войны.

Съ своей стороны, и Екатерина могла опасаться вмѣшательства Англіи и Пруссіи въ ея политическія отношенія: Польскія дѣла становились все болѣе и болѣе серіозными. На Леопольда II нельзя было надѣяться: онъ думалъ объ окончаніи войны съ Турціею и о сближеніи съ Пруссіей. Екатерина знала объ этомъ, и не надѣясь болѣе на императора, должна была думать о мирѣ и съ Турціей. Почти одновременно состоялся договоръ Рейхенбахскій между Леопольдомъ и Пруссіей ($^{16}/_{27}$ іюля) и Верельскій между Швеціей и Россіей.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ переговоры между Густавомъ и Екатериною начались тотчасъ же послѣ битвы при Свенскзундѣ. Король Шведскій предлагалъ взаимный размѣнъ плѣнныхъ, но со стороны Русскихъ послѣдовалъ отказъ на этотъ счетъ [2]). За то съ различныхъ сторонъ были приняты мѣры для возстановленія мира. Нѣкоторые историки говорятъ, будто бы сношенія между королемъ и императрицею начались благодаря посредничеству испанскаго посланника Гальвеца [3]). Но подробности этого участія испанскаго дипломата

[1]) Намъ не извѣстно, откуда заимствовано слѣдующее извѣстіе Колотова, IV, 95: «Англійскій флотъ, подъ командой адмирала Худа собравшійся въ дюйнахъ, о которомъ утверждали, будто бы назначенъ въ Балтійское море, былъ остановленъ, какъ скоро получено въ Англіи извѣстіе о печальномъ заключеніи мира».

[2]) *Колотовъ*, IV, 58.

[3]) *Horst*, 251. «Alle diese politischen Betrachtungen wusste der spanische Minister in Petersburg, dessen Hof seit dem Ausbruche des Krieges mit den Türken die Absichten des Petersburges Kabinets bei jeder Gelegenheit zu begünsti-

въ сближеніи Россіи съ Швеціей намъ не извѣстны. Другіе писатели утверждаютъ, что первый шагъ къ примиренію [1]) былъ сдѣланъ со стороны императрицы; наконецъ третьи разказываютъ, будто бы король первый сдѣлалъ мирныя предложенія, поручивъ сообщеніе ихъ одному кабинетъ-секретарю императрицы, который, будучи взятъ въ плѣнъ въ сраженіи при Свенскзундѣ, получилъ отъ короля дозволеніе возвратиться въ Петербургъ [2]). Екатерина была довольна склонностью Густава къ миру и уполномочила генерала Игельстрёма явиться къ королю для переговоровъ [3]). Послѣдній разказъ можно считать наболѣе правдоподобнымъ [4]). Но къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ содержаніе документовъ, отправленныхъ съ обѣихъ сторонъ.

Переговоры однако, какъ видно изъ записокъ Храповицкаго, продолжались по крайней мѣрѣ четыре недѣли. По всей вѣроятности, то лицо, которому Густавъ поручилъ передать записку съ предложеніемъ о размѣнѣ плѣнныхъ и съ намеками о готовности заключить миръ, былъ переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Миллеръ, о пріѣздѣ котораго въ Петербургъ говорится въ запискахъ Храповицкаго уже $^{6}/_{17}$ іюля. Въ то время императрица писала къ бывшему вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну о мирѣ, „что въ семъ случаѣ, какъ при бракѣ, надобно согласіе съ обѣихъ сторонъ“ [5]). Между тѣмъ въ Петербургѣ узнали подробнѣе объ условіяхъ, на которыхъ Густавъ хотѣлъ заключить миръ. 22-го іюля Храповицкій пишетъ: „Неудовольствіе на то, что король Шведскій безъ уступки изъ Финляндіи мириться не хочетъ: сіе видно изъ письма его къ вице-канцлеру, сегодня полученнаго, при спискѣ плѣннымъ нашимъ офицерамъ, коихъ до 200 остается“. Густавъ требовалъ по

---

gen gesucht hatte, und jetzt, nach der Revolution in Frankreich, die so grossen Einfluss auf das politische System des spanischen Hofes hat, die Vergrösserung Russlands vielleicht um so lieber sah, weil er ein Gegengewicht gegen die überwiegende Macht der Engländer darin zu finden hoffte, sehr einsichtsvoll zu gebrauchen, um den Frieden herbeizuführen. Es gelang ihm und dem Petersburger Kabinette auch wirklich dieses grosse Geschäfte mit einer Feinheit und Geschwindigkeit einzuleiten und zu vollenden, welche Bewunderung verdient». Также Сегюръ, Tableau de l'Europe и пр. I, 901, говоритъ о вмѣшательствѣ Испаніи.

[1]) *D'Aquila*, II, 308; *Германъ*, VI, 324.

[2]) *Posselt*, 473.

[3]) *Колотовъ*, IV, 81.

[4]) *Horft*, 354.

[5]) Зап. Храп. 13-го іюля.

крайней мѣрѣ Гёгфорса и не хотѣлъ сначала отказаться отъ вмѣшательства въ дѣла Россіи съ Оттоманскою Портою. 23-го іюля Храповицкій пишетъ: „Письмо барона Игельстрёма о бывшемъ 21-го іюля свиданіи его съ Армфельдомъ; къ миру есть надежда; просятъ только Гёгфорса". И 26-го іюля: „Графъ Безбородко сомнѣвается объ успѣхѣ мира съ королемъ Шведскимъ, какъ въ разсужденіи требуемой имъ уступки, такъ и предлагаемой отъ него медіаціи по турецкимъ дѣламъ". Со времени свиданія барона Игельстрёма съ графомъ Армфельдомъ, о которомъ говоритъ Храповицкій, до заключенія мира прошло двѣ недѣли. Формальныя засѣданія дипломатовъ происходили въ палаткѣ при мѣстечкѣ Вереле. Король находился во время переговоровъ въ Нейполе и Аньялà [1]).

Шведы, какъ мы видѣли, требовали отъ Россіи нѣкоторой территоріальной уступки. Но русскій дипломатъ не соглашался ни на какую подобную уступку. Именно тотъ юго-западный уголокъ русской Финляндіи, гдѣ находился Гегфорсъ, имѣлъ, какъ мы видѣли неоднократно изъ исторіи походовъ, большое стратегическое значеніе. Граница между Швеціей и Россіей по рѣку Кюмень не измѣнилась. Миръ въ Вереле былъ въ этомъ отношеніи лишь подтвержденіемъ Абовскаго договора 1743 года. Далѣе, заключая миръ съ Россіей, Шведы не могли не думать объ Оттоманской Портѣ. Начиная войну съ Ека-

---

[1]) Екатерина могла считать вѣроятнымъ соглашеніе между Пруссіей и Австріей, но о заключеніи Рейхенбахскаго договора, $^{16}/_{27}$ іюля, она не знала даже и въ первыхъ числахъ августа. 26-го іюля Храповицкій пишетъ: «Въ нѣсколько дней рѣшится все между Австріей и Пруссіей». И 2-го августа: «Есть слухъ что Леопольдъ, уступивъ Туркамъ всѣ завоеванія, помирился съ Прусскимъ королемъ, коему не достался ни Данцигъ, ни Торунь». Несправедливо поэтому показаніе Поссельта и Колотова, что Екатерина при заключеніи мира съ Густавомъ уже знала о результатахъ переговоровъ въ Рейхенбахѣ. Колотовъ даже говоритъ: «Въ Петербургѣ знали то, что̀ Густавъ еще не зналъ. Вѣроятно, что король Шведскій чрезъ пять дней, время которое назначено было для размѣна взаимныхъ ратификацій, то-есть, отъ $^{3}/_{14}$ до $^{8}/_{19}$ августа узналъ послѣдствіе переговоровъ Рейхенбахскихъ. Но онъ не могъ не принять ратификаціи, поелику не предварительный, но дѣйствительный мирный трактатъ заключенъ передъ его глазами, и формалитетъ ратификацій не могъ быть отложенъ безъ нарушенія самаго трактата». Напротивъ того, Густавъ до заключенія мира положительно зналъ о Рейхенбахскомъ договорѣ. Онъ писалъ объ этомъ Стединку $^{2}/_{13}$ августа: «Le 25 juillet la paix a été signé entre le roi de Hongrie et le roi de Prusse... Vous m' avouerez que l'empereur Léopold n'est pas un ambitieux de premier ordre, et qu'il professe dans toute son étendue une des vertus chrétiennes, l'humilité». Mém. de Sted., I, 280».

терпію, Густавъ ссылался на обязательства свои предъ Портою. Въ теченіе войны онъ получалъ отъ Турціи субсидію. Согласно съ договоромъ, заключеннымъ между Швеціей и Турціей, ни одна изъ этихъ державъ не имѣла права заключить миръ съ Россіей безъ согласія на то союзника. Теперь же Густавъ, принужденный обстоятельствами къ заключенію мира, не могъ ожидать согласія на то со стороны Турціи. Поэтому онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ оправдать предъ Турціей свой образъ дѣйствій заявленіемъ, что онъ надѣется на заключеніе мира и между Россіей и Оттоманскою Портою въ ближайшемъ будущемъ. Дѣйствительно, уже съ нѣкотораго времени можно было ожидать прекращенія и Турецкой войны. Въ то время, когда начались переговоры въ Верельской долинѣ, въ Петербургѣ надѣялись и на скорый миръ съ Турціей. Чѣмъ менѣе можно было надѣяться на Австрію, тѣмъ болѣе тягостною для Россіи становилась Турецкая война. Баронъ Игельстрёмъ однако никакъ не хотѣлъ согласиться, чтобы въ мирномъ трактатѣ, заключенномъ въ Вереле, было упомянуто о Турціи. За то русское правительство сообщило Густаву, что нельзя сомнѣваться въ скоромъ заключеніи мира съ Турціей. Густавъ согласился на умолчаніе о Турціи въ трактатѣ лишь на томъ условіи, чтобы въ протоколы мирныхъ конференцій было внесено заявленіе, что король соглашается на миръ лишь послѣ полученія отъ вице-канцлера графа Остермана письменнаго увѣренія, *что императрица* въ ближайшемъ будущемъ, *ожидаетъ* мира съ Турціей, и къ тому же *мира, заключеннаго на самыхъ для Турціи выгодныхъ условіяхъ*. И баронъ Игельстрёмъ также формально заявилъ на словахъ, *что*, благодаря уступчивости и снисходительности императрицы, *миръ съ Турціей можетъ считаться какъ-бы заключеннымъ* [1]). Въ какой степени Густавъ считалъ важнымъ вопросъ о Турціи, видно изъ того обстоятельства, что услышавъ несогласіе барона Игельстрёма упомянуть о Турціи въ трактатѣ, король за день до заключенія мира прекратилъ было переговоры и рѣшился на ихъ возобновленіе только тогда, когда получилъ ручательства въ предстоящемъ мирѣ съ Тур-

[1]) См. *Herrmann*, VI, 325. Относительно приведенныхъ здѣсь фактовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ депеша англійскаго посланника Роберта Листона изъ Стокгольма отъ 3-го сентября 1790 г., въ которой разказывается, что король послѣ своего возвращенія въ Стокгольмъ, принимая у себя иностранныхъ министровъ, объяснялъ заключеніе мира указаніемъ на вышеупомянутыя данныя. Эта депеша, заимствованная Германомъ изъ Лондонскаго архива, приведена въ его Gesch. des russischen Staats, VI, 562—564.

ціей отъ русскаго уполномоченнаго [1]). Въ протоколѣ не было сказано, на какія именно уступки императрица была тогда готова для этой цѣли, но англійскому посланнику въ Стокгольмѣ было сообщено въ послѣдствіи, что императрица удовольствуется подтвержденіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, то-есть, что она готова возвратить Туркамъ Крымъ. Не будемъ разбирать, могло ли такое заявленіе русскаго двора быть убѣдительнымъ. Но для Густава оно показалось достаточнымъ, чтобы возобновить мирные переговоры и рѣшиться на заключеніе окончательнаго мирнаго трактата безъ упоминанія въ немъ о Турціи. Такимъ образомъ и въ отношеніи къ вопросу о Турціи договоръ состоялся согласно желаніямъ Россіи, а не Швеціи.

Но въ другомъ отношеніи желанія Густава III были удовлетворены. *Status quo ante bellum*, возстановленный относительно территоріи Швеціи и Россіи, измѣнился довольно важнымъ образомъ въ другомъ отношеніи. Король, какъ мы видѣли, началъ войну съ Россіей въ особенности съ тою цѣлью, чтобъ освободиться отъ вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Швеціи, и чтобъ именно въ отношеніи къ Россіи обезпечить результаты государственнаго переворота 1772 года. Въ продолженіе всей войны, какъ только возбуждался вопросъ о примиреніи воюющихъ, Россія постоянно требовала утвержденія Ништатскаго мира, то-есть, отмѣны образовавшагося въ 1772 году государственнаго порядка въ Швеціи. Россія, гарантировавшая конституцію, существовавшую до 1772 года, должна была казаться крайне опасною для Швеціи. Поэтому-то, какъ мы сказали въ своемъ мѣстѣ, война 1788 года и можетъ называться какъ-бы продолженіемъ монархической революціи 1772 года. Пока Россія требовала возстановленія прежняго порядка въ Швеціи, все въ этомъ государствѣ оставалось вопросомъ, и дореволюціонный антагонизмъ между королемъ и дворянствомъ, поддерживаемымъ Россіей, препятствовалъ дальнѣйшему развитію политической жизни Швеціи. Теперь же, благодаря войнѣ 1788—1790 годовъ, совершилась эмансипація Швеціи отъ Россіи. Въ Верельскомъ трактатѣ не было упомянуто о Ништатскомъ мирѣ и о конституціи 1772 года. Императрица этимъ самымъ отказывалась отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ шведскія дѣла. Главная цѣль войны со стороны Густава была достигнута, главная задача его царствованія рѣшена. Швеція сохранила

[1]) Король писалъ Стедингу $^{2}/_{13}$ августа: «Tout ce que je viens de vous dire, vous prouve que nous approchons du moment de la paix; cependant, hier elle était presque rompue de nouveau, mais il faut espérer que tout s'arrangera au mieux». Mém. de Sted., I, 280.

свою политическую самостоятельность. И въ то самое время, когда Берельскій миръ, гораздо болѣе замѣчательный обойденными вопросами, чѣмъ положительными постановленіями, обезпечилъ за Швеціей эту самостоятельность, въ Стокгольмѣ была окончательно рѣшена участь конфедератовъ, стоявшихъ за старый порядокъ. Былъ произнесенъ приговоръ надъ главными виновниками конфедераціи въ Аньялà, была исполнена смертная казнь по крайней мѣрѣ одного изъ главныхъ противниковъ короля. Битва при Свенскзундѣ имѣла слѣдствіемъ умолчаніе въ Берельскомъ трактатѣ о конституціи 1772 года. Казнь Гестешо также составляла собою подтвержденіе этой конституціи [1]). Любопытно, что ратификація Берельскаго трактата происходила именно $^{8}/_{19}$ августа, въ день годовщины государственнаго переворота 1772 года.

Что касается другихъ постановленій трактата, то было рѣшено, чтобы обѣ державы обмѣнялись плѣнниками, которымъ было предоставлено возвратиться въ отечество [2]). Далѣе были опредѣлены нѣкоторыя правила салютаціи на морѣ. Наконецъ было рѣшено, что Швеція имѣетъ право каждый годъ безпошлинно покупать въ портахъ Финскаго залива хлѣба, на сумму 50.000 рублей [3]).

Такъ какъ договоръ былъ заключенъ съ нѣкоторою поспѣшностью,

---

[1]) *Horft*, 359.

[2]) Не всѣ Шведы, попавшіеся въ плѣнъ въ продолженіе войны, воспользовались этимъ дозволеніемъ вернуться на родину. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ Россіи и поселились особенно на югѣ; см. *Скальковскаго*, Хронол. обозр. нет. Новор. края, I, 226. Что касается до Шведовъ, водворившихся въ Россіи еще до войны, то Кастера, II, 164, разсказываетъ слѣдующій случай: «Pendant la guerre de Finlande, Catherine signala tout à la fois sa clémence et sa sévérité. Des officiers suédois, employés en qualité d'instituteurs du corps des cadets de Pétersbourg, se permirent d'entretenir avec leurs compatriotes une correspondance, dans laquelle ils parlaient de l'impératrice d'une manière trés-hardie... On intercepta leurs lettres et on les remit à cette princesse, qui les lut en entier. Aussitôt les Suédois furent arrêtés et examinés par Stepan Iwanonitz Schischkoffsky, chef de la commission secrète, et par un militaire estimable que l'impératrice lui adjoignit pour tempérer son humeur farouche. Le délit fut prouvé, et les coupables parurent mériter de perdre la vie. Cependant l'impératrice se contenta de les reléguer dans ses provinces de l'intérieur. Elle leur conserva même leurs appointements, et à la paix elle les renvoya dans leur patrie». Въ запискахъ Храповицкаго объ этомъ случаѣ ничего не сказано. Исторія съ Вистомъ, о которомъ тамъ говорится 28-го, 29-го и 30-го іюля и 1-го августа 1791 году, едва-ли состоитъ въ связи съ разсказаннымъ происшествіемъ.

[3]) См. содержаніе всего трактата между прочимъ у *Коломова*, IV, 84—89, и у *Сегюра*, Tableau и пр., I, 365—388.

то условія мира были начертаны только наскоро [1]). Нѣкоторые вопросы должны были окончательно рѣшиться лишь въ послѣдствіи. Такъ, объ договаривающіяся державы изъявили намѣреніе заключеніемъ особой конвенціи о салютаціяхъ на морѣ опредѣлить подробнѣе относящіяся къ этому вопросу постановленія. Также особою коммиссіей предполагалось рѣшить вопросы о нѣкоторыхъ спорныхъ пограничныхъ пунктахъ [2]).

Одинъ изъ современниковъ [3]) сообщаетъ о секретномъ параграфѣ этого договора, въ силу котораго императрица обязалась выдать королю 2 милліона рублей для уплаты его частныхъ долговъ, составлявшихъ, какъ говорили тогда, 3 милліона талеровъ [4]). Изъ записокъ Храповицкаго видно, что Екатерина дѣйствительно согласилась на это условіе, и что по этому вопросу, въ продолженіе слѣдовавшихъ за заключеніемъ мира мѣсяцевъ, происходила переписка. Вскорѣ по заключеніи мира начали говорить о войнѣ съ Франціей, и Россія изъявила готовность поддерживать Густава субсидіями. 2-го февраля 1791 года Храповицкій пишетъ: „Сказано (Екатериною), что король просилъ денегъ, но нельзя дать, для того, что ихъ нѣтъ, и чтобы не похвасталъ Туркамъ и прочимъ, будто бы это послѣдовало въ исполненіе сепаратныхъ артикуловъ мирнаго трактата". 11 февраля: „Король къ намъ преклонепъ и прислалъ проектъ трактата. Надобны деньги на первый подъемъ 150.000 талеровъ, *да лично королю 200.000*". 16-го мая: „Курьеръ изъ Стокгольма съ извѣстіемъ о разныхъ требованіяхъ королевскихъ. Выходитъ наружу, что баронъ Игельстрёмъ, при заключеніи мира, много лишняго обѣщалъ". 13-го іюня: „Отправлено собственноручное письмо въ Стокгольмъ. Королю даютъ 500.000". 3-го іюня: „Курьеръ отъ графа Стакельберга; изъ Стокгольма непріятныя требованія разграниченія и денегъ. Написали: „Cela est exorbitant". Можно считать вѣроятнымъ, что эти замѣтки о суммахъ денегъ, требуемыхъ Густавомъ, состоятъ, по крайней мѣрѣ отчасти, въ

[1]) «Il n'y était pas question d'une amitié inviolable, d'une union perpétuelle et de tous ces lieux communs de la diplomatie, qui ne font que masquer le désir mutuel de se tromper: rédigé par des guerriers, qui avaient encore le casque en tête, la lance au poing, et dont les bannières flottait autour d'eux, son caractère de simplicité et de loyauté le rendait sacré, et son époque solennelle en garantissait l'exécution par de mémorables souvenirs». *D'Aquila*, II, 309.

[2]) VII-я статьи договора.

[3]) Helbig, *Minerva*, I. c., 167.

[4]) *Herrmann*, VI, 324.

связи съ вышеупомянутымъ слухомъ о секретномъ параграфѣ Верельскаго мира. О субсидіяхъ для французской войны говорится еще нѣсколько позже [1]). Но особенно любопытна замѣтка у Храповицкаго подъ 27-мъ іюля 1791 года: „Баронъ Паленъ изъ Ахена пишетъ, что Шведскій король стремится защищать короля Французскаго, подговаривал къ тому и насъ, *но по прежнему проситъ за миръ 3 милліона*“. Послѣднія слова едва-ли допускаютъ сомнѣніе въ томъ, что Екатерина обязалась уплатить Густаву значительную сумму денегъ; но было ли это обязательство занесено въ статьи договора остается не извѣстнымъ въ точности. Какъ бы то ни было, это условіе, а равно и молчаніе Верельскаго трактата о Ништатскомъ и Абовскомъ договорахъ, доказываетъ, что во время переговоровъ въ Верельской долинѣ положеніе Швеціи, какъ намъ кажется, преимущественно благодаря Свенкзундской битвѣ, было довольно выгодное [2]). Напротивъ того Екатерина, уступая Шведамъ въ нѣкоторыхъ важныхъ условіяхъ мира, должна была принимать въ соображеніе положеніе дѣлъ въ отношеніи къ общеевропейскимъ политическимъ вопросамъ. Она еще не кончила войны съ Турками; съ петербѣніемъ ждала она удобнаго времени для окончанія польскаго вопроса; для этой цѣли она желала вовлечь Швецію въ войну съ Франціей; наконецъ она должна была опасаться вновь вмѣшательства Англіи и Пруссіи въ ея дѣла съ Густавомъ. Всѣми средствами должно было стараться покончить скорѣе съ Швеціей и заключеніемъ мира предупредить всякаго рода заступничество Англіи и Пруссіи за Густава. За то, устраняя уступчивостью все то, что могло затянуть рѣшеніе вопроса о мирѣ, императрица печальнымъ извѣстіемъ о Верельскомъ договорѣ дѣйствительно привела западныя державы въ удивленіе. Дѣло повернулось такъ, что кабинеты Коп-

---

[1]) Зап. Храп. 1-го октября: «Въ совѣтѣ разсуждаемо было, чтобы 8 лѣтъ платить Шведскому королю по 300 тысячъ». 21-го октября: «Вмѣсто просимыхъ субсидій по 500.000 руб. на годъ, король согласился на 300.000 руб., полагая непремѣнный курсъ по 40 стиверовъ на рубль, и т. д.

[2]) *Castéra*, II, 163: «Le ministre d'Espagne à la cour de Russie, Galvez, offrit sa médiation à Catherine, et l'employa avec zèle à en obtenir des conditions favorables, en promettant, que Gustave marcherait aussitôt contre les Français. C'était tout ce que désirait l'impératrice. Elle feignit de pardonner à son ennemi dans l'espoir de le voir s'abîmer dans une entreprise éloignée. Pour mieux l'aveugler elle affecta de se montrer généreuse. Elle ne demanda que le rétablissement des traités de Neustadt et Abo (разнѣ въ территоріальномъ отношеніи) et l'entier oubli des dernières querelles. En conséquence le traité fut signé sans retard à Verela».

стантинопольскій, Лондонскій и Берлинскій почувствовали крайнее неудовольствіе на Густава. Его обвиняли въ непостоянствѣ и въ неблагодарности [1]). Въ Константинополѣ обращеніе съ шведскимъ посланникомъ измѣнилось совершенно. 25-го октября 1790 года, по приказу самого султана, былъ снятъ въ домѣ шведскаго посланника янычарскій караулъ, данный ему въ іюлѣ мѣсяцѣ изъ особеннаго уваженія, когда посланнику была поднесена ратификація союзнаго трактата между Густавомъ и Селимомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланника лишили опредѣленной на содержаніе караула суммы, которою онъ пользовался до того времени. Три меморіала, которые шведскій посланникъ подавалъ, не были приняты, и въ аудіенціи, которой онъ просилъ, ему формально отказали [2]). Но въ свою очередь, и Густавъ имѣлъ основаніе жаловаться на своихъ союзниковъ, оставлявшихъ его безъ помощи; союзъ съ Россіей могъ для него быть выгоднѣе, чѣмъ союзъ съ западными державами [3]).

Чѣмъ менѣе были довольны на западѣ окончаніемъ Шведской войны, тѣмъ болѣе радовались въ лагеряхъ русскомъ и шведскомъ такому исходу дѣла; а также и въ Петербургѣ были довольны. Шведскіе и русскіе офицеры и солдаты находились въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ между собою. Баронъ Игельстрёмъ, съ русскими офицерами, обѣдалъ у короля [4]).

О впечатлѣніи при Петербургскомъ дворѣ можно судить по запискамъ Храповицкаго. 5-го августа 1790 г. онъ пишетъ: „На разсвѣтѣ пріѣхалъ курьеръ съ подписаннымъ 3-го августа баронами Игельстрёмомъ и Армфельдомъ миромъ въ непремѣнныхъ границахъ, до начатія войны бывшихъ. Графъ Безбородко сказалъ: „Мы свое кончили, пусть князь Потемкинъ свое кончитъ!“ Довольны; въ церкви отправлено молебствіе; и поздравилъ ея величество.... Тѣмъ болѣе довольны, что ни Англичане, ни Пруссаки сего не знаютъ: „On les a joué“. Императрица немедленно написала нѣкоторымъ лицамъ о мирѣ. Такъ она писала къ Рижскому губернатору Броуну и къ Московскому главнокомандующему князю Прозоровскому [5]). Графъ А. М.

---

[1]) *Posselt*, 482.

[2]) *Колотовъ*, IV, 136, 137.

[3]) *D'Aquila*, II, 314.

[4]) *Horft*, 359; *Колотовъ*, IV, 96; *D'Aquila*, II, 314.

[5]) *Horft*, 356; *Колотовъ*, IV, 91: «Посылаемъ вамъ о томъ дать знать, вѣдая, колико вамъ и всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ таковое извѣстіе будетъ пріятно».

Дмитріевъ-Мамоновъ писалъ къ императрицѣ отъ 11-го августа 1790 года: „Городъ Дубровицы изъявляетъ свой восторгъ и радость при извѣстіи о мирѣ съ Швеціей: дай Богъ, чтобъ и другой за симъ вскорѣ послѣдовалъ“ [1]). Къ Потемкину Екатерина писала 5-го августа 1790 года слѣдующее: „Велѣлъ Богъ одну лапу высвободить изъ вязкаго мѣста. Сего утра я получила отъ барона Игельстрёма курьера, который привезъ подписанный имъ и баропомъ Армфельдомъ миръ безъ посредничества. Отстали они, если смѣю сказать, моею твердостью личною одного отъ требованія, чтобъ принять ихъ ходатайство у Турокъ“. 9-го августа она писала ему же: „Одну лапу мы изъ грязи вытащили; какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аллилуія“. Потемкинъ писалъ, что сталъ спать покойно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о мирѣ со Шведами. Императрица отвѣчала ему 29-го августа: „Ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ съ Шведами; на сіе тебѣ скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро паки прибавить должно мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь“ [2]).

Любопытно, что личныя сношенія между Густавомъ III и Екатериною, бывшія когда-то весьма дружескими, также опять возобновились. О перепискѣ короля съ императрицею мы знаемъ чрезъ Храповицкаго, который пишетъ 6-го августа: „Получено собственноручное письмо отъ короля Шведскаго къ ея величеству; проситъ, по связи крови, возвратить къ нему „amitié: (je n'en avais jamais“), забыть сію войну comme un orage passé. „Его поссорили; надобно остерегаться, какъ при свиданіи Евгеній и Вилляръ говорили, что ихъ непріятели въ Парижѣ и Вѣнѣ“. Сказалъ я къ дальнѣйшему изъясненію слово du maréchal Villars à Louis XIV: „Sire, je vais combattre les ennemis de votre majesté, et je vous laisse au milieu des miens“. Смѣялись“. 14-го августа: „Отвѣтъ къ Шведскому королю: „Qüil ne faut pas prêter l'oreille aux tracasseries — полвѣка живу, 29 лѣтъ царствую и по опытамъ знаю, que l'écueil de toutes les intrigues est la parfaite équité et la justice. J'aime à dire avec Racine:

> Celui qui met un frein à la fureur des flots,
> Sait aussi des méchants arrêter les complots.

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1865 года, стр. 854.

[2]) *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 202—203.

Soumis avec respect à la volonté sainte,
Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte".
(Athalie, scène 1-ère).

Въ письмѣ къ королю, въ которомъ Екатерина просила его согласія на пожалованіе барону Армфельду ордена св. Андрея, она сказала, что желаетъ въ глазахъ всего свѣта выразить свое уваженіе къ королю. Въ другомъ письмѣ о французскихъ дѣлахъ Екатерина назвала его достойнымъ наслѣдникомъ Густава Вазы [1]).

Начались празднества по случаю мира. Густавъ III, по возвращеніи своемъ изъ Финляндіи въ Стокгольмъ, воспользовался этимъ случаемъ для демонстрацій въ пользу монархической власти въ Швеціи. Особенно ласково онъ обошелся съ представителями средняго сословія и благодарилъ ихъ за преданность, оказанную ими въ продолженіе войны [2]). Въ Стокгольмѣ былъ смотръ гражданской милиціи. Возвратившійся изъ похода флотъ былъ встрѣченъ съ особенною торжественностью. Флотъ маневрировалъ такъ, какъ въ битвѣ при Свенскзундѣ [3]).

И въ Россіи были празднества [4]). Манифестомъ отъ 14-го августа императрица торжественно объявила своимъ подданнымъ о заключеніи мира [5]). Въ этомъ манифестѣ говорится о Швеціи съ нѣкоторою осторожностью, но все-таки сказано, что „отъ превозможенія нашихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ надъ шведскими силами война здѣшняя восприяла конецъ" [6]). 8-го сентября было мирное торже-

[1]) *Horft*, 356.

[2]) *Horft*, 366.

[3]) Mémoire d'un off. suéd. .

[4]) Такъ напримѣръ, Сиверсъ праздновалъ миръ въ своемъ имѣніи, среди своихъ крестьянъ; см. *Blum*, II, 518. Онъ же писалъ къ своему шурину, генералу Гюнцелю: Zu dem Frieden wünsche ich dir nochmalen Glück — und demnächst den Credit bei der wohlthätigen Monarchin, die tiefen Wunden, welche der verheerende Krieg in deinem Gouvernement gelassen möglichst zu heilen. Wann sie dir den 10-en Theil von dem giebt, was die Friedensfeier in Moscow Anno 1775 kostete, so wäre der Schaden ersetzt. Aber der Hoffmann wird zu Festivitäten rathen — Es giebt Brocken; nach dem Segen der leidenden Völker denkt, eifert er nicht».

[5]) См. о торжественномъ объявленіи мира у *Колотова*, IV, 100 — 103.

[6]) «Богу извѣстно, коликую ощутили горесть духъ и сердце наши, привержениые къ благоденствію вѣрноподданнаго нашъ народа, когда съ одной стороны, неправедною на насъ войною возстала Порта Оттоманская, съ другой же, съ равною незапностью на сѣверъ король Шведскій устремилъ оружіе свое въ земли наши, областямъ его сопредѣльныя. Сугубая тягость тѣмъ паче на

ство [1]). Церемонія при этомъ случаѣ была необыкновенно пышная Особеннаго вниманія заслуживаетъ рѣчь, произнесенная въ тронной залѣ отъ имени сената оберъ-прокуроромъ Неклюдовымъ. Между прочимъ въ этой рѣчи было сказано:

„Ты ни единой войны не вызывала. Двухъ содружныхъ враговъ отъ востока и сѣвера, неправедный мечъ незапно на насъ устремившихъ, не убоялася. Велико дѣло низложить знаемаго врага, больше есть возникшаго въ тайнѣ.... Летѣли полки велѣдъ за велѣній твоихъ, покрыли границы, удержали стремленіе непріятеля и пораженіемъ, и защитою.... Санъ бы тебя не удержалъ, если бы не претилъ твой полъ мечеоносную твою руку показать непріятелю предъ флотомъ, предъ полками твоими.... Непріятель, объятый со всѣхъ сторонъ побѣдоносным оружіемъ твоимъ, спасъ остатки разбитыхъ силъ своихъ отъ уготовленнаго удара заключеніемъ мира.... О, царь отцовъ нашихъ, Петръ, по дѣламъ Великій нареченный, мы знаемъ заслуги твои, но скажи намъ предѣлы твоихъ желаній? Ты велъ рукою власти, Екатерина нравственнымъ убѣжденіемъ насъ поставила въ политическое бытіе. Желалъ ли ты, чтобы созданіе твое, флотъ балтійскій, раченіемъ твоихъ преемниковъ усиленный, былъ твердою оборопой сопменному твоему граду и побѣдоносенъ явился державѣ твоего соперника, чтобъ оный, отъ сихъ береговъ обошедъ пространство европейскихъ, сокрушилъ въ Средиземномъ морѣ многочисленныя турецкія морскія силы, и торжествующъ надъ оными, обладалъ Архипелагомъ, покровительствовалъ намъ единовѣрные, игомъ турецкимъ угнетенные народы? Простиралъ ли ты надежду, чтобы хотя чрезъ полвѣка кто изъ наслѣдниковъ твоего престола великими побѣдами и завоеваніями упизилъ гордость, потрясъ имперію Оттомановъ и въ тотъ же самый день, въ который судьба не благопріятствовавшая заставила тебя учинить невыгодный, заключилъ для Россіи преславный миръ? [2]) Чаялъ ли ты,

то время увеличилася, что по доброй вѣрѣ нашей къ сосѣдамъ, не подавъ имъ поводу къ разрыву и не чаявъ отъ нихъ себѣ зла, не полагали противу онаго и своихъ ополченій, кромѣ мирному ополченію обычныхъ» и т. д.

[1]) Подробный разказъ объ этой церемоніи, о наградахъ, пожалованныхъ въ этотъ день, о фейерверкѣ, жареныхъ быкахъ и фонтанахъ, изъ которыхъ било виноградное вино, см. у *Болотова*, IV, 103 — 125. Зап. Хран. 15-го августа: «Перевхали въ городъ для торжественнаго объявленія о заключенномъ мирѣ съ Швеціей». 31-го августа: «Заботы дня три уже продолжаются о будущемъ торжествѣ мира: разныя справки, mouvement d'impatience». 2-го сентября: «Еще говорено о торжествѣ мира при императрицѣ Елисаветѣ и при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.... Еще говорили о безпорядочномъ при императрицѣ Елисаветѣ торжествѣ мира, но что при императрицѣ Аннѣ было гораздо порядочнѣе; а тутъ занимались только церемоніей и произвоцили въ чины безъ всякихъ правилъ; видно по внушенію только Бестужева и Разумовскаго». 8-го Сентября: «Торжество Шведскаго мира. У трона читалъ и роспись милостямъ и награжденіямъ монаршимъ; пожаловано мнѣ въ 6 т., перстень и пенсіи 2 т. р.».

[2]) Прутскій договоръ 12-го іюля 1711 года, Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 10-го іюля 1774 года.

что за Меотійскія воды простретъ владѣніе, что Понтъ Евксинскій покроетъ новыми кораблями Россія, истребитъ на ономъ турецкій флотъ, устроитъ берега азійскія и тренетъ паведетъ столицѣ Солиманову, что на трехъ моряхъ оружіемъ пріобрѣтенные трофеи повергнетъ усердіе къ твоему гробу и возхвалитъ имя твое, яко виновника таковыхъ преуспѣяній? Все сіе царствующая Екатерина одна исполнила и свои безсмертныя дѣла отнесла къ твоимъ начинаніямъ.... Что же больше желать или сотворить? Не се ли безсмертіе?...“ и т. д. [1])

Екатерина чрезъ вице-канцлера, графа Остермана, отвѣчала на эту рѣчь изъявленіемъ благодарности подданнымъ за содѣйствіе и вѣрность во время войны и выраженіемъ надежды, что всѣ будутъ пещись объ общемъ благѣ и т. д. [2]).

Но въ то же время было написано возраженіе на рѣчь Неклюдова, состоящее не изъ однихъ общихъ торжественныхъ фразъ, а изъ довольно подробнаго и строгаго разбора рѣчи. Это возраженіе принадлежитъ извѣстному историку князю М. М. Щербатову и называется: „Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ“ и т. д. [3]). Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ возраженія Щербатова сдѣлались извѣстными тогдашней публикѣ. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ и при рѣзкости этихъ возраженій мы даже считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что они остались не извѣстными. Но замѣчанія эти любопытны. И такъ какъ „Отвѣтъ гражданина“ можетъ отчасти указать на то, что тогда вообще думали и разсуждали въ публикѣ о политическихъ дѣлахъ современныхъ, то мы сообщаемъ нѣкоторыя мѣста изъ этого возраженія:

„Къ тебѣ пишу... вѣщуну отъ народа, не знающему, кто ты и что будешь

---

[1]) Изъ записокъ Державина видно (стр. 300—301), что старшій оберъ-прокуроръ Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцевъ долженъ былъ сказать рѣчь и просилъ Державина сочинить ее. Державинъ сочинилъ рѣчь, которая была показана любимцу императрицы, «чтобъ быть благонадежнѣе въ благосклонномъ ея принятіи императрицею». Рѣчь понравилась, но Колокольцевъ, неизвѣстно по какой причинѣ, сказался больнымъ или въ самомъ дѣлѣ занемогъ, такъ что должно было по немъ старшему оберъ-прокурору Петру Васильевичу Неклюдову взять на себя произнесеніе рѣчи. Неклюдовъ просилъ графа Завадоскаго сочинить рѣчь, и послѣдняя была читана, а рѣчь Державина осталась не употребленною. Она напечатана въ изданіи сочиненій Державина, также какъ и ода и хоръ на шведскій миръ; см. томъ I, стр. 307—314. Тринадцатилѣтній Мерзляковъ, ученикъ Пермскаго главнаго народнаго училища, также сочинилъ оду на шведскій миръ; см. замѣтку Грота въ изд. соч. Державина, I, 308 и 309.

[2]) *Колотовъ*, IV, 107—113.

[3]) Напечатанъ въ *Чтеніяхъ Московск. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1860 года, III, смѣсь, 40—49 и въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 г., 386—394.

вѣщать?.. Зачѣмъ ты... въ хвалахъ твоихъ дерзнулъ основателя всего просвѣщенія Россіи, перваго содѣтеля нынѣшней ея славы и какая, когда можетъ въ будущія времена случиться, ругательнымъ образомъ сравнивать съ сидящею на престолѣ императрицею? Зачѣмъ ты, хотя принести лестный фиміамъ, вредъ самой славѣ сей императрицы содѣлалъ; ибо самый чинъ твой, самое установленіе въ подобныхъ случаяхъ благодаренія есть дѣяніе Петра Великаго, а ты, дерзая охулять предсѣдящей на престолѣ садителя всего сего, не ясно ли изъявилъ, что лесть, а не искренность говорила, и что ты не болѣе ей самой вѣренъ, какъ тому, кто установилъ чинъ твой?

„Но приступаю къ твоей безумной и подлой бесѣдѣ и къ преступному сочиненію.. Оставя неприличныя твои рѣченія,— начинаешь ты говорить, что *границы наши сѣверныя, токмо мирною стражею назираемыя, охраняемыя, напаче были святостію договоровъ; въ томъ и въ нашей невинности мы безопасны, а Швеція, поборница по Агарянамъ, свою надежду полагала найти себѣ отверстый путь на покореніе страны, ей сопредѣльной.* Единыя сіи твои краткія слова не показуютъ ли твое неразуміе? Упрекаешь ты Шведскаго короля быть измѣнническимъ образомъ нарушителя святости мира и защитника Агарянамъ. Все сіе правда; можно бы про сего государя, одареннаго нѣкоторыми похвальными качествами, но не добродѣтельными, и болѣе сказать, но не тогда, когда Россія его признаетъ уже своимъ союзникомъ, но не тогда, когда императрица въ забвеніе предала безсовѣстные его съ нею поступки, и не тогда, какъ въ восьми статьяхъ состоящій трактатъ, безъ утвержденія преждебытныхъ даетъ ему тысячу способовъ къ возобновленію войны. Царь Алексѣй Михайловичъ за одну написанную приватнымъ человѣкомъ книгу, гдѣ дѣдъ его былъ охуляемъ, войну Польшѣ объявилъ и Смоленскъ взялъ. Людовикъ XIV, король французскій, за картину и за медаль приватнаго человѣка войну Соединеннымъ Нидерландамъ объявилъ и едва ихъ въ разореніе не привелъ. А ты предъ тропомъ, въ первые часы замиренія, государя, не разоружившаго свой флотъ, дерзаешь поносить. Но исполнилъ ли, по крайней мѣрѣ, ты предметъ свой, похваля сидящую на престолѣ? Ты ясно признаешь, что недостаточная была осторожность. Могъ ли Шведскій король въ единое мгновеніе построить галеры, вооружить корабли, собрать войско и пр.? Убо не могло по пребыванію нашего министра тамъ или и по самымъ газетамъ намѣреніе его сокрыто быть. Зачѣмъ же токмо мирная стража оставалась? Зачѣмъ не умножено было, хотя и не на границѣ, но по крайней мѣрѣ въ близости, войско?

„..... Если бы ты имѣлъ здравый разсудокъ, не вмѣстилъ бы то въ похвалу, что со предомъ государства въ охуленіе можетъ обратиться. То правда, что поспѣшность собранія войскъ, вооруженія кораблей, строенія галернаго флота вѣчную славу монархинѣ нашей содѣваютъ; то правда, что бодрость ея духа успокоила гражданъ и явила, коль онъ превыше печальныхъ случаевъ; то правда, что могла она давать нѣкоторыя общія наставленія своимъ предводителямъ, весьма способствующія имъ въ морской и сухопутной сей трудной войнѣ, гдѣ мели и каменья чинятъ плаваніе опасно, гдѣ лѣса, горы, узины, озера и болота чинятъ велкое движеніе войскъ гибельнымъ; но могла ли она, сидя въ своемъ кабинетѣ, повелѣвать вѣтрами, могла ли

она точно предузнать, какія мѣста непріятелемъ заняты? И пѣтъ ли гдѣ погибели, ести за нѣсколько сотъ верстъ дадутся непремѣнныя повелѣнія? Вождь за полчаса часто не знаетъ, что онъ будетъ дѣлать; а ты духъ пытливости, который она себѣ не присвояетъ, ей приписалъ. И наконецъ, могла ли она въ ту минуту знать, когда повелѣнія ея дойдутъ, что непріятель не сдѣлалъ никакихъ противныхъ движеній? Наконецъ, благоразуміе ея могло ли ей позволить, чтобъ она связала такъ повелѣніями своими руки своихъ вождей, чтобъ они противныя естеству вещей дѣлали движенія по ея велѣніямъ, и не смѣли бы и полезнаго безъ повелѣнія ея предпріять? Убо сіе не токмо похвала, но есть охуленіе ей, ежели бы то правда была. Само бы политическое благоразуміе должно тебѣ воспрепятствовать такой вздоръ предъ тропомъ говорить. Ты сказалъ, что все учреждала наша императрица, убо вожди были смѣлые исполнители. Не отнимаетъ ли сіе у нихъ славы? Не отнимаетъ ли сіе ихъ бодрости? Не унываютъ ли всѣ разумы? Не тухнетъ ли усердіе? Самыя награжденія, учиненныя имъ, въ ничто обращаются; ибо алмазы и злато не замѣняютъ славы.

„Какую нелѣпость ты наболталъ: *Царь отцевъ нашихъ!* Не зналъ ты, что сказалъ. Онъ царь, императоръ и благодѣтель твой, царь — но продолжающемуся наслѣдству его крови. Онъ умеръ, но кровь его царствуетъ; убо то же почтеніе, какое ты имѣешь къ его потомкамъ, и къ предкамъ его долженъ сохранять. Яко побѣдитель, онъ — пока Россія пребудетъ — императоръ Россіи, ибо самый сей титулъ отъ даванія солдатами побѣдителямъ произошелъ; съ Россіей побѣждалъ: убо пребудетъ навсегда онъ у Россіянъ побѣдитель. Благодѣтель... Градъ, гдѣ ты болтаешь, сенатъ, гдѣ ты имѣешь чинъ, стулъ, на которомъ ты сидишь, кафтанъ, который ты носишь, выбритая борода, которая тебя не безпокоитъ, великолѣпіе, которое ты зришь, войско, о которомъ ты говоришь, флотъ, котораго ты побѣду хвалишь, императрица, отъ древняго роду Ангальтовъ, владѣющая Россіей, суть все его дѣянія; то какъ онъ не будетъ вѣкъ благодѣтель Россіи?

„Реченіи твои и дерзки, и несправедливы. Осмѣливаешься ты дѣлать сравненіе между великихъ государей; не стыдишься, предстоя предъ тропомъ единыя, унижать другаго. Говоришь ты о Петрѣ Великомъ: Ты вель рукою власти; *Екатерина II нравственнымъ убѣжденіемъ насъ поставила въ политическое бытіе.* Дабы такое рѣшеніе сказать, надлежало бы разсмотрѣть время и обстоятельства; когда была суровость, когда были предубѣжденія и упрямство, власть, конечно, была нужна. Однако Петра Великаго обвинять не можно, чтобъ онъ повсюду власть свою употреблялъ и не старался бы и нравственнымъ просвѣщеніемъ народъ свой въ политическое состояніе приводить.... Не могу я умолчать при семъ въ похвалу царствованія Екатерины II, что милосердіе ея и старанія исправлять нравы наши заслуживаютъ какъ наше благодареніе, такъ и признанія потомства; но рѣчью твоею показанный образецъ по крайней мѣрѣ показуетъ, что ты благотворительными дѣяніями ея мало воспользовался.

„Неприличныя твои изъясненія на всякой строкѣ умножаются. Говоришь ты: *Желалъ ли ты, чтобы созданіе твое, флотъ балтійскій, раченіемъ твоихъ преемниковъ усиленный, былъ твердою обороною твоему граду и побѣдо-*

посягъ явился державѣ твоего соперника? Чудный вопросъ — спрашивать: желалъ ли кто, чтобы то воспослѣдовало, для чего что̀ дѣлается! Сіе подобно, какъ спросить того, кто перо чинитъ, желаетъ ли онъ, чтобъ оно могло писать; или шпажника, для того ли онъ дѣлаетъ шпагу, чтобъ она могла колоть? А первый предметъ Петра Великаго въ созданіи флота и состоялъ не токмо сопротивляться, но и превозмочь силу и наглость Шведскаго короля. Не толь есть явно его намѣреніе, дабы проникнуть въ Средиземное море? А однако и о семъ заключать по поступкамъ его можно...

„Но къ чему въ семъ случаѣ было.... сравненіе прежней Турецкой войны съ нынѣшнею? Флотъ нашъ, воспрепятствованъ Шведами, въ Архипелагу идти не могъ. Россія тогда единая противу Порты Оттоманской содержала войну, и не имѣя флота на Черномъ морѣ, съ малымъ войскомъ вездѣ поражала Турокъ, войска ея дошли вскорѣ до Дуная, небольшіе отряды проникли внутрь Болгаріи и до Варны. Бендеры, имѣющіе 30 тысячъ защитниковъ, четырнадцатью тысячами осаждающими были силою меча взяты. Но нынѣ Очаковъ, безъ правилъ укрѣпленная крѣпость и обнесенная ретраншаментомъ, до полугоду въ осадѣ пребывала, и принуждены были дѣлать апрошп къ слабому ретраншаменту, а наконецъ не расположеніемъ, не искусствомъ, но помощію Божіей, по потери болѣе 20 тысячъ была взята. Бендеры, хотя сіе дѣяніе и похвально есть, были не геройствомъ взяты, но куплены у измѣнника, который головою своею сіе заплатилъ. Въ четыре кампаніи еще многочисленныя войски наши не достигли до Дуная, Болгарія спокойно пребываетъ, военный флотъ нашъ либо разбойническіе дѣлаетъ набѣги, или токмо при нападеніяхъ защищается. Вѣдомости наши пусты о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противу Турокъ; а тогда зрили поденный журналъ, полный славныхъ дѣяній, могущій составить порядочную поучительную для военныхъ людей исторію; а нынѣ развѣ токмо можно узнать, по сколько времени мы сколько Молдавской земли неподвижнымъ нашимъ стояніемъ унавозили. А все сіе съ великими силами, а тогда они были малы. Однако не подумай, чтобъ я нынѣшнія дѣйствія нашей арміи противу Турокъ охуллялъ. Можетъ-быть, недѣйствія ея причины суть глубокія и сокрытыя мнѣ и тебѣ политическія причины. Но здѣсь не объясненіи ихъ ты говорилъ, а дѣлалъ похвалу, слѣдственно, приводилъ къ сравненію знаемыя вещи, то коль оно есть невыгодно для настоящаго времени, а тѣмъ противу желанія твоего охуллялъ сидящую на престолѣ, а не похвалилъ ее.

„Наконецъ, вспоминаешь ты несчастный случай Петра Великаго, тщася его унизить не токмо предъ монархомъ на престолѣ, но и предъ подданнымъ его, что графъ Румянцовъ заключилъ Кайнарджинскій міръ въ самой тотъ день, когда былъ Прутскій заключенъ... Но къ чему нынѣ воспоминаніе о несчастномъ Прутскомъ дѣлѣ? Не для того ли, чтобы сей ошибкой озлословить твоего и нашего благодѣтеля? Исторія, вѣрная вѣщательница бывшихъ приключеній, не можетъ оправдать, чтобы Петръ Великій не учинилъ въ семъ случаѣ ошибку. Но воззримъ, каковъ онъ былъ въ ошибкѣ сей.... Какъ вы любите сравненіе, должны бы вы взглянуть на послѣдне заключенный миръ со Шведскимъ королемъ; нашли бы его и при умноженіи силы Россіи, и при одержанныхъ побѣдахъ, едва не меньше ли выгоднымъ, нежели Прутскій. Мы не

уступили ничего, но и явили, что не могли укротить безаконно начавшаго войну. Мы не уступили ничего своихъ земель, но *лишились права, означеннаго въ Нейштатскомъ трактатѣ, защищать права и вольности Швеціи.* Заключили мы миръ съ королемъ Шведскимъ, не упоминая ни о какихъ прежде бывшихъ трактатахъ; убо оставили въ неподлинности всѣ другія обязательства, связующія насъ со Швеціей. Мы тщетно по старобытности границы утвердили; изодравъ крѣпости, оставили ему пространное поле ко всѣмъ требованіямъ, каковыя захватцовый и вѣроломный человѣкъ имѣть можетъ. Мы признали его самодержавнымъ, или лучше сказать, деспотомъ, а самымъ тѣмъ навели на себя опасность новыя войны, которой при установленіи шведской вольности, при сенатѣ и народныхъ собраніяхъ мы не страшились. Мы заключили миръ, не принудя его разоружить свой флотъ, ни отозвать своихъ офицеровъ, служащихъ у Турокъ; убо мы не пріобрѣли надежнаго друга, побудили слабаго и предпріимчиваго врага какой новый, вредный, нечаянный ударъ произвести. Оставили его во всѣхъ его силахъ и союзникомъ враговъ нашихъ, а наложили на себя единственно тягость и убытокъ всегда вооруженнымъ быть противу друга, яко противу непріятеля. Конечно, надобно думать, что политическія и сокрытыя причины понудили нашу самодержицу такой миръ заключить; но они намъ не извѣстны; убо и ошибка, учиненная Петромъ Великимъ, и сравненіе мира сюда не шло.

„По общимъ образомъ сказать: въ состояніи, въ какомъ нынѣ находится Европа, безумно будетъ каждому учинять сравненія между живущимъ нынѣ государемъ и Петромъ Великимъ, а меньше еще въ Россіи, гдѣ все гласитъ его благодѣянія. Я ни у кого не отъемлю, а меньше всѣхъ у нашей царствующей государыни, чтобы не могъ кто сравняться разумомъ, величествомъ души и пр. (ибо щедръ Господь въ дарованіяхъ!) съ Петромъ Великимъ, но не имѣютъ они такого случая, чтобы сіе показать. Всѣ нынѣ царствующіе государи нашли народы свои просвѣщенные“ и т. д.

Изъ этой записки князя Щербатова видно, что и при самой Екатеринѣ не всѣ смотрѣли на Шведскую войну и на Верельскій миръ съ оптимистической точки зрѣнія офиціальнаго оратора.

За то Густавъ могъ быть доволенъ миромъ. Хотя, говоря о Верельскомъ трактатѣ, онъ и замѣтилъ: „C'est une montagne qui vient d'accoucher un souri“ [1]), хотя во всей войнѣ погибло около 900 шведскихъ офицеровъ и болѣе 20.000 рядовыхъ [2]), хотя война и потребовала громадныхъ финансовыхъ жертвъ и привела въ разстройство финансы Швеціи [3]), но главная цѣль, которую Густавъ имѣлъ въ виду съ самаго начала своего царствованія, была достигнута. Когда,

[1]) Mémoires d'un officier suédois.

[2]) *Schantz*, II, 136.

[3]) *Posselt*, 499: Die Handelswage.... hatte sich zum Nachtheile Schwedens gewandt; das baare Geld war in grossen Summen ins Ausland gegangen; die Reichsschuldenzettel fielen bis zu sechzig vom hundert; die Reichsschulden selbst... betrugen 34.300.000 Reichsthaler, и пр.

вскорѣ по окончаніи войны, Екатерина отправила въ Швецію посланника, то сказала ему, „чтобъ имѣлъ глаза и уши, но самъ бы ни во что̀ не мѣшался“ [1]).

Въ Петербургѣ, по заключеніи мира почувствовали большую радость, что опасность со стороны Швеціи миновалась. Депутаты Ингерманландскіе, вмѣстѣ съ депутатами С.-Петербурга, поднесли съ благодарностью графу Салтыкову золотую стопу съ надписью „за удержаніе имъ непріятеля отъ приближенія къ стѣнамъ Петербурга“ [2]). О настроеніи умовъ въ Петербургѣ мы знаемъ изъ нѣкоторыхъ писемъ графа Стединка, котораго король отправилъ туда въ качествѣ дипломатическаго агента вскорѣ по заключеніи мира [3]). Король желалъ, чтобы Стединкъ на пути встрѣтился съ графомъ Паленомъ, назначеннымъ въ Стокгольмъ въ качествѣ русскаго посланника. Но Паленъ еще находился въ Петербургѣ, когда Стединкъ пріѣхалъ туда въ первыхъ числахъ сентября по старому стилю. Онъ полагалъ, что по настоящему, шведскому посланнику не слѣдовало бы быть въ Петербургѣ раньше, чѣмъ русскому въ Стокгольмѣ. Изъ Петербурга онъ писалъ королю подробно о своемъ путешествіи по Финляндіи и о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, и между прочимъ говорилъ слѣдующее:

„Въ Фридрихсгамѣ генералъ Шумсень пригласилъ меня поужинать, и я у него видѣлся съ моимъ другомъ, баропомъ Шульцемъ, который чрезвычайно радъ былъ встрѣтиться со мною.... Въ Выборгѣ для меня была приготовлена квартира въ городѣ, и на другое утро послѣ моего пріѣзда былъ у меня съ

---

[1]) Зап. Храп. 25-го сентября.

[2]) *Колотовъ*, IV, 125. Екатерина не вполнѣ была довольна Салтыковымъ. 22-го августа она сказала: «Замѣтила графа Ивана Петровича Салтыкова и никогда его не употреблю». Зап. Храп.

[3]) Предлагая ему это мѣсто, король пишетъ: «L'ambassade de Saint-Pétersbourg... sera très-agréable, vu le nouvel ordre que vont prendre les choses entre les deux cours, et comme vous avez la douceur, beaucoup d'usage d'une grande cour et que vous avez eu l'honneur de battre les Russes, vous serez également aimé et considéré». Это писано еще до заключенія мира, $^{2}/_{13}$ августа. Стединкъ сначала не казался очень довольнымъ такимъ предложеніемъ. Онъ пишетъ, что онъ надѣялся жить спокойно: «Au lieu de cette vie paisible et heureuse, votre majesté veut me transporter à la cour de cette czarine superbe, qui se repait de guerres, de faste et d'adulations, à cette cour, où l'on trouve tout, excepté ce qui rend la vie heureuse». Впрочемъ онъ не отказывается, но замѣчаетъ: «Moyennant un secrétaire qui fasse les affaires, un bon maître d'hôtel, qui fasse aller la maison, et une bourse bien remplie, j'irai promener ma figure antique à la cour de la puissante impératrice, mais sans ces trois points l'ambassade ira mal. Je ne sais pas quel traitement le baron de Nolken a eu à Pétersbourg, mais je sais qu'il s'y est ruiné», и проч. Mém de Sted., I, 279, 282 и 283.

визитомъ тамошній комендантъ.... У графа Салтыкова я за обѣдомъ засталъ почти всѣхъ генераловъ, которые съ нами сражались: Денисова, Берхмана, Апраксина, Сухтелина, ментора несчастнаго Гастфера — Гюнцеля, Эйлера и стараго, честнаго Дельвига, который со слезами на глазахъ говорилъ о вашемъ величествѣ.... Семейство Салтыкова было тутъ же; дамы были весьма любезны, въ особенности старшая дочь графа.... Затѣмъ я былъ съ визитами у всѣхъ генераловъ, которые до того были у меня.... Они не слишкомъ выгодно отзываются другъ о другѣ, въ особенности же всѣ они порицаютъ принца Пассау. Всѣ отдаютъ полную справедливость мужеству и распорядительности вашего величества и хвалятъ нашихъ офицеровъ. Русскихъ солдатъ они считаютъ не хуже нашихъ, за то отдаютъ преимущество нашимъ офицерамъ; вообще всѣ въ восхищеніи отъ мира и ожидаютъ войны съ Пруссіей [1])).... Графъ Салтыковъ почти одинъ желалъ продолженія войны.... Въ понедѣльникъ, 13-го сентября, я отправился въ Петербургъ; чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ хуже дорога.... Мы ѣхали всю ночь и пріѣхали въ Петербургъ только на другой день въ четыре часа пополудни. На дорогѣ мы видѣли вновь построенные ретраншементы и редуты. Всѣ проходы укрѣплены даже въ разстояніи 20 верстъ отъ Петербурга, гдѣ было построено нѣсколько редутовъ и довольно значительный фортъ. Когда я приближался уже къ моей квартирѣ въ Hôtel Royal, моя карета была задержана экипажемъ, въ которомъ сидѣлъ принцъ Пассау. Онъ былъ восхищенъ встрѣчей со мною, предложилъ мнѣ свои услуги и уже часомъ позже, побывавъ у императрицы, посѣтилъ меня и долго оставался.... Въ среду.... я былъ у Игельстрёма, который мнѣ сказалъ, что императрица ждетъ меня съ нетерпѣніемъ, что она очень рада моему пріѣзду до празднества, что она намѣрена принять меня въ самой торжественной аудіенціи, и что мое званіе чрезвычайнаго посланника (envoyé extraordinaire) разсѣетъ всѣ подозрѣнія Пруссіи и Англіи, надѣявшихся на то, что примиреніе не будетъ столь откровеннымъ и надежнымъ, какъ можно было думать. Но каково было удивленіе Игельстрёма, когда я ему замѣтилъ, что пріѣхалъ ни въ качествѣ посланника (ambassadeur), ни даже какъ чрезвычайный, а просто какъ генералъ, отправленный съ привѣтствіемъ и съ письмомъ къ императрицѣ. Игельстрёмъ вспыхнулъ: онъ заподозрилъ или сдѣлалъ видъ, что подозрѣваетъ тутъ секретъ, и сказалъ мнѣ, что этимъ можно все испортить, между тѣмъ какъ императрица въ восхищеніи отъ мира, считая оный единственно своею заслугою (qu'elle disait avec complaisance être son ouvrage à elle seule), и что потому нужно воспользоваться первымъ пыломъ, чтобъ устроить лучшія сношенія между нею и вашимъ величествомъ. Онъ при этомъ показалъ мнѣ трактатъ, въ которомъ сказано, что договаривающіяся державы намѣрены для окончательнаго рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ отправить другъ къ другу посланниковъ или

---

[1]) Ср. *Колотова*, IV, 125: «Наши войска, бывшія противъ Швеціи, по обнародованіи мира сѣли на суда въ Фридрихсгамѣ, и потомъ обращены были частію въ Турцію, для усиленія тамошней арміи, а частію въ Лифляндію, чтобы расположиться на тамошнихъ границахъ».

министровъ тотчасъ же послѣ подписанія мира [1]), и замѣтилъ, что г. Паленъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ, такъ что простое привѣтствіе при такомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ требованіямъ нынѣшнихъ обстоятельствъ (qu'un compliment en cette occasion était hors de saison et ne répondait pas à l'objet). Я въ отвѣтъ обратилъ его вниманіе на скорый отъѣздъ вашего величества изъ Финляндіи и на то обстоятельство, что я не засталъ болѣе вашего величества въ Верела и вслѣдствіе того не могъ получить опредѣленныхъ инструкцій и на незнаніе, съ моей стороны, а пожалуй и со стороны Игельстрёма, тѣхъ правилъ, которыя соблюдаются въ такихъ случаяхъ. Этимъ я успокоилъ Игельстрёма. Особенно онъ былъ доволенъ моимъ увѣреніемъ, что я, зная намѣренія вашего величества и желаніе выказать дружеское расположеніе ваше къ императрицѣ и доставить ей во всѣхъ отношеніяхъ удовольствіе, не замедлю явиться предъ нею въ такомъ званіи, въ какомъ она пожелаетъ меня видѣть, за исключеніемъ только званія посла (ambassadeur). Обо всемъ этомъ Игельстрёмъ переговорилъ съ императрицей и на другой день былъ у меня съ приглашеніемъ къ аудіенціи. Затѣмъ я съ Игельстрёмомъ былъ у графа Остермана... Остерманъ принялъ меня съ нѣкоторою церемоніей... Я передалъ ему копіи съ писемъ вашего величества, и онъ мнѣ высказалъ свое высокое мнѣніе о вашемъ величествѣ и прибавилъ къ этому нѣсколько любезностей лично на мой счетъ. Онъ сталъ старымъ и дряхлымъ. Я остался у него обѣдать, и въ продолженіе бесѣды онъ часто повторялъ, чтобъ я вполнѣ довѣрялъ ему, что Россія и Швеція не имѣютъ никакого повода къ враждѣ, и что было бы нелѣпо утверждать, будто Россія желаетъ завоевать наши земли, что ей все равно, царствуетъ ли у насъ свобода, или самодержавный монархъ, что теперь не то время, что прежде, когда было необходимо дѣйствовать на сеймѣ одною партіей противъ другой, и т. п. Я показывалъ видъ, что вполнѣ убѣжденъ въ справедливости его увѣреній. Впрочемъ онъ такъ мало знаетъ о текущихъ дѣлахъ, что только на другой день послѣ полученія императрицей извѣстія о мирѣ, онъ узналъ объ этомъ, между тѣмъ какъ въ тотъ день и въ слѣдующій императрица была внѣ себя отъ радости. Вечеромъ я ужиналъ у графа Остермана со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ и въ большомъ обществѣ. Затѣмъ насталъ великій день. Секретарь церемоніальной экспедиціи пригласилъ меня въ 5 часовъ пополудни поѣхать во дворецъ къ аудіенціи. Мой экипажъ и лошади были въ большомъ парадѣ [2]). Золотые галуны въ соединеніи съ шведскимъ пушковымъ костюмомъ представляли пышный видъ. Я нашелъ въ большой залѣ многихъ генераловъ, которые наказали мнѣ много любезностей, а чрезъ четверть часа меня повели въ аудіенцъ-залу, гдѣ находится

---

[1]) Статья VII. «...les deux parties se promettent mutuellement de s'occuper incessemment de ces objets et de les faire examiner et régler amicalement par des ambassadeurs ou ministres plénipotentiaires, qu'elles s'enverront réciproquement, aussitôt après la conclusion du présant traité».

[2]) «J'y fus en *Fiocchi*, ayant rendu mon équipage et mes livrées aussi magnifiques que le temps pouvait le permettre». *Fiocchi* — украшенія на головахъ лошадей, состоящія изъ шелковыхъ шнурковъ и кистей.

тронъ. Императрица, великолѣпно одѣтая и сіяющая драгоцѣнными каменьями, стояла недалеко отъ трона у окна; Остерманъ находился позади ея. Сердце мое билось, но я удачно кончилъ привѣтствіе. Императрица все время была очень милостива. Я позабылъ сначала поцѣловать ей руку, но Остерманъ далъ мнѣ знакъ, и я поправилъ свою ошибку особенно усерднымъ поцѣлуемъ. Императрица сама отвѣчала нѣсколько медленно, и съ нѣкоторыми остановками, что она не менѣе вашего величества рада окончанію этой, къ сожалѣнію возникшей войны и надѣется, что отнынѣ ничто болѣе не нарушитъ дружбы и согласія между нею и вашимъ величествомъ, что она очень довольна выборомъ, сдѣланнымъ вашимъ величествомъ въ отношеніи ко мнѣ, что она обо мнѣ уже много слышала и желаетъ, чтобы Петербургъ и здѣшняя жизнь мнѣ понравились. Затѣмъ она спросила о здоровьи, путешествіи и пріѣздѣ вашего величества въ Стокгольмъ.... Наконецъ она говорила о Франціи и о моемъ пребываніи въ Саволаксѣ [1]). Послѣ этого представленія, стоившаго мнѣ гораздо болѣе чѣмъ какое-либо сраженіе съ непріятелями вашего величества, князь Голицынъ, камергеръ, повелъ меня въ Эрмитажъ. Мои кавалеры уже были тамъ, и ихъ представили императрицѣ, которая сказала имъ нѣсколько словъ. Между тѣмъ меня посадили на скамью вмѣстѣ съ другими министрами. Екатерина сидѣла между императорскимъ посланникомъ Кобенцлемъ и великими князьями Александромъ и Константиномъ. Давали оперу „Танкредъ“.... Спектакли обыкновенно бываютъ по четвергамъ, но на этотъ разъ, говорятъ, по случаю моей аудіенціи, представленіе было отложено до пятницы.... Въ воскресенье было торжественное празднество мира.... Назначеніе наградъ было тайною.... Принцъ Пассау получилъ богатую шпагу, украшенную брилліантами, но былъ недоволенъ, ожидавъ большей награды.... Марковъ ничего не получилъ, хотя ожидалъ многаго и въ этотъ день чванился болѣе обыкновеннаго [2])... Говорятъ, что награды были бы еще гораздо болѣе щедрыми, если бы князь Потемкинъ не обратилъ вниманія императрицы на то, что раздавал слишкомъ щедро награды теперь, она послѣ заключенія мира съ Оттоманскою Портою не будетъ въ состояніи наградить надлежащимъ образомъ офицеровъ, служащихъ въ арміи, дѣйствующей противъ Турокъ.... Вчера я былъ представленъ великому князю наслѣднику.... На балу у наслѣдника намъ всѣмъ роздали золотыя медали, цѣнностью въ 30 червонцевъ. Императрица сѣла за карточный столъ со мною, графомъ Кобенцлемъ и графомъ Салтыковымъ.... Затѣмъ я ужиналъ за однимъ столомъ съ императрицею....

„Не смотря на хорошій пріемъ, оказанный мнѣ, я предвижу, что какъ скоро прійдется говорить о дѣлахъ, явятся затрудненія; дворъ раздѣленъ на партіи... Только въ одномъ всѣ согласны... въ высокомъ мнѣніи о себѣ, о своей силѣ, о своемъ величіи, и въ убѣжденіи, что ни въ чемъ нельзя уступить: такъ думаетъ и сама императрица. Единственное средство заключается въ томъ, чтобы снискать личное расположеніе императрицы, задѣть ея самолюбіе,

---

[1]) «Des fatigues que j'avais dû essuyer en Savolax, et qu'elle a dit depuis être écrites sur mon visage (remarque, dont je ne me soucie pas infiniment)».

[2]) Изъ *Колотова*, IV, 121, и изъ записокъ Храповицкаго, 5-го августа 1791 года, видно, что ему пожаловано 1.132 души въ Могилевской губерніи.

ел великодушіе, ея чувство. Не подлежитъ сомнѣнію, что она въ восхищеніи отъ мира съ вашимъ величествомъ и падѣется на болѣе тѣсный союзъ съ Швеціей. Потемкинъ раздѣляетъ эту надежду. Онъ писалъ на дняхъ къ императрицѣ, что чрезвычайно радъ миру, и что съ тѣхъ поръ, какъ началась Шведская война, онъ, зная о пребываніи непріятеля близъ столицы, не спалъ спокойно по ночамъ и проводилъ дни въ крайнемъ безпокойствѣ. Впрочемъ можно судить о степени этого безпокойства по тому обстоятельству, что онъ не хотѣлъ уступить ни одного полка изъ своего войска, состоящаго изъ 100.000 человѣкъ, и что наконецъ четыре полка, взятые у него, послужили только къ тому, чтобы прикрывать транспортъ нашихъ плѣнныхъ.

„Графъ Паленъ скоро уѣдетъ; его удерживали пока здѣсь, кажется, для того чтобы видѣть, въ какой обстановкѣ я пріѣду сюда, и затѣмъ соблюсти одинаковыя формы. Еслибъ я пріѣхалъ сюда въ званіи посла, онъ отправился бы въ Стокгольмъ въ такомъ же званіи... Изъ одного замѣчанія г. Игельстрёма я увидѣлъ, что отъ воли вашего величества зависитъ постоянно имѣть при вашемъ дворѣ русскаго посла... Не знаю, желаетъ ли самъ г. Игельстрёмъ отправиться въ Стокгольмъ; но о г. Штакельбергѣ я это положительно знаю. Графъ Паленъ останется тамъ только нѣсколько мѣсяцевъ.

„$^{\text{25-го ноября}}_{\text{6-го декабря}}$. Вчера г. Игельстрёмъ назначенъ посломъ въ Стокгольмъ... Здѣсь всѣ убѣждены, что я буду назначенъ также посломъ при здѣшнемъ дворѣ. Меня осыпали любезностями. Но едва я успѣлъ объявить, что на эту должность, вѣроятно, будетъ назначенъ баронъ Таубе, какъ всѣ стали ко мнѣ холодны и равнодушны... Вчера я былъ у барона Игельстрёма: ему назначено 20.000 руб. на подъемъ и 4.500 руб. помѣсячно; но по его разчету ему нужно 50.000 руб. на подъемъ, и я думаю, что онъ получитъ эту сумму; правда, что сюда включены 15.000 руб. для покупки драгоцѣнныхъ вещей. Эта статья меня удивила. Онъ мнѣ объяснилъ, что посолъ долженъ имѣть перстень, цѣпочку для часовъ и табакерку съ брилліантами... Эта московская логика (logique moscovite) меня не убѣдила, но я долженъ былъ уступить. Онъ будетъ имѣть двѣ парадныя кареты съ шестерней каждая, 8 офицеровъ, 2 скороходовъ, 2 егерей, 2 гайдуковъ, 2 гусаръ, нѣсколько лакеевъ, 4 посольскихъ кавалеровъ, одного секретаря, 3 секретарей втораго класса, 4 или 6 адъютантовъ, 4 курьеровъ; ему нуженъ домъ, какого не найдти въ Стокгольмѣ, и еще много другихъ квартиръ. Таково мнѣніе здѣшнее объ обстановкѣ посла.

„Бесѣдуя съ графомъ Безбородко, я намекнулъ о Туркахъ въ томъ смыслѣ, какъ ваше величество изволили желать. Это здѣсь самая нѣжная струна. Едва дотронешься до нея, какъ она вся задрожитъ. Главное то, что Потемкинъ предоставилъ эти дѣла исключительно самому себѣ, и горе тому министру, который вздумалъ бы вмѣшаться въ оныя. Императрица со всею настойчивостью своего пола и своего характера поддерживаетъ его мнѣніе. Онъ хочетъ Очакова, окрестныхъ степей и мира безъ чьего-либо вмѣшательства; быть можетъ, все, чего можно еще достигнуть, состояло бы въ условіи на всегда оставить Очаковъ въ неукрѣпленномъ видѣ. Императрица скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ подданнымъ и послѣднимъ рублемъ, чѣмъ допуститъ посредничество Пруссіи“ [1]).

[1]) Sted., Mém., I, 289—317.

Такимъ образомъ, казалось, отношенія между Россіей и Швеціей были дружескими. Англійскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Робертъ Листонъ пишетъ онъ $^{16}/_{27}$-го ноября 1790 года: „Съ Россіей все идетъ хорошо; письма императрицы наполнены самыми ласковыми и искренними выраженіями. Г. Стединкъ жалуется на то, что король въ своей перепискѣ отказывается отъ окончательнаго опредѣленія нѣкоторыхъ условій мира, которыя Стединку кажутся важными. Меня увѣряютъ, что послѣдній курьеръ привезъ отъ императрицы благопріятный отвѣтъ на выраженныя королемъ желанія, и что касательно денегъ она обѣщала заплатить королю, кромѣ годичной субсидіи, еще два милліона рублей тотчасъ же, чтобъ освободить его отъ настоящихъ затрудненій“ [1]).

Между тѣмъ какъ французская революція все болѣе и болѣе возбуждала вниманіе Европы, русское правительство хотѣло заняться польскимъ вопросомъ. Густавъ III изъявилъ готовность, при помощи русскихъ субсидій, воевать съ революціонною Франціей. Этотъ вопросъ сдѣлался важнѣйшимъ предметомъ дипломатической дѣятельности Стединка и переписки между Густавомъ и Екатериною. Стединкъ, личный другъ французскаго королевскаго семейства, охотно содѣйствовалъ къ образованію коалиціи противъ революціонной Франціи. Страсть къ приключеніямъ неугомоннаго Густава, готоваго рѣшиться на столь отдаленное предпріятіе, вполнѣ согласовалась съ интересами Россіи [2]). И дѣйствительно, Екатерина могла быть довольна. 15-го декабря 1790 года она сказала: „Довольна твердостью въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и имперія Россійская не похожа на Вѣнскій дворъ“ [3]).

Подробный разказъ о томъ, какъ между Россіей и Швеціей состоялся договоръ противъ Франціи, выходилъ бы изъ предѣловъ нашего повѣствованія. За то мы не можемъ не обратить вниманія на то, что въ то же самое время, когда велись переговоры по французскимъ дѣламъ, считали возможнымъ новый разрывъ между Россіей и Швеціей.

---

[1]) *Herrmann* in *Raumers* Taschenb. 1857 года, 496.

[2]) *Geffroy*, l. c., 683, укоряетъ Густава за то, что онъ забылъ «la grave négociation d'un traité pendante depuis la paix temporaire de Werela; elle (Екатерина) comprit bien que de si puissantes diversions lui permettraient de ne signer le traité qu' à son heure et d'imposer pour le point si important du réglement de la frontière finlandaise, toutes les conditions qu'elle souhaitait».

[3]) Записки Храповицкаго.

Въ продолженіе зимы 1790—1791 года Швеція вооружалась. Наблюдая за этими вооруженіями, графъ Л. Е. Сиверсъ, не предвидѣлъ ничего хорошаго со стороны Густава и въ письмѣ къ своей дочери объяснилъ, что онъ надѣется только на мудрость императрицы. О Густавѣ онъ писалъ: „Его можно купить, и я надѣюсь, что его купятъ, лишь бы были деньги. Но у Англичанъ больше гиней, чѣмъ у насъ рублей. Вотъ это-то и плохо“ [1]). И эти опасенія, какъ видно изъ записокъ Храповицкаго, не были лишены основанія. 2-го февраля 1791 г. онъ пишетъ: „Получено съ курьеромъ письмо барона Палена отъ 24-го января (4-го февраля): Шведскій король имѣетъ предложеніе отъ Англіи: говорилъ формально съ барономъ Паленомъ, чтобъ мы рѣшились и не принудили его принять партію, ему противную. Армфельдъ изъяснялъ, что Англичане подбиваютъ короля, чтобъ 1-е, вооружался противъ насъ, или 2-е, далъ свои корабли въ соединеніе съ ними, или 3-е, далъ бы имъ свой военный портъ, и за все то платить наличными деньгами. Но мы прежде отвѣчали съ курьеромъ 18-го января, ergo тамъ успокоились. Тутъ мнѣ сказано, что король просилъ денегъ... „Я сказала Стединку, что ежели дойдетъ до дѣла, то шведскую армію и флотъ беру я на свое содержаніе; изъяснила ему свои правила, а онъ, вставъ со стула и поцѣловавъ мою руку, отвѣчалъ, что никогда противъ меня воевать не будетъ. Замѣтить еще, что Шведскій король воспитанъ Французомъ и не терпитъ Англичанъ“ [2]). Изъ всего этого видно, что въ Петербургѣ не совсѣмъ надѣялись на Густава. Въ апрѣлѣ 1791 года Суворовъ былъ даже отправленъ осматривать шведскую границу [3]). Когда лѣтомъ 1791 года принцъ Нассау, съ галернымъ флотомъ и войскомъ въ 6.000 человѣкъ, присталъ къ берегу Финляндіи, жители одного изъ шведскихъ селеній оставили свои

[1]) *Blum*, II, 531: «Sievers erklärte der Töchter er setze um so weniger Hoffnung auf die Weisheit des kleinen Alexanders des Nordens...des Fischers im Frühen».

[2]) Зап. Храп. 6-го февраля: «Турки... хотятъ продолжать войну обще съ Пруссіей и Польшею. Король Прусскій къ тому готовъ; ждутъ послѣдняго отзыва Англіи, которая къ тому же наклонна и подущаетъ уже Шведа». 10-го февраля: «Открывается главное къ намъ недоброжелательство отъ Англіи, и на Данію полагаться не можно». 11-го февраля: «Возвратился нашъ курьеръ отъ барона Палена. Король къ намъ преклоненъ и прислалъ проектъ трактата... Мункъ и Франкъ подкуплены Англичанами, одинъ Армфельдъ съ нашей стороны. Сказано: «il faut finir cela».

[3]) «Недовѣрчивость къ Шведскому королю внушилъ князь» (Потемкинъ). Зап. Храп. 26-го апрѣля 1791 года.

жилища. Императрица объяснила Стединку, что флотъ и войско назначены только для маневровъ, между тѣмъ какъ они были употреблены для строенія крѣпостей и должны были прикрывать оныя. Въ то же время и изъ Свеаборга вышли 3 баркаса, чтобы занять постъ у шведскихъ шхеръ, и была отправлена еще яхта для наблюденія [1]). Между тѣмъ продолжались переговоры съ Густавомъ о войнѣ противъ Франціи. Въ іюлѣ 1791 года, по полученіи письма отъ Палена изъ Стокгольма, Екатерина сказала: „Дайте мнѣ кончить съ Турками, и тогда я съ Шведскимъ королемъ раздѣлаюсь. Можно ли удовлетворить его требованія? Хочетъ и денегъ, и половину Финляндіи. Я рада, что на время могла его занять французскими дѣлами“ [2]). Въ августѣ узнали, что Густавъ изъ Ахена, гдѣ онъ находился тогда, хотѣлъ проѣхать въ Лондонъ, но какъ говоритъ Храповицкій, „сіе отклонено (Англичанами), потому что не хотѣли видѣть того, кого обманули два раза: 1) при наущеніи на войну съ нами, 2) нынѣ при началѣ англійскаго противъ насъ вооруженія, ибо были переговоры, на коп Шведскій король очень подавался; но коль скоро Питтъ увидѣлъ народную противность, то велѣлъ прервать негоціяцію“ [3]).

Только осенью, наконецъ, былъ подписанъ договоръ съ королемъ Шведскимъ. Съ тѣхъ поръ до самой кончины Густава Екатерина оставалась съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ. И послѣ внезапной смерти Густава, при Екатеринѣ II войны съ Швеціей не было. Войною 1788—1790 года Густавъ отсрочилъ для Швеціи уступку остальной части Финляндіи Россіи. Преобразованіемъ шведской конституціи, результаты котораго были наконецъ признаны и Россіей, онъ обезпечилъ на время цѣлость шведской монархіи и навсегда самостоятельность ея политической жизни, между тѣмъ какъ около того же времени попытка политической реформы въ Польшѣ оказалась безуспѣшною. При вступленіи на престолъ Густава IV, когда Карлъ Сюдерманландскій сдѣлался регентомъ, никто въ Швеціи не отказался присягнуть королю согласно съ постановленіями сейма 1789 года. Со времени войны 1788—1790 года политика Россіи въ отношеніи къ Швеціи должна была измѣниться, и хотя при императорѣ Александрѣ I присоединеніемъ всей Финляндіи къ Россіи балтійскій вопросъ былъ доведенъ до извѣстнаго окончанія въ пользу Россіи, однако и Швеція

[1]) *Колотовъ*, IV, 254.

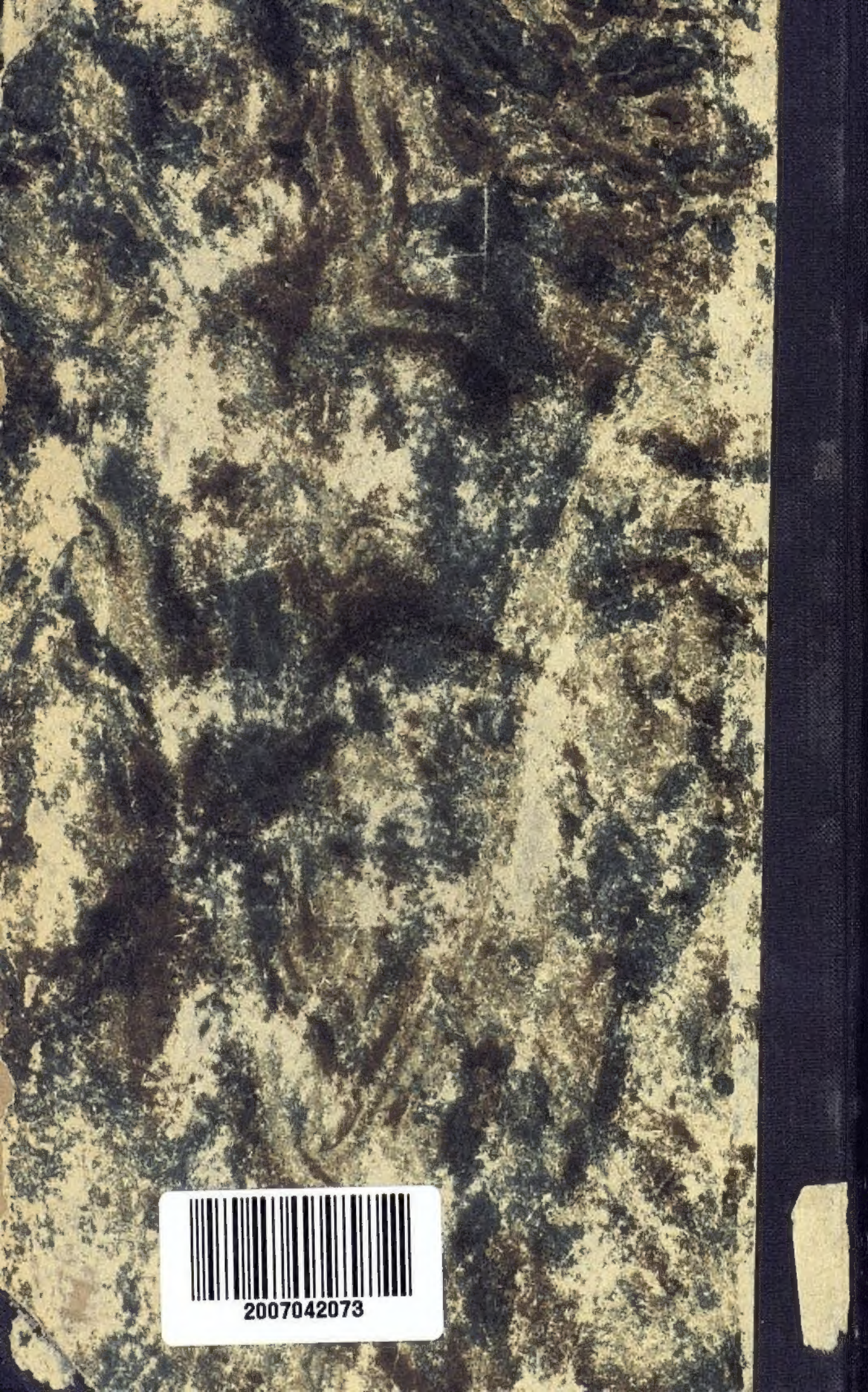
[2]) Зап. Храп. 30-го іюля.

[3]) Зап. Храп., 8-го августа.

могла быть довольна тѣмъ, что смѣлые подвиги Густава III какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ заставили сосѣдей Швеціи отказаться отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ ея дѣла и спасли ее отъ участи, постигшей Польшу. Таково было въ особенности значеніе войны 1788—90 года.

30

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
квартр. № 3.


2007042073